

ЮЖНЫЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Journal of metadisciplinary research
The POLITICAL CONCEPTOLOGY

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ:
журнал метадисциплинарных исследований

Ростов-на-Дону

2018 г. № 4

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОЛОГИИ
Института философии и социально-политических наук

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ:
журнал междисциплинарных исследований

2018. № 4

(октябрь-декабрь)

Научный журнал
Издаётся с 2009 года

Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований

Научно-аналитическое издание

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации: Эл № ФС77-32422 от 09 июня 2008 г.

ISSN 2218-5518

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет»

Редакционная коллегия:

Главный редактор: *В.П. Макаренко*, доктор политических и философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, академик Академии педагогических наук Украины

Заместитель главного редактора: *С.П. Поцелуев*, доктор политических наук, доцент

Заместитель главного редактора: *М.С. Константинов*, кандидат политических наук

Ответственный секретарь: *Т.А. Халилов*, кандидат политических наук

Редакционный совет:

Председатель – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор
А.В. Лубский (Ростов-на-Дону)

Доктор политических наук, доцент *А.И. Бардаков* (Волгоград)

Доктор экономических наук, профессор *В.В. Вольчик* (Ростов-на-Дону)

Доктор политических наук, профессор *И.И. Глебова* (Москва)

Профессор ординарный, доктор габилитованы *Анджей Захариаш* (Жешов, Польша)

Доктор политических наук, профессор *В.С. Малахов* (Москва)

Доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
О.Ю. Мамедов (Ростов-на-Дону)

Доктор юридических наук, профессор *А.В. Оболонский* (Москва)

Доктор экономических наук, профессор *А.Н. Олейник* (Москва, Ньюфаундленд, Канада)

Доктор политических наук, профессор, действительный член РАН *Ю.С. Пивоваров* (Москва)

Доктор философских наук, профессор *Н.С. Розов* (Новосибирск)

Доктор философских наук, профессор *В.В. Савчук* (Санкт-Петербург)

Доктор исторических наук, профессор *В.Н. Ткаченко* (Киев, Украина)

Доктор философских наук, профессор *С.Г. Чукин* (Санкт-Петербург)

Доктор философских наук, кандидат психологических наук *В.А. Шкуратов* (Ростов-на-Дону)

Доктор исторических наук, профессор *В.А. Шнирельман* (Москва)

Электронная версия журнала: <http://politconcept.sfedu.ru>

Адрес учредителя:

344006, г. Ростов-на-Дону
ул. Б. Садовая, 105
тел.: (863) 263 3158 263 8498
факс: (863) 264 5255
e-mail: rectorat@sfedu.ru

Адрес редакции:

344065, г. Ростов-на-Дону
ул. Днепровский, 116, к. 116
тел. (863) 290-10-93
факс: (863) 264-52-55
e-mail: konstantinov@sfedu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОЛОГИИ

Рубцов А.В.

Цивилизационный выбор в постсоветском контексте: реальные и ложные цели..... 6

Кузнецов А.М.

Некоторые общие проблемы теории и методологии анализа воспроизводства общественно-политических систем..... 22

Летняков Д.Э.

Антикоммунистическая революция 1991 г.: к демаргинализации термина..... 32

Рац М.В., Котельников С.И., Слепцов Б.Г.

Власть или управление? 6. Вместо заключения. Чего мы хотим от власти и что должны делать сами, чтобы реализовать свои пожелания?..... 48

ЖИВОЕ ПРОШЛОЕ

Давыдов А.П.

Россия: социокультурные основания московско-ордынского политарного властно-управленческого комплекса (XII в. – 1917 гг.)..... 80

Дерлугьян Г.М.

Горские князья, партвыдвиженцы и помидорщики: двести лет социальной эволюции адыгейских элит..... 99

НАУКА И ВЛАСТЬ

Синельникова Е.Ф.

Законодательно-нормативные основы взаимоотношений власти и научных обществ в первые послереволюционные годы..... 133

Рижинашвили А.Л., Волкова А.С.

«Защитная окраска» в гидробиологии: компромисс ученого между идеологией покорения и природоохранными установками в 1930-е – 1940-е гг. в СССР..... 143

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ РЕПОРТАЖ

Клямкин И.М.

Мониторинг политических событий: факты и комментарии..... 154

КАФЕДРА: СОВРЕМЕННЫЕ ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ

Шашкова Я.Ю., Девятярова А.И.

Особенности институциональной роли партий в Российской Федерации..... 180

Любарев А.Е., Шпагин С.А.

Партийная реформа и динамика межпартийной конкуренции на региональных выборах 2012–2018 гг..... 189

<i>Коргунюк Ю.Г.</i> Партийная реформа и изменения в структуре электоральных размежеваний.....	208
<i>Михалева Г.М.</i> Партийная реформа и региональные партийные системы.....	236
<i>Киселев К.В.</i> Свердловская область: нетипичная типичность.....	246
<i>Шашкова Я.Ю.</i> Партии и выборы в Алтайском крае в 1990-х – начале 2010-х гг.....	259
<i>Перфильев Ю.С.</i> Выборы в Законодательное собрание Иркутской области 2013 г.....	267
<i>Евдокимов Н.А.</i> Политические партии после региональных выборов 2013 г. в Башкортостане.....	278

ПАМЯТИ В.В. БИБИХИНА

<i>Неретина С.С.</i> О приемах мыслящей речи В.В. Бибихина.....	284
<i>Бибихин В.В.</i> Отрывок из первого раздела книги: Введение в философию права. — М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2013.....	290

КНИЖНАЯ ПОЛКА

<i>Чебану К.В.</i> Введение в чтение Батлер (Рецензия на книгу: Ирина Жеребкина, Сергей Жеребкин. Война и мир Джудит Батлер. — Спб.: Алетейя, 2018. — 157 с.).....	318
Наши авторы	325
Summaries and keywords	327
Contents	334
К сведению авторов	336

Общие проблемы
политической концептологии

**ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ВЫБОР
В ПОСТСОВЕТСКОМ КОНТЕКСТЕ:
РЕАЛЬНЫЕ И ЛОЖНЫЕ ЦЕЛИ**

А.В. Рубцов
Институт философии РАН

Аннотация: В статье рассматривается проблема цивилизационного выбора, связанного с необходимостью смены вектора развития — преодоления фатальной зависимости от экспорта сырья и импорта товаров и технологий. Анализируются институциональные и политические причины скрытого ухода от данной проблемы и замещения её тематикой своего рода консервативного идеализма с явным традиционалистский уклоном. Идеология амбициозного сырьевого прироста рассматривается в свете освоения внешних черт постколониального сознания с признаками нарциссического расстройства, в том числе в бессубъектных структурах. Выявлены симуляции самобытности в такого рода идеологии, все более исчерпывающие себя в условиях поиска выхода из постмодерна.

Ключевые слова: цивилизационный выбор, сырьевая зависимость, смена вектора развития, смены курса официальной идеологии, постколониализм, нарциссические расстройства на субъектном и бессубъектном уровне, выход из постмодерна.

Предыдущая статья на тему цивилизационного выбора России была посвящена развилкам в истории и в мозгах — условиям задачи и коррекции оптики [Рубцов 2018в]. Сильные обобщения при слабых связях с обстоятельствами времени и места сбивают фокусировку: полемика упирается в широкие горизонты, аккуратно обходя близкие, но болезненные темы, определяющие цивилизационный выбор как политический — здесь и сейчас. Поскольку самые правильные и точные вопросы к политике выглядят сейчас и самыми вызывающими, чуткая самоцензура исправно зачищает все, что может омрачить общую атмосферу подъема и ликования. Эта отвлеченность удобна всем. Она позволяет ученым заниматься любимым делом, не портя отношений с властью. И она удобна власти: свет такого знания и шум в теории помогают на практике манипулировать реальным выбором страны тихо и в тени.

1. Пропущенные вызовы

Ровно 10 лет назад исторический вызов для России был сформулирован одновременно и независимой экспертизой, и в программных документах власти. В самых разных контек-

*стах речь шла о кризисе ресурсной модели и вызове догоняющей модернизации. Сейчас, когда в процесс вмешалась гиперактивная внешняя политика и все резко ускорилось, рассуждения о коллапсе сырьевой модели приобретают прямое денежное выражение. Предметом калькуляции становится конфликт между котировками нефти и стоимостью симуляции нового могущества. Парадокс в том, что чем ниже цена нефти, тем больших объемов требует и дороже обходится вся эта физкультура вставания с колен. И это закономерно: священная война против несправедливости в распределении державного величия в мире отвлекает от несправедливости в распределении богатства и нищеты внутри страны. Более того, имитация нового величия необходима для прикрытия провалов в экономике, бюджете и социальной сфере, неизбежных при такой политике экспорта нефти и беспорядка. Хаотизация мира дорого обходится одновременно и платой за вмешательство, и подрывом того самого ресурса, которым вся эта активность оплачена. Этот контур с отрицательной обратной связью ещё более осложняет пребывание страны в тупике «нефтедобывающей цивилизации». И если это не вызов времени, которым определяется исторический выбор *hik et punk*, то можно успокоиться: тогда у России в этой жизни выбора нет вообще.*

Политика опережает технологии

Ресурсная модель, сырьевой вектор, инерционные сценарии — все это категории вчерашнего дня, но и безальтернативность дня сегодняшнего, в реалиях и в тренде. Даже такие панические метафоры, как необходимость «снять с нефтяной иглы», вызывают устойчивое привыкание: оказывается, можно сидеть на «игле» и дальше, если в нарастающих дозировках включать ещё и другие — идеологические и социально-психологические нейролептики.

Стратегическая исчерпанность «сырьевого» проекта признана давно, но тупик оказался ближе, чем рассчитывали. Экономический и политический потенциал экспорта сырья и связанной с ним надстройки на пределе исчерпания уже сейчас. Он колеблется с ценой на нефть и может даже входить в плюс, но сами эти колебания слабо контролируемы и весьма опасны. Режим входит в зону рисков с неприемлемым ущербом, когда приходится просчитывать и брать за основу варианты, пусть не самые вероятные, но потенциально разрушительные (так считают риски на подкритических сборках ядерных установок). Сейчас в реальном времени начинают сбываться пророчества, ещё вчера одновременно и казавшиеся алармизмом, и представлявшие официальную точку зрения. В 2007 году один из кандидатов на роль путинского местоблюстителя в простоте душевной, но и вполне в духе того времени заявил: «Технико-внедренческие зоны спасут страну, когда обрушится сырьевая экономика». Теперь наверху так не говорят, но и прежних слов не опровергают, поскольку горизонт стратегического планирования сжался до нескольких лет: дальше заглядывать просто не хочется.

Приближению критической отметки власть способствовала своими же экспериментами. Политические авантюры сегодня подрывают то, что ещё только завтра должны были обрушить сверхновые технологии, способные резко изменить сырьевую и энергетическую конъюнктуру. В результате ситуация становится тупиковой в силу не только стратегической, но и тактической, оперативной исчерпанности модели. Противодействие новейшему стилю самоутверждения в мире, внешние репрессии и санкции, пока ещё частичная, но уже изоляция — все это с опережением выполняет историческую работу дешевого сланцевого газа, трудноизвлекаемой нефти альтернативной энергетики и прочих инноваций, способных изменить этот мир ресурсов. Плюс вялотекущая, но глубокая деградация институтов при неспособности режима что-либо всерьез менять на деле и в концепции. Уклоняясь от стратегических решений, руководство мужественно оттягивает конец, тем самым его только приближая.

Потом не получится делать вид, что коллапс ресурсной модели подкрался незаметно. На всех уровнях было сказано и не раз, что при любых колебаниях конъюнктуры это вопрос времени. Остается лишь добавить, что необходимая для элементарного выживания несырьевая альтернатива, если и возникает, то не в один день, месяц и даже год. Если учитывать инерцию воспроизводства человеческого материала (хотя бы только квалификации), то по большому счёту это уже вопрос смены поколений¹. Ресурсный социум, энергетическая сверхдержава, нефтедобывающая цивилизация, импортозамещение по-русски — со всем этим необходимо было разбираться раньше и из затакта, с учетом медленного разгона, пробуксовок и времени на коррекцию, тем более смену модели. Однако все эти вызовы по большому счёту оказались в папке «пропущенные» — как в разряженном телефоне.

Теперь особо впечатлительные и внушаемые эксперты, не говоря о самой власти, через силу и буквально сквозь зубы цедят слово «модернизация», не так давно бывшее ключевым в определении выбора. Уже понятно, что на традиции и скрепах не получается собрать даже словарный запас идеологии, её «аннотацию» и «ключевые слова»), но вернуться к полноценно модернизационной лексике не позволяют, как минимум, амбиции и гордыня. Идеологическая услуга просто обязана постоянно генерировать что-то якобы новое: это её хлеб и востребованность. Однако нельзя не признать, что цифровая экономика, роботы, искусственный интеллект и прочие чудеса, включая непредсказуемые траектории полёта зарядов, — все это лишь слабые и упрощенные эвфемизмы недавних идей модернизации, преодоления отставания, смены модели и вектора. С точки зрения состава сколько-нибудь полного модернизационного проекта это типичная технократическая редукция, к тому же выборочная и фрагментарная.

Хуже того, пробуксовка все ещё продолжается «на задней передаче» — полным погружением в имперско-советское ретро. Страна смотрится в зеркало заднего вида, до отказа затянув ручной тормоз. Это расслабляет, поскольку с такой установкой можно даже скатываться назад, не теряя лица. В положении цейтнота и цугцванга обсуждение темы выбора становится все более невозмутимым и мечтательным — как сказал бы Борис Грушин, неторопливым. Аналитика уподобляется работе над энциклопедией или учебником. Преобладают размеренные штудии с философическими красотами и поднимающими самооценку экскурсами в державное прошлое. Теперь про цивилизационный выбор известно все, кроме одного: что с ним делать в России, в этой жизни, сегодня и завтра. Тем более послезавтра.

Отвлекающие маневры

Страх перед революцией перерастает в подкожный страх перед изменениями как таковыми. Случай классический: сначала «застойные явления», потом полноценный застой. Культ неизменности в истории веков прикрывает установку власти на выживание со счетом на годы. Ставка делается не на развитие, а на проникающую идеологию и подавляющую силовую защиту. Круговая оборона позволяет обездвижить страну, не отвечая за результат всеобщего оцепенения. В итоге в экономике, политике и сознании образуются пролежни и очаги некроза, атрофируются главные органы двигательной активности. Все это, как выражались классики, «атмосферу не озонирует», однако стране и миру внушают, будто это и есть тот самый русский дух, который Русью пахнет.

---

¹ Все хуже, поскольку пропущен ещё один такт: чтобы производить инновации, надо сначала начать *производить*. Чтобы производить новое и сложное, надо восстановить способность производить старое и простое. Несырьевая альтернатива требует восстановления среднетехнологичных и среднеинновационных производств: в ситуации сырьевого коллапса гигантскую страну не спасут и десятки таких инновационных супер-гигантов, как Apple, Сколково или Роснано.

В этом режиме даже самые привычные темы превращаются в ложные цели. Мегаистория («истоки», проблема «колеи», «российский проект»), макрокультурология («цивилизационный код», «традиция и скрепы», «дух нации»), глобальная конспирология (зависть и страх конкурентов, «в кольце врагов», «война всех против нас») — все это более походит на сбивающие прицел муляжи. Дискурс с претензией считаться высоким на деле работает как оперативное прикрытие того реального выбора, который без объявления войны самим себе в фоновом режиме реализуется текущей политикой.

История Отечества с точки зрения практической идеологии все более напоминает недра – аналог нефтяных запасов. Однако это неистощимое наследие нынешним рантье на дивиденды от нефти и прошлого никто под растрату не завещал. Страна дожигает последние резервы, заливая глаза тем, насколько она «не Европа» и даже «не совсем Евразия», а вовсе отдельная цивилизация. Считается, что помимо углеводородов мы располагаем неисчерпаемыми залежами морали и спасительными цивилизационными кодами, которые, правда, пока никем толком не прочитаны. Полный аналог загадочных «традиционных российских ценностей», которые можно превозносить до небес в общем виде, но нельзя перечислить².

Все это является результатом планового управления повесткой, включённом теневой идеологией на полную мощность. Новое мифотворчество оберегает от лишних травм и без того невротизированную психику общества. Реабилитация идеологии заново воссоздаёт универсальную машину идеализации всего, включая любые зигзаги курса. В самооценках власти и массы неизменно слышится формула сомелье из общепита: «Прекрасный выбор!». Однако повышенная комфортность сегодня, не гарантирует, что такой выбор не окажется ошибочным или даже трагически несостоятельным завтра. Скорее наоборот: выбору клиента обычно льстят, когда впаривают брак или залежалое.

2. Постколониализм в ситуации постмодерна

Выбор пути сейчас актуален для страны в диапазоне между вопросами философии и проблемами выживания³. Времени на разворот все меньше, если оно вообще осталось, но сырьевой придачок отчаянно отмечает последние триумфы. Такого сгущения празднеств и мероприятий не было нигде и никогда, от Древнего Рима до Кубы. Страна живет в атмосфере, будто смешавшей все возможные парады, торжественные заседания, концерты, гуляния, вручения, карнавалы, сатурналии и опенэйры. Ничего не менять — тоже выбор, однако атмосфера празднования всего подряд уже не столько радует, сколько пугает. В зажженной пламя тоже ярко вспыхивает перед тем, как кончится газ. Вопрос лишь в том, что в постмодерне такой «хлопок» может длиться долго и выглядеть как нормальное состояние.

Два постколониализма: самокритика метрополии и амбиции аборигенов

Проблему выбора чаще всего обсуждают так, будто вверенные нам язык, логика и система представлений вечны и единственно возможны. Между тем, это всего лишь язык Модерна, в своей определенности однажды возникший, а сейчас уже далеко не всегда и не во всем переводимый на язык новых реалий. Мир в целом живет скорее духом постмодерна, включая всех тех, кто об этом не слышал, это слово не выговаривает или ненавидит. В целом

² Это общий формат «однослойных» идеологий: обложка, под которой много пустых страниц. Список традиционных российских ценностей пытались сделать в Минкульте под Концепцию государственной культурной политики, но получилась лишь пародия на отечественную мораль, якобы выгодно отличающуюся именно «целомудрием» и «нестыжательством», особенно сейчас.

³ Веер возможностей см., в частности: Сорокин 2002.

это тоже «другая цивилизация». Но этого часто не замечают, и структуры сознания, перетянутые сюда из прошлой эпохи, порождают ложные оценки и пустые иллюзии. Дороги, которые мы выбираем, давно отсутствуют в жизни и даже на картах.

Классика теории прогресса полагает, что цивилизации развиваются в логике кумулятивного восхождения и могут быть систематизированы как целостные образцы, однозначно атрибутируемые и поддающиеся отчетливой классификации, подобно стилям в теории и истории искусства. Мир будто «нарезан» на отдельные цивилизации⁴. В постмодерне ничего этого нет: напрочь дискредитированы идеи восходящего развития, замкнутых культурных гештальтов и бинарных оппозиций типа «высокое — низкое», «прогресс — регресс», «передовое — отсталое» и т. п. Когда-то строгое распределение цивилизаций по странам и сторонам света стало дробным и всеядным. География больших локусов стала лоскутной. Суть новой организованности — комбинаторика и эклектика, заимствования и диффузное взаимопроникновение. Было бы странно, если бы в этой новой картине мира только цивилизации избежали такого изменения стиля и принципов сборки.

Россия в этом плане — образец смещения когда-то несовместимого. И не только она. Полный математической эконометрии китайский доклад «Модернизация в мире и Китае» открывается поэтическим образом: спускаясь с гор, великая Янцзы последовательно проходит все четыре этапа развития цивилизации — от примитивно-традиционного общества в верховьях через аграрные и индустриальные «эпохи» среднего течения до постиндустриальных анклавов при впадении в океан⁵. Но как метафора цивилизации это «одна река», связанная не только нисходящими, но и восходящими потоками. В Шанхае есть свой Тибет, но и в Тибете уже есть отзвуки Шанхая.

В России подобные расклады можно увидеть и в диспозиции центра и периферии, столиц и регионов (различия здесь почти как между истоком Янцзы и сверхсовременным шанхайским районом Пудун), но и на одном пяточке, при величественном слиянии Неглинки и Москва-реки. Разница лишь в том, что китайцы хотя бы пытаются встроиться в новую глобальную реальность не только политически, но и концептуально, в новых парадигмах и обновлении языка⁶. У нас нечто подобное если и есть, то скорее в отвлеченной теории. В отрефлексированном виде постсовременный взгляд присутствует как предмет для описания извне, в лучшем случае как декларация, но не как рабочая оптика (подобно изучению микроскопа или телескопа, не заглядывая в бинокляр). Это встречается и у юных, и у стареющих неофитов постмодерна. В категоричности аргументов и оценок, в приподнятом пафосе и апелляциях к «очевидности классических определений» — во всем этом стиле вещания о постмодерне сквозит отъявленный модернизм с неистребимым уклоном в идеологию⁷.

Стиль Модерна — тотализация и иерархии. Иерархия культур — суть колониальных отношений, архитектуры социума и геометрии статусов. Есть высокая, продвинутая цивили-

⁴ Более сложные модели см., например: Шкаратан 2010. Однако и предлагаемая здесь концепция «мультилинейности», противопоставленная «монолинейной» унитарности процесса, предполагает наличие целостных, идентичных себе автономных образований. Здесь акцентируется плюрализм, но не сродки и не диффузия.

⁵ China 2010. Данное издание является сводным докладом, объединяющим результаты 10 лет исследований, проводимых под руководством д-ра Чуанци Хэ (Chuanqi He) специализированным центром Китайской академии наук (Research Group for China Modernization Strategies, China Center for Modernization Research, Chinese Academy of Sciences).

⁶ «Современные китайские культурные исследования и политическая, социальная и экономическая мысль пересматривают «западную» модель современности с критической точки зрения и предлагают новую постколониальную, постмодернистскую форму модернизации с китайской спецификой. Китайская критика современности является одновременно продуктом китайской истории и альтернативой «западным» парадигмам» [Seán 2008].

⁷ Конфликт между жесткой контридеологической установкой и конструктивным либо амбивалентным отношением к идеологии см. в кн.: Философия 2018.

зация — и есть «примитивные культуры». Их связывают соподчинение и патронаж плюс экономия неэквивалентного обмена. Школьная картинка про белых людей и обманутых аборигенов — злостный бартер: привозные безделушки обменивают на золото, камни, бивни и шкуры. Со временем меняется номенклатура обмениваемых товаров, но не «совесть» обмена. Воспроизводство таких рынков обеспечивается всеми доступными средствами, от военной экспансии до мерзостей «мягкой силы», плюс эксплуатация дешевого пролетариата и вывод грязных производств из экологических метрополий.

Казалось бы, такая иерархия в отношениях может быть сглажена, сведена к минимуму или даже устранена вовсе — но не более. Она не может быть перевернута с ног на голову так, чтобы колонии и метрополии менялись местами. На подобное издевательство над собой неспособна даже постколониальная цивилизация⁸, погрязшая в мучительной рефлексии, самокритике и покаянии во искупление.

Однако втягиваемый в цивилизацию абориген вполне может чувствовать себя здесь более хозяином, чем старожилы. Он разговаривает громче других и ведёт себя как хочет, демонстративно не считаясь с нормами и традициями места. Нередко трудно отделаться от впечатления, что выходцы из колоний или просто стран третьего мира ощущают себя в метрополиях новыми конкистадорами — если не первооткрывателями, то завоевателями. Начальное самоутверждение, происходящее от первой неловкости и чувства неполноценности, перерастает в доминанту хозяина, которому все всем обязаны, поскольку он освоился и уже этим покори⁹.

Тем более все может выглядеть иначе вплоть до наоборот в постмодернистской оптике. Кто был ничем в реалиях восходящего прогресса, тот становится всем в горизонтальном мире симулякров, поскольку первым и без комплексов осваивает отрыв виртуального от почвы. Новая мифология может быть по крайней мере не менее продуктивной политически, чем обмен разного рода материальными и даже интеллектуальными ресурсами.

Реакция бывшей метрополии в такой ситуации бывает запоздалой и смягченной: «так трусами нас делает»... этика. Наглость примитива, встречаясь с самокопанием сложной цивилизации, часто побеждает — пусть даже очень локально и временно. В этом находят друг друга самокритичная мораль бывших метрополий и абсолютно несамокритичный пафос аборигена, встающего с колен с грузом застарелых комплексов и нового «кессонного» синдрома. Суть дела не меняется, если этот резкий подъем существует лишь в «воображаемом» и «символическом» опущенного придатка, но не в «реальном»¹⁰.

Вместе с тем, здесь всегда присутствует за кадром и силовая составляющая. Строго говоря, конечным пунктом в этом контуре отношений оказываются не сырье, а заряды. На крайний случай в распоряжении сырьевого экспортера пока ещё остается последний аргумент, с непредсказуемой траекторией мозгов и ракет — но это уже совершенно отдельный случай. Применительно к взаимодействию цивилизаций в новейших условиях об этом гово-

⁸ См.: McLeod 2010.

⁹ Далее все в дозированном и полурасстворенном виде развивается по одной из классических логик: в современном и одновременно постсовременном мире асабии формируют давлу, мулк и прочие институты солидарности и доминации — и как анклав, и как диффузную составляющую. Они, подобно средневековым бедуинам, более устойчивы к опасностям, к ситуации риска и бескомпромиссной борьбе за выживание, поэтому побеждают «горожан» на их же территории. Ибн Хальдун считал, что асабия как форма солидарной энергетики играет особую роль на начальных этапах становления цивилизаций, однако мы видим, что они вновь набирают силу и на закате цивилизационных циклов. В же время в новых формах сохраняется собственный цикл асабий, разлагающихся через 4–5 поколений под воздействием внутренних противоречий. О применении модели к условиям современной России см.: Розов 2006.

¹⁰ Удобный случай для иллюстрации работы концептов «воображаемого», «символического» и «реального» [см.: Лакан 2006; Лакан 1999].

рят редко, а зря. Обвал сырьевой модели может протекать в разных формах и иметь разные последствия, в том числе «непредсказуемые».

Нарцисс с трубой, или Бремя белого человека в кокошнике

Необходимо отдавать себе полный отчёт в том, в какой мере качество и статус страны либо создаются (то есть обеспечиваются производством вещей, знания, культуры и пр.), либо приобретаются на стороне на средства добытые, но не заработанные производством высокой добавленной стоимости. Символически и упрощенно эту альтернативу можно обозначить так: люди или недра, фабрики или «качалки», завод или «труба». Россия конца XX – начала XXI века обменивает свои кажущиеся неисчерпаемыми природные богатства на технологии и девайсы, без которых от её импортируемой современности не останется и следа.

Однако зависимость в сырьевом экспорте/импорте отчасти взаимна, хотя и очень асимметрична. Это позволяет сырьевому экспортеру продуцировать в идеологии для внутреннего пользования свою, зеркальную инверсию неокOLONиализма. В этой безумно льстящей себе картине мира развитые страны поставляют России высокие технологии и авангардный хайтек за тяжелую нефть и нечистый газ, как раньше аборигены сдавали колонизаторам местные сокровища за стеклянные бусы. Бремя человека в кокошнике по отношению к людям в пробковых шлемах возвышает сырьевой придаток до статуса «энергетической сверхдержавы» с гигантскими запасами природного самомнения и газа.

В этот обмен может быть также включена как предмет торга неполная отвязанность мирового хулигана, гуляющего по миру с установкой «убийство драке не помеха». Его премируют за ограниченный самоконтроль с элементами шантажа и блефа (опыт КНДР здесь яркий, но не единственный). Лев Гумилёв был бы счастлив: пассионарность и в нереализованном виде становится торгуемым ресурсом. Сейчас она торгуется в самых разных видах, в том числе как сугубо потенциальная энергия мегаломании и хорошо вооруженного бреда величия.

Со временем здесь все более явственно проявляет себя характерная симптоматика НРЛ – нарциссического расстройства личности (со всеми необходимыми оговорками о корректности трансгрессии личностной психопатологии в политический процесс). Доминантой отношения к миру становится философия собственной грандиозности и всемогущественности, якобы врожденных преимуществ и подавляющего превосходства при нулевой эмпатии и чисто потребительском, инструментальном отношении к другим. Сырьевая «колония», какой по сути и является любой придаток, перехватывает падающее знамя самомнения метрополии — и зарабатывает на этом ту или иную форму патологии.

Эту терминологию в данном случае вовсе не обязательно понимать буквально и обсуждать диагноз в собственно медицинском смысле. Но речь идёт о симптоматике, которая без каких-либо сомнений и оговорок наблюдается в функционировании разного рода организаций и целых институтов, в том числе функционирующих в качестве бессубъектных образований. В этом плане можно говорить о политике, идеологии, пропаганде, дискурсе, форматах презентации вовне и т. п. Именно в этом режиме сейчас работает фактически вся мегамашина обработки сознания и бессознательного. Отдельные информационные фантомы собираются в идеологические галлюцинации и прочие нездоровые видения собственного великолепия. Все «видения совершенства» (Сартр) ловятся исследованием на не зависящих от сознания объективациях, непосредственно наблюдаемых анализом, если надо — шизоанализом. Теряющее меру самолюбование проступает в текстах официоза и буквально переливается через край в потоках массовой информации и пропаганды. Если это не диагноз в смысле

психопатологии, то жесткая констатация особенностей контента и стиля буквально всей идеологической коммуникации современной России и не только¹¹.

В острых случаях расстройство приобретает злокачественные формы вплоть до вспышек нарциссического гнева и нарциссической ярости, потери контакта с другими и реальностью. Такая фиксация на себе изящно обходит то обстоятельство, что сам концепт «энергетической сверхдержавы» отдаёт классическим *contradictio in adjecto*. Сырьевой экспорт плохо вяжется с понятием «держава», скорее отсылая к слову «придаток». «Державный придаток» — это звучит гордо, но странно.

Неверно также понимать нарциссизм исключительно как заболевание, тем более исключительно как заболевание личности. Подходы к коллективному нарциссизму были уже у Фрейда, и уже Фромм (как к нему ни относиться) сделал более чем достаточно для обоснования экстраполяции личностного нарциссизма в социальный. Если у Фрейда естественным и нормальным является, как минимум, первичный детский нарциссизм, то у Фромма нарциссизм лежит в основах самого человеческого существования и компенсирует человеку отсутствующие у него инстинкты, которыми спасаются животные. Строго говоря, и у самого Фрейда нарциссизм в потенции понимается предельно широко: само либидо подразделяется на «нарциссическое» и «объектное». Однако явление может быть распространено и на тот масштаб, что в разных смыслах и контекстах именуется «цивилизациями». Уже стало общим местом включение нарциссизма в комплекс определяющих черт постмодерна. Однако с не меньшим, если не с большим основанием можно утверждать, что почти насквозь нарциссичны и «цивилизация Модерна», и сам само пафос Нового времени как эпохи возвышенного самолюбования в величественных свершениях. Модерн — типичный нарцисс в ключевых для него категориях титанизма, богоравности человека, самоопределения самоценной и самодостаточной личности и т. п. Здесь присутствуют все базовые для нарциссизма определения грандиозности и всемогущести. На волне секуляризации в качестве отдельного института конституируется идеология — явный нарцисс с полной симптоматикой самомнения, фиксации на себе, и непереносимости критики. Наконец, Новое время считается «эпохой революций», тогда как революции — тоже типичные нарциссы среди прочих «жителей истории».

Вместе с тем, постмодерн также не случайно отмечается в наше время массовыми эпидемиями нарциссизма. Скорее здесь надо говорить о двух качественно разных и, возможно, в целом контрарных видах цивилизационного, общекультурного и социально-политического нарциссизма. Если Модерн это нарцисс высоких достижений, модернизации и меритократии, то постмодерн это скорее нарцисс демодернизации, паразитария на «современном», маргинального и самовлюбленности массы, в том числе с типичным идеализирующим переносом на великолепие и грандиозность большого целого.

---

¹¹ Достаточно проанализировать образы внешнего мира, транслируемые СМИ. За редкими и очень специальными исключениями руководители прочих государств представлены здесь фигурами слабыми и манипулируемыми особо сильной личностью, которой судьба наградила Россию. В заряженных пропагандой новостных агрегаторах главные сообщения блещут искусством заголовка: лучшие из которых свидетельствует, что Россия и её руководство в очередной раз кого-то безумно напугали и вызвали шок, опустили или заставили идти на поклон, обвели вокруг пальца, выкрутив ООН, ли руки и поставили на колени [типичные примеры, коих тьма: Мощный удар... 2018; Стало известно... 2018. Или так: Обезумевший Трамп... 2018]. При этом неважно, что под таким заголовком может быть пустышка, а разрекламированная победа может оказаться пирровой. Для массового пользования специально редактируются стенограммы официальных выступлений. Например, выступлениям постоянного представителя России в ООН целенаправленно и технично придаётся дополнительный налёт грубости и высокомерия. Отредактированная расшифровка может содержать выражения и целые абзацы, которых нет в видеозаписи... приводимой тут же, на том же ресурсе.

Как в этом контексте выглядит новейший политический нарциссизм в России и какие у него цивилизационные перспективы — отдельная тема¹². Однако уже из сказанного должно быть понятно, что это весьма специфическое сочетание нарциссизма, как он проявляется на общецивилизационном уровне, и расстройств, имеющих ряд местных особенностей, в том числе вызванных сугубо отечественными комплексами первичной обиды и обесценивания.

За порогом пост-колониализма

В представленных выше характеристиках и оценках не надо искать рецидивы колониальной психологии времён Киплинга. Скорее, наоборот, это предощущение разворота, восстанавливающего прежние диспозиции, но на новом витке и в ином качестве. Постколониализм в этом плане переживает трансформации, источником которых может быть проблема небывало тесного и, как выясняется, не всегда комфортного сосуществования этносов и культур или, например, адаптации беженцев. Речь не о проектах закрытия границ, строительства стен и депортации чужих, но, тем не менее, о коллизиях стратегического, если не сказать цивилизационного масштаба.

В известном смысле такая петля в развитии отношений была закономерной: для придатка с имперскими амбициями это оказалось слишком сильным искушением — подхватить измученный самоанализом чужой, западный постколониализм и поставить его на службу собственному самоутверждению. Постколониальные веяния воспринимаются нашей стратегией как «слабое звено» Запада, которое может и должно быть разорвано силой имперской пассионарности России как новой, воспрявшей Евразии. В подобного рода системе ценностей и представлений Запад в этом своём несколько женственном постколониализме вырождается, тогда как мы, наоборот, возрождаемся, мужественно и без боя занимая оставляемые врагом плацдармы. Эта логика в своей нравственной основе проста, как апельсин: их заедают мораль и нормы, которых для нас не существует, поэтому мы сильнее.

Проблема лишь в том, что умозрительная (философская, культурная и методологическая) этика постколониализма в реальных политических стратегиях вовсе не исключает прежних жёстких установок. Это только в наших фантазиях и в нашей идеологии сила имперского духа разделённой, но заново собираемой нации так легко и эффективно побеждает расслабленного врага. В *realpolitik* возникают острейшие коллизии, и судьба этого затяжного конфликта в итоге все решается приземлённо и банально — экономикой и технологиями, а не страстями по вдруг воспарившему русскому духу. Пародия на державность, паразитирующая на «слабостях» чужой морали, остаётся ни с чем с обрушением экспортно-сырьевой модели, не говоря отресурсном социуме в целом. В таких прогнозах разоблачает себя ещё одно, теперь уже отечественное издание карго-культы — с имитацией вселенской миссии и ненавязчивого управления миром. Российское государство как тайный манипулятор всеми — это надо видеть в тех же 3 из пропагандистских агрегаторов. Только кажется, что лидеры мировой цивилизации действуют осмысленно и самостоятельно. На самом деле все их движения уже сейчас во многом определяются тем, как Россия дергает за невидимые ниточки. Правда, качество этой идеологии оставляет желать: она действует лишь на мозги, вконец размягченные пропагандой.

Конечно, внешне это необыкновенно изящный ход — использовать слабости постколониализма для удовлетворения собственных неоколониальных, имперских или, как минимум, «державных» амбиций. Но он выглядит тем более пикантно, что режим пытается внедриться

¹² О политическом нарциссизме вообще и в России в частности см. тексты автора: Рубцов 2017; Рубцов 2018б; Рубцов 2018а. Здесь же приведена библиография авторских статей на тему политического нарциссизма в России в журнале «Форбс» (отдельный цикл из 14 статей) и в других массовых изданиях.

в мировую элиту, эксплуатируя принятое там уважение к разнообразию, при этом подавляя разнообразие и свободу внутри страны. Те цивилизованные нормы, соблюдения которых страна требует в международных отношениях применительно к себе, полностью игнорируются во внутренней политике, применительно к собственным гражданам. Но противоречия в этом не видят: оппонент представляется слишком, патологически правильным, чтобы побеждать в таких маккиавеллистских играх.

Здесь все, как в притче о покере на джентльменском доверии: «Тут мне карта и поперда!». Разница лишь в том, что в политике и экономике блефовать труднее, поскольку расклады легко вскрываются. Остаётся только добавить, что этот ориентированный вовне имперский дух обречен разбираться ещё и с проблемами внутренней колонизации [Эткинд 2013а; Эткинд 2013б].

Радиоуправляемая самобытность

Все эти умонастроения обслуживаются идеологией, генерирующей собственные базовые нарративы. Главный мотив здесь — мировое лидерство страны, которая мудростью руководства оседлала мейнстрим и «ухватила за бороду саму историю». Мы раньше других поняли, к чему объективно идёт цивилизация в этой новейшей политической виртуалистике — и с блеском сработали на опережение. Однако эти модели игнорируют многие аргументы вполне приземленного — технологического, экономического и политического свойства, рисующие совсем другой мейнстрим и другую перспективу.

Чтобы разобраться в этих сценариях, достаточно включить режим мысленного эксперимента и представить себе страшную картину: в альтернативной энергетике случился технологический прорыв, обесценивший традиционные ресурсы; по соображениям деловой либо политической конъюнктуры рынок искусственно переориентирован нашими мировыми «партнерами»; цены на углеводороды упали в пол; каналы поставки сырья перекрыты враждебной интригой или войной... Для не знающих, что такое риски с неприемлемым ущербом можно напомнить: даже если весь этот ужас не прогноз на завтра, он уже суть того, что мы есть сейчас. Если сегодня в ваш адрес никто не крикнет, что король голый, завтра вас просто «разденут».

Зависимость от поставок сырья только кажется симметричной; в действительности в ней есть асимметрия, которая всё решает. Без импорта чужого хайтека сырьевые придатки теряют все оперение современности. Более того, они теряют саму способность эффективно добывать и транспортировать сырьевые товары. В случае изоляции или обвала продаж они не просто лишаются модных «ништяков», но и проваливают обязательства бюджета (в том числе социальные и оборонные) на две трети наполненного нефтью. Зависают ВКС и все прочее из «внезапно проверяемого» Без сырьевой ренты тает «мягкая сила» идеологии и пропаганды, сдувается патриотизм, отвыкший быть всерьёз голодным, открывается реальная перспектива технологического варварства. Понимание истинной природы столь ненадежного «могущества» придатка бьет по национальной гордыне великороссов, и тему стараются не затрагивать. В разговорах о цивилизационном выборе предпочитают вспоминать, как встретились «Европа Петра Великого» с «Европой Карла Великого», а русский царь, забив на все, ловил рыбу в союзе с собственным флотом.

В этой экспортно-импортной диспозиции все очень жёстко. У производителя хайтека запаса прочности и возможностей манёвра на порядок больше, поэтому именно он контролирует предельную ситуацию. Сырьевая держава пытается компенсировать свою зависимость и вторичность сверхактивной дипломатией, подрывом глобального порядка и вмешательством во внутреннюю политику внешних контрагентов, но если это и контроль, то очень опосредо-

ванный. Это контроль второго порядка: по сути, субъект в этой системе отношений не управляет собой, а лишь пытается управлять тем, что управляет им извне. Такая позиция ненадежна сейчас и безнадежна в перспективе. Игра длится только до тех пор, пока с тобой продолжают играть, ещё не вполне понимая происходящее и принимая навязываемые подобия правил. Но чем виртуознее и эффективнее интрига, тем сильнее желание контрагентов от неё избавиться, и они это могут. Причём не только в политике: в одну только альтернативную энергетику инвестированы гигантские средства, а капитализм, как известно, фантастику не финансирует.

Если говорить о цивилизационной стратегии в собственном смысле слова: вот и весь выбор! Судьба страны не может так зависеть от искусства её дипломатии и агентуры. Даже если продержаться до конца правления, в любом случае теоретически не остаётся перспективы, кроме мутных угроз, затмивших едва ли не все в последнем послании. Проблемы с производством нового, сложного и высокотехнологичного способствуют склонности и во внешнюю политику экспортировать архаику и примитивизм: рассориться со всеми и стравить вчерашних союзников до исходного состояния войны всех против всех.

В своё время Ближний Восток стал геостратегической проблемой не из-за эпидемии религиозного фанатизма самого по себе, а в силу того что статус этих стран вошёл в вопиющее несоответствие сначала с их нефтяным богатством, а теперь уже и просто с финансовым потенциалом. Нечто подобное происходит с Россией, но с рядом отличий. Внутри страны есть свой маленький «золотой анклав», относящийся к остальным соотечественникам так же, как в известной теории «золотой миллиард» развитых стран относится к остальному населению планеты. И даже хуже: то, что Александр Эткинд назвал «внутренней колонизацией», не предполагает цивилизующей миссии и лишней благотворительности в отношении колонизируемых. Социальные бедствия компенсируются для масс нарциссическими образами глобального превосходства на фоне «цивилизованных ничтожеств».

Обсуждение цивилизационного выбора не случайно проходит исключительно в горизонте геополитики и международных отношений. Диспозиция «друг — враг» уникальна отсутствием друзей, кроме армии и ВМС. Отсюда же идеи «отстраненности» России от Запада, «одиошества полукровки» и т. п. Когда тебя сторонятся, проще сделать вид, что такова судьба уникальной, неповторимой цивилизации. В этой логике и сам вызов времени воспринимается как прежде всего мирсистемный и геополитический. Разрешение коллизии видят в том, чтобы «разобраться с Америкой», но не с собой, сделать что-то с этим ослабленным и деградирующим миром, но не изменить что-либо принципиальное в себе. И даже там, где вызов определяется через собственную отсталость, тактично именуемую отставанием, речь не идёт о комплексной модернизации цивилизационного порядка. Прежде всего речь идёт о «выпиленных» из всего этого комплекса технологиях, не очень понятно как связанных с экономикой. Достаточно посмотреть на программные документы, тексты идеологического официоза, повестку нескончаемых ток-шоу и заголовки специально заряженных новостных ресурсов: все исключительно про то, как мы рвём на части врагов, но практически ничего о том, как нам обустроить обещанный рыбок России. Интереснейшая, важнейшая тема не обсуждается исключительно из соображений идеологической безопасности.

Пока этот Тузик рвёт карту мира, в самой стране входит в кризис весь комплекс жизнеобеспечения: экономика, социальная сфера, администрирование в науке и культуре, образовании и просвещении. На цивилизационный вызов страна отвечает историческим выбором демодернизации. Страна-экстраверт явно недостаточно занимается собой, собственным.

Один из путинских программных текстов когда-то назывался «Россия сосредотачивается». Осталось лишь сменить вектор усилий и сосредоточиться на себе.

На выходе из постмодерна

Вся эта коллизия постколониализма и неоколониализма включена в объемлющий тренд — своего рода «гипероним». В самом общем виде речь идёт о выходе из радикального постмодерна, тупики которого уже обозначены, — или, как минимум, о поисках такого выхода. И в то же самое время остаётся много не сделанного для того, чтобы в постмодерн нормально и правильно войти, не говоря о недоделках российского Модерна как в принципе «незаконченного проекта» в принципе (Хабермас) и тем более здесь. Известная манера — заскакивать с опережением всех вперёд, не продлив толком предыдущие фазы.

То же с подкопами под остающуюся все ещё «современной» архитектуру глобального порядка со всеми её классическими институтами и организованностями. Это международное произведение Высокого Модерна сейчас и в самом деле несколько руинировано, но энтузиастам его сноса рано радоваться. Точнее поздно: мир уже на пороге «сверхнового времени», и такого рода суперструктуры впору не сносить, а реконструировать. Казавшиеся удручающе регулярными и не в меру жёсткими конструкции и планировки Высокого Модерна теперь заново укрепляют и обводят в твёрдой графике, но делают это уже с допущением спонтанности с ее способностью воспроизводить уникальные качества «исторически сложившегося». Наряду с воспроизведением классики порядка пытаются восстановить естественные сложность и противоречивость, утраченные во всей Архитектуре Произведения — от идеальных проектов городов и общества эпохи Ренессанса до тотальных градостроительных и политических мегапроектов XX века. Высокий Модерн в той его ипостаси, что связана не с удушающим порядком, а со свободой, правом и либеральным законом, длится «сквозь» постмодерн и заново самовосстанавливается на выходе из постмодерна, причём уже сейчас¹³.

В этом смысле инверсия сырьевого придатка в «энергетическую сверхдержаву» — чистый постмодернизм с отказом от оппозиций «высокого — низкого», «передового — отсталого» и пр. Точно так же контроль через виртуальную интригу над тем, кто по большому счету сам тебя контролирует экономически и offline, — тоже постмодернистский глюк. Типичный симулякр с фикциями второго порядка: копия копии, знак знака в отсутствие денотата.

Торжество вторичного и ненастоящего — суть цивилизации постмодерна, и кажется историческим подвигом этот тренд оседлать, превратив политику в подобие покера. Именно так мудрость руководства описывается карманной аналитикой, пытающейся подвести философию под вынужденный стиль и политическую манеру.

Россия уже пострадала от таких «опережений». Коммунистический проект был экстремальным воплощением тотальных поплзновений конструктивизма Модерна. У его истоков не случайно в одном ряду, бок о бок стояли проекты идеального города Кампанеллы и идеальной тюрьмы Бентама — с идентичной по стилю графикой, с изоморфной пространственной организацией и почти одинаковой нечеловеческой сутью торжествующей тотальности. Светлая и тёмная стороны Модерна, воплощённые в альтернативах Свободы и Порядка, Человека и Проекта, напоминают раздвоение доктора Джекилла и мистера Хайда. Из идеи свободы произошли суверенная личность и правовое государство, а из культа тотального проек-

---

¹³ Как в капле воды, это можно увидеть буквально в одном эпизоде — в почти мгновенном развороте ситуации вокруг политического симулякра свидания Путина и Трампа в Хельсинки. Тогда встретились два ведущих политических постмодерниста, и на мгновение показалось, что «победил» сильнейший из них именно в этом качестве. Однако сиюминутный триумф обернулся пирровой победой, когда порядок американского политического Модерна силой своих институтов отыграл назад и вернул все в «правильное» нормативное русло. В целом этот опыт касается всех надежд на окончательное расшатывание существующего порядка и замены его на политику ситуативного сговора.

та и порядка — тоталитаризм с небывалыми в истории техниками гиперорганизации. Затоптав в установках Модерна линию свободы, в культе порядка мы опередили всех, кроме немцев эпохи нацизма. Редкая способность — заскакивать вперёд других в худшем, а потом выкарабкиваться из самими же созданного тупика.

То же происходит сейчас с политическим постмодернизмом, на который у нас заглядываются с энтузиазмом, заслуживающим лучшего применения. Разрушение институтов и правил, уход в мнимости и мрачная политическая ирония — вот черты синтаксиса, семантики и прагматики этого языка идеологии и политики. Стиль эффективен и работал бы ещё, если бы не обозначились тупики теперь уже и этой модели. От постмодернистской хаотизации и неподлинности чуткую к назревающим тенденциям аналитику уже воротит не меньше, чем в своё время от модернистского порядка и натурализма. Это читается в архитектуре, которую в этом смысле можно рассматривать как слепок политики: засилье лужковского постмодерна и постлужковского «благоустройства» уже утомляет не меньше регулярности и примитивизма типовой застройки 1960 – 1970-х годов. Симуляция естественности, старательно запроецированное «исторически сложившееся» — все это же имитация демократии, свободы и уважения к приватному. И это общая тенденция: в философии также новые знаковые термины — неоклассицизм, пост-постмодерн, afterpostmodernism...

В российских хрониках опять воспроизводится вечное чередование мировых рекордов и исторических провалов. Сообразительные люди уже ищут выход из постмодерна, тогда как у нас в который раз пропускают разворот цивилизации, упиваясь предыдущим своим гипертрофированным «опережением». Однако вряд ли это непреодолимая судьба: сначала доводить до абсурда начинающуюся моду, а потом, когда мода сменится, щеголять в обносках до следующего «опережения».

Проекты Запада у нас реализовывались с поистине восточным фундаментализмом, восходящим к фанатизму. Прошлый опыт такого заимствования закончился распадом СССР, и тогда тоже сказались цены на нефть. Сейчас зависимость от рентно-ориентированной экономики и ресурсного социума, достигла максимума. И опять банальная цена на нефть грозит поставить на место весь этот постмодернизм — вернуть его от аномии к порядку и правильной архитектуре глобальных отношений, опустить мнимости идеологии и пропаганды на землю, избавить от эклектики и мрачноватой иронии.

Чуть более ста лет назад, незадолго до известных потрясений, о. Георгий Флоровский написал пронзительные слова: «И вдруг все стало очень серьезно». Можем повторить.

3. Империя духа Основной вопрос философии и демографии

Сырьевая модель, превращающая социум в ещё один вид эксплуатируемого ресурса, во все не обязательно формируется при наличии одного фактора — изобилия природных богатств. Срабатывает комплекс условий, начиная с «кочевых» навыков организации социальных отношений и машины власти и заканчивая таким особенным достоянием как «богатство народом» — тоже своего рода природным достоянием. Идея проста: «В России людей, что нефти».

В некотором смысле этот эффект представляет собой социально-политическое продолжение «голландской болезни»¹⁴. Примерно так же как высокая цена на нефть губит собствен-

¹⁴ Суть «голландской болезни» в том, что высокая цена на экспортируемое сырьё даже только на разнице курса валют создаёт проблемы, иногда фатальные, для собственного производства. Когда же цены на сырьё или энергоносители падают, обнаруживается, что в собственных производствах восстанавливать уже нечего. Рассуждения о редуционизме этой схемы и любое количество контрпримеров не отменяют проблемы. Злоупотреб-

ные отрасли и институты, низкая цена человека и населения губит политические институты и саму политику.

В данном случае ответы демографии оказывают влияние на вопросы философии, в том числе на практическое решение когда-то «основного философского вопроса» — о первичности материи либо сознания. Экономика добычи и перераспределения, как ни парадоксально, более тяготеет не к материальной стороне жизни, а к духу, не к бизнесу, а к идеологии. Общество здесь консолидировано не свободой делать, а несвободой думать. В этом есть устойчивая связь: условно говоря, «завод» тяготеет к «холодильнику», а «труба» — к «телевизору». Управлять толпой лишних для экономики людей вообще проще и дешевле не через материальные стимулы, а воздействием на сознание. При правильной постановке дела и нарастающих проблемах с деньгами подкормленную стабильность всегда можно разменять на голодную, но гордую духовность. Именно такое смещение акцентов мы сейчас и наблюдаем. Жизнь общества становится с ног на голову, если базисным становится массивированное воздействие на сознание и психику. То, что ещё недавно можно было «заливать деньгами», сейчас стараются заливать политическими страстями и возвышенными идеями.

Вышесказанное не означает демографического изобилия и не отрицает того, что и в нашем случае возможен дефицит народонаселения, особенно при неравномерной плотности, перерастающей в системный конфликт демографии с географией, и гигантской паразитарной «занятости» в непроизводительной сфере. В истории страны нередко воевали именно «за людей» как за ресурс, а не просто за территории. Но это все же нечто совсем иное, чем история, в которой люди борются за себя и для себя, за право и возможность самим создавать удобное им государство, режим политики и власти¹⁵.

Сама ресурсная модель имеет разновидности и мутирует во времени, иногда радикально. Такие трансформации бывают близки к изменениям цивилизационного масштаба. Классический пример — наша история последних трёх-четырёх десятилетий с мгновенным разворотом фундаментального свойства, на уровне пресловутого «основного вопроса философии». Естественно, речь не об онтологии, но о приоритете материальных либо духовных факторов в политике, в системе ценностей и мотивов, в техниках консолидации и мобилизации.

Будни реидеологизации

За последние полвека страна пережила две фазы условной деидеологизации. Сначала советская идеология (чтобы не называть её «марксистской» или «коммунистической») деградировала как система идей, имеющих отношение ко всякому живому, понимающему себя сознанию. Она утратила сакральность, но приобрела налёт абсурдного комизма, как и многое тогда в политической реальности. После развала СССР и «смены модели», государственная идеология была демонтирована ещё и как система институтов. Но если учитывать глубинные инерции сознания, эта деидеологизация оказалась во многом иллюзорной и поверхностной — при всех очевидных изменениях в сторону открытости и намерстывания упущенного.

Конец 1990-х и начало 2000-х примерно одинаково выстраивал отношение власти и социума к идеологии. Сначала не было возможности, а затем и необходимости реабилитировать идеологию. Последней «неидеологической» идеологема была идеологема «стабильно-

---

ление алкоголем отрицательно влияет на печень, но не всякая пьянство заканчивается циррозом и не всякие заболевания печени заканчиваются летально. Однако мы находимся в конкретной ситуации, в которой сырьевое проклятье уже усугублено проклятием институциональным. Если эта болезнь и лечится, то уже точно не домашними средствами.

¹⁵ То, что случилось в России, в частности отражено в сугубо отечественном градостроительном термине «жителя» (с ударением на последнем слоге). И это ещё по-доброму...

сти»: реальность полагалась достаточно легитимной и без каких-либо рациональных, тем более трансцендентных обоснований. После периодов тяжелых потрясений и бедствий даже обеспечение минимальных гарантий способно отключать лишнюю мыслительную активность.

Однако к концу 2000-х стабильность на остатках сырьевой ренты начала сдавать позиции. Даже элементарная сытость со временем вызывает привыкание и порождает новые претензии, а с ними и недовольство (почему, собственно, революции часто случаются именно на выходе из кризиса). Рейтинги власти заметно просели, а протест начал переливаться из столиц в Регионы, прежде всего в города-миллионники. Для власти это было первым серьезным испытанием страхом — испуг был замечен. Надо было срочно показать всем, а главное себе, что ресурсы обеспечения контроля над ситуацией не исчерпаны, а частью даже не распакованы. По мере ухудшения сырьевой конъюнктуры становилось ясно, что и дальше «заливать деньгами» недовольство не очень получится. В этой ситуации нетрудно было догадаться, что простой подкормки общества недостаточно и необходимо всерьез налаживать базовые отрасли духовного производства.

Пропуская промежуточные этапы, мы в результате получили принципиально иную модель, в которой идеология и духовность доминируют над материальной составляющей. Как уже не раз отмечалось, это типичная коллизия нарцисса, для которого фиксация на грандиозных эффектах собственного отражения открывает возможность и вовсе умереть от голода. В авральном порядке была выстроена гигантская индустрия мифологии якобы самосознания. Более того, налажено поточное производство национальной гордости. В итоге эта отрасль стала доминировать не только потому, что на её развитие были брошены немеренные ресурсы. Разведочное бурение вскрыло огромные запасы социально-психологической энергии. Обнаружились целые залежи давно не востребованных сверхсильных эмоций почти экстатического свойства. Из этих «скважин» стали вырываться на поверхность страсти, вытесняемые коллективными комплексами, но способные и сами выйти из-под контроля тех, кто их гальванизировал.

При всех признаках духовной революции такие изменения мало меняют суть ресурсного социума. Тем не менее, они существенно дополняют систему «политических энергоносителей». Из глубин массового самосознания, измученного ресентиментом и напором неизрасходованной энергии, добывается ресурс самовоспроизводства режима, не менее значимый, чем добыча сырья. Уже говорилось о том, как пресловутое сырьевое проклятие трансформируется в проклятье институциональное, а в итоге и в цивилизационное. Точно также безудержная эксплуатация эмоциональных залежей и недр ментальности порождает подобие особого цивилизационного типа — зеркала «нефтедобывающей цивилизации» в пространстве идеального. Можно ли в новых условиях с такой генетикой прорываться в будущее — вопрос почти риторический.

Лакан Ж. 1999. *Семинары. Книга 2: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55)*. — М.: Гнозис/Логос — 520 с.

Лакан Ж. 2006. *Имена-Отца*. — М.: Изд-во «Логос». — 160 с.

Мощный удар... 2018. Мощный удар: Путин поставил на место весь Запад. — *Блог «Взгляд. Миртесен»*. — 21 августа. — Доступно: http://vzglad.mirtesen.ru/blog/43656757072/Moschniy-udar:-Putin-postavil-na-mesto-ves-Zapad?utm_campaign=transit&utm_source=main&utm_medium=page_0&domain=mirtesen.ru&paid=1&pad=1. — Проверено: 10.12.2018.

Обезумевший Трамп... 2018. Обезумевший Трамп пригрозил России третьей мировой. — PRESS-PULSE. — 6 августа. — Доступно: <https://press-pulse.com/135050-obezumevshii-tramp-prigrozil-rossii-tretei-mirovoi-full.html>. — Проверено: 10.12.2018.

Розов Н.С. 2006. Закон Ибн Халдуна. К чему может привести рост коррупции и силового принуждения в России. — *Политический класс*. — № 16. — Доступно: <https://nsu.ru/filf/rozov/publ/ibn-khaldun.htm>. — Проверено: 31.07.2018.

Рубцов А.В. 2017. Революция как хронополитика и этос. — *Философский журнал*. — Т. 10. — № 4. — С. 21–40.

Рубцов А.В. 2018а. Идеология и нарциссизм. Мании грандиозности: наблюдение, симптоматика, генезис — *Философия и идеология: от Маркса до постмодерна*. — М.: Прогресс-Традиция. (в производстве)

Рубцов А.В. 2018б. Идеологи и нарциссы. Мифы всемогущества: рецидивы, обострения, эпидемии — *Философия и идеология: от Маркса до постмодерна*. — М.: Прогресс-Традиция. (в производстве)

Рубцов А.В. 2018в. Цивилизационный выбор в контексте постсоветской модели: условия задачи. — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 3. — С. 17–32. — Доступно: <http://politconcept.sfedu.ru/2018.3/02.pdf>. — Проверено: 10.12.2018.

Сорокин Д.Е. 2002. Россия: проблемы цивилизационного выбора. — *Общественные науки и современность*. — № 6. — С. 124–134.

Стало известно... 2018. Стало известно, как Путин поставит американцев на колени. — Блог «ИнформНОВОСТИ. Миртесен». — 10 августа. — Доступно: <https://s30363933752.mirtesen.ru/blog/43473763066/Stalo-izvestno,-kak-Putin-postavit-amerikantsev-na-koleni>. — Проверено: 10.12.2018.

Философия и идеология... 2018. *Философия и идеология: от Маркса до постмодерна*. — М.: Прогресс-Традиция (в производстве).

Шкаратан О.И. 2010. Системы цивилизаций и модели социально-экономического развития России и других посткоммунистических стран Европы — *Мир России*. — № 3. — С. 23–45.

Эткинд А.М. 2013. *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России*. — М.: Библиотека журнала «Неприкосновенный запас» — 490 с.

Эткинд А.М. 2013. Петромачо, или Механизмы демодернизации в ресурсном государстве — *Неприкосновенный запас (nz)*. № 2(88). — Доступно: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/2/e16.html>. — Проверено: 31.07.2018.

China Modernization Report Outlook... 2010. *China Modernization Report Outlook (2001–2010)*. — Beijing: Peking University Press. — 255 p.

McLeod J. 2010. *Beginning Postcolonialism*. 2-nd ed. — Manchester: Manchester University Press — 304 p.

Seán Golden Valentine. 2008. The modernisation of China and the Chinese critique of modernity. — *ORIENTATS-2006*. — Доступно: <https://www.raco.cat/index.php/HMIC/article/viewFile/53271/61301>. — Проверено: 31.07.2018.

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА ВОСПРОИЗВОДСТВА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ¹

А.М. Кузнецов

Дальневосточный федеральный университет

Аннотация: В статье констатируется, что вопросы стабильности и развития общественно-политических систем еще не получили достаточного освещения в литературе. Одной из причин сложившегося положения явился постмодернистский вызов, под влиянием которого сами концепты политическая, общественно-политическая система, фактически, были дискредитированы. Однако в сфере естественных наук системная парадигма продолжала успешно развиваться. Неудачный опыт использования естественнонаучных разработок для решения социально-гуманитарных проблем и попыток создания теорий социально-политических систем на основе идей социологии и политических наук может быть преодолен за счет использования концепций общенаучного характера. Дальнейшая их имплементация в общественно-политическую сферу должна производиться с учетом антропологического ее измерения, принятия роли среды и возвращения к корректному пониманию структуры систем. С учетом этих рекомендаций концепты сложности, аутопойесиса, операциональной замкнутости и наблюдения могут быть использованы для решения на новом уровне проблемы устойчивости и воспроизводства социально-политических систем.

Ключевые слова: социально-политическая система, системная парадигма, самовоспроизводство, наблюдение.

1. К постановке проблемы. Более чем четырехкратное увеличение числа государств (общественно-политических систем) в мире со времени окончания второй мировой войны постепенно продемонстрировало негативные последствия такого роста. Распад Советского Союза, появление определения «несостоявшегося государства», события «арабской весны» и украинский кризис снова актуализировали проблему устойчивости общественно-политических систем в современном мире. Ранее она уже была предметом обсуждения в другой редакции в связи с победой Великой русской революции 1917 г. и перспектив ее перерастания в мировую революцию, с одной стороны, а с другой, — как поиск путей сохранения сложившегося порядка в странах Запада. Однако при обсуждении данной проблемы обращает внимание, что в повестку посвященных ей мероприятий и раньше и сейчас включаются самые

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 17-12-10001.

различные темы, но очень редко выносятся вопросы общетеоретического характера. В результате, к настоящему времени словосочетания «политическая, социально-политическая система», несмотря на частое употребление, боюсь, превратились просто в фигуру речи с крайне размытым содержанием. Анализ причин разочарования в концепциях социальной и политической систем как варианта «большой теории» позволяет сделать следующие выводы. Появившиеся на гребне «системной моды» 1950–1960-х гг. разработки Д. Истона, Г. Алмонда, Т. Парсонса как и некоторые поздние варианты, соответствовали уровню своего времени с его достижениями и остававшимися нерешенными проблемами. Не случайно «кибернетистский» вариант теории политической системы Истона с ее пресловутыми «входами» и «выходами» Алмонд должен был дополнить идеей «политической культуры». Парсонс в основу своей теории социальной системы также заложил преимущественно анализ социальных действий. Постмодернистский вызов конца 1960-х гг. вообще поставил под сомнение правомерность «больших нарративов» в социально-гуманитарной сфере. Не удивительно, как последующие авторы стали призывать к обсуждению только «частных систем» [LaPalamboga 1988]. Всплеск популярности направления «новый институционализм» в социальных науках этого времени также достаточно показателен как один из признаков кризиса системных представлений. Другие деятели пошли еще дальше и свели процедуру анализа той же политической системы «к выделению некоторых элементов, которые *кажутся* (здесь и далее курсив мой — А.К.) исследователю наиболее тесно взаимосвязанными и дальнейшему их рассмотрению («идентификации») в виде системы» [Chilkote 1981: 141].

Конечно, предлагались и вполне корректные определения, например: политическая система — это «...целостная и динамичная совокупность однотипных, дополняющих друг друга ролей, отношений и институтов власти, взаимодействующих на основе единых норм и ценностей, задаваемых интересами доминирующих в обществе социальных групп и позволяющих последним реализовывать свои цели и намерения» [Соловьев 2000: 236]. Забегая вперед, отмечу, что значимость данной дефиниции представляется в фиксации в ней аспектов структурного и антропологического характера. Однако вопросы развития и стабильности как составляющих процесса воспроизводства социально-политических систем оставались, практически, неисследованными в рамках значительной части обществоведческих и политологических концепций.

2. Современная системная парадигма. Поэтому я хочу обратить внимание на возможности для решения поставленной проблемы средств «обновленной» системной парадигмы. Дело в том, что в естественнонаучной сфере системные идеи успешно развивались и доказали свою высокую эвристичность, несмотря на постмодернистские «шатания» в социальных и гуманитарных науках [Системный подход в современной науке... 2004]. Конечно, несмотря на то, что сегодня много рассуждают о развитии междисциплинарности в науке, такой посыл сам по себе еще не снимает вопрос о правомерности заимствования идей и средств из разных областей знания. Однако современная системная парадигма реально выходит на общенаучный уровень, так что ее основные положения после соответствующей *верификации* могут быть использованы и для решения наших задач. Вопрос о необходимости верификации здесь поставлен не случайно. У нас есть немало примеров, когда физики, биологи и экономисты, в стремлении помочь «подотставшим» на этом поприще гуманитариям пытались напрямую использовать свои «рабочие» варианты системной теории для решения социально-политических проблем. Результаты подобных экскурсов, мягко сказать, оказались не слишком впечатляющими. Главная причина неудач таких начинаний может быть связана с игнорированием коллегами из других областей *антропологической составляющей систем*, создаваемых людьми. В свою очередь, имеющиеся опыты создания системных вариантов теории этноса (Ю.В. Бромлей, Л.Н. Гумилев), теории международных отношений (М. Каплан, Б. Бузан) и других «гуманитарных» построений подобного рода обнаруживают другой недостаток. Он выражается в том, что такие концепции создавались в основном на базе наработок в своих

дисциплинах с привлечением некоторых положений системной парадигмы. Редким исключением в нашей науке является теория этноса С.М. Широкогорова, которая еще в 1920–1930-х гг. была построена на вполне корректных системных основаниях [Широкогородов 1923; Кузнецов 2006].

Важным достижением современной системной парадигмы стало принятие принципа *сложности* [Хакен 1991]. Имплементация данного принципа (феномена) означает, что мы на практике очень часто имеем дело со сложноорганизованными явлениями, которые мы не можем непосредственно наблюдать и анализировать [Крон, Кюпперс, Паслак 1994]. Вполне очевидно, что за некоторыми исключениями, например, Андорра, социально-политические системы тоже представляют собой образования сложного и даже высокого уровня сложности. Значимым следствием принятия для систем подобного рода принципа сложности является понимание того обстоятельства, что системы могут включать в себя подсистемы и другие компоненты очень разные по своему характеру и иерархии взаимного расположения, те же партии и общественно-политические движения, группы интересов, социальные группы и отдельных индивидов. Отсюда и необходимость использования метода *итераций*, т. е. последовательных приближений для анализа системной организации.

По-новому теперь рассматриваются и вопросы устойчивости (сохранения) систем. Раньше они могли сводиться к возможностям системы противостоять воздействию среды (принцип устойчивости Ле Шателье) [Концепция самоорганизации в исторической перспективе 1994]. Обновленная системная парадигма в рамках теории самовоспроизводства (аутопóйесиса) сместила акценты: «...любой живой организм стремится к единственной цели, которая заключается в *поддержании и воспроизводстве его внутренней организации путем аутопойесисных процессов*» [Матурана, Варела 2001: 34].

Помимо всего прочего введение категории аутопойесиса позволяет разрешить системный парадокс, связанный с проблемой определения систем и составляющих их подсистем. В самом деле, очень часто мы имеем дело с ситуациями такого рода. Государство является общественно-политической системой, в которой политическая сфера должна рассматриваться в качестве подсистемы. В свою очередь, эта подсистема, являясь достаточно сложным образованием, включает в себя различные компоненты, те же политические партии, которые также могут рассматриваться как подсистемы. В таком случае сама политическая сфера тоже может быть определена системой по отношению к своим составным компонентам. Однако, что мешает выделять в качестве систем массовые партии, состоящие из региональных организаций (подсистем)? В свою очередь, государства могут включаться в региональные объединения, становясь, вроде как, подсистемами. Как полагают специалисты по международным отношениям, вместе все государства и региональные образования образуют международную систему. Что же тогда является собственно системой? Вопрос этот снимается с введением критерия способности к *самовоспроизводству*. Другое дело, что в *исследовательских целях* мы можем представлять подсистемы реальных систем в качестве системных объектов, как это делают конструктивисты разного толка. Уровень же системности тогда будет зависеть от целей и задач нашего исследования. При этом мы все же не должны увлекаться и придавать этим артефактам свойства реальных систем.

Анализ работ, претендующих на системное рассмотрение интересующих нас проблем, позволяет установить еще один присущий им недостаток. Он связан с недооценкой значения внешней среды для функционирования социально-политических систем. Возможной причиной подобного игнорирования мог стать возникающий в этом случае парадокс, когда в качестве среды по отношению к нашей системе приходится признать, в том числе, и *другие системы* (государства). Такой тезис, по-видимому, выглядит слишком категоричным, в силу принятой в системной парадигме трактовки характера взаимоотношений системы и ее внешней среды. Во всяком случае, он не очень согласуется с подходами, принятыми в той же сравнительной политологии. Тем не менее, уже факт существования колониальной эпохи, а

затем и постколониального периода мировой истории подтверждают правомерность подобного положения дел в общественно-политических отношениях. Однако, значение среды не ограничивается только представленным случаем, так как оно имеет прямое отношение и к проблеме устойчивости систем, как это было зафиксировано принципом устойчивости Ле Шателье.

Примечательной особенностью современной системной парадигмы является также ее *когнитивная* («эпистемологическая») составляющая. Нейробиологи У. Матурана и Ф. Варела в рамках своей версии концепции аутопóйесиса даже стали использовать концепты «знание» и «сознание» применительно к биологическим системам [Матурана, Варела 2001]. Пойти на столь радикальный шаг этих авторов подвигла целесообразность достаточно сложного поведения живых существ [Maturana, Varela 1980]. В случае исследований социально-политической реальности целесообразно акцентировать еще внимание на обоснованное в физике значение операций наблюдения и свойств самого наблюдателя (В. Гейзенберг). Конечно, этой проблемой традиционно занимается философия в рамках гносеологии как «чистым» познанием. Не на словах она известна и историкам через процедуры источниковедческой критики. «Приземлить» процедуру нашего познания затем попытались постмодернисты, сведя ее активности отдельных индивидов. Значение же концепта «наблюдение» представляется, например, в том, что он предлагает учитывать, как *внешнее наблюдение* (собственно исследование), так и *внутренний* его вариант (составная часть «сознания» Ф. Варелы и У. Матураны), обеспечивающий функционирование самой системы.

Проблема здесь заключается в том, что в силу сложности общественно-политической реальности мы не можем непосредственно наблюдать все многообразие происходящих событий, отслеживать всю информацию о них и деятельность всех институтов. В результате мы имеем набор описаний («мнений»), сделанных некоторыми наблюдателями с разных позиций по отношению к изучаемому сложному явлению. Отсюда и ворох всех тех проблем, возвращающих нас под новым углом зрения к «человеческому фактору», а точнее к роли сознания в системном самовоспроизводстве, который расшевелили постмодернисты. Первая из них заключается в том, чтобы понять, как и каким образом были получены представленные данные, а также процедуры преобразования таких первичных наблюдений в конечные выводы. Вторая проблема состоит в том, что наблюдатели политической системы предъявляют свои результаты в рамках определенного дискурса. Как следствие такой процедуры мы имеем установленный постмодернистами *двойной отрыв дискурса от исследуемой реальности*: за счет использования языка для ее описания и ухода от целостности (сложности) изучаемых явлений [Лиотар 1998]. Не обременив себя разработкой новых концептуальных оснований, способных привести к снятию обозначенных проблем, социально-гуманитарные науки просто сдались на милость разным вариантам субъективизма («мнение», «идентичность») и конструктивизма (создание разных «артефактов» на основе фрагментарных данных). Системное же представление социально-политических проблем открывает нам возможность в соответствии с *принципом дополненности* понять, каким образом соотносятся между собой «мнения» различных наблюдателей, даже если они, на первый взгляд, совершенно несовместимы. Привлечение данных о самих наблюдателях и условиях их наблюдений позволяет точнее оценить качество предъявленных ими результатов.

В представленном контексте становится очевидным, что мы должны в нашем случае учитывать и различать значимость следующих видов наблюдений. Во-первых, реконструкцию взглядов и мотивов, которыми руководствуются лица, ответственные за принятие политических решений, осознанно или неосознанно следующих своим не всегда системным образам социально-политических систем. Во-вторых, рекомендаций, предлагаемых различными консультантами и экспертами, приближенными к «власть имущим». Затем, позиций специалистов из различных дисциплин, проводящих свои исследования. Наконец, измерений, так называемого, «общественного мнения» по различным вопросам. В соответствии же с требо-

ванием целостного анализа процесса системного воспроизводства все эти данные должны быть соотнесены не только между собой, но и с прошлыми состояниями системы, которые закреплены в других описаниях. Сделать это можно путем создания («конструирования») эвристичных системных моделей. В соответствии с базовыми положениями системной парадигмы такая модель должна основываться на обосновании системности изучаемого явления или объекта, включать характеристику среды системы, основных составляющих ее подсистем и других значимых компонентов, а главное — выявлении свойств ее структуры. Возможности системного моделирования помогают нам найти решение еще одной серьезной теоретической проблемы.

Как известно, та же политическая сфера традиционно рассматривается в качестве «поведенческой» по своей сути, говоря другими словами, она больше связана с современностью. Поэтому, как для политической науки, так и социологии, существует проблема соотнесения в своих исследованиях *настоящего и прошлых* состояний рассматриваемых явлений. Уже К. Маркс понимал: «Традиции всех мёртвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых» [Маркс 1986: 5]. Сложность достижения желаемой интеграции состоит в том, что в современности все существует в «живом» (наблюдаемом) виде, прошлое же нам остается только в «снятом» (реконструируемом) варианте. Существующая практика показывает, что в основном эту проблему пытаются решать паллиативными средствами (актуализация, экстраполяция и пр.). Использование же концепта «самовоспроизводство» системы (самосохранение) как раз позволяет рассматривать прошлое и настоящее в границах этого единого процесса, а в некоторых случаях даже понять траекторию его дальнейшего развития. Возможность объединения этих состояний системы также может нам обеспечить ее качественная модель. В таком случае, в известные определения системы как *целостного комплекса взаимосвязанных компонентов* в нашем случае следует еще добавить способного к *самовоспроизводству*. Вполне очевидно, что приведенная способность, как в случае биологических, так и социальных/политических систем, еще имплицитно содержит такое свойство, как обеспечение *жизнедеятельности* (функционирования). Способна ли «политическая система» обеспечить свое самовоспроизводство? Чаще всего ответ будет здесь утвердительным. Но способна ли «политическая система» самостоятельно создавать и поддерживать условия своей жизнедеятельности? Понятно, что такому требованию у нас отвечает страна (государство), да и то, как показывает современная практика, при активном взаимодействии с внешней средой. Следует еще учитывать, что непосредственно в процессах воспроизводства и развития общественно-политических систем участвуют люди в соответствии со своими взглядами, убеждениями, предпочтениями, заблуждениями и стереотипами («историческое» по К. Марксу»). Однако это обстоятельство не отменяет реальность собственных задач воспроизводства системы и своей логики их реализации («логическое» по К. Марксу).

Важный аспект теории аутопойесисных систем заключается также в идее *оперативной закрытости*. Смысл ее в общих чертах заключается в том, что открытые системы, к которым относятся и объекты данного исследования, взаимодействуя со средой и испытывая внутреннее преобразование, для того, чтобы обеспечивать свое воспроизводство, сохраняя присутствующую им «идентичность», должны обладать *фиксированными границами*, поддерживающими в определенный момент ее устойчивость. Не случайно, одно из недавних определений системы выглядит следующим образом: «В наиболее общем виде система может быть определена как комплекс взаимодействующих компонентов вместе с отношениями между ними, которые делают возможным распознавание поддерживающих свои границы целостных образований или процессов» [Laszlo, Krippner 1998: 47].

В случае с государством ситуация пока более или менее понятна, так как при всех противоречивых тенденциях последнего времени его границы остаются достаточно узнаваемыми. Проблема же заключается в том, что в рамках государств существуют еще общности и образования расового, религиозного, этнического и т. д. характера, которые могут образовать

вать свои подсистемы. В результате, наряду с «естественными» и политическими границами пришлось признать наличие различных *«символических» границ*. Осознание значимости и разнообразия границ привело даже к возникновению новой дисциплины — погранологии (border studies). К сожалению, последняя еще не видит своей связи с системной парадигмой [Introduction to Border Studies 2015]. Между тем, обсуждение проблемы символических границ имеет прямое отношение к вопросу об устойчивости систем, так как их специфика вынуждает искать дополнительные средства обеспечения системного аутопóйесиса. В системах, которыми занимаются естественные науки, такую роль в этом процессе часто выполняют *аттракторы*. В нашей сфере следует снова вернуться к обсуждению идеи *структуры*.

3. Проблемы структуры. К сожалению, философские амбиции К. Леви-Стросса сделали структурализм уязвимым для критики постмодернистов (постструктуралистов). Так что, и концепт «структура» в настоящее время уже не особо в чести. Классическое определение структуры понимает под ней набор наиболее устойчивых связей и отношений, обеспечивающих целостность и основные свойства системы [Автономова 1977]. Сегодня данный концепт подвергается самым произвольным толкованиям. Например: «Структура политической системы — это политическая организация (государство, политические партии и движения, общественные организации, трудовые коллективы), политическое сознание, социально-политические и правовые нормы, политические отношения и политическая практика» [Демидов, Мелько 1998: 6]. Но тогда возникает закономерный вопрос, а что в таком случае остается для собственно системы? Поэтому хочу особо отметить тот факт, что в своей последней работе Д. Истон, в отличие от многих других специалистов, в конце концов, пришел к признанию роли структуры для политической системы и в близком к классическому ее пониманию [Easton 1990].

Вся беда здесь только в том, что, как и символические границы, структурные связи и отношения не даны нам непосредственно и их выявление возможно только в результате сложной процедуры исследования. В целом, методология структурного анализа была уже описана в работах В.Я. Проппа, а затем К. Леви-Стросса, но остается мало востребованной [Леви-Стросс 1983; Пропп 1928]. На мой взгляд, проблема здесь заключается в том, что анализ структур является наиболее сложной и трудоемкой частью системного исследования. Поэтому многие специалисты отказываются от нее, либо так и не смогли усвоить соответствующую методологию (пресловутое «кажутся взаимосвязанными»). Но без корректного анализа структур невозможно понять те самые *«эмержентные»* свойства систем, которые проявляются только на уровне их целостности. В принципе, процедура определения структуры может быть сведена к выделению из всего множества связей и отношений в системе наиболее устойчивых (постоянных) их вариантов на основе сравнительного анализа как можно большего количества систем (в зависимости от задач исследования — текстов, социальных групп, этнических общностей, политических партий, государств и т. д.).

Тогда становится понятным, что стабильность рассматриваемых нами систем в значительной степени будет зависеть от того, какие устойчивые, т. е. структурные отношения сложатся между их столь различными компонентами, прежде всего, подсистемами и разными уровнями их организации. Важно подчеркнуть, что такие отношения могут иметь различный характер, например, как доминирования-подчинения, так и равноправия-сотрудничества. Как известно, марксизм абсолютизировал антагонистический характер отношений между основными общественными классами. Однако уже к концу XIX в. Западу удалось снизить остроту таких противоречий, а затем в XX в. в значительной степени интегрировать рабочий класс в свои политические системы. В результате произошедших перемен структурного порядка учение о классовой борьбе стало утрачивать свою актуальность. Сегодня же, например, для большинства государств с полиэтничным составом населения все более злободневным становится вызов этнонационализма. Не случайно некоторые специалисты видят в этническом многообразии только источник конфликтов. Примечателен вполне структуралистский рецепт

достижения стабильности при таких условиях, предложенный канадским этнополитологом У. Кимликой: «Наша цель должна заключаться в разрушении связи между нацией и государством, чтобы развенчать идею, согласно которой только независимое государство может быть лучшей формой национального самоуправления» [Kymlicka 2004]. К этому следует только еще добавить и сохранения своей этнической самобытности. Остается только вопрос, а как это можно реально сделать, не располагая корректной, т. е. системной моделью данной общественно-политической системы и при проблемах с пониманием природы этнических явлений?

Не менее показательны прецеденты, связанные с фактическим провалом идеологии модернизации (вестернизации) новых государств, появившихся после распада колониальной системы. Попытки ускоренного внедрения отношений и институтов одних, как правило, более развитых систем в другие — не могли дать ожидаемых результатов в силу серьезных различий в структурах этих систем. Неудачи с последним этапом демократического транзита следует искать здесь же. Именно незримая структура обеспечивает существование не только прозрачных символических и других границ, но и сохранение основных свойств социально-политической системы в процессе ее воспроизводства. Ситуация в «несостоявшихся государствах» наглядно подтверждает тот непреложный факт, что система жизнеспособна только при наличии в ней эффективной структуры. Рост же числа государств, при всей их внешней институционально-функциональной однородности, тем не менее, сопровождается ростом разнообразия находящихся в их основаниях структур. В этой связи хочу еще обратить внимание на значение недооцененной концепции хронополитики М.В. Ильина и В.Л. Цымбурского [Ильин 1997; Цымбурский 2011].

Изменение характера социально-политических систем в процессе их исторического развития заставляет все же признать, что структуры, несмотря на свою инерционную стабильность, также подвергаются преобразованиям. Для понимания механизма системных изменений следует сначала обратить внимание на зафиксированное историками явление *циклическости* в развитии ряда стран. Оно заключается в инверсии преимущественной ориентации на решение проблем внутренней или внешней политики в разные исторические периоды [Шлезингер 1992]. В соответствии с уже рассмотренным положением об операциональной замкнутости, можно констатировать, что после периода «открытости», система должна на некоторое время «закрыться» для того, чтобы привести «инновации» в соответствие со своей структурой. Рассмотрение же процесса политогенеза от возникновения первых городов-государств, номовых и т. д. политий вплоть до образования СССР и Евросоюза наглядно демонстрирует не только возрастание сложности политий, но и тот факт, что появление новых типов государственных образований являлось результатом достаточно значимых структурных изменений. Такие трансформации необходимы для обеспечения соответствия серьезным переменам в самой системе или ее среде. Конечно, этот переход на новый уровень системной организации связан со значительными затратами ресурсов, а также предполагает наличие достаточного времени для соответствующих преобразований структуры. Следует также учитывать, что данный вариант трансформаций возможен только в тех пределах, которые не повлекут за собой полный распад структуры, так как в этом случае самой системе угрожает коллапс. Отсюда пресловутые неудачи значимых попыток проведения реформ «сверху». В силу стремления к самосохранению система будет противиться преобразованиям, несущим угрозу ее базовым структурным основаниям. Необходимая устойчивость системы во время структурных преобразований может и должна обеспечиваться ее *границами*, отделяющими систему от среды (других систем). В случае, когда у нас общественно-политическая система включена в сферу влияния другой более мощной системы извне, последняя может проводить достаточно радикальные преобразования в оказавшейся под ее контролем системе. Необходимая стабилизация ситуации будет обеспечена за счет структурности доминирующей системы. Ускоренная «демократизация» Южной Кореи и Японии во время их прямой оккупации

или активного взаимодействия с США может служить наглядным тому примером. Не менее показательны, какие общественно-политические системы формировались в Восточной Германии и Северной Корее под влиянием СССР.

Возвращение к корректному пониманию системы и роли в ней структуры имеет значение еще и потому, что оно позволяет нам избежать двух пагубных методологических «ловушек». Первую из них — *методологический национализм* зафиксировали европейские социальные теоретики (Г. Мартинс, У. Бек). В нее угодили те авторы (например, М. Вебер, Т. Парсонс), которые придавали своим концепциям, основанным на реалиях конкретных социально-политических систем, неоправданно универсалистский характер [Chernilo 2007]. Переводя этот вывод в соответствующую терминологию, можно сказать, что заимствованию опыта других систем должен предшествовать серьезный анализ их структурного соответствия. Вторая ловушка, известная как *методологический индивидуализм*, заключается в том, что как писал Р. Графштейн, любое исследование в социальной сфере должно ограничиваться уровнем *реальных индивидов* [Grafstein 1992: 24]. Однако существует еще и социологический реализм Э. Дюркгейма с его принципом *методологического коллективизма*. Здесь надо отдать также должное усилиям Н. Лумана, который в своей теории социальной системы попытался снова восстановить в правах этот принцип на основе базовых положений системной парадигмы, в том числе и идеи аутопойесиса. Правда немецкий «философствующий социолог» так масштабно представил свое понимание специфики социальной системы, что из нее совсем выпали реальные индивиды [Луман 2004]. Между тем в логике сложных систем совершенно очевидно, что индивидуальный и разные коллективные уровни дополняют друг друга в социально-политических системах и должны быть учтены при исследовании. Точно также следует признать, что при всей значимости структуры, от свойств которой зависит сохранение и свойства самой системы, она все же не существует сама по себе, а является важнейшей, но все же частью системного образования. В корректно сформулированных системных описаниях становится также очевидной схоластичность некоторых дискуссий, которым привержены зарубежные специалисты по международным отношениям. В течение уже продолжительного времени они выясняют, что является более значимым для их области исследований агенты (здесь читай подсистемы, другие компоненты) или структуры [Whight 2006]. Не менее показательны дискуссии о взаимосвязи внутренней и внешней политики государств.

4. Некоторые выводы. Таким образом, приведенные данные о достижениях системной парадигмы в естественнонаучной сфере подтверждают необходимость их использования для анализа проблем воспроизводства общественно-политических проблем. Только с учетом специфики систем такого рода следует дополнить заимствуемые положения из другой научной сферы оправдавшими свою эвристичность разработками в социально-гуманитарных науках. В первую очередь, речь идет о возвращении к корректному пониманию структуры и ее роли в процессах аутопойесиса. Очевидно, что сложная социально-политическая система будет сохранять свои базовые свойства («идентичность») на этапе своей «открытости» при всех изменениях в окружающей ее среде и в самой системе при условии стабильности структуры. Дело в том, что базовые структурные связи и отношения могут сохранять свою эффективность на протяжении достаточно продолжительного времени. Такое состояние общественно-политических систем те же историки описывают как разные этапы исторического развития. Другие специалисты стали фиксировать их в качестве трендов развития различной продолжительности.

В случае возникновения обстоятельств, указывающих на принципиальное несоответствие реакций системы переменам в ее среде и «инновации» в ней самой, наступает момент, когда необходимы уже структурные преобразования. На этом этапе функционирования наши системы могут оказаться в неустойчивом состоянии, которое будет стимулировать к переходу в «закрытое» состояние за счет более строгой фиксации своих границ с целью минимизации

ции негативных внешних воздействий. При этом еще крайне важно не порушить те связи, которые обеспечат жизнеспособность самой структуры. События, которые принято рассматривать как социально-политические революции, разного рода достаточно значимые реформы, включая нашу Перестройку, «новые курсы» и т. д. — все это про успешные или провальные преобразования структур. Не менее примечательны в данном отношении периоды контрреволюционных и контрреформистских преобразований, сменяющих предшествующие им активные фазы. Стабилизирующаяся структура таким образом недвусмысленно заявляет о себе.

Кроме того, признавая, что у системы и ее структуры есть своя собственная логика и правила функционирования, мы не должны забывать о значении пресловутого «человеческого», а точнее антропологического фактора в функционировании общественно-политических систем. Не последнее место в поддержании стабильности или, наоборот, в доведении системы до кризиса принадлежит собственно политической подсистеме и составляющим ее объединениям, группам, отдельным фигурам и их интересам. Вполне очевидно, что не последнюю роль в процессе аутопойесиса социально-политических систем будут играть, с одной стороны, качество принимаемых политических решений, а также экспертиз и научных исследований («наблюдений») систем. Как важное обстоятельство, определяющее успех или неудачу преобразований структурного характера, следует рассматривать еще и отношение общества к предлагаемым и проводимым политическим акциям и решениям. При этом еще необходимо, чтобы все эти человеческие мотивы и активность соответствовали эмерджентным «требованиям» системы, а в конечном счете ее структуры.

В связи с юбилеем Великой русской революции 1917 г. снова были актуализированы дискуссии о революционном и эволюционном путях развития общества. С позиций концепции системного аутопойесиса и роли в нем структурных механизмов можно констатировать, что революция — это тот крайний случай, когда в системе своевременно не были проведены преобразования, необходимость в которых назрела в связи с изменившимися обстоятельствами внутреннего или внешнего порядка. Положение становится вообще критическим, когда идея перемен овладевает широкими массами, не обладающими ясным пониманием происходящего. Эволюционный же путь развития в этом случае означает своевременное внедрение «инноваций», соответствующих не только традиционным, но и новым вызовам и угрозам, с которыми сталкивается общественно-политическая система. Ответственность за состояние и вектор развития общественно-политических систем лежит, в первую очередь, на политическом классе, который имеет необходимые ресурсы и полномочия для сдерживания или проведения различных реформ. Очевидно, в условиях все более возрастающей сложности современных условий существования общественно-политических систем желательно владеть более реальным представлением (моделью) о таких системах и механизмах их воспроизводства.

Автономова Н.С. 1977. *Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках*. — М.: Наука. — 277 с.

Демидов А.И., Мелько А.В. 1998. *Политология в вопросах и ответах*. — М.: Юрист. — 168 с.

Ильин М.В. 1997. Хронополитическое измерение: за пределами повседневности и истории. — *Полис. Политические исследования*. — № 1. — С. 55–77.

Концепция самоорганизации в исторической перспективе... 1994. *Концепция самоорганизации в исторической перспективе*. — М.: Наука. — 121 с.

Крон В., Кюпперс Г., Паслак Р. 1994. Самоорганизация: генезис научной революции — *Концепция самоорганизации в исторической перспективе*. — М.: Наука. — 239 с.

- Кузнецов А.М. 2006. Теория этноса С.М. Широкогорова. — *Этнографическое обозрение*. — № 3. — С. 57–71.
- Леви-Стросс К. 1983. *Структурная антропология*. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. — 533 с.
- Лиотар Ж.Ф. 1998. *Состояние постмодерна. Пер. с французского Н.А. Шматко*. — М.: Изд-во Института экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя. — 160 с.
- Луман Н. 2004. *Общество как социальная система*. — М.: «Логос». — 232 с.
- Маркс К. 1986. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. — К. Маркс, Ф. Энгельс. *Избранные сочинения. Т. 4*. — М.: Издательство политической литературы. — С. 4–126.
- Матурана У., Варела Ф. 2001. *Древо познания*. — М.: Прогресс-Традиция. — 224 с.
- Пропп В.Я. 1928. *Морфология сказки*. — Л.: Академия. — 152 с.
- Системный подход в современной науке... 2004. *Системный подход в современной науке. К 100-летию Людвиг фон Бергманнфи*. — Отв. редакторы И.К. Лисеев, В.Н. Садовский. — М.: Прогресс-Традиция. — 566 с.
- Соловьев А.И. 2000. *Политология: политическая теория, политические технологии*. — М.: АСПЕКТ ПРЕСС. — 559 с.
- Хакен Г. 1991. *Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным системам*. — М.: Мир. — 317 с.
- Цымбурский В.Л. 2011. *Конъюнктуры Земли и Времени*. — М.: Европа. — 372 с.
- Широкогорев С.М. 1923. *Этнос. исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений*. — Шанхай. — 102 с.
- Шлезингер-мл. А. 1992. *Циклы американской истории*. — М.: Издательская группа «Прогресс»: «Прогресс-Академия». — 643 с.
- Chilkote R. 1981. *Theories of Comparative Politics. The Search of a Paradigm*. — Boulder. — 480 p.
- Chernilo D. 2007. *A Social Theory of Nation State. The Political Forms of Modernity beyond Methodological Nationalism*. — New York: Routledge. — 193 p.
- Easton D. 1990. *The Analysis of Political Structure*. — New York, London: Routledge. — 336 p.
- Grafstein R. 1992. *Institutional realism: the social and political constraints on rational actors*. — New Haven and London: Yale University Press. — 244 p.
- Introduction to Border Studies... 2015. *Introduction to Border Studies* / ed. by S.V. Sevastianov, J.P. Laine, A.A. Kireev. — Vladivostok: Dalnauka. — 299 p.
- Kymlicka W. 2004. *Finding our Way. Rethinking Ethnocultural Relations in Canada*. — Oxford: Oxford University Press. — 220 p.
- LaPalambora J. 1988. Macrotheories and microapplications in comparative politics: a widening chasm. — *Comparative Politics on the Post-Behavioral Era* / ed. L. Canton, A. Zeiglar. — Boulder. — P. 52–78.
- Laszlo A., Krippner S. 1998. Systems Theories: Their Origins, Foundations, and Development. — *System Theories and A Priori Aspects of Perception*. — Amsterdam: Elsevier Science. — P. 47–74.
- Maturana U., Varela F. 1980. Autopoiesis and Cognition. The Realization of the Living. — *Boston Studies in the Philosophy of Science* / ed. R. Cohen and M. Vartofsky. — Vol. 42. — No. 94. — Boston: Reidel Publishing Company. — 48 p.
- Wight C. 2006. *Agents, Structures in International Relations. Politics as Ontology*. — New York: Cambridge University Press. 2006. — 340 p.

АНТИКОММУНИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1991 г.: К ДЕМАРГИНАЛИЗАЦИИ ТЕРМИНА

Д.Э. Летняков
Институт философии РАН

Аннотация: В статье доказывается возможность применения концепта «революция» к событиям, связанным с перестройкой и коллапсом советской системы. Автор критически анализирует предлагаемые в существующей литературе терминологические альтернативы (переворот, контрреволюция, революция сверху и т. д.), равно как и аргументы относительно того, что распад СССР мало походил на классическую революцию. Также в тексте сделана попытка определить характер и временные рамки произошедшей антикоммунистической революции.

Ключевые слова: революция, перестройка, антикоммунизм, распад СССР, национализм, постсоветское пространство.

С момента крушения советской системы прошло уже почти три десятилетия, а между тем ни в российском академическом языке, ни в публичном дискурсе так и не утвердилось сколько-нибудь консенсусное представление о том, каким политологическим термином целесообразнее описывать перестройку и последовавшие за ней события. В литературе встречаются самые разные варианты — революция, контрреволюция, революция сверху, (демократический) переворот, заговор элит и т. д. Порой создаются даже неологизмы *ad hoc* вроде «антиреволюции» или «революции». Не удивительно, учитывая эту понятийную неопределенность, что многие авторы предпочитают использовать максимально расплывчатые формулировки вроде «распада СССР» или «краха социализма». Проблема, однако, заключается в том, что подобные выражения мало что говорят нам о социально-политическом характере произошедшего, поскольку не объясняют, *в результате чего* все-таки развалился Советский Союз.

Задача данного текста состоит в том, чтобы показать возможность применения концепта «революция» к событиям, связанным с перестройкой и распадом Советского Союза. В этой связи в статье вначале будут проанализированы факторы, которые мешают опознать коллапс советской системы в качестве полноценной революции, затем планируется критически рассмотреть предлагаемые в литературе терминологические альтернативы (переворот, контрреволюция, революция сверху и т. д.), а в конце автор сделает попытку определить характер и временные рамки произошедшей антикоммунистической революции.

Стоит сразу отметить, что в отечественной политологической литературе, конечно же, существуют примеры употребления понятия «революция» по отношению к событиям перестройки [Фурман 1994; Стародубровская, Мау 2004; Шубин 2005; Магун 2008; Пихоя 2017], но в целом эту позицию пока сложно отнести к мейнстриму в академической и экспертной среде. Поэтому основная авторская интенция состояла в том, чтобы хоть в небольшой степени способствовать демаргинализации термина «антикоммунистическая революция» в российской гуманитаристике.

Антикоммунистическая революция: аргументы против

Прежде всего, проблема использования термина «революция» вообще (и «антикоммунистическая революция» в частности) заключается в том, что он не является аксиологически нейтральным, за ним тянется длинный шлейф оценочных суждений и различных коннотаций: для кого-то революция — это «локомотив истории», орудие осуществления социального прогресса, а для кого-то — смута, покушение на законную власть и попрание устоев. Иными словами, революция принадлежит к числу понятий, которые В. Галли называл «сущностно оспариваемыми», т. е. такими, «концептуальные диспуты по поводу... [которых] носят нормативный (оценочный) характер» [Ледяев 2003: 86]. Все это чересчур политизирует данный термин, связывает его (не)использование с субъективной оценкой и идеологическими предпочтениями участников дискурса — скажем, у левых язык не повернется назвать революцией событие, закончившееся «реставрацией капитализма» на территории Восточной Европы и бывшего СССР.

Кроме того, расхожее представление о революции ассоциирует ее (пусть даже имплицитно) с чем-то грандиозным и героическим — можно вспомнить в этой связи, как в 1990-е гг. на волне уничижительного отношения ко всему советскому периоду выражение «Октябрьская революция» стало вытесняться «Октябрьским переворотом». В силу определенных обстоятельств крушение коммунизма не овеяно в России мифологией освобождения и прорыва — если в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) все-таки существует достаточно устойчивый общественный консенсус по поводу того, что 1989 г. стал датой их «возвращения в Европу», из которой они были «похищены» Советским Союзом [Кундера 1984], то в России отношение к падению коммунистического режима гораздо более сложное и противоречивое. Это также мешает закреплению понятия «революция 1991 г.» (по аналогии с «бархатными революциями») в публичном и академическом дискурсе. Тем не менее, следует признать, что политические предпочтения и эмоциональные оценки служат в данном случае не самым лучшим ориентиром. Конечно, революция всегда останется понятием, которое, как сказал Р. Козеллек, «невозможно использовать, не заняв ту или иную позицию» [Словарь основных... 2014: 726], однако в интересах научной объективности гораздо продуктивнее исходить из того, что дефиниция «революция» не обозначает автоматически что-то хорошее или что-то плохое — она, прежде всего, *указывает на определенный тип произошедших в обществе перемен.*

Здесь самое время поговорить о возможных определениях революции, а заодно обсудить следующий фактор, препятствующий оценке событий 1988–91 гг. как революционных — он состоит в том, что мы порой склонны предъявлять к понятию «революция» завышенные требования. Например, глубоко укоренилось представление о том, что настоящие революции должны обязательно выдвигать великие политические идеи и принципы, формулировать новые социальные альтернативы, полностью преобразовывать жизнь общества. Обратимся в качестве примера к известному определению С. Хантингтона, согласно которому революция — это «быстрая, фундаментальная и насильственная, произведенная внутренними силами общества смена господствующих ценностей и мифов этого общества, его политических институтов, социальной структуры, руководства, правительственной деятельности

и политики» [Хантингтон 2004: 269]. Ориентируясь на такие «максималистские» трактовки многие авторы либо рассуждают об «ущербности» революций в социалистическом лагере, либо вовсе отказываются от термина «революция» в данном контексте. Так, И.К. Пантин замечает, что если классические революции Модерна провозглашали новаторские для своего времени идеи политической свободы, социального равенства и т. д., то антикоммунистическая революция в России «была призвана [всего лишь] реализовать уже известные принципы и начала демократии, приспособить их к нашим условиям» [Пантин 2004: 139]. На интеллектуальное бесплодие «бархатных революций» обращает внимание и Б.Г. Капустин [Kapustin 2007: 26–27].

Но дело заключается в том, что как только мы начинаем применять «максималистский» подход к революции на практике, становится очевидным, что в реальности ему соответствует считанное количество исторических событий. Можем ли мы, например, считать «подлинной» Февральскую революцию в России? Ее главным итогом стало свержение самодержавия и провозглашение республики, но все это также можно назвать попыткой реализации «уже известных принципов» в российских условиях. Аналогичные проблемы возникают с Французской революцией 1830 г., с Иранской революцией 1979 г. и т. д. Более того, в релевантности «максималистских» определений революции можно усомниться даже применительно к «образцовым» революциям Модерна. Оправдано ли, ориентируясь на приведенное выше определение Хантингтона, утверждать, что в ходе большевистской революции в «доминирующих ценностях и мифах» российского общества, а также в «правительственной деятельности и политике» действительно произошли «быстрые» и «фундаментальные» изменения? Положительный ответ на этот вопрос был далеко не очевиден для целого ряда наблюдателей — Н.А. Бердяев, например, полагал, что в 1917 г. «чуда рождения новой жизни не произошло» [Бердяев 1955: 105], поскольку в большевизме воспроизвелись сущностные черты российской политической традиции. Похожего взгляда на исторические корни большевистского режима придерживался и Р. Пайс [Pipes 1994: 215–238]. А по мнению историка Д. Пинки, и Великая Французская революция «не создала новый мир или даже новую Францию», т. к. она «оставила нетронутыми» целые пласты французской жизни [Goldstone 1991: 298]. Выходит, что радикальную новизну любой революции можно оспорить, поскольку целый ряд институтов и социальных практик постреволюционной жизни часто несет на себе печать прошлого.

Таким образом, чтобы сделать концепт «революция» работающим, нам необходим все-таки менее требовательный набор критериев. Один из примеров подобного подхода можно найти у социолога Дж. Голдстоуна, который считает, что «революция — это насильственное свержение власти, осуществляемое посредством массовой мобилизации (военной, гражданской или той и другой вместе взятых) во имя социальной справедливости и создания новых политических институтов» [Голдстоун 2017: 19]. Еще более лаконичное определение предлагает В. Мау, по мнению которого, для революции характерны всего два момента — «радикальная трансформация [системы] и слом, крах государства» [Maу 2017: 294]. Вообще же в литературе предлагаются десятки различных определений революции, разбирать их здесь нет никакой возможности, но если попытаться как-то суммировать те критерии революции, которые кажутся автору наиболее значимыми, то это будет острый политический кризис, раскол в элитах, распад власти, массовое участие населения в свержении «старого порядка», обновление правящего класса в ходе произошедшей трансформации, а также достаточная глубина социальных преобразований. Последний критерий может вызвать определенные вопросы, ведь бывает не так-то просто установить ту самую «достаточную глубину», после которой исследователь имеет право говорить о произошедшей революции — как верно заметил К. Бринтон, «ученый, занимающийся социальными науками („social scientist“), не может измерить изменения с помощью точного термометра и однозначно сказать, когда обычные изменения перерастают в революционные перемены» [Jacobssohn 2014: 2]. Но, во

всяком случае, мы можем сказать, что «общество до революции [всегда] существенно отличается от общества после революции» [Мау 2017: 295].

На мой взгляд, социальная трансформация, которая привела к коллапсу советской системы, вполне подпадает под только что обозначенные критерии, но поскольку в существующей литературе накоплено достаточное количество аргументов относительно того, что события перестройки и распада СССР были мало похожи на революцию, логично было бы вкратце обозначить эти аргументы. Для удобства сведем их к четырем пунктам:

(1) Перестройка была лишь завершением тех тенденций, которые вызвали в советской системе на протяжении длительного времени (кто-то указывает здесь на эпоху «застоя», а кто-то, вслед за Л. Троцким [Троцкий 1991], начинает уже со сталинского времени). Конкретно речь обычно идет о кризисе плановой экономики, утрате массовой веры в коммунистическую идеологию и о деградации правящих элит. На последний момент обращают внимание едва ли не чаще всего — под деградацией в данном случае понимается коррумпирование партийной элиты и превращение ее в оторванный от общества «новый класс», описанный в свое время М. Джиласом [Джилас 1961]. В этой логике события перестройки нередко редуцируют к процессу конвертации власти в собственность, осуществленному номенклатурой. Об этом пишет, например, В.Б. Пастухов — по его мнению, главной целью перестройки было превращение «обуржуазившейся номенклатуры» в «номенклатурную буржуазию» [Пастухов 2012: 81], а потому это был всего лишь политический переворот, в рамках которого «власть и собственность... остались в руках того же класса..., который владел ими до переворота. Изменились лишь формы его политического господства» [Пастухов 2013]. Похожим образом рассуждает и Б.Ю. Кагарлицкий: «1989–1991 гг. были вовсе не переломным моментом, не началом нового этапа, а всего лишь кульминацией процессов, развивавшихся в течение предшествующего десятилетия» [Кагарлицкий 2005: 42–43] — помимо все того же «обуржуазивания» номенклатурной элиты политолог имеет в виду кризис советской системы в результате отказа от своевременного проведения структурных реформ, а также постепенное возвращение стран советского блока на периферию капиталистической миросистемы. Вследствие революции 1917 г. и сталинской индустриализации СССР смог создать экономическую систему, альтернативную капиталистической, однако в период застоя, по мере роста экспорта советских углеводородов на Запад, происходит обратное втягивание Советского Союза в капиталистическую мир-систему. Распад СССР привел к окончательной реинтеграции нашей страны в экономику глобального капитализма в качестве поставщика сырьевых ресурсов. Резюмируя этот пункт, можно сказать, что перестройка была не моментом революционного слома старого режима, а лишь финальным аккордом в процессе его длительного распада.

(2) Многие социально-политические и экономические преобразования во время перестройки инспирировались «сверху» и были результатом возникновения реформистского крыла внутри партийной элиты. Перестройке не предшествовали массовые народные волнения, да и само участие общества в процессе разрушения советской системы было достаточно ограниченным, настоящая же революция немыслима без мощного напора «снизу», без возникновения «народа-суверена» в терминологии М.В. Ремизова [Ремизов 2004].

(3) Этот пункт в значительной мере связан с предыдущим, сформулировать его можно следующим образом: легкость свержения «старого порядка», который пал не в результате кровавой борьбы, упорной гражданской войны и пр., а просто рассыпался вследствие собственной несостоятельности. Как заметил И.К. Пантин про августовский путч, советский строй «пал почти в одночасье, причем даже не из-за неразрешимых социально-экономических проблем или мощного натиска демократических сил. Он просто „просел“ под тяжестью накопившихся противоречий, экономических, политических, социальных, разрушился, не справившись с вызовами современности» [Пантин 2004: 34–35]. Отсюда и минимум насилия, вовсе нетипичный для такого политического феномена как революция — путч 1991 г. был

практически бескровным, последовавший затем запрет КПСС, ликвидация союзных институтов, отстранение от власти М. Горбачева и другие события осени-зимы 1991 г., которые подвели черту под существованием Советского Союза, не встретили никакого сопротивления.

(4) Крайне незначительная для революций степень обновления правящего класса — фактически переходом к демократии и рынку на постсоветском пространстве нередко руководили бывшие члены Политбюро, секретари обкомов и горкомов. Вместо антисоветской контрэлиты у кормила власти, как правило, продолжал оставаться тот же самый неосоветский политический класс.

Что же можно возразить на эти аргументы? Начну с первого из них.

Действительно, в событиях, связанных с распадом СССР, можно усмотреть прямое следствие тенденций в развитии советского общества, которые обозначились задолго до 1991 и даже 1985 гг. Но может ли это само по себе быть аргументом против революционности произошедшего? Революционная ситуация никогда не появляется вдруг, и хотя непосредственное ее начало обычно застаёт современников врасплох, революция является следствием некоторых объективных процессов, которые ее готовят в течение достаточно длительного времени. Английская революция XVII в. разве не была прямым следствием предшествовавших ей процессов — развития капитализма, усиления буржуазии, проникновения в страну кальвинистских верований? Аналогичным образом, обратившись к анализу Французской революции А. де Токвиля, можем встретить следующее рассуждение: революция 1789 г. «явилась лишь продолжением более долгой работы, внезапным и насильственным окончанием творения, над которым трудились десять поколений. Если бы она не свершилась, то старая социальная постройка все равно бы повсеместно рухнула, тут раньше, там позже... *Революция лишь резко завершила одним судорожным, болезненным усилием... то, что со временем окончилось бы мало-помалу само собой* (курсив мой — Д.Л.)» [Токвиль 2008: 29]. Говоря о тех тенденциях, которые революция завершила радикальным усилием, французский философ имел в виду отмирание старого средневекового порядка, основанного на феодализме, сословном разделении и власти аристократии. В случае СССР мы видим такой же постепенный распад сущностных элементов советской системы — от идеологии до плановой экономики; события перестройки при этом действительно стали триггером данного процесса, выведя на поверхность и обнажив те противоречия, которые существовали в системе ранее. Тут можно вспомнить еще одно наблюдение Токвиля, согласно которому революции обычно происходят не тогда, когда положение народа ухудшается донельзя, и «старый порядок» принимает совсем одиозные формы, а наоборот — в ситуации, когда власть пытается что-то изменить к лучшему: «чаще всего случается, что народ, безропотно и словно не замечая терпевший самые тягостные законы, яростно отбрасывает их, едва только бремя становится легче. Режим, разрушенный революцией, почти всегда бывает лучше того, который непосредственно ему предшествовал, и опыт учит, что наиболее опасный момент для плохого правительства это обычно тот, когда начинаются реформы» [Там же: 157]. Как известно, в период перестройки именно попытки реформ, часто половинчатых и противоречивых, а также либерализация общественной атмосферы способствовали усилению оппозиционных настроений в СССР и привели к тому, что в какой-то момент ситуация в стране окончательно вышла из-под контроля партийного руководства.

Следующий довод касается ограниченности участия народных масс в процессах перестройки и инициирования «сверху» важнейших преобразований того времени. С одной стороны, замечание как будто бы верное — действительно, в отличие от классических революций крушению советской системы не предшествовало символическое действие народа вроде взятия Бастилии; не восставший народ на баррикадах требует гласности и реформирования плановой экономики — все эти новшества вводятся по инициативе сверху реформистской частью элиты, которой противостоят «консерваторы» из политического класса. Однако, во-первых, сам факт того, что процесс трансформации системы начался в результате раскола

элит, еще не делает антикоммунистическую революцию «ненастоящей» — такое неоднократно бывало в истории (вспомним хотя бы младотурецкую революцию 1908 г.), во-вторых, важно подчеркнуть, что события перестройки *не сводились* к столкновению группировок внутри правящего класса.

Перестройка способствовала мобилизации и политизации советского общества, выходу широких масс за пределы их привычного существования, что часто случается именно в революционные эпохи. И дело здесь не только в демонстрациях, участниками которых порой становились сотни тысяч человек, или в пробуждении низовой политической активности, в появлении уличного оппозиционного движения, в возникновении различных структур гражданского общества (от неформальных политических клубов и забастовочных комитетов до народных фронтов); не только в яростных идеологических баталиях, захлестнувших общество и приведших к появлению плеяды перестроечных публицистов, которые на время стали властителями дум миллионов людей. Принципиально важно, что *участие народных масс часто оказывало решающее влияние на происходящие в стране процессы*. Достаточно вспомнить события в Вильнюсе в январе 1991 г., когда именно массовый выход на улицу сторонников независимости Литвы помешал вернуть эту республику в сферу влияния союзного руководства. Это означало, в свою очередь, что независимость всей Прибалтики — по сути, свершившийся факт (а с Прибалтики начался распад и всего Союза). Сюда же можно отнести и августовский путч в Москве. Споры нет — путч был плохо организован во всех отношениях, однако, опять-таки, именно выход десятков тысяч людей к Белому дому лишил членов ГКЧП остатков решимости и стал ключевым фактором неудачи силового сценария развития событий (нереализованными остались планы штурма Белого дома, ареста Б. Ельцина и его окружения и т. д.). И подобных примеров довольно много.

Иными словами, внутриэлитные процессы были только одной (хотя и очень важной) составляющей тех событий, очень скоро в них стали вмешиваться иные акторы со своей собственной повесткой — политизированная интеллигенция, национальные активисты и т. д. Здесь можно привести еще один пример: когда внутри КПСС созревает решение о проведении альтернативных выборов народных депутатов, это задумывается ее реформистским крылом как инструмент борьбы со старым партийным аппаратом, однако на деле результаты выборов 1989-90 гг. оказываются неожиданными (особенно в союзных республиках) — преимущество в ряде случаев получают не реформистски настроенные коммунисты, а откровенно антикоммунистические движения, являющиеся сторонниками сессии [Рогов 2018]. Так вследствие общественной поддержки, оказанной радикальным политическим силам, ситуация выходит из-под контроля правящих элит.

Теперь что касается легкости падения советского режима в 1991 г. Все, кто наблюдали за крушением коммунизма в СССР, отмечали, что это было больше похоже на саморазрушение, на развал режима изнутри, чем на гибель в противостоянии с накатывающей революционной волной. Б.Г. Капустин, ссылаясь на Ж. Бодрийяра, формулирует это следующим образом: «коммунизм не уступил в борьбе какому-то врагу, внутреннему или внешнему, он саморазрушился, убежденный в собственном не-существовании. Это не взрыв, а имплозия» [Мау 2017: 354]. Но должно ли нас это удивлять? Давно замечено, что в ходе революции «старый порядок» нередко сдает свои позиции практически без боя, особенно если к этому моменту он пребывает в состоянии жесткого кризиса и теряет остатки легитимности. Формально в КПСС в 1991 г. состояло примерно 16,5 млн человек, однако практически никто из них не был готов бороться за коммунистические идеалы, в какой-то момент оказалось, что у режима вообще нет защитников. Национальные элиты, желающие получить как можно больше автономии от центра, остальная номенклатура, активно включившаяся в процесс первоначального накопления капитала вместе с нарождающимся классом бизнесменов, творческая интеллигенция, мечтающая о полной свободе писать, читать и говорить, широкие массы населения, уставшие от экономики дефицита, словом, все значимые социальные силы

в какой-то момент исходили из того, что от разрушения советской системы они получают гораздо больше, чем от ее сохранения. Отсюда и катастрофически низкий уровень устойчивости и сопротивляемости режима в последний период его существования. Но, как уже было сказано, полное банкротство режима, сметаемого революцией, — обычное дело. Напомню в этой связи слова В.В. Розанова, написанные поздней осенью 1917 г.: «Русь слиняла в два дня. Самое большее — в три. Даже „Новое Время“ нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь. Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частных... Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, и не осталось рабочего класса. Что же осталось-то? Станным образом — буквально ничего» [Розанов 2000: 6–7]. Как видим, Розанова также удивляет, как поразительно легко старая Россия ушла в небытие, они с Бодрийяром даже используют фактически те же формулировки — «растворилась», «рассыпалась». Тогда, в феврале 1917 г., у самодержавия тоже не осталось защитников — даже Русская церковь, по сути, поддержала Временное правительство, а красные революционные банты прицепили к своей одежде и отдельные члены Императорского Дома.

Наконец, последний выделенный мной контрдовод — это слабый уровень элитного обновления в ходе событий конца 1980-х – начала 1990-х гг. Во время революций, говорят сторонники этого аргумента, прежний истеблишмент всегда теряет свои позиции, происходит его замена новым политическим классом, а в большинстве государств бывшего СССР ничего подобного не наблюдалось — изменились скорее *формальные процедуры* отбора в элиту (общенародные выборы), а *качественный состав правящего класса во многом остался прежним*. Даже в тех постсоветских странах, где к власти все-таки пришли бывшие диссиденты (А. Эльчибей в Азербайджане, З. Гамсахурдия в Грузии), они быстро уступили свое место вчерашним представителям партноменклатуры. Что касается конкретно России, то по подсчетам О. Крыштановской в составе ельцинской элиты 75 % высшего руководства имело номенклатурное прошлое, в региональной элите доля бывших партийных кадров и вовсе составляла 82,3 %. Аналогичная ситуация была и в бизнес-элите — из 100 крупнейших бизнесменов России начала 1990-х гг. более 60 % имело непосредственное отношение либо к комсомолу, либо к советской банковской системе, либо к руководству советскими промышленными предприятиями [Крыштановская 2004: 343].

Что на это можно возразить? Выше уже отмечалось, что не стоит преувеличивать степень радикальности любой революции, в т. ч. это касается и такого аспекта как обновление элит. Дж. Голдстоун в одной из своих работ показывает, что события Великой Французской революции не только не привели к полному уничтожению старой родовой знати, но даже не слишком поколебали ее статусное положение — в Наполеоновской империи почти в половине французских департаментов именно дореволюционное дворянство составляло большую часть самых богатых землевладельцев, кроме того значительная доля нобилитета вошла в число местной и общегосударственной администрации. И кстати из примерно 400 000 французских дворян, проживавших в стране в 1789 г., в ходе революции было казнено или бежало из страны менее 5 % [Goldstone 1991: 296]. Похожая ситуация наблюдалась на полтора века раньше в Англии — как пишет В. Мау, после революции и казни Карла I старая аристократия в целом сохранила прежние земельные наделы, однако теперь «это была уже другая ответственность, частная, освобожденная от старинных феодальных обязательств, составляющая основу для будущего капиталистического общества» [Maу 2017: 26]. Мау проводит здесь очевидную параллель с процессами приватизации в России 1990-х гг., когда вчерашние «красные директора» превращались в полноценных собственников своих предприятий, но благодаря произошедшей революции это была уже принципиально иная форма хозяйствования.

Кроме того, когда мы говорим о слабом уровне элитной циркуляции на том основании, что многие представители постсоветской элиты имели в своей биографии такой пункт, как членство в КПСС или даже нахождение на важных партийных и административных должностях,

стях, надо учитывать, что по-другому вряд ли могло быть в стране, где численность единственной партии, сращенной с государственным аппаратом, составляла на пике почти 19 млн человек, где до перестройки просто не существовали какие-либо структуры, автономные от государства, где не было массового оппозиционного движения, подобного польской «Солидарности», которое могло бы в новых условиях стать каналом рекрутирования новых людей в элиту. Оппозиция возникает в СССР в результате внутриэлитного раскола, поэтому она состояла в основном из тех же самых членов КПСС (изредка разбавленных диссидентами вроде А. Сахарова или активистами национальных движений в республиках), но теперь уже противопоставивших себя этой структуре. При этом нужно отметить, что в ходе коллапса советской системы все-таки произошло, с одной стороны, отстранение от власти значительного числа ключевых фигур, принадлежащих прежнему правящему слою, а, с другой стороны, — вхождение в элиту совершенно новых людей. Скажем, многие люди из ельцинской команды — Е. Гайдар, А. Чубайс, С. Шахрай, Б. Немцов и др. — вовсе не занимали руководящие посты в номенклатурной иерархии до 1991 г., а некоторые члены «Демократической России» осуществили за очень короткий срок просто фантастические карьерные взлеты — таков был, например, путь А. Собчака от заведующего кафедрой ЛГУ до мэра Петербурга или Г. Попова — от главного редактора научного журнала до градоначальника Москвы. Таким образом, наличие партийного бэкграунда у многих представителей постсоветских элит скорее говорит о некоторых особенностях антикоммунистической революции, нежели вовсе отменяет это понятие по отношению к интересующим нас событиям.

Возможные альтернативы: революция сверху–контрреволюция–не-революция

Для полноты картины кажется важным также объяснить, почему автору представляются менее убедительными альтернативные подходы к обозначению событий перестройки и распада СССР. Б.Г. Капустин выделяет три таких подхода — это революция сверху, контрреволюция и вообще не революция (в последнем случае исследователи оперируют разными вариантами — от переворота до «антиреволюции») [Капустин 2007: 26–33]. Воспользуемся для удобства этой классификацией и попытаемся верифицировать предлагаемые термины.

«Революция сверху». Если проанализировать перестроечный дискурс, то ясно видно, что многие участники и очевидцы тех событий поначалу именно так и воспринимали происходящее в стране — как своеобразный антитермидор, запущенный самой партией, как продолжение революции, которая в какой-то момент (после смерти Ленина) остановилась, отошла от своих первоначальных идеалов, в т. ч. от последовательной реализации принципов социального равенства, демократии, федерализма и т. д. В этой связи характерно название юбилейного партийного доклада М.С. Горбачева в 1987 г.: «Октябрь и перестройка — революция продолжается»; участники знаменитого сборника «Иного не дано» также практически в один голос говорят о том, что страна *по инициативе партии* переживает «революционную перестройку», «возвращается к ленинскому наследию», продолжает незавершенное «дело Октября» [Иного не дано... 1988]. Кроме того в пользу «революции сверху» как будто говорит и отмеченный ранее факт, согласно которому почти все серьезные преобразования (переход к политике гласности, закон о создании кооперативов, решение о проведении альтернативных выборов) были инициированы самой правящей элитой.

И все-таки моя позиция заключается в том, что данная дефиниция здесь не подходит. Дело в том, что «революция сверху» — это процесс глубоких системных преобразований, осуществляемый правящим классом и *контролируемый им*. Классическими примерами «революций сверху» можно считать реформы Петра I («революционером на троне» называл царя еще А.И. Герцен), Александра II или Реставрацию Мейдзи в Японии [Эйдельман 1989: 176]. В «революциях сверху» нет ситуации деинституционализации режима и распада власти, типичной для обычных революций, и проявившейся так ярко в перестроечном СССР. Напро-

тив, «революция сверху» обычно осуществляется как раз достаточно сильным государством, способным консолидировать ресурсы, объединить правящий класс на поддержку своего курса, а порой и навязать этот курс обществу. А в период перестройки происходившие процессы в какой-то момент просто вышли из-под контроля тех, кто их инициировал. Какого-то продуманного долгосрочного плана реформ у Горбачева изначально не было, он действовал во многом реактивно, под влиянием сложившихся обстоятельств. Усугублявшийся кризис советской системы привел к росту оппозиционных настроений в обществе и постепенной радикализации лозунгов и программ различных политических сил — так, многие народные фронты в республиках едва ли не за год прошли путь от поддержки «социализма с человеческим лицом» до требований выхода из состава Советского Союза. Инициатива «сверху», расшевелив слишком сложный клубок проблем и противоречий, оказалась вскоре дополненной мощным движением «снизу».

Контрреволюция. Этот термин обычно используют левые авторы, которые видят в коллапсе советской системы и всего социалистического лагеря событие, открывшее дорогу «для глобальной капиталистической реставрации» [Кагарлицкий 2012: 77] и давшее «начало неолиберальной гегемонии» [Каллиникос 2005: 14] в мире. Октябрьская революция и порожденный ей режим воплощали собой альтернативу капитализму, события 1991 г. отыграли ситуацию назад, восстановив частно-собственнические отношения, следовательно произошедшее можно расценивать как контрреволюцию. С точки зрения формальной логики все как будто бы верно, но давайте при этом зададимся вопросом о том, насколько в действительности соответствовала революционным идеалам система, которую непосредственно разрушила перестройка? Система, которая к 1985 г. была уже глубоко встроена в структуру глобального капитализма через экспорт сырья в страны Запада, импорт оттуда товаров и осуществление валютных займов; система, в которой существовал значительный разрыв в уровне жизни и доступе к различным ресурсам между элитой и остальным населением; система, в которой по факту функционировал такой же отчужденный труд, как и при капитализме?

Грандиозный социальный и культурный эксперимент, затеянный в нашей стране после победы большевиков — ликвидация собственности, «обобществление быта» (дома-коммуны), резкий разрыв с национальной историей и традицией, поощрение авангардных форм в искусстве, сексуальная революция и т. д. — был фактически остановлен еще при Сталине, решившем трансформировать советский революционный проект в новый имперский. Смерть Сталина здесь ничего принципиально не изменила, даже наоборот — начиная с правления Н.С. Хрущева коммунистическая элита пытается строить советский аналог общества потребления. Конечно, это был весьма своеобразный аналог, без западного товарного изобилия, тем не менее, главным средством легитимации власти партийной элиты становится апелляция к растущему уровню жизни советских граждан; власть запускает программу массового жилищного строительства, расширяет пенсионную систему, которая изначально охватывала преимущественно городских жителей, и вместо борьбы за мировую революцию и «дивный новый мир» стремится реализовать вполне приземленные задачи — например, «догнать и перегнать» Запад по тем или иным экономическим показателям.

Начавшись как проект радикального переустройства мира, большевизм под сталинским лозунгом «построения социализма в отдельно взятой стране» превратился в итоге в очередную попытку догоняющего развития России. Разумеется, глобальное значение советского эксперимента при этом все равно сохранялось, ведь СССР предложил другим странам модель некапиталистической модернизации, основанной на «этатизации, монополизации и централизации» [Шубин 2008: 94], и само по себе наличие такой социальной альтернативы было определенным вызовом для капитализма, но к середине 1980-х гг. советский режим очевидно утратил свой революционный потенциал, коммунистическая идеология превратилась в набор ритуалов и догм, в которые уже едва ли кто-то верил всерьез (в первую очередь это касалось

и самой номенклатуры), поэтому рассуждения о контрреволюции через полвека после самодеморализации режима кажутся мне не очень убедительными.

Наконец, рассмотрим третий подход, который был обозначен ранее как «вообще не революция». В рамках этого подхода мы, пожалуй, наиболее часто встречаемся с понятием «переворот». Однако вовлечение в политику сотен тысяч людей не позволяет охарактеризовать таким образом события, связанные с перестройкой и распадом СССР, ведь переворот всегда осуществляется кулуарно, достаточно узким кругом лиц. Кроме того, он ведет лишь к перемене отдельных персон в правящей элите, максимум — к пересмотру каких-то направлений политики страны (подобно тому как после убийства Павла I в ходе дворцового переворота Россия перестала быть союзницей Франции и вновь переориентировалась на альянс с Британией), но он не трансформирует кардинально политические институты, экономический уклад общества, не становится поворотным пунктом в истории страны. К социальным реалиям, возникшим после распада Советского Союза, можно относиться по-разному, но нельзя не признать, что они все-таки довольно сильно отличаются от того, что мы имели до 1991 г.

Теперь что касается придуманных специально для описания коллапса СССР и других просоветских режимов в ЦВЕ неологизмов вроде «революции» (Т. Гартон-Эш [Ash 1989]) или «антиреволюции» (Р. Саква [Саква 1998]). Первый указывает на своеобразный гибрид реформы и революции, в свою очередь Саква вкладывает в свой термин следующее значение: «бархатные революции» в социалистическом лагере хотели разорвать связь со всей революционной традицией Модерна, которая основывалась на вере в утопию, в прогресс, в безграничные возможности социальной инженерии. «Антиреволюции» 1989–91 гг. принципиально отказываются от самой революционной риторики, а также практики насилия, присущего всем революциям, они не выдвигают каких-либо новаторских социальных идей¹, вместо этого они сознательно являются «реставраторскими» и «подражательными», т. е. они просто стремятся воплотить в своих обществах те принципы, которые уже давно существуют по другую сторону «железного занавеса». Со многим из сказанного Саквой можно, наверное, согласиться, однако очевидная проблема всех подобных неологизмов состоит в том, что не очень понятно, как исследователю с ними работать — наука как вид деятельности все-таки предполагает возможность сравнения, обобщения и, в конечном итоге, систематизации знания, а такие концепты, придуманные *ad hoc*, делают акцент на уникальности произошедшего в 1989–91 гг. Далее, для того же Саквы термин «антиреволюция» не является базовым, скорее это просто термин-уточнение — в конечном итоге он все равно называет произошедшее в ЦВЕ революциями, но весьма странного рода — «антиреволюционными революциями». Проще говоря, трудно отделаться от ощущения, что все эти неологизмы — не более чем терминологическая игра, вряд ли помогающая серьезной аналитической работе.

Подводя итог этой части статьи, хочется еще раз обратить внимание на то, что события конца 1980-х – начала 1990-х гг. в СССР/России вполне релевантны существующим в социальных науках представлениям о революции: в обозначенный период имели место фундаментальные изменения в самых разных сферах общественной жизни, происходившие преобразования сопровождались дисфункцией старых институтов и глубоким кризисом государства. Важнейшие события часто творились на улицах и площадях, а само общество было в высшей степени политизировано. Наверху властной пирамиды оказались многие доселе неизвестные люди. Российское общество во второй раз за XX в. прошло через ситуацию радикального отрицания своего прошлого и девальвацию старой системы норм и ценностей, что, опять же, характерно для революционных эпох. Поэтому попытки охарактеризовать коллапс СССР в каких-то иных терминах помимо полноценной революции не представляются автору удачными — все они либо чересчур идеологизированы (это формулировки типа «капиталистическая реставрация», «контрреволюция»), либо выглядят искусственно (как

¹ Согласно известному тезису Х. Арндт, «только там, где присутствует пафос новизны и где новизна сочетается с идеей свободы, мы имеем право говорить о революции» [Арндт 2011: 39].

«революция» или «антиреволюция») и слишком неконкретно (так обстоит дело, например, с тезисом Л.Е. Бляхера о том, что в 1991 г. в России произошел просто «некий переход» режима из одного состояния в другой [Бляхер 2008: 27]).

Но если это все-таки была революция, то как мы можем ее охарактеризовать, и каковы были ее временные рамки? Ответу на данный вопрос будет посвящена заключительная часть статьи.

Характер и хронология антикоммунистической революции

Активно используемое в статье понятие «антикоммунистическая революция», на мой взгляд, вполне корректно, но оно отражает, в первую очередь, негативную повестку тех событий (направленность общественного недовольства против власти партийной элиты), и является недостаточным для понимания *природы* произошедшей в СССР революции. Здесь явно требуются некоторые уточнения. Попробую их дать.

В существующей литературе имеется масса вариантов ответа на вопрос о характере антикоммунистических революций в Восточном блоке. Например, Р. Дарендорф предлагал называть их либеральными, имея в виду, что они знаменовали собой победу идеи открытого общества над обществом закрытым [Дарендорф 1998]. А. Магун напротив полагает, что перестройку целесообразнее описывать как революцию консервативную, поскольку консерватизм был и остается «гегемонной идеологией» в позднесоветском и постсоветском обществе [Магун 2010]. А. Геллер формулирует понятие «постсовременные революции». По ее мнению, принципиально важно, что, в отличие от классических революций, антикоммунистические революции свергают современный, а не досовременный режим, делая страны бывшего соцлагеря частью постмодернистского глобального порядка и заканчивая соревнование великих идеологических нарративов, которое было характерно для эпохи Модерна². Известна также характеристика «бархатных революций» как «исправляющих» (“rectifying”), данная Ю. Хабермасом — эти революции определяются так, поскольку они не хотят изобретать ничего нового, их идеология строится на возвращении своих обществ к либерально-капиталистической «нормальности», нарушенной коммунистическим экспериментом [Kumar 1992: 316]. Хотя в России, добавим от себя, конкретный образ этой чаемой «нормальности» мог довольно сильно различаться у тех или иных политических сил, ведь помимо либералов в публичном поле были также хорошо слышны голоса почвенников вроде А.И. Солженицына, делавших упор на возвращении к «корням». Приведенные тут примеры можно множить и дальше, но мне кажется, что в данном случае важнее не столько найти какую-то удачную формулировку, точно схватывающую суть антикоммунистической революции в СССР, сколько выделить составляющие ее содержание процессы. Полагаю, что таковых было, по крайней мере, три — это была одновременно революция национальная, политическая и социальная.

Национализм в период перестройки стал важнейшим «нарративом сопротивления» (формулировка Дж. Голдстоуна), на базе которого происходило объединение антикоммунистических сил. По мере кризиса и разбалансировки всей советской системы именно идея национального самоопределения (вплоть до выхода из состава Союза) становится в республиках главным оппозиционным лозунгом, который местные элиты стремятся использовать в том числе и в своих интересах — для получения большей автономии от центра. Связано это было с тем, что этнонационализм был базовым принципом организации советского государства, состоявшего из множества национальных территорий с соответствующим «титულным» населением. И если на каком-то этапе этническая и общесоветская лояльности могли вполне

² Обзор различных подходов к революциям в ЦВЕ и их критику см.: Arato 1993: 609–646.

органично сосуществовать³, то экономический и политический кризис перестройки, постепенный распад советской «вертикали власти» и всеобщее разочарование в коммунистической идеологии существенно ослабили советскую идентичность, одновременно усилив иные ориентации людей [Beissinger 2002; Suny 1993].

Революционный субъект в годы перестройки часто осмыслялся именно в национальных категориях («мы, молдаване/армяне и т. д.» против коммунистической империи), а псевдофедеративное устройство СССР с делением на 15 союзных республик становится основой для возникновения альтернативных центров власти, отказывающихся подчиняться прежнему властному центру. Кстати, согласно Ч. Тилли, это и есть чистая «революционная ситуация» — переход политической системы в состояние «множественного суверенитета» (“multiple sovereignty”), т. е. в положение, при котором монополия «властного блока» (“power block”) на осуществление власти и применение насилия на определенной территории начинает с успехом оспариваться иными акторами [Tilly 1978: 190–193]⁴.

На первый взгляд кажется, что применительно к РСФСР сложно говорить о национальной революции — все-таки эта республика воспринималась как ядро советской империи, и русские не считались там «титულным» населением, однако, во-первых, у РСФСР были собственные национальные регионы, которые также включились в борьбу за автономию от Москвы («парад суверенитетов»), во-вторых, антиимперские настроения охватили тогда и значительную часть русских — достаточно вспомнить популярность манифеста А.И. Солженицына «Как нам обустроить Россию», в котором тот призывал соотечественников осознать, что «нет у нас сил на Империю! — и не надо, и свались она с наших плеч» [Солженицын 1995: 542], или же бесконечные сетования Б. Ельцина на то, что РСФСР кормит остальные республики. Не менее показательны и то, что на референдуме по поводу сохранения СССР в марте 1991 г. именно РСФСР (наряду с Украиной) дала наименьший среди всех республик процент голосов «за».

Апелляция республиканских элит и местной интеллигенции к национализму оказалась чрезвычайно удобной в ситуации, при которой разрушение «коммунизма» не сопровождалось выдвижением каких-либо новых идеологем и социальных альтернатив. В этих условиях идеей, которая могла бы сплотить и мобилизовать людей, стал национализм в разных его изводах. Это могли быть лозунги борьбы за «исконную» национальную территорию (как в армяно-азербайджанском конфликте вокруг Нагорного Карабаха), призывы к отделению от «советской империи» и «возвращению в Европу» (особенно популярные в Прибалтике) или к воссоединению народа, искусственно разделенного коммунистами (главный лозунг Народного фронта Молдавии тех лет — «Долой границу, разделяющую румынский народ!» [Фурман 2007: 286]). Интересно, что те факторы, которые в 1968 г. казались С. Хантингтону релевантными для революций в развивающихся странах «третьего мира» — значительная роль интеллигенции и националистической идеологии [Хантингтон 2004: 302–310] — через 20 лет сработали и во вполне модернизированном советском обществе. Так или иначе, одним из следствий коллапса коммунистической системы стало образование 15 национальных государств, подавляющая часть которых выстраивает собственную идентичность на факте обретения независимости от «советской империи». Кстати в идеологии «бархатных революций» в ЦВЕ также присутствовал национальный компонент, поскольку свержение коммунистических режимов, как правило, воспринималось там в связке с освобождением от диктата из Москвы.

³ В основе советской идентичности лежали конкретные символы, значимые для многих людей (среди них — успехи СССР в космосе, достижения советского спорта и, конечно, победа в Великой Отечественной войне), а также общие социокультурные практики, начиная от празднования Нового года или 8 марта и заканчивая просмотром культовых советских фильмов, цитаты из которых знала наизусть вся страна.

⁴ Идея о возможности применения концепции Ч. Тилли к событиям перестройки заимствована мной у Г. Дерлугьяна [Дерлугьян 2010: 233–234].

Вторым течением внутри антикоммунистической революции, как отмечалось, стала революция политическая. Она была направлена на устранение однопартийного режима во главе с КПСС, на демократизацию и либерализацию общественной жизни. Вероятно, это была наиболее романтическая составляющая революции в СССР, она же оказалась и самой провальной, поскольку успешного транзита от посттоталитаризма к стабильным демократиям на большей части бывшего СССР (за исключением стран Балтии) не получилось. Тем не менее, коллапс коммунизма все равно существенно трансформировал политическую сферу постсоветских обществ, в которых на смену однопартийным идеократиям пришли преимущественно гибридные политические режимы.

Что касается социальной революции, то она была связана с разрушением плановой экономики и переходом к рынку. Вследствие распада советской системы на пространстве бывшего СССР спустя несколько десятилетий вновь была легализована частная собственность, свободная торговля и предпринимательство, появился фондовый рынок, конвертируемая валюта и другие институты капитализма (хотя капитализма весьма своеобразного, часто называемого в англоязычной литературе “crony capitalism”, т. е. «капитализм для своих»). Параллельно начался демонтаж советского социального государства, которое в прежней реальности распределяло огромное количество благ — от бесплатного жилья до путевок в санатории. Словом, миллионы людей оказались брошены в совершенно иные социальные отношения. Тут, конечно, можно оговориться, что степень «рыночности» экономик в разных частях бывшего СССР, мягко говоря, неодинакова — даже в Центральной Азии разница в этом отношении между Кыргызстаном и Узбекистаном весьма существенна, а Беларусь все еще называют «последней нерыночной экономикой Европы» [Dabrowski 2016], но все-таки прежней командно-административной системы нет уже нигде.

Таким образом, движение от империи к национальным государствам (в данном случае автор не имеет возможности вступать в дискуссию об имперской природе СССР, речь идет о том, как это воспринималось участниками описываемых событий), демонтаж посттоталитарной идеократии и переход от системы, часто именуемой «советским социализмом», к капитализму и рынку составили реальное содержание антикоммунистической революции в СССР.

Теперь что касается ее временных рамок. В. Мау и И. Стародубровская отмечали, что российские события имели типичные для всех революций фазы развития, начиная от деинституционализации (резкого ослабления институтов государства в период, непосредственно предшествующий революции) и заканчивая термидором и постреволюционной стабилизацией, которая характеризуется восстановлением сильного государства, укреплением власти и консолидацией элит [Стародубровская, Мау 2004: 221–227]. Думается, что исходной точкой этих процессов можно назвать 1988 г. Именно тогда в СССР начинаются ключевые реформы (закон о кооперативах, решение о проведении альтернативных выборов на Съезд народных депутатов СССР и расширении прав советов); очевидным становится раскол в элите на «консервативное» и «реформистское» крыло; в прибалтийских республиках формируются народные фронты, вскоре ставшие основой для оппозиционной мобилизации населения, первая из советских республик — Эстония — принимает декларацию о своем суверенитете; в первом серьезном национальном конфликте времен перестройки, карабахском, проливается кровь (погром в Сумгаите) и начинается его стремительная эскалация; одновременно появляются явные признаки слабости режима и его существенной делегитимации в глазах населения, в т. ч. из-за нарастающих экономических трудностей. Один из показателей делегитимации власти — массовый выход из КПСС, который начинается в следующем, 1989 г. Соответственно, пиком описываемых процессов становится 1991 г. — августовский путч и развал СССР — когда ситуация «мультисуверенитета», по Ч. Тилли, оборачивается полным крахом системы.

Далее революционная волна постепенно идет на спад, и для России принципиально важным здесь является период 1993–1996 гг., когда оформились базовые элементы нового порядка — были созданы рыночные институты, в ходе приватизации произошло перераспре-

деление значительной части бывшей государственной собственности в пользу новых хозяев; кроме того расстрел парламента и принятие ельцинской Конституции сформировали основные черты постсоветской политической системы. При этом все 1990-е гг. государство продолжает оставаться достаточно слабым: Москва с трудом удерживает контроль над регионами — Чечня де-факто становится независимой, а сохранить юрисдикцию над некоторыми другими республиками удастся только ценой громадных уступок местным элитам; правительство часто не имеет возможности выполнять свои социальные обязательства (регулярные невыплаты пенсий, зарплат бюджетникам); государство в целом ряде случаев не может установить внятные правила игры и заставить экономических и политических акторов играть по ним. Наконец, с начала 2000-х гг. мы можем говорить о той самой постреволюционной стабилизации (консолидация элит, выстраивание «вертикали власти», экономический рост, обеспеченный благоприятной нефтяной конъюнктурой и пр.), которая свидетельствует о завершении революционного цикла. Его итоги, как и результаты любой другой революции, получились весьма неоднозначными для постсоветских обществ, но революция — вовсе не синоним прогресса, это всего лишь один из способов преодоления накопившихся внутри общества проблем и противоречий; способ, надо сказать, весьма затратный, влекущий за собой большое количество социальных издержек, но, к сожалению, порой неизбежный.

Арендт Х. 2011. *О революции*. — М.: Изд-во «Европа». — 456 с.

Бердяев Н.А. 1955. *Истоки и смысл русского коммунизма*. — Париж: YMCA-Press. — 160 с.

Бляхер Л. 2008. Революция как «блуждающая метафора»: семантика и прагматика революционного карнавала. — *Концепт «революция» в современном политическом дискурсе* / Под ред. Л.Е. Бляхера, Б.В. Межуева, А.В. Павлова. — СПб: Алетейя. — 360 с.

Голдстоун Дж. 2017. *Революции. Очень краткое введение*. — М.: Изд-во Института Гайдара. — 192 с.

Дарендорф Р. 1998. *После 1989. Размышления о революции в Европе*. — М.: Ad Marginem. — 271 с.

Дерлугьян Г. 2010. *Адепт Бурдые на Кавказе: эскизы к биографии в миросистемной перспективе*. — М.: Территория будущего. — 558 с.

Джилас М. 1961. *Новый класс*. — Нью-Йорк: Прегер. — 243 с.

Иного не дано... 1988. *Иного не дано*. Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. — М.: Прогресс. — 674 с.

Кагарлицкий Б. 2012. Неуловимая правда революций — *Логос*. — № 2 (86). — С. 65–80.

Кагарлицкий Б.Ю. 2005. *Управляемая демократия*. — Екатеринбург: Ультра. Культура. — 574 с.

Каллиникос А. 2005. *Антикапиталистический манифест*. — М.: Праксис. — 178 с.

Крыштановская О. 2004. *Анатомия российской элиты*. — М.: Захаров. — 381 с.

Кундера М. 1984. Трагедия Центральной Европы. — *The National Security Archive*. — Доступно: [https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/EastUropeProblems/1985-11-12/1985-11-12%20\(170-191\).pdf](https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/EastUropeProblems/1985-11-12/1985-11-12%20(170-191).pdf). — Проверено: 21.11.2018.

Ледяев В.Г. 2003. О сущностной оспариваемости политических понятий. — *Полис. Политические исследования*. — № 2. — С. 86–95.

Магун А.В. 2008. *Отрицательная революция: к деконструкции политического субъекта*. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. — 416 с.

Магун А. 2010. Перестройка как консервативная революция? — *Неприкосновенный запас*. — № 6(74). — Доступно: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/6/ma17-pr.html>. — Проверено: 21.11.2018.

Мау В.А. 2017. *Революция: механизмы, предпосылки и последствия радикальных общественных трансформаций*. — М.: Изд-во Института Гайдара. — 368 с.

Пантин И.К. 2004. *Судьбы демократии в России*. — М.: ИФ РАН. — 194 с.

Пастухов В. 2013. Преданная революция. — *Новая газета*. — 04.01. — Доступно: <http://www.novayagazeta.ru/politics/56123.html>. — Проверено: 21.11.2018.

Пастухов В.Б. 2012. *Реставрация вместо реформации. Двадцать лет, которые потрясли Россию*. — М.: ОГИ. — 526 с.

Пихоя Р.Г. 2017. Две революции: 1917 года и 1991 года: общее и особенное. — *Великая Российская революция 1917 г.: сто лет изучения: материалы международной научной конференции (Москва, 9–11 октября 2017 г.)*. — М.: Институт российской истории. — С. 50–58.

Ремизов М. 2004. Неоколониальная революция: осмысление вызова. — *Агентство Политических Новостей*. — 29.12. — Доступно: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=1237>. — Проверено: 21.11.2018.

Рогов К. 2018. Кризис перехода. — *Inliberty*. — 06.10. — Доступно: <https://www.inliberty.ru/magazine/issue8/>. — Проверено: 21.11.2018.

Розанов В.В. 2000. *Собрание сочинений. Апокалипсис нашего времени* / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. — М.: Республика. — 429 с.

Саква Р. 1998. Конец эпохи революций: антиреволюционные революции 1989–1991 годов. — *Полис. Политические исследования*. — № 5. — С. 23–28.

Словарь основных исторических понятий... 2014. *Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи в 2-х т.* / Сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле. — М.: НЛЮ. Т. 1. — 736 с.

Солженицын А.И. 1995. Как нам обустроить Россию? — *Публицистика: в 3 т.* Т. 1. — Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство. — 720 с.

Стародубровская И.В., Мау В.А. 2004. *Великие революции: от Кромвеля до Путина*. — М.: Вагриус. — 510 с.

Троцкий Л.Д. 1991. *Преданная революция*. — М.: НИИ Культуры. — 254 с.

Токвиль А. 2008. *Старый порядок и революция*. — СПб.: Алетейя. — 246 с.

Фурман Д.Е. 2007. Молдавские молдаване и молдавские румыны. — *Доклады Института Европы РАН*. — № 206. — М. — С. 278–315.

Фурман Д. 1994. Революционные циклы России. Полемические заметки. — *Свободная мысль*. — № 1. — С. 5–20.

Хантингтон С. 2004. *Политический порядок в меняющихся обществах*. — М.: Прогресс-Традиция. — 480 с.

Шубин А.В. 2008. *Золотая осень, или Период застоя. СССР в 1975–1985 гг.* — М.: Вече. — 352 с.

Шубин А.В. 2005. *Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР*. — М.: Вече. — 477 с.

Эйдельман Н. 1989. *«Революция сверху» в России*. — М.: Книга. — 176 с.

Arato A. 1993. Interpreting 1989. — *Social Research*. — Vol. 60. — No. 3. — P. 609–646.

Ash T.G. 1989. Revolution: The Springtime of Two Nations. — *The New York Review of Books*. — 15.06. — Accessed at: <https://www.nybooks.com/articles/1989/06/15/revolution-the-springtime-of-two-nations/>. — Проверено: 21.11.2018.

Beissinger M. 2002. *Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State*. — Cambridge: Cambridge University Press. — 503 p.

Dabrowski M. 2016. Belarus at a crossroads. — *Bruegel.org*. — 21.01. — Accessed at: <http://bruegel.org/2016/01/belarus-at-a-crossroads/>. — Проверено: 21.11.2018.

Goldstone J.A. 1991. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. — Berkley: University of California Press. — 600 p.

Jacobsohn G.F. 2014. Theorizing the Constitutional Revolution. — *Journal of Law and Courts*. — Vol. 2. — No. 1. — P. 1–32.

Kapustin B. 2007. Violence and Post-Communism. — *Theorising Social Change in Post-Soviet Countries: Critical Approaches* / Ed. by B. Sanghera, T. Yarkova, S. Amsler. — Oxford: Peter Lang. — P. 23–53.

Kumar K. 1992. The Revolutions of 1989: Socialism, Capitalism, and Democracy. — *Theory and Society*. — Vol. 21. — No. 3. — P. 309–356.

Pipes R. 1994. Did the Russian Revolution Have to Happen? — *The American Scholar*. — Vol. 63. — No. 2. — Pp. 215–238.

Suny R.G. 1993. *The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union*. — Stanford: Stanford University Press. — 200 p.

Tilly Ch. 1978. *From Mobilization to Revolution*. — NY: Random House. — 349 p.

ВЛАСТЬ ИЛИ УПРАВЛЕНИЕ? 6. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. ЧЕГО МЫ ХОТИМ ОТ ВЛАСТИ И ЧТО ДОЛЖНЫ ДЕЛАТЬ САМИ, ЧТОБЫ РЕАЛИЗОВАТЬ СВОИ ПОЖЕЛАНИЯ?

М.В. Рац
Независимый исследователь (Израиль)
С.И. Котельников
Независимый исследователь (Россия)
Б.Г. Слепцов
Независимый исследователь (Германия)

Аннотация: *Статья завершает серию публикаций авторов в 2014–2017 гг. Рассматривается ряд вопросов методологии социальных преобразований, прежде всего в связи с проблемой выхода России из «колеи» сменяющих друг друга реформ и контрреформ. Обсуждаются особенности работы с общественными идеалами в отличие от непосредственно реализуемых социальных проектов. Вводится представление об идеале развития и рассматриваются его важнейшие аспекты. Предлагаются рамки развития и права как необходимые регулятивы для формирования идеологии и политики.*

Ключевые слова: *методология, социальные преобразования, Россия, идеалы, развитие, право, идеология, политика.*

В России за десять лет меняется всё, а за двести лет ничего не меняется.

Петр Столыпин

Если ты хочешь построить корабль, не надо созывать людей, планировать, делить работу, доставать инструменты. Надо заразить людей стремлением к бесконечному морю. Тогда они сами построят корабль.

Антуан де Сент-Экзюпери

6.1. Подводя итоги

Завершается публикация серии наших статей под общим заглавием «Власть или управление?». В 2014 г. мы начинали свою работу с обсуждения нескольких проблем современно-

го мира, но в дальнейшем сосредоточились на одной, наиболее актуальной для нас и наших читателей. Это проблема выхода России из знаменитой «колеи» (Path Dependence) реформ и контрреформ, модернизации и застоя, которая с полным основанием квалифицируется именно как проблема, поскольку не поддается решению уже триста лет.

Мы опасаемся, что в перспективе неизбежная очередная модернизация имеет все шансы кончиться очередным застоём. А потому полагаем, что пользуясь стабильностью текущей ситуации, **следует дополнить вектор усилий мыслящих людей, направляемых на планы модернизации, вектором, нацеленным на подготовку выхода из колеи, смены способа движения. Но это совсем другая ориентация и другой предмет мысли.** Это означает не просто сменить временные масштабы обсуждаемых перспектив, а, как говорил Г.П. Щедровицкий, вывалиться из того пространства времени, в котором мы жили как люди, и оказаться в потоке исторического времени. А история свидетельствует, что ни реформы, ни революции здесь не помогают: все возвращается на круги своя.

Революции вообще последнее дело, но у нас ведь и реформы делаются по сию пору как «революции сверху». И в голову приходит крамольная идея, что начинать надо не с классического русского вопроса «Что делать?», а с вопроса «Как мыслить?» Деятельность должна выращиваться в коллективном мышлении и коммуникации. Мы считаем, что здесь и зарыта собака: отсюда концепция мыследеятельности Г.П. Щедровицкого, за которой стоит знаменитый тезис Маркса об архитекторе и пчеле и — как бы поверх него — старая идея «левого сдвига», переноса центра тяжести работы на подготовку и проработку предстоящих действий¹. Руководствуясь этой идеей, *мы предлагаем не программу действий, а повестку дня* (общественно-политических дискуссий).

А что это значит? Это ключевой вопрос для понимания всего последующего, да и для всей проделанной работы. Логика такова: в нашей (деятельностной) картине мира политика (Policy) требует идеалов, без которых она (но уже как Politics) превращается в господствующее пока политиканство. Сперва — идеалы, потом политика. Мы обсуждаем *понятие* идеала и предлагаем свою версию способов работы с идеалами — в отличие от проектов — вообще, а затем вводим представление о *своих* идеалах, специфике работы с ними и возможном типе политики для движения к ним. Поскольку для нас политика — открытая конкуренция идеалов и картин будущего, соглашаться со сказанным совершенно не обязательно. Можно работать в иных картинах мира, пользоваться другой логикой, руководствоваться другими идеалами и т. д. Все это, с нашей точки зрения, и подлежит *обсуждению* в рамках текущей повестки дня общественно-политических дискуссий, таково наше дополнение к ней. (Это шаг в направлении упомянутого левого сдвига, который касается далеко не только российской колеи, на которой мы сфокусировались.) Ни о каких социально-политических *действиях* речи нет: **мы занимаемся не политикой, а философией и методологией политики.**

Поэтому первостепенный интерес представляют для нас отношения с читателями — потенциальными единомышленниками и сторонниками других взглядов. По отношению к читателям на сегодняшний день у нас две цели. Первая: мы хотим увидеть своих последователей и потенциальных соавторов. Работы на всех хватит. Не менее (а может быть, и более) важна вторая, относящаяся скорее к читателям инакомыслящим. От них мы ждем критики, служащей топливом для работы, которая продолжается. И мы хотим даже в данной, отдельно взятой публикации дать пищу для такой критики, а заодно, если повезет, разбудить и интерес

¹ Напомним: «...Самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове». Мыследеятельность трактуется как деятельность, обеспечиваемая мышлением: «...Деятельность и действие могут и должны существовать только вместе с мышлением и коммуникацией. Отсюда и само выражение „мыследеятельность“ ... должно заменить и вытеснить выражение „деятельность“» [Щедровицкий 1995: 297–298]. В ожидании этого вытеснения (не факт, что оно произойдет: у языка свои законы) мы — авторы — ради простоты и краткости говорим о деятельности, имея в виду мыследеятельность, за исключением тех случаев, когда важно разделение мышления и деятельности и когда важно отличать полную мыследеятельность от ее разнообразных редуцированных форм.

читателя к работе в целом. При всех обстоятельствах мы предъявляем к самим себе требование парресии [Фуко 2011] — предельной интеллектуальной честности.

6.1.1. Контекст нашей работы. Оглядываясь на пройденный нами путь и проделанную работу, мы видим дефицит их контекстуального осмысления. Если фокусироваться на российской колее, то сам факт многовекового пребывания в ней свидетельствует о дефиците общественно значимой рефлексии и мышления. Движение в колее, по заданной траектории оестествляется и в некотором смысле становится равносильным состоянию покоя. «Просто так», как говорится, на ровном месте сменить такой способ движения страны в будущее — пустая затея. Надорвемся и ничего не сделаем.

Прорабатывая замысел выхода из колеи, смены способа движения в надежде на вовлечение новых участников, нам нужно найти те долговременные (исторические) процессы, которые текут независимо от нас и «оседлав» которые мы рассчитываем продвинуться в будущее. Вообще говоря, это проще сказать, чем сделать: процессов таких с разной шириной полосы захвата (местными, региональными, глобальными) и разными временными масштабами (поколенческими, вековыми, тысячелетними) можно выделить много. Но мы, опираясь на свое видение истории, выше неявно сделали такой выбор, указав на идею «левого сдвига», переноса центра тяжести работы с осуществления на подготовку и проработку предстоящих действий.

Здесь нужно вспомнить про то, что мы писали [2016а: 38–45]² о Новоевропейском повороте, или «втором осевом времени» (XVI–XVII вв.), которое знаменовалось развитием рефлексии и переориентацией мышления на обеспечение деятельности. Тогда в Европе интенсифицировались процессы (точнее, полипроцессы) *интеллектуализации и диверсификации деятельности*³. Уже в XX веке на фоне бурного развития прожективного мышления процесс интеллектуализации, с нашей точки зрения, нашел оформление в концепциях мыследеятельности и организационно-управленческой деятельности [Щедровицкий 1987, 2000, 2003]. В последние годы в работах П. Щедровицкого [Щедровицкий 2018 и др.] наметился рубеж в обсуждении фундаментальной идеи разделения труда. Подводятся итоги и переосмысливается почти трехвековая история этой идеи, приобретающей онтологический статус и предполагающей дальнейшую артификацию сложного комплекса связанных с нею процессов деятельности.

Мы, таким образом, работаем в рамках процесса интеллектуализации, а конкретно — в традиции Московского методологического кружка (ММК), к выходцам из которого себя причисляем. И делаем при этом упор на процессуальной стороне мыследеятельности — развитии и тесно связанной с ним тенденции левого сдвига. В этом ракурсе за российской колеей начинает просматриваться гораздо более масштабная, в сущности, глобальная *интеллектуальная колея*, восходящая к тому же Новоевропейскому повороту. Она связана с такой его мощной ветвью (или даже основным стволом?) как естественная наука и с таким фундаментальным понятием как Природа, противостоящая Человеку в качестве основного объекта приложения его познавательных, а затем и преобразовательных усилий. На этом пути были достигнуты грандиозные успехи в хозяйственной деятельности человека, которые закрепили и расширили сферу применения складывавшегося в итоге естественно-научного и, шире, натуралистического подхода. Ближайшие к нему формы осмысления этого феномена получили известность как господство «инструментального» (Хоркхаймер) или вычисляющего (Хайдеггер) разума, «научная идеология» (Хабермас).

² Как и прежде, вынужденные частые ссылки на свои ранее опубликованные статьи этой серии мы для краткости даем в форме указания на год публикации, опуская имена авторов. Например, ссылки на нашу статью об истории, публиковавшуюся с продолжением в двух номерах «ПК», вместо [Рац, Котельников, Слепцов 2016-а (или -б)] будут выглядеть так: [2016-а (или -б)].

³ В частности, совсем недавно был выделен важнейший момент этой истории: автономизация конструктивного мышления, оформляющего свои результаты в схемах [Воловик, Щедровицкий 2018].

Здесь важно иметь в виду, что эти и иные формы осмысления используются применительно к двум принципиально разным областям мышления и деятельности, которые мы вслед за Г. Щедровицким квалифицируем как деятельность с косным материалом (природы) и «деятельность над деятельностью». Это различие становится более понятным, если соотнести его с античной традицией противопоставления архаичного ойкоса, мира хозяйственной деятельности, и полиса — нового (для древних греков) политического мира. В первом должен быть хозяин и господствует принуждение, во втором общие дела улаживаются посредством слов, убеждения. Согласно Х. Арендт [Арендт 2000: 42], «удовлетворение жизненных нужд внутри домашнего хозяйства создает условия для свободы в полисе».

Возвращаясь к нашему времени, нарочито упрощая и огрубляя положение дел, можно сказать, что природа, пусть и с переменным успехом, «покорена». В этом контексте отправной точкой нашей работы явилась шедшая параллельно *экспансия «научной идеологии»*. Она вышла за границы хозяйственной деятельности человека в мир человеческого общежития. Естественное в рамках такой идеологии отношение к общественным преобразованиям как к «покорению природы» наложилось на многовековую традицию властного правления. Основой общественных отношений остались отношения господства-подчинения, когда подчиненные рассматриваются «начальниками» как косный материал, который тоже надо «покорять». Что и характерно для России: ныне как наши власти, так и «несистемная оппозиция» равным образом остаются в рамках инструментального разума, надо признать, мало отличаясь в этом отношении от подавляющего большинства действующих политиков других стран.

В таком контексте российская колея приобретает как бы двойное существование. С одной стороны, она закрепляется в форме «русской системы» (Ю.С. Пивоваров) сакрализованной власти, с другой — находит выражение в господствующей ментальности, лишаящей массового человека автономии, личностного начала, субъектности. В результате возникает «популярная — население, лишённое субъектной энергии» (Пивоваров), а Ю. Рост [Рост 2014] различает народ и население. «Народ защищает то, что у него есть: самостоятельность, достоинство, язык, национальную культуру и самобытность, способность учиться у соседей, терпеть их. Население защищает то, чего у него нет: исключительность, национальное превосходство, патриотизм, свободу от ограничений».

6.1.2. Краткое содержание предыдущих серий. В целом мы представили итоги своей работы на обсуждение в прошлом году [2017]. Сейчас же попытаемся предельно сжато изложить квинтэссенцию сделанного и, отталкиваясь от нее, обсудим важнейшие понятия и представления, необходимые для работы с будущим.

Собственно, вся наша работа есть попытка выбраться из означенной интеллектуальной колеи. В ее (колеи) рамках все усилия направляются на смену (модернизацию, реформирование) *сложившихся форм* организации общежития. Но деятельностный подход открывает другие возможности: мы можем на время оставить в стороне формы, на которых центрировалось внимание классиков общественно-политической мысли. Пока что последуем за А. Сент-Экзюпери (см. эпиграф) и Й. Шапиро [Шапиро 2012: 33], избегающим конструирования «правильной» модели общества в надежде на человеческую энергию и изобретательность. **Государство и право, общество, социальные институты и даже люди — всё это для нас вторичные организovanности мышления и деятельности. Но тогда именно на мышлении и деятельности мы должны сосредоточить внимание с тем, чтобы в дальнейшем проследить, как они порождают названные организovanности (или «превращаются» в них) и каковы наши возможности повлиять на эти процессы.** Таким образом, наша логика в этом отношении диаметрально противоположна традиционной и пока доминирующей.

Это и есть наша версия той смены направления усилий, о которой мы говорили в начале: с вектора на способ движения. Мы вынуждены сделать здесь две оговорки. Первая — во избежание недоразумений: мы не предлагаем *заменить* традиционную логику (и соответственно повестку дня), а предлагаем желающим *дополнить* ее, опробовать другие возможно-

сти, которые здесь обсуждаются. Вторая — по содержанию: понятно, что квалификация человека как вторичной организованности мышления и деятельности для свежего читателя звучит, мягко говоря, неожиданно. Но вопрос очень непростой, не повторять же здесь соображения по этому поводу, опубликованные в наших прежних статьях [2014: 168–170, 2016-а: 42–44]. Ограничимся указанием на то, что мы имеем в виду автономную личность (в кантовском понимании), субъекта, и напомним выразительную формулу Г.П. Щедровицкого по этому поводу: рождается не человек, а возможность стать человеком.

В рамках предлагаемой логики у нас сформировалось убеждение, что российская колея является следствием особой формы правления, ограничивающей и затрудняющей предпринимательскую (в самом широком смысле) инициативу граждан. (Это, как мы понимаем, то, что Д. Норт и др. [Норт и др. 2011] называют «порядком ограниченного доступа».) И мы можем сформулировать самую общую (и совершенно не оригинальную) гражданскую установку, с которой и выступаем: **мы хотим свести к минимуму (неизбежные) отношения господства-подчинения** между людьми. Иными словами, мы хотели бы жить в обществе, где перемены в жизни граждан не осуществляются «без спросу», без участия самих граждан, и граждане имеют максимальную свободу для предпринимательских инициатив. **Наш идеал — соучастие граждан в принятии любых затрагивающих их интересы решений.** Как говорят искушенные политические мыслители, это равносильно сведению к минимуму отношений господства-подчинения между людьми. Такая установка характерна, в особенности, для традиции республиканизма.

Мы оказываемся тем самым в сфере обсуждения *проблем власти и государственного управления* — как обычно маркируют подобный круг вопросов. И здесь означенная выше логика приводит нас к нетривиальным результатам. Но обсуждая и продвигая их, не следует забывать, что после всего этого нас ждет переход от идеальных мыслительных конструкций к реальности, представляющий собой известную проблему «восхождения от абстрактного к конкретному». От позиций к людям, от систем правления к государствам и правительствам, от организационных идей к конституциям и т. д. Особенно важно здесь различие между *людьми*, об отношениях между которыми мы говорили выше, *местами* и *позициями*. На тех или иных местах в социальных структурах (должностях) люди оказываются, как говорится, «по жизни», а вот позиции они занимают в результате самоопределения, осуществляя соответствующий данной позиции тип деятельности. Именно *позиции*, в которых выражается кантовская автономия личности, фигурируют в наших идеальных представлениях и методологических схемах. А конечной целью является ликвидация (точнее, сведение к минимуму) отношений господства-подчинения между *людьми*.

Итак, мы занимаемся, как сказали бы строители, нулевым циклом: роем котлован и закладываем фундамент будущего здания. Пока что в проделанной работе можно выделить два-три смысловых узла.

(I) Управление против власти. Это фундаментальное различие и противопоставление, носящее онтологический характер. Исходно мы имеем в виду *правление* как отношение, обеспечивающее реализацию замыслов одних людей с привлечением других. Делается это, скажем на первый раз, посредством передачи некоей «информации» (от онтологических картин до прямых указаний — в зависимости от ситуации) от тех, кто правит, тем, кем правят. И тут важно, что и как именно передается, каким образом и в каких условиях. Правящие привлекают других (1) как соучастников общего дела в случае *управления*, либо (2) как исполнителей чужих замыслов в ситуации *властвования*. Вспоминая И. Канта, можно сказать: (1) *при участии*, либо (2) *посредством* других людей. Таким образом, выделяются два полярных идеальных типа (в веберовском смысле) правления, отвечающие двум основным способам его осуществления — «убеждению» и «принуждению»⁴.

⁴ Для понимания этого различия полезно вспомнить еще Г. Спенсера с его «воинствующей» и «промышленной» (мирной) организацией.

Власти как *социальному* отношению (между людьми в обществе) противопоставляется управление — отношение между *деятельностными позициями*, которые люди занимают не в силу их социального статуса, а в соответствии с типом осуществляемой ими целенаправленной деятельности. Власть — в только что введённом [подробнее см.: 2015] понимании — предполагает устойчивое разделение общества на властвующих и подвластных, имеющих различные интересы. Поскольку речь идет о социально неравносильных подсистемах, здесь и возникают отношения господства-подчинения. В противоположность власти управление в идеале предполагает динамичность и ситуативность деления общества на управленцев и управляемых. При этом отношения господства-подчинения оказываются попросту невозможными.

Они невозможны, потому что вместо передачи «информации» сверху вниз здесь идет равноправная коммуникация, и управляет тот ее участник, которому удается осуществить знаниево-рефлексивный охват управляемой системы [Щедровицкий 2000, 2003]. Управление опирается на мышление и рефлексию как самих «управляющих», так и «управляемых», что обеспечивает активное, творческое участие представителей всех заинтересованных позиций (а по сути дела — *самоуправление*). Эта идея является для нас идеалом правления — выражением *должного*. Властное же правление, если его рассматривать сквозь призму этого идеала, следует уподобить «деятельности с косным материалом», в качестве какового выступают лишаемые субъектности «подвластные».

Принципиально также понимание власти и управления именно как *идеальных типов* или, как говорил Щедровицкий, «поляризующих абстракций». В практике, в т.ч. «государственного управления», эти способы правления «в чистом виде» не встречаются. Мы всегда имеем дело с теми или иными *системами правления*, «политическими режимами», которые теперь, после выделения идеальных типов, могут трактоваться как те или иные сочетания этих типов. Недаром говорят об «органах власти и управления». Для бытующих форм правления с доминантой властных отношений мы предложили даже специальный неологизм: *управласть*.

Исторически мы считаем идею различения власти и управления первым шагом возможного следующего этапа демократизации правления после разделения властей [подробнее об этом см.: 2017: 84–87]. На перспективу, переходя от типов к системам правления, мы видим два основных вопроса. Первый: будут ли властвование и управление складываться в различные системы правления естественноисторически (как это происходит по сию пору), либо (как мы предлагаем) станут результатом нашей рефлексии и организационно-проектного мышления? Второй: какой из способов правления должен — с точки зрения движения к нашему идеалу — доминировать в системе правления, а какой — выполнять в этой системе вспомогательные функции?

(II) Идеал деятельности над деятельностью против управласть. Исторический опыт говорит о том, что властный способ правления доминировал и доминирует до сегодняшнего дня едва ли не во всех известных системах правления. Управленческие воздействия играли и играют в них лишь второстепенную, подчинённую роль.

Конечно, множество систем «управласть» неоднородно. При этом историческая тенденция, особенно в Новое и Новейшее время, состоит в постепенном вытеснении отношений господства-подчинения, что особенно заметно в т.н. развитых странах. Но мы видим и противоречивость этого процесса, — особенно имея за плечами опыт катастроф XX века. И особенно в таких странах, как Россия или Турция, которым, несмотря на все усилия интеллектуалов и государственных деятелей на протяжении Нового времени и до сего дня, не удается выбраться из пресловутой «колеи». Именно поэтому мы полагаем необходимой *артификацию* упомянутой только что тенденции.

В основу своей работы в этом направлении мы положили идею Г.П. Щедровицкого [Щедровицкий 2000] о «деятельности над деятельностью» как обобщении организационно-

управленческой деятельности (ОРУ). Такое обобщение необходимо, поскольку отношения рефлексивного охвата и поглощения/ассимиляции встречаются во взаимодействии систем деятельности много чаще, чем ОРУ. В частности, таковыми оказываются все взаимодействия, обеспечивающие проработку и реализацию преобразовательных замыслов на протяжении их жизненного цикла: от порождения неудовлетворенцами до претворения в жизнь (либо отказа от них). Учитывая эти обстоятельства, мы и сконструировали схему со-организации важнейших типов мыследеятельности, необходимых для осуществления преобразований⁵.

Диверсификацию деятельности над деятельностью и оформляющую ее «схему лестницы» мы рассматриваем как прямую альтернативу управласти, а также как второй шаг (вслед за различением власти и управления) на пути демократизации систем правления после разделения властей. т. е. речь идет о своего рода репликации противостояния идеальных типов власти и управления на уровне систем правления. Схема может интерпретироваться как онтологическая и организационно-деятельностная, и мы приписываем ей две разные функции. Это функции идеальной картины правления и средства (организации и проведения) преобразований.

(II-а) Организационно-деятельностная интерпретация. В такой интерпретации схема представляет *методологию социальных преобразований*. т. е. отвечает на вопрос о том, как должны организовываться и проводиться такие преобразования. Конкретнее, что и как должны делать реформаторы в разных деятельностных позициях, вооружаясь присущими каждой позиции методами и средствами и отталкиваясь от неудовлетворительного положения дел. В основе схемы лежит строгая функционализация упомянутых позиций: ответственного за перемены управления, обеспечивающей стабильность общественно-политической системы власти/нормоконтроля, балансирующих эти составляющие политики и поддерживающей целостность системы методологии.

Методологическая схема может выступать как своего рода средство передвижения в пространстве мысли. Неудовлетворенец, «реформатор» как бы входит в схему и действует далее сообразно ситуации и занимаемой им далее позиции: методолога, политика, управленца или чиновника. (Работа чиновника — нормоконтроль, или институциональный контроль — трактуется нами как особый тип мыследеятельности, имеющий проблемную установку и входящий в схему лестницы на общих основаниях.) Нормоконтроль и проблематизация инициатив на входе оставляет мало шансов на проработку пустых затей. Зато перспективные замыслы попадают в «машинку», обеспечивающую их реализацию и авторский надзор за ее ходом.

Особенность нашей (авторов) позиции состоит в том, что построив схему лестницы, мы используем ее в своей собственной работе: входим в нее и работаем как прикладные методологи, на данном этапе озабоченные проработкой, а в конечном счете — продвижением своего проекта в политику. По замыслу наше предприятие чрезвычайно масштабно, и, если дело пойдет на лад, оно потребует участия большого количества людей. Хотим мы этого или нет, тогда выделится группа, организующая и направляющая работу коллектива. Согласно нашему замыслу работа этой группы будет идти по той же схеме, которую мы представляем теперь как идеальную для процесса преобразований.

(II-б) Онтологическая интерпретация. Так или иначе, представление о системах правления задает прочтение схемы, которую можно представить теперь как идеал для системы правления (российского) государства далекого будущего. Идеалом для нас, согласно сказанному ранее, является такая система правления, в которой отношения господства-подчинения сведены к минимуму и строго функционализированы. Определение этого минимального уровня и этих функций безусловно должно стать предметом тщательной проработки, но вна-

⁵ Первая редакция в [2014], последняя — в [2017: 80]. Советуем заинтересованному читателю, как минимум, посмотреть на нее, а лучше прочесть и сопровождающие ее пояснения.

чале идеальный статус должен быть закреплён как принцип. Принцип состоит в том, что **активное начало в паре управление — власть/нормоконтроль принадлежит управленческой деятельности (ОРУ). Власть пассивна (лишена права менять что-либо в жизни подвластных законопослушных граждан) и ответственна только за соблюдение действующего законодательства.**

Управление ответственно за осуществление необходимых в обществе перемен и ориентирована для этого на вскрытие *проблем* жизни общества. (Желательно на стадии их вызревания.) Основным средством управленческой мыследеятельности должно стать *программирование*, включающее анализ ситуаций, проблематизацию, перевод проблем в задачи и пр. (о нем поговорим в п. 6.2.2). Предусматривается вовлечение в эту работу всех заинтересованных общественных позиций. Функции властных (принудительных) отношений ограничиваются обеспечением стабильности общества посредством десубъективированной «власти закона». Вопрос о границе, разделяющей зоны ответственности управления и власти — самый актуальный, но требует специальной проработки с участием юристов.

Здесь еще важно подчеркнуть, в чем именно состоит отличие деятельности разных типов и соответственно «ступенек» нашей лестницы от классических ветвей власти. Последние представлены разными учреждениями (парламентом, правительством, судом), где работают разные люди. Деятельности же, составляющие идеальную для нас систему правления, напротив, различаются своими функциями, нормами и средствами работы, но они могут «жить» на одних и тех же людях и в одних и тех же учреждениях [подробнее об этом см.: 2017: 84–87]. В известной мере дело так обстоит и сейчас, но разделение функций власти и управления требует специальной проработки и артикуляции этого момента при переходе от схемы, выражающей *принцип* организации системы правления, в социальную и учрежденческую действительность.

Возвращаясь теперь к процессуальной интерпретации схемы, подчеркнем, что система общественно-политических преобразований рассматривается как процессуальный *pendent* идеала системы правления. Её (схемы) разворачивание в «длящемся настоящем» означало бы, что *сами преобразования уже сегодня осуществляются методами и средствами из «идеального будущего»*. Что, среди прочего, в корне отличает наш замысел от строительства коммунизма посредством диктатуры пролетариата, как, впрочем, и от любых иных известных нам утопий. Как свидетельствует исторический опыт, средства могут до неузнаваемости изменить цель. Поэтому **разработка необходимых средств (в мысли) должна предшествовать социальным преобразованиям (в деятельности), для использования в которых эти средства предназначаются.** (Мы именно так и работаем не потому, что руки коротки что-то менять в обществе, — что само по себе бесспорно, — а по принципу.) Расхожая аналогия с обучением плаванию здесь не годится.

В контексте нашего замысла в целом схема лестницы в ее организационно-деятельностном прочтении выступает как проект, прорабатываемый и реализуемый непосредственно в нашей работе (как «средство движения»). Как будущая схема правления она пока оказывается для нас идеалом, достижение которого весьма проблематично.

Все эти соображения, однако, не имеют прямого отношения к вопросам структуры органов «власти и управления», привычным для специалистов по государственному управлению, а тем более практиков. Еще раз подчеркнем различие между позициями, которые человек занимает по ситуации сообразно осуществляемой в данный момент деятельности, и служебными (функциональными) местами, зафиксированными в штатном расписании. В проработке темы правления мы еще не подошли даже к уровню прямой коммуникации с «начальством», и это надо иметь в виду, оценивая масштабы и ориентацию продолжения нашего дела.

6.1.3. Несколько слов о нашей работе. Для нас важна норма работы, принятая в ММК: регулярный рефлексивный анализ, включающий как критическую переоценку сделан-

ного, так и взгляд в будущее. Данная глава отвечает этому жанру конструктивной рефлексии. На протяжении последних пяти лет, начиная с 2013–14 гг., мы вынашивали и прорабатывали свой замысел социальных преобразований, доведя его в прошлом году до состояния *концепции*. Ее очень краткое содержание мы изложили выше, но, имея в виду продолжение работы, полезно пояснить (а заодно и прояснить для себя) несколько важных вещей вослед написанному.

В целом нашу работу по содержанию можно отнести к методологии или «философии социальных преобразований» [Федоров 2006], затрагивающей целый ряд болезненных процессов и явлений современного мира. Мы считаем работу в этом направлении, особенно в ее методологической ипостаси, в высшей степени ответственной в смысле ответственности за будущее [Йонас 2004], которое нас интересует прежде всего. (Отсюда и требование опережающей разработки средств мышления и деятельности, по контрасту напоминающее о советской догме опережающего развития средств производства.)

Наша работа строится по известной коллегам методологам схеме шага развития [2016а: 29], по которой, кстати, осознавая это или нет, работают все предприниматели и не только они. Мы выстраиваем в мысли тот шаг в будущее, который хотим сделать в реальности, чтобы изменить не удовлетворяющее нас положение дел. А именно:

(1) прорисовываем для себя два противостоящих представления: желаемую и наличную картины (в нашем случае — политической системы);

(2) намечаем собственную позицию, в которой намерены способствовать переходу из одной в другую; и

(3) оснащаем ее недостающими средствами.

По ходу работы можно было бы — следуя «модному» подходу к делу — переходить к политическим действиям, встраиваться в существующую политическую систему и т. д. Но это не входит в наши планы. Мы занимаемся разработкой средств общественно-политических преобразований и изменять своей методологической позиции не будем.

Тем не менее, наша позиция — из числа тех, которые в советские времена именовали «активной жизненной позицией». Мы не считаем себя идиотами в древнегреческом значении слова (как известно, в античной Греции идиотами называли людей, которые, будучи гражданами и имея соответствующие права, не пользовались ими). Более того, мы уже говорили, что, с нашей точки зрения, гражданин ответственен за жизнь своей страны, и только его личной мощью, не считая случайного стечения обстоятельств, определяется радиус его влияния.

И здесь, наверно, пора ответить на вопрос, вынесенный в подзаголовок этой статьи. Наш основной практический вывод из проделанной работы и, соответственно, основа намечаемой нами перспективы состоит в том, что **ответственность за общественное развитие должны взять на себя мы сами — граждане России**. Именно эту инициативу призвана подготовить наша работа. Однако и стабильность общества представляет для нас неоспоримую самостоятельную ценность. Так вот, мы ожидаем, что **ответственность за сохранение стабильности при осуществлении необходимых преобразований останется за «властями предержащими»** — но уже не как гражданами (каковыми, несомненно, должны быть и представители органов власти), а в силу их служебного положения.

Теперь мы должны хотя бы коротко прокомментировать вопрос о различных ценностных ориентациях деятельности, ориентированной на будущее. Кажется, этот вопрос как-то выпал из текущей повестки дня не только «органов власти и управления», но и общественно-политического дискурса вообще. Складывается впечатление, что по умолчанию государство озабочено едва ли не исключительно своей безопасностью и поддержанием стабильности. Заботы, бесспорно, необходимые, но, с нашей точки зрения, заведомо и принципиально недостаточные. В конце нулевых годов обсуждался еще вопрос о модернизации, но и этого недостаточно: **мы говорим о развитии и утверждаем, что без этого ни стабильность, ни безопасность в длительной перспективе обеспечены быть не могут.**

Все это разные ориентации, и, хотя они взаимно дополнительные, важно учитывать специфику каждой из них и ранжировать сообразно меняющейся культурно-исторической ситуации. Это именно то, чего у нас не делается, и государственная политика по этой причине приобретает чисто ситуативный характер. Наша работа неслучайно ориентирована на развитие: мы полагаем, что в нем должны сочетаться и со-организовываться все другие процессы. Эту тему мы обсудим специально в п. 6.3, сейчас же пропедевтически сопоставим в двух словах модернизацию и развитие.

Мы говорим о них как о двух противоположных способах и путях движения страны в будущее. (Догоняющая) модернизация⁶ — это хорошо известный нам способ движения и социальных преобразований, ориентированный на известные, т. е. признанные таковыми, образцы современности. Реформы Петра I, Екатерины, Александра II, вынужденные революцией 1905 г. преобразования Николая II, в некотором смысле и сталинская индустриализация — характерные примеры такого рода, неслучайно чередующиеся с эпохами застоя. В итоге и получается та самая колея, о которой мы говорили в начале и выход из которой пока не просматривается. Она может тянуться до бесконечности, и есть все основания считать, что мы имеем дело с проблемой, способ решения которой (в отличие от задачи) никому неведом. Можно сколько угодно рассуждать о независимых судах, совершенствовании институтов и правовом государстве, но это пока ничего не дало.

Собственно, вопрос о том, что и как делать в этой ситуации, мы и обсуждаем. Самый общий теоретический ответ в нашей системе представлений известен. Надо на время оставить в стороне прямой вопрос и заняться совершенно другим — «знанием о незнании»: каких методов, средств, знаний нам не хватает для решения первого вопроса? Наша версия ответа на этот, второй вопрос начинается с того, что в общественно-политических дискуссиях на эту тему нет главного: *предмета мысли, категориального определения пути, альтернативного модернизации*, которая, как свидетельствует история, выхода из колеи не сулит. В качестве такого предмета мысли мы и рассматриваем развитие.

У идеи развития сложная и недостаточно проработанная история. Колебания от гегелевского развития мирового духа до естественнонаучных интерпретаций привели к тому, что слово «развитие» потеряло собственное значение и сейчас используется как термин свободного пользования. Сама же идея, во всяком случае, в СССР/России, систематически прорабатывалась едва ли не только в Московском методологическом кружке, традиции которого мы стараемся придерживаться. В отличие от господствующих натуралистических представлений (развитие как необратимые изменения предметов во времени и т. п.) мы говорим о развитии применительно к человеку и обществу как о движении вперед *при отсутствии образцов*. (И это лишь одно из наших «наводящих» соображений: развитие для нас — одна из сложнейших философских категорий, с которой мы разбираемся постепенно, по ходу работы.)

Для начала напомним известные метафоры. А.Д. Сахаров уподобил движение Америки и СССР бегу двух лыжников, один из которых прокладывает лыжню по рыхлому снегу, а второй догоняет первого. В нашем случае первый иллюстрирует идею развития, второй — модернизации. Аналогичным образом можно интерпретировать суждение крупнейшего американского историка русской науки Л. Грэхэма, получившее известность благодаря использованной позднее метафоре о желании российских властей получить «молоко без коровы». «Лидеры России, от Петра Великого до современности, повторяют ту же самую ошибку. Они думают, что самое важное — заполучить технологии. Но это не самое важное. Самое важное — создать общество, в котором технологии могут развиваться» [цит. по: Ваганов 2011].

Мы вернемся к этой важнейшей для нас теме в п. 6.3, а пока скажем авансом, что для нас определяющую роль в понимании развития играет тезис, гласящий, что развиваться мо-

⁶ Мы уже писали о двух разных значениях слова «модернизация». Они не всегда различаются даже в научных текстах. Мы говорим здесь о так называемой «догоняющей» модернизации в отличие от становления современного общества «вообще», за которым не просматривается никакого предмета мысли.

жет только особая связка мышления и деятельности. (Она и получила название мыследеятельности.) Причем верно и обратное: такая связка не может выстраиваться и существовать иначе, как в развитии. Все остальное — от ребенка до страны, от науки до животноводства развивается — уже в общепринятом употреблении этого слова — только по сопричастности к мышлению и деятельности.

Применительно к России наряду с парой *модернизация — развитие* следовало бы рассмотреть и другую: *обеспечение безопасности — развитие*. Она не менее содержательна, чем рассматриваемая нами, а в нынешней ситуации к тому же более актуальна. Мы уже говорили, что власти предрасположены преимущественно озабочены грозящими, якобы, стране внешними опасностями. Поскольку, однако, мы не обсуждали этот сюжет в завершаемом цикле статей, оставим его на будущее, но заметим, что уже обращались к нему ранее [Рац и др. 1994, 1995]⁷.

В заключение для возможных новых читателей еще раз подчеркнем, что **как намечаемые нами идеалы, так и возможные действия, нацеленные на движение в их сторону, мы понимаем только и исключительно как одно из возможных направлений политической (и не только) мысли, развитие и реализация которой видятся в конкуренции с другими**. Здесь ключевые слова — направления мысли и конкуренция (без которой нет политики). Вполне возможно, что наши нынешние соображения не выдержат конкуренции, и их придется сильно менять. Тем не менее, мы будем считать свою задачу выполненной, если нам удастся сменить *повестку дня* текущих общественно-политических дискуссий или, скажем точнее, — дополнить ее.

6.2. Мы и наше будущее

6.2.1. Методология и утопия (ответ критикам). Наряду с постоянным обсуждением текущей работы на методологическом семинаре среди коллег мы сталкиваемся с критикой извне — со стороны представителей иных интеллектуальных школ. При всей условности такого деления внешняя критика адресуется, естественно, не только нам троим в связи с нашей работой, но и традиции ММК в целом или по частям. Она выражает то понимание мировоззрения и деятельности методологического сообщества и то отношение к нему, которое начало складываться еще в советское время. В те времена, правда, это отношение выражалось преимущественно в замалчивании, но в последние годы стало открытым.

Разумеется, как позиции наших коллег, так и внешних критиков достаточно разнообразны. Мы сосредоточим внимание на важнейшей, с нашей точки зрения, линии критики, которая отвечает мейнстриму социально-философской мысли и одновременно относится к методологии нашей конкретной работы. Но самое главное то, что она неявно выражает общественное мнение, скорее даже здравый смысл наших современников. (Последний же, согласно Х. Арендт [Арендт 2014: 13], «есть не что иное, как наш ментальный орган, предназначенный воспринимать и понимать реальность и фактичность и взаимодействовать с ними».) Пожалуй, самое выпуклое выражение эта линия находит в более или менее явном идентификации СМД-подхода и методологии в версии ММК с социальным утопизмом и утопическим мышлением вообще.

И нам, и нашим коллегам инкриминируется отрыв от реальности, пренебрежение историческим опытом и проблемами реализации наших замыслов, «инженерная установка» в отношении к социальным преобразованиям. Особенно выразительны в этом плане суждения В. Куренного и И. Кукулина, опубликованные на портале «Полит.ру» [Школа Щедровицкого... 2017]. В. Куренной вообще считает, что «методология Щедровицкого — крайнее выражение советского конструктивизма, который был „защит“ в этой культуре». Причем в школе

⁷ Эти давние разработки легли позже в основу соответствующих разделов учебника С.В. Кортунова [Кортунов 2007] и, по-видимому, не потеряли актуальности по сию пору.

Щедровицкого, якобы, нашла выражение советская идея «„формовки“ нового человека». И даже «представление о том, что можно взять и неким организационным усилием все изменить»⁸.

При самом внимательном отношении к критическим замечаниям мы категорически возражаем против таких квалификаций. Традиция ММК, как мы ее понимаем, диаметрально противоположна как социальному утопизму и утопическому мышлению вообще, так и (если вспомнить А. Синявского) советской стилистике. Ни о каком «новом человеке», а тем паче о его «формовке», не было и не могло быть речи: это в корне противоречит представлениям о человеке, разрабатывавшимся в ММК еще в 1960-е гг. Г.П. Щедровицкий [Щедровицкий 2003 и др.] всегда «был идеалистом», но его идеалы были принципиально иными. (Мы работаем с ними здесь и теперь, достаточно о них говорили и еще скажем)⁹. Основная установка, которую мы разделяем, при этом столь же проста, сколь и радикальна: **за идеалы не надо проливать кровь, они требуют не жертв, а работы мысли**. Если и когда таковая производится, часто оказывается, что, как пишет Э. Панеях [Панеях 2018], «достаточно минимальной осознанности в решениях, понимания и готовности быть, что называется, „на правильной стороне истории“».

Между тем различия между идеалами и утопиями хорошо известны [Лекторский 1996]¹⁰. Именно последние характеризуются антиисторизмом, намеренным отрывом от реальности, отождествлением идеалов с целями, превращением идеалов в проекты и т. д., и т. п. (см. соответствующие статьи в «Новой философской энциклопедии»). Как говорил И. Берлин [Берлин 2002: 671]: «Все известные нам утопии основаны на том, что <...> основные проблемы, <...> волнующие людей, одни и те же на протяжении всей истории; что они в принципе разрешимы и что эти решения образуют единое целое». На базе которого можно построить совершенное общество. Все это диаметрально противоположно традиции ММК, центрирующейся на *процессах* проблематизации и решения проблем в бесконечно многообразных ситуациях. (Дальше мы поговорим об этом подробнее.)

Но за обвинениями в утопизме стоит гораздо более глубокий вопрос, то или иное решение которого определяет принципы нашей работы с будущим. Вопрос этот может показаться странным, но он относится к числу первых мировоззренческих вопросов: откуда берется будущее? На наш взгляд, это практически важнейший, но при этом один из самых темных вопросов так называемой «научной картины мира», лежащей ныне в основе наиболее распространенных представлений.

Упомянутые представления в странах европейского культурного ареала, даже в среде интеллектуальной элиты, носят явно эклектический характер. В них естественнонаучные представления нерелексивно объединены с мировоззренческими проработками социально-гуманитарного плана. На наш взгляд, они *принципиально несовместимы*, и их соотношение требует проблематизации, но философы ориентированы именно на такое совмещение, т. е. прямо противоположным образом. Как пишет крупнейший авторитет в этой области акад. В. Степин [Степин 2001]: «Во второй половине XX века общенаучная картина мира начинает развиваться, <...> устраняется резкое противопоставление естественнонаучной и социальной научной картин мира».

⁸ Нельзя сказать, что подобные суждения полностью безосновательны. В 1960-х гг. в работах Г.П. Щедровицкого можно было усмотреть чрезмерное увлечение социальной инженерией, тогда же и критиковавшееся ближайшими коллегами, но попытки (в т. ч. и некоторых учеников Щедровицкого) распространить эту критику на позднейшую историю не имеют под собой никаких оснований.

⁹ Как известно, слово «идеал» имеет разные значения. Здесь мы говорим об идеале как путеводной звезде: «Идеал в силу своей недостижимости в мире вещей не может выступать реальной целью, понимаемой как конечный результат данной деятельности» [Лекторский 1996: 6].

¹⁰ В отличие от идеала (см. пред. примеч.): «В утопии происходит несовместимое с природой идеала его превращение в практическую цель, идеал становится проектом. В отличие от идеала утопия-проект выражает технический, инженерный подход к реальности» [Лекторский 1996: 6].

Однако если говорить строго в рамках естественнонаучной онтологии (а не философии, и не смешивать естественные науки с технаукой или комплексом R&D), прошлое перетекает в будущее через настоящее, которое оказывается тогда разделяющим их мгновением. Станным (для нас) образом в это мгновение прошлое успевает обогатиться множеством разного рода новшеств, которые, собственно, и превращают его в будущее. (К тому же принято считать, что этими новшествами мы и наше общее будущее обязаны науке, но это немного другая тема.) Практически таков «научный» ответ на поставленный вопрос. И он вполне адекватен естественнонаучной картине мира, выработанной по многовековому опыту хозяйственной деятельности («ойкос») с косным материалом.

Но в сфере «полиса» — организации человеческого общежития, правления («деятельности над деятельностью»), по Щедровицкому [Щедровицкий 2000]) такая картина мира не работает. В ней нет места для мышления и деятельности, а вместе с ними и для всего социально-гуманитарного мира¹¹. Как знают наши старые читатели и критики, у нас по этому пункту совершенно другие представления. Наука может изучать только то, что есть, что, говоря метафорически, положено на предметное стекло микроскопа. Будущее, то, чего пока нет, — дело визионеров и проектировщиков. Мы считаем, что **будущее выращивается в настоящем, имеющем некоторую ненулевую длительность**. Эти представления развернуты и сконцентрированы в разработках ММК: схеме шага развития, где выделено особое место для нашей деятельности в настоящем, и категориях искусственного и «естественного» [Рац 2010-г]. Если говорить предельно лапидарно, для нас будущее — это пустое место, которое наполняется нашим мышлением в противоположность привычной «исторической необходимости», приобретающей в этом случае роль естественной составляющей движения. А в отсутствие прожективного, направленного на будущее мышления наше будущее превращается в дрящееся прошлое со своей, естественной тогда «исторической необходимостью»¹².

Об этих наших взглядах в их социально-политической проекции и предстоит разговор. Не приходится удивляться, если для сторонников традиционной «научной картины мира» (хотя и у нас есть своя традиция, которую можно вести от Бл. Августина) такие взгляды кажутся утопическими, едва ли не большевистскими. Тем не менее, здесь, по-видимому, основная коллизия в рецепции разработок ММК гуманитарной интеллигенцией, причем за ней не видно реальных противоречий, кроме указанного онтологического противостояния. Нет других оснований для подмены идеалов методологического движения утопиями. Однако в свете этой коллизии и подмены, среди прочего и наша работа трактуется совершенно превратно. Поэтому, лучше поздно, чем никогда, рассмотрим коротко этот круг вопросов. Хотя мы отвергаем такую критику по содержанию, дальнейшие соображения оказываются нашим прямым ответом на нее и в некотором смысле порождены ею. (Чем и определяется наше отношение к критике: благодарность за внимание к нашей работе, прежде всего!)

6.2.2. Как работать с прожективными представлениями? Оглядываясь в этом контексте на выполненную работу, вернемся к намеченному в прошлый раз [2017: 63–64] различению *двух основных типов представления будущего*. Мы имеем в виду подлежащие реализации «в материале» *проекты* (в точном смысле слова) и *идеалы*, вовсе такой реализации не предполагающие, а по существу ее и не допускающие. (В полном соответствии с указанным выше значением слова «идеал».) Пока это принципиальное различие не отрефлектировано, ничто не мешает расширенному употреблению слова «проект», включающему среди прочего оба указанных значения, и, что много хуже, — работе с идеалами как с проектами.

¹¹ Этот тезис не должен особенно удивлять читателей, знакомых с психофизической проблемой и/или проблемой свободы воли. О различении деятельности с косным материалом и деятельности над деятельностью мы писали специально [2016-в].

¹² О дефиците прожективного мышления уже давно говорил И. Клямкин [Клямкин 2011], но его голос так и остался голосом вопиющего в пустыне.

Бороться с устоявшимся словоупотреблением бессмысленно, а вот вопрос о том, как работать с идеалами в отличие от проектов — особенно в свете опыта XX века, — заставляет взглянуть на проделанную работу под новым углом зрения. При этом приходится учитывать, что как идеалы, так и проекты, различаясь функционально, принадлежат к миру идеального в ином смысле: они мыслятся как идеальные (веберовские) типы.

Собственно, работа с идеалами оказывается важнейшим моментом методологии социальных преобразований, о которых мы говорили в п. 6.1. **Идеалы играют важнейшую роль в жизни человечества, но пока не получили сообразного своей роли места в социально-философской мысли, не стали предметом постоянной систематической проработки**¹³. (Видимо, в связи с этим, так сказать, в порядке компенсации, больше внимания привлекают утопии.) Если же нацеливаться на таковую, в рамках методологии социальных преобразований различаются два направления. По первому из них мы прорабатываем как сам идеал, так и способы движения к нему (чем пока и занимаемся). Второе же включает перспективу освоения исторического опыта, которая в нашем случае оказывается проблемной. Поскольку одно дело опыт реализации проектов — сравнительно понятный хотя бы по постановке задачи, а совсем другое — опыт работы с идеалами, притом еще что осуществлявшие эту работу люди не делали различия между теми и другими.

Представление об идеалах, как бы «зашитое» в самом этом слове, старо, как мир (хотя продолжающее строиться понятие идеала — продукт Нового времени) и в свое время четко сформулировано Вл.С. Соловьёвым (б/г): «Идеал обыкновенно противопоставляется *действительности*, как чему-то несовершенному. <...> Противоречие между этими двумя терминами может пониматься как задача их примирения, т. е. преобразования действительности по идеалу, или воплощения его в действительности. <...> Вся история мира и человечества есть лишь постепенное воплощение идеала и преобразование худшей действительности в лучшую...». Сейчас мы сказали бы, что Соловьев имел в виду противопоставление должного существующему.

Но только где-то на рубеже XIX–XX вв. и, видимо, неслучайно в одно время с управлением формировалось понятие проектирования. Причем очень важно, что идея проектирования поначалу относилась преимущественно к работе с косным материалом, в то время как об идеалах (в интересующем нас значении) говорилось применительно к человеку и обществу. Однако обсуждение понятия идеала в XX веке так до сих пор и не привело к сопоставлению идеалов с проектами, т. е. к анализу способов использования проективных представлений в деятельности. (Ситуация в этом смысле напоминает обсуждавшееся нами положение с сопоставлением и осмыслением другой пары — власти и управления.) Отсюда родилось расширенное (часто до потери смысла) понимание проектирования, а в нашем случае, в частности, — требование со стороны некоторых критиков учитывать в нашей работе опыт реализации проектов прошлого.

Поскольку критики не различают проектов в точном смысле слова и идеалов, фактически речь идет об опыте общественных преобразований «вообще», о неких мифических «реформах общества» [Серл 2002]. Но при такой постановке вопроса никакого опыта учесть нельзя, потому что не бывает «реформ общества» вообще, да и опыт истории доступен только тем, кто знает, чего хочет и намерен действовать [2016-б]. **А первый и главный урок преобразовательной деятельности**, сказали бы мы теперь, вспоминая упреки критика [Беляев 2015], **состоит именно в том, что надо различать проекты и идеалы. Потому что методы работы и соответственно опыт преобразований с использованием этих представлений будущего совершенно разные.** Мы полагаем, что для методологии социальных преобразований это не менее важное различие, чем власть и управление для проблематики правления.

¹³ Напомним по этому поводу еще раз о книге И. Федорова [2006], выдвинувшего идею выращивания особого направления философии: философии социальных преобразований.

Пока что — не без оснований — распространено мнение, что чем прекраснее идеалы, тем плачевнее результаты их использования. С нашей точки зрения, этот парадокс обусловлен тем, что люди так и не научились работать с идеалами. И последствия этого явления плачевны, особенно в России, получившей в XX в. хорошие прививки от идеалов, прежде всего в годы советской власти, да еще и с добавкой в 1990-х. Как пишет А. Архангельский [Архангельский 2018]: «Идеализм в России нелюбим и презираем, это сегодня повод для насмешки. Идеализм — это непрактичная, неконструктивная позиция. Демократия в России после 1991 года, прежде всего, лишилась идеалистического содержания, универсальных ценностей — вроде свободы или права — не в том ли была главная причина ее краха?»

Так в чем же состоит специфика работы с идеалами? Мы тоже еще учимся и по своему опыту можем пока заметить следующее. Мы отправляемся от представления движения к идеалам и реализации проектов как совершенно разных, но одинаково важных средств выхода в будущее. И видим некую общность между подлинным и профанным выходом в обоих случаях. Профанация возникает в случае использования «готовых» идеалов и проектов, безотносительно к всегда уникальной личности пользователя и ситуации выхода. Это (1) известное «проектирование по прототипам» [Раппопорт 1975], в пределе превращающееся в типовое проектирование, изготовление проектной документации, и (2) употребление разнообразных готовых идеалов: от религиозных до «предписываемых» властью вроде казенного патриотизма и гражданского долга. (В этом смысле идеалы, нерелексивно принятые политической оппозицией, ничем не лучше.) Но надо не делать добро «вообще», а каждый раз разбираться, что в данном случае окажется добром или злом¹⁴.

Идеалы в свете сказанного требуют, как минимум, критического отношения и осознанного выбора, а как максимум, их нужно строить. И это — личное дело каждого. Как, впрочем, и выбор между поступком и «калиби в бытии». Здесь, между прочим, выясняется, что попасть в будущее с помощью привычного прогнозирования нельзя: это всё та же профанация. Мы считаем, что наука здесь — плохой помощник, чем и отличаемся от сторонников (естественно)научной картины мира. Экстраполируя наличные тренды, можно лишь длить настоящее, уже сложившееся положение дел. (Чем — как известно, с переменным успехом — пользуются футурологи.)

Чтобы попасть в будущее, нужно совершить трансцензус, о котором так любят говорить философы: оттолкнуться от настоящего и совершить прыжок в неизвестность, в пустоту, которую можно заполнить только с помощью фантазии¹⁵. Другое дело, что эта фантазия может и должна быть ограничена, как минимум, нашей картиной мира, представлениями о

---

¹⁴ Это обширная и сложная тема, которая среди прочего переплетается еще с вопросом об идентичности и политикой идентичности. Мы затрагивали ее в контексте советской истории [2016-б: 55–56], противопоставляя идентификацию самоопределению. Характерная для советских времен и унаследованная современной Россией непроблематизированная идентификация с уже существующей группой, которая может иметь свои идеалы и проекты, — типичная профанация. Но не будем уходить от своей основной линии и ограничимся данным примечанием, дополнив его разве что ссылкой на М. Бахтина [Бахтин 2003], ибо имеем в виду выход в будущее как поступок.

¹⁵ Для понимания идеи трансцензуса может быть полезно вспомнить, как его описывал Б. Вышеславцев [Вышеславцев 1994: 120–121], говоря о феноменологии Э. Гуссерля. «...Для того, кто совершает этот *транс*, весь мир, все, что лежит в его поле зрения (внешнего или внутреннего), — редуцируется до степени явлений, и только явлений. Почему и откуда это „только“? А потому, что в своем трансцензусе он узнал иное бытие, иную „точку зрения“, иное измерение, в которое он сумел подняться. И теперь весь мир феноменов ему представляется как низшее измерение, как первое измерение, как пространственно-временной мир, обозреваемый его сознанием. Теперь, обозревая этот мир *в целом*, выйдя за его пределы, можно спросить, откуда он и зачем, имеет ли он смысл, реален ли он? Весь этот мир явлений ставится „под вопрос“ и делается объектом сомнения, берется в кавычки. *Явление* именно и означает то, что *несомненно* является нам, что дано нам, но что *сомнительно* в своем реальном смысле и значении. Спросить об этом смысле и значении — значит выйти за пределы явления, спросить о том, что скрывается за ним» (курсив Вышеславцева — авт.). В нашем случае — за непосредственно данным нам настоящим, — в прошлом и будущем. Так и возникает самоопределение в истории.

возможном и должном. Но со становящимся таким образом идеалом нужно еще долго и упорно работать: это скорее «кандидат в идеалы». Необходимую работу можно свести к трем пунктам.

Во-первых, идеал требует критической проработки и проблематизации: здесь простор, как для самокритики, так и для критики со стороны. Мы считаем, что находимся именно на этом этапе, а потому не спешим дальше. В этом и состоит неоднократно поминавшийся нами «левый сдвиг»: перенос центра тяжести работы с деятельности на мышление. Во-вторых, переход от идеальных мыслительных конструкций к реальности оказывается особой проблемой, о которой мы не раз говорили: известной как восхождение от абстрактного к конкретному. На пути такого восхождения заблудился в свое время К. Маркс, а реконструировал и описал его (путь) потом А. Зиновьев [Зиновьев 2002]. Мы надеемся одолеть эту проблему в коллективной работе, прежде всего с нашими критиками. При этом важно заметить, что на протяжении всей своей истории идеалы могут сильно трансформироваться.

Наконец, в-третьих, работа с идеалами предполагает особую *программную* организацию мышления и деятельности, о которой мы не раз говорили и которой сами пользуемся здесь и теперь. Программный подход и метод работы с идеальными представлениями будущего вырабатывался без учета различия проектов и идеалов. Как обычно, этот метод формировался подспудно и поначалу использовался неосознанно, находя выражение в программах политических партий и масштабных народнохозяйственных начинаниях вроде плана ГОЭЛРО в СССР или программы развития долины Теннесси в США.

Метод прорабатывался в ММК в 1970–80-е гг. и был подробно описан Г.П. Щедровицким в середине 1980-х гг., причем совершенно безотносительно к понятию идеалов.¹⁶ Имея в виду приведенную выше мысль Соловьева, можно сказать, что назначение программирования и проектирования в практике социальных преобразований одно: это мыслительное обеспечение перехода из не удовлетворяющей нас ситуации в желаемую. Однако и сам намечаемый переход (NB!), и предварительная проработка его возможных путей в этих двух случаях кардинально различны.

Основное различие, повторим, состоит в том, что **проект предполагает свою непосредственную реализацию в материале, в то время как программа организует движение к идеалу, который играет роль путеводной звезды**. При этом смысловым центром программирования является проблематизация и решение проблем. И жить приходится с подвешенными проблемами: одни рано или поздно решаются, но их место занимают другие. Если проектирование ассоциируется, прежде всего, с изготовлением и строительством, то программирование предполагает работу по типу выращивания и культивирования в пространстве истории. Проекты прорабатываются (в мысли) и *затем* реализуются (чаще всего на стройплощадке, на заводе или, как в нашем случае, в «социальном материале»), программы осуществляются *по мере* их проработки и развертывания. Выражаясь метафорически, можно сказать, что здесь нет границы между работой мысли и работой «руками». Конкретные проекты обычно отпочковываются от программы по мере ее разработки и осуществления.

На наш взгляд, в работе с идеалами программирование не имеет альтернатив. Вообще же, в связи с подспудно идущим — и требующим артификации — левым сдвигом (от деятельности к мышлению), оно должно стать ведущей формой организации мыследеятельности.

Полагая (как это сделано выше) идеалы и проекты идеальными типами представления будущего, любую картину будущего можно представить как «путеводной звездой», так и подлежащим реализации проектом, за чем следует выбор соответствующего способа работы.

¹⁶ Опубликована его работа была много позже [Щедровицкий 1999]. Вероятно, в связи с тем, что работа была выполнена на малоизвестном большинству читателей материале инженерных изысканий для строительства, эта книга не пользуется той популярностью, которой заслуживает по содержанию и значению.

И здесь на первый план выходит проблема, как сказали бы математики, адекватности модели: насколько релевантен реальному положению дел тот или иной способ представления. Мы знаем только один способ решения этой проблемы: критику и проблематизацию. Причем все это относится как к актуальному будущему, так и к реконструкции прошлого, но обо всем этом мы уже говорили.

Подводя итоги сказанному в этом пункте и возвращаясь к критике концепции ММК, надо полагать, что **фундаментальное расхождение мировоззрений, картин мира методологов с гуманитарно-научным истеблишментом наиболее рельефно проявляется именно в вопросе о работе с будущим. А этот вопрос имеет не только теоретическое, но и определяющее — прежде всего для политики — практическое значение.** Об идеалах и работе с ними вообще мы вкратце сказали, теперь перейдем к нашим конкретным идеалам и перспективам их использования в политике.

6.3. Развитие: от идеи к идеологии и политике

Итак, мы — как граждане, осознающие необходимость общественно-политических преобразований, — считаем себя ответственными за их ориентацию на *развитие*. С понятием развития мы связываем важнейший для нас корпус представлений, руководствуясь которыми мы рассчитываем на выход из обозначенной в п. 6.1 «интеллектуальной колеи».

Будем говорить о **развитии как способе становления и существования той особой связи мышления и деятельности, которую мы, вслед за Г. Щедровицким, называем мыследеятельностью.** Эту двойственную сущность «мыследеятельность-развитие» мы и полагаем — в соответствии с нашим пониманием, изложенным в п. 6.2.2, — *идеалом*: картиной будущего и способом движения в заданном этой картиной направлении. (Движение к идеалу, по принципу, организуется программно, а мы, сверх того, предлагаем реализовывать общественно значимые замыслы преобразований по схеме лестницы и сами по ней работаем.)

Мы, таким образом, дополняем свое прошлогоднее представление идеала как мира мыследеятельности [2017: 62 и далее]. Мир мыследеятельности рассматривается при этом как онтологическая проекция идеала, программное движение — как организационно-деятельностная. И это тоже не определение («гробик для мысли»), а отправная точка для дальнейшей работы. Например, сразу же можно заметить, что мы понимаем развитие двояко: с одной стороны, это достройка до полноты мыследеятельности так или иначе редуцированных (и наиболее распространенных) ее форм, а с другой — поддержание «полной» мыследеятельности как — по идее — обычного способа ее существования. Таким образом, можно говорить о расширении (за счет доразвивания редуцированных форм до полноты) совокупности процессуальных представлений мыследеятельности. Это доразвивание до полноты локально осуществляется, как многим известно, в ходе организационно-деятельностных игр. Глобально оно представляет собой *проблему* выхода из интеллектуальной колеи, о которой мы писали в начале и над решением которой работаем.

Попробуем развернуть сказанное и наметить несколько тезисов (см. ниже, п. 6.3.1), как бы концентрирующих (а местами и уточняющих) написанное нами о понятии развития раньше. Прикинем, как может на практике выглядеть развитие в нашем понимании (п. 6.3.2), а потом поговорим об идеологии и политике развития, призванных в случае успеха нашего замысла послужить основными средствами его дальнейшего продвижения (см. пп. 6.3.3-4).

6.3.1. О понятии развития. Начнем с того, что (во-первых) идеал мыследеятельности-развития фиксирует не *будущую форму социальной организации* (вроде коммунизма, господства арийской расы или истинной веры), как мы привыкли, а очень специфический сегодняшний — *здесь и теперь* — способ движения в будущее. Слова «здесь» и «теперь» надо понимать вместе и по отдельности. Вместе они задают *принцип локальности развития,*

которое не бывает ни повсечасным, ни повсеместным. По отдельности — начнем с «теперь». О том, что все происходящее происходит исключительно в настоящем времени, писал еще Бл. Августин [Бл. Августин 1991: 296], но этого мало: установка наша в рамках развития должна быть на будущее. Может быть, в этом и состоит «секрет» развития: оно может происходить только в настоящем, но только при условии установки на будущее.

Поэтому развитие не может мыслиться как удаленная цель, к которой мы приближаемся и которой когда-то достигнем. Оно парадоксальным образом должно мыслиться только как ценность и идеал, стремление к которому обуславливает возможность нашего локального развития в настоящем. Только в работе на будущее и *только в конкретной ситуации*, — за которой стоит не только «теперь», но и «здесь», — сами мы в настоящем можем соучаствовать в развитии мышления и деятельности (и, согласно нашим представлениям, становиться людьми). Актуальное развитие не терпит обобщений: за рамками конкретной ситуации оно превращается в теорию, в рассказ о развитии. Это тоже нужное дело, но другое. (Поэтому мы все время «оглядываемся» на свою ситуацию: проработки и продвижения нашего проекта в постоянном диалоге с критиками.)

Во-вторых, сказанное означает, что развитие надо понимать не как нечто внеположное нам, а как способ нашего — *субъектов развития* — самоопределения и самоорганизации. Это в свою очередь означает, что из внешней позиции можно в лучшем случае создать условия для развития, а осуществлять его можем только мы сами. Поэтому в принципе нельзя «обеспечить развитие», а тем более обеспечить в заданной точке пространства-времени, если там нет субъектов развития. В частности, из этого следует, что в отсутствие развития «на местах» централизованное развитие больших систем невозможно: развитие предполагает децентрализацию и свободу предпринимательской инициативы, самоорганизацию на местах¹⁷. Развитие несовместимо с так называемым «ручным управлением».

При этом из схемы мыследеятельности (центрирующейся на слое коммуникации) формально следует, что субъекты развития всегда и в принципе могут быть только коллективными. *Субъективизация* мыследеятельности-развития получается как обратная сторона ее коллективизации. Коллективность мыследеятельности (в отличие от коллективного поведения в колхозе) могут поддерживать только действующие субъекты (которые, заметим, обычно «не водятся» во властных системах при отношениях господства-подчинения). Поэтому важнейшим типом субъектов развития выступают разного рода сообщества и формирующиеся вместе с ними сферы деятельности (о них тезис № 5).

Для читателей, недостаточно знакомых с традицией ММК, в отдельный тезис без номера (отсутствие номера подчеркивает его особый статус в данном контексте) нужно выделить главенствующую роль коммуникации, понимаемой и технически организуемой в духе сократического диалога. Не обмен знаниями/информацией, а порождение новых идей здесь и теперь, в ходе диалога — ее отличительная особенность. С этим связана и еще одна заслуживающая специальной фиксации особенность развития, которое никогда не гарантировано: любой шаг развития — дело случая и удачи.

В-третьих, что же делает — в принципе — субъект развития? Именно ему мы приписываем заботу о дополнении повсеместно распространенной редуцированной мыследеятельности до полноты и поддержании ее в таком состоянии. Ибо однажды ставшая «полная мыследеятельность», будучи, фигурально выражаясь, брошенной на произвол судьбы, склонна «терять полноту» за счёт вырождения и отмирания тех или иных форм участия мышления и

¹⁷ Но, точно так же, локального развития недостаточно для устойчивого развития больших систем: об этом мы еще поговорим (см. п. 6.3.2).

ослабления их со-организации в деятельности¹⁸. Это такой, если угодно, аналог второго начала термодинамики.

Вот такое искусственное доращивание, дополнение редуцированных форм мыследеятельности до полноты и поддержание этого состояния требует интеллектуальных усилий. Именно эти усилия мы видим за словами Г.П. Щедровицкого об «управлении развитием». Естественного развития, без приложения таких усилий, не бывает. Кажется, что это противоречит второму тезису (о самоопределении и самоорганизации), но для осмысления как идеи развития, так и идеи управления необходимо понимать, что, по мысли Щедровицкого, управляющая и управляемая подсистемы связаны воедино в рамках оргтехнической системы. Управление осуществляется за счет рефлексивно-знаниевого охвата и ассимиляции всего целого. Речь соответственно может идти только о *самоуправлении* и *саморазвитии*¹⁹. Субъект развития управляет собственным развитием и развивается (т. е., развивает себя).

В-четвертых, раскроем свою исходную мысль: развитие мыслится как процессуальная развертка (становление и существование) мыследеятельности. **Развитие осуществляется по «предпринимательской» схеме шага развития, дополняемой установкой на проблематизацию и решение проблем, т. е. на инновации**, не только продвигающие вперед задуманное дело, но и обогащающие арсенал наших методов и средств²⁰. Таков способ существования мыследеятельности, а все остальное происходит, как мы уже говорили, по сопричастности, будь то развитие личности или города и страны.

В-пятых, макроскопически развитие мыслится как «рамочный процесс» для ряда параллельно текущих так называемых *сферных процессов*: функционирования, производства, воспроизводства, отмирания старого и зарождения нового, руководства, управления и такой их совместной организации, которая обеспечивает развитие сферы деятельности. Тем самым одновременно обеспечивается и ее своего рода динамическое равновесие или необходимая *стабильность*. Заметим еще к слову, что развитие — в отличие от других сферных процессов — всегда «вылезает» за границы сферы (как тесто из квашни). И еще: сферы деятельности формируются параллельно и вокруг сообществ разного рода: профессиональных, региональных, по интересам и т. п.

К сформулированным тезисам можно многое добавить. Поэтому мы пока претендуем не на понятие развития, а на понимание предлагаемой конструкции. Соответственно и далее ограничимся лишь некоторыми частными суждениями, особо важными в данном контексте и имеющими по большей части постановочный характер. С нашей точки зрения, главное, что нужно здесь (в пункте 6.3.1) понимать, это следующее. **Развитие «вообще», о котором говорилось выше, развитие без прямого указания на субъект (он же объект) развития — не более (но и не менее) чем абстракция, скелет будущего понятия. А в жизни развитие реализуется конкретными субъектами в конкретных ситуациях; это всегда чье-то развитие.**²¹

Непривычность и непростота всего сказанного — конечно, препятствие на пути распространения исповедуемых нами взглядов. Но есть и обнадеживающие обстоятельства: недавним юбилейный доклад Римского клуба отправляется от тезиса о том, что мир находится в опасности и спасение лежит в изменении мировоззрения [Weizsaecker, Wijkman 2018; рус. резюме: Малахов 2017]. Да и сам разговор о развитии как идеале и ценности наводит на

¹⁸ Т. е. мыследеятельность и лишенное — в пределе — рефлексивно-мыслительной составляющей поведение (в нашем понимании [2014: 168–175]) оказываются опять же идеальными типами, а мы, как правило, имеем дело с промежуточными формами.

¹⁹ Никакого противоречия здесь нет, истоки такого хода мысли можно найти еще у А. де Токвиля [Токвиль 1992], другое дело, что подобные представления в корне расходятся с привычными ныне.

²⁰ О «шагах развития» — инновациях написана целая библиотека, хотя о сути дела — с нашей точки зрения, проблематизации — при этом вспоминают только коллеги — выходцы из ММК.

²¹ Сложившаяся речевая форма «развитие чего-нибудь» вроде развития мышления, города или личности обозначает предметизацию развития, но заодно маскирует сделанное различие.

мысль об известной концепции *«устойчивого развития»* (англ. Sustainable Development). Это хороший знак: наше осмысление и проработка понятия «развития» ведут примерно к тем же представлениям, к которым идет формировавшаяся с 1980–90-х гг. концепция устойчивого развития.

Последняя изначально центрировалась на экологической проблематике. Однако в последние годы она приобрела полипредметный характер, объединяя экономический, социальный и экологический взгляды [Преобразование... 2015]. Мы делаем следующий шаг в этом направлении и, соотнося концепцию устойчивого развития с изложенными выше представлениями, говорим о нем как об общественном идеале, современном прочтении классического «общего блага». Так понимаемое устойчивое развитие предполагает «сферную организацию» и соединение, кажется, несоединимого: заведомо неустойчивого инновационного развития с обеспечением стабильности общественных систем. (Собственно, это соединение несоединимого в нашем проекте и мыслится посредством преобразований и правления в целом по схеме лестницы.) Мы считаем, что устойчивое развитие — представление не из разряда экономического роста (его темпов, качества) или модернизации, а прямой аналог кантовского «вечного мира» [Кант б/г], четко укладывающееся в изложенные в п. 6.2 рамки работы с идеалами.

Нынешняя организация общежития с разнообразными войнами, революциями и терроризмом плохо сочетается с идеей устойчивого развития, а как изменить такое исторически сложившееся положение — никто не знает. Конечно, это не делается в одночасье: движение по направлению к понимаемому так устойчивому развитию — может быть только историческим процессом. Понятно, что необходимым условием устойчивого развития являются глубинные перемены в организации общежития. Перемены же, вспоминая М. Булгакова, начинаются «в головах» и доходят до «клозетов».

Пока все это пишется для яйцеголовых: дело нужное, но в перспективе недостаточное. Вообще, наверно, нужно дополнять идею мыследеятельности-развития до состояния, пригодного к употреблению в общественно-политической практике. Для самих себя и возможных единомышленников мы видим здесь два направления работы. Во-первых, как связать абстракции такого рода с реальной жизнью: зачем людям вся эта философия, что она может дать? Во-вторых, как превратить эту философию в стимул для объединения людей, скажем, в некое «дополнительное» сообщество типа того, о котором писал В. Гавел [Гавел 1991]? Вряд ли можно ответить на второй вопрос, не ответив на первый, но у него есть и собственное содержание.

6.3.2. Развитие и жизнь. Что касается возможной связи изложенных абстракций с реальностью, напрашивается вопрос о том, **как и в каких формах находят своё выражение процессы развития и оестествляются их результаты — новые методы и средства мышления и деятельности.** В сущности, это как раз вопрос, за которым стоит работа восхождения от абстрактного к конкретному, о котором мы не раз говорили. Пока она не проделана (а это работа масштабов «Капитала» К. Маркса), мы можем только, как говорится, для затравки, представить свои прикидки возможных ответов. Кажется, однако, что здесь и прикидки будут нелишними.

Кстати, отвечая на поставленный вопрос, мы явно или неявно будем на смысловом уровне говорить и о субъектах развития. Таковыми, мы считаем, могут оказаться любые субъекты деятельности в самом широком понимании: личности, малые группы, предприятия, сферы деятельности, регионы, страны. Мы касались вопроса о субъектности едва ли не в каждой своей статье, говоря о Человеке [2014: 168], о революции субъектности [2016-а: 42], о мире мыследеятельности и делах человеческих [2017: 87]. Чтобы не повторяться, не будем больше теоретизировать, а приведем несколько примеров в надежде, что они скорее помогут пониманию сути дела.

Итак, нам хотелось бы проследить пути непосредственного использования нововведений, их дальнейшего продвижения, распространения в практике и благоустройства в культуре. При этом, как ни странно, сам тезис об определяющей роли *мышления* в истории цивилизации не только не общепринят, но часто встречается в штыки²². Поэтому первый и очень непростой вопрос здесь — демонстрация определяющей роли мыследеятельности-развития в понимаемом обыденно «развитии»: повышении уровня и качества жизни и т. п. Трудности, похоже, связаны с тем, что при обсуждении этих вопросов место и значение проблематизации и перевода проблем в задачи обычно выпадают из рассмотрения. Между тем следующие (например, за изобретением) события и их цепочки могут идти уже в задачном режиме, разветвляться и осуществляться представителями других позиций. Разумеется, они ситуативны, однако некоторые общие моменты можно выделить и здесь.

В этом смысле за навеянной Булгаковым парой «голова — клозеты» (тоже своего рода «поляризующие абстракции») видится важное представление, которое, можно обозначить словами «*спектры развития*». Имея в виду интересующую нас сферу организации человеческого общежития (сферу политического — в отличие от хозяйственной деятельности), в качестве примера можно привести судьбу решения проблемы сочетания власти и свободы посредством разделения властей. История этой идеи — особая тема (мы затрагивали ее в [2017, п. 5.3.3]), но нам здесь важны общеизвестные последствия ее проработки, условно говоря, завершенной Ш. Монтескье: реализация в практике (отцами-основателями США), обустройство в культуре и дальнейшее победоносное распространение.

Широкой публике лучше известны примеры противоположного толка, когда постановка и успешное решение вроде бы насущных проблем, в конечном счете, приводит к провалу и полной дискредитации принятых решений. Мы имеем в виду, конечно, судьбу тоталитарных режимов XX века. Подчеркнем, что культурно-историческая роль провальных решений может быть не менее, а даже и более значительной, нежели успешных. (Тем более, когда эти провальные решения сопровождаются человеческими трагедиями масштабов ГУЛАГа и Холокоста.) Они оказываются при этом образцами негодных способов действий, но такое их осмысление растягивается на десятилетия и идет очень по-разному в разных странах.

Однако во всех подобных примерах мы имеем дело с историей, которая продолжается. Поэтому наиболее распространенным может стать третий вариант «судьбы развития», формирующийся со временем. Рано или поздно оказывается, что решавшиеся проблемы теряют актуальность, и, хотя принятые в свое время решения могли быть (или казаться) вполне успешными, к текущему моменту они становятся достоянием истории. Что отнюдь не лишает смысла два указанных выше варианта, а напротив, с точки зрения переноса опыта придает дополнительный смысл их исторической реконструкции.

Бесконечное число обычно более простых и прозрачных примеров такого рода содержит также история хозяйственной деятельности и научно-технического прогресса.

С нашей точки зрения, важнейшей составляющей спектра *успешного* развития оказывается диверсификация деятельности, обусловленная использованием новых средств и форм организации. (Мы говорим «успешного», потому что многие инновации, как известно, оказываются невостребованными и не влекут за собой непосредственных перемен в деятельности.) Трудно переоценить в этом плане многолетнюю работу П.Г. Щедровицкого [Щедровицкий 2018 и др.], посвященную разделению труда и проблематике промышленных революций. Здесь, однако, возникает вопрос, имеющий далеко идущие последствия и требующий специальной проработки.

Дело в том, что как место и характер перемен в нашей жизни вообще, так и пути осуществления преобразовательных замыслов и необходимое для этого время очень разнообразны. Особенно наглядны временные различия. Рассмотрим их на примере уже привычных нашим

²² Ему противостоит известная максима: бытие определяет сознание. В нашей системе представлений нужно добавить: при отсутствии мышления. И дальше обратиться к схеме шага развития.

читателям двух миров, известных с древности: ойкоса и полиса. Относительно когерентно и быстро и чем дальше, тем быстрее перемены происходят в хозяйственной деятельности, в работе с косным материалом (ойкос); медленнее и неравномернее, как в пространстве, так во времени, — в организации человеческого общежития, во взаимодействии различных систем деятельности, в т. ч. в сфере правления (полис). Ныне временные масштабы первых измеряются годами, вторых, скорее, веками.

Но дело далеко не всегда обстоит так: указанный разрыв наметился и стал ускоренно нарастать лишь в Новое время, а его осмысление в полном объеме становится важнейшей задачей наших дней. Эти две мегасферы деятельности тесно и очень непросто связаны друг с другом, причем теснота и характер связи меняются со временем. В Новое время обычным было положение, когда разного рода и масштабов политические изменения следовали за хозяйственными (что нашло яркое выражение в теории Маркса). К концу XX в. мы вступили в период очередной промышленной революции, пока это никак не сказывается в сфере полиса, но о грядущих переменах пора задуматься всерьез. Мы полагаем, что организацию человеческого общежития ждут большие перемены, и прояснение процессов и механизмов взаимодействия ойкоса и полиса становится предметом более чем актуальной работы. (Например, в этом предмете мы ждем решения вопроса о том, является ли демократия *необходимым* условием хозяйственно-технического развития: в нем суть известной байки про молоко и корову.)

Пока что происходящее осмысливается по инерции так, что «технологическая революция стремительно меняет общественный уклад», а мы предлагаем *подумать* об артификации этих процессов. Начиная сверху, т. е. прежде всего с того, как поставить под контроль мышления и сделать управляемой стыковку ойкоса и полиса. А в целом — о том, чтобы интенсифицировать тот «левый сдвиг», о котором мы говорили пока только как о естественноисторической тенденции. Нынешние перспективы всеобщей автоматизации и цифровизации актуализируют эту задачу, но в существующем общественно-политическом дискурсе, когда различие полиса и ойкоса, в сущности, давно забыто, она даже не ставится.

В рамках означенной задачи, да и вообще для понимания проблематики развития в нашей трактовке важен вопрос, который сами мы считаем преждевременным, поскольку он относится к социальным феноменам нашего мира, а их мы пока напрямую не обсуждали. Рассмотрим его хотя бы вчерне. Как квалифицировать (в рамках нашей типологии общественных перемен [2017: 69–72], в т. ч. трактовки развития) происходящее, например, в США, которые, по крайней мере в XX веке, лидировали, да и пока еще вроде бы лидируют в мире?

Наш черновик ответа парадоксален и состоит в том, что *США, будучи лидером, не являются субъектом развития* (говорим это, — особенно имея в виду будущее, — совершенно безоценочно). Америка лидирует в деятельности с косным материалом, в так называемом научно-техническом развитии, в хозяйстве, но что происходит в сфере политического? Мы думаем, что идущее «стихийное», т. е. управляемое преимущественно на уровне локальных систем деятельности, хозяйственное развитие не рефлектируется должным образом на уровне правительств (как штатов, так и федерального). Точнее, в Вашингтоне нет стратегической установки на развитие в нашем понимании, а потому нет и не может быть *соответствующей* — именно в этом понимании — идеологии и политики (о них дальше).

Собственно, это и есть модус вивенди «открытого общества» К. Поппера или того «порядка открытого доступа», о котором пишут Д. Норт др. [Норт и др. 2011]. Развитие, так сказать, отдано на откуп его локальным (по месту в социуме, а не по масштабам) субъектам-популям. Они и развиваются — сообразно своему положению в рамках хозяйственной деятельности. При этом (социально-политическая) организация общежития контролируется государством — говоря языком нашей схемы лестницы, в режиме «нормоконтроля» — и пока

сохраняет стабильность. Сконструированная отцами-основателями система сдержек и противовесов, весь присущий Западу порядок открытого доступа пока относительно успешно работают. Но ничто не вечно под луною: не пора ли задуматься об их модификации, а, возможно, и о новых формах организации общежития? Свою версию, идеал организации системы правления мы изложили. Добавим еще, что считаем необходимым совмещать, — а для этого сперва различать — «должностную» *ответственность* государства за стабильность с *идеальной установкой* на проблемность и развитие.

Регулируемое на уровне государства лишь тактически, в режиме функционирования государственной машины, «стихийное развитие» чревато затяжными блужданиями, пропуском («просматриванием») вновь возникающих проблем, а поэтому подвержено угрозам вырождения. Правительство и партийные штабы поглощены текучкой, а различные фабрики мысли, по-видимому, не проявляют должной настойчивости в продвижении своих идей и проблематизации текущей ситуации. Примерно так мы оцениваем происходящее в США, как, впрочем, и на Западе в целом, имея в виду широкий спектр реалий, начиная с постмодернизма и мультикультурализма и кончая политкорректностью, постправдой и расколом общества²³.

Подобные масштабные явления общественно-политической жизни возникают и эволюционируют по большей части стихийно вне всякой связи с происходящим в сфере хозяйства и, что еще интереснее, вне связи с мировыми трендами, о которых мы говорили в п. 6.1. При этом **самой инерционной**, с нашей точки зрения, **даже инертной оказывается, как ни парадоксально, сфера политики**. В ней, если говорить о мире в целом, по-прежнему важнейшей движущей силой оказывается борьба за власть, господствуют идеи игры с нулевой суммой, а основной структурной единицей остаются государства. О политической деятельности мы сейчас поговорим специально, а пока заметим, что вообще **в сфере правления левый сдвиг и интеллектуализация деятельности проявляются сравнительно слабо, чем и вызвана к жизни наша работа**.

В некотором смысле принятый ныне на Западе способ работы государственной машины с локальными системами деятельности противоположен принятому в России (как и в других «естественных», по Норту, государствах с порядком ограниченного доступа). Пока здесь не работает идея права, нет массового предпринимательства (или оно, как минимум, сильно затруднено), не может быть и развития. Зато государственная власть жестко регулирует все остальное, пытаясь по мере сил согласовать и скоординировать течение других сферных процессов. Впрочем, само представление о таковых теряет смысл в отсутствие рамочной идеи развития. При этом, несмотря на обилие «стратегий», отсутствие стратегических установок так же характерно здесь, как и на Западе. Не удастся восполнить эту лауну и Комитету *гражданских* инициатив А.Л. Кудрина, созданному «с целью определения и реализации наилучшего варианта развития страны»²⁴ и задуманному, судя по названию, чуть ли не как инициатива снизу.

Практический смысл сказанного выше мы видим в том, что идеал мыследеятельности-развития по-своему столь же актуален для США, как и для России, для Запада так же, как и для Востока. Другое дело, что дальнейшая проработка и программы действий, надо думать, будут при этом сильно расходиться.

6.3.3. Проблема политики. Теперь, прояснив и уточнив свои представления о развитии, мы возвращаемся к основной линии нашего дискурса и, соответственно, к вопросу о том, как продолжать движение к намеченным идеалам. Поскольку в перспективе речь идет о переходе от мысли к действию, об общественно-политическом движении, нужно прежде всего озаботиться соответствующей политикой и идеологией. Мы сохраняем свою позицию

²³ Разумеется, эти разноприродные явления требуют специального анализа, но он выходит за границы нашей темы.

²⁴ Алексей Кудрин. Официальный сайт: <https://akudrin.ru/news/zayavlenie-o-sozdanii-komiteta-grazhdanskikh-initsiativ.html>.

прикладных методологов и, вспоминая центральную схему нашего проекта — схему лестницы, можем поставить вопрос о том, каким образом мыслится передача методологического содержания в политику. И более важный вопрос: какое отношение имеет «политика» из нашей схемы [2017: 187–190] к тому, что называется «политикой» в нашей социальной реальности.

По части передачи различных идей политикам накоплен разнообразный опыт: от политического консалтинга и политических технологий до воспитания наследников престола. Однако понятно, что освоение методологического содержания и таких идеалов как развитие нынешними «профессиональными» (т. е. занимающими соответствующие места в социуме) политиками, мягко говоря, проблематично. Реалистичнее думать здесь не об освоении содержания, а о выращивании нового поколения политиков, уже в образовании которых будут заложены такого рода идеалы и средства работы с ними. При этом для выращивания политиков, привязанных не к «месту работы и должности», а к занятию позиции конкурирующего с коллегами управленца, следует делать ставку не столько на трансляцию и кооперацию, сколько на коммуникацию.

Возникающая здесь очередная проблема обусловлена тем, что реальная сфера политики предельно далека от обсуждаемых нами идей и от той политики, которая фигурирует в схеме лестницы. Идея развития в той трактовке, которую мы представили выше, практически не осознается даже интеллектуальной элитой. О таких высоких материях рассуждают немногие представители этой элиты, с которыми политики-практики (даже на Западе) редко когда разговаривают. У них другие заботы: в первую очередь их занимает борьба за власть и/или ее удержание. Что и отражается в наиболее распространенном понимании политики как борьбы за власть. Поэтому **возможная имплементация наших представлений предполагает на перспективу полное переосмысление нынешней «политики» и перестройку сложившейся практики.** Напомним в связи с этим, что мы не предлагаем разрушать что-либо «до основания», а речь идет не только что об исторических процессах, но и о самой первой прикидке авторской версии желаемых перемен. Она может заметно измениться и при всех условиях потребует в итоге после широкого обсуждения разработки специальной программы действий.

За последние без малого четверть века мы уже не раз обсуждали свои представления о будущей политике: последняя версия была опубликована в статьях [Рац 2010-а, б, в] и сжато изложена в [2014: 187–189]²⁵. Поэтому здесь ограничимся тезисным сопоставлением господствующего пока и предлагаемого понимания политики. Новая трактовка политики вытекает из разработанной Г.П. Щедровицким концепции управления (о которой мы говорили в п. 6.1), и она такова, что ценностная ориентация оказывается едва ли не ее смысловым центром. **Политика категоризуется** при этом, прежде всего, **как особого типа мыследеятельность**, все остальное — сфера политики, политические режимы, институты, государственное устройство и т. д. — вторично.

Сопоставим по основным признакам бытующее и деятельностное представления. Политика мыслится:

- *Как конкуренция управленческих систем за будущее общей сферы интересов* (которое они видят разным) — в противоположность господствующему пока пониманию политики как борьбы за власть над этой сферой.

- *Как тип мышления и деятельности*, используемый в разных приложениях (экономическая, культурная и т. п. политики) — в дополнение к распространенному пониманию политики как особой «сферы деятельности»: скажем, политика в ряду с экономикой, культурой, образованием.

- *Как конкретизация применительно к местным условиям некоей идеологии* — отрефлектированной и развернутой ориентации на те или иные идеалы и ценности (о такой трак-

²⁵ Из первоначального замысла политики развития [Рац 1994] и родился наш нынешний проект.

товке идеологии и её связи с политикой — чуть дальше) — в дополнение к преобладающим пока геополитическим, экономическим и т. п. интересам.

Разумеется, каждый из этих тезисов требует развертывания (об идеологии мы поговорим еще в следующем пункте), но наметим и следующее направление работы: выявление общих для «старой» и «новой» политики моментов. Они отнюдь не ограничиваются функциональным назначением политики в общественном разделении труда.

Для примера скажем пару слов о важнейшей для политики связке, не имеющей русского эквивалента: *policy/politics* (по-английски эта пара и представляет русскую «политику»). Эту пару можно понимать как одновременную и параллельную работу по двум векторам, один из которых (*policy*) нацелен на общую для конкурентов сферу интересов, а другой (*politics*) — на самих конкурентов. И/или как попеременную смену политической борьбы (*politics*) и поступательного движения (*policy*) по итоговой «равнодействующей», к которому (движению) выстраивается своя оппозиция... Наиболее известная форма проявления этой пары в форме цикла — выборы и периоды работы выборных органов²⁶.

Наш тезис по этому поводу состоит в том, что работа этой связки — необходимое условие политики как в общепринятом (если таковое есть), так и в предлагаемом нами понимании. Если одна из составляющих отсутствует, о политике говорить не приходится: отдельно взятая полиси превращается во властвование, политикс — в политиканство.

Но это — на перспективу, а пока нам надо обратиться к нашей трактовке другой и не менее важной связки идеологии и политики.

6.3.4. Идеология и политика. Традиционные способы освоения политиками-практиками некоего нового содержания — прямая трансляция из сферы чистой мысли в сферу политики (некоторые политики даже книги читают), либо рабочая кооперация политиков и их советников. Такой способ действий в принципе известен со времен Платона и Аристотеля, хотя богатый и разнообразный исторический (да и современный) материал, видимо, еще ждет систематизации с этой точки зрения.

Мы, со своей стороны, исходим из того, что ответ на профессиональный вопрос политиков («что делать?») могут выработать — сообразно развертывающейся ситуации — только они сами. Несколько упрощая ситуацию, в подобных ответах можно выделить две составляющих, притом что они неразрывно связаны и переплетены друг с другом. Одна определяется общими установками политика: его принципами, идеалами, ценностями, в конечном счете — его картиной мира²⁷. Вторая — неповторимыми особенностями текущей ситуации. Политика оказывается результатом той или иной балансировки и «зашнуровки» этих составляющих (путем уже знакомого нашим читателям зигзагообразного движения).

Понятно, что первая из перечисленных составляющих играет особую роль. Она лежит в основе любой типологии политики: собственно, тип политики и определяется первой составляющей. При этом она (идеология) «**понимается как ориентированная на действие система убеждений, как целостный набор идей, который <...> направляет политическое действие**» [Хейвуд 2005: 53]. Именно так, безоценочно, мы понимаем идеологию. **Оценке же подлежат конкретные содержания тех или иных идеологических систем (от либерализма до фашизма)**²⁸.

Если теперь мы хотим приобщить профессиональных политиков к ценности развития, то, учитывая сказанное, для этого придется формировать соответствующую *идеологию разви-*

²⁶ Жизненный цикл *Policy/Politics* не следует смешивать с часто обсуждаемыми представлениями о цикличности общественно-политических процессов.

²⁷ Мы говорим об онтологии, сообразно своему пониманию традиции ММК, как о картине мира должного.

²⁸ Не будем вступать здесь в бесконечные дискуссии об идеологии вообще. Об идеологии как форме «ложного сознания» (т. е. о другом значении слова) мы писали в статье об истории [2016-б: 57]. Здесь нам важнее противопоставление идеологии и догматики. Вот что пишут наши коллеги: «...Догматизация идеологии приводит к вырождению. Догматизация такой идеи, как демократия, например, привела человечество в его нынешнее состояние, вызывающее тревогу не только у мыслящих, но и у здравомыслящих» [Андрейченко, Реус 2017].

тия, которая может, в свою очередь, реализоваться в той или иной версии политики соответственно местной ситуации. Иначе говоря, конкретная идеология (например, идеология развития в нашем понимании) одна, а реализующих ее политик — сколько угодно. Или так: идеология всегда «вообще», а политика всегда конкретна²⁹. При этом еще оказывается, что идеология идеологии рознь, и вовсе не все они сводятся к разного рода «измам»: для нашего случая подходящий изм пока не придуман. Для нас особое значение приобретают *рамки*, тесно связанные с ценностной ориентацией идеологии.

В первом приближении можно сказать, что функция рамок в идеологии и политике состоит в том, что они задают те или иные возможности и ограничения на интерпретацию и практикование различных позиций, в том числе тяготеющих к известным «измам». При этом каждая из рамок допускает сосуществование множества различных позиций. Прежде всего, в голову приходит традиционная рамка права, по идее, задающая идеальное политико-правовое пространство, которым, правда, далеко не ограничивается пространство реальной политики. (Характерный пример здесь — разделение российских марксистов на легальных и «нелегальных», в т. ч. будущих большевиков.) В качестве кандидата на роль второй такой рамки мы предлагаем рассматривать идею развития. При этом нужно иметь в виду, что рамка права общеизвестна и формально принята всеми государствами — членами ООН (в этом смысле даже странно выглядит «идеология права»), в то время как *рамка развития* предлагается впервые и заведомо может быть только факультативной. Для начала, как и все наши предложения, она требует, конечно, широкого обсуждения. Вопрос о конкретных последствиях использования рамки развития для возможных типов политики требует специальной проработки: он не вполне ясен даже применительно к классической рамке права. (Другой, но слишком специальный в данном контексте вопрос, откуда берутся или как строятся рамки.)³⁰

Основное новшество, привносимое рамкой развития в политику, состоит в ориентации политической деятельности на проблематизацию, призванную дополнить такое известное средство как *компромисс*. Дополнить, впрочем, это мягко сказано: место и (на)значение компромисса должны тогда в корне измениться.

Сейчас распространена точка зрения, согласно которой, идя на компромисс, «все стороны конфликта надеются получить хотя бы часть возможной выгоды, вместо того чтобы стремиться к абсолютной победе, рискуя при этом потерпеть при плохом раскладе абсолютное поражение. Именно это и является основой демократии» [Травин 2018]. За таким суждением неявно стоит представление об игре с нулевой суммой (выигрыш одного получается за счет проигрыша другого), которая характерна как раз для отношений власти/подчинения. Но мы ведь говорим о политике развития, прагматика которого как раз и состоит в возможном выигрыше всех участников. Когда, например, вместо передела рынка происходит его расширение. Это совсем другая демократия [2015: 59] и, между прочим, другое понимание конформности и бескомпромиссности: первая связывается с ленью мысли, вторая — с необходимостью для развития.

Политический торг и компромиссы в нынешней практике занимают то место, которое в рамках концепции развития принадлежит проблематизации и решению проблем. В ориентации на развитие компромисс важен как временный выход из положения — впредь до решения проблемы. Конечно, нет ничего более постоянного, чем временное, но для нас важнее принцип, определяющий вектор движения мысли. (Но это и не более чем принцип, поскольку

²⁹ Коллегам-методологам можно добавить: идеология занимает место и выполняет функции интерфейса между философией/методологией и политикой. Идеологом становится методолог, занявшийся реализацией своих представлений о мире и о том, как в нем жить надо. Следующий шаг на этом пути — привязка идеологии к конкретному месту и времени, но это уже дело политика.

³⁰ Для особо дотошных читателей скажем, что, с нашей точки зрения, рамки изначально строятся и полагаются в мышление и деятельность ситуативно, и только потом в случае успешного многократного использования могут в более или менее обобщенном виде полагаться в культуру в качестве нормативных. А дальше возникает ситуация, аналогичная обсуждавшейся выше (п. 6.2.2) с профанацией идеалов и проектов.

ку решения всегда ситуативны.) Глядя из сегодняшнего дня, мы не думаем, что люди, занимающие должности министров и президентов, если такие должности сохранятся в будущих поколениях, будут заниматься методологией и проблематизацией. Вести всю эту сложную работу могли бы их помощники и эксперты, а от них самих хотелось бы только, чтобы они понимали смысл и значение обсуждаемых здесь материй.

Если предположить, как мы рассчитываем, что продвигаемая нами идея развития получит некоторое распространение, тогда на основе соответствующей идеологии может сформироваться особый тип политики: *политика развития*. Некоторые дополнительные соображения об этой фантазии [Рац 2010-в] могут пригодиться заинтересовавшимся идеей читателям. Однако чтобы представлять себе дистанцию, отделяющую наши идеалы и проекты от сегодняшней реальности, можно повторить, что при господствующей ныне политике, направленной на борьбу за власть (и именно так, т. е. вполне адекватно, осознаваемой), все это никому не нужно.

6.4. Что дальше?

Если подводить все же итоги сделанному (и, насколько удалось, сказанному) за пять лет в привычной форме «заключения и выводов», для нас они выглядели бы примерно так.

На протяжении всей своей истории люди жили, ориентируясь на те или иные идеалы. В Европе идеалы прошедшего золотого века сменились христианскими идеалами, в дополнение к ним пришли идеалы гуманизма, а затем «свободы, равенства и братства». Именно идеалы (в отличие от проектов) стимулировали важнейшие социальные преобразования в истории. При этом, однако, место идеалов в картине мира и, что еще важнее, способы работы с ними рефлексировались и анализировались недостаточно. Расплата наступила в XX веке, когда самим идеалам были приписаны чудовищные последствия их нерелексивного выбора (без должной критики и проблематизации) и работы с ними как с проектами. Идея была дискредитирована и в секулярном мире продолжает жить в непроблематизируемых формах «ценностного сообщества» (Европейского союза), открытого общества и научно-технического прогресса.

Как свидетельствует опыт, самой чудовищной ошибкой оказывается проектное представление заведомо недостижимых идеалов, неважно, религиозных или социально-политических, — с соответствующим способом реализации задуманного. Впрочем, в долгосрочной (точнее, исторической) перспективе еще хуже выпадение, пропуск мыслительной проработки предполагаемого движения, прямой переход к действиям, каковы бы они ни были. (В рамках наших представлений — это прямая редукция мыследеятельности за счет ее релексивно-мыслительной составляющей.)

В этом плане поучительны уроки истории России XX века. Наиболее масштабным уроком оказалось представление большевиками в качестве непосредственно реализуемого проекта марксова коммунистического идеала. Откуда и пошла почти буквально понимаемая метафора «строительства коммунизма», осуществлявшегося посредством «диктатуры пролетариата» соответствующими проектно-инженерными методами. С точки зрения развиваемых здесь представлений провал этого «эксперимента» был оплачен заранее, хотя никто не мог предвидеть масштабов сопровождавших его трагедий.

Немного лучше, хотя и не столь трагичным, был «переход к рынку» после распада СССР. С нашей точки зрения, мы наступили на те же грабли, что и в 1917 г.: не стали работать с идеалами, отказались от давно назревшей и перезревшей проблематизации сложившихся форм организации жизни в стране. В начале века это было самодержавие, в конце — марксов идеал и его проектная реализация, превратившая идеал в собственную противоположность. Вместо этого при распаде СССР в очередной раз попытались заимствовать сложившиеся на Западе, давно институализированные и уже чуть ли не окостеневшие там фор-

мы организации общежития. (Последнее наглядно выразилось в известной идее «конца истории».) Что, если не вдаваться в подробности, привело к известному продолжению, когда мы в третий раз за последние сто лет оказываемся перед тем же выбором: семь раз примерять или сразу резать по живому.

В этом мы видим главные уроки (а по сути, один урок — редукции мыследеятельности и отказа от работы с будущим) истории России XX века, наглядные в сравнении с историей западной «ревизионистской» социал-демократии, двигавшейся вперед методом проб и ошибок. Это, конечно, не программирование, но при наличии «постоянно действующей» политической оппозиции — не самый плохой способ действий. Однако в ситуации отсутствия идеалов в нашем понимании, как на Западе (или при манипулировании идеалами в классическом понимании, как в России), и он рискует завести в тупик.

Поэтому мы предлагаем восстановить в своих правах идеалы. И видим на этом пути несколько развилок, фиксация которых задает возможное направление мысли. Будем для определенности говорить о России, не забывая о руководящей идее ее выхода из колеи.

Первый выбор мы уже обозначили: заняться ли проработкой исторического будущего или по-прежнему сосредоточивать внимание на текущем моменте и перспективах 2024 г.? Разумеется, одно не исключает другого, но это принципиально разные позиции, переход между которыми очень непрост. Поэтому для краткости и ясности мы поначалу говорим не о пропорциях, а о дилемме. Мы за то, чтобы отдать приоритет работе с будущим. Вспоминая вынесенные в эпиграф слова Столыпина, скажем так: не имея идеала на двести лет вперед, нельзя выстроить осмысленную программу действий и на ближайшие годы.

Занимая свое место в рядах сторонников работы с будущим, мы ориентируемся на левый сдвиг, предварительную проработку и проблематизацию возможных решений. И соответственно получаем оппонентов, считающих проблемами только трудности в реализации тех или иных *действий* и уверенных в том, что решать проблемы надо по мере их поступления. Впрочем, аргументы могут быть разными, а нас пока интересует только выбор позиции.

Но и среди сторонников работы с будущим никакого единства не предвидится. Ибо никто не обязан соглашаться с нашим противопоставлением идеалов и проектов, проблем и задач, программирования и проектирования. Наверняка найдется масса людей, которые скажут, что все это ненужная философия, и достаточно, например, исходить из идеи общего блага для граждан России и/или из того, чтобы Россия стала великой державой. Не будем повторять каждый раз, что аргументы могут быть разными: запоем это до конца перечисления развилок.

Занимая свое место среди «идеалистов», мы и здесь столкнемся с поляризацией позиций. Идеалы идеалам рознь, а общее благо — всего лишь функциональное место, которое каждый заполняет по-своему. Патриоты могут разойтись с демократами, а сторонники научно-технического прогресса — с «гуманистами», апологетами ценности и автономии человеческой личности, и т. д., и т. п.

Наконец, собрав команду сторонников проблематичного развития, мы наверняка получим оппонентов, предпочитающих более осязаемые ценности вроде социальной справедливости, качества жизни, ВВП на душу населения и т. п. Для них именно такого рода ценности составляют содержание развития. Им глубоко чужда мысль, что социальные блага в конечном счете оказываются результатами (развития) мышления и деятельности.

Понятно, что предлагаемый набор развилок — не более чем фрагмент их длинного, практически бесконечного перечня, а так же способ задать направление (и, что нам важнее, — *пространство*) мысли. При этом речь шла пока только о ценностной ориентации, а сходясь по ценностям, политические позиции будут расходиться по принимаемым нормам, текущим целям и предпочтительным средствам их достижения. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что реальные политические позиции связаны преимущественно с последними пунктами нашего перечня. Первые вообще не обсуждаются.

Сюда мы и целимся, в этом смысл того дополнения к повестке дня, о котором мы говорили вначале. Очередные выборы, санкции, отношения с Западом или Востоком — это все важные вещи, но принимая по этому поводу те или иные решения, пора бы задуматься об их основаниях. А вопрос об основаниях на любом из обозначенных уровней переносит нас на вышележащие: пространство мысли (и выбора) расширяется, появляются решения старых проблем, но возникают новые.

Разумеется, все это не предмет обсуждения с действующими политиками, а равно и с подавляющим числом наших сограждан. Но это предмет обсуждения, конституирующий интеллигенцию, более или менее планомерно уничтожаемую и уничижаемую у нас в стране уже сто лет. А «для того, чтобы Россия могла занять свое место в мире, нужно восстановить интеллигенцию в России» [Щедровицкий 2001: 301]. Это не новость: Г.П. Федотов еще в 1930-е годы писал о воссоздании уничтоженной революцией элиты как о первоочередной задаче будущей свободной России [Федотов 1992: 211]. Если угодно, речь идет все о том же дополитическом (рамочном) сообществе В. Гавела. Мы можем проинтерпретировать эту мысль по-своему и предложить свою версию видения предстоящего нам пути.

В нашей интерпретации речь идет о выращивании, укоренении и поддержании коллективной мыследеятельности. В первую очередь посредством коммуникации, лежащей в основе любых *сообществ*, потенциально способных быть субъектами развития: о них мы уже говорили (пункт 6.3.1). Сообществ у нас почти нет, а без них разговоры о развитии так и останутся разговорами. Перспективы их выращивания концентрируются в сферах образования и клуба, а возрождение интеллигенции как живого носителя коллективной мыследеятельности — социально-антропологическая сторона этого процесса.

К такому заключительному тезису нужны два примечания. Первое. Существует очень выразительная, на наш взгляд, подборка суждений ряда уважаемых профессионалов — от медиков до литературоведов и от историков до экономистов — сетующих на отсутствие в России профессиональных сообществ [ссылки см. по адресу: Флиер 2012]. Подборка родилась в коммуникации чисто ситуативно, а эта тема заслуживает специальной проработки. Кстати, живым, но редким у нас исключением из этой ситуации служит клуб «Интеллектуальный Ростов» [Интеллектуальный Ростов... 2014]. Второе. По идее, быть субъектами развития коммуникации (в указанном ранее значении — п. 6.3.1) и коммуникативных сообществ призваны выходцы из Московского методологического кружка. По крайней мере, те из нас, кто принимает для себя рамки развития и права. И, конечно — мы не устаем повторять, — в конкуренции с представителями других традиций и носителями других представлений. Но пока это всего лишь призыв к нашим коллегам.

Аврелий Августин. 1991. *Исповедь блаженного Августина, епископа Гиппонийского*. — М.: RENAISSANCE. — 488 с.

Андрейченко Н.Ф., Реус А.Г. 2017. *Апология идеологии, или Антидогматика. Про игры общества и власти с ненулевой суммой*. — Независимая газета, НГ-Сценарии. — 24.10. — Доступно: http://www.ng.ru/stsenarii/2017-10-24/11_7101_apologia.html. — Проверено: 26.10.2018.

Арендт Х. 2000. *Vita activa, или о деятельной жизни*. — СПб.: Алетейя. — 437 с.

Арендт Х. 2011. *О революции*. — М.: Европа. — 464 с.

Арендт Х. 2014. *О насилии*. — М.: Новое издательство. — 148 с.

Архангельский А. 2018. *Война без мира. Какого Толстого чествуют сегодня в России*. — Доступно: https://republic.ru/posts/92027?utm_source=republic.ru&utm_medium=email&utm_campaign=morning. — Проверено: 26.10.2018.

- Бахтин М.М. 2003. *К философии поступка*. — *Собрание сочинений* в 7-ми тт. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. — М.: Русские словари. — 957 с.
- Беляев В.А. 2015. Проект «мыследеятельно-ориентированного» общества и реализационная диалектика модерна. — *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. — № 4. — С. 54–68. — Доступно: <http://politconcept.sfedu.ru/2015.4/04.pdf>. — Проверено: 26.10.2018.
- Берлин И. 2002. *Подлинная цель познания*. — М.: Канон+. — 800 с.
- Ваганов А. 2011. Технологии в идеологической западне. Интервью с Л.Грэхэмом. — *НГ-Наука*. — 12-28. — Доступно: http://www.ng.ru/science/2011-12-28/9_ideologia.html. — Проверено: 26.10.2018.
- Воловик В.В., Щедровицкий П.Г. 2018. Конструктивное мышление: неучтённый фактор развития. — *Вопросы философии*. — № 9. — С. 46–56.
- Вышеславцев Б.П. 1994. *Этика преображенного эроса*. — М.: Республика. — 368 с. — Доступно: <https://predanie.ru/vysheslavcev-boris-petrovich/book/73826-etika-preobrazhennogo-erosa/#/toc65>. — 26.10.2018.
- Гавел В. 1991. *Сила бессильных*. — Минск: Творч.-произв. центр «Полифакт». — 126, [1] с. — Доступно: <http://old.inliberty.ru/library/181-sila-bessilnyh>. — Проверено: 26.10.2018.
- Зиновьев А.А. 2002. *Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса)*. — М.: Российская Академия Наук, Институт философии. — 324 с.
- Лекторский В.А. (Ред.). 1996. *Идеал, утопия и критическая рефлексия*. — М.: РОССПЭН. — 302 с. — Доступно: <http://klex.ru/gsl>. — Проверено: 26.10.2018.
- Интеллектуальный Ростов... 2014. *Интеллектуальный Ростов: книга дискуссий: монография*. — Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ. — 696 с. — Доступно: <http://polittheory.na.gov.ru/Makarenko/Rostov.pdf>. — Проверено: 26.10.2018.
- Йонас Г. 2004. *Принцип ответственности*. — М.: Айрис-пресс. — 480 с.
- Кант И. *К вечному миру*. — Доступно: https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_K_vech_pomu_miru.pdf. — Проверено: 26.10.2018.
- Клямкин И.М. 2011. *Взлет и падение советской интеллигенции*. — Доступно: <http://polit.ru/country/2011/04/13/klyamkin.html>. — Проверено: 26.10.2018.
- Кортунов С.В. 2007. *Концептуальные основы национальной и международной безопасности. Учебно-методическое пособие*. — М.: Высшая Школа Экономики. — 308 с.
- Малахов А. 2017. «Come on!» — Юбилейный доклад Римского клуба. 2017. — Доступно: <http://malakhov.link/come-on-report>. — Проверено: 26.09.2018.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. 2011. *Насилие и социальные порядки*. — М.: Изд. Института Гайдара. — 480 с.
- Панеях Э. 2018. *Битва за норму. Между обществом и государством*. — Интернет-портал INLIBERTY. — Доступно: <https://www.inliberty.ru/article/liberty-panyakh/>. — Проверено: 26.09.2018.
- Преобразование... 2015. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 год. — *Резолюция, принятая ГА ООН 25 сентября 2015 года*. — Доступно: http://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf. — Проверено: 26.10.2018.
- Раппопорт А.Г. 1975. Проектирование без прототипов. — *Разработка и внедрение автоматических систем в проектировании (теория и методология)*. — М.: Стройиздат.
- Рац М.В. 1994. Политика развития для России: версия концепции. — *Сегодня*. — 27 августа.
- Рац М.В. 2010-а. Политика и управление. — *Полис. Политические исследования*. — № 3. — С. 132–143.

Рац М.В. 2010-б. К типологии политики. — *Сетевой портал журнала «Полис»*. — Доступно: http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/New_electr/Ratz_2010_K_tipologii_politiki.pdf. — Проверено: 26.10.2018.

Рац М.В. 2010-в. *Политика развития*. Сетевой портал журнала «Полис». — Доступно: http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/New_electr/Ratz_2010_Politika_razvitiya.pdf. — Проверено: 26.10.2018.

Рац М.В. 2010-г. «Искусственное» и «естественное». — *Философия России второй половины XX века. Г.П. Щедровицкий*. — М.: РОССПЭН. — С. 319–358.

Рац М.В., Копылов Г.Г., Слепцов Б.Г. 1994. Новый взгляд на безопасность. — *Сегодня*. — 22 января.

Рац М.В., Копылов Г.Г., Слепцов Б.Г. 1995. *Концепция обеспечения безопасности*. — М.: «Касталь». — 84 с.

Рац М.В., Котельников С.И. 2014. Власть или управление? — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 1. — С. 156–209. — Доступно: <http://politconcept.sfedu.ru/2014.1/11.pdf>. — Проверено: 26.10.2018.

Рац М.В., Котельников С.И. 2015-а. Власть или управление? Власть и ее типы. — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 3. — С. 29–68. — Доступно: <http://politconcept.sfedu.ru/2015.3/03.pdf>. — Проверено: 26.10.2018.

Рац М.В., Котельников С.И. 2015-б. Ответ на критику. — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 4. — С. 69–81. — Доступно: <http://politconcept.sfedu.ru/2015.4/05.pdf>. — Проверено: 23.09.2018.

Рац М.В., Котельников С.И., Слепцов Б.Г. 2016-а. Власть или управление? Заметки на полях всеобщей и русской истории. — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 3. — С. 24–57. — Доступно: <http://politconcept.sfedu.ru/2016.3/02.pdf>. — Проверено: 26.10.2018.

Рац М.В., Котельников С.И., Слепцов Б.Г. 2016-б. Власть или управление? Заметки на полях всеобщей и русской истории. Окончание. — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 4, 2016. — С. 27–77. — Доступно: <http://politconcept.sfedu.ru/2016.4/03.pdf>. — Проверено: 26.10.2018.

Рац М.В., Котельников С.И., Слепцов Б.Г. 2016-в. Интересы науки смещаются с природы на человека и общество. — *Независимая газета, НГ-Наука*. — 14 декабря. — Доступно: http://www.ng.ru/nauka/2016-12-14/9_6884_science.html. — Проверено: 26.10.2018.

Рац М.В., Котельников С.И., Слепцов Б.Г. 2017. Власть или управление? Концепция проекта. — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 4. — С. 50–94. — Доступно: <http://politconcept.sfedu.ru/2017.4/03.pdf>. — Проверено: 26.10.2018.

Рост Ю. 2014. Большая ложь, война и папа с мамой. — *Новая газета*. — № 105, 19 сентября. — Доступно: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2014/09/18/61223-bolshaya-lozhvoyna-i-papa-s-mamou>. — Проверено: 28.10.2018.

Серл Дж. 2002. Политика и гуманитарное образование. — *Отечественные записки*. — № 1. — Доступно: <http://magazines.russ.ru/oz/2002/1/se.html>. — Проверено: 26.10.2018.

Словарь... 2016. *Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т.* — М.: Новое литературное обозрение.

Соловьев В. *Идеал*. — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, полутом 24. — СПб. — Доступно: <https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Идеал>. — Проверено: 26.10.2018.

Степин В.С. 2001. Научная картина мира. — *Новая философская энциклопедия*, т. 3. — М.: Мысль.

Токвиль А. 1992. *Демократия в Америке*. — М.: Прогресс. — 554 с.

Травин Д. 2018. *Политический хаос. Уроки воскресного митинга*. — Доступно: https://republic.ru/posts/92057?utm_source=republic.ru&utm_medium=email&utm_campaign=morning. — Проверено: 26.10.2018.

Федотов Г.П. 1992. Создание элиты (Письма о русской культуре). — *Судьба и грехи России*, т. 2. — СПб.: «София». — 352 с.

Фёдоров И.А. 2006. *Парадигмы социальной философии преобразования*. — СПб.: Изд. дом «Мирь». — 392 с.

Флиер А.Я. 2012. Флиер А.Я. К разработке Культурологической хартии (дискуссия). — *Сетевое сообщество «Российская культурология»*. — Доступно: <http://culturalnet.ru/f/viewtopic.php?id=988&action=all>. — Проверено: 26.10.2018.

Фуко М. 2011. *Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977/78 учебном году*. — СПб.: Наука. — 544 с.

Хейвуд Э. 2005. *Политология*. — М.: Юнити. — 544 с.

Шапиро Й. 2012. О не-господстве. — *Логос*. — № 4. — С. 3–35. — Доступно: <http://www.logosjournal.ru/arch/24/logos-24.pdf>. — Проверено: 26.10.2018.

Школа... 2017. *Школа Щедровицкого и ее наследие. Часть 1*. — Доступно: <http://polit.ru/article/2017/03/31/methodology/>. — Проверено: 26.10.2018.

Щедровицкий Г.П. 1987. Схема мыследеятельности — системно-структурное строение, смысл и содержание. — *Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1986*. — М.: Наука. — С. 281–298.

Щедровицкий Г.П. 1995. *Избранные труды*. — М.: Школа культурной политики. — 800 с. — Доступно: http://web.krao.kg/12_filosofia/0_pdf/17.pdf. — Проверено: 26.10.2018.

Щедровицкий Г.П. 1999. *Программирование научных исследований и разработок*. — М.: Путь. — 288 с.

Щедровицкий Г.П. 2000. *Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология*. — М.: Путь. — 384 с. — Доступно: <http://www.fondgp.ru/lib/chteniya/xvi/text/management/0/ORU-1.doc>. — Проверено: 26.09.2018.

Щедровицкий Г.П. 2001. *Я всегда был идеалистом*. — М.: Путь. — 368 с.

Щедровицкий Г.П. 2003. *Методология и философия оргуправленческой деятельности (основные понятия и принципы)*. — М.: Путь. — 288 с. — Доступно: <http://www.alshar.ru/images/oru2.doc>. — Проверено: 26.09.2018.

Щедровицкий П.Г. 2018. *Три индустриализации России*. — СПб.: Terra Fantastica.

Weizsaecker E. von, Wijkman A. 2018. *Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome*. — New York: Springer. — 220 S.

Живое прошлое

РОССИЯ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ МОСКОВСКО-ОРДЫНСКОГО ПОЛИТАРНОГО ВЛАСТНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА (XII в. – 1917 г.)

А.П. Давыдов
Институт социологии РАН

Аннотация: Эта статья — о синкретическом механизме «власть-собственность-управление», который зародился в Владимиро-Суздальском княжестве в XII в., окончательно сформировался в Московско-ордынском имперско-племенном способе управления страной в XIII–XIV–XV вв., был основной социально-политической скрепой Московского царства/Российской империи в течение последующих веков и сохранился в советской и затем в постсоветской России почти в неизменном виде. Этот догосударственный механизм управления обладает постоянной структурой — «самодержавие», «крепостничество», «коррупцированный чиновник». В данной статье он именуется «политарным» (термин историка Ю.И. Семенова). Анализируется нарастающий раскол между политарной системой и демократическими сдвигами в ходе антикрепостнической реформы 19 февраля 1861 г., столыпинской реформы (1906–1911 гг.), либерализации управления страной в соответствии с манифестом 17 октября 1905 г., событий 1917 г. Но демократические процессы в 1861–1917 гг. не победили — слишком велика была толща исторически сложившегося обыденного сознания. Большевицкая революция стала победой наиболее почвенной из всех революционных партий, боровшихся за власть в 1905–1917 гг. и, следовательно, наиболее заинтересованной в сохранении российской политарности. Предполагается продолжение изучения российской политарной системы в советской и постсоветской модификациях с формированием методологии ее реформирования.

Ключевые слова: Россия, власть, собственность, управление, монополии, догосударственная стихия, реформа 1861 г., столыпинская реформа, манифест 17 октября 1905 г., революции 1917 г., олигархи.

Введение в постановку проблемы реформирования российской политарности

Эта статья — о синкретическом механизме «власть-собственность-управление», который зародился в Владимиро-Суздальском княжестве в XII в., окончательно сформировался в Московско-ордынском имперско-племенном способе управления страной в XIII–XIV–XV вв., был основной социально-политической скрепой Московского царства/Российской

империи в течение последующих веков и сохранился в советской и затем в постсоветской России почти в неизменном виде. В научной литературе этот механизм управления страной и способ общественного воспроизводства получил много названий: «естественное государство», «рентоориентированная экономика», «распределительная экономика», «экономика престижа», «тоталитарный», «азиатский», «деспотический», «политарный». В данной статье он именуется «политарным» (термин историка Ю. Семенова) для того, чтобы показать, что этот механизм был политическим, социально-экономическим основанием и докапиталистических отношений в России, и зарождавшегося в стране капитализма, и строившегося большевиками социализма, и нынешней постсоветской застрявшей между рынком и «распределительным социализмом» системой.

Эта статья также о том, что социальную эволюцию в России пронизывает конфликт (противоречие, раскол) между рыночно-демократической реформой, нацеленной на расчленение политарного синкретиза «власть-собственность-управление» на «власть», «собственность», «управление» и имперско-племенной антиреформой, нацеленной на его сохранение и укрепление.

***Зарождение московско-ордынского политарного властно-управленческого комплекса как одного из оснований русской культуры (XII–XVI вв.).
Конфликт с либеральными реформами (1861–1917 гг.)***

После разгрома Киева сначала русскими князьями под руководством суздальского князя Андрея Боголюбского в 1169 г., затем татаро-монголами (1237–1240 гг.) центр страны переместился на *северо-восток*:

- началась история великороссов — история «отцовского» принципа властвования; возникла «отцовская» культурная матрица, породившая «русскую систему» [Пивоваров, Фурсов 2001: 37], «власть-моносубъекта», «власть-милитаризатора» [Ахиезер, Клямкин, Яковенко. 2013];

- родился «боевой строй государства» (термин В.О. Ключевского), интерпретируемый как перманентное состояние войны и сопутствующая ему милитаризация государственного общественного быта и способа управления; сформировался идеал «государства-армии»/опыт «монгольского инкубатора» (термины И. Клямкина), который, вырастая из «отцовской» матрицы и «боевого строя государства», почти без изменений сохранился до настоящего времени;

- Боголюбский первым попытался основать независимую от Киева церковную митрополию в своем княжестве. Эта попытка успехом не увенчалась. Но процесс обособления пошёл [Андрей Боголюбский], и этому процессу в решающей степени способствовали особые отношения Москвы с Ордой.

Историк К. Кавелин заметил, что с XIII в. развитие государственности протекало в наименее культурных северо-восточных областях Древней Руси¹, ссылки на татаро-монгольское завоевание для объяснения низкого культурного уровня нового общества недостаточно, и

¹ Н.М. Карамзин, опираясь на русские летописи, описывал быт северо-восточных славян (древлян, северян, кривичей, вятичей, радимичей) VI–IX вв., когда они заселяли финно-угорские земли Русской равнины: «Древляне же имели обычаи дикие, подобно зверям, с которыми они жили среди лесов темных, питаются всякой нечистотою; в распрях и ссорах убивали друг друга; не знали браков, основанных на взаимном согласии родителей и супругов,... строили свои хижинки в местах диких, уединенных, среди болот непроходимых,... жен считали совершенными рабами,... боялись своих идолов,... уважали только силу,... приносили животных и людей в жертву богам,... пили ритуальную кровь,... жестоко эксплуатировали местное население (по другим источникам у древлян был обычай запрягать представителей местного финно-угорского населения в телеги — *А.Д.*), собирая с них дань,... северяне, радимичи и вятичи уподоблялись нравам древлян» [Карамзин 1988: 31–64].

значение ига сильно преувеличивается... Новое начало не было абсолютно новым. Уже в процессе распада киевской государственности формировались три системные альтернативные модели дальнейшего развития: Новгородская, Галицко-Волынская и Владимиро-Суздальская.

В Новгороде (а также в Пскове и в какой-то степени в Полоцке) сложилась модель города-государства, сходная с теми, что существовала в средневековой Европе (Генуя, Венеция, города Ганзейского союза и др.). Власть в Новгороде принадлежала вече, за спиной которого стояли бояре («олигархи»), которое нанимало варяжских князей с дружиной на срок для выполнения определенных функций — оборона города, осуществление судов, покорение племен, сбор дани и др. Таким образом, угроза раскола между князем и вечем упраздняялась договорно-правовыми отношениями и балансом сил — новгородское ополчение (до 40 тыс. человек) долго успешно отбивало попытки владими́ро-суздальских и московских князей покорить Новгород. Но эта модель не могла стать основой российской государственности, потому что была локальной — вече в масштабах страны не соберешь. Задача интеграции русского пространства Новгороду была не под силу. А потому не смог он устоять и перед Москвой, которая даже в период монгольской опеки и особенно после окончательного освобождения от нее интегрирующим государственным ресурсом (сильные князья со своим аппаратом управления) уже обладала.

В Галицко-Волынском княжестве (Владимир Волынский, Галич) к началу XIII в. князь, опирающийся на дружину, сохранял политическую власть. Он был владельцем всей территории княжества. Но в княжестве был и сильный слой бояр-землевладельцев, имеющих свои дружины и конкурирующих в борьбе за княжескую власть. Это было движение в сторону европейского феодализма. В соседних Польше и Венгрии земельная аристократия к тому времени была уже развитым феодальным сословием. Со временем этот тип модели в Европе эволюционировал в сторону либо королевского наследственного абсолютизма, либо как, например, в Польше, когда монарх избирался представителями знатных родов. Грамоты, которые выдавали князья юго-западного региона Руси, скреплялись не только княжеской печатью, но и печатями местных бояр. Однако, княжеско-боярские междоусобицы сотрясали это княжество, и в силу своей неустойчивости оно оказалось в конце концов разделенным между Литвой, Польшей и Венгрией.

Ситуация в северо-восточном Владимиро-Суздальском княжестве была принципиально иная. Возникновению сильного боярства в нем препятствовали прежде всего природно-климатические условия региона. Это был лесистый и болотистый край с бедными почвами, долгой зимой, частыми катастрофическими лесными пожарами, вызываемыми подсечно-огневым земледелием², бескрайними весенними разливами рек, ненадежными осадками, низкой и нестабильной урожайностью³, с удаленностью от международных торговых путей. Природные условия затрудняли развитие дорог, городов, торговли, товарного производства, рынков. Это было владение слабых бояр и сильных князей. Князья с дружинами приходили и для того, чтобы властвовать над местным славянским и финно-угорским населением, облагая его данью, и для того, чтобы приглашать новых людей на новые земли из других мест. Население колонистов быстро росло, потому что князья гарантировали существенные льготы, да и регион был отдален от степи и не подвергался набегам степняков. Князья в этих условиях владели территорией княжества как *личной собственностью*. «Мысль: это мое, потому что мной заведено, мной приобретено, — вот тот политический взгляд, каким колонизация приучала смотреть на свое княжество первых князей Владимиро-Суздальской Руси», — со-

² Каждые три года древняя и средневековая Русь/Россия, которая была стопроцентно деревянной, почти полностью выгорала [См. статистику в: Гольц 2002].

³ Хорошие урожаи случались примерно раз в семь лет [Гольц 2002].

общает специалист по первоисточникам истории Древней Руси И. Данилевский [Данилевский 2012: 22–24]. Рождалась «деспотическая монархия». Данилевский пишет: «Третий тип государственности, сложившийся на северо-востоке, — тот самый, который — увы! — развивается в нашей стране уже на протяжении многих сотен лет. Это — деспотическая монархия. Основу ее закладывает в XII веке Андрей Боголюбский, который изгоняет старшую дружину и остается с той организацией, которую мы до поры до времени не видим. Это „служебная организация“. Грубо говоря, обслуживающий персонал, состоящий из холопов, которые до того занимались лишь хозяйственными вопросами. Новое окружение, набранное князем Андреем из холопов, — это теперь уже не товарищи, а милостники, подручники. Мало того, он и со своими родственниками начинает поступать, как с подручниками... В.О. Ключевский одним из первых очень четко зафиксировал эту „самодержавную революцию“ Андрея Боголюбского... То есть линия Боголюбского — это не эпизод, не имевший продолжения, а заложенный им новый тип государства... Это та деспотическая государственность, которая стала потом воспроизводиться... Особенность деспотического государства заключается в том, что изменить его природу невозможно, а можно лишь устранить деспота, на место которого неизбежно придет другой деспот... Ордынское нашествие и включение северо-восточной и северо-западной Руси в сферу влияния Великой Монгольской империи лишь обеспечили этому процессу более благоприятные условия. А Иван Грозный просто доводит эту систему государственного управления до логического конца» [Данилевский 2012: 22–24]. Эти же оценки дает во всех своих работах и известный американский специалист по истории России Ричард Пайпс.

Одной из основных специфик развития Московии стало то, что московские князья, начиная с Ивана Калиты, получили от Орды право самим собирать для монголов и пересылать в Орду дань со всех русских земель. Российская община кроме осуществления своих традиционных функций обрела новую — она стала фискальным инструментом власти. Сбор дани существенно увеличивал финансовые ресурсы князей и даже позволил расширять подвластные территории. Москва стала всевластным подручным, деспотичным порученцем, иногда палачом Орды, это позволяло ей успешно переманивать бояр и у тех князей, земли которых Москве еще не принадлежали — бояре хотели служить только Москве. Возник феномен, который современные исследователи Ю. Пивоваров и А. Фурсов назвали «князобоярством» — зародышевая форма правления, которая определит существенную типологическую особенность отечественной государственности на столетия вперед. Через «князобоярство» формировались важные элементы будущей «русской системы» — консолидированные околовластные структуры служилых людей (фавориты, олигархи, опричнина, гвардия, партаппарат наряду с органами госбезопасности и т. д.), которые обеспечивали неприкосновенность монопольной власти царей, императоров, генсеков, президентов и блокировали развитие вокруг них конкурентной среды [Пивоваров, Фурсов 1996: 41]. Через князобоярскую опричнину/олигархат стала «воспроизводиться властно-социальная диспозиция, к которой Русь привыкла, адаптировалась за два примерно с половиной столетия монгольского ига. То есть это ордынский порядок, где в роли опричнины Орда, а земщины — Русь» [Пивоваров 2015: 56].

Если Киевская Русь развивалась на городской основе, международной торговле и государственном управлении с элементами выборной демократии и политической конкуренции, то основу возникшего сначала Суздальского, затем Владимиро-Суздальского княжества и затем Московского государства составляла деревня. Новые города, возводившиеся князьями и православными монастырями в большом количестве в XII в. на Северо-Востоке как пункты сбора дани с покоренных местных племен, были уже городами совсем иного типа, с международной торговлей не связанными и строящими социальную общность на основе деспотической государственности. Роль городского вече постепенно сходила на нет. По типу

культуры на смену Руси городской шла Русь сельская. Именно во Владимире, а не в Киеве — непосредственные истоки будущей Московии [Клямкин].

В этих условиях создавалась владими́ро-суздальская, московско-ордынская *социальная скрепа*, которая могла противостоять первобытному семейно-родовому, родоплеменному локализму древней русской культуры и укреплять централизованную государственность. Что представляла из себя эта скрепа? Это по определению историка Л.С. Васильева — «*власть-собственность с централизованной редистрибуцией*», то есть это — «когда власть абсолютна и первична, а собственность, коль она появилась, является ее функцией и потому полностью ей подвластна и подлежит перераспределению с ее стороны» [Васильев 2012: 24–28]. Таким образом, Васильев сформулировал триаду: «*власть — собственность — управление (централизованное перераспределение)*» как основание русской культуры в ее Владимир-Суздальском варианте и ставшем основным, а после разгрома Новгорода единственным способом общественного воспроизводства в России.

Культуролог и философ А.С. Ахиезер углубляет формулу Васильева, добавляя к ней идеологический момент: стиль правления, стоявший у истоков российской государственности, культивировал «архаический принцип нерасторжимости власти, собственности и жреческо-идеологических функций, что органически легло в основу новой государственности. Развитие по этому пути позволяет говорить о существовании типа *большого общества*, получившего название *азиатского способа производства*, фигурирующего также под названием *государственного способа производства* [Васильев 1985: 15], а также *политарного* [Семенов 1988: 158]. Его называют еще *кабально-общинным*, а также *потестарной (властной) формой*. Для него было характерно подчинение хозяйственной деятельности государству. Это общество может быть названо *синкретическим*, так как господство синкретизма сохранилось здесь в сфере ценностей, в стремлении ориентировать воспроизводство на тотемическое мышление. Оно ориентировано на *нерасчлененность знания, ценностей, власти, собственности, социальных отношений, которые рассматриваются как результат активности внешнего для личности субъекта*. Важнейший аспект тотемического мышления — стремление субъекта отдать себя под власть сильного, носителя тайн жизни, высших ценностей» [Ахиезер 2008: 119–120].

Историк русской культуры Е.П. Карнович (1823–1885) расшифровывает принцип организации, который в данной статье мы характеризуем через термины «*синкретизм*» и «*политарность*», объясняющие гипертрофированное развитие архаичной монополярной государственной основы. Он сообщает, что появление богачей во второй половине XVIII в. было результатом не торговли, как обычно полагают, а откупов и казенных подрядов, то есть подключения частных лиц к государственной монополии [Карнович 1874]. Ахиезер дополняет: «Слияние экономики с политической властью и рождение монополярного властно-управленческого комплекса происходило «не только в промышленности, но и, что особенно важно, в сельском хозяйстве. Не следует забывать, что помещик при крепостничестве выполнял функции государственного чиновника, воплощая, хотя... не всегда последовательно, крепостнические функции всего государства. Недостаточно осознано, что после 1861 года (автор имеет ввиду комплекс либеральных реформ 60-х гг. XIX в., начавшихся с ликвидации Александром II крепостного права 19 февраля 1861 г. — *А.Д.*) изменилась форма, но не суть этого монополизма государства в деревне» [Ахиезер: 335]. Эту же мысль проводит В.О. Ключевский: «Облагая своих крестьян работой и оброком [землевладелец] по усмотрению, нередко обладая правом суда и полицейского надзора над ними, даже правом льготить их от государственного тягла, он (помещик — *А.Д.*) неизбежно становился ответственным посредником в их делах о казенных платежах и повинностях» [Ключевский 1988: 299].

Почему же этот политарный административно-полицейско-экономический механизм, управляющий воспроизводством общества, я называю синкретическим, а не синтетическим? Потому что он соединил в себе несоединимое. В боголюбско-доордынскую и особенно в московско-ордынскую эпоху его формирования, выполняя функцию обеспечения *выживания*, этот механизм выглядел как более или менее органический синтез, так как был унаследован из догосударственной палеолитической семьи, где глава рода, племени (орды), племенной империи был олицетворением абсолютной власти — был и владельцем собственности, и принимал окончательные управленческие решения по всем вопросам. По мере актуализации в России принципиально новой цели — *развития*, вызванных этой целью новых представлений о *полноте бытия* и появления разделения труда, формирования наемных и товарно-денежных отношений, прав сословий этот патриархальный синтез все более превращался в неорганичный, то есть в синкрезис, в «слипшийся ком» (термин писателя Виктора Ерофеева), а процесс его воспроизводства — в топтание на месте, «навозошаропроектирование» и «навозошаротолкание» (термины писателя Виктора Пелевина).

В чем проблема сегодня?

В идеале цель механизма управления обществом — развитие технологий производства товаров и услуг, и через совершенствование этих технологий — развитие общества, человека. Но реальность в России такова, что субъектность механизма управления развитием исторически принадлежит не профессионалам-управленцам, формирующим процесс социального развития в интересах общества, а высшему властному слою страны, осуществляющему свою власть в своих собственных интересах. Отсюда, по А.С. Ахиезеру — доминирование в России «монологичного государственного развития», или, по В.Е. Лепскому — «бессубъектного развития» [Лепский: 225]. Этот «бессубъектный» монолог, как бы произносимый свыше, эта «бессубъектная субъектность», в которой никто ни за что не отвечает, массовым сознанием воспринимается как органичная, единственно возможная и жизнеспособная система. Но на самом деле она внутренне глубоко дезорганизована, не эффективна, неконкурентоспособна и может существовать, лишь истощая ресурсы государства и общества.

Отсюда задача: чтобы воспроизводственный механизм «власть-собственность-управление» перестал быть синкретическим, то есть, попросту говоря, перестал существовать, его надо расчленить на автономные «власть», «собственность», «управление» и дать каждой его составляющей возможность действовать самостоятельно. А государственной власти надо поделиться своей властью с управлением. Руководитель Центра социологии управления и социальных технологий ФНИСЦ РАН А.В. Тихонов формулирует задачу:

«Надо освободить управление от несвойственных ему властных функций. Именно институт управления может стать демиургом той «социальной силы», которая способна организовать противодействие внешним и внутренним вызовам и обеспечить конструктивное решение назревших проблем нашего цивилизационного развития. Ради модернизации страны и регионов нам нужно сделать нечто похожее на то, что в свое время сделали в США, когда институционально разделили собственность и управление. Они, как известно, стали мировым лидером в области менеджмента. Настала очередь и нам сделать свой цивилизационный шаг вперед: отделить институт управления от института власти, как в свое время Петр I отделил от власти Русскую Православную Церковь. С тех пор мы живем, слава Богу, в светском государстве. В случае нового разделения вертикаль управления станет непосредственно отвечать за результаты государственной работы, соединяя свои программы с неисчерпаемым потенциалом горизонтальной самоорганизации и самоуправления на местах» [Тихонов 2017: 7]. Тихонов цитирует Питера Ф. Друкера (США), главного гуру в области методологии управления производством: «Правительство, армия, церковь по сути все важнейшие институты, должны иметь соответствующий орган, который чем-то напоминает орган руководства

предприятием. Но менеджмент, как таковой, представляет собой руководство только коммерческого предприятия. А цель деятельности предприятия — производство товаров и услуг» [Друкер: 22; цит. по: Россия: реформирование... 2017: 8].

Политолог и экономист Л.В. Куликов, по существу солидаризируясь с Тихоновым, расшифровывает смысл внутреннего конфликта, заложенного в структуре политарного синкрезиса через конфликт воспроизводственных логик государственной политики и рыночной экономики: «В отличие от государства, построенного по иерархическому принципу, экономическая система представляет собой сетевую структуру, не допускающую силового вмешательства в ее связи, ибо такое вмешательство всегда приводит к сбоям в товарно-денежном механизме и нарушениям равновесия системы. *Экономика не терпит волюнтаризма*. В этом качестве она является мощным *препятствием* для авторитарных режимов, всегда стремящихся перестроить сетевую структуру в иерархическую. Этой цели (цели подмены сети иерархией — *А.Д.*) отвечает идея национализации, или обобществления средств производства — идея-фикс большевиков-ленинцев. *Будучи объединенными в рамках данной страны в единую социально-экономическую систему, государство и экономика представляют противоположные тенденции ее развития: государство, опираясь на люмпенизированную часть населения, строит всеобъемлющую иерархию, экономика с помощью дееспособной части общества стремится выстроить демократию*. В этом противостоянии государство располагает мощным оружием — правом эмиссии денежных знаков. Если оно пользуется этим правом бесконтрольно и некомпетентно, то экономическая система обречена на поглощение бюрократией с перспективой полного развала... Эта схема была бы идеальна для управления экономическими процессами, если бы они по своей природе не были бы саморегулирующимися» [Куликов 1995: 59–60].

Задача ясна: чтобы обществу развиваться, «слипшийся ком», вобравший в себя власть, собственность и управление, надо «разлепить». Однако 300 лет попыток российской модернизации показали, что этот «ком» «разлепить» невозможно. Историк России Ю.Н. Афанасьев в 2016 г. охарактеризовал российскую государственность конца XX века — периода, когда началась в СССР Перестройка: «Мы пребывали тогда в стране и обществе с дополитической еще, с догосударственной даже культурой. Строго говоря, Россия (СССР) тех времен в плане общего культурогенеза представляла собой не то, чтобы докапиталистический, но не вполне даже и дофеодальный еще тип культуры. Это было нечто вроде патримониально-вотчинного периода. Нечто вроде начала перехода от родоплеменного к ранне- или скорее к псевдогосударственному еще состоянию. В плане общекультурного развития в России (СССР) времен перестройки продолжалась, образно говоря, эпоха Андрея Боголюбского, то есть отечественный XII век» [Афанасьев 2018].

Итак, почти тысячелетняя история «слипшегося кома» в России показала, что «разлепить» этот «ком» невозможно. Невозможно, но надо. И российская интеллектуальная общественная жизнь, начиная с первых шагов модернизации и до сегодняшнего дня, постоянно воспроизводит оппозицию этому архаичному синкрезису, пытаясь гуманизировать механизм управления страной.

Удалось ли решить эту задачу за 300 лет модернизационных усилий? Нет, не удалось. Почему? И как это можно сделать? Постановке этих вопросов и поиску ответов на них посвящена данная статья.

Социокультурные основания и структура политарной монополии

Весь период от правления Андрея Боголюбского (1111–1174) и до великих реформ российского императора Александра II (1818–1881) ознаменовался циклическим усилением ав-

торитарной власти в России, политарного способа управления страной. Все условия и средства производства превратились в сферу власти государства; тотальное огосударствление началось с того, что родилась царская монополия на владение землей и людьми, ее обрабатывающими (высшая форма рабства — К. Маркс). Политарной динамике способствовали родовой локализм в русской культуре, церковь, крепостничество, ослабление роли земских соборных институтов и полная зависимость среднего управленческого звена от воли высшего государственного слоя.

Центральная власть управляла регионами через наместников, баскаков, мурз. В XVII в. в системе местного управления появились городские воеводы, направляемые «на кормление». Они осуществляли административно-полицейские функции, но одновременно на них была возложена обязанность сбора налогов в казну и государственный контроль за финансовой деятельностью предприятий. Царь Федор Алексеевич (1676–1682) стремился активизировать земские соборы, по разным поводам призывал выборных, уничтожил Приказ тайных дел. Но политарная Россия оказалась неререформируемой — царь не получил поддержки снизу: «Само население просило освободить его от предоставленного ему права самоуправления, чтобы „от такого великого разорения не стояти на правеже с голоду и стужи и достальным не погибнуть, и розно не разбрестися“» [Витте 1908: 195–196]. Выборное начало постепенно слабело, в городах укреплялась власть воевод, служилых людей, т. е. представителей государства. В XVII–XVIII вв. расширилась законодательная регламентация частной инициативы в распоряжении землей, хозяйством [Ахиезер: 158–159]. Усилилось политарное стремление государства подчинить вотчинную жизнь определенным правилам, нормам, инструкциям: «Вместо общих положений и ссылок на обычай, вместо молчаливого допущения существующей практики, инструкция XVIII века вносит точные и детальные указания, проникающие в жизнь вотчины и регулирующие все ее подробности» [Новосельский 1929]. При Петре I крайний авторитаризм, в той мере, в какой он распространялся на сферу управления, был закреплен законодательно: «Его величество есть самовластительный монарх, который никому на свете в своих делах ответу дать не должен, но и силу и власть имеет, свои государства и земли, яко христианнейший государь по своей воле и благомнению управляет» [Воинские артикулы Петра I..., арт. 20 (Толкование к 20 статье воинского устава 1716 года); цит. по: Ахиезер 2008: 160]. Монарх и его воеводы стали рассматриваться и как абсолютные управители, и как монополисты творческого начала в обществе, единственные источники позитивных инноваций. В первобытном обществе власть над людьми сочеталась с властью над вещами, и Западу понадобилась долгая эволюция, чтобы она раздвоилась на власть правителя обществом и власть собственника земли и вещей. В России такое разделение произошло очень поздно и было незначительным; политологи называют такие государства матримониальными или «вотчинными». Основной матримониальный реликт — политарная система, пропитанная первобытным локализмом.

Самодержавие.

Известный исследователь России Ричард Пайпс (1923–2017) писал: «Издав серию указов по конкретным промыслам, монархия ввела на них царскую монополию и таким образом устранила конкуренции со стороны частных лиц... Точно так же, как он (царь — *А.Д.*) ранее сделался крупнейшим землевладельцем страны и, де-юре, собственником всех поместий, царь стал теперь единоличным собственником всех отраслей промышленности и шахт (как де-юре, так и де-факто), монополистом во всех областях коммерции, не считая самых мелких... Монархия прочно контролировала торговлю, а о промышленности же можно сказать, что она находилась в исключительной собственности самодержавия». Местный капитал не мог развивать технологически современное по европейским масштабам производство. Поэтому иностранцам «русская промышленность была обязана своим подъемом, находилась

под попечительством монархии, финансировалась совместно царским и иностранным капиталом и управлялась иноземными специалистами. Они работали исключительно на монархию, которой продавали по себестоимости ту часть своей продукции, в которой она испытывала нужду, а прибыль получали от продажи излишков на свободном рынке... Даже предприятия, созданные частично или полностью частным капиталом, не были частной собственностью в строгом смысле слова, ибо правительство могло в любой момент отобрать их у собственников» [Пайпс 1980: 257–260, 287]. Таким образом, политарная скрепа в XVI–XVIII вв. строилась на догосударственном родоплеменном принципе, который вырастал из стремления правящих кругов строить империю по принципу патриархальной семьи с сакральным отцом/царем-батюшкой во главе.

Другим элементом формировавшейся политарной скрепы стало *крепостничество*.

Но оно появилось не потому, что так захотели царь и бояре. Оно, как и самодержавие, родилось вместе с древней русской семьей: «Основанием крепостного права служил начальный тип великорусского общественного быта — дом и двор... Чадам и домочадцам, состоящим под властью господина, по тогдашней терминологии „государя“, казалось очень естественным состоять под его „наказанием“... Древняя великорусская общественность, построенная снизу доверху на начале двора или дома и проникнутая вытекающим из него крепостным правом, была в народных нравах и убеждениях, поддерживалась не насилием, а сознанием» [Кавелин 1989: 213, 215].

Крепостное право домашнего патриарха экстраполировалось на отношения между вотчинником и его крестьянами. Российские историки (К.А. Неволин, Н.П. Павлов-Сильванский, М.А. Дьяконов, В.И. Сергеевич, С.Б. Веселовский и др.) полагали, что крепостничество, родившееся в русской семье, в масштабе социума опиралось на существующий с древности порядок, когда землевладелец был неограниченным самовластителем — владел, управлял, судил, взимал подати, женил, отправлял в солдаты и т. д. Этот с нашей нынешней точки зрения произвол был возможен, так как в личном сознании крестьянина эпохи начала русской цивилизации и затем становления социальных отношений в московско-ордынском социуме не было представления о ценности личной свободы.

О более позднем периоде пишет Ахиезер: «Рост авторитаризма выражался в стремлении к дальнейшему закреплению общества, превращению всех и каждого в составной элемент медиатора. Оно протекало как процесс своеобразной кристаллизации «жидкого элемента» (крестьянства — *А.Д.*), как прикрепление личности к месту, например, к определенному поместью, к начальству, к помещику... Это состояние, которое иногда ошибочно отождествляется с рабством и которое действительно в своих крайних формах тяготело к рабству, нельзя было достигнуть и закрепить лишь средствами насилия или даже экономического закабаления. Не было такой силы, которая могла бы установить крепостничество вопреки воле миллионов. Тем более на это не была способна слабая бюрократия. Крепостничество в России могло возникнуть в результате того, что формирование органического внутреннего единства общества, рост и укрепление государства могли черпать силы главным образом в ценностях локальных миров, в системе локальных личностных отношений. Сама природа крепостничества в России — результат не манипуляции слабого государства, но экстраполяции на большое общество социальных отношений, конструктивной напряженности первобытных локальных миров, выброса этих ценностей древнего локального мира до самых вершин власти, и это означало закреплению всех, вплоть до правящей элиты» [Ахиезер: 168]. Крепостничество, выйдя из традиционной русской семьи, стало тотальной системой в российском обществе — вольный человек в России немыслим вплоть до конца XVIII века. Автор фундаментальной «Социальной истории России» Б.Н. Миронов показал, что даже в конце XIX в. — 20-е годы XX в. крестьянская отцовская составная семья в России — «это ма-

ленькое абсолютистское государство... в основе внутрисемейных отношений лежал иерархизм...». Отсюда его вывод: «Ни в среде крестьянства, ни в среде городских низов патриархально-авторитарная основа внутрисемейных отношений не была серьезно подорвана... Превалирование патриархально-авторитарных отношений в семьях всех сословий поддерживало крепостнический характер социальных отношений в обществе и политический абсолютизм в государстве по той причине, что семьи монархического типа воспитывали в людях черты авторитарной личности» [Миронов 1999: 237, 266, 267]. Здесь уместно вспомнить пьесы А.Н. Островского о жизни российского купеческого мира, особенно его «Грозу».

Третьим элементом политарной скрепы стал высоко коррумпированный *чиновник/предприниматель-компрадор*, снимающий ренту со своей должности/своего рабочего места.

Этот тип предпринимателя/бюрократа академик РАН Ю.С. Пивоваров назвал «плазмой», которая по существу захватила рычаги управления основными отраслями экономики страны и одновременно гасит возможные очаги конфликтов в этих отраслях: «„Партия власти“, наряду с другими путинскими новациями (так наз. укрепление властной вертикали, ослабление реальных полномочий субъектов Федерации и т. д.), и есть создание русской „плазмы“, в которой конфликты будут протекать, не разрушая общества. Только если на Западе эта плазма — социальная, то у нас — властная. На смену Властепопуляции⁴ приходит „властная плазма“. Властепопуляция потому и была сочетанием абсолютной власти и абсолютного бесправия, деспотизма, свободы, рабства, возможностей, безысходности и т. п., что строилась на принципах бесконфликтности и превентивного уничтожения причин конфликтов. „Властная плазма“ есть принятие конфликта *an sich*, вовнутрь себя, где он, сгорая, одновременно получает энергетическую подпитку... Если „социальная плазма“ функционирует, как уже отмечалось, с помощью четких процедур и обязательных для всех правил игры, то „властная“ основывается на коррупции. Именно коррупционный механизм передела финансовых и материальных средств является важнейшим измерением „властной плазмы“. В каком-то смысле коррупция и есть плазма, в которой протекают конфликты-переделы. Коррупция — это среда, в которой развертывает себя в пространстве и времени „государство“» [Пивоваров 2005]. Думаю, что пивоваровская коррупционная «плазма», остро необходимая политарному государству — удачный термин, потому что он верифицируется многовековой российской практикой. Так, председатель антикоррупционного комитета Государственной Думы РФ Ирина Яровая заявила в октябре 2018 г.: «Борьба с коррупцией может разрушить государство. На Украине тоже боролись с коррупцией, и видите, что случилось. Под видом борьбы с коррупцией была разрушена вся система государственной власти. Это никто не замечал, а власть и государство рушилось, поэтому борьба с коррупцией вредна для государства. Считаю, что нет надобности в этом, в России с коррупцией все прекрасно»

⁴ Экономист А. Заостровцев: «В России граждан нет... Вместо граждан в России доминирует властепопуляция. Что это такое? Это популяция, которая почему-то полагает, что не она власть содержит, а власть ее» [Заостровцев 2017]; Пивоваров Ю., Фурсов А.: «Результат нашей великой самодержавной революции — от „Третьего Рима“ до Соборного Уложения (1517–1649 гг.) был диаметрально противоположен западному: в России не возникло ни гражданского общества, ни государства (*nation-state*), ни капитализма. Здесь появилась Самодержавная Власть, единая и неделимая, качественно однородная и по сути единственная. Причем единственная не только как власть, но и как субъект (моносубъект). В XVI–XVII вв. складывающаяся Русская Власть лишила значимой субъектной энергии все то, что с киевских времен выступало в роли исторических субъектов: церковь, боярство, удельные княжества и т. д. Это похищение, экспроприация субъектности, а в известном смысле — „европейскости“ и „христианскости“ в пользу одного сегмента социума и есть великая тайна русской власти и русской истории. Итак, новый русский мир — властечентричен. Власть становится условием существования всех и всего. Оформляется социальный порядок, который мы называли Русской Системой. Его элементы: - Власть; - Популяция, т. е. население, исторически имевшее, но утратившее субъектные характеристики, чья субъектность при нормальном функционировании власти отрицается по определению» [Пивоваров, Фурсов 2001: 37].

[Яровая]. Прав Пивоваров: коррупция — это «плазма», которая скрепляет элементы политарной политической системы, и рушить «плазму» значит уничтожить политарное государство — глава антикоррупционного комитета Государственной Думы РФ, заявляющая, что «борьба с коррупцией вредна для государства», знает, о чем говорит.

Почему родился коррупционный политарный институт князебоярства/олигархов в России? И откуда родилась бизнес-государственная коррупция? Где корни этого букета?

Р. Пайпс пишет, что формирующееся российское государство испытывало серьезные трудности, пытаясь целиком подчинить себе производство. «У монархии не хватало управителей для руководства ее торговой деятельностью и разбросанными по всей империи промыслами, такими как солеварение и рыболовство. Поэтому она часто отдавала свои монопольные предприятия в пользование частным лицам на условиях, что те будут ежегодно выплачивать казне определенную сумму из полученной прибыли» [Пайпс 1980: 257]. Так государство создавало откупщиков и концессионеров, которые продавали государству нужную ему продукцию по себестоимости, а излишки товаров выбрасывали на рынок, получая прибыль. В середине XVII в., — сообщает Ахиезер, — высший слой состоявших на государственной службе богатейших деловых людей назывался «гостями» и насчитывал около 30 человек. Они были крупными предпринимателями, но не вполне самостоятельными, они были доверенными людьми царя. По сути, это были высшие хозяйственные чиновники и одновременно субъекты монополий на определенные виды хозяйственной деятельности, соединявшие в себе властные и управленческие функции [Ахиезер 2008а: 145]. Этот тип слияния бюрократии с предпринимательством экстраполировался с самого верха вниз на все уровни системы «власть-собственность-управление» и представлял один из вариантов политарной вертикали. Наиболее характерной фигурой чиновника-предпринимателя-коррупционера в истории России можно считать Александра Меншикова — второе после царя Петра лицо в государстве — *личное состояние которого превышало бюджет страны*⁵.

Итак, политарная пропитанная локализмом ось была синкретична и аморальна. Она пыталась соединить с точки зрения научной логики развития несоединимое — благородную идею формирования субъекта развития как интерес/потребность в саморазвитии самих людей с их исторически сложившимся тотемным мышлением, добровольно передающим свою субъектность/субъективность тотему. Вместе с тем этот «урод» воспринимался населением как естественный, органичный синтез, и поэтому в своей парадоксальной специфике существовал веками. Политарность не могла бы родиться/сохраниться в массовом сознании до настоящего времени, если бы ее корни не существовали в докрепостнической русской культуре, в дохристианском и затем христианском массовом сознании населения России, в социокультурном типе русско-тюркской ментальности.

Политарное правление и идея либеральной реформы (1861–1911)

Антикрепостническая реформа 19 февраля 1861 г.

Цари Федор Алексеевич, Петр I, Екатерина II, Павел, Петр III, Александр I, Александр II были бессильны, когда дело касалось каких-либо элементов представительного правления. Их попытки активизировать местное самоуправление окончились полной неудачей. Эти аспекты реформ абсолютно не принимались обществом. В 1816 г. М. Сперанский (1772–1839) представил Александру I записку «О постепенном уничтожении рабства в Рос-

⁵ Сегодня мы называем таких предпринимателей-чиновников олигархами. Журнал Forbes в мае 2018 г. сообщил о 200 богатейших и наиболее влиятельных миллиардерах России и что 1 % населения России владеют 80 % национального богатства страны: <https://meduza.io/feature/2017/01/09/tak-skolko-vse-taki-v-rossii-bogatyh-i-chemoni-vladeyut>.

сии». Его проект реформы предполагал введение выборности всех законодательных, исполнительных и судебных органов, учреждение Государственной думы с законодательными правами и с ответственным министерством. По существу, предлагался отказ от политарной системы управления обществом и замена политарного принципа на демократический. Но «дней александровых прекрасное начало» (Пушкин) зашло в тупик. Интимный кружок при императоре распался, Сперанский был отстранен.

Однако на всех уровнях власти назревало понимание, что крепостничество как принцип управления страной надо отменять. Состоялась реформа 19 февраля 1861 г., освободившая крестьян от личной зависимости от помещиков. Тем не менее эта великая гуманистическая акция почти не затронула политарной системы, потому что земля осталась у помещиков и у крестьянской общины. В силу своей половинчатости реформа обнажила, углубила раскол в элитах по вопросу дальнейшего реформирования системы управления между политарными ценностями власти/народа и попытками духовной элиты либерализовать политическую систему.

Столыпинская реформа (1906–1911). Либеральная реформа 19 февраля 1861 г. не дала крестьянам землю (разрешенные «выкупы» никого не удовлетворили), сохранив политарность, поэтому в стране ширились крестьянские выступления. По разным подсчетам, за 1905–1907 годы в Европейской России было уничтожено от 3 до 4 тыс. дворянских усадеб, то есть от 7 до 10 % их общего количества. По числу разгромленных помещичьих усадеб выделялись Саратовская, Самарская, Тамбовская, Курская, Киевская и Черниговская губернии [Широкорад]. Чтобы остановить эти выступления, нужна была новая реформа. Столыпинская реформа была нацелена на развитие мелких и средних собственников — единоличных владений в форме отрубного и хуторского хозяйства, которые могли бы стать оплотом государственного порядка и существенно ослабить локалистские связи, доминирующие в общине и укрепляющие политарность. «Столыпинская политика пыталась устранить то нелепое положение, когда у крупной и средней собственности были владельцы, а у мелкой нет, — подчеркивает историк А. Пыжиков. Поэтому главные заботы правительства концентрировались на создании мелкого земельного собственника, а не на поддержании крупного землевладения или пестовании узкого слоя кулаков-мироедов, как вслед за В.И. Лениным уверяла советская историография» [Пыжиков]. Даже некоторые оппоненты Столыпина, признавали: за период столыпинских реформ страна «стала экономически подниматься, общество политически образовываться» [Маклаков: 601]⁶, «к 1914 году зажиточные крестьяне давали 52 % то-

⁶ Решающим шагом реформы стал закон «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении», подписанный Николаем Вторым 14 (27) июня 1910 года. Крестьяне становились собственниками обрабатываемой земли, могли приобретать новые участки. Поощрялось создание отрубов и хуторов, когда земледелец вместо нескольких тонких полос получал отдельный участок, на котором мог вести хозяйство, не сообразуясь с соседями. Была организована программа по переселению в Сибирь. Указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» был принят еще 9-го ноября 1906 г., а Дума утвердила его лишь три с половиной года спустя, в июне 1910. Долгая судьба закона свидетельствует о политической борьбе и страстях, кипевших вокруг аграрного вопроса. Нужно отметить, что указ был принят Столыпиным практически единолично в период после роспуска второй и перед созывом третьей Думы. Даже многие министры узнали о нем лишь после публикации. Оттого сильнее было сопротивление общественности закону. То за, то против него высказывались как представители правых, так и левоцентристских партий. «Не было закона более важного, более спешного, чем указ 9 ноября», — заявлял депутат Бобринский, поддерживая принятие закона. «Мои избиратели мне говорили о том, что закон 9 ноября — это помещичий закон, который делает из крестьян деревенских кулаков и помещиков, а из бедняков — батраков, вечно голодных работников», — не соглашался с ним депутат Кропотов. Реализация закона не разрешила споров вокруг него. Большинство современных исследователей считают его удавшимся и соглашаются со Столыпиным: если бы не случилось первой Мировой, двух революций и Гражданской войны, если бы выдалась в России спокойные 20 лет, то сформировался бы класс кулаков и возродилась бы деревня. За

варного зерна, а помещики — менее 25 %» [Широкоград].

Но увя... слишком много мощных факторов работало против антиполитарной реформы, чтобы она удалась. Фактически уровень сельского хозяйства в России был столь низок, что в чисто экономическом плане община, как это не парадоксально, *не* изжила себя и была выгодна крестьянам. Страна встала перед роковым противоречием. С точки зрения мировых достижений общинное земледелие было непродуктивной архаикой, но с точки зрения непосредственных носителей этой системы переход к более сложным формам хозяйства представлялся неоправданным и в значительной степени невозможным. По существу, переход от общинного земледелия к индивидуальному землевладению и землепользованию был непобедимой для государства в начале XX века задачей, и Столыпин оказался жертвой трагической иллюзии всемогущества российского государства. Крах столыпинской реформы фактически означал, что альтернативная линия на переход страны к либеральной цивилизации, на освоение ценностей правового государства, частной инициативы, на переход к господству интенсивного воспроизводства, ориентации на рынок и формирование большого общества зашла в тупик. В результате община — один из столпов политарной системы — устояла и на этот раз.

Поэтому объективное значение столыпинской реформы заключалось не в ее экономических достижениях, какими бы значимыми они не были, а в том, что она объективно послужила обратному — стала важным звеном в мощно нарастающей активизации массовой уравнительности. Она спровоцировала нарастание *эффекта бумеранга*, разбуженной соборности основной массы крестьянства, что и явилось определяющим фактором дальнейшей динамики общества, все более тяготеющей к архаизации социальных отношений, к бунту, революции, гражданской войне [Ахиезер 2008а: 307, 308, 312]. Реформа стала одним из основных спусковых крючков антиреформы, нацеленной на сохранение политарной системы.

Политарная система

и Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка»

Реформы, начавшиеся 19 февраля 1861 г., продолжались. Разворачивалось наступление правительства на сельскую общину. Указ Николая II от 9 ноября 1906 г., закон от 14 июня 1910 г., положение о землеустройстве от 29 мая 1911 г., начавшаяся в ноябре 1906 г. аграрная реформа П. Столыпина — все было направлено на разрушение общины и развитие частнособственнического ведения сельского хозяйства и предпринимательства в деревне. Это был исторический поворот. Действия правительства выглядели убедительно. Однако оно недооценило силу общины и свою способность выполнить поставленную задачу — рост социального творчества на локальном уровне при отказе от мышления традиционными абсолютами может быть разрушительным для медиатора. Нарастала общая дезорганизация. Начались голодные бунты. Во всех слоях населения росло разочарование реформой 19 февраля. Либералы грезили революцией. Спусковыми крючками протестов стали катастрофическое поражение России в войне с Японией (1905 г.) и расстрел рабочих 9 января 1905 г. Чтобы сохранить контроль над страной, власти в 1905 г. были вынуждены принять знаменитый Манифест 17 октября «Об усовершенствовании государственного порядка» и Основные государственные законы Российской империи — свод законоположений об общих началах государственного строя Российской империи, по существу первую Российскую конституцию (свод действовал в России с 23 апреля 1906 по 1 сентября 1917 г.).

восемь лет действия закона около половины хозяйств перешли в личную собственность, многие крестьяне вышли из нищеты [Что Столыпин планировал сделать в России. — 22.09.2018. — Доступно: <https://zen.yandex.ru/media/cyrillitsa.ru/chto-stolypin-planiroval-sdelat-v-rossii-5b878cf7848f4100adc2532e?from=channel>].

Манифест вводил в стране либеральную (по существу, социал-демократическую, анти-политарную) систему управления. В каждом слове манифеста была видна жажда единения правительства с народом. Манифест даровал населению «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов», он гарантировал участие в Думе классам населения, лишенным ранее избирательных прав, «предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права». Манифест гарантировал реальное осуществление свобод, «чтобы никакой не мог воспрять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действия постановленных от нас властей» [Государственная дума... 1957: 90–91]. По существу, Россия была объявлена свободной страной, либерально-демократические принципы восторжествовали, утвержденные как официальная доктрина. Была совершена попытка беспрецедентных изменений в нравственных основах жизни.

Что же могло произойти с системой управления, если бы положения Манифеста полностью реализовались? Безусловно, это было бы последовательным доведением до конца антикрепостнической политики правительства. Из политарной системы выбивались самые фундаментальные звенья: 1) уничтожался принцип крепостничества и вводились элементы гражданского общества, 2) монархия становилась конституционной, и ее власть, как и в Европе, ограничивалась парламентом (Государственной Думой), представительными учреждениями, законами, новой для России моралью — моралью политической конкуренции и достоинства личности. Так что? Победа? Манифест предсказал конец политарной системе? Управление автоматически освобождалось от диктата монархической власти и у него впервые появилась возможность свободно управлять, руководствуясь не интересами наследственной власти, а целями развития общества и, следовательно, требованиями науки? Да ничего подобного.

Родовой локализм — этот сторожевой пес самодержавия, крепостничества, политарности — никуда не девался. Анализ российской культурной реальности, осуществленный в Манифесте, был очень слабым. Авторы Манифеста думали, что либеральными декларациями и социал-демократическими лозунгами, заимствованными из политической культуры Запада, они убили русскую общину, уничтожили монолог и локализм в русской культуре. Община действительно отживала последние годы, но принцип общинных социальных отношений, общинного менталитета, локалистский принцип закрытости и круговой поруки, переходящий в мафиозность, универсальные локалистские идеалы «свой — чужой», «друг — враг», «либо — либо», противостоящие идее большого общества, антигосударственный общинный принцип «за царя, но против начальства», сговор одной части общества с другой в ущерб общественному договору, ведущий к взаимному озлоблению, расколу и гражданской войне, из голов и сердец людей никуда не делись. Общину разрушали, а монологичный локализм как культурную основу общинных отношений в сознании людей не тронули. Родовые первобытные универсалии по-прежнему доминировали в индивидуальном менталитете, в общественной морали, самые передовые формы социальных отношений автоматически превращая в глубокую архаику. Убийство Столыпина в 1911 г. символизировало крах либеральной реформы.

А была ли альтернатива? Ее не было.

Ахиезер пишет: «В качестве истины фигурировала некая манихейская карикатура, которая заклемила власть как некий шабаш зла, насилия, мироедства» [Ахиезер 2008а: 315]. Либеральный манифест вызвал взрыв антилиберализма, на улицах городов появилась новая, ранее неизвестная сила, получившая название «черная сотня» с лозунгом «бить жидов и панов», революционные партии перешли к самому разнузданному анархическому «безмотивному террору» против «буржуазии вообще». В 1905 г. только эсэрами было убито 1000–

1500 человек [Ахиезер: 323]. Начались грабежи, массовые убийства... в поддержку царя, но на самом деле — против царя, изменившего себе и народу и подписавшего либеральный манифест. Л.Н. Толстой в 1910 г. писал: «Вандалы... уже вполне готовы у нас в России. И они, эти вандалы, эти отпетые люди, особенно ужасны у нас, среди нашего, как это ни странно кажется, глубоко религиозного народа. Вандалы эти особенно ужасны у нас именно потому, что у нас нет того сдерживающего начала, следования приличию, общественному мнению, которое так сильно у европейских народов. У нас либо истинное, глубоко религиозное чувство, либо полное отсутствие всяких, каких-либо сдерживающих начал: Стенька Разин, Пугачев... И, страшно сказать, эта армия Стеньки и Емельки все больше и больше разрастается благодаря таким же, как и пугачевские, деяниям нашего правительства последнего времени с его ужасами полицейских насилий, безумных ссылок, тюрем, каторги, крепостей, ежедневных казней» [Толстой 1987: 326–327].

Разочарование в Манифесте 17 октября 1905 г. носило тот же характер, что и разочарование крестьян в реформе 19 февраля 1861 года. Почему? Манифест не удовлетворил крайне антигосударственные авторитарно-вечевые ценности крестьянства и рабочего класса. Нацеленная на то, чтобы создать новое, более эффективное институциональное государство, более свободное институциональное общество и более свободного субъекта развития — личность, либеральная реформа рухнула под напором разбуженной догосударственной соборно-политарной стихии.

Политарная система и события 1917 г.

Либеральная реформа не нашла путей к тому, чтобы организационно направить рост активности людей на поддержку государства, не предотвратила превращения этой активности в разрушительную силу. Великий звездный час России, вступившей на путь свободы и прогресса, оказался шагом в бездну. Начавшаяся в 1914 г. мировая война оказалась непосильным испытанием для России — усиливалась дезорганизация общества, рухнул рынок, крестьяне прекратили продажу хлеба, нарастала разруха. Ни пойти на дальнейшие уступки либералам, ни навстречу идеям фаворита императорской семьи монаха Григория Распутина — *мир с Германией, раздел помещичьих земель и передача их крестьянам* — царь не решился. Произошла так называемая Февральская революция. Возникла реальная возможность начать замену политарной системы управления на капиталистические социальные отношения.

Но российская буржуазия была еще слаба и не способна превратить рынок в основу жизни большинства населения. Она была, с одной стороны, зажата между основной частью населения, живущей *дорыночными* представлениями, а с другой стороны, властью, которая, опираясь на нравственные основания *синкретической* государственности, должна была держать частную инициативу как своего основного противника под бдительным контролем и управлением. Р. Пайпс, давая оценку краха февральских событий, считает, что «Россия пропустила случай создать буржуазию, когда это было еще возможно, то есть на основе мануфактуры и частного капитализма» [Пайпс: 291]. Можно сказать и по-другому: Россия, когда власть встала на путь либеральных реформ, упустила случай начать демонтаж политарной системы управления, чтобы заменить ее на капиталистическую, в основе которой лежали принципы частной инициативы и частного права. Власть думала, что введя демократические принципы в управление страной, страна автоматически станет демократической. Нет. Нужен был длительный период идеологической борьбы с локализмом. Нужно было начинать эпоху капиталистического (социал-демократического, либерально-демократического, личностного, гуманистического) просвещения масс. Почему?

Вот выводы историков М. Покровского, В. Ключевского, С. Соловьева, А. Ахиезера, И. Клямкина, И. Яковенко, Р. Пайпса.

В февральских событиях 1917 г. врагом российской политарности не были капитализм, буржуазия, пролетариат и стремление воплотить в жизнь демократию, рынок, права человека. Пайпс (США) писал: «В февральских событиях... движущие силы были иными. Это было возмущение масс против дезорганизации. Нарастающий локализм дошел до крайней точки своего отказа от государственности, сокрушив ее не столько своим действием, сколько полным нежеланием ее поддерживать, воспроизводить... Лозунг свержения самодержавия приобретал массовую поддержку. Очевидно, что превращение царя в народном сознании в антитотем, разоблачение его как оборотня, означало, что одновременно шел напряженный, подчас мучительный поиск нового тотема... Массовая сила, отхлынувшая от государства и тем самым свалившая власть, была неконструктивна и не могла управлять государством. Власть свалилась либералам как снег на голову. Государственная Дума, правительство А.Ф. Керенского (15 марта 1917 – 8 ноября 1917) не могло противостоять начавшейся дезинтеграции страны. Локальные идеалы торжествовали победу». Р. Пайпс писал: «За несколько месяцев Россия вернулась к средневековой домосковскому периоду, когда она представляла собой скопление удельных княжеств. Буквально за ночь рухнули столетние усилия, затраченные на строительство государства... Официальный лозунг „*Вся власть советам*“ облегчал этот процесс, позволяя региональным советам различных уровней — краевым, губернским, уездным и даже волостным и сельским — требовать независимой власти над подчиненными им территориями. Результатом стал полный хаос...» [Пайпс 1987: 95]. Уже в 1905 г. появились самостийные республики, в 1918 г. их было 30: в Ростове-на-Дону, Новороссийске, Сочи, Красноярске, Чите, республики Шлиссельбургского и Петроградского уездов, позже — в Гельсингфорсе, Риге, Ревеле, Пензе, Казани, Самаре, Минске, Екатеринбурге, Царичине, Енисейске и других городах. Географический принцип локализма был: «Мы казаки — что нам Россия?», «Что нам до России, ежели мы псковские?», «Урал — уральцам», «Волга — волгарям» и т. д. Общество, лишенное достаточно сильных культурных интеграторов и рыночных связей, атомизировалось. Силы, стоявшие за частной инициативой и работавшие на идею большого общества, были слабы и имели против себя гигантскую мощь этнокультурных соборно-авторитарных традиций, пронизывающих весь общественный порядок. В стране господствовала атмосфера митинга, анархии, воли, где все слои населения были заняты оттачиванием своего монолога, внося свою лепту в растущую дезорганизацию, иногда даже неизвестно было, почему люди не работают, бастуют, враждуют.

Временное правительство не имело поддержки прежде всего потому, что пыталось затормозить гигантскую инверсию, задержать ее в момент, когда, как многим казалось, до чуда, до божьего царства на земле, до новой жизни и победы *народной Правды* оставалось совсем немного. Правительство Керенского *не* истребляло богачей, когда это было так легко и во многих губерниях уже полыхали дворянские усадьбы. Оно *не* отдавало землю крестьянам, а фабрики рабочим, отодвигая решение аграрных проблем и других проблем отношений собственности к созыву Учредительного собрания, а значит — защищало помещиков и фабрикантов. Оно *не* выступало против войны с Германией, было против лозунга «штык в землю». Оно *не* позволяло солдатам покидать фронт, хотя войны не хотел никто, и солдаты целыми подразделениями уходили с передовой — значит было заодно с изменниками-генералами и изменниками членами царской семьи, в которой императрица была немка. Оно *не* позволяло рабочим саботировать производство, «требовало укрепления государственности и дисциплины, а значит — насаждало чиновников и поддерживало хозяев. А между тем Правда, как казалось большинству, была рядом. Оружие в руках, власть слаба и занята разговорами. В стране не было силы, которая могла бы остановить инверсию, движущуюся к полному

торжеству локальных идеалов, к власти, которая удовлетворит все утилитарные потребности... Народ издревле черпал уверенность в себе, растворяясь во внешней силе отца, идола, царя. Теперь к царю приобщаться было нельзя, так как он потерял монологичность, черты носителя однозначной Правды, стал антитотемом... Монархия пала потому, что царь, правящая элита повернули на путь либеральных реформ, а не потому, что эти реформы оказались недостаточно либеральными или недостаточно радикальными... Временное правительство пало по той же причине, что и царское. Его никто не защищал, ни войска, ни население. Его сбросили при полной безучастности народа, воспроизводственная деятельность которого уже давно покинула государство» [Ахиезер: 341, 343–345; см. также документы этого периода в: Белая Россия... 1937: 8–13].

Возникает вопрос: а что догосударственная политарная система? Она уцелела — в сознании русского человека, прошедшего через революционные события 1905–1917 гг., в его ментальных настройках, в его личной культуре. Так почему же реформы, нацеленные на разрушение главного института, угнетающего людей — политарной системы — не прошли?

Опыт социальной динамики России в 1861–1917 гг. показал, что рост масштабов товарно-денежных отношений, свержение царя и затем Временного правительства, пытавшихся проводить либеральные реформы, декларирование демократических ценностей далеко не всегда свидетельствуют о развитии капитализма или даже движении к нему. Этот процесс, если он социально не вызревший и идейно не сформировавшийся, может иметь совершенно обратный эффект («эффект бумеранга»), то есть быть фактором массового роста дискомфорта, которое подготавливает массовый взрыв, уничтожающий не только ростки капитализма, но и ростки утилитаризма — формы жизни, отдаленно предшествовавшие капитализму. Активизация основной массы населения шла в направлении воспроизводства догосударственных, дофеодальных отношений, то есть политарной системы, против либеральных намерений царского двора, затем Государственной Думы и демократического Временного правительства. Попытка разрушить политарные социальные интеграторы, заменяя их на новые, либеральные, социал-демократические, отказаться от старого способа развития, устанавливая новый, может иметь разрушительные последствия. Конфликт между политарно ориентированной русской культурой и формирующимся большим обществом, пытавшимся развить в себе гражданские социальные отношения в 1861–1917 гг., закончился тем, что власть в стране была захвачена большевиками, по мнению Григория Федотова (1886–1951) — русского историка, философа, религиозного мыслителя и публициста — «несомненно, *самым почвенным* (курсив мой — *А.Д.*) из русских революционных движений» [Федотов 1981: 58] и, следовательно, наиболее заинтересованном в том, чтобы сохранить догосударственную политарность как почвенное основание российской империи, пусть и с помощью пролетарского государства. Ахиезер считает, что «события, связанные с большевистским переворотом 1917 года, следует рассматривать как попытку восстановить утраченное в обществе влияние архаичной культуры, соответствующей системы управления» [Ахиезер 2008б: 318].

(Продолжение следует).

Афанасьев Ю.Н. 2015. Советский социум был к 1985 году расчеловечен и раскультурен. — *Лента.ру*. — 03 июня. — Доступно: <https://lenta.ru/articles/2015/06/03/afanasiev/>. — Проверено: 10.12.2018.

Ахиезер А.С. 2008а. *Россия: критика исторического опыта*. 3-е изд. — М., Новый хронограф. — 935 с.

- Ахиезер А.С. 2008б. *Труды. Т. 2.* — М.: Новый хронограф. — 501 с.
- Ахиезер А.С., Клямкин И.М., Яковенко И.Г. 2013. *История России: конец или новое начало?* — М.: Новое издательство. — 493 с.
- Белая Россия... 1937. *Белая Россия.* — Нью Йорк. Издание Главного правления Зарубежного союза русских военных инвалидов.
- Васильев Л.С. 1985. *Курс лекций по Древнему Востоку (Ближний Восток).* Учебное пособие по спецкурсу. — М.: МГИМО. — 102 с.
- Васильев Л.С. 2012. Древней Руси, не знавшей античности, западное начало не могло играть сколько-нибудь существенной роли. — *История и историческое сознание. Под общей ред. И. Клямкина.* — М.: Фонд «Либеральная миссия». — 480 с.
- Витте С.Ю. 1908. *Самодержавие и земство. Записка б. министра финансов, статс-секретаря гр. С.Ю. Витте.* — СПб.: Б.и. — 222 с.
- Гольц Г.А. 2002. *Культура и экономика России за три века.* — Новосибирск. Сибирский хронограф. — 536 с.
- Государственная Дума в России в документах и материалах... 1957. *Государственная Дума в России в документах и материалах.* — М.: Юридическая литература. — 646 с.
- Данилевский И. 2012. Деспотическое государство возникло и стало воспроизводиться на Руси с XII века. — *История и историческое сознание. Под общей ред. И. Клямкина.* — М.: Фонд «Либеральная миссия». — 480 с.
- Заостровцев А. 2017. А зачем им это? — Петербургская интернет-газета «Фонтанка.ру». — 04 марта. — Доступно: <https://www.fontanka.ru/2017/03/04/034/>. — Проверено: 10.12.2018.
- Кавелин К. 1989. *Наш умственный строй.* — М.: Правда. — 656 с.
- Карамзин Н.М. 1988. *Предания веков.* — М.: Правда. — 766 с.
- Карнович Е.П. 1874. *Замечательные богатства частных лиц в России: экономическо-историческое исследование.* — СПб.: Типография К.Н. Плотникова. — 388 с.
- Книпович Б.Н. 1920. *Очерки деятельности Народного Комиссариата Земледелия за три года (1917–1920).* — М.: Госиздат. — 46 с.
- Ключевский В.О. 1988. *Сочинения в девяти томах. Т. 2.* — М.: Мысль. — 448 с.
- Куликов Л.В. 1995. *Россия: прошлое, настоящее, перспективы.* — М.: Материк. — 97 с.
- Лепский В.Е. 2015. Постнеклассическая методология формирования образа будущей России. — *Рефлексивные процессы и управление. Под ред. В.Е. Лепского.* — М.: Когито-Центр. — С. 225–232.
- Маклаков В.А. 1942. *Вторая государственная дума. Воспоминания современника.* — Париж.
- Миронов Б.Н. 1999. *Социальная история России в 2-х т. Т. 1.* — СПб. «Дмитрий Буланин».
- Новосельский А.А. 1929. *Вотчинник и его хозяйство в XVII веке.* — М-Л., Изд-во АН СССР. — 192 с.
- Пайпс Р. 1980. *Россия при старом режиме. Перевод с англ. В. Козловского.* — США. Кембридж (Масс.).
- Пайпс Р. 1987. Создание однопартийного государства в советской России. 1917–1918 г. Перевод с англ. — *Минувшее. Исторический альманах.* — № 4. — С. 95–139.
- Пивоваров Ю.С. 2005. Русская власть и публичная политика. Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита. — *Полис. Политические исследования.* — № 6.
- Пивоваров Ю.С. 2015. О «советском» и путях его преодоления. — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований.* — № 2. — С. 53–96.

Пивоваров Ю., Фурсов А. 1996. Русская система. — *Рубежи*. — № 3.

Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. 2001. «Русская Система» как попытка понимания русской истории. — *Полис. Политические исследования*. — № 4.

Пыжиков А.В. 2013. *Грани русского раскола. Заметки о нашей истории от XVII века до 1917 года*. — М.: Древлехранилище. — 699 с.

Россия: реформирование... 2017. *Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов*. — М.: ФНИСЦ РАН. — 429 с.

Семенов Ю.И. 1988. Социально-экономический строй древнего Востока. Современное состояние проблемы. — *Народы Азии и Африки*. — № 2. — С. 151–165.

Тихонов А.В. 2017. Предисловие. — *Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов*. — М.: ФНИСЦ РАН. — 429 с.

Толстой Л.Н. 1983. Три дня в деревне. — *Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 томах. Т. 14*. — М.: Художественная литература. 1978–1985. — С. 320–338.

Федотов Г.П. 1992. Россия и свобода. — *Федотов Г.П. Судьба и грехи России в двух т. Т. 2*. — СПб.: Издательство «София». — С. 276–303.

Чаусов А. 2017. Андрей Боголюбский: ходил ли он в Крестовые походы. — Кириллица.ру. — 08.11. — Доступно: <https://cyrillitsa.ru/history/51879-khodil-li-andrey-bogolyubskiy-v-krestov.html>. — Проверено: 10.12.2018.

Широкоград А. *Кто виноват в гражданской войне?* — VESTI.UZ. — 02 октября. — Доступно: <https://vesti.uz/kto-vinovat-v-grazhdanskoj-vojne/>. — Проверено: 10.12.2018.

Яровая И. 2018. Борьба с коррупцией может разрушить государство. — *Яндекс.Дзен*. — 27 сентября. — Доступно: <https://zen.yandex.ru/media/etc/deputat-iarovaia-borba-s-korruptciei-mojet-razrushit-suverenitet-gosudarstva-5bac4607519f9a00aa936dc8>. — Проверено: 10.12.2018.

ГОРСКИЕ КНЯЗЬЯ, ПАРТВЫДВИЖЕНЦЫ И ПОМИДОРЩИКИ: ДВЕСТИ ЛЕТ СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ АДЫГЕЙСКИХ ЭЛИТ

Г.М. Дерлугьян

Нью-Йоркский университет в Абу-Даби

Аннотация: В статье на основе широкого спектра исторических материалов и результатов социологических наблюдений анализируется властно-управленческий дизайн Адыгеи. Автор считает, что пока же в Адыгее и в близлежащих центрах (Краснодар, курорты черноморского побережья) формируется новая антиэлита — адыгейские гангстеры и рэкетеры, действующие на уже поделенном нелегальном пространстве патриархально сплоченно и очень жестоко.

Ключевые слова: Адыгея, теневая экономика, трайбализм, миросистема, nepoтизм, антиэлита, провинциализм.

Судьба кавказоведения отмечена печатью невезения, главным источником которого приходится признать особенности исторического развития Российской/Советской мироимперии¹. Мироимперии — поскольку и Российская империя, и Советский Союз были и пока остаются евразийской территорией, объединяющей в пределах единой государственной системы ярко выраженного имперского типа ряд особых этнокультурных зон и сильно разнящихся между собой стран и народов.

Кавказ был присоединен и интегрирован в Российскую мироимперию в XIX в., т. е. в то время, когда только формировались современные общественные науки. Как известно, исторически возникло две группы общественных наук — те, объектом которых выступали функционально самостоятельные сферы развитого буржуазного общества (экономика, социология, политология, искусствоведение и т. д.), и те, которые занимались неевропейской экзотикой в едином нерасчленном комплексе (востоковедение и африканистика, во многом и этнография).

---

¹ Данный текст был написан в разгар перестройки, преимущественно в Краснодаре в 1989 г. Целью было разобраться в происходящем, когда этнические конфликты только начинались, а о Чечено-Ингушской АССР в тексте ни слова, поскольку место это казалось куда более тихим и застойным, чем Адыгея. Поскольку текст несет явный отпечаток своего времени и никогда не публиковался, в нем все оставлено точно так, как в оригинале.

Закавказье с его древними письменными культурами отчасти попадало в поле классического востоковедения. Северный же Кавказ с его удивительным этнолингвистическим разнообразием и догосударственными общественными институтами, казалось, был как нельзя более близок к идеалу этнографического объекта. Собственно, таковым он и стал, но этнография, лингвистика и фольклористика Северного Кавказа как части Российской империи развивалась в рамках более широкой и аморфной дисциплины, известной в России как краеведение.

Краеведение развивалось в конце XIX – начале XX в. преимущественно в странах Восточной Европы, особенно же в России, как своего рода аналог востоковедения и африканистики, но обращенный не на зарубежную экзотику, а на собственную «народную» жизнь, своеобразие и уникальность которой вестернизированная интеллигенция этих государств ощущала совершенно отчетливо и болезненно переживала. Краеведение стало фактором российского культурного процесса, и именно поэтому российское краеведение (и кавказоведение как его раздел) не могло стать органичной частью европейской науки. Российские и местные кавказские исследователи, собравшие огромное количество уникальных материалов, за редчайшим исключением не были в состоянии осмыслить и формализовать их как факт общественных наук своего времени. Со своей стороны, западноевропейские ученые обычно понятия не имели о русскоязычной кавказоведческой литературе. Кавказоведение пребывало в положении науки местного значения.

Один краснодарский краевед заметил ещё в 1927 г., что если бы Морган и Спенсер в свое время знали об общественном устройстве не только ирокезов и папуасов, но и кавказских горцев, то развитие этнографии могло бы пойти по несколько иному пути. В этом утверждении гораздо больше здравого смысла, чем внешней провинциальной гордости. Кавказ (как и Балканы) на современном уровне развития социальной теории может дать единственный в своем роде конкретный материал, который заставит пересмотреть или дополнить современные схемы истории человечества. Пожалуй, можно даже предсказать в ближайшие десятилетия возникновение научной моды на Кавказ, какой в 60–70-е годы пользовалась Тропическая Африка и Юго-Восточная Азия.

Предлагаемая статья первоначально была задумана как критический обзор русскоязычной литературы по Черкессии/Адыгее (Северо-Западному району Кавказа, расположенному между р. Кубань и черноморским побережьем). Однако в ходе работы стало ясно, что по отношению к советскому периоду вести разбор идей и научных концепций едва ли вообще возможно. Кавказоведение после непродолжительного трагически оборвавшегося возрождения в 1920-х гг., стагнировало на протяжении всего советского периода. Несмотря на значительное расширение образовательной и научной инфраструктуры в 50–60-х гг., сопровождавшееся количественным ростом кадров местных кавказоведов, о восстановлении научного уровня XIX в. (поддерживавшегося непрофессионалами — офицерами, путешественниками, историками-любителями!) остается лишь мечтать. Этот уровень стал кавказоведческой классикой, довлеющей над сознанием той части современных ученых, которые озабочены поддержанием академических критериев, и потому они добровольно ограничивают себя рамками проблематики и даже подходов кавказоведов прошлого века. Характерно, что и на Западе самый известный из кавказоведов — Жорж Дюмезиль — работал, не покидая тех же священных пределов (фольклористика, описательная лингвистика и этнография).

Достоверное научное знание о современной истории Кавказа отсутствует практически полностью. Занятие современными сюжетами для советских историков было, как правило, делом карьеры, а никак не науки. Почти 100 % работ по советской Адыгее есть апологетика, обычно очень неумная. Приводимые данные недостоверны, их контекст безбожно искажен. Эмигрантская и западная историография, на которую сейчас в Советском Союзе в целом возлагается много нереалистических ожиданий, во-первых, в данном случае незначительна, во-

вторых, создавалась в качестве идеологического противовеса догме, оттого неизбежно страдает догматизмом и мифотворчеством.

Провинциализм, незнание иностранных языков, отсутствие интереса к положению в смежных областях характерны, к сожалению, для большинства советских кавказоведов. Это не позволяет им делать порой совершенно очевидные выводы из собственных же материалов. Кроме того, советская догматика предшествующего периода породила в молодом поколении северокавказских историков патриотический пафос, толкающий их на создание новых догм. В настоящее время, в условиях всеобщего перестроечного мифотворчества, в среде северокавказских историков раскручивается драматическая полемика по вненаучным вопросам, сама формулировка которых исключает корректную аналитическую разработку. Спор идет вокруг выставления оценок прошлому по шкалам типа «реакционный — прогрессивный» (принятие ислама, экспансия России) или «национальный герой — враг народа, иностранный агент» (Шамиль, его эмиссары, иные действующие лица Кавказской войны).

Настоящая статья представляет набросок основных исторических этапов развития современного адыгейского этноса за последние двести лет. Чтобы несколько сузить рамки работы, при этом не упуская из фокуса наиболее существенные тенденции, я ограничился «элитным подходом», т. е. рассмотрением особенностей каждого периода сквозь призму трансформации господствующих элит.

Задача облегчается тем, что каждому крупному этапу будет соответствовать свой элитный персонаж — во-первых, конечно же, горский князь (в русском традиционном расширительном толковании) для традиционной эпохи, т. е. до русского завоевания и включения Черкессии в капиталистическую миросистему через российское посредничество. В измененном качестве, став российским инородческим дворянином, землевладельцем и чиновником, этот персонаж сохраняется до прихода большевиков, хотя изнутри черкесского общества его еще в традиционный период начинает выталкивать фигура крестьянского выборного старейшины. В 20-е годы возникает новый персонаж, местный вариант советского аппаратчика и номенклатурного работника — нацкадр, выдвигенец «коренной» национальности. Эту фигуру, сохраняющуюся по сегодняшний день в нескольких субэлитных лицах (партработник, хозяйственник, номенклатурный интеллигент), с середины 60-х годов начинает теснить, одновременно симбиотически и органически дополняя, делец теневой экономики, условно обозначаемый по основному для современной Адыгеи виду подпольной предпринимательской деятельности местным жаргонизмом «помидорщик».

Этнонимы адыги и черкесы используются в тексте как взаимозаменяемые — первый из них есть внутренний этноним, второй — традиционный внешний, совершенно произвольно присвоенный советскими властями небольшой группе адыгов и нетождественных им абазин, оказавшихся в Ставропольском крае. Горцы для Кубани есть понятие, практически равнозначное черкесам или адыгам. Адыгейцы — современное официальное наименование автохтонного населения Адыгейской АО в составе Краснодарского края.

* * *

Традиционная материальная культура адыгов, детально описанная в русских источниках конца XVIII – начала XIX в., демонстрирует удивительную степень преемственности и консерватизма. Основные элементы ее могут быть прослежены по археологическим находкам на протяжении минимум двух тысячелетий. Прямое генетическое родство современных адыгов с касогами раннего средневековья и зихами поздней античности сомнений не вызывает. Существуют определенные возражения против причисления меотов к предкам адыгов, которое доводит древность протоадыгского этноса до VI–VII вв. до н. э., однако возражения эти диктуются теорико-догматическими соображениями, о чем речь пойдет ниже.

Адыги являются земледельцами и скотоводами предгорий и долин Северного Кавказа. Традиционные агротехнические и ремесленные навыки адыгов нередко считаются прими-

тивными и слабо подвержены инновациям, однако трудности заселения гор Адыгеи русскими переселенцами во второй половине XIX в., а также заимствование многих элементов материальной культуры горцев кубанскими и терскими казаками показывают, насколько эта культура была приспособлена к специфической среде обитания.

Не менее консервативен на протяжении тысячелетий был и характер связей горских народов Северо-Западного Кавказа с внешним миром. Горы служили относительно надежным барьером за пути проникновения кочевников из прикубанских степей. Столкновения с каждой новой волной степняков, от киммерийцев и скифов до татар и калмыков, приводили, как правило, к заключению союза и установлению в той или иной форме обмена продуктов горского земледелия и ремесла на продукты кочевого скотоводства. Эпизодически некоторые адыгские племена выходили в степи, когда там образовывался вакуум после ухода очередного кочевого народа, но приход новых кочевых орд вынуждал их всякий раз вернуться под защиту гор.

После того, как в VI в. до н. э. ионийские греки основали первые фактории на черноморском побережье Кавказа, адыгские горы прочно и надолго превращаются в дальнюю периферию классовых обществ Восточного Средиземноморья. Со времен меотов и вплоть до установления русской военно-морской блокады побережья в 1830-х гг. отсюда в обмен на предметы роскоши и сложные ремесленные изделия практически непрерывно в течение двух с половиной тысяч лет вывозились рабы, продукты охоты и собирательства, иногда также лошади и зерно.

Ни в один из периодов своей истории адыги и их предки не имели собственной государственности. Эпизодически возникавшие союзы племен были неустойчивы и легко распались на свои изначальные элементы — племена. Племена же, напротив, обладали относительно высокой устойчивостью и самостоятельностью, выступая одновременно расширенной общиной, подразделявшейся на патронимические группы, территориальной единицей и коллективным субъектом власти. Подобно другим горским народам Северного Кавказа, адыгские племена имели четкую внутреннюю стратификацию, зафиксированную в нормах обычного права (адатах). Крупнейшим и важнейшим отличием в адатных нормах выступало деление на так называемые «княжеские» («аристократические») и «демократические» племена, управлявшиеся народным собранием, или, по принятой в русских источниках прошлого века терминологии, «вольные горские общества».

Для советских кавказоведов, в подавляющем большинстве своем придерживающихся вульгарно-марксистской пятичленной формационной схемы, данное обстоятельство представляет собой крупное теоретическое затруднение. Догматическая схема требует неперемного отнесения всякого общества к одной из пяти формаций. Классификационными критериями служат тип господствующих классовых отношений и наличие государственности как важнейшего признака перехода от первобытности к классовому обществу.

Упрощенным представлениям о «первобытной» доклассовости, несомненно, противоречат относительно развитая материальная культура черкесов и, главное, явное наличие социального неравенства и отношений эксплуатации, фиксируемых адатным правом преимущественно в четкой сословной иерархии. (Термин «сословие» использовать с оговорками, поскольку речь идет об обществе, кардинально отличающемся от евразийского феодализма. Вероятно, правильнее было бы говорить о кастовых группах, возникающих из разложения архаичной системы возрастных классов [Панеш 1989]).

Основным сословием традиционного черкесского общества были свободные общинники-тфокотли, пользовавшиеся правом ношения оружия, участия в народном собрании и свободной обработки земли в пределах территории общины и племени. К тфокотлям принадлежало не менее двух третей населения. Тфокотлей часто сравнивают с английскими йоменами, но это сравнение не совсем корректно, т. к. вызывает феодальные ассоциации. Вернее было бы сравнивать их с римскими плебеями. Тфокотли могли владеть рабами (в районе

Анапы при турецком владычестве возникли даже рабовладельческие товарные латифундии, принадлежавшие зажиточным тфокотлям натухайцев, одного из демократических племен [Покровский 1989: 52]).

Основную касту зависимого населения составляли пшитли, обычно приравняемые к крепостным. Пшитли владели собственным хозяйством, могли иметь семью, составляя патриархальную клиентелу своего владельца, от которого (а не от общины) получали землю. В гораздо менее обременительной зависимости от владельца находились оги, выплачивавшие лишь продуктовую ренту, но при этом не входившие в общину в качестве полноправных членов. Оги происходили, по всей видимости, от постепенно освобождавшихся пшитлей.

Особую категорию составляли азаты, вольноотпущенники, чье появление было, скорее всего, связано с исламизацией Черкессии. Азаты интересны тем, что из рабов путем отпуска на волю чаще всего по религиозным мотивам (умирающий хозяин просил отпускаемого азата молиться за его душу) эти зависимые люди могли перейти в особую элитарную группу — священнослужителей-эфенди. (Употребление тюркоязычных терминов «азат» и «эфенди» само по себе показывает нетрадиционность этих сословий).

Действительно рабами были унауты, которых русские авторы XIX в. называют «безадатным сословием» — положение этих, как правило, бывших военнопленных адатов вообще не оговаривалось. Унауты полностью находились в воле своего хозяина, «поскольку не имели каких-либо родственных уз» [Джимов 1986: 39].

Как это часто бывает у различных народов, находящихся на догосударственной стадии, но имеющих четко выраженную элиту, противостоящую общине, низшие эшелоны властвующей группы легче пополнялись невольниками правителя (князя), чем свободными общинниками. У ряда черкесских племен даже существовал особый четвертый разряд военной аристократии — пшикли, буквально, «ограда князя», стражники из бывших невольников, выполнявшие полицейские функции.

Верхнее привилегированное сословие составляли собственно князья («пши»). Это самое малочисленное сословие (в середине XIX в. в Закубанье жил 61 князь) подразделялось внутри себя на подгруппы по родовитости и влиянию. Сословие пши в XIX в. наличествовало только у «аристократических» племен — темиргоевцев, егерухаевцев, бжедуггов, бесленеевцев, махашевцев, хатукаевцев, мамхеговцев. Согласно описанию известного кавказоведа XIX в. Ф.И. Леонтовича, специалиста по горским адатам, адыгские князья «имеют исключительное право перед дворянами, пользуются лучшими местами для пастбищ своего скота на всем пространстве земли, на которой жительствоуют покровительствуемые ими аулы одного с ними племени, а близ того аула, в котором живут сами, даже пользуются правом ограничить для себя собственно удобнейшую землю под хлебопашество и сенокос, которую жители его аула, также и других, не могут обрабатывать в свою пользу иначе как с дозволения их» [Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Одесса. 1882; цит. по: Джимов 1986: 32].

Как видно из приведенного отрывка, адыгские князья находились в своего рода договорных отношениях с собственным племенем. Пши могли занимать свое привилегированное положение именно в силу своей принадлежности к общине, хотя и на особых условиях. В традиционных прерогативах пши проглядывает глубокая архаика. Фигура князя была сакрализуема, большинство его привилегий обуславливалось классическими вождескими механизмами ритуальной взаимности (реципрокности). Например, у бжедугских тфокотлей было принято ежегодно подносить князю по ягненку от каждой семьи за то, что он пускал пал на общинных пастбищах [Покровский 1989: 43].

Косвенно традиционный, архаический характер власти пши подтверждается положением другой аристократической группы — «хануко», или султанов. Эта немногочисленная специфическая группа формировалась за счет членов правившей в Крымском ханстве разветвленной династии Гиреев, которые бежали на Кавказ в результате династических распрей и интриг. Адыги, состоявшие в непрочном вассальном союзе с Крымом, неизменно принимали

с почетом очередных беглецов. Те селились и постепенно ассимилировались среди горцев, но никогда не приобретали реальной власти, оставаясь благородными нахлебниками. Причина проста — отсутствие у хануко племенной идентификации, их непринадлежность к горской общине.

Еще более экзотичную элитную группу составили армяне, поселившиеся в Адыгее предположительно в XVII в. Это были беженцы из Крыма или Трапезунта, по преданию, прибывшие в Закубанье компактной группой, в которой преобладали вооруженные мужчины. Армяне женились на девушках из благородных адыгейских семейств и вскоре утратили армянский язык и культуру, сохранив при этом и ревностно поддерживая христианство. В XVIII в. потомки этих армян образовали особую общину черкезо-гаев, т. е. «адыго-армян», приравненную рядом адыгейских племен к высшему дворянству (по крайней мере, штрафы за нанесение ущерба или убийство черкезо-гаев были столь же высоки, как и за аналогичное преступление против адыгского аристократа [Щербина 1916]).

Черкезо-гаи монополизировали торговлю внутренних районов Адыгеи с черноморским побережьем и, видимо, сумели значительно ее расширить, что принесло выгоды и адыгской аристократии. Кроме того, черкезо-гаи в какой-то период времени превратились в признанных носителей и учителей традиционной горской аристократической культуры и ритуала, поэтому считалось престижным вступать с ними в отношения аталычества, т. е. отдавать им на воспитание мальчиков и даже девочек из благородных семейств, которых возвращали родителям по достижении совершеннолетия. Воспитатель-аталык становился вторым отцом юного аристократа. Попытки турок в конце XVIII в. ликвидировать общину черкезо-гаев и казнить некоторых армянских старейшин едва не вызвали восстание черкесских князей, которые в случае осуществления угроз османских наместников попросту вынуждены были бы принять на себя долг кровной мести. Только в XIX в., в ситуации священной войны против русских, черкезо-гаям пришлось покинуть Адыгею, поселившись на контролируемой русскими стороне Кубани, где был основан город Армавир, или «Джаур-хъабль» («христианский аул»), причем черкезо-гаи сохранили своих черкесских крепостных и ряд традиционных горских привилегий.

Адыгское дворянство («орки») присутствовало у всех племен без исключения и подразделялось на ряд сословий с очень запутанной иерархией. Орков по-русски точнее было бы именовать дружинниками и витязями (в том значении, в котором витязи-викинги и дружинники присутствовали в ранней Киевской Руси). Возможно также говорить и о патрицианской (в раннеримском смысле) природе черкесских орков. Главной отличительной чертой оркских сословий представляется двойственность их отношений с традиционной общиной и ее основным сословием — крестьянами-тфокотлями. Орки, отчасти принадлежа своему племени, в то же время были либо «людьми князя» («пшиорк»), либо замкнутой патрицианской группой у «демократических» племен, где отсутствовали князья. В последнем случае орки неизменно находились в конфликте с нетитулованной верхушкой плебеев-тфокотлей.

Главное дело жизни всякого орка — война или подготовка к войне. Жесткий — порой до нелепого ригоризма — кодекс адыгской чести («адыге хабзэ») — это, прежде всего, мужской воинский этический комплекс, противопоставляемый крестьянской трудовой этике [Панеш 1988].

В отличие от князей, хозяйство, а следовательно, и база эксплуатации большинства орков были очень ограничены и слабы. Подлинные князья — пши (в отличие от гораздо более многочисленных заносчивых и воинственных орков, с которыми, собственно, и связаны массовые представления русских о горских князьях) пользовались правами на сбор и дальнейшее перераспределение традиционной ритуальной дани. Об архаичности традиционных форм дани говорит, в частности, тот факт, что с урожая кукурузы (американское растение, заменившего древнее просо) дань вообще не взималась. Основными источниками существования орков служили княжеские пожалования — «орк-тын», типичный воинский пожизнен-

ный (но не наследственный!) пребенд или бенефиций, а также регулярные подарки и награды. Важнейшим дополнительным источником существования для орков была военная добыча и продажа в рабство пленников.

В основной своей массе орки противостояли плебейской части населения даже в физическом облике. Многие путешественники по Кавказу отмечали, что черкесский «дворянин» выделяется стройностью, узким лицом с правильными чертами и т. д., не говоря уже о таких воспитываемых качествах, как походка, посадка головы, манера говорить — всему этому «Адыгэ Хабзе» придавал огромное значение. Черкесских крестьян же нередко сравнивали с медведями или мужиками. Кстати, в отношении демократических племен побережья такого рода сравнений источники не содержат — там иностранных наблюдателей поражали, как правило, своим почтенным видом общинные патриархи.

В источниках не содержится прямых указаний на наличие в прошлом у адыгов особой жреческой касты, хотя ее существование многие исследователи (в частности, Ж. Дюмезиль) считают бесспорным. Вероятно, христианизация византийского периода и османская исламизация, не сумев уничтожить языческие культы среди адыгов, привели к исчезновению их профессиональных отправителей.

В «вольных обществах», где отсутствовала княжеская власть, положение орков было гораздо сложнее, и им нередко оставалось поддерживать социально приемлемый для своего сословия образ жизни только за счет регулярных близких и дальних набегов и просто разбоя на дорогах. Отсюда — распространение так называемого горского «хищничества» и один из важнейших источников скотоконократства и традиционного бандитизма — абречества. Еще одним социальным механизмом постоянной подпитки абречества была люмпенизация многих оркских фамилий в ходе Кавказской войны и сопровождавшей ее внутренней социальной борьбы в адыгских племенах, которая вела к ломке традиционных структур и буквально переворачивала существующий порядок. Известен случай, когда неудачливого орка, отказавшегося заняться трудом, из жалости содержал у себя на сеновале его бывший крепостной, выбившийся в зажиточные крестьяне [Личная беседа с Б.М. Джимовым].

Отсутствие у адыгских народов государственности с такими ее внешними атрибутами, как чиновничество, письменность и города, вносит теоретическую путаницу в работы советских кавказоведов, непреодолимую на основе догматической пятичленной формационной схемы. Это вынуждает их вводить дополнительные расплывчатые определения типа «раннефеодальный» или «позднепатриархальный строй». В итоге «вольные общества» приходится рассматривать как стадийно предшествующие «аристократическим», более феодальным «племенам». (Правда, М.В. Покровский (1897–1959), один из наиболее профессиональных советских адыговедов, в своей монографии, к сожалению, изданной лишь через 30 лет после смерти автора, делает намеки на то, что демократические племена не были стадийно менее развиты, чем аристократические. Если отбросить обязательную для тех лет «феодализирующую» терминологию, работа М.В. Покровского дает прекрасное описание плебейской трансформации Черкессии в годы Кавказской войны, в которой просматриваются удивительные параллели с демократизацией Карфагена в ходе пунических войн [Покровский 1989].

По некоему негласному соглашению состояние адыгских обществ, зафиксированное в конце XVIII в., признается большинством советских кавказоведов за изначальное, как если бы не было тысячелетней эволюции от зихов и касогов, не говоря уже о древних меотах и иных гипотетических протоадыгах [Гарданов 1967]. То обстоятельство, что с позиций пятичленной формационной схемы народы Северного Кавказа оказываются на протяжении многих столетий, с античности до новейших времен, на стадии вечной переходности, либо игнорируется, либо списывается на консервирующее воздействие постоянных миграций, нашествий кочевников и жизни в горных ущельях.

К сожалению, о социальной организации протоадыгских этносов известно очень немного [Панеш 1983]. Внутренних письменных источников не существует, устная же тради-

ция, центральное место в которой занимает общий для большинства северокавказцев нартский эпос, трудно интерпретируема, хотя тщательная разработка теоретических и методологических вопросов, вероятно, могла бы позволить по-новому взглянуть на многие уже классические сюжеты.

Внешние источники немногочисленны и, как правило, поверхностны и путаны в том, что касается общественного устройства протоадыгов. Это не должно особенно удивлять — античные и средневековые авторы, как западные, так и восточные, сталкивались на Северном Кавказе с чуждыми им реалиями, которые проще всего было охарактеризовать как «дикость». Впрочем, сказанное выше не снимает задачи реконструкции общественного строя протоадыгов по письменным, а также археологическим источникам.

Тем не менее, имеется вполне достаточно оснований рассматривать социальную эволюцию зихов-касогов-адыгов как преемственную, а возникновение «вольных обществ» — как феномен исторически более поздний, чем «аристократические» структуры.

Наиболее известен «демократический переворот» в племени шапсугов, произошедший в конце XVIII в. В 1796 г. у реки Бзюко (18 км к югу от современного Краснодара) произошла битва между ополчением тфокотлей племени шапсугов и шапсугскими орками, которых поддержали князь и дружина бжедугов. Годом ранее бжедугский князь Бат-Гирей и шапсугский патриций Али Шеретлуков ездили в Петербург к Екатерине II, и это позволило им получить поддержку русского артиллерийского отряда, решившего исход битвы [Покровский 1989: 147–154].

Советские историки, детально изучившие военно-политические обстоятельства Бзюкской битвы, сосредоточили свое внимание на политике русского царизма по отношению к горской знати, а также на воздействии исламизации и османского проникновения на народные движения в Адыгее. Последнее обстоятельство, прямо связанное с необходимостью хотя бы относительного оправдания экспансии русских на Кавказе, оказалось непреодолимым препятствием в объяснении хода событий через логику внутренней социальной борьбы в адыгском обществе.

Основным противоречием, приведшим к серьезному военному столкновению, несомненно, была борьба за контроль над торговыми путями из внутренних районов Адыгеи к черноморскому побережью. Поводом к Бзюкской битве послужило изгнание шапсугами своих орков после того, как орки разграбили торговый караван, следовавший через шапсугские земли под охраной группы тфокотлей. Бжедугские аристократы, одна из наиболее влиятельных группировок во внутренних районах Закубанья, вступились за своих шапсугских «товарищей по классу» не ради создания «единого фронта адыгского дворянства», а, скорее всего, из-за желания обеспечить себе более благоприятные условия во внешней торговле, осуществлявшейся через турецкие форпосты на черноморском побережье (крупнейшим среди которых была Анапа, а также Геленджик и Суджук-Кала, ныне Новороссийск).

Едва ли случайно, что все три демократические адыгские племена — шапсуги, натухайцы и абадзехи плюс родственные адыгам, также демократические убыхи — обитали на черноморском побережье, от Таманского полуострова до современного района Сочи и границы с Абхазией. Эти сильные и крупные племена оказались наиболее подвержены исламизации (хотя вопрос о степени и сроках исламизации Адыгеи в целом очень спорен — у шапсугов и абадзехов пережитки византийской (а также и грузинской?) христианизации в виде культа богини «девы Марии» наблюдались еще в конце XVIII в., убыхи приносили жертвы крестам до середины XIX в., не говоря уже о пережитках местных языческих культов). Прибрежные племена вели наиболее упорную борьбу против русского вторжения и в итоге более всего понесли потерь — убыхи полностью исчезли, а численность остальных ныне очень незначительна.

Причина, на мой взгляд, кроется в более глубоком вовлечении в систему традиционной черноморской торговли. Русские, неоднократно пытавшиеся разрушить эту древнюю, восхо-

дующую к ранней античности систему и добившиеся этого в 1830–40-х гг., не могли не вызвать ответной реакции прибрежных племен.

Сложнее обстоит дело с интерпретацией «демократических переворотов» у прибрежных племен, поскольку здесь мы выходим непосредственно на фундаментальные теоретические проблемы. На африканских материалах в последние годы было хорошо изучено явление размывания централизованной власти в вождествах, вовлекаемых в торговлю на дальние расстояния и превращающихся в периферию более развитых классовых систем. Первоначально прибавочный продукт, полученный в ходе обмена, полностью поступает в распоряжение верховного правителя и его клана, который осуществляет перераспределение, в рамках своего этнопотестарного образования и тем самым укрепляет социальные связи между его сегментами. Однако довольно скоро по мере интенсификации торговли, в непосредственный обмен с пришельцами вовлекаются все новые местные вожди. Появление новых субъектов обмена и перераспределения ведет к нарастанию центробежных тенденций и распаду крупного этнопотестарного образования на ряд мелких. Такова судьба «империй» Мали и Сонгай, суданских государств, Мономотапы, выступавших доклассовой периферией того же самого Средиземноморского греко-«исламского» цивилизационного очага, дальней периферией которого на севере выступала Адыгея.

Нечто подобное должно было происходить и на Северо-Западном Кавказе, но исходом здесь оказывалась не сегментация социума с возникновением новых субъектов обмена, а сохранение племенных структур через качественное социальное изменение — «демократический переворот» приводивший к власти более широкие слои зажиточных (именно за счет участия в торговле!) свободных общинников-тфокотлей, из которых формировалась новая олигархическая верхушка.

Предложенная схема не заработает без объяснения фундаментального отличия общественной организации народов Северного Кавказа и Тропической Африки (которую можно расширительно рассматривать как часть «Востока», не достигшую уровня классовой цивилизации). Подобное объяснение одновременно снимает наиболее трудные вопросы, касающиеся формационного статуса традиционного черкесского общества (и в первую очередь, «дурную бесконечность» вечной межформационной переходности) и тем самым указывает выход из догматического тупика.

Очень перспективную идею высказал дагестанский исследователь М.А. Агларов [Агларов 1989], развивающий концепцию цивилизационного типологического единства Циркумпонтийского региона (в который включается и Кавказ) И.М. Дьяконова. В результате типологического анализа общественного устройства дагестанских «вольных обществ» М.А. Агларов пришел к выводу о несостоятельности интерпретации этого исторического феномена в «контексте феодальных форм», в котором «вольным обществам отводится роль первых стадий начальной фазы феодальной формации». Он пишет: «...предпринятое исследование привело нас к убеждению, что сами общинные формы, пережив качественно новые изменения в отношениях собственности, поднялись на уровень самоуправляемых политических образований («республики», «вольные общества», суперсоюзы и федерации «вольных обществ» и т. д.) и в таком качестве встали вровень с феодальными образованиями. Это означает убеждение в едином уровне общественно-экономического развития Дагестана исследуемого периода в пределах «вторичной общественно-экономической формации» (К. Маркс). ...Самоуправляемая гражданская община (полис), пожалуй, одно из самых высоких достижений социального и политического развития Средиземноморского мира в древности, но она, как показывают исследования последних двух десятилетий, была присуща и Циркумпонтийскому региону» [Агларов 1989: 4].

М.А. Агларов оперирует конкретным материалом Нагорного Дагестана, где хроническое малоземелье и террасное земледелие способствовали наиболее яркому проявлению типологических черт горской гражданской общины, основанной на частной собственности на

землю при коллективном владении. К сожалению, он не смог достаточно последовательно подойти к проблеме «горского феодализма» и взаимодействию с мощными цивилизационными центрами Ирана и Ближнего Востока, ограничившись лишь специфическим регионом Нагорного Дагестана.

На Северо-Западном Кавказе ситуация была существенно отлична — если в Дагестане «вольные общества» возникают в дальне-периферийных горных районах, где социальная напряженность порождалась малоземельем, то в Черкессии «демократизации» подвергались общества, во-первых, не сталкивавшиеся с острым земельным голодом, что отмечали все путешественники, во-вторых, игравшие по отношению к внутренним районам роль посредника в торговле с более развитыми классовыми обществами — в Дагестане таким посредником выступали «феодалы города», по сути своей представлявшие дальние форпосты Ирана. Отсутствие такого чужеродного города-фактории на черноморском побережье (само по себе нуждающееся в объяснении) привело к тому, что его функцию на себя взяли местные общества, после преодоления некоего предела не имевшие иной альтернативы, как демократизоваться. В демократическом же перевороте, как нагорно-дагестанском, так и причерноморском черкесском, проявились сущностные качества того типа общины, который господствовал в средиземноморской зоне европейско-азиатского контакта и свое наивысшее развитие получил в античном полисе.

Если поглядеть шире — то классическая греко-римская античность неожиданно выступает перед нами как остров или архипелаг, высящийся над огромным скрытым от прямого взгляда затопленным континентом, который слагается из тех же пород, что и его надводные видимые вершины. Кельты на западе и кавказские народы на востоке оказываются в подобной перспективе нормой, варварским материком, где горные «вершины» уходят в полисную античность, а не феодализм или восточный «азиатский» способ производства. Загадочные дольмены и мегалиты, чей ареал простирается от Британских островов до Адыгеи, высятся как загадочный символ этого древнейшего и особого материка. Конечно, при таком взгляде возникает намного больше новых вопросов, чем снимается старых (многие из которых оказываются при этом ложными или неверно сформулированными). Если перед нами действительно утонувший в «океане истории» древний материк — то это лишь признак плодотворности избранного подхода.

* * *

Первые непосредственные контакты восточных славян с предками адыгов (касогами) достоверно относятся к X–XI вв., особенно ко времени существования Тмутараканского княжества и знаменитого поединка Мстислава с Редедю. Само красочное описание этого единборства, очевидно, понадобилось летописцу для объяснения участия косогских дружин в борьбе за киевский престол на стороне тмутараканских князей в 1023–1024 гг. [Гадло 1988].

В XVI в., в правление Ивана Грозного, кабардинские князья пытались использовать союзно-вассальные отношения с Московской Русью в своей борьбе с татарами и во внутренних междоусобицах. Кульминацией этой дипломатической игры стал договор 1557 г. и женитьба Грозного на кабардинской княжне Марии Темрюковне. Черкесы даже приняли участие в Ливонской войне. В 1951–52 гг., когда советская пропаганда и историки начали развивать тезис об историческом «добровольном вхождении в состав России» нерусских народов современного Советского Союза, 1557 г. был избран в качестве официальной даты присоединения, хотя по русско-турецкому Белградскому мирному договору 1739 г. Кабарда признавалась независимой [Трахо 1956: 21].

Реально процесс присоединения исторической Черкессии к Российской империи начинается лишь в 1790-х гг., с переселением на черноморское побережье Кавказа остатков запорожского казачества и основанием Кубанского казачьего войска (в первые годы XIX в. вдобавок к украиноязычным «черноморцам» русское командование по стратегическим сообра-

жениям обороны кавказских военных линий переселило на Кубань русскоязычных казаков — «линейцев» с Дона и из Южной России). С этого времени на Северо-Западном Кавказе возникает типичная «пограничная ситуация», характеризующаяся противостоянием черкесских традиционных обществ Закубанья и черноморского побережья казакам-поселенцам и русскому имперскому военно-административному аппарату. Этот период продолжался почти семьдесят лет, до окончательного покорения гор Черкессии русской армией в мае 1864 г. и получил в историографии наименование Кавказской войны, хотя на деле состоял из нескольких относительно автономных войн и множества взаимных набегов, перемежавшихся более или менее стабильными локальными и порой даже общими перемириями.

Переселение за Кубань казаков создало в Черкессии новую социальную динамику, в конце концов, приведшую к дестабилизации и трансформации структур традиционного общества. На месте бывшей кочевнической степи, в непосредственном контакте с горцами образовались форпосты европейского классового общества, быстро добившиеся военно-политического, хозяйственного и демографического паритета, а вскоре и преобладания над адыгскими племенами.

Важнейшим каналом русского влияния среди горцев стала пограничная торговля, причем эта торговля качественно отличалась от традиционного обмена с Восточным Средиземноморьем и быстро превзошла его по объемам. Если на прибрежных торжищах и факториях средиземноморские купцы приобретали рабов, мед и воск, эпизодически лошадей и скот, т. е. типичные продукты княжеской дани и военной добычи, то на кубанских меновых дворах шел гораздо более массовый и демократичный торг — поселенцы, особенно в первые десятилетия XIX в., получали от горцев в больших объемах продовольствие, лес, дрова, камыш для кровель, дикие фрукты, лошадей и скот, черкесские ремесленные изделия, причем не только такие «аристократические», как кинжалы и шашки, но и бурки, ноговицы, черкески, чувяки. В обмен горцы получали железо и соль, дешевые ткани.

В 1827 г. от шапсугов в один из фортов прибыла делегация, заявившая, что их народ считает «торг с Россией более выгодным, нежели с Турецкою державою», мотивируя это тем, что «только богатые могут пользоваться меню от Анапы» [Джимов 1986: 21]. В торговлю с русскими вовлекались широкие слои адыгских обществ, что укрепляло позиции тфокотлей перед лицом князей и особенно низших категорий орков. Кроме того, русские принимали беглых горских невольников и зависимых крестьян, лишь иногда, в качестве знака благорасположения, возвращая их прорусски настроенным владельцам. В результате в 1830-х гг. в адыгских племенах происходит новая серия демократических переворотов — абадзехи и убыхи на своих народных собраниях потребовали уравнивать орков с рядовыми общинниками, натухайцы лишили своих аристократов всех родовых прав и конфисковали их имущество, а шапсуги вообще изгнали наиболее влиятельные роды со своей территории [Джимов 1988: 74].

Более того, попытки демократических переворотов зафиксированы и в традиционно княжеских племенах. Наиболее серьезной и известной попыткой такого рода была так называемая «княжеско-дворянская война» (пши-орк-зао) у бжедугов в 1856 г. Бжедуги — одно из наиболее многочисленных и сильных племен Закубанья, имевшее протяженную границу с кубанскими казаками. В первой половине XIX в. произошла радикальная переориентация бжедугской внешней торговли в изменился ее характер — из контролируемой аристократией дальней и «богатой» торговли с турецкими форпостами на побережье она сделалась повседневной, массовой и демократичной по составу ее участников и ассортименту товаров, представляемых на русских меновых дворах.

Консолидация зажиточной тфокотльской верхушки у бжедугов, которую аристократы пытались сдержать при помощи произвольных штрафов, увеличения дани и просто грабежа, вызвала резкое обострение социальной борьбы и в итоге — ультимативное требование равноправия, выдвинутое лидерами тфокотлей на общем собрании бжедугов в одной из наибо-

лее почитаемых священных рощ (Чьыгудж). В последовавшей за уходом аристократов с народного собрания гражданской войне бжедугские тфокотли при помощи отрядов демократических племен абадзехов и шапсугов сумели одержать кратковременную победу и начать раздел имущества разгромленных аристократов. Исход восстания был решен вмешательством казаков и русских войск, призванных уцелевшими бжедугскими князьями. К тому времени проаристократическая позиция русского командования на Кавказе давно была совершенно очевидна [Джимов 1986: 80–82].

Исход социально-политической борьбы в Черкессии в период Кавказской войны во многом определялся внешними силами. Турки, с 1830-х гг. до завершения Кавказской войны действовавшие совместно с английскими агентами, а также наибы (наместники), направлявшиеся после 1842 г. из Дагестана имамом Шамилем, вели прагматичную до цинизма политику поиска союзников среди адыгских племен, периодически оказывая помощь то аристократическим, то демократическим, тфокотльским группировкам. Наибы Шамиля пытались любой ценой распространить на Северо-Западный Кавказ идейные и организационные принципы воюющего исламского государства, которое создал в Дагестане Шамиль, апеллируя в своих воззваниях в основном к тфокотлям и зависимым сословиям. Позднее наибы (особенно Мухаммед Амин, последний и самый знаменитый наиб в Адыгее) пытались маневрировать, умерив свою враждебность к «непослушной» традиционной аристократии и заигрывая с мелкими орками, чье положение после долгих лет войны и в результате укрепления верушки тфокотлей было очень неустойчиво.

Наибы опирались в своей деятельности на две структуры государственного типа, которые строились за счет использования социальных противоречий черкесских обществ позднетрадиционного периода. Во-первых, была создана гвардия хаджиратов и муртазаков — профессиональных исламских воинов, не связанных ни с одной из племенных и общинных структур. Преимущественно то были люмпен-орки, которых красочно описывает кубанский историк XIX в. И. Попко: «Буйные бездомовники, которые выросли в круглом сиротстве и неимуществе или которые, накликав на себя гонения в своих обществах, бежали с родины на чужбину и там, по неимению недвижимой собственности и тягла, промышляют себе хлеб насущный кинжалом и винтовкой» [цит. по: Покровский 1989: 211].

В отличие от «бездомовных» хаджиретов, сосредоточенных в свободное от походов время в укрепленных административных центрах исламского государства — «мехкеме», в аулах имамат должны были представлять старосты-мухтары. Их назначали наибы по одному на сто дворов, давая в помощь пять хаджиретов. Для старшин тфокотлей это предоставляло искомую возможность формального закрепления своего положения. Одновременно противопоставление шариата традиционному адату и введение стодворок вместо аульских общин ликвидировало окончательно базу оркских привилегий.

Мюридизм, священный газават против неверных и учреждение новых централизованных структур исламского управления (крепости-мехкеме) создали мощный фактор вертикальной мобильности в адыгском обществе, которым воспользовались многие представители низших сословий. Аристократия подверглась значительной маргинализации. Многим ее представителям не оставалось иного приемлемого выхода, как стать разбойниками-абреками или перейти на русскую службу (делали, впрочем, попеременно и то, и другое).

Политика самодержавия по отношению к горским аристократам опиралась на давнюю имперскую традицию. Уже в первой четверти XIX в. в русском офицерском корпусе на Кавказе служило немало ассимилированных горских князей. Наиболее охотно на русскую службу в Адыгее переходили выходцы из традиционно маргинальных элитных групп — султаны под предлогом того, что после присоединения Крыма к России большинство Гиреев присягнуло на верность Екатерине Великой, и чаркезо-гаи как христиане. Переходили и князья, особенно те из них, кто сталкивается с растущим давлением внутренних «демократических»

оппозиций или с наибами Шамиля. Но массовый переход горских аристократов на русскую службу начинается лишь на последнем этапе Кавказской войны.

Проаристократическая политика кавказского командования и царского правительства оказалась одним из основных факторов, предопределивших махаджирство — массовое переселение горцев в Османскую империю после их окончательного поражения в войне. Прибрежные демократические племена, поставленные в трудные условия русской военно-морской блокадой 1830-х гг., к концу войны явно искали компромисса. Однако отказ русского командования признать фактическое господствующее положение плебейской олигархии тф-котлей при вхождении в российское подданство наряду с многочисленными обещаниями в отношении аристократов, способствовали принятию народными собраниями прибрежных демократических племен антирусских решений о продолжении вооруженного сопротивления и о переселении в Турцию в случае поражения.

В этом был сознательный расчет властей Российской империй, стремившихся избавиться от потенциальных «немирных» подданных, заменив их «христианским элементом». В итоге на земли Османской империи переселились от 400 до 800 тысяч адыгов. Оставшиеся в Кубанской области на 1865 г. «горцы 71 775 душ обоего пола» (черкесы и тюркоязычные карачаевцы) более не составляли цельного района проживания и, кроме того, подвергались принудительному переселению с гор в низины [Ратушняк 1977: 100]. Между адыгскими аулами были размещены казачьи станицы и хутора иногородних переселенцев. Автор дореволюционного справочника признавал, что «выселение черкесов было катастрофой. Край обезлюдел на полвека... Черноморская береговая линия, созданная в 1839 г. была чисто военной. В мае 1864 г. было расселено 800 казаков и матросов в 12 станицах по побережью, от Туапсе до Геленджика, все насильно... Детская смертность в этих станицах в отдельные годы достигала 100 %... Объявленные в Петербурге в 1867 г. публичные торги земельных участков под поместья (от 700 до 2 500 десятин) отменялись трижды, ибо не являлось ни одного покупателя» [Доброхотов 1916: 23, 24, 26].

Традиционный период, т. е. эпоха автономного развития адыгского социума, завершился трагическим исходом. Исчезли не только целые племена (множество горцев погибло при паническом неуправляемом переселении от голода и эпидемий, большинство в последующих поколениях утратило язык и перешло на турецкий или арабский). Прервались или качественно переродились основные тенденции эволюции традиционных горских обществ. Среди черкесов, включенных в Российскую империю и через ее посредство вовлекаемых в мировую капиталистическую систему, началось принципиально новое по своему типу классовообразование.

* * *

Окончание Кавказской войны совпало со временем проведения реформ в России, задачей которых было компенсировать явно увеличивающийся разрыв между индустриализующимися государствами Западной Европы и великой евразийской мироимперией и тем самым обеспечить ее сохранение. С точки зрения стратегических имперских интересов, Кавказская война была традиционным экстенсивным способом и средством поддержания международного статуса самодержавной России. Присоединение в первой трети XIX в. Закавказья давало выход на Ближний и Средний Восток, превращало Россию в соперницу Британии и важнейшего европейского претендента на османское наследство.

Покорение северокавказских горцев было призвано обеспечить необратимость этого прорыва на престижном южном направлении и, кроме того, снимало остроту ряда внутриимперских проблем. Хроническая война на Кавказе позволяла занять на офицерской службе значительное количество российских дворян, оказавшихся не в состоянии поддерживать свое существование за счет крепостнического помещичьего хозяйства. Впоследствии раздача земель на Кавказе русским поселенцам, не только дворянам, но и казакам и крестьянам,

способствовала снижению демографического давления в центральных районах и созданию одного из наиболее зажиточных регионов империи.

Позорно проигранная Крымская война, наложившаяся на долговременный военный конфликт на Кавказе, наглядно продемонстрировала дальнейшую непригодность чисто экстенсивной завоевательной стратегии защиты Российской империи в рамках кардинально изменившейся после 1848 г. капиталистической миросистемы. Резкое усиление активности русского командования на Кавказе в 1858–64 гг. было вызвано желанием нового императора, Александра II, как можно скорее покончить с доставшимся ему в наследство самым длительным в истории Российской империи военным конфликтом. «Замирение» Кавказа было одним из важнейших условий начала модернизационного рывка самодержавного государства, поэтому экстенсивный, завоевательный способ защиты империи должен был уступить место интенсивному — самодержавным «догоняющим» реформам.

Последствия имперской политики умиротворения Черкессии сравнимы с геноцидом, хотя субъективно царь-освободитель ставил лишь задачу замены «немирного» черкесского населения «трудолюбивым христианским элементом» — русскими поселенцами и понтийскими греками и армянами, которых Османское правительство выдавало в обмен на воинственных единоверцев, расселяемых, в свою очередь, в наиболее беспокойных нетурецких районах Османской империи (Болгарии, Сирии). Если в середине XIX в. горское население Северо-Западного Кавказа составляло порядка 800 тыс. чел., а русское — всего 185 тыс., то к концу века соотношение изменилось до 100 тыс. горцев и 2,5 миллионов поселенцев [Джимов 1986: 10]. Численность выселившихся горцев оценивается минимум в 400 тыс. чел., исчезли почти полностью прибрежные демократические племена, на долю которых до начала «махаджирства» — массового выселения — приходилось 2/3 адыгов.

Кубанская область до завершения Кавказской войны оставалась слабо освоенным приграничным краем. Основу хозяйства составляло экстенсивное скотоводство. Кубань в первой половине XIX в. регулярно ввозила зерно. К началу первой мировой войны это уже был второй после Херсонской губернии экспортный зернопроизводящий регион России, откуда ежегодно вывозилось около 60 млн. пудов [Ратушняк 1989: 191].

Кубань на рубеже XIX–XX вв. стала одним из полюсов капиталистического развития на территории Российской империи, в исторической литературе нередко противопоставляемым большинству аграрных районов России как зона фермерского хозяйства, развивавшегося по «американскому пути». Само разделение на «прусский» и «американский» путь представляется более публицистическим, нежели имеющим аналитическую ценность. Существенным недостатком такого чисто назывного определения выступает недоучет специфики сословной общественной структуры казачьего края в рамках Российской империи и порождаемых этим фактором отнюдь не «американских» противоречий, в конце концов приведших к ожесточенной гражданской войне.

Адыгея очень быстро была унифицирована в рамках Кубанской войсковой области в империи в целом, что облегчалось как особенностями традиционной социальной организации черкесов, так и ее глубоким кризисом, вызванным русским завоеванием и махаджирством. Традиционная сословная иерархия была окончательно сломана в первые же годы русского правления, оставив лишь реликтовые проявления. Зависимые сословия (пшитли, унауты, оги, азаты — соответственно, крепостные, рабы и вольноотпущенники) освободились или были отпущены за выкуп в основной своей массе еще в последние годы войны, до официальной отмены крепостного права у кубанских горцев в 1868 г. Между бывшими хозяевами и невольниками иногда сохранялись отношения типа клиентелы, поддерживаемые в основном из-за первоначального отказа русских властей наделить землей из государственных фондов бывших горских рабов. Это положение позднее было отменено и вызвало в ряде общин серьезные коллизии — бывшие крепостные оказались юридически равны своим бывшим хозяевам, оркам и тфокотлям.

С 1888 г. черкесские аулы были включены в регулярное административное деление Кубанской войсковой области практически на тех же условиях, что и казачьи станицы, исключая только важнейшую функцию казачества — воинскую службу. До 1912 г., а фактически — до создания в 1915 г. Дикой дивизии, «туземцы» отбывали воинскую повинность либо в качестве всадников нерегулярной горской милиции (с полицейскими задачами), либо уплачивая специальный денежный налог. Основная масса черкесов в ходе земельной реформы была наделена приблизительно такими же участками, что и казаки (средний паевой надел в 1917 г. — 6,8 дес. у черкесов и 7,6 дес. у казаков [Ратушняк 1989: 26]), в рамках сельской уравнилельно-переделельной общины.

Племенные образования исчезли у черкесов в ходе катастрофы махаджирства и уже не имели почвы для возрождения. Племенные различия сохранились, и то далеко не у всех черкесов, лишь в качестве культурно-лингвистических особенностей. Та же участь постигла и родовые патронимические объединения, в лучшем случае сохранившиеся в новых переселенных на равнину аулах в качестве названий кварталов. Общинные отношения оказались, во-первых, ограничены рамками аула, во-вторых, лишены всех архаических черт (включая и взаимоотношения с князьями-покровителями) и практически свелись к отношениям поземельным. Гражданский частнособственнический тип традиционной адыгской общины в новых условиях позволил провести заимствование казачьих общинных институтов настолько гладко и естественно, что эту кардинальную перемену не отметило не только большинство современников, но и исследователей последующих лет!

Вместе с казаками и иногородними крестьянами черкесы переходят к товарному производству пшеницы и даже ранее неизвестной ржи. Позднее некоторые аулы переориентируются на более доходный, но и более сложный в выращивании и первичной обработке табак. Многие домашние хозяйства продолжали и увеличивали производство на продажу традиционных ремесленных изделий (бурок, черкесок, сбруи, корзин). Быстро исчезли ремесла, ориентированные на аристократическое потребление — ювелирное и оружейное. Ремесла же, связанные с крестьянским бытом, процветали на том уровне сельского рынка, который оставался практически непроницаем для промышленных товаров. Домашние ремесла выжили в полуподполье даже после насильственной коллективизации и сохранились до начала 1950-х гг., а отдельные их виды получили новый импульс с развитием туризма (например, продажа вязаных свитеров из неокрашенной шерсти).

По мнению наиболее авторитетных специалистов [Джимов 1986, 1972; Ратушняк 1989], развитие аграрного капитализма в черкесских аулах если и отставало по темпам от аналогичных процессов в казачьих станицах, то ненамного. По уровню доходов на домохозяйство черкесские крестьяне смыкались с русскими. Документальные свидетельства о «горской нищете», встречающиеся у дореволюционных авторов и обильно цитируемые некоторыми советскими историками, основаны на субъективных и культурных особенностях восприятия элементов традиционного быта черкесов. Глинобитные, крытые камышом хижины, с открытым очагом и дымарем в крыше вместо трубы и окон, почти полное отсутствие мебели, скрипучие неуклюжие арбы, отсутствие садов, делавшее аулы голыми в сравнении со станицами, повалившиеся плетни вместо заборов — все это в сумме рождало преувеличенные представления о бедности горцев.

Черкесы оставались сельским народом. В городах можно было встретить только частично или полностью ассимилированных представителей горского дворянства и буржуазии, а также немногочисленных деклассированных черкесов, порвавших или потерявших связь с аулом. Культурно-лингвистический барьер способствовал замыканию горцев в пределах аулов. Отсюда — преобладание сельской пауперизации разорявшегося сельского населения вместо урбанизации и пролетаризации, несмотря на промышленный бум начала XX в., связанный с инфраструктурным строительством и нефтяной лихорадкой в районе Майкопа по-

сле 1909 г. В Майкопе, современной столице Адыгейской АО, в 1905 г. насчитывалось 35 754 жителя, из них всего «89 горцев и других инородцев» [Фарфоровский 1910: 62].

Главной задачей царского правительства на Кавказе после завершения войны было достижение стабильности в регионе. Никаких особых целей колониально-эксплуататорского характера, вопреки господствующему в советской историографии мнению, выделить невозможно. Искусственно спровоцированные катастрофические для черкесов (впрочем, и для многих первопоселенцев) этнодемографические сдвиги были вызваны именно стремлением стабилизировать новоприобретенные окраины империи любой ценой — с тем, чтобы иметь возможность забыть о них.

Здесь нет места разбирать сложнейшую и запутанную эволюцию имперской административной политики по отношению к черкесам, поэтому ограничимся общим обзором ее последствий для черкесских элитных групп.

Объективно русская администрация совершила демократические перевороты, разрушив при этом и саму племенную структуру. Горские князья потеряли связь с аульскими общинами и быстро утратили все свои традиционные прерогативы, связанные с управленческими, судебными и перераспределительными функциями. Освобождение зависимых сословий, ликвидация традиционной дани и тем более доли в военной добыче и прибыли от торговли на дальние расстояния, плюс монетаризация и радикальное изменение стандартов образа жизни господствующих сословий привели едва ли не ко всеобщей маргинализации князей.

Терско-кубанская сословная комиссия, созданная в 1869 г. для урегулирования вопросов нивелировки прав и привилегий высших горских сословий и российского дворянства, довольно непоследовательно, с волокитой и скандалами, к 1888 г. включила в состав высшего сословия империи 2 585 представителей кубанских горцев [Джимов 1986: 139]. Это были в основном султаны татарского происхождения, с XVIII в. приравняемые к российским дворянам, и пши, за которыми сохранялся княжеский титул. Без сохранения титула были признаны права группы высших орков — тлекотлешей и деженугов.

Большинство орков и остатки неэмигрировавшей олигархии тфокотлей были низведены до юридического статуса горских крестьян и включены в общину на общих правах, что, естественно, вызвало значительное недовольство и внесло в новую сельскую общину структурный конфликт, который можно проследить вплоть до революции. Борьба между орками и тфокотлями за преобладание внутри аулов последний раз отмечается в период коллективизации. По рассказам некоторых старожилов, потомков орков плебеи-тфокотли вычищали из различных выборных органов, естественно, с формулировкой «кулаки» и «классово чуждые элементы», скрывавшей реликтовый характер конфликта.

Земельная реформа, начатая русскими властями в конце 1860-х годов и затянувшаяся в некоторых районах Адыгеи до начала XX в., предоставляла «владельческим фамилиям», т. е. пши и султанам, формальные права на некоторые их бывшие вотчинные земли. В результате образовались латифундии, площадь которых насчитывала тысячи десятин. Ряду высших орков предоставлялись поместья по офицерским нормам, площадью в несколько сот десятин. Кроме того, в Адыгее было роздано около двухсот офицерских пожалований чинам русской армии, участвовавшим в Кавказской войне, среди них — многим черкесам.

Большинство латифундий поменяло хозяев уже в 1880-х гг. Как правило, горские аристократы, получившие русское дворянство, были не в силах быстро адаптироваться к жестким условиям, диктуемым включением Северного Кавказа в мировую систему капитализма. Латифундии закладывались, сдавались в аренду, продавались частями. Сыновьям князей обычно не оставалось иного пути, как воспользоваться своими сословными правами для поступления в привилегированные военные училища.

Наиболее жизнеспособными оказались относительно небольшие по площади хозяйства, владельцами которых были либо отставные черкесские офицеры и прапорщики милиции, либо купцы из числа черкезо-гаев, т. е. представители групп культурных билингв по преиму-

ществу. Землю приобретали и черкесские мусульманские иерархи, освобожденные от налогов как лица духовного звания, что делало для них особенно выгодной сдачу земли в аренду.

Почти все черкесские помещики были абсентеистами, чьи связи с основной массой черкесского населения были весьма опосредованы. Фактически вместе с городской черкесской буржуазией и интеллигенцией (представленной буквально считанными именами) они составляли особую этническую подгруппу российских господствующих классов. Некоторые аристократы черкесского происхождения ассимилировались вплоть до утраты языка и перехода в православие. Черкезо-гаи «расчеркешивались» даже в двух направлениях одновременно — русифицируясь и восстанавливая армянскую идентификацию (выписывались армянки-невесты, учителя, священники — ведь армянского черкезо-гаи не знали).

Переходным мостиком между аулом и городом служили полумаргинальные интеллигенты, выходцы из крестьян, сумевшие получить образование и специальность — обычно учителя, фельдшера, землемера или сельского коммивояжера. Из этой среды вышли многие адыгские просветители так называемого третьего поколения (по традиции первым поколением считаются некоторые пишущие черкесские аристократы на русской службе в период Кавказской войны, вторым — первые горские интеллигенты пореформенного периода, третьим — буржуазные и маргинальные интеллигенты первой трети XX в. [Избранные произведения адыгских просветителей...]). У этих людей, выдвинувшихся в качестве идейных и политических лидеров в годы революции, нередко были очень причудливые биографии. Например, большевистский мученик и герой Адыгеи Мос Шовгенов происходил из аула Шащефыж (букв. «выкупленные головы»), где после освобождения поселились бывшие крепостные армавирских черкезо-гаев. Видимо, при помощи бывшего хозяина ему удалось получить образование и отправиться в Америку, где он три года работал на заводах в Чикаго и вернулся на Кубань техником по сборке сельхозмашин в представительстве американской фирмы в Армавире.

Почти американская по фабуле биография у самого известного черкесского промышленника Л.Н. Трахова. Тфокотль из расположенного неподалеку от Екатеринодара аула, он сделал себе состояние на сбыте строевого леса в городе, переживавшем строительный бум. Уникальной особенностью Л.Н. Трахова можно считать то, что он не вложил деньги в какое-либо традиционное престижное дело — коневодство или покупку земли, а построил кирпично-керамический завод и стал одним из первых монополистов местного кубанского масштаба, причем в одной из наиболее прибыльных отраслей. Трахов оставил Краснодару несколько самых красивых зданий в историческом центре города, в одном из которых с некоторыми моральными основаниями в 1922–36 гг. размещалось адыгейское областное правительство. Сын самоучки Трахова, Р. Трахо, уже был известен как один из лидеров горского автономизма и эмигрантский историк.

Биография Л.Н. Трахова исключительна. Однако фактом остается то, что в 1917 г. в черкесских аулах насчитывалось около 600 лавочников — профессиональная торговля была полной новацией для адыгов. Совокупный торговый оборот некоторых крупных аулов измерялся в сотнях тысяч рублей. В 1912 г. в несколько аулов был проложен телефонный кабель, открывались отделения банков и телеграфа, росла мелкая сельская промышленность. (Правда, необходимо учесть, что в ряде аулов жили иногородние арендаторы и купцы).

Внутри аульской общины выделялась имущая верхушка, однако нет никаких исследований, авторы которых ставили бы задачу проследить преемственность тенденций к консолидации олигархии тфокотлей в конце традиционной эпохи и выделения «кулачества» в период включения Адыгеи в мировую капиталистическую систему. Вероятно, бывшим оркам не удавалось реконсолидировать свое положение — русские власти в первые годы после покорения Кавказа сознательно лишали власти бывших аристократов «относившихся весьма враждебно ко всем реформам в быту горцев и не исполнявших распоряжения начальства», по выражению документа тех лет [Джимов 1986: 107]. Взамен предписывалось избирать «стар-

шин народного происхождения». Эти новые низовые власти (позднее приравненные к станичным атаманам у казаков) обладали достаточной властью и возможностями для консолидации своего особого положения в общине, причем легитимация этих старшин носила тройной характер — имперско-государственный, исламский и традиционный. О прочности этого сплава можно судить по тому факту, что большевикам после всех потрясений гражданской войны и борьбы с бело-зеленым бандитизмом потребовалось еще десять лет и коллективизация, чтобы подорвать позиции аульских «стариков».

* * *

На революции 1917 г. черкесы первоначально реагировали очень слабо. Часть генералитета и некоторые высшие аристократы черкесского происхождения вполне закономерно выступили с консервативных сословно-монархистских позиций — подобно русской высшей дворянско-чиновничьей аристократии, этот социальный слой имел очень мало шансов на сохранение при переходе от сословной к буржуазно-демократической классовой стратификации. Большинство же урбанизированной черкесской элиты на собрании, состоявшемся 8 марта 1917 г. заявило о поддержке Временного правительства и о том, что горцы «не стремятся к какому-либо особому краевому выделению или автономии». В августе 1917 г., когда кризис бывшей империи достаточно углубился, на съезде горских представителей в ауле Хакуринохабль (ныне Шовгеновский) при отчаянном сопротивлении пока еще незначительной группировки автономистов было заявлено о полной поддержке политической программы казачьей верхушки Рады [Гольдентул 1924: 55].

Главным вопросом, вокруг которого разворачивалась вся гражданская борьба на Кубани в 1917–18 гг., был вопрос о сословном землевладении. Теоретически верховным земельным собственником в области выступало казачье войско, однако земельные пожалования царского правительства и отчуждения земель иного рода при постоянном демографическом приросте казачьего населения привели к серьезному сокращению средне-душевого пая. Это подрывало хозяйственную базу казачества как военно-земледельческого сословия и воспринималось его основной массой как вопиющая социальная несправедливость, «оскудение казачества». Противоречие, собственно, состояло в стремлении самодержавного государства и значительной части самого казачества противопоставить сословность объективной тенденции к классовой стратификации, сопровождавшей развитие аграрного капитализма на юге России.

Нечто подобное происходило и с черкесами. Реально средний надел на душу населения в Адыгее к весне 1917 г. составил около 3 дес. у казаков, 2 дес. — у черкесов и 1 дес. — на иногородних крестьян. Показатели земельной дифференциации у черкесов были относительно невелики (как и у казаков, особенно «куренной», украиноязычной их части) — 15,8 % населения аулов владело приблизительно 30 % обрабатываемых земель [Очерки истории Адыгеи. Т. 2. 1981: 12]. Казачьи и черкесские демократы видели свою задачу в том, чтобы вернуть в общинный оборот государственные и помещичьи земли. При этом, однако, совершенно не принимались в расчет интересы иногороднего крестьянства, рассматривавшегося обеими коренными группами населения как пришлое и потому имеющее право на обработку земли лишь через посредство аренды у местного населения. Это создавало хроническую «дикую национальную рознь» [Емиж 1972: 306], с конца лета 1917 г. выливавшуюся в стычки и межевые споры между черкесами, казаками и иногородними в марте 1918 г. приведшую к кровавому разгрому многих аулов красногвардейскими отрядами из некоторых станиц и иногородних сел [См., например: Раенко-Туранский 1927: 73–80]. Репрессии революционных отрядов против горцев проводились под предлогами поиска агитаторов Кубанской Рады, бывших офицеров Дикой дивизии, реквизиций скота и продовольствия и изъятия оружия.

Черкесы Закубанья в целом пассивно отнеслись к гражданской войне, хотя район Майкопа и Екатеринодара благодаря высокой концентрации иногороднего населения весной-

осенью 1918 г. превратился в очаг формирования мощной красноармейской партизанской группировки (так называемой Филипповской армии и ряда других революционных ополчений), а вооруженные отряды различной политической ориентации пытались использовать предгорья для создания повстанческих баз. Случаи вступления черкесов в Красную армию буквально единичны. У белых в разное время воевало несколько тысяч черкесов, в основном в сводных казачье-горских отрядах генералов Султана Каплан Гирея и Султана Келеч Гирея и у С.Г. Улагая. Основные типы мотивации участия черкесов в гражданской войне — далеко не политические. Это либо личная преданность командирам у ветеранов первой мировой войны из Дикой дивизии, либо месть за разгром аулов, причем месть с сильной традиционалистской окраской — красногвардейцы, требуя выдачи скрывавшихся в аулах казачьих лидеров, расстреливая стариков или отбирая кинжалы, совершая преступления против традиционного комплекса чести, и автоматически делались кровными врагами.

А.И. Деникин описал психологическое состояние аулов к началу гражданской войны в типичных для своего времени выражениях: «Их элементарный разум воспринимал все внешние события просто: не стало начальства — пришли разбойники (большевики) и грабят аулы, убивают людей. В их настроении нельзя было уловить никаких отзвуков революционной бури: ни социального сдвига, ни разрыва со старой государственностью, ни черкесской самостоятельности. Был страх, и было желание вернуться к спокойным мирным условиям жизни. Только» [Деникин 1989: 69].

Деникин, выступающий в своих мемуарах почти объективным наблюдателем, прежде не выказывал этих качеств в своей практической деятельности на посту главнокомандующего «Добровольцев» ВСЮР. Его конфликт с казачьим населением Кубани и военные действия против горских автономистов затронули и черкесов. Черкесские политики были единодушны в стремлении к установлению стабильной государственной власти взамен рухнувшей имперской системы, противоречия же начинались в основном при выборе ориентации — на независимую Горскую республику в границах 1800 г., Турцию, казачью Раду, державы Антанты или большевиков, которые к 1920 г. многими кавказцами воспринимались скорее уже как наиболее последовательные представители российской государственности, нежели революционеры.

Советская власть была окончательно установлена в Адыгее весной 1920 г. Бело-зеленое повстанчество действовало в горах до 1922 г., но в основной массе это были остатки казачьих отрядов. Черкесское абречество цвело в обстановке всеобщей нестабильности, не принимая при этом политического характера.

Большевики сумели навести порядок к лету 1922 г. при помощи очень жестких, порой циничных мер против повстанчества и абречества (к примеру, широко практиковался захват родителей в качестве заложников) в сочетании с экономическими механизмами начавшегося периода НЭПа. (Один из информантов приводит слова своего деда: «Тут всем стало ясно, что с этой властью шуток не шутят».) Но потребовалось еще десятилетие, чтобы ликвидировать основные структуры горского общества, сформировавшиеся в период господства в Адыгее Российской империи и мировой капиталистической системы.

* * *

Рассмотрение стратегических задач большевиков на Кавказе в период создания Советского государства выходит за рамки данной работы, поскольку данная проблема в силу своей сложности нуждается в особой концептуальной проработке. В порядке предварительных соображений можно сказать следующее: большевики боролись не просто за обеспечение своей власти, как считают эмигрантские историки Северного Кавказа — для такой относительно простой задачи их усилия выглядят чрезмерными; большевики настойчиво и последовательно трансформировали сам общественный уклад горских народов, уничтожая не только элитные группы (как казалось многим большевикам), но и общественную структуру в целом.

После покорения Кавказа власти Российской империи сделали максимум от них зависевшего для унификации общественных отношений на новоприобретенных территориях с уровнем пореформенной России. Большевики делали то же самое, но на качественно ином уровне, соотносящемся с так называемой «колониальной» политикой самодержавия, как царская каторга и ссылка со сталинским ГУЛАГом.

В разных вариациях в документах 20-х годов постоянно фигурирует мысль о том, что сложность большевизации Адыгеи и Кубани в целом проистекает из «абсолютного преобладания многочисленных мелких собственников», чья собственность обусловлена при этом сословно-общинными привилегиями. В отличие от русской деревни, «пережившей кровавый раскол еще в 1918 г.», казачьи станицы и тем более горские аулы и после завершения гражданской войны сохранили относительную социальную монолитность, поэтому большевики не имели никакой серьезной и адекватной себе социальной прослойки, способной выступить проводником революции внутри станицы и аула.

Белогвардейское командование Добровольцев (ВСЮР) в период гражданской войны, исходя из стремления восстановить довоенный «статус кво», тем самым по большинству наиболее острых политических вопросов сумело занять наилучшие из возможных позиций. Земельная реформа, обещанная бароном Врангелем в период высадки на Кубань крымского десанта летом 1920 г., была слишком запоздалой и половинчатой. Частновладельческие земли, служившие основным объектом споров, были сходу экспроприированы большевиками и начали передаваться местному трудовому населению. За иногородними арендаторами была закреплена фактически обрабатываемая земля. Надо отметить, что и продразверстка первое время не превышала деникинских налогов и военных реквизиций — но уже в 1921 г., в ходе сбора чрезвычайной помощи голодающим Поволжья, начались локальные восстания. Пока же, как писал Ленин, казаки «увидели, что большевики хотя народ и строгий, но все-таки с ними лучше. В результате Врангель полетел с Кубани» [Ленин. Т. 41: 358].

В 1920–22 гг. большевики действовали на Кубани как военно-государственная сила, которая в отличие от 1918 г. опиралась не на стихию энтузиазма иногородних крестьян и нестойкие отряды молодых казаков-фронтовиков, а на диктаторскую систему ревкомов. Даже если на местах возникали или воссоздавались советы образца 1918 г., они либо распускались, либо полностью подчинялись ревкомам, назначаемым командованием Красной Армии. В то же время, кровавый опыт гражданской войны удерживал большинство населения в состоянии выжидательного нейтралитета по отношению к новой сильной власти, умевшей сочетать «каток красного террора» (как выразился в 1922 г. член Кубчерревкома т. Эпштейн) с социальными компенсаторами (напомню: с 1920 г. началась земельная реформа, во второй половине 1921 г. стали ощущаться первые меры НЭПа).

Адыгея представляла для революционной диктатуры значительную потенциальную опасность — гористый район с выходом к морю был словно создан для повстанчества, а новая власть могла рассчитывать в тех местах лишь на лояльность иногородних поселенцев, что, в свою очередь, было чревато втягиванием ее в местные сословно-национальные конфликты. Аул оставался непроницаем. Для овладения горским населением большевиками была использована стратегия, которую можно назвать «холодной гражданской войной». Ее трагической кульминацией и финалом стала коллективизация, на Кубани принявшая размах настоящего антикрестьянского геноцида.

В Адыгее, как и повсюду, новая власть начала с земельной реформы, в ходе которой было экспроприровано 41 помещичье хозяйство (из них 22 принадлежали черкесам) и выселено какое-то количество русских кулаков и иногородних — пока только за Кубань, на «освободившиеся казачьи земли». Дополнительные участки прирезались в основном иногородним, поскольку при слабости революционного влияния в аулах новые участки, как опасались большевики, могли укрепить положение зажиточной верхушки. В то же время, постоян-

ные требования иногородних наделить их землей за счет «контрреволюционных азиатов» ставили ревкомы в двусмысленное положение.

Большевики искали контакта с сохранившейся частью горской просветительской интеллигенции, хотя если это и удавалось, то основой сотрудничества было взаимное недопонимание. Мусульманская секция Кубаночерноморского облревкома, просуществовав с 8 апреля по 11 августа 1920 г., была распущена как «не давшая ничего, кроме пропаганды панисламизма» [Раенко-Туранский 1927: 104]. Созданная взамен мусульманской Горская секция облревкома, несмотря на руководство абхазского большевика Нестора Лакобы, отличилась принятием 29 декабря 1920 г. решения о сохранении ряда норм шариата в повседневной жизни горцев при общем признании юрисдикции РСФСР. Показательно, что предлагалось сохранить те разделы традиционного права, в которых речь шла о земельной собственности, правилах торговли, правах наследования, т. е. противоречащие политике военного коммунизма. И горскую секцию постигла массированная чистка под предлогом «засорения» ее состава такими людьми, как брат генерала Султана Келеч Гирея.

В августе 1922 г. была создана Адыгейская автономная область. В 1922 г. адыгейцы проживали несколькими очагами — 32 аула в районе Краснодара, 13 — в районе Майкопа, и еще 9 шапсугских аулов на побережье между Туапсе и Сочи. Для последних в 1923 г. был выделен Шапсугский национальный район, упраздненный в мае 1945 г. [Бугай, Джимов 1989: 217]. В 1936 г. Адыгейская АО претерпела «укрепление» за счет передачи ей нескольких чисто русских районов и города Майкопа в качестве областного центра (ранее аппарат АО размещался в Краснодаре). Можно лишь гадать, был ли в том маккиавелианский умысел Сталина, но в итоге адыгейцы, составлявшие при создании области более 60 % ее населения, сегодня составляют лишь 22 %, а их столица Майкоп — почти на 90 % остается неадыгейским городом.

Первым вошедшим в историю лидером Адыгейской АО был Шахан-гирей (он же Степан) Хакурате. Выходец из «средняцкой крестьянской семьи», как пишут официальные биографы, он сумел получить фельдшерское образование. В 1903 г. еще учеником вступил в ячейку Украинской (!) революционной партии (УРП), созданную в одном из аулов братьями Заёма, давно жившими среди горцев иногородними поселенцами, впоследствии ставшими большевистскими руководителями. В РКП(б) Хакурате вступил лишь в 1920 г., но быстро выдвинулся на исполкомовской работе. Это был первый и во многом типичный горский партвыдвиженец в Адыгее. Энергичный и, несомненно, умный человек, Хакурате терпеливо строил свою власть в Адыгейской АО при помощи патерналистских методов. Он был не чужд широкого жеста в духе «черкесской чести», в то же время умел ладить с русским партийным руководством. Выдающимся достижением Шахан-гирея Хакурате, видимо, следует считать стремительное проведение коллективизации, в результате чего Адыгея стала первой во всем Советском Союзе областью сплошной коллективизации сельского хозяйства, удостоилась наград, что, как до сего дня верят многие люди, спасло адыгейцев от геноцида, обрушившегося на кубанское казачество.

Хакурате умер преждевременной, но видимо своей смертью в 1936 г. и с потрясшей современников пышностью был похоронен на главной площади Краснодара, на месте бывшего войскового собора, чтобы уже через несколько дней ночью быть вырытым в связи с раскрытием НКВД «националистического заговора».

«Холодная гражданская война» в ауле велась на фоне умеренных в сравнении с последующим десятилетием репрессий через разного рода кампании — от сбора продналога до ликвидации неграмотности. (С неграмотностью возникали особые сложности — дело в том, что адыгские просветители в разное время предпринимали минимум десятков попыток создать адыгский алфавит на основе арабской графики. До 1927 г. в Адыгее использовался один из таких алфавитов, но беда состояла в том, что преподавать его или читать выходящие в переводе работы Маркса и Ленина в аулах могли лишь мусульманские священнослужители.)

тели-эфенди. С 1927 по 1938 г. вводился латинский алфавит, в конце концов замененный русской графикой. Адыгские языки обладают удивительным разнообразием согласных и сложнейшей фонетикой, плохо передаваемой всеми предлагавшимися алфавитами. Кроме того, существует множество диалектов — Аскер Евтых в одном из своих романов рисует забавную картину принципиального спора между адыгскими партработниками, обсуждающими диалектные варианты перевода союза «и» в очередной речи Сталина. Грамотность на адыгейском, никогда не имевшая реальной сферы функционирования, оставалась формальной. В 1962 г. в Адыгее развернулась кампания по переводу национальных школ на русский язык, осуществлявшаяся не только под лозунгом «слияния наций и народностей» в преддверии коммунизма, но и при активной поддержке населения — национальные школы давали очень низкий уровень общего образования и мало шансов на продолжение учебы в городах. Только в последние два года интеллигенция Майкопа начала высказываться за развитие адыгейского языка как государственного, но это пока скорее лозунг. Переход на родной язык грозит серьезными неприятностями самой русифицированной интеллигенции и управленцам, не говоря уже о реакции преобладающего в Адыгее русского населения.)

Задачей кампаний «за переустройство горского быта» 20-х годов было формирование в аулах групп, противостоящих общине и связывающих свои надежды с советской властью. Большевики пытались уподобить социальную структуру горского аула трехчленному делению русской деревни на кулаков, середняков и бедноту. Во многом искусственное и в центральных областях России, это деление тем более было чуждо тому типу общины, который сложился у казаков и горцев за годы включения в капиталистическую миросистему. Аул в 20-е годы имел консолидированную верхушку, но, насколько можно судить, статусным показателем выступал не только имущественный уровень. Дифференциация по имущественному признаку была относительно слаба, сохранялись докапиталистические общинные представления и ценности, даже укрепившиеся в результате конкретно-исторического пути превращения Адыгеи в периферию мирового капитализма. Даже местные большевистские лидеры говорили чаще не о сопротивлении кулаков, а о «власти стариков и мулл». Поэтому объективно стоявшая перед революционерами задача уничтожения старых форм социальности решалась в значительной степени за счет «борьбы с предрассудками», позднее — «культурно-национального строительства».

Первые годы Ш.-Г. Хакурате приходилось лавировать между своим большевистским руководством, небольшой, но сохранившей влияние группой национальных интеллигентов-просветителей и аульской верхушкой. Он откровенно признавал это в выступлении на I Адыгейской облпартконференции в ноябре 1925 г.: «В 1921–22 гг. мы не могли влиять на выборы в черкесских аулах и ориентировались исключительно на мулл и стариков... Бедняков и середняков не было даже в первом составе областного исполкома» [Цит. по: Кубов 1972: 88].

Первой важнейшей кампанией большевиков в Адыгее была земельная реформа (землеустройство), которая в основном сохраняла общинные принципы землепользования за исключением важной новации — пай начал нарезать и на женщин. Землеустройство «буксовало в 1923–24 гг. из-за бандитизма и коррупции на местах» [Лихницкий 1931: 85], поэтому по ходатайству Адыгблсполкома перед ВЦИК было проведено в аулах принудительно. К проведению землеустройства была привязана кампания по созданию Комитетов крестьянской взаимопомощи (ККОВ), призванных стать противовесом и полюсом притяжения внутриаульской оппозиции местной верхушке. Без доступа к архивам и без широкого опроса стариков можно только догадываться, кто конкретно становился активистами ККОВов, курсов политграмоты, сельских партъячеек и прочих «рычагов партийного влияния».

Более ясна картина с кампаниями за эмансипацию адыгейских женщин — в нее постепенно начали включаться не только жены совпартработников, но и представительницы традиционно маргинальных половозрастных групп — пожилые женщины, брошенные мужьями жены и особенно молодые вдовы, плюс девушки, не желавшие быть выданными замуж про-

тив воли. (С 1921 г. за умыкание невест грозил расстрел.) Участие в женском движении давало материальные выгоды: например, в ходе кампаний «Пальто — горянке!» активисткам было подарено большое количество женской теплой верхней одежды городского покроя. (Адыгейки не имели традиционных аналогов пальто и зимой редко покидали дома, что препятствовало им, по мысли властей, посещать политпросветовские мероприятия. Отсюда — кампания, сочетавшая борьбу за освобождение женщин с материальными стимулами.)

Впрочем, степень забитости и общественной пассивности горянок преувеличивалась пропагандой. В период коллективизации именно адыгейские женщины, как и казачки, оказали наиболее упорное невооруженное сопротивление: в 1930 г. по всей области прокатилась волна женских бунтов. Из аула Тахтамукай на Краснодар двинулась колонна протестующих женщин, с трудом рассеянная милицией и войсками. Этот аул разделил трагическую судьбу 32 казачьих станиц, население которых было «занесено на черные доски» (полная торговая блокада, комендантский режим, штрафные хлебозаготовки) и вскоре выселено в Казахстан и Сибирь. Тахтамукай переименовали в аул Октябрьский.

Создание после 1922 г. советов и партячеек в аулах открыло канал социальной мобильности, противопоставленный общинным механизмам. Через специальные горские отделения совпартшкол Краснодара, Ростова и других северокавказских городов прошли будущие нацкадры, стремительно продвигавшиеся по службе в соответствии с политикой выдвиженчества и «коренизации» управления. (Впрочем, после 1929 г. эту группу ожидало прохождение через настоящую мясорубку.)

Несмотря на заманчивые карьерные перспективы, желающих вступить в партию и попасть на эти курсы первоначально было не так уж много. Когда осенью 1924 г. был объявлен специальный «Ленинский призыв» в партию среди горцев Кавказа, при резком ослаблении уставных требований — принимали даже неграмотных — в Адыгее было принято всего 18 кандидатов «коренной национальности» [Кубов 1974: 19]. Кампании «критики и самокритики», переросшие к концу 20-х годов в массовые партийно-государственные чистки, предвзвешившие коллективизацию, привели к постоянным колебаниям численности новой выдвиженческой элиты, однако общая тенденция количественного роста этой категории была налицо. Преобладала молодежь, причем ко времени коллективизации сформировалась прослойка молодых активистов, чей период социализации уже полностью приходился на годы советской власти и частично протекал вне аулов — учеба, служба. Эти люди и составили основную массу выдвиженцев следующего десятилетия.

Тем не менее, до завершения коллективизации прослойка выдвиженцев группировалась лишь вокруг районных органов власти, оставаясь маргинальной в ауле, где до создания колхозов отсутствовала адекватная их природе хозяйственная и властная структура. Влияние стариков и эфенди к 1930 г. если и перестало быть в ауле всеохватывающим, все же оставалось явно преобладающим. Более того, эта консервативная социальная группа оказалась весьма адаптабельна. В конце 20-х годов ислам переживал в Адыгее краткое возрождение и какую-то важную трансформацию — партийные документы полны озабоченности по поводу роста влияния эфенди и повсеместного строительства женских мечетей, что было своеобразным ответом на большевистскую эмансипацию. Последним известным актом горского духовенства стало распространявшееся в 1930 г. воззвание с требованием прекратить коллективизацию и культурную революцию и призывом к Папе Римскому (!) взять под свою опеку мусульман Северного Кавказа [Аутлев 1974: 137]. Вскоре все немногочисленное духовенство Адыгеи наряду с наиболее непримиримыми аульскими старейшинами было выселено из области, где объявляется «полная победа атеистического мировоззрения». До сего дня в 1989 г. в Адыгее нет ни одной мечети и ни одного легального священнослужителя.

Официально Адыгея полностью и окончательно завершила коллективизацию 10 января 1931 г. К этому времени «кулачество» области считалось уж ликвидированным. Только в районе Майкопа в ходе коллективизации было уничтожено 35 вооруженных групп «кулаков»

[Очерки истории Краснодарской организации КПСС... 1976: 348]. Появление настоящих повстанческих отрядов в этот период уже сомнительно, но не вызывает сомнения направленность и масштаб военных и милицейских репрессий.

В 1930 г. на руководящую работу в Адыгее было выдвинуто 175 комсомольцев. В областном аппарате в 1930 г. работало 89 адыгов (9,5 %), в 1931 — уже 193, или 18,3 %, причем все они были «вовлеченными в работу сов. органов выдвиженцами, ... выросшими в борьбе с классовым врагом» [Кубов 1972: 93]. В низовых эшелонах резко увеличившейся, охватившей все общество властной структуры коренных кадров отчаянно не хватало — их временно заменяли (и контролировали) «25-тысячниками» из Краснодара и Ростова, русскими активистами из иногородних хуторов, даже студентами и демобилизованными красноармейцами.

Разрушаемая община и ее доминирующие группы пытались приспособиться к навязываемой колхозной системе, адаптировать ее, превратить в фасад. Чтобы окончательно развалить старые формы общинной социальности потребовалась еще серия катастрофических кампаний — «большевистский сев» 1930 г. и хлебазаготовки этого и последующих годов, особенно страшных 1932 и 1933 гг., когда руководство объединения «Экспортхлеб» выносило специальную благодарность руководству Адыгейской АО за значительное (на 40–50 %) перевыполнение планов поставок, а в аулах пухли дети, сажали за воровство горсти кукурузы, засыпанной за голенище сапога. До 1934 г. продолжались чистки колхозных правлений от проникшего в них «кулацкого элемента», распускались целые низовые партийчейки и даже райкомы, в которых, по выражению передовиц краевой печати, «обильно произрастал правый уклон на тучном кубанском кулацком корне». Беспощадно преследовались мусульманские проявления, попытки апеллировать к адатному праву — наказания ужесточились до предела.

Анализ положения элитных групп Адыгеи в 1930-е гг. объективно сложен из-за принципиальной нестабильности сложившегося в предвоенные годы социального устройства. Машина подготовки выдвиженцев работала в лихорадочном темпе, не успевая перекрывать убыль от репрессий. После смерти Шахан-гирея Хакурате в течение двух лет была репрессирована едва ли не поголовно вся верхушка области — начиная с дореволюционной формации интеллигентов-просветителей, самого торжественно погребенного адыгейского выдвиженца № 1 и его наследника на посту главы областной парторганизации, украинца А.В. Мовчана, до секретарей и инструкторов райкомов, общим числом более 200 человек. Большинство проходило по процессам «правых» и «контрреволюционной буржуазно-националистической организации», многие были осуждены с формулировками «за нежелание участвовать в борьбе с врагом» [Адыгейская правда. 1989. 27 апреля]. Только в 1933–34 гг. областная парторганизация сократилась на 965 человек (16,9 %), в 1935–37 гг. выявлено в ходе искоренения троцкистских заговоров еще 1074 чел. [Кубов 1974: 48, 51].

Численность нацкадров, несмотря на репрессии, неизменно росла. Выдвиженцев готовили начиная с низового уровня курсов учетчиков и нормировщиков при МТС (достаточно почитать некоторые честные романы о колхозной жизни, чтобы оценить власть, которой пользовались эти надсмотрщики) и до партшкол Краснодара, Ростова, КУТВа в Москве. Только Адыгейскую совпартшколу в 1923–36 гг. окончило более 800 человек. И, тем не менее, партийные конференции 30-х годов периодически констатируют «развал административно-хозяйственных структур» области, особенно на уровне колхозов и местных советов. Очевидно, что репрессии или «вредительство» лишь частично могут объяснить причины этого хронического развала. Крайне низкая квалификация и рудиментарное образование, полурусское и полуадыгейское, были абсолютно типичны для довоенных выдвиженцев. С середины 30-х годов проблему начали решать путем отказа от просветительских экспериментов 20-х годов, и адыгейский становится в 1934/35 учебном году лишь одним из школьных предметов и языком начальных классов [Очерки истории Адыгеи... Т. II. 1981: 133]. До 50-х годов на руководящих постах в Адыгее, несмотря на периодическое «рассмотрение вопроса» о ко-

ренизации на «различных уровнях», фигурируют либо русские и украинцы, либо чисто декоративные адыгейцы, типа спившегося Н.Ц. Теучежа, сына получившего накануне войны громкую пропагандистскую славу «народного певца и сказителя» Цуга Теучежа, адыгейского аналога Джамбула и Сулеймана Стальского. Показательно, что после всех довоенных рапортов о подготовке «отрядов нацкадров», в 1951 г. Краснодарский крайком выносит постановление, в котором указывается на полную неудовлетворительность «работы по выращиванию нацкадров» в Адыгее и отмечается, что в автономной области «нет ни одного инженера или техника коренной национальности» [Нагучев 1983: 201].

Модель отношений внутри адыгейского аула в послевоенные годы, которую создал в своем романе «Улица во всю ее длину» Аскер Евтых, очень интересна, в частности, тем, что этот автор показал преемственность выдвиженческой элиты и старой аульской верхушки. Преемственность эта двойка — либо негативная, когда выдвиженцем становится бывший аульский пария, асоциальный тип, личный враг местных авторитетов; либо позитивна — председателем колхоза и деспотическим владыкой аула оказывается сын одного из бывших неформальных аульских старшин. Причем этот выдвиженец своим положением внутри аула оказывается во многом обязан своему престарелому, но сохраняющему силы и жажду власти отцу, местному серому кардиналу, запершемуся в традиционно обставленной мазанке позади огромного нового кирпичного дома своего сына. Вряд ли стоит возлагать большие надежды на то, что такого рода преемственность может быть прослежена по советским архивным документам, однако пока еще живо достаточное число людей, которые в новой политической ситуации готовы вспоминать аульскую жизнь тех страшных лет.

К началу второй мировой войны большевистский антикапиталистический эксперимент достиг своего пика, апогея антисистемности. На уровне Адыгеи это выразилось в следующем: были почти полностью оборваны связи с мировой капиталистической системой, сложившиеся в предреволюционный период (едва ли централизованные изъятия в пользу «Экспортхлеба» стоит рассматривать как связь с миросистемой); были ликвидированы социальные структуры черкесского общества, сформировавшиеся на базе традиционной сельской общины под воздействием включенности в миросистему; что же касается урбанизированных черкесских элит, то они исчезли в результате гражданской войны, а немногочисленные интеллигенты-просветители были вытеснены из управления к концу 20-х годов и репрессированы в 30-х. Какое-то количество потомков аристократических черкесских фамилий покинуло в 20-х годах Адыгею в надежде затеряться где-нибудь в России. Платой за спасение была ассимиляция. Такова, видимо, судьба Виталия Хусейновича Догужиева, нынешнего заместителя Председателя Совета Министров СССР, уроженца Донбасса, носящего адамиевскую тлекотлешескую (т. е. высшую оркскую) фамилию.

Кампании 20-х годов, направленные на искоренение «предрассудков», переформирование социальной иерархии аульских обществ по образцам русской деревни и создание «бедняцко-средняцкого актива» в качестве новой властвующей элиты следует признать мало успешным. Из всех автохтонных автономий Северного Кавказа Адыгейская АО наиболее тесно привязана к русско-украинскому культурно-хозяйственному поселенческому комплексу. Частичная ассимиляция казачьего уклада аульскими общинами облегчила до революции их включение в капиталистическую систему, а в 20-е годы позволила сопротивляться нововведениям советской власти. Потребовалась коллективизация и искусственный голод, чтобы разрушить эту общину. Только тогда Кубань и Адыгея начали приближаться к уровню десоциализации русской деревни.

Тем самым достигалась антисистемная однородность советского общества, служившая единственно адекватной большевистскому режиму средой функционирования. Создание на базе колхозов новой пирамиды власти и возникновение внутри коллективизированного аула иерархии властных статусов при общей десоциализации позволили оформиться новой элитной группой — выдвиженцам.

Первые поколения выдвиженцев олицетворяли собой негативность, антисистемность выдвигавшей и воспитывавшей их структуры. Это была «антиэлита», главным признаком принадлежности к которой была «беспощадная борьба с классовым врагом», сначала преимущественно внутри аула, затем — в аппарате. Административно-хозяйственные качества большинства выдвиженцев этой генерации можно охарактеризовать как «антипрофессионализм» (хотя были исключения на индивидуальном уровне, но такие люди были обычно крайне уязвимы в периоды репрессий). В силу своей принципиальной антисистемности эта элита не могла стабилизироваться. «Горение в борьбе» есть не просто поэтико-пропагандистский штамп, но буквальное описание нормального для этой антиэлиты состояния. Поскольку эта группа аморфна и изначально никак не структурирована (все — винтики, незаменимых нет, готовность работать везде, куда бы «ни послала партия» и т. д.), стабилизация ведет к распылению власти до предела, до «тепловой смерти» — до «застоя», другими словами. Верховная власть есть власть, а не статусная немощная синекура, лишь покуда сквозь тело господствующей элиты пропускаются гальванические разряды большой силы. Так было до 1941 г., но в период войны пришлось выбирать между антисистемной эффективностью (антиэффективностью) и способностью создать сопротивление внешней угрозе. Закономерный выбор второго спасал от смерти немедленной и, к счастью для нас, делал неизбежной «тепловую смерть» коммунистической системы.

После войны множество спасшихся выдвиженцев оказалось отработанным материалом — им оставалось либо попытаться повысить свой образовательный уровень и социальный статус, либо (чаще всего) удовольствоваться вытеснением на малозначимые должности, не требующие никакой квалификации. Завхозовские посты — вот типичный венец их карьеры.

Период немецкой оккупации Адыгеи, длившийся всего несколько месяцев, интересен с точки зрения элитного анализа как прорыв на поверхность латентного конфликта между старыми аульскими элитами и выдвиженцами. Несмотря на обилие и эмигрантской литературы, и произведений советских историков, посвященных Великой Отечественной войне на Северном Кавказе, основным источником информации по этому полузакрытому «заминированному» периоду остается устная традиция.

Вряд ли стоит ожидать многого от открытия архивов — и немецкая, и тем более советская стороны воспринимали конфликт в крайне превращенной идеологизированной форме. Отзвуки глобальной идеологизации и крайнего упрощенчества в странной смеси представлены в популярной ныне работе советского эмигрантского историка А.М. Некрича «Наказанные народы», строящего свою концепцию на чисто мифологической предпосылке об исламском антиимперском газавате горцев и «христианско-имперских» устремлениях Сталина. Достаточно сказать, что в этом случае кандидатами на выселение с Кубани были адыгейцы, но в Средней Азии, тем не менее, оказались кубанские греки.

Черкесский эмигрантский историк Р. Трахо оценивает численность черкесов и представителей других северокавказских народов, воевавших на стороне нацистов, в 28 тыс., в основном солдат и унтер-офицеров, но среди эмигрантов немцами были завербованы несколько офицеров и генералов, в том числе Султан Келеч Гирей [Трахо 1956]. Подробный разбор мотиваций вступления некоторых адыгейцев в национальные формирования войск СС выходит за рамки данной работы — ограничусь лишь констатацией вполне очевидного факта: естественный всплеск патриотизма перед лицом иностранного вторжения, формулируемый и развиваемый официальной пропагандой, был патриотизмом русским, с явной имперской и православной окраской. Для горцев, втянутых в апокалиптический водоворот этой войны, такой патриотизм был чужд до враждебности.

Немецкая оккупация, создавшая в ряде аулов на деле лишь обстановку безвластия вызвала на поверхность последние силы, связанные с аульской общинной верхушкой. В полиции, создававшейся во многом стихийно, преобладали старики и некоторые из раскулачен-

ных, которым удалось накануне войны вернуться из ссылки. Их деятельность была направлена на восстановление общинных институтов, дававших им власть, возвращение «награбленного колхозом» и сведение счетов с местными выдвиженцами, значительное число которых оказалось в партизанских отрядах.

Действовавшие на территории Адыгеи партизанские отряды сочетали в своем формировании принципы неподдельного патриотического самопожертвования, спонтанности и номенклатурной обязательности. Это были преимущественно русские по составу отряды, что отражало преобладание русских в партгосаппарате и демографическом составе автономной области. Командование состояло из местных партработников райкомовского уровня и начальства МТС, для которых партизанская война была очередной кампанией, как коллективизация или чистки. Боевые операции этих партизанских отрядов неизбежно тяготели к «рапортоской» показательности (обычно достигаемой взрывом мостов и поездов), при полном пренебрежении жизнью рядовых партизан. После войны ряд партийно-партизанских вождей разных уровней обрел непоколебимый статус организаторов героической кампании, хотя героизм часто был самоотверженной жертвенной компенсацией вопиющих военных просчетов.

После войны общинная верхушка более никак не проявлялась, хотя воспоминания об утраченном статусе, во многом мифологизированные и утрированные, ныне хранятся многими потомками реальных или воображаемых княжеских предков.

В послевоенный период адыгейская выдвиженческая элита вместе со всей советской системой вступает в полосу стабилизации и роста. В 50-х – начале 60-х годов происходит переформирование выдвиженческой элиты и ее внутреннее структурирование. Пропуском в элиту теперь становится высшее образование и даже наличие ученой степени — пусть совершенно формальной, профанируемой, но резко отличавшей статусные признаки послевоенных выдвиженцев от полуграмотных героев коллективизации, пропущенных через ускоренные курсы совпартшкол. Статусно-географические изменения происходят в системе воспитания партийной элиты — понятие «центр» переносится с провинциальных столиц Северного Кавказа (Краснодара, Ростова) на Москву, что в 70-е годы выльется в академические диспуты по поводу повышения юридического статуса автономных областей и их переподчинения непосредственно Москве. В годы перестройки это уже станет официальной программой адыгейской парторганизации [Хут 1977]. Соответственно, наибольшие карьерные шансы получают кадры, прошедшие через московские ВПШ и АОН.

В 50-е годы начинается разделение выдвиженческой элиты на субгруппы — собственно «партократию», хозяйственников, (среди которых выделяется влиятельная категория председателей колхозов) и высшую интеллигенцию (члены творческих союзов, преподаватели ВУЗов, «организаторы науки», руководство НИИ и т. д.). Все эти категории взаимопересекающиеся и допускающие переход из одной в другую — с партийной работы на хозяйственную или научную, и наоборот. Где-то с середины 60-х сформировавшуюся элиту уже нельзя назвать выдвиженческой — она начинает самовоспроизводиться, лишь подпитываясь извне. Резко замедляется и ограничивается социальная мобильность в советском обществе, что чаще всего и подразумевается под «застоем».

Советскую систему, вышедшую из антисистемного взрыва 1917–18 гг. и обретшую тотальность после коллективизации, к середине 30-х гг., можно рассматривать как негативную по отношению к основным законам и тенденциям капиталистической миросистемы. Отсюда происходит множество парадоксов. Структурирование и оформление выдвиженческой элиты объективно отражало процессы постсталинского структурирования советского общества, известного как «хрущевская децентрализация» или «оттепель» в зависимости от конкретного субъективного ракурса).

Главным в этом процессе было постепенное выделение в самостоятельную некоей про-тоэкономической области, которую по-русски можно обозначить «народнохозяйственной».

Постепенно и неявно обособлялись от тоталитарной «квазиидеологии» наука и искусство, восстанавливалась религиозная жизнь.

С точки зрения режима, вышедшего из антисистемного взрыва, эти процессы обретения социального качества были потерей изначальной бескачественной чистоты, представлявшей потенциально огромную опасность для антикапиталистической советской системы. Возобновление массовых репрессий противоречило долгосрочным потребностям выживания в рамках капиталистической миросистемы и интересам стабилизирующейся поствыдвиженческой элиты («номенклатуры»). В силу этого наиболее реальным и приемлемым способом нейтрализации нежелательных последствий процесса утраты системой тотальности было распространение на все обособливающиеся сферы социальной активности номенклатурных «кратократических» по выражению А.И. Фурсова [Фурсов 1989], принципов организации и властвования.

«Бюрократические нравы», то есть кратократические формы социальной организации распространялись повсеместно, от народного хозяйства до спорта и кинематографии, с совершенно естественной легкостью, поскольку нововыведенные сферы деятельности оставались в мощном антисистемном поле. Народное хозяйство, наука, спорт и т. п. неизбежно оказывались социоморфны, повторяя в миниатюре партийную властную структуру как центральную в советском обществе.

На примере институционального развития сферы общественных наук в Адыгее в 60–70-х годах хорошо видно, что, по сути, была создана не база для накопления научного знания о местном обществе, а социальная ниша для существования субэлиты, тесно переплетающейся и постоянно обменивающейся своими членами с доминирующей партократией. Научное знание возникает здесь лишь как побочный эффект функционирования машины производства научных степеней. Это своеобразное индивидуальное отклонение, приветствуемое и терпимое лишь во вполне определенных границах — иначе возникает опасность не только подрыва текущей идеологии, но и утверждения неформального авторитета ученого, выступающего в рамках советской науки (почти диссидентским) антистатусом. В Адыгее это обычно происходит вокруг вопросов, связанных с русской экспансией на Кавказе и распространением национальных чувств в адыгейском обществе, т. е. вне науки как таковой.

В процессе кратократической ассимиляции в рамках советского общества новообособляющиеся сферы быстро теряли необходимый для эффективного функционирования уровень рациональности (т. е. приобретали советскую системную антирациональность). Создавались сложные, вернее, запутанные механизмы, призванные поддерживать терпимый баланс между эффективностью и антирациональностью. Последняя выступает под определенным углом зрения эффективностью обеспечения существования элитных групп внутри данных сфер и в обществе в целом. Однако, как показали многие советские экономисты на примерах из области планирования и хозяйствования, приемлемый уровень эффективности и просто функционирование системы делались возможны лишь при постоянном нарушении законности, выступающем важнейшим компенсаторным механизмом.

Теневая «экономика» (ибо это, конечно же, не вполне экономика, а во многом скорее отношения чистейшего властвования по поводу перераспределения материальных благ вне каналов советской легальности) существовала на протяжении всего советского периода. В годы войны она выплеснулась на поверхность и разлилась морем «толкучек», нищенских полу- и нелегальных рынков, спасавших от голодной смерти множество людей, которых не могла прокормить легальная система распределения. Теневая экономика совершенно сознательно терпелась советскими властями сталинской эпохи, более того, использовалась ими, однако «толкучки» оставались преимущественно «блошиными рынками» народа.

В 60-е годы теневая экономика выделяется в важнейшую сферу социальной активности. Выделение теневой экономики происходило как прямое следствие выделения народнохозяйственной квазиэкономической сферы, во многом как ее компенсатор в сфере перерас-

пределения. Теневая экономика приобрела еще одну важнейшую функцию — постепенное истончение «железного занавеса», появление телевидения, западных фильмов и книг, иллюстрированных журналов и товаров, как легального импорта, так и контрабандного происхождения, создало мощный демонстрационный эффект в сфере потребления. Западный стандарт в специфически местном восприятии стал основой формирования представлений о желаемом уровне и стиле жизни элиты, что и компенсировалось теневой экономикой.

Процесс обособления привел также к утрате партократией большинства ранее существовавших легальных возможностей поддержания материального благополучия (впрочем, вопрос о легальности не стоял — местная и центральная власть как монопольный источник легальности могла видоизменять ее при помощи несложных трюков). Нераздельная сталинская партократия превращалась в квазибюрократию, лишенную собственности на средства материального производства, что и должна была компенсировать теневая экономика и коррупция, превращающаяся в это самое время в важнейший «теневой способ» социальной связи и социального действия.

Складывание теневой экономики СССР протекало далеко не гладко, и проследить все перипетии этого процесса будет нелегко. Массовое осознание партократией своей нужды в дельцах теневого бизнеса и налаживание смычки с ними, а также отработка до неформального автоматизма механизмов всеобщей коррупции, видимо, приходится на вторую половину 60-х годов.

Утрата советской системой к 50-м годам тотальной слитности и начало обособления сфер социальной активности, характерных для современного индустриального общества, вызвала в господствующей элите тенденцию к приватизации (и в этом случае вернее было бы говорить о «квазиприватизации» — процесс был принципиально незавершен, ибо его завершение означало бы ликвидацию всей системы). В личную собственность отдельных номенклатурных работников начали превращаться не только их бытовая материальная среда, но условия и факторы их привилегированного властного положения. т. е. речь идет отнюдь не только о дачах, машинах, сервизах, но в первую очередь, о выделении и квазиприватизации властно-собственнических позиций — кабинетов и кресел с соответствующим «участком работы», т. е. сферой распорядительства и апроприации.

В предшествующий период подобными правами в советской системе обладали неоспоримо лишь Сталин и его ближайшее окружение, действовавшее преимущественно во всеобщем масштабе и в ведомственном разрезе (Каганович — транспорт, Ворошилов — армия, Берия — госбезопасность). В послесталинский период происходит быстрое распространение этого положения на все более широкие слои господствующей элиты, своего рода внутри-элитная демократизация — исключительная роскошь вчерашнего дня становится доступна многим.

Одним из следствий элитной приватизации в Адыгейской АО стало выдвижение трибализма в качестве одного из структурообразующих принципов подбора кадров и обеспечения лояльности лидеру-собственнику. Адыгея поистине край многовековых традиций — в начале 60-х годов у власти укрепляются бжедуги (что отчасти отражало реальное демографическое преобладание потомков этого крупнейшего из аристократических племен, составляющих почти половину нынешних адыгейцев). Основными противниками правящей группы выступили, как и во времена Бзюкской битвы, потомки вольных шапсугов. Впрочем, внутриэтнические трения никогда не достигали особого накала из-за панического страха адыгейских партработников «допустить националистические проявления», а значит, совершить тяжкое преступление против безэтничности имперской власти.

Как известно, Сталин и его окружение в своей кремлевской жизни обходились без денег (некоторые проделки Берии в этой области есть лишь очередное проявление его патологической жажды наслаждений, а не реальной необходимости). Приватизирующейся элите хрущевского и брежневского периода деньги уже были совершенно необходимы в качестве

средства внутреннего обращения по каналам коррупции и выхода в легальные и спекулятивные сети товарно-денежного обмена. Соответственно возникла необходимость создания механизмов концентрации плюс групповой и частной апроприации денежных ресурсов. Легче всего в условиях хронического дефицита это делалось в государственной торговле, строительстве, сельском хозяйстве. Так, в Адыгее возникает новый элитный персонаж — помидорщик, нелегальный предприниматель.

В отличие от большинства районов Средней Азии и Азербайджана, где апроприации со стороны местной поствыдвиженческой элиты подвергались по-восточному целые общины (колхозы), и в отличие от большинства районов европейской части СССР, где процессы апроприации развивались на базе индустриальных производительных сил, в Адыгее, как и на Кубани в целом (а также с местными вариациями в Армении, Грузии, Молдове, в сельскохозяйственных областях Украины), апроприация шла на базе квазичастного фермерства, дополняемого мелкой кустарной промышленностью и некоторыми иными отраслями полулегального бизнеса, процветающего в курортных и туристических зонах.

Эндемические диспропорции советского сельского хозяйства создали в центральных областях России обширный неудовлетворенный спрос на плодоовощную продукцию, который в 60-х годах начал структурировать в южных районах СССР разветвленную полу- и нелегальную производительную систему. В рамках этой системы Адыгее досталась функция производства помидоров.

История превращения помидоров в частнотоварную монокультуру Адыгеи известна лишь в общих чертах. Один из самых первых вопросов — каким образом удалось адыгейским сельским работникам избавиться от колхозных трудовых повинностей и приобрести землю — на конкретном уровне столь щекотлив, что на прямые ответы рассчитывать пока (т. е. в 1989 г.) не приходится. В общих чертах можно сказать следующее.

Аульская крестьянская община оказалась весьма прочна. Даже после ее уничтожения в период коллективизации в качестве реликтовых общественных структур, иногда на уровне лишь социальной памяти, продолжали существовать патриархальные семейные отношения, крестьянская трудовая этика, аульская взаимопомощь. Уровень десоциализации в ауле и казачьей станице никогда не опускался так низко, как в русской деревне или в том же иногороднем хуторе, соседствующем с аулом. Неплохим индикатором запаса социальной прочности в данном случае выступает степень распространения алкоголизма.

Предгорья Адыгеи традиционно рассматривались как малопродуктивный довесок к прикубанской степной «житнице», и это сохранило от хищнической сверхэксплуатации значительные земельные угодья. Хозяйство адыгейских колхозов традиционно более диверсифицированное, чем у задавливаемых планами по сдаче зерна и технических культур колхозов степной полосы. Овощеводство, ориентированное на крупные перерабатывающие комбинаты, начало развиваться в Адыгее еще в предвоенные годы.

Помидорный бизнес аульчан вырос из приусадебного огородничества. Традиционно огородниками, снабжавшими рынки Краснодара и других городов, были отнюдь не черкесы, а греки, болгары и молдаване, плюс некоторые иногородние «кулаки». Эти этносоциальные группы были уничтожены в ходе выселений 30–40-х годов, причем в ряде случаев их налаженные хозяйства включались в адыгейские колхозы в качестве полеводческих отделений.

Ранее беднейшие аулы горных отрогов разбогатели благодаря картофелю, который из-за жаркого степного климата и советского планирования по монопольным ценам сбывается в городах и станицах Дона и Кубани. При колхозной системе в Адыгее сложилась странная ситуация, когда меньшее в сравнении со степной зоной Кубани плодородие почв оказалось фактором развития товарного земледелия.

До начала 60-х годов адыгейцы были одной из самых бедных групп населения Краснодарского края. На рынках они торговали в основном дровами и дикими каштанами, иногда рыбой и птицей. Переход на продажу овощей и открытие путей на базары центральной Рос-

сии произвел революцию в ауле. Приток денежной массы начал возрастать едва ли не в геометрической прогрессии. Рубеж 60–70-х годов был отмечен качественным скачком в помидорной эпопее — от приусадебных участков и важной дополнительной статьи доходов происходит поворот к профессионализации и интенсификации. Начинается скрытый захват колхозных полей, спекуляция государственными поставками помидоров, которые вместо давлен консервных комбинатов после пересортировки попадают на базары Москвы и Рязани. В это же время начинается продажа списываемых машин «Скорой помощи» «ГАЗ-21» — знаменитых и вожделенных «Волг с фургоном», способных перевезти за сутки из любого аула в столицу полторы тонны томатов. На огородах появляются трактора и культиваторы, удобрения и пленка для парников.

В условиях Советского Союза все вышперечисленное могло быть сделано только при условии подкупа множества государственно-колхозных властных распорядителей, от председателя до пашущего тракториста, от завскладом, выносящего удобрения и пленку, до шофера, доставляющего нелегальный груз ночью во двор нового хозяина. Получала, конечно же, свою долю и милиция, закрывавшая глаза и начатые было дела.

Так формировался механизм перекачки денежных средств из центральных областей России в Адыгею с дальнейшей поставкой этих средств в каналы коррупции (обеспечение государственного невмешательства, откуп от милиции и всевозможных контролирующих инстанций, приобретение стройматериалов, нелегальная аренда техники, личное потребление — приобретаемые у спекулянтов золото, хрусталь, ковры, мебель, позднее — контрабандная аудио и видеоаппаратура, одежда, престижные мелочи из Новороссийской припортовой толкучки или краснодарской валютной «Березки», и т. д.).

Параллельно надстраивались механизмы передачи средств от нелегальной деятельности в верхние эшелоны. Например, уже оплаченные колхозами (безналично, т. е. почти деньгами) машины и трактора, товар для сельских магазинов, стройматериалы попросту не отправлялись с баз и железнодорожных станций по адресам без подношений владельцам-распорядителям перераспределительных структур. Однако главным каналом перекачки средств наверх стала партийная организация с ее четкой иерархичностью и центральным положением в структуре советской власти.

Помидорная эпопея изменила облик адыгейского этноса так, как не изменили ни русское завоевание, ни коллективизация. Стремительно, буквально на глазах, исчезают элементы традиционной культуры и жизненного уклада. Сохраняются лишь те, которые приобрели новые функции в современной общественной системе. Товарное огородничество, основанное на сверхэксплуатации женщин, привело к усилению традиционного мужского преобладания в семье. Необходимость кооперировать усилия в процессе производства и сбыта возродила клановую взаимопомощь, но крупные суммы денег и сама обстановка нелегального «агроклондайка» регулярно вносят в эту среду конфликты, которые призваны решать старики, чей авторитет также сохраняется в большинстве аулов. Пожалуй, это единственная авторитетная власть, имеющая моральную санкцию. Оформление своего рода даннической арендной системы возродило псевдотрадиционные формы клиентельских взаимоотношений. Уже говорилось о трибализме в партгосаппарате, но даже в аулах отмечаются попытки возродить некоторые аристократические княжеские комплексы в сфере и брачных отношений, и потребления, что выглядит, как правило, довольно нелепо и есть очевидное проявление нуворишеской психологии.

Уровень доходов по категориям населения определить очень трудно. Современные аулы застроены капитальными одно-, двухэтажными домами, почти в каждом дворе есть машина. Считается, что выручка порядка 40 тыс. руб. в сезон — удача, но не экстраординарная в ценах 1980-х. Вероятно, инфляция в период после 1988 г. быстро повысит этот предел. Многим ли (и кому конкретно) доступны такие доходы?

Судя по всему, из аула вытесняется часть его населения. В 70-е годы шла очень быстрая урбанизация адыгейцев, искусственно ускоренная сносом целого массива аулов при строительстве крупного рисоводческого комплекса («Кубанское море»). Население было переселено в город Теучежск, расположенный вблизи от Краснодара. Создание этого нового города сопровождалось обычными советскими градостроительными просчетами, наложившимися на этносоциальные особенности. В результате Теучежск и несколько пригородных аулов приняли на себя по отношению к Краснодару тот комплекс функций, который в Московской области выполняют Люберцы и другие маргинальные урбанистические пригороды столицы. Это порождает специфические проблемы, до сих пор игнорируемые властями.

Из аулов явно бегут молодые девушки, которых не привлекает перспектива быстро состариться на помидорных грядках. Они, как правило, стремятся попасть в торговлю, для чего используются родственно-земляческие связи. В Краснодаре растет число «адыгейских магазинов», среди которых первоначально преобладали такие непрестижные, как хлебные и хозяйственные, но постепенно адыгейские продавщицы и товароведы начали появляться даже в сверхприбыльных комиссионках радиоаппаратуры.

В настоящее время Адыгея находится в глубоком социальном кризисе. Помидорная эпопея за двадцать лет сформировала типы спекулянта-монополиста и коррумпированного чиновника, выступающие сторонами симбиотического элитного альянса. Далеко не все адыгейское население, несмотря на его относительную зажиточность, в состоянии получать сверхдоходы от теневой экономики, а инфляция и развал потребительского рынка в СССР грозят поставить уровень средней зарплаты в госсекторе ниже черты бедности (что уже наблюдается в Средней Азии и Закавказье).

Сложившаяся в период 50–70-х годов общественная система могла лишь балансировать на грани катастрофического кризиса, причем фаза ее устойчивости, видимо, неслучайно совпадает с последним периодом роста мировой капиталистической системы. С началом фазы сжатия мировой экономики в 1973 г. (Кондратьевской б-фазы) советская система вступила в кризис, переходящий в коллапс. Попытки исправить положение при помощи перетряски элит в центре и на местах («андроповский курс», в терминологии праворадикалов в нынешнем руководстве КПСС), которые на Кубани вылились в волну репрессий против коррупционеров разных рангов, от мелких до скандально высокопоставленных, ввергли систему в полухаос. Речь шла, по сути, о нанесении удара по относительно стабилизировавшейся системе социальных ориентиров и связей — вот почему кампания борьбы с коррупцией встретила массовое неодобрение и противодействие, как только она достигла заметного размаха.

Нестабильность в высших эшелонах власти нарушила каналы коррупции и механизмы апроприации денежных ресурсов у помидорщиков. Последние, не будучи уверены в прочности позиций очередного партработника, просто прекратили выплату дани. Меры по развитию аренды и кооперации позволили помидорщикам делать легально то, за что недавно приходилось откупаться от властей. Система пошла буквально враздрай. Контрмеры парткратической элиты в борьбе за сохранение своего положения отличались грубостью и изрядной долей истерии. Закон о нетрудовых доходах и соответствующая кампания 1986/87 гг. принесли лишь краткосрочное и частичное восстановление доперестроечного статус кво. Знаменитые гонения известного консерватора первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС И.К. Полозкова на торгово-закупочные кооперативы (мафиозные на 90 %, будем смотреть правде в глаза, хотя и следует особо определить «мафиозность» как ориентацию только на монопольную сверхприбыль при помощи любых средств) не дали долгосрочного результата.

В 1989 г. начала проявляться новая тенденция в общественной, пока предполитической (как и повсюду в СССР), жизни Адыгейской АО — началось организационное оформление национального движения, «Адыге Хасэ» (Адыгское Вече). Уже пройдена стадия первоначального единства, произошло деление на радикалов и умеренных, близится и завершению этап просветительского «пробуждения национального самосознания».

У истоков «Хасэ» стояли майкопские и краснодарские адыгейские интеллигенты, пытавшиеся преодолеть безнадежность своего провинциализма путем превращения Адыгеи в самостоятельную культурно-политическую территорию, т. е. изменить картину мира, а с ней и свой третьеразрядный статус. Ныне самый умеренный лозунг, официально поддерживаемый местным партийным руководством — это выход из Краснодарского края, самый радикальный и утопический — восстановление «горской федерации в границах 1800 года» и возвращение на историческую родину потомков выселившихся в XIX в. махаджиров.

По мере расширения национального движения к нему начали примыкать молодые руководители хозяйственной сферы, некоторые председатели колхозов, готовые финансировать «Хасэ». В перспективе эта организация с типичными чертами «национально-народного» фронта, классическая предполитическая организация, может стать выразителем коллективных («национальных») интересов альянса адыгейских элит в борьбе за выживание в условиях углубляющегося кризиса СССР. Стратегия, намечаемая уже сегодня «Хасэ», элементарна (только такая пока и возможна) — обособление от разливающегося со всех сторон моря нестабильности, достижение общественного консенсуса на этнической основе в целях совместного выживания. Задача нелегкая, учитывая, что адыгейцы живут среди русскоязычного населения и не имеют традиций государственности.

Очень многое будет зависеть в ближайшем будущем от возможности реинтеграции в капиталистическую миросистему, однако эта возможность на момент написания в середине 1990 г. остается гипотетической. Пока же в Адыгее и в близлежащих центрах (Краснодар, курорты черноморского побережья) формируется новая антиэлита — адыгейские гангстеры и рэкетеры, действующие на уже поделенном нелегальном пространстве патриархально сплоченно и очень жестоко.

Краснодар — Нью-Йорк, 1990 г.

Агларов М.А. 1988. *Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в.* — М.: Наука.

Аутлев П.У. 1974. Пламенный ленинец. — *Ученые записки Адыгейского НИИ экономики, языка, литературы и истории.* — Т. 17. — Майкоп.

Бугай Н.Ф., Джимов Б.М. 1989. *От ревкомов к советам на Кубани.* — Майкоп.

Гадло А.В. 1988. Поединок Мстислава с Редедей, его политический фон и исторические последствия. — *Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Сборник научных трудов.* — Краснодар.

Гольдентул И. 1924. *Земельные отношения на Кубани.* — Краснодар: Буревестник.

Деникин А.И. 1989. *Поход и смерть генерала Корнилова.* — Ростов-на-Дону.

Джимов Б.М. 1972. Великий Октябрь и освобождение трудящихся Адыгеи от социального и национального гнета. — *Ученые записки Адыгейского НИИ.* — Т. 15. — Майкоп.

Джимов Б.М. 1976. Социально-экономическое положение и революционная борьба трудящихся Адыгеи в 1901–1917 гг. — *Сборник статей по истории Адыгеи.* — Майкоп.

Джимов Б.М. 1986. *Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в.* — Майкоп.

Доброхотов В.Н. 1916. *Черноморское побережье Кавказа. Справочная книга.* — Пг.

Евтых А. 1989. *Шуба из тысячи овчин. Улица во всю ее длину.* — М.: Советский писатель.

Емиж Р.М. 1972. Из истории аграрных преобразований в Адыгее, 1921–1925 гг. — *Ученые записки Адыгейского НИИ.* — Т. 16. — Майкоп.

Емиж Р.М. 1977. К вопросу о проведении в жизнь Декрета о земле в адыгейском ауле. — *Сборник статей по истории Адыгеи.* — Майкоп.

- Избранные труды адыгских просветителей... 1980. *Избранные труды адыгских просветителей*. — Нальчик: Эльбрус.
- Кубов Ч.Ч. 1969. Борьба областной партийной организации за осуществление сплошной коллективизации сельского хозяйства в Адыгее (1929–1931 гг.). — *Ученые записки Адыгейского НИИ*. — Т. 9. — Майкоп.
- Кубов Ч.Ч. 1974. Создание и идеологическо-организационное укрепление адыгейской областной партийной организации в период социалистического строительства (1922 – июнь 1941). — *Ученые записки Адыгейского НИИ*. — Т. 17. — Майкоп.
- Ладоха Г. 1924. *Очерки гражданской борьбы на Кубани*. — Краснодар: Буревестник.
- Лихницкий Н.Т. 1931. *Классовая борьба и кулачество на Кубани*. — Ростов-на-Дону: Северный Кавказ.
- Меретуков М.А. 1984. За счастье адыгейки. — Ш.У. Хакурате. *Сборник статей*. — Майкоп.
- Нагучев Д.М. 1969. Деятельность партийной организации Адыгеи по выращиванию национальных кадров (1945–196?). — *Ученые записки Адыгейского НИИ*. — Т. 9. — Майкоп.
- Напсо Ф.А. 1977. Деятельность областной партийной организации по дальнейшему развитию народного образования в Адыгее в условиях развитого социализма (1959–1970 гг.). — *V Сборник статей по истории Адыгеи*. — Майкоп.
- Очерки истории Адыгеи... Т. 1. 1977. Т. 2. 1981. *Очерки истории Адыгеи*. — Майкоп.
- Очерки истории Краснодарской краевой организации КПСС... 1976. *Очерки истории Краснодарской краевой организации КПСС*. — Краснодар.
- Панеш Э.Х. *Этносоциальная история адыгов в X–XII веках: Автореф. дис. Канд. ист. наук*.
- Панеш Э.Х. 1988. Бифуркация в процессе социализации (На материалах традиционного воспитания адыгов, XVIII – начала XX в.). — *Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Сборник научных трудов*. — Краснодар.
- Покровский М.В. 1989. *Из истории адыгов в конце XVII – первой половине XIX в.* — Краснодар.
- Раенко-Туранский Я.Н. 1927. *Адыгея до и после Октября*. — Краснодар: Крайнациздат.
- Ратушняк В.Н. 1977. К вопросу о земельных отношениях в горском ауле Кубанской области в период капитализма. — *Сборник статей по истории Адыгеи*. — Майкоп.
- Ратушняк В.Н. 1989. *Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века*. — Ростов-на-Дону: Издательство ростовского университета.
- Трахо Р. 1956. *Черкесы*. — Мюнхен.
- Фарфоровский С. 1910. Статистическо-географическое описание г. Майкопа и Майкопского отдела. — *Сборник материалов к описанию местностей и племен Кавказа*. — Вып. 41. — Тифлис.
- Фурсов А.И. 1989. Бюрократия как форма организации власти. — *Мировая экономика и международные отношения*. — № 7.
- Хут А.И. 1977. Адыгейская автономная область — форма самоопределения адыгейского народа. — *Сборник статей по истории Адыгеи*. — Майкоп.
- Шовгеновы Мос и Гошевной. 1927. *Материалы для биографии*. — Краснодар: Крайнациздат.
- Щербина Ф.А. 1916. *История Армавира и черкесо-гаев*. — Екатеринодар.

Наука и власть

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНО-НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВЫ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВЛАСТИ И НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВ
В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ¹**

Е.Ф. Синельникова

Санкт-Петербургский филиал

Института истории естествознания и техники

им. С.И. Вавилова РАН

Аннотация: *Статья посвящена изучению законодательно-нормативных основ регулирования взаимоотношений власти и научных обществ на начальном периоде истории советского государства и права, когда происходило революционное обновление государственности в ходе социально-политических и экономических преобразований. Исследование основано на архивных источниках из фондов научных обществ и научно-административных властных органов, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации и Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга. Кроме того, в статье особое внимание уделено первым законодательным актам советской власти, которые определяли условия и регулировали функционирование научных обществ. Изучение законодательно-нормативных актов, принятых в период с октября 1917 г. по август 1922 г., позволяет выявить особенности взаимоотношений научных обществ и советской власти на начальном этапе формирования государственной организации науки.*

Ключевые слова: *научные общества, законодательно-нормативное регулирование, власть и общество, административная практика, история отечественной науки, первые послереволюционные годы, советская власть, Временное правительство.*

Научные общества играли важную роль в системе организации науки дореволюционной России, способствовали сложному процессу создания гражданского общества, формировали социально-культурное пространство страны. Выдающиеся ученые придавали большое значение своему участию в деятельности этих профессиональных объединений. Многие академики являлись руководителями и членами научных обществ, и иногда входили в несколько подобных организаций одновременно (например, академик А.П. Карпинский был руководителем Российского минералогического общества, членом Совета Общества естествоиспытателей при Императорском Санкт-Петербургском университете и членом Русского палеонтологического общества).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00730.

Научные общества находились в ведении Министерства народного просвещения, при этом в правовом отношении являясь общественными организациями. Их отношения с властью регулировались Временными правилами об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. [Временные правила об обществах и союзах... 1994: 206–217].

После свержения самодержавия корректировке подверглись правовые основы существования научных обществ. 12 апреля 1917 г. Временное правительство утвердило постановление «О собраниях и союзах» [О собраниях и союзах... 1917: 848–849], согласно которому «все без исключения российские граждане» получили право, «без особого на то разрешения, образовывать общества и союзы в целях, не противоречащих уголовным законам» [Там же: 849].

Принципиальное отличие от предшествующего законодательства заключалось в том, что то или иное общество могло быть закрыто только по суду и «лишь в том случае, если деятельность его оказалась направленною к достижению целей, воспрещенных уголовными законами» [Там же]. Это в полной мере отражало стремление новой власти демократизировать общественную сферу.

Порядок регистрации обществ определялся постановлением «О регистрации товариществ, обществ и союзов» [О регистрации товариществ, обществ и союзов... 1917: 1586–1591], опубликованном 19 июля 1917 г. Оно содержало ряд нововведений. Так, заявление для регистрации общества следовало подавать в окружной суд, причем вопрос о регистрации решался в судебном заседании, после чего общество вносилось в специальный реестр [Там же: 1587]. На вынесение решения о регистрации или отказа в ней отводился один месяц. При отказе жалоба должна была теперь подаваться не в Первый департамент Сената, а в Судебную палату, которая опять же в течение месяца решала вопрос [Там же]. В случае отказа и со стороны палаты можно было пожаловаться в Гражданский департамент Правительствующего Сената, который так же как и раньше выступал как последняя инстанция [Там же: 1587–1588]. Важно, что согласно этому Постановлению все делопроизводство по регистрации обществ и союзов было «открыто для обозрения всех желающих» [Там же: 1588]. Одна из частей постановления, касавшаяся регистрационных отделов при окружных судах, представляла собой подробнейшую инструкцию по делопроизводству и правила ведения реестра [Там же: 1587–1588].

Несмотря на изменение правовой основы функционирования обществ, Временное правительство не стало проводить перерегистрации уже существующих общественных организаций. В соответствии с новым законодательством должны были регистрироваться только вновь создаваемые общества.

После Февральской революции взаимоотношения власти и научных обществ стали строиться на более демократических началах. Однако, в виду недолгой практики применения, упомянутые нововведения Временного правительства не сыграли существенной роли в дальнейшем развитии правовых взаимоотношений власти и общественных организаций.

Октябрьская революция отменила все предшествующее законодательство, поэтому в первые послереволюционные годы важнейшим направлением деятельности советской власти стало законотворчество, направленное на формирование нового общественного строя. Изучение законодательно-нормативных актов, принятых в период с октября 1917 г. по август 1922 г., позволит выявить особенности взаимоотношений научных обществ и советской власти на начальном этапе формирования государственного управления наукой.

Несмотря на то, что «советское правительство не ликвидировало и не запретило деятельности многочисленных дореволюционных обществ и союзов» [Коржихина 1981: 3], а право граждан на «объединение в организации» было закреплено в Конституции РСФСР в

июле 1918 г. [Советские конституции... 1963: 134], уже первые большевистские декреты поставили существование научных обществ под угрозу.

Новое законодательство, в частности, затронуло материальные основы функционирования научных обществ. Так, в результате действия декрета Всероссийского центрального исполнительного комитета «О национализации банков» [Декрет ВЦИК «О национализации банков» 1917: 149–150], принятого 27 (14) декабря 1917 г., и дополнившего его декрета Совета народных комиссаров «О конфискации акционерных капиталов бывших частных банков» [Декрет СНК «О конфискации акционерных капиталов бывших частных банков» 1918: 286–287], опубликованного 8 февраля (26 января) 1918 г., научные общества лишились своих капиталов. Денежные средства до Октябрьской революции, например, Русское техническое общество держало в Государственном банке и частью в Волго-Камском банке [ЦГА СПб... Ф. 2555. Оп. 1. Д. 58. Л. 134], Русское общество любителей мироведения в Государственной сберегательной кассе и Обществе взаимного кредита Петроградского уездного земства [ЦГА СПб... Ф. 2555. Оп. 1. Д. 59. Л. 13] и т. п.

Дело в том, что крупные негосударственные научные организации обладали значительными денежными капиталами, которые они, согласно дореволюционному законодательству, обязаны были хранить в виде процентных бумаг как «правительственных», так и «гарантированных правительством городских и земских кредитных» учреждений. Кроме того, денежные суммы могли быть «помещаемы для приращения процентами» в местные государственные кредитные учреждения или, «с надлежащего разрешения», в частные [Плато 1903: 5].

В условиях отсутствия денежных средств научные общества, продолжавшие функционировать (Русское техническое общество, Российское минералогическое общество, Русское географическое общество и другие), стали обращаться за субсидиями к создаваемым в это время советским административным органам. Ассигнования, начиная с июля 1918 г. [ГАРФ... Ф. 2306. Оп. 19. Д. 63. Л. 57 об.], выделялись обществам согласно представленными ими проектами смет по полугодиям, с приложением объяснительных записок [Северная коммуна. 1918. 26 ноября]. Для получения следующей полугодовой субсидии было необходимо представить помимо проекта сметы отчет о фактически полученных и израсходованных средствах за истекший период [Северная коммуна. 1919. 6 мая]. Эти объяснительные записки к сметам можно рассматривать не только как фактические финансовые отчеты, но и как планы деятельности научных обществ.

Сметы, тем не менее, зачастую подвергались серьезной корректировке со стороны власти, что влекло за собой и изменение плана работ. Так, Обществу естествоиспытателей при Петроградском университете смета на первое полугодие 1919 г. была урезана с более чем 160 тыс. до 75 тыс. рублей, так как средства на издательство были сокращены в полтора раза, и полностью были вычеркнуты расходы на содержание Мурманской биологической станции, «как находящейся в оккупированной местности» [ЦГА СПб... Ф. 2555. Оп. 1. Д. 63. Л. 19]. Несмотря на то, что там находились сотрудники, а «биологическая станция не переставала считать себя российским учреждением и неоднократно обращалась к российской власти, а не к английской» [Там же: Л. 6].

Необходимо отметить, что советская власть подходила к финансированию научных обществ очень избирательно: субсидировались только те из них, деятельность которых представлялась целесообразной. Большевики были воодушевлены идеей создания современного, промышленного развитого государства [Грэхэм 1998: 197], при этом на первом плане стояли технические и естественные науки, значение которых для социалистической реорганизации народного хозяйства и обороны страны было особенно велико [Оснос 1943: 21].

В связи с этим, в «Сводном заключении Отдела ученых учреждений и высших учебных заведений по субсидиям, предложенным ученым обществам и изданиям на первое полугодие

1919 г.» отмечалось, что «общая схема расходов [Русского технического] общества и соответствующий план его деятельности не вызывают возражений со стороны отдела и субсидирование общества представляется целесообразным» [ЦГА СПб... Ф. 2555. Оп. 1. Д. 59. Л. 58].

Там же сообщалось, что «[Русское географическое] общество, несомненно, заслуживает субсидирования и притом в крупных размерах, тем не менее, испрашиваемая обществом сумма может быть значительно сокращена» [Там же]. Несмотря на урезание финансирования для общества «ценна была и та поддержка, которая оказывалась в это время руководителями Наркомпроса и Главнауки» [Соколовский 1927: 37]. В том же документе, относительно сметы Русского общества любителей мироведения сообщалось, что она «составлена скромно и обосновано», а «деятельность общества идет энергично и носит вполне демократичный характер» [ЦГА СПб... Ф. 2555. Оп. 1. Д. 59. Л. 58.], поэтому средства, просимые обществом, были ассигнованы в полном объеме.

Таким образом, научные общества оказывались в неоднозначном положении, при котором будучи общественными организациями, вследствие отсутствия собственных денежных средств, они оказывались в финансовой зависимости от государства. В этой связи чрезвычайную важность приобретал для научных обществ вопрос их статуса в новой системе организации науки. Так, Общество естествоиспытателей при Петроградском университете, «вследствие его лишения права держания собственных капиталов, пожертвованных обществу для научных целей, и пользования с них процентами, составлявшими значительную долю доходных статей ежегодных смет общества» [ЦГА СПб... Ф. 2555. Оп. 1. Д. 63. Л. 7], 11 декабря 1918 г. обращалось в Научный отдел Наркомпроса с просьбой определить статус общества. Совет общества предполагал, что в связи с национализацией его средств, общество переходит «на положение государственного учреждения, финансовая жизнь которого поддерживается исключительно правительственными ассигнованиями» [ЦГА СПб... Ф. 2555. Оп. 1. Д. 58. Л. 7 об]. Отдельные научные общества считали себя частными организациями, финансово зависящими от государства. Так, например, Отдел ученых учреждений и высших учебных заведений в Петрограде в марте 1919 г. сообщал Наркомпросу, что «Общество любителей древней письменности не есть государственное учреждение, а частное общество, получающее от государства субсидию» [ЦГА СПб... Ф. 2555. Оп. 1. Д. 60. Л. 151].

Власть, несмотря на вполне обоснованные вопросы со стороны обществ, не была готова четко сформулировать свою позицию по этому вопросу. С одной стороны, Петроградское управление научными учреждениями в 1922 г. отмечало, что научные «общества, как это явствует из их уставов и самого существования обществ, не содержатся и не могут содержаться на средства государства, тем более в настоящее, исключительно трудное по финансовым условиям время» [ЦГА СПб... Ф. 2555. Оп. 1. Д. 542. Л. 42]. Далее в документе указывалось: «Общества живут самостоятельностью своих членов, труды коих не оплачиваются, и которые сами участвуют в расходах по содержанию общества путем членских взносов и т. п.» [Там же]. С другой стороны, Наркомпрос и Главнаука требовали от научных обществ выполнения всех постановлений и циркуляров, которые рассылались им наравне с другими подведомственными научными учреждениями.

Вопросы вызывало и имущественно-материальное положение научных обществ, до революции обладавших не только денежными капиталами, но и ценным имуществом, в том числе и недвижимостью. Декрет, принятый ВЦИК 20 августа 1918 г., отменял частную собственность на недвижимость [Декрет ВЦИК «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах»... 1918: 743–746], а, следовательно, научные общества переставали быть хозяевами своих собственных помещений. Это обстоятельство сильно сказывалось на деятельности обществ, заставляя их тесно взаимодействовать с властью в этом направлении. За разрешением возникавших трудностей общества обращались как в местные администра-

тивные органы, так и в столичные. Так, президент Русского географического общества Ю.М. Шокальский был вынужден «хлопотать и в Ленинградском совете, а чаще выезжать в Москву и там выступать в центральных органах», так как «приходилось отстаивать дом [Географического общества] от разных организаций, стремившихся получить его, то под школу балетного искусства, то под какой-нибудь клуб» [Семенов-Тянь-Шанский, Герасимов, Орлов 1946: 134].

В отдельных случаях помещения одного научного общества передавались другому. Так, например, поступили в начале 1920 г. с Вольным экономическим обществом, которое, по мнению власти, в это «трудное и переходное время» было дезорганизовано и не вело активной деятельности. Их помещения отошли к Научному обществу марксистов [ЦГА СПб... Ф. 2555. Оп. 1. Д. 260. Л. 1]. Последнее было создано в декабре 1919 г., причем целью его работы были «разработка идей марксизма и распространение марксистского мировоззрения» [ЦГА СПб... Ф. 2555. Оп. 1. Д. 265. Л. 2], поэтому оно пользовалось безоговорочной поддержкой властей и занимало приоритетное положение.

В марте 1920 г. все подведомственные Наркомпросу учреждения, в том числе и научные общества, должны были вследствие экстренного требования Государственного контроля в трехдневный срок представить данные относительно занимаемых ими помещений [ЦГА СПб... Ф. 2555. Оп. 1. Д. 9. Л. 36]. Власть интересовало, имеют ли учреждения собственные здания, и как долго они ими занимаются, а также всегда ли эти здания находились в ведение Наркомпроса. Эта информация могла позволить контролирующим органам более эффективно распоряжаться столь ценным имуществом. Отдел недвижимых имуществ в 1920 г. сообщал в Петроградское управление научными учреждениями, Жилищный подотдел первого Городского района и в Русское географическое общество, что помещение, занимаемое последним, должно быть освобождено в недельный срок, так как «квартиры годные для жилья не могут предоставляться учреждениям» [ЦГА СПб... Ф. 2555. Оп. 1. Д. 263. Л. 20]. Но благодаря заступничеству Ю.М. Шокальского обществу удалось отстоять свои помещения.

Безусловно, для функционирования общественных организаций, коими являлись научные общества, необходимы были как помещения, так и финансы, но еще большее значение в условиях глобальных политических изменений, происходивших в стране, для научных обществ имел вопрос легитимации их деятельности в новом правовом поле.

В первые же месяцы после Октябрьской революции были приняты меры к организации государственной системы руководства наукой. В декабре 1917 г. в составе Наркомпроса начал работать Научный отдел, созданный для руководства всеми научными учреждениями и организациями республики [Бастракова 1968: 5], в том числе и научными обществами.

27 июня 1918 г. Научный отдел Наркомпроса разослал все научным обществам специальное «Обращение» [ГАРФ... Ф. 2306. Оп. 19. Д. 63. Л. 57-57 об]. Этот документ представляет значительный интерес, т. к. является свидетельством установления первого контакта советской власти с научными обществами. В нем излагались основные принципы, на которых власть предлагала научным обществам взаимодействовать с ней. Необходимо отметить, для научных обществ в первые годы советской власти главными были вопросы жизнедеятельности, а именно получение субсидий, оплата штатных сотрудников, покупка инвентаря, пополнение библиотеки, поиски средств для издания трудов, организации командировок и экспедиций, хозяйственные расходы, обеспеченность помещением и т. п., поэтому они охотно шли на контакт с новой советской властью. В связи с этим обоснованным представляется мнение Э.И. Колчинского, что «деньги становились решающим фактором, подталкивающим ученых к диалогу с властями» [Колчинский 2018: 95]. Утверждение же некоторых современных авторов о том, что «вне зависимости от специализации обществ, большинство имевших

дореволюционную историю, занимали идеологически самостоятельные позиции, выступая против идеологического диктата» [Берлявский 1996: 19], напротив, вызывает сомнения.

Наркомпрос, «желая самого тесного сотрудничества с научными обществами», готов был поддерживать работу обществ при условии «быть осведомленным во всех начинаниях и повседневной работе» [ГАРФ... Ф. 2306. Оп. 19. Д. 63. Л. 57]. Одновременно с этим, Наркомпрос требовал от научных обществ культурно-просветительной работы среди широких слоев населения, по средствам организации научно-популярных лекций и курсов по различным отраслям знания, издательства научно-популярных брошюр и книг, а также устройства показательных выставок [Там же].

Вместе с «Обращением» рассылался анкетный лист для заполнения. Научные общества должны были доставить заполненные документ в Научный отдел до конца июля 1918 г. Необходимо было указать название общества, точный адрес, сообщить информацию о помещении общества, а также с какими научными обществами и учреждениями общество «находится в связи» [Там же: Л. 58]. Интересовали властные органы и основные статические показатели: количество заседаний, их средняя посещаемость, количество докладов, число членов. Отдельным пунктом в анкете значился финансовый отчет, включающий данные о средствах общества, которыми пользовалось общество до революции, статьи доходов и расходов за истекший год, а также каковы были «неотложные нужды общества, удовлетворение которых представляет жизненную необходимость для общества» [Там же: Л. 58 об].

Научный отдел также просил научные общества представить их уставы, «печатные научные труды, периодические издания и протоколы заседаний за последнее время» [Там же: Л. 57 об], а также впредь оповещать отдел о «всех более или менее значительных начинаниях обществ», присылать повестки на заседания и все научные труды, а также сообщать «раз в три месяца о деятельности общества за этот период» [Там же].

Таким образом, на нормативном уровне закреплялась поквартальная отчетность научных обществ перед Наркомпросом и ее форма, а также порядок взаимодействия научных обществ с властью в первые послереволюционные годы. «Обращение» также фактически являлось требованием регистрации научных обществ в новых советских административных органах. Общества направляли свои уставы практически без изменений, зачатую просто вычеркивая приметы дореволюционного времени (например, слова «Императорский» из названия университета, или упоминания членов императорской фамилии). Тем не менее, некоторые из научных обществ (например, Русское общество любителей мироведения, Общество гражданских инженеров) все же вносили коррективы в свои дореволюционные уставы «в соответствии с современным положением» [ЦГА СПб... Ф. 2555. Оп. 1. Д.184. Л.26].

Однако официально перерегистрация обществ была проведена «на основании обязательного правительственного постановления от 7 августа 1919 г.» [ЦГА СПб... Ф.2555. Оп. 1. Д.58. Л.107]. Уставы утверждались в соответствующих отделах местных органов НКВД. Так, например, в Петрограде научные общества направляли документы для регистрации в Административный подотдел Отдела управления Губисполкома. Общество вносилось в «Реестр обществ и союзов». Так, 4 сентября 1919 г. Русское палестинское общество было зарегистрировано и внесено в реестр под № 17 [ЦГА СПб... Ф.2555. Оп. 1. Д.926. Л.15]. Русское историческое общество 17 октября 1919 г. зарегистрировано и внесено в реестр под № 44 [ЦГА СПб... Ф. 1001. Оп. 9. Д.1. Л. 44 об]. 18 ноября 1919 г. Русское общество любителей мироведения зарегистрировано под № 53 [Там же: Л. 53 об]. Общество страховых знаний 25 ноября 1919 г. под № 57 [ЦГА СПб... Ф. 2555. Оп. 1. Д. 188. Л. 1]. Общество гражданских инженеров 10 февраля 1920 г. было внесено под № 124 [ЦГА СПб... Ф. 2555. Оп. 1. Д. 184. Л. 28] и т. п.

Кроме удостоверения о регистрации, обществу возвращался один экземпляр устава с соответствующим штампом. Но это еще не означало завершение процесса. Общества должны были зарегистрироваться еще в Райисполкоме, а затем научные общества направляли свои документы в местный орган Наркомпроса. Важно, что в процессе регистрации в Наркомпрос обращались органы Губисполкома за заключением, которые строились по определенной схеме. Приведем заключение Петроградского управления научных учреждений на Русское техническое общество: «Учредители известны, как соответствующие деятели. Цели Общества при настоящих политико-экономических условиях достижимы. Согласно § 2 Устава и по своей многолетней научно-практической работе, Общество является весьма важным и ценным Учреждением для Республики, особенно в настоящий период ломки и строительства» [ЦГА СПб... Ф. 1001. Оп. 6. Д. 1. Л. 14].

Тем не менее, на общероссийском уровне перерегистрация всех обществ была объявлена правительственным постановлением, утвержденным 12 июня 1922 г. и состоящим всего из двух пунктов. Общества (в том числе и научные) подлежали регистрации НКВД в двухнедельный срок, с момента опубликования этого постановления [Декрет ВЦИК «О порядке созыва съездов и всероссийских совещаний различных союзов и объединений и о регистрации этих организаций»... 1922: 650], при этом не допускалась регистрация новых обществ без «утверждения устава соответствующим органом» [Там же]. Также подчеркивалось, что «общества..., не зарегистрировавшиеся в указанный срок, подлежат немедленной ликвидации» [Там же]. Однако документ был очень кратким и не регулировал порядок регистрации, функционирования и ликвидации обществ.

Административная практика взаимоотношений власти и научных обществ к окончанию гражданской войны прошла определенное развитие. Назрела необходимость закрепления выработанных форм взаимодействия на законодательном уровне. В связи с этим, необходимо было создание комплексного законодательно-нормативного акта, регулирующего все эти процессы.

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними» [Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними»... 1922: 787], принятое 3 августа 1922 г., стало первым советским законом об общественных организациях. Оно положило начало массовой перерегистрации обществ.

По объективному утверждению отечественного историка И.Н. Ильиной, Постановление от 3 августа 1922 г. определило порядок регистрации обществ, «фактически позаимствовав его из дореволюционного законодательства» [Ильина 2000: 49], то есть имеются в виду Временные правила об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. Однако при анализе текста Постановления 1922 г. выявляются очевидные совпадения не только с Временными правилами 1906 г., но и с Постановлениями Временного правительства 1917 г.

Постановление 1922 г. представляло собой довольно краткий, состоящий всего из восьми пунктов документ, в соответствии с которым должны были регистрироваться «общества..., не преследующие цели извлечения прибыли для осуществления своей деятельности на территории РСФСР» [Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов...»: 787]. Под действие Временных правил 1906 г., так же как и Постановлений Временного правительства 1917 г. подходили только те объединения, которые также не ставили своей целью получение прибыли [Временные правила об обществах и союзах...: 206; О регистрации товариществ, обществ и союзов...: 1588].

Важно, что в Постановлении 1922 г. не оговаривалось ограничение на членство в обществах, как это было во Временных правилах от 4 марта 1906 г., но также отсутствовало в По-

становлении Временного правительства от 12 апреля 1917 г. [О собраниях и союзах...: 848–849], что делало этот документ более демократичным.

Согласно Постановлению 1922 г. обществу для регистрации необходимо было представить проект устава в трех экземплярах, «вместе с заявлением об утверждении, с указанием имени, фамилии, адресов учредителей в числе не менее десяти и за их подписями» [Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов...»: 787], что в целом соответствовало требованиям и Временных правил 1906 г. [Временные правила об обществах и союзах...: 209] и Постановления Временного правительства [О регистрации товариществ, обществ и союзов...: 1586].

Четвертый пункт Постановления 1922 г., указывающий, какие сведения должны были содержаться в уставе регистрирующейся организации, практически дословно повторяет пункт двадцать первый Временных правил [Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов...»: 787; Временные правила об обществах и союзах...: 209]. Таким же образом, как и в Правилах 1906 г., в Постановлении 1922 г. устав уже зарегистрированного общества можно было изменить только путем «нового утверждения... устава» [Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов...»: 787], то есть, фактически, при этом общество должно было, как и раньше, проходить перерегистрацию [Временные правила об обществах и союзах...: 209].

Совершенно новым по сравнению с предшествующим законодательством было то, что регистрирующий орган теперь зависел от масштабов деятельности общества. Если район деятельности общества ограничивался одной губернией или областью, проект устава представлялся в отдел управления губернских исполнительных комитетов или областных исполнительных комитетов. Общества, масштаб деятельности которых выходил за пределы одной губернии или области, проекты своих уставов направляли на утверждение в Народный комиссариат внутренних дел через соответствующий областной или губернский отделы управления. Непосредственно в Народный комиссариат внутренних дел представлялись уставы обществ, предусматривающие деятельность во всероссийском масштабе. До октябрьской революции регистрирующий орган (губернское по делам об обществах и союзах присутствие, окружной суд) для всех обществ был регионального уровня.

Народный комиссариат внутренних дел и его местные органы по Постановлению 1922 г. не могли не принять проекты уставов для утверждения, причем названные органы были обязаны в месячный срок со дня поступления к ним устава сообщить учредителям общества об утверждении или отказе в таковом, «в последнем случае с указанием мотивов отказа» [Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов...»: 787]. Необходимо подчеркнуть, что Временные правила 1906 г. и Постановление Временного правительства 19 июля 1917 г. также предусматривали только месяц для вынесения решения о регистрации [Временные правила об обществах и союзах...: 209; О регистрации товариществ, обществ и союзов...: 1587].

По положению 1922 г. отказать в регистрации могли только, если «утверждаемое общество или союз по своим целям или методам деятельности противоречат Конституции РСФСР и ее законам» [Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов...»: 787]. Однако и отказ мог быть обжалован в президиуме Губисполкома или в президиуме ВЦИК.

Постановление от 3 августа 1922 г. имело важное значение для развития общественных организаций, так как оно оформило основы их взаимоотношений с советской властью.

Особо следует отметить, что Постановление об обществах и союзах 1922 г. было встречено эмигрантскими кругами по-разному. Газета «Накануне» — печатный орган сменовеховцев — приняла документ восторженно, так как, по их мнению, он вводил «в русское законо-

дательство право граждан РСФСР объединяться в общества и союзы любого рода» [М. 1922: 7]. Меншевистский журнал «Социалистический вестник», напротив, писал, что «разрешительный порядок открытия обществ, выдача разрешений полицейским ведомством г[осподи]на Держинского (Наркомвнудел); контроль того же ведомства над деятельностью обществ, и, предоставление ему права ревизии их денежных операций; закрытие обществ решением того же ведомства (не суда!)» ограничивают свободу советских граждан на объединение, что означает «закрепление в законе того беспорядка, которым они фактически пользовались до сих пор — вопреки конституции» [Там же].

Впоследствии, Постановление 1922 г. заслужило противоречивые оценки и историков. Например, И.Н. Ильиной он расценивался как «достаточно либеральный» [Ильина 2000: 56], такого же мнения был и Дж. Брэдли [Брэдли 1994: 37]. Напротив Н.В. Киселева считала, что «регистрация НКВД того или иного общества или отказ в ней стали составной частью процесса селекции обществ по социальным, политическим и идеологическим мотивам» [Киселева 1998: 40].

Не следует, однако, забывать, что справедливую оценку какому-либо нормативному документу можно дать, если оценивать не только его содержание как таковое, а то, каким образом его основные положения воплощались на практике.

Таким образом, в хаосе первых послереволюционных лет происходило формирование новой системы государственного управления. Изменение законодательно-нормативных основ взаимоотношений власти и научных обществ отражало уровень государственного присутствия в деятельности научных организаций и структур общественной сферы, и в силу этого может служить маркером складывающегося в первые послеоктябрьские годы политического режима.

В первые послереволюционные годы власть старалась оказывать научным обществам финансовую и материальную поддержку, хотя, так же как и до революции, она была дифференцированной. В новых политико-экономических условиях для обществ практически единственным источником средств было государство, зависимость от которого стала всеобъемлющей.

Властный контроль в годы гражданской войны осуществлялся, в основном, над финансовой жизнью обществ, однако и направления деятельности могли быть существенно скорректированы властью, путем урезания ассигнований.

Окончание гражданской войны и переход к новой экономической политике знаменовали начало нового этапа в отношениях власти и научных обществ, что отразилось в принятии соответствующих законодательных актов.

Бастракова М.С. 1968. Предисловие — *Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Сборник документов.* — Л: Наука. — С. 3–18.

Берлявский Л.Г. 1996. *Отечественная наука и политика в 1920-е–1930-е гг.* — Ростов-на-Дону: ИМД Логос. — 144 с.

Брэдли Дж. 1994. Добровольные общества в Советской России. 1917–1932 гг. — *Вестник Московского государственного университета.* — Серия 8. История. — № 4. — С. 34–44.

Временные правила об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. 1994. — *Российское законодательство эпохи буржуазно-демократических революций.* — Т. 9. — М.: Юридическая литература. — С. 206–217.

ГАРФ... Государственный архив Российской Федерации

- Грэхэм Л.Р. 1998. *Очерки истории российской и советской науки*. — М. : Янус-К. — 312 с.
- Декрет ВЦИК «О национализации банков». 1917. — *Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР)*. — № 10. — Ст. 150. — С. 149-150.
- Декрет ВЦИК «О порядке созыва съездов и всероссийских совещаний различных союзов и объединений и о регистрации этих организаций». 1922. — *СУ РСФСР*. — № 40. — Ст. 477. — С. 650.
- Декрет ВЦИК «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах». 1918. — *СУ РСФСР*. — № 62. — Ст. 674. — С. 743–746.
- Декрет СНК «О конфискации акционерных капиталов бывших частных банков». 1918. — *СУ РСФСР*. — № 19. — Ст. 295. — С. 286–287.
- Ильина И.Н. 2000. *Общественные организации России в 1920-е годы*. — М.: Наука. — 216 с.
- Киселева Н.В. 1998. *Возникновение советского феномена массовых добровольных обществ*. — Ростов-на-Дону: РГУ. — 210 с.
- Колчинский Э.И. 2018. Академия наук в турбулентном поле революции 1917 г. — *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. — № 2. — С. 81–99.
- Коржихина Т.П. 1981. — *Общественные организации СССР*. — М.: Б.и. — 96 с.
- М. Не скопляйся. 1922. — *Социалистический вестник*. — № 17. — С. 7.
- О регистрации товариществ, обществ и союзов. 1917. — *Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате (СУ)*. 1917. — № 165. — Ст. 907. — С. 1586–1591.
- О собраниях и союзах. 1917 — *СУ* — № 98. — Ст. 540. — С. 848–849.
- Онос Ю.А. 1943. Из истории советской науки (1917-1920-е гг.) — *Исторический журнал*. — № 5–6. — С. 18–25.
- Плато К.Г. 1903 *Положение о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников*. — Рига: Типо-лит., словолитня и фото-химиграфия Э. Платеса. — 268 с.
- Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними». 1922. — *СУ РСФСР*. — № 49. — Ст. 622. — С. 787.
- Северная коммуна*. 1918. — 26 ноября.
- Северная коммуна*. 1919. — 6 мая.
- Семенов-Тянь-Шанский В.П., Герасимов А.П., Орлов Б.П. 1946. Юлий Михайлович Шокальский и Всесоюзное географическое общество. — *Памяти Юлия Михайловича Шокальского. Сборник статей и материалов*. — М.-Л.: Издательство Академии наук СССР. — Ч. 1. — С. 111–142.
- Советские Конституции. Справочник*. 1963. — М.: Госполитиздат. — 350 с.
- Соколовский Г.Н. 1927. Русское географическое общество за последнее десятилетие. — *Научный работник*. — С. 36–44.
- ЦГА СПб... Центральный государственный архив Санкт-Петербурга.

**«ЗАЩИТНАЯ ОКРАСКА» В ГИДРОБИОЛОГИИ:
КОМПРОМИСС УЧЕНОГО
МЕЖДУ ИДЕОЛОГИЕЙ ПОКОРЕНИЯ ПРИРОДЫ
И ПРИРОДООХРАННЫМИ УСТАНОВКАМИ
В 1930-е –1940-е гг. В СССР¹**

*А.Л. Рижинашвили,
А.С. Волкова*

*Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН*

Аннотация: *Общеизвестно отождествление в массовом сознании в России науки экологии и природоохранной практики. Корни этого отождествления имеют основание в особом характере деятельности экологов в СССР в годы Большого террора (1930–1940-е годы). Для того, чтобы отстоять свое право на независимые исследования, они пытались пропагандировать и проводить в жизнь природоохранные принципы. В условиях навязываемой властями идеологии покорения природы ученые пользовались моделью поведения, получившей название «защитная окраска». На примере программных работ гидробиолога В.И. Жадина показано, как проявлялась защита природоохранных установок экологом, искренне разделяющим официальные прикладные воззрения. Жадин с самого начала выступал в своих работах так, что в дальнейшем под идеологическим давлением ему не приходилось делать значительных уступок и каяться в собственных убеждениях. Все это не только позволило лично ему спокойно работать в беспокойное время, но и проводить ценнейшие природоохранные предложения. Сделано предположение, что искреннее служение идеологии перестройки природы спасло ученого и возглавляемый им научный коллектив от репрессий.*

Ключевые слова: *тоталитарный режим, «культурная революция», история экологии, история гидробиологии, В.И. Жадин.*

Введение

Экология в наши дни имеет огромную популярность. В обыденном сознании название нашей науки прочно ассоциируется с защитой окружающей среды и даже просто с ее каче-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (номер проекта 17–33–01046). Авторы благодарят коллектив научной библиотеки Зоологического института РАН за постоянную помощь в работе с литературными источниками.

ством (что выражается в широком бытовании таких уродливых словосочетаний, как «плохая экология», «экология печени», «экология литературы», «экология чувств», и т. д.). Однако по своему содержанию и задачам экологическая наука является лишь основой для разработки практических мероприятий природопользования и охраны природы [Алимов 2002; Гиляров 2013]. Поскольку качество среды в значительной мере касается каждого члена общества, который не всегда может иметь верное представление о теоретической науке, то это определяет особое место экологии в системе общественных отношений и институтов.

Истоки сращения в массовом сознании экологии и охраны природы, по крайней мере, в нашей стране, имеют давнюю историю. Их следует искать в так называемом заповедном движении, широко развернувшемся в СССР в конце 1920-х гг. [Weiner 1999]. Как раз на этот период приходится и наибольший расцвет экологии как науки, в особенности экологии сообществ (биоценозов) и в СССР, и в мире [Колчинский 1999; Колчинский 2006]. Как убедительно показал Д. Вайнер [1991], необходимость изучения сообществ организмов диктовала и необходимость их сохранения в неизменном, эталонном виде. Последнее могло быть реализовано только на заповедных территориях. Но такая природоохранная установка шла вразрез со Сталинскими задачами переделки враждебной и стихийной природы на пользу строящемуся социалистическому обществу. Это противоречие не могло не сказаться на судьбах ученых и их научных направлений.

К началу 1930-х гг. в СССР в результате так называемой «культурной революции» сложились определенная идеология государственного отношения к исследованиям в области экологии и охраны природы, а также к самой природе. По общему мнению изучавших этот период историков науки [Вайнер 1991; Колчинский 2006] природа рассматривалась как препятствие, которое нужно преодолеть для получения материальных благ. Это парадигма так называемого утилитаристского подхода к природе. Самосовершенствование человека состоит не в том, что он наслаждается красотой и организованностью природы, а в том, что он покоряет ее ради нужд общества. Ценность самой природы проявляется только тогда, когда она выступает как производящая какой-либо нужный человеку продукт. Природа, по мнению сталинских идеологов, не гармонична и не совершенна, а это значит, что не наблюдается тонкого и точного соответствия организмов друг с другом и со средой. Это само по себе служит научным обоснованием для безоглядного вторжения в природные процессы. Даже по словам ведущего советского эколога того периода Д.Н. Кашкарова [Кашкаров 1937: 219]: «... связи между членами биоценоза несравненно слабее... и потому наше вмешательство в жизнь биоценозов не грозит никакими катастрофами...». Проповедовавшийся с конца 1920-х гг. диалектический подход становится недостаточным в научных исследованиях. Научную работу необходимо проводить так, чтобы она была направлена на поиск путей реконструкции природы (известная установка «практика есть критерий истины»). Советские историки экологии так характеризовали этот период развития экологии: «Задачи освоения природных ресурсов, борьбы за урожай, интересы здравоохранения... выдвинули экологию на одно из первых мест, привели к необычайно бурному ее развитию...» [Новиков 1980: 120]. Исследования должны были быть очень конкретны. В них исключается всякая случайность, отсюда полное неприятие к статистическому аппарату и вообще применению математики [Вайнер 1991], прикрываемое необходимостью учета специфики биологических процессов и критикой формализма, упрощенчества, редуccionизма. Исследования по динамике органического вещества (продукции) следует ориентировать на конкретный хозяйственный продукт (биомасса ценного вида), а не на баланс веществ или жизнедеятельность любых организмов [см., например: Карзинкин 1936].

В сложившихся идеологических условиях какие-либо рекомендации, направленные на охрану природы, воспринимались как идеологически чуждые и вредное низкопоклонство

перед природой, попытки ее сохранения от социализма и пятилетних планов [Вайнер 1991]. Основная задача, поставленная правительством перед экологами, состояла не в том, чтобы разрабатывать мероприятия по охране видов и сообществ, а в том, чтобы дать рекомендации хозяйственникам по коренной переделке природы. В результате природоохранная проблема стала не только научной и практической, но и приобрела черты идеологии противостояния с партией и правительством (триада «индустриализация, коллективизация, акклиматизация») [Вайнер 1991].

В этой ситуации у очень многих ученых выработалась модель поведения, которую Вайнер [Вайнер 1991] удачно назвал «защитная окраска». На словах ее приверженцы (искренне или неискренне) оперировали риторикой и задачами политики преобразования природы, но «между строк» старались спасти в природоохранном деле все, что только возможно. Часть биологов вынуждена была перестраиваться, их «защитная окраска» выглядела наносной. Последнее делало их очень уязвимыми для репрессивной машины. Именно когда они начинали раскаиваться в прежних взглядах, пытаясь убедить власть в своей лояльности, на них обрушивалась уничтожающая критика со всеми возможными в условиях тоталитаризма последствиями (так произошло, например, с экологом В.В. Станчинским [Мирзоян 2013]).

Но были и ученые, с самого начала своей карьеры вполне искренне служившие насущным потребностям хозяйственной практики. Наиболее яркая, хотя и забытая, фигура в водной экологии — известный зоолог и гидробиолог В.И. Жадин [см. о нем подробнее: Кутикова, Алимов 2012; Рижинашвили 2017]. Анализ его научной позиции в отношении охраны природы и природопользования позволит пролить свет на проблему эффективности и безопасности сотрудничества с тоталитарным режимом. Жадин в отличие от многих других гидробиологов никогда не подвергался ни репрессиям, ни каким-либо административным притеснениям. Вайнер [Вайнер 1991] полагает, что при общей сдержанности его работы имели весьма выраженную природоохранную направленность. Анализ его научного наследия (по наиболее крупным работам программного характера 1930-х–1940-х гг.) с позиции стратегии «защитной окраски» позволит понять то, каким образом этот ученый смог спасти себя, свою семью, свой коллектив, сохранив при этом глубоко научные убеждения. К сожалению, это наследие Жадина в полной мере начинает разрабатываться только сейчас [Рижинашвили 2017]. Тем более, никто не оценивал идеологический подтекст его работ. Между тем, именно соотношение идеологического и научного в творчестве отражает социальную обстановку жизни и творчества любого исследователя. Цель нашей работы — выявление этого соотношения применительно к научной деятельности одного из наиболее известных гидробиологов и организаторов науки своего времени, который был лоялен к режиму. Внимание будет уделено взглядам Жадина на вопросы охраны природы, его исследовательским и практическим установкам в условиях навязанного обстоятельствами компромисса. Нам кажется, что это позволит внести определенный вклад и в понимание процесса «экологизации» сознания в советском обществе.

Идеологические аспекты Фаунистической конференции в Зоологическом институте АН СССР

Впервые ярко обеспокоенность вопросами деградации среды Жадин проявил в ходе выступления на судьбоносной для него Фаунистической конференции Зоологического института АН СССР (ЗИН), состоявшейся в 1932 г. в Ленинграде и инспирированной И.И. Презентом. Жадин тогда работал в Горьковском гидрологическом институте, и был приглашен своим учителем, академиком С.А. Зерновым, директором ЗИНа, сделать доклад на данной мероприятии [Жадин 1991]. Название доклад имел вполне экологическое: «Биоценотическое

и фаунистическое исследование районов и их биотопов в связи с хозяйственными работами, изменяющими условия существования водных животных» [Жадин 1934]. Докладчик выразил свою озабоченность очень искусно, воспевая «колоссальное соцстроительство», которое «гигантскими шагами изменяет географическое лицо СССР» [Жадин 1934: 33]. Здесь же он словно между прочим говорит, что «в водоемы поступают разнообразные сточные воды» [Жадин 1934: 33]. В отдельном пункте доклада повествуется: «Все дореволюционное строительство России, а также строительство первых лет советской власти не могут итти ни в какое сравнение со строительными размахами первой пятилетки и особенно с грандиозными наметками второй пятилетки» [Жадин 1934: 34]. Но, по мнению Жадина, исследований, которые бы изучали вопрос о влиянии гидротехнических работ и сооружений на «биоценотическое и фаунистическое лицо водоема» до сих пор имеется очень мало. Как выход Жадин предложил «составить гидробиологическую и фаунистическую пятилетку, увязанную во всех деталях с общехозяйственной и культурной пятилеткой» [Жадин 1934: 35]. В ходе доклада он отметил также целый ряд природоохранных проблем (уменьшение количества планктона, затруднения для размножения проходных рыб, заболачивание, понижение уровня воды) и наметил пути их решения (например, заселение в запруды быстрорастущих пород рыб).

В прениях по докладу, кроме ряда гидробиологов и ихтиологов, выступил Презент, который указал, что доклад «является ответом на запросы пятилетки», и сказал далее: докладчик «подошел к своей задаче не как созерцатель — натуралист, а как инженер — конструктор, пытающийся перестроить природу, переделать ее на службу социализма» [Жадин 1934: 40]. В этих словах главного диалектизатора биологии в Ленинграде содержится квинтэссенция подхода к природе эпохи культурной революции. Вайнер усматривает в похвале Презента подтекст, скрытую угрозу Жадину [Вайнер 1991]. Интересно, что Жадин в ответном слове пытается «деперсонализировать» свое сообщение, переадресовав комплименты Презента и других выступавших: сначала к «соцстроительству, благодаря которому мы имеем возможность работать», затем к бригаде «целого ряда лиц» (среди перечисленных — Станчинский, уже тогда опальный). Жадин завершил, что «фаунисты должны работать в тесной увязке с промышленностью. Это является тем путем по которому мы должны итти, именно путем, по которому поведет нас коммунистическая партия» [Жадин 1934: 47]. Все выступавшие на конференции отметили, что «работа бригады т. Жадина правильно ставит задачи гидрофаунистических исследований, исходя непосредственно из конкретных задач 2-й пятилетки по гидростроительству» [Жадин 1934: 47]. Как итог, в принятой резолюции основной задачей гидробиологических исследований было провозглашено «составление прогноза по биологическому использованию всех категорий хозяйственных сооружений для целей рыбного хозяйства, водоснабжения и т. п., а также выработка способов преодоления всех затруднений, вызываемых сооружениями» [Жадин 1934: 48]. Итак, конкретные природоохранные проблемы названы «затруднениями», и Жадину удалось привлечь внимание к природоохранной тематике, причем сделать это очень отчетливо.

Таким образом, уже в первом выступлении в присутствии опасной фигуры Презента, Жадин повел себя достаточно принципиально. Он также проявил изрядную смелость, упомянув уже уходящего с научной сцены Станчинского (чуть более чем через год он будет арестован).

В целом для доклада Жадина на Фаунистической конференции были характерны: признание невиданной быстроты темпов социалистического изменения лика природы; акцент на необходимость планового начала в гидробиологической работе и увязки научной пятилетки с хозяйственными задачами; изучение проблем, которые приносит природе гидротехническое строительство, необходимость их решения путем принятия конкретных мер.

По воспоминаниям самого Жадина [Жадин 1991] эта конференция «послужила толчком» его переходу на работу в Ленинград, в ЗИН. Всю последующую деятельность Жадина еще никто не анализировал в природоохранном аспекте. Сохранит ли ученый обозначившуюся в 1932 г. принципиальную линию поведения?

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Для Жадина никогда не были чужды практические запросы времени, более чем не были чужды [Гурьянова 1968]. Так, еще в студенческие годы он занимался биологией моллюска — передатчика глистных заболеваний скота. В конце 1930-х гг. он изучал проблему заготовки моллюсков как сырья для пуговичной промышленности. Наконец, существенную составную часть его деятельности составляли вопросы исследования водоемов как источников водоснабжения («проблема чистой воды»), в частности, водоснабжения городов. Все 1930-е гг. (до начала Великой Отечественной войны), сначала в Горьком, а затем в ЗИНе, Жадин занимался проблемой изменений в сообществах организмов при строительстве водохранилищ на реках.

Отклик на политическую обстановку в гидробиологических работах до сессии ВАСХНИЛ

Рассказывая о достижениях 20-летнего послереволюционного изучения рек СССР [Жадин 1937], Жадин разворачивает перед нами картину работ в области водного кадастра, изыскания источников водоснабжения, проблем гидростроительства. В целом он дает обзор изученности крупных рек и их биоценозов по географическому принципу. При этом обращает внимание на смену биоценозов, которую повлекло за собой гидротехническое строительство на крупнейших реках страны — Волге и Днепре. Он не обходит вниманием оценку запасов промысловых животных (преимущественно крупных двусторчатых моллюсков как продуцентов материала для пуговиц). В этой же работе Жадин разграничивает «созерцательный», регистрирующий, подход к изменениям в биологическом режиме рек и рекомендацию конкретных мер по борьбе с нежелательными явлениями. Эти «нежелательные явления» (зарастание, заболачивание, массовое развитие малярийного паразита, разрушение нерестилищ рыб, и пр.) спровоцированы как раз хозяйственным вмешательством в этот режим. Он также критикует эмпиризм многих работ. Идеологические мотивы выглядят всего лишь добавлением, «довеском», к основному тексту, причем явным. В целом работа написана на удивление в спокойном научном стиле. Лишь в середине изложения Жадин высказывается о новом этапе развития гидробиологии, который «порожден невиданным в истории человечества индустриальным преобразованием страны на базе электрификации» [Жадин 1937: 1548]. Но здесь же ученый снова упоминает и о природоохранных проблемах: например, что ГЭС преграждает путь проходным рыбам, а сооружаемые рыбоходы не снимают этой проблемы. Таким образом, критика (хотя и слабая, выглядящая ритуальной) эмпиризма и созерцательности не мешает Жадину видеть реальные природоохранные проблемы. Настолько не мешает, что он свободно пишет о них в статье, посвященной 20-летию Октябрьской Революции в разгар эпохи Большого террора. Это происходит тогда, когда его коллега Д.Н. Кашкаров [Кашкаров 1937], подводя итоги успехам экологии животных за 20 лет Советской власти, вовсе не затрагивает вопросов сохранения каких-либо видов или природных комплексов. Задачу экологии Кашкаров видит лишь в том, чтобы овладеть жизнью видов и биоценозов в прикладных целях (охотхозяйство, растениеводство, животноводство, медицина). Причем Кашкаров в целом считается последовательным сторонником охраны природы и, в отличие от Жадина, известен гораздо более широко [Мирзоян 2013].

Результатами отклика Жадина на практические задачи социалистического строительства стали разработанные им закономерности генетической гидробиологии: как меняется со-

став и обилие фауны рек при постройке водохранилищ [Жадин 1940]. Гидробиолог сделал весьма важный теоретический и одновременно природоохранный вывод. По мере усиления процесса заиления требовательные к содержанию кислорода первичноводные организмы заменяются более стойкими вторичноводными. Это, по мнению Жадина, означает, что нужно направлять усилия на сохранение чувствительных первичноводных организмов. Для этого необходимо оставлять нетронутыми каменистые грунты, либо сооружать такие биотопы искусственно. Такие рекомендации в соответствующее время — большой шаг личной смелости. Снова отметим, что, согласно идеологии, природа не должна оставаться нетронутой.

В своей послевоенной обзорной работе Жадин развивает представления о генезисе водоемов и их биоценозов [Жадин 1946а]. С первых строк исследователь в очередной раз отмечает быстроту перемен, которые происходят в реках, протекающих в областях с интенсивным развитием хозяйства. Хозяйственные задачи снова встают перед гидробиологами: «Четвертая Сталинская пятилетка, к осуществлению которой мы уже приступили, содержит в себе целый ряд начинаний, которые с несомненностью будут влиять на гидрологический и гидрохимический режим водоемов, а через него на фауну и биоценозы водоемов. Поэтому советские гидробиологи должны уже сейчас быть готовыми к решению тех проблем, которые поставит перед ними народное хозяйство и, в частности, гидротехническое строительство» [Жадин 1946а: 385]. Увязав теорию и практику, Жадин буквально бьет тревогу о вымирании реликтовых форм (некоторые виды планктонных рачков) при заилении озер. Он снова умело преподносит природоохранный вопрос: через рачков неблагоприятное влияние может отразиться на судьбе промысловых рыб, поскольку планктонные ракообразные служат пищей последним. Поэтому, например, сработка уровня воды должна быть скорректирована с учетом влияния на эту группу животных.

Примечательно, что Жадин привлекает внимание читателей к проблеме Аральского моря. Как известно, его воды должны были отводиться на орошение пустынь. По Жадину такой отвод может сказаться на уровне воды, а через него — на солёности. Поэтому нужно уметь прогнозировать возможные соответствующие изменения в биологической картине моря. Проблема Арала перетекает у него в проблему акклиматизации, поскольку может возникнуть необходимость введения новых форм для целей повышения продуктивности измененного руками человека водоема. Но уже в другом месте работы он высказывает опасения относительно непродуманной акклиматизации. Так, по его мнению, акклиматизация в Байкале некоторых видов рыб может «спутать всю биологическую картину этого замечательного водоема» [Жадин 1946а: 392].

Жадина беспокоит не только судьба водоемов, но и качество водной среды. Например, он указывает на снижение содержания кислорода в крупных реках, которые получают стоки целлюлозно-бумажной промышленности: «В четвертом пятилетнем плане намечается дальнейший рост целлюлозной и бумажной, а также и других отраслей промышленности, пользующихся водоемами для сброса отходов своего производства» [Жадин 1946а: 390]. Он приводит конкретный пример с Волгой: «Волга, бывшая в 1922 г. рекой с благополучным кислородным режимом, превратилась зимой 1939 г. в заморную реку. Это наложило печать почти на все волжские биоценозы и вызвало гибель части рыб и беспозвоночных» [Жадин 1946а: 390]. Такая серьезная озабоченность проявляется едва ли не вопреки официальной идеологии в центральном печатном органе зоологов — Зоологическом журнале!

Настойчиво говорит Жадин о необходимости разработки мероприятий, предотвращающих отрицательные последствия «изменения биоценозов под влиянием индустриального и сельскохозяйственного воздействия». Он пишет об озере Севан, «воды которого начали спускать через Зангинский каскад гидроэлектростанций на орошение засушливых районов Армении» [Жадин 1946а: 392]. Происходящие изменения могут повлечь за собой «коренное

изменение в условиях жизни ценных севанских форелей» [Жадин 1946а: 392]. Вновь тревога за судьбу природного комплекса конкретного озера выливается у Жадина в вопрос об условиях жизни ценных (для промысла) севанских форелей.

Какой общий выход предлагает этот исследователь? Теория генезиса водоемов необходима, так как она «позволит наложить кальку прогнозов на карту будущих пятилетних планов, которые в той или иной степени будут затрагивать воды СССР» [Жадин 1946а: 393]. То есть, практические вопросы могут найти свое решение в теории.

После сессии ВАСХНИЛ

1948 год, как хорошо известно, стал переломным в советской биологии. После августовской сессии ВАСХНИЛ мракобесие окончательно восторжествовало, и поднялся новый виток гнета науки [Колчинский 2006]. Очевидно, тут уже было недостаточно простого соответствия запросам практики и диалектизации стиля мышления. Нужно было полностью перейти на рельсы псевдонаучной «мичуринской биологии». Можно ли было в таких условиях продолжать придерживаться природоохранной стратегии?

Жадин откликнулся на это печальное в истории науки событие обширной статьей в Зоологическом журнале [Жадин 1949]. Изменилась риторика исследователя. В самом начале статьи доклад т. д. Лысенко объявляется прозвучавшим «как мощный призыв за передовую мичуринскую биологию» [Жадин 1949: 197]. И далее Жадин грозно добавляет: «В эти дни всякое идейное колебание, всякое подчинение тленными буржуазными идеям, всякое преклонение перед иностранщиной может рассматриваться только как путь к переходу в лагерь врага» [Жадин 1949: 197]. Он полагает, что уже все биологи пересмотрели положение в различных отраслях своей науки. Теперь «пришла очередь и гидробиологии». После такого идеологического вступления следует вполне экологическое определение гидробиологии: «гидробиологию надо понимать как комплексную биологическую науку, имеющую своим объектом единство водных организмов и среды, изучающую биологическую продуктивность водоемов через биологическую продуктивность водных организмов и разрабатывающую методы активного управления процессами биологического продуцирования водоемов» [Жадин 1949: 198]. Подчеркнем, что в сферу деятельности науки включены методы активного управления продуцированием.

Какие виды животных Жадин предлагает изучать в первую очередь? Это должны быть «...прежде всего виды, имеющие промысловое или практическое значение, затем виды, разводимые в массовом количестве и служащие пищей промысловым животным, и, наконец, виды — биоиндикаторы современных и прежних условий обитания» [Жадин 1949: 200]. Кажется, что здесь речь уже не идет о сохранении реликтов. Но это только кажется. Жадин по сути спрятал за словом «биоиндикаторы» наиболее чувствительных организмов (среди которых как раз реликтовые формы), погибающих при нарушении среды в первую очередь. За подтверждением своей позиции он снова обращается к словам Лысенко: «При выборе объекта исследования мы должны помнить слова акад. Т.Д. Лысенко: „Научное решение практических задач — наиболее верный путь к глубокому познанию закономерностей развития живой природы“» [Жадин 1949: 200]. Жадин призывает: «...вооружившись лупой мичуринской наблюдательности, найти у многих водных организмов те признаки и свойства, которые было бы желательно развить у животных и растений в предстоящей большой работе по выведению новых пород организмов для искусственных водоемов, создаваемых человеком социалистического общества» [Жадин 1949: 201]. Есть и другие свидетельства восприятия Жадиным (хотя бы внешнего) господствующей идеологии. При изучении биоценозов он предлагает отказаться от «всякого арифметического насилия над цифрами» [Жадин 1949: 204], и в отно-

шении терминологии очистить русский язык «...от излишних иностранных терминов, которые часто выглядят как сорняки низкопоклонства перед гнилой иностранщиной» [Жадин 1949: 204]. Возвращаясь к центральной для него проблеме генезиса биоценозов, Жадин подчеркивает, что полученные знания «...являются основой прогнозов изменений, которые происходят и будут происходить в естественных и искусственно сооружаемых водоемах, основой для предупреждения отрицательных последствий неразумного вторжения в режим водоемов, основой для максимального повышения пользы, приносимой водоемами человеку» [Жадин 1949: 204]. То есть, по его мнению, вмешательство человека может быть и неразумным. Вообще говоря, само присутствие слова «вторжение» означает, что Жадин считает режим водоемов таковым, что человеческая деятельность для него может оказаться нежелательной. В то же время Жадин спешит уверить, что сказанное не означает принятие «гармонической организованности» водоема. Ведь в каждый отдельный период водоем может быть заселен разными по возрасту биоценозами. Эта разновозрастность связана с различным временем вселения организмов в водоем, что часто происходит при человеческом вмешательстве. Например, в водохранилище часть фауны остается от реки, на которой оно сооружено, а часть — это те элементы, что появляются позднее.

Поскольку и генезис биоценозов, и строительство водохранилищ, тесно связаны с процессом стока веществ, то Жадин предупреждает об опасности эрозии почв: «Избыточное поступление продуктов стока в водоем неизменно вызывает деградацию жизни в водоеме» [Жадин 1949: 206; Жадин 1946б]. И далее: «Все возрастающее поступление веществ стока в водоемы, по мере увеличивающейся деятельности человека на водосборных площадях, заставляет принимать серьезные меры к обузданию этого стихийного фактора...» [Жадин 1949: 206]. То есть, по его мнению, стихийностью характеризуется не только сама природа, но и усиленные человеком природные процессы. Эту стихию тоже необходимо обуздывать, дабы не допустить деградацию жизни. Поэтому задача гидробиологии, как и агробиологии, удерживать эрозию почвы от чрезмерного развития. Она губительна как для сельского, так и для рыбного хозяйства.

Но и «стихийное продуцирование водоемов» по Жадину «ни в какой мере не может удовлетворить» советских гидробиологов. Следующие слова прямо перекликаются с высказанными Презентом еще в 1934 г.: «Нам отнюдь не безразлично, дает ли водоем тонну органического вещества в виде личинок малярийного комара или ту же тонну в виде поедаемых рыбами личинок тендипедид. ... Нам нужно направленное человеческой волей биологическое продуцирование водоемов» [Жадин 1949: 208]. Отмечу, что Презент, вынося свой приговор научной ценности работ некоторых экологов, говорил: «...разве всякая биомасса хозяйственно одинакова значима? ...И разве мы заинтересованы во всякой биомассе?» [Презент 1934].

Как инженер, а не созерцатель, Жадин ратует за направляемое человеческой волей продуцирование. Это можно сделать и путем введения в фауну ценных пород рыб и путем регулирования поступления в водоем питательных веществ. Мы можем «подавлять вредную продукцию», например, борясь с зарослями растительности, «цветением» воды, и так далее.

Жадин заключает, что «путь советских гидробиологов — это путь направленного биологического продуцирования, причем направленность эта должна достигаться методами мичуринской биологии, методами смелых преобразователей природы — Докучаева, Вильямса, Мичурина и Лысенко» [Жадин 1949: 209]. Средствами такого направленного продуцирования могут служить и интродукция новых видов, и выведение новых пород организмов. Жадин намеренно отказывается от термина «акклиматизация», так как считает, что речь идет не об акклиматизации в «мичуринском смысле» (правда, не раскрывается, что это за смысл), а о введении «организмов в водоемы, испытавшие на себе неблагоприятные воздействия ледни-

кового времени или испытывающие изменения своего режима под влиянием человеческой деятельности. В результате освобождения части местообитаний от ранее населявших их организмов в такие водоемы и становится возможным ввести те или другие экологически и биологически соответствующие этим условиям виды» [Жадин 1949: 210]. То есть, Жадин ратует не за огульную акклиматизацию, а за внедрение видов в те местообитания, которые им соответствуют, и в том случае, если фауна обеднена (в том числе, в результате вмешательства человека). Относительно выведения новых пород Жадин говорит как о «молодом деле». Здесь он делает отступление в сторону критики «формальных генетиков». Гидробиологам же в этом вопросе «следует воспринять и развить применительно к водной среде глубоко продуманный, теоретически обоснованный и блестяще оправдавший себя на практике сельского хозяйства классический метод И.В. Мичурина и Т.Д. Лысенко» [Жадин 1949: 211].

Жадин резюмирует, в чем он видит задачу гидробиологии. Он говорит об изучении вопросов, связанных с созданием новых водоемов в засушливых регионах, освоением богатств новых морских акваторий («перешедших к нам в результате победоносной войны»), продвижением прудового рыбоводства на север. Но не забывает и о разработке показателей загрязнения воды. Учет всех этих задач, по мнению Жадина, приведет «к полной реконструкции биологической картины водоемов в интересах человека коммунистического общества» [Жадин 1949: 212].

Таким образом, даже в столь идеологизированной работе, написанной по следам сессии ВАСХНИЛ, Жадин остается вполне верен своим природоохранным принципам. Сгустив «защитную окраску», апеллируя к высказываниям классиков агробиологии Лысенко и Вильямса, он продолжает проводить природоохранные идеи, причем оставаясь на теоретической основе гидробиологии. Во-первых, он четко проводит мысль, что вторжение человека (именно вторжение) в природные комплексы и процессы может быть неразумным, если не предваряется теоретическими соображениями. Во-вторых, вызванные человеческой деятельностью процессы также, как и явления природы, могут носить стихийный и отрицательный характер (как для природы, так и для человека). В-третьих, даже такая навязываемая идеологией мера как акклиматизация должна проводиться с учетом особенностей конкретного водоема, как правило, «недонаселенного» (в том числе, под действием человека), на освободившиеся места. В-четвертых, Жадин ставит как один из важных вопросов о показателях загрязнения водоемов.

Какие элементы «защитной окраски» помогают Жадину излагать эти идеи в безопасной для себя форме. Во-первых, как мы уже отмечали, текст обильно снабжен цитатами «классиков». Во-вторых, проводится самокритика своих работ и исследований тех гидробиологов, которые были на тот момент опальными (особенно сильно достается «формалистам» в понимании Жадина — Г.Г. Винбергу и В.С. Ивлеву). В-третьих, Жадин, как и Лысенко, ставит на первое место условия окружающей среды, а не межвидовые и внутривидовые отношения в биоценозах. В-четвертых, внимание Жадина сосредоточено на промысловых видах или таких, которые имеют непосредственное практическое значение. Также он обращает внимание на конкретные практические задачи и необходимые меры, которые нужно предпринять, чтобы активно воздействовать на продуцирование водоемов. В-пятых, Жадин отрицает применение математических методов, которые были, как известно, ненавистны и Лысенко, и Презенту.

Заключение

Все, что Жадин пишет, строго логично и полностью соответствует той главной идее, которую он провозгласил еще на Фаунистической конференции в 1932 г.: увязать хозяй-

ственную и научную пятилетки. Жадин не отказывается от преобразования природы, призывая к тому, чтобы оно было разумно, с учетом отдаленных последствий. Поскольку этот ученый был всегда близок к хозяйственным задачам, то это помогало ему выступать как «инженеру природы». Возможно, именно искренность и убежденность Жадина в этом вопросе обезопасила и его лично, и руководимый им научный коллектив, в очень и очень сложное в истории страны время. Как показал Э.И. Колчинский [Колчинский 2006], в годы сталинских репрессий нельзя было спастись, лишь поспешно приняв на словах идеологические условия. Ничего не гарантировало и откровенное преклонение. Жадин с самого начала выступал в своих работах так, что в дальнейшем под идеологическим давлением ему не приходилось делать значительных уступок и каяться в собственных убеждениях.

Все это не только позволило лично ему спокойно работать в беспокойное время, но и сформулировать и проводить ценнейшие природоохранные предложения. Не оставит этого Жадин и уже в 1950–1960-х гг. К сожалению, как уже не раз нами отмечалось, именно сильная прикладная направленность и слабая математизация работ Жадина впоследствии помешала адекватному восприятию его реальных заслуг в области гидробиологии (прежде всего, теоретических) [Рижинашвили 2017]. Настоящая работа призвана восполнить этот пробел и показать заслуги Жадина как деятеля охраны природы, имевшего мужество в условиях тоталитарного режима, где господствовал Сталинский план покорения природы, четко сформулировать идеи, принципы, и конкретные рекомендации по сохранению видов и водоемов. С другой стороны, мы попытались продемонстрировать насколько действительно может работать модель «защитной окраски». Сотрудничество с властью могло быть вполне эффективным, если теоретическая база ее идеологии для исследователя была не совсем чужда.

Представляется, что уровень природоохранного сознания в советском обществе сталинского периода, по крайней мере, в научной среде, был очень высок. Эти традиции найдут свое развитие и воплощение уже в период «оттепели» в 1960-х гг. и объединят не только исследователей, но и широкую общественность [Рижинашвили, Тихонова 2017]. К сожалению, такая, безусловно, положительная общественная тенденция имела и обратную сторону: экология стала полностью отождествляться с охраной природы.

Алимов А.Ф. 2002. Об экологии всерьез. — *Вестник РАН*. — Т. 72. — № 12. — С. 1075–1080.

Вайнер Д. 1991. *Экология в Советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы*. — М.: Прогресс. — 400 с.

Гиляров А.М. 2013. Современная экология под грузом естественной истории. — *Журнал общей биологии*. — Т. 74. — № 4. — С. 243–252.

Гурьянова Ев. 1968. Владимир Иванович Жадин. — *Загрязнение и самоочищение реки Невы*. — Л.: Наука. — С. 3–23.

Жадин В.И. 1934. Биоценологическое и фаунистическое исследование районов и их биотопов в связи с хозяйственными работами, изменяющими условия существования водных животных. — *Труды Фаунистической конференции Зоологического института 3–8 февраля 1932 г. Секция гидробиологическая*. — Л.: Изд-во АН СССР. — С. 33–49.

Жадин В.И. 1937. Успехи гидробиологического изучения рек СССР. — *Известия АН СССР. Серия биологическая*. — № 5. — С. 1547–1554.

Жадин В.И. 1940. *Фауна рек и водохранилищ*. — М.-Л.: Изд-во АН СССР. — 992 с.

Жадин В.И. 1946а. Проблема генезиса фауны и биоценозов континентальных водоемов СССР в Четвертом пятилетнем плане. — *Зоологический журнал*. — Т. XXV. — Вып. 5. — С. 385–394.

Жадин В.И. 1946б. Эрозия почв как гидробиологический фактор. — *Природа*. — № 9. — С. 25–30.

Жадин В.И. 1949. Современное состояние и задачи гидробиологии в свете учения Вильямса — Мичурина — Лысенко. — *Зоологический журнал*. — Т. XXVIII. — Вып. 3. — С. 197–212.

Жадин В.И. 1991. Мой путь в гидробиологию. — *Отечественные гидробиологи*. — СПб: ЗИН АН СССР. — С. 5–79.

Карзинкин Г.С. 1936. Теория биологической продуктивности водоемов как рабочая схема. — *Зоологический журнал*. — Т. XV. — Вып. 2. — С. 245–250.

Кашкаров Д.Н. 1937. Советская зооэкология, ее состояние, успехи за 20 лет и перспективы развития. — *Природа*. — № 10. — С. 212–229.

Колчинский Э.И. 1999. *В поисках советского «союза» философии и биологии (дискуссии и репрессии в 20-х – начале 30-х гг.)*. — СПб: «Дмитрий Буланин». — 280 с.

Колчинский Э.И. 2006. *Биология Германии и России — СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века (между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом)*. — СПб: «Нестор-История». — 638 с.

Кутикова Л.А., Алимов А.Ф. 2012. Владимир Иванович Жадин — гидробиолог, зоолог, малаколог. — *Историко-биологические исследования*. — Т. 4. — № 4. — С. 50–58.

Мирзоян Э.Н. 2013. *Становление экологических концепций в СССР: семь выдающихся теорий (Д.Н. Кашкаров, В.В. Станчинский, С.А. Северцов, В.Н. Беклемишев, Л.Г. Раменский, Р.Ф. Геккер, Л.С. Берг)*. — М.: Книжный дом «Либроком». — 632 с.

Новиков Г.А. 1980. *Очерк истории экологии животных*. — Л.: Наука. — 289 с.

Презент И.И. 1934. Выступление в дискуссии. — *Советская ботаника*. — № 3. — С. 52–63.

Рижинашвили А.Л. 2017. Владимир Иванович Жадин (1896–1974) и истоки современной гидробиологии: интервью с академиком РАН А.Ф. Алимовым. — *Историко-биологические исследования*. — Т. 9. — № 2. — С. 84–99.

Рижинашвили А.Л., Тихонова Е.П. 2017. Судьба озера Байкал в центре международного внимания (переписка трех гидробиологов — Дж.Э. Хатчинсона, М.М. Кожова и В.И. Жадина). — *Вопросы истории естествознания и техники*. — № 4. — С. 643–661.

Weiner D. 1999. *A Little Corner of Freedom: Russian Nature Protection from Stalin to Gorbachev*. — Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press. — 559 p.

Политологический репортаж

МОНИТОРИНГ ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ: ФАКТЫ И КОММЕНТАРИИ

И.М. Клямкин
Фонд «Либеральная миссия»

Аннотация: *Продолжаем публикацию дневниковых текстов профессора И.М. Клямкина в Фейсбуке. В этом номере представлены записи с сентября по ноябрь 2018 г. В них автор продолжает рассматривать намерения российских властей осуществить технологический и социально-экономический прорыв и подготовку к его осуществлению, оценивает перспективы этого политического курса, финансовое обеспечение которого в значительной степени возложено на население. Во внешней политике И.М. Клямкин по-прежнему много внимания уделяет украинскому направлению — в публикуемых текстах анализируются события, свидетельствующие о ставшей окончательно очевидной несогласуемости позиций в минско-нормандском переговорном формате и исчерпанности миротворческого потенциала самого этого формата. Украинская тема затрагивается и в критических заметках об умонастроениях в российской либеральной среде, где незавершенность украинских реформ начинает интерпретироваться, как их провал. Динамика общественных настроений интересует автора и в ряде других текстов — в частности, касающихся истории и восприятия ее различных аспектов. И.М. Клямкин активно участвовал в сетевых дискуссиях, вызванных 25-летней годовщиной трагических событий осени 1993 года, привлекая для обоснования отстаиваемой позиции и свои тексты прежних лет. Очередная подборка его заметок заслуживает, на наш взгляд, внимания тех, кого интересует происходящее в стране и его концептуализация.*

Ключевые слова: *Россия, Украина, технологический прорыв, Минские соглашения, выборы на Донбассе, российские либералы.*

Об убийстве Захарченко (1 сентября). Хочу привлечь внимание к тому, что убийство главы ДНР¹ произошло в определенной политической ситуации. В начале ноября истекает срок полномочий законодателей и глав ДНР и ЛНР, избранных в 2014 году. Согласно конституциям самопровозглашенных республик, должны быть проведены новые выборы. Однако они несовместимы с «Минском-2», как несовместимы были с «Минском-1» выборы 2014 года. Фактически их проведение означает односторонний разрыв Донецка и Луганска с

¹ Глава ДНР А. Захарченко погиб в результате взрыва взрывного устройства, установленного внутри кафе «Сепар» в Донецке.

минскими договоренностями, а у Москвы нет аргументов, чтобы правомерность таких выборов отстаивать. Но и не проводить их ни в Донецке с Луганском, ни в Москве позволить себе не могут. И эту ситуацию не мешает, думаю, учитывать, читая и слушая заявления представителей разных сторон после убийства Захарченко.

О четвертой годовщине «Минска-1» (5 сентября). Ровно четыре года после подписания первых минских соглашений. Есть смысл вспомнить об одной из причин, их выполнение исключивших. Намеченное ими политическое урегулирование не состоялось и не могло состояться в том числе и потому, что одной из сторон соглашения почти сразу после подписания были нарушены.

Уже в сентябре 2014-го в Донецке и Луганске объявили о проведении выборов глав республик и законодательных собраний ДНР и ЛНР. И 2 ноября того же года они были проведены. В дни, предшествовавшие голосованию, Вашингтон, Брюссель и даже генсек ООН выступили с жесткими предупреждениями: это нельзя делать, это вопреки договоренностям, которыми такие выборы не предусматривались. Как не предусматривалось, добавлю, и само существование ДНР и ЛНР. Однако в Донецке, Луганске и Москве от предупреждений отмахнулись, заявив, что действуют не только не вопреки минским соглашениям, но и во имя их выполнения. А после того, как в Киеве и западных столицах обнаружилась неготовность такую логику воспринимать и понимать, ее правоту стали аргументировать возобновлением широкомасштабных военных действий.

Они были остановлены инициированным лидерами Германии и Франции «Минском-2», который по замыслу должен был обеспечить жизневоплощение (имплементацию) «Минска-1». Но этот «Минск-2» стал возможен только потому, что на выборы, опрокинувшие «Минск-1», европейские миротворцы ради прекращения войны закрыли глаза. Они искали компромисс, а компромисса между Киевом и Москвой относительно этих выборов быть не могло. Однако камень преткновения, обойденный на бумаге, почти сразу дал о себе знать: предписанное на бумаге обнаружило свою невыполнимость.

А вспоминаю об этом потому, что такие «камни», тактически обойденные в политике, удерживаются в памяти времени, которое может о них напомнить. Писал уже, что через два месяца срок полномочий всех донецких и луганских властей, в обход украинских законов выбранных 2 ноября 2014 года, истекает. После чего эти власти станут незаконными даже по сочиненным в Донецке и Луганске собственным законам. Тем более, что нынешние главы ДНР и ЛНР вообще не избирались — один назначен законодателями вместо убитого Захарченко, а другой — еще в прошлом году вместо изгнанного Плотницкого. Так что надо проводить выборы, а проводить выборы...проводить выборы — значит признать самих себя тем самым камнем преткновения, который имплементацию минских договоренностей исключает. То есть, открыто ими пренебречь, не рассчитывая, что в Берлине и Париже согласятся закрыть на это глаза вторично.

Еще в конце июля в самопровозглашенных республиках слышны были голоса о готовности провести выборы, пренебрегая голосами из-за рубежа. Но уже в августе, еще до убийства Захарченко, стали призывать эти выборы — и глав республик, и законодательных собраний — на год перенести. Правда, кто именно их может и должен перенести, не говорят. И не могут сказать, потому что даже по донецко-луганским законам нет у властей таких полномочий, чтобы продлевать собственные полномочия.

Официальная Москва по этому поводу пока не высказывается. Не исключаю, что и от советов своим донецко-луганским союзникам воздерживается, ибо не знает, что посоветовать. И с партнерами по нормандскому формату встречаться не хочет, ибо с ее версией насчет вины Киева в невыполнении минских договоренностей они не соглашаются, считая виновной Москву, а тут еще и этот вопрос о выборах донбасских вождей и законодателей либо

продлении их полномочий добавляется. Вопрос, в отношении которого любая московская позиция не может восприниматься с этими договоренностями совместимой.

Поэтому основная ставка Кремля — на благоприятный для него исход украинских выборов 2019 года. Поэтому же склоняюсь к тому, что выборы глав и законодателей ДНР и ЛНР под тем или иным предлогом все же отложат, дабы избежать обвинений в обрушении «Минска-2» подобно тому, как обрушен был такими выборами «Минск-1». А в ожидании смены власти в Киеве будет использование любых поводов или их создание для акцентирования недоговороспособности Украины и бессмысленности любых переговоров о донбасском мирном урегулировании. Именно в этом духе высказались все без исключения кремлевские и мидовские спикеры после убийства Захарченко, а глава МИДа Лавров заявил, что до расследования убийства планировавшаяся ранее встреча в нормандском формате невозможна. В Европе такое обоснование не сочли основательным, но у России представления об основательности иные. В ней заранее убеждены, что расследователи сочтут виновной в гибели Захарченко киевскую власть, что, в свою очередь, станет дополнительным веским аргументом в пользу неприемлемости переговоров с ней в нормандской четверке.

Такая вот ситуация к очередной годовщине минских соглашений.

О противодействии дремучести (7 сентября). Европейский университет в Санкт-Петербурге после годичного перерыва возобновил свою деятельность — отобранную лицензию вернули. Тот случай, когда рад, что в свое время ошибся. Думал, что тотальная зачистка гуманитарного поля во имя «гуманитарной безопасности» необратима, а сопротивление ей безнадежно. Оказалось, что сопротивление может сопровождаться успехом. По крайней мере, на отдельных участках.

Воспрепятствовать зачислению г-на Мединского в ряды ученых историков научному сообществу не удалось. Пыталось, но отнять у министра докторскую степень власть не позволила. А отстоять Европейский университет получилось. Но первый случай — это не только неудача в противостоянии и противодействии торжествующей гуманитарной дремучести и профессиональному бесчестию; это и опыт такого противостояния и противодействия, который самоценен. Второй случай — опыт успеха сопротивления возобладавшей тенденции, свидетельство его, успеха, заранее не гарантированной возможности.

Не стану сбрасывать со счета роль Кудрина — одного из учредителей университета и членов его наблюдательного совета, обращавшегося за содействием к Путину. Возможно, без этого ничего бы не вышло. Однако не уверен и в том, что без целеустремленной настойчивости университетских руководителей и преподавателей, без поддержки множества академических институтов и вузов, без протестного общественного шума, которым сопровождалось давление на Европейский университет, его бы удалось отстоять. Но, повторю, если бы даже не удалось, сопротивляемость бюрократическому своеволию и солидарность в ее поддержке — это социальный капитал, который в России пока очень мал, и потому его проявления тоже желательно замечать и поддерживать.

Коллег, работающих в университете, поздравляю с тем, что отнятое у него право быть ему возвращено.

О позавчерашних голосованиях (11 сентября). После последних думских выборов, которые «Единая Россия» выиграла почти во всех одномандатных округах, и прошлогодних муниципальных выборов в Москве, на которых были повержены системные партии-попутчики (КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия»), можно было предположить, что политическое время этих партий завершается. Но потом мы наблюдали, как президент, идущий на очередной срок, дистанцируется от «Единой России», представ перед избирателями в образе независимого кандидата. И московский мэр вскоре последует его примеру. Власть отделяет себя

от партии власти, предпочитая выглядеть внепартийной и надпартийной, что свидетельствует, помимо прочего, об углубляющемся кризисе постсоветского квазипарламентаризма.

Партия власти, уподобившая депутатов чиновникам и вынужденная поддерживать иницированную властью политику затягивания поясов, не выдерживает возросшей политической нагрузки. Позавчерашние выборы показали, что не всегда помогает даже усиленная административная защита посредством недопущения к этим выборам почти всех конкурентоспособных кандидатов, кроме представителей партий-попутчиков. При таком суженном политическом выборе избиратели выразили недовольство социальной политикой прежде всего существенно возросшей поддержкой коммунистов², т. е. прежней партии власти, которая совсем недавно казалась уходящей натурой. Для системы угроза не очень большая, такую оппозицию она ассимилирует, но факт и то, что система эта вынуждена будет теперь существовать с раздраженным населением.

Но такое его состояние плохо соотносится с квазипарламентаризмом, лишаящем представительства те или иные социальные группы или искусственно это представительство ограничивающем. Схожий опыт в 1906–1917 годах у страны уже был, как и сопутствовавший ему опыт подавления внепарламентских проявлений недовольства тайной и не тайной полицией, о чем, думаю, нелишне вспомнить.

О приморском казусе (17 сентября). Случившееся в Приморье³ — это не о том, что лучше, — шило или мыло. Это о том, что с системой несовместимы не только выборы, но и «выборы».

Еще о приморском казусе (19 сентября). Поняли, что в Приморье переступили черту. Что слегка отступить для системы лучше, чем закрепляться на новом уязвимом рубеже⁴. Головокружение от былых успехов признано для дальнейших успехов в коллективизации электората вредным. Но и запрет на неуспех останется в силе.

О безнаказанности фальсификаторов (20 сентября). Сетуют многие, что никогда не наказывают тех, кто фальсифицирует результаты голосований — даже тогда, когда фальсификации признаются. Ни тех, кто повелевает, ни тех, кто исполняет. И призывают это попустительством преступлениям пресечь. Хороший призыв, правильный. Да только адресатов у него нет. Точнее, есть адресаты предполагаемые, но их слух к таким сигналам не восприимчив. Ибо полагают, что не преступлениям попустительствуют, а государственное служение поощряют, которое выше права и любых писаных заветов. Ценности у них такие, отступничество от которых приравнивается к профнепригодности, а то и к предательству. Поэтому пока все так, как есть.

О событиях четвертьвековой давности (21 сентября). Пишут, что именно в этот день, четверть века назад, началось движение к тому, что имеем сейчас. Думаю, что это верно разве что наполовину. Началось раньше.

Началось с того, что Съезд народных депутатов РСФСР был наделен всей полнотой власти, т. е. правом определять основные направления внутренней и внешней политики и

² На состоявшихся 9 сентября 2018 г. в 22 регионах выборах законодательных собраний в трех из них «Единая Россия» не получила даже относительного большинства голосов, уступив первенство КПРФ, а в четырех из 16 регионов, где в тот же день прошли выборы глав исполнительной власти, действующие руководители не смогли победить в первом туре. Не преуспели они и во втором, проиграв представителям КПРФ и ЛДПР.

³ Второй тур выборов главы региона в Приморском крае, состоявшийся 16 сентября 2018 г., ознаменовался скандалом: в ночь подсчета голосов была предпринята попытка фальсификации результатов в пользу проигрывающего выборы кремлевского кандидата А.Тарасенко, включая переписывание уже введенных в систему ГАС-выборы протоколов.

⁴ Учитывая разгорающийся скандал, Кремль не решился признавать фальсифицированные результаты голосования в Приморье, однако и признавать победителем представителя КПРФ не считал для себя приемлемым, признав через Центризбирком выборы несостоявшимися (без законных на то оснований) и назначив новые.

принимать к рассмотрению (а значит, и решать) любой вопрос. Это не было парламентской демократией, ибо ни Съезд, ни образованный им Верховный Совет, имея возможность влиять на состав правительства и его политику, за его деятельность и ее результаты не отвечали. Это был выбранный населением властный аналог ЦК КПСС, но без персонификации в лице генсека. На легитимную персонификацию власти в тех обстоятельствах мог претендовать только президент Ельцин, чем и воспользовался.

Законодательно ограниченный в возможностях формировать исполнительную власть и определять ее курс, он Съезд депутатов и Верховный Совет незаконно распустил. А потом свою прежнюю конституционно-правовую ущемленность монополией депутатов преобразовал в конституционное закрепление монополии президентской в виде все того же права определять основные направления внутренней и внешней политики. Так была проложена дорога к персоналистскому правлению, так произошло возвращение к авторитарной политической традиции.

Кто в этом виноват? Хасбулатов и депутаты? Монопольные конституционные полномочия их Съезда? Ельцин, этими их полномочиями скованный? Весь политический класс? Или сама традиция, иного типа властвования, кроме монопольного, не предполагавшая, и определявшая ментальность политиков?

Еще о «выборах» (24 сентября). Голосования 9 сентября и последующие — удары по легитимации монопольной власти квазидемократической процедурой. Всей власти. Выборы, превращенные ею в «выборы», были источником легитимности именно потому и постольку, поскольку она обнаруживала силу не только такое превращение безнаказанно обеспечивать, но и эти «выборы» повсеместно выигрывать. Проигрыши — свидетельство ослабления силы, мотивирующее на сопротивление ей с надеждой на успех. Как и суетливость реакции на пропущенные удары. Они не нокаутирующие, локальные проигрыши партиям-попутчикам большими неприятностями властной монополии пока не угрожают, но легитимация посредством «выборов» становится для нее проблемой.

О двух президентах (26 сентября). Сравнивают Трампа с Путиным, уподобляя первого второму. Основания есть, но недостаточно основательные. Трамп вознамерился подчинить политике право, введя их в состояние противостояния. Путин такими заботами не обременен, ибо правотворчество и правоприменение в его подчинении. Хозяин Белого дома в конфликте с американской традицией, хозяин Кремля — в союзе с традицией российской.

Об обещанном и не обещанном (28 сентября). Интересуются люди, почему про обещанный президентом экономико-технологический «рывок» перестал писать. Так нет же его пока, «рывка» этого. Есть форсированная подготовка к нему посредством не обещанного сбора денег с народонаселения — налоги увеличили, пенсионный возраст повысили. Как только рванут, обязательно начну отзываться.

О том, что в дефиците (30 сентября). Александр Сокуров высказался о войне и мире. О том, что задачи, выдвигаемые войной, стране даются легче, чем задачи мирного устройства и созидания: «К большому сожалению, мы не всегда выдерживаем испытание мирной практикой жизни» [Улицкая, Сокуров 2018].

Почему так? Потому, думаю, что «мирная практика жизни» требует иного способа общественной и государственной консолидации, чем практика войны, а такого способа исторически не наработано. Консолидации не общим желанием одной на всех победы, нивелирующим частные и групповые интересы, а подвижной равнодействующей этих интересов.

Если запроса на таковую нет, и она не складывается, все надежды приходится возлагать на верховного арбитра, уподобляемого верховному главнокомандующему. А верховный арбитр, в свою очередь, рано или поздно сталкивается с тем, что интересы — помимо его воли и с ней не считаясь — начинают враждовать, и вера в него начинает иссыхать. После чего

ему ничего иного не остается, как восстанавливать подорванную мирную консолидацию военной.

Сокуров призывает сосредоточить внимание именно на этих «мирных периодах жизни страны», дабы извлечь из них «нужные уроки». Но может ли такой призыв быть услышан? У кого настроен на это слух?

О праве признаваться в нелюбви (2 октября). Одной из идей, привлекательных для определенного круга интеллигентных людей, вышедших на Болотную площадь и проспект Сахарова, была вот эта: «Мы хотим не менять власть, а влиять на власть». Потом выяснилось, что влиять не получается. Сегодня речи уже другие: будем ценить свое право власть не любить вкупе с правом прилюдно в этой нелюбви признаваться [Улицкая 2018]. Против чего в высоких кабинетах, где определяется и корректируется мера допустимого, не возражают. Великий, можно сказать, исторический компромисс.

Все еще не услышанный Богдан Кистяковский (3 октября). *Каждые пять лет в конце сентября-начале октября возобновляются старые споры об осенних событиях 1993 года. Я уже высказывался на днях о том, что их неправомерно оценивать с точки зрения заведомой правоты или неправоты противоборствовавших тогда сторон. Тем не менее, от таких оценок мало кто расположен отказываться. Как будто нет четвертьвековой исторической дистанции, как будто все мы еще там, в 1993-м со всеми нашими политическими привязанностями и повязанностями. Об этом в интервью журналу «Гептер» я говорил пять лет назад, когда была 20-я годовщина, и сегодня вижу смысл в том, чтобы сказанное повторить. Правда, текст касается более широкого круга вопросов относительно российского конституционного устройства (тогда был и 20-летний юбилей действующей Конституции), но читатель сможет без особого труда найти место, где речь идет об упомянутых выше трагических событиях.*

— Года полтора назад мы подходили с Вами к теме о конституционной реформе. Вы говорили тогда, что, с одной стороны, без нее российская политическая система обречена оставаться в архаичном состоянии, блокирующем развитие страны, а с другой — сама идея такой реформы обществом, включая его образованную часть, не востребована, ее значение минимально. Вместе с тем, в преддверии 20-летия действующей Конституции звучало немало призывов к ее изменению — и на различных экспертных площадках, и в СМИ. И зачастую едва ли либеральных. Было предложено, например, изъять статью, содержащую запрет на государственную идеологию. В этой ситуации вы остаетесь при прежней точке зрения или как-то ее корректируете?⁵

— Мне приходилось читать и слышать, что ответом на угрозу ухудшения Конституции, равно как и несоблюдение ее властями, может быть только ее защита. И от порчи текста, и от пренебрежения им в реальной политике. Кто-то, как Георгий Сатаров, объясняет: прежде чем менять Основной Закон, надо «изменить себя», т. е. научиться отстаивать букву и дух Конституции действующей. Кто-то, как Александр Рубцов, развивает его мысль в том смысле, что соблюдение законов, какими бы они ни были, важнее их изменения. Кто-то, как Борис Макаренко, полагает, что педалирование темы конституционной реформы со стороны либеральной публики будет лишь провоцировать власть на ухудшение Конституции, а потому почитает за лучшее вернуться к лозунгу советских диссидентов: «Соблюдайте собственную Конституцию!».

Именно такие настроения, насколько знаю, преобладали на упомянутых вами дискуссионных площадках. Правда, получили трибуну и многочисленные эксперты, обосновывающие необходимость конституционной реформы с позиций правового государства, некото-

⁵ Вопросы задавали Ирина Чечель и Александр Марков. Опубликовано в журнале «Гептер» 15 января 2014 года.

рых из них выпустили даже на федеральные телеэкраны. Их пафос мне был и остается близок. Но юбилей отшумел, и тема, уверен, вернется в маргинальную экспертную нишу, в какой она удерживалась раньше. До очередного юбилея или до тех пор, пока в изменении Конституции не увидит свой интерес высшее начальство. И это, пользуясь вашими словами, будет, конечно, изменение отнюдь не в либеральном направлении.

— И, тем не менее, вы считаете, что в приведенных вами предостерегающих высказываниях нет резонансов?

— А какие тут резонансы? Это же очевидно, что власть в России при желании может попирать и произвольно изменять Основной Закон независимо от того, что говорит и к чему призывает передовая общественность. Доказательства тому уже предъявлены. Но отсюда никак не следует, что люди, власть обличающие и убеждающие общество в необходимости ее замены на другую, могут позволить себе игнорировать связь действий власти с ее институционально-правовым устройством. Тем устройством, которое узаконено действующей Конституцией.

Ведь возможность ее нарушения и произвольного изменения в ней самой и заложена, ведь вовсе неспроста ни в одном правовом государстве таких конституций, наделяющих президента царскими полномочиями, до сих пор не наблюдалось. И если исходить из того, что смысл конституции в ограничении власти, то что означает конституционное наделение высшего должностного лица почти неограниченными полномочиями? Оно означает, что конституционного правления в России до сих пор не существует.

Вот почему никакого резона в упомянутых мной суждениях я не усматриваю. Да, при нынешнем режиме продвижения к реальному конституционализму быть не может. Да, дальнейшая традиционалистская ревизия действующего Основного Закона отнюдь не исключена. Но она будет происходить (если будет) не потому, что либералы или кто-то еще «спровоцируют» Кремль своими требованиями конституционной реформы ради утверждения принципов конституционализма.

Она будет происходить потому, что в один прекрасный день власть вдруг решит, смысла своего решения не сознавая: для выкарабкивания из исторического болота, в котором оказалась страна, надо продвинуться в это болото еще дальше. Ну, а в чем тогда смысл упреждающих призывов ее, власти, оппонентов не трогать Конституцию? Думаю, в том, чтобы обосноваться в достигнутой точке болота, никуда не двигаясь вообще. С надеждой на историю, которая со временем скажет свое веское слово, а пока она молчит, лучше не будить лихо, пусть себе спит.

Или вот это: прежде чем менять Конституцию, надо «измениться самим». То есть обрести уважение, ныне отсутствующее, к букве и духу той Конституции, которая есть, и способность добиваться ее соблюдения. Добиваться, надо полагать, от «царя», чтобы он не злоупотреблял своими «царскими» полномочиями, т. е. начал поступаться логикой им же созданной политической системы и своими интересами. Что, в свою очередь, откроет дорогу «честным выборам», политической конкуренции и смене людей в кремлевских и прочих высоких кабинетах.

Многие именуют это «радикальной политической реформой», а некоторые даже «сменной системы». Мне же слышится в этом не первая в истории страны подмена вопроса об изменении государственного устройства вопросом о том, кому должна принадлежать власть. Придут, мол, к ней другие, лучшие люди, и все станет иначе и много краше, чем есть. Да было же это совсем недавно, откуда эта податливость к самообманам с неизбежно проистекающими из них обманами?

При таком сознании образованного класса каждое новое слово истории будет сопровождаться возвращением ее в старое русло. В русло, где не право над властью, а власть над

правом. Помните признание одного из лидеров партии кадетов Василия Маклакова, сделанное им в эмиграции? Мы проиграли, сказал он, потому что боролись не за право, а за власть. А еще раньше Богдан Кистяковский, тоже входивший в руководство этой партии, написал в «Вехах» о том, что идея права русской интеллигенцией не воспринята и не освоена, что идея эта остается интеллигенции чуждой. Тогда его голос не был услышан. Но он не услышан, похоже, и до сих пор. А если он не услышан и ею не транслируется, если ее сознание все еще пребывает в доправовом состоянии, то откуда взяться конституционно-правовому сознанию у более или менее широких слоев населения?

— Давайте уточним сначала насчет интеллигенции. Что она такое в наше время? Применительно к старой, досоветской интеллигенции было определение Иванова-Разумника в его «Истории русской общественной мысли»: интеллигенция — это внесловная, внеклассовая сила, идеалистически противопоставляющая себя мещанству. Но сейчас?

— Меня, как и Иванова-Разумника, тоже интересует лишь одна сторона, один признак интеллигенции, но другой. А именно — ее критицизм в отношении власти и установка на ее замену при игнорировании права. То самое, о чем и писал Кистяковский. В этом интеллигенция, по-моему, не изменилась.

— Однако реальным историческим субъектом, если судить по последним десятилетиям, она себя вроде бы не воспринимала. Она выдвигала и поддерживала проекты, призванные привести страну в некое идеальное состояние. При этом идеализация переносилась и на отдельные персоны: Ельцин воплотит идеал демократии, реформаторы во главе с Гайдаром — идеал рынка. Что-то с тех пор изменилось?

— Ориентация на абстрактное «идеальное состояние» живет и здравствует. И, соответственно, томление по вождю-проводнику в это состояние, способному предварительно опрокинуть состояние нынешнее. А конкретного образа иного, альтернативного порядка в его институционально-правовых параметрах — прежде всего, конституционных — как не было, так и нет.

— И все же именно интеллигенция постоянно говорит о том, что общество должно быть плюралистичным, а власть следует контролировать, требуя ее прозрачности. Да и голоса против нарушения конституционных норм и их произвольного изменения, против произвола судей и полицейских — разве не отражение того, что правовое сознание и мышление не так уж ей и чужды?

— Это все в логике критики власти, тех или иных ее конкретных неправовых действий, а не критики конституционно узаконенного государственного устройства, в котором такие действия не аномалия, а норма. В нем есть институт Президента, поставленный над разделением властей, что делает его декларирование в той же Конституции чистой формальностью. Президент не представляет ни законодательную власть, ни исполнительную, ни судебную, а некую четвертую власть, стоящую над тремя другими. И эта президентская монополия при доминировании в обществе патриархальной политической культуры как раз и открывает возможности для подчинения других ветвей власти и, соответственно, для бесконтрольного и безнаказанного произвола.

Конечно, есть эксперты, которые давно обратили внимание на этот момент, с принципом конституционализма не сочетаемый. Они выступают с идеей конституционной реформы, предлагают и обсуждают ее варианты — в преддверии 20-летия Конституции мы могли их видеть и слышать. Но они в заведомом меньшинстве, даже образованная часть общества (та самая интеллигенция) к их соображениям и предложениям не восприимчива, а часто и просто их отторгает, о чем я уже говорил.

Кстати, по поводу «разделения властей». Мой виртуальный друг в Фейсбуке Алексей Шуппе обратил мое внимание на грамматическую уязвимость самого этого термина. Власти

не могут быть разделены на власти, разделены могут быть только власть и властные полномочия. Я пытаюсь это учитывать, однако сила языковой инерции все же сказывается. Но это так, между прочим.

— Почему не воспринимается идея конституционной реформы? У вас есть объяснение?

— Думаю, что, помимо опасений спровоцировать кого-то на что-то худшее, есть вещи более глубокие, уходящие корнями в особенности отечественной культуры. По моим наблюдениям, доправовое интеллигентское сознание предрасположено апеллировать к доправовому сознанию общества в целом: если, мол, оно не в состоянии добиться выполнения действующей Конституции и соответствия ей практики правоприменения, то дело, стало быть, не в Конституции, а в обществе. И потому — сначала «изменимся сами». А что существует и обратная зависимость качества общества и правоприменения от государственного устройства и его юридического каркаса, в расчет не берется.

Но и это еще не все. Дело в том, что люди могут признавать приоритет права, сочувственно цитировать того же Кистяковского и даже призывать к конституционной реформе, но в анализе и оценке конкретных событий руководствоваться соображениями, от права, мягко говоря, далекими. Инерция культурной традиции может проявляться даже тогда, когда традиция эта вроде бы отвергается как архаичная.

В прошлом году отмечалось 20-летие еще одного события...

— **Осень 1993-го, роспуск Ельциным Верховного Совета, штурм Белого дома...**

— Да-да. И в те дни — я имею в виду прошлый год, а не 93-й — мне довелось участвовать в нескольких интернет-дискуссиях, того конфликта касавшихся. Тогда-то и возникло у меня ощущение, что со времен Кистяковского не так уж много что изменилось даже в представлениях тех, кто сегодня на него ссылается, солидаризируясь с его критикой правового нигилизма старой русской интеллигенции. Они оценивают конфликт 1993 года с точки зрения конституционности либо неконституционности действий сторон, а это, сдается мне, в данном конкретном случае и есть правовой нигилизм. Почему? Да потому что речь идет о Конституции, столь же мало соответствовавшей принципам конституционализма и правового государства, как и сменившая ее Конституция ельцинская. И потому, в свою очередь, полезнее было бы посмотреть на события 93-го с точки зрения того, что им предшествовало и к ним привело. Они стали историческим продуктом институционально-правовой беззаботности российского общества, включая позднесоветскую интеллигенцию. В данном отношении она если и отличалась от досоветской, то в худшую сторону. Это не только критика, но и самокритика.

Что было в сознании досоветской интеллигенции вместо идеи права? Вместо нее чаще всего была идея этическая, нередко обреченная с социальной, но могла быть и идея политическая, тоже не чуждая этического пафоса. Она предполагала приоритет над правом борьбы за государственную власть, что Василий Маклаков и назвал впоследствии главной причиной поражения русского либерализма.

— Полагаете, он был прав?

— Полагаю, что вряд ли. При том состоянии общества, которое имело место быть сто лет назад, шансов победить у кадетов и их политических союзников не было. Сразу скажу, что не знаю, был ли шанс прорваться в правовое государство во времена перестройки и после нее. Но я задним числом осознаю, что интеллигенция, бывшая в те времена влиятельной силой, в понимании роли права не дотягивалась даже до уровня своих досоветских предшественников. Их опыт был забыт, и противодействие советскому государству стало осуществляться в отсутствие даже внятной постановки вопроса о том, какое государство может и должно прийти ему на смену, как оно может и должно быть — с институционально-правовой точки зрения — обустроено.

Чем вдохновлялась либеральная оппозиция (тогда она именовала себя демократической) в последние два-три года перед распадом СССР? Она вдохновлялась идеей отмены 6 статьи брежневской Конституции о «руководящей роли КПСС»...

— Конституционно-правовая, между прочим, идея. Разве нет?

— Да, но ради чего эта отмена? Чтобы что взамен? Вы скажете, что был конституционный проект Андрея Дмитриевича Сахарова — мы вспоминали о нем в одной из предыдущих наших бесед. Как и о том, что никакого интереса он тогда в оппозиционной среде, почти сплошь интеллигентской, не вызвал и никакой политической роли не сыграл. Я говорю не о содержании этого проекта, предполагавшего сохранение Советского Союза и выглядящего сегодня утопическим. Я о том, что он не вызвал интереса не из-за своей утопичности, а из-за нашей общей тогдашней правовой беззаботности относительно государственного устройства. Уже тогда этот вопрос без остатка растворялся в вопросе о том, кому должна или не должна принадлежать власть. И сейчас многие противники путинского режима мыслят в той же логике, ищут кандидата на роль «правильного» властевладельца...

— Давайте все же вернемся к конфликту 1993 года. Вы сказали, что в его сегодняшних оценках проявляется интеллигентский «правовой нигилизм», причем даже у людей, разделяющих пафос Кистяковского: приоритетность права. Вы, судя по всему, с ними не раз дискутировали. О ком конкретно идет речь и каковы встречные аргументы?

— Прежде всего, с философом Вадимом Михайловичем Межуевым и его сторонниками, которые ссылались на опубликованную в те дни статью Андрея Илларионова, пересмотревшего свою прокремлевскую позицию 20-летней давности. Они подчеркивали антиконституционность действий Ельцина, осуществившего роспуск Верховного Совета и Съезда народных депутатов и восстановившего в России авторитарно-самодержавное правление, придав ему конституционный статус. При этом их оппоненты, считающие те действия оправданными (например, Сергей Станкевич), правовой стороны дела не касались вообще, апеллируя к логике истории, в которой прогресс не линеен, а зигзагообразен. Их доводы я разбирать не буду, они, в отличие от полемики с Межуевым, за пределами нашей сегодняшней темы.

Основной аргумент Вадима Михайловича был в том, что именно Ельцин прервал начавшееся движение страны к демократии и правовому государству. Я же полагаю, что в строгом смысле слова такого движения не начиналось вообще. После распада СССР в России не произошло учреждения нового государства, а были сохранены институты, сформировавшиеся в позднем Советском Союзе, т. е. в государстве, уже исчезнувшем. И политики, и образованные слои общества, не говоря уже об остальных, рассматривали это как должное, вопрос о созыве Учредительного собрания, в такой ситуации естественный, не ставился и не обсуждался. Но это означало, что доправовое сознание продолжало править свой бал и диктовать стране маршрут ее эволюции.

Ведь политическая система, унаследованная от СССР посткоммунистической Российской Федерацией и узаконенная Конституцией РСФСР, не устраняла, а воспроизводила политическую монополию, только теперь не в лице КПСС и ее ЦК, а Съезда народных депутатов. По этой Конституции именно Съезд осуществлял «основные направления внутренней и международной политики» и был правомочен принять к рассмотрению любой вопрос. А принять — значит и решить. И эта монополия находилась в непримиримом противоречии и с принципом разделения властей, записанном в той же Конституции, и с наличием избираемого населением президента, уполномоченного формировать правительство и ответственного за его деятельность. При этом Съезд и Верховный Совет, будучи не только законодателями, но и наделенными правом контроля над исполнительной властью, никакой реальной политической ответственности за работу правительства не несли — не они ведь его формировали,

как это имеет место при парламентском правлении. Мог ли такой изначально заложенный в политическую систему институциональный конфликт, сопровождавшийся по ходу его развития отступлениями обеих сторон от законности, быть разрешенным в правовом поле?

— Ваш оппонент считает, что мог?

— Да, он так считает. А я вижу в этом привычную нам подмену институционально-правового понимания причин событий персоналистским: дело, мол, не в институтах, а в доброй либо злой воле конкретных людей, их договороспособности либо неспособности. Но при таком понимании и правовая оценка природы конфликта, о котором у нас речь, подменяется правовой оценкой его кульминационной фазы (в данном случае, неконституционного роспуска Съезда и Верховного Совета и насильственных действий одной из сторон) при отвлечении от фаз предшествующих. Повторю еще раз: истоки трагедии 1993 года надо искать в 91-м, когда после обвала Советского Союза были сохранены узаконенные Конституцией РСФСР старые советские институты, с принципами конституционализма не сочетавшейся. Потому что Конституция та вместо ограничения власти закрепляла монополию одной из ее ветвей. И историческая ответственность за это должна быть возложена на обе стороны, так как обе они на сохранение унаследованной институциональной конструкции и ее конституционного оформления добровольно согласились.

Кстати, в этой точке, как мне показалось, наши позиции с Вадимом Михайловичем несколько сблизилась. Но он до конца продолжал настаивать на том, что именно осенью 1993 года было прервано движение к правовому государству, так как Конституция РСФСР сохраняла перспективу такого движения, а ельцинская Конституция ее перекрыла. Я же думаю, что первая неминуемо вела к конфликту и его силовому разрешению, а вторая такого рода институциональные конфликты блокировала посредством восстановления традиционного для страны персоналистского авторитарного правления. Но то была не замена хорошего плохим, как и не плохого хорошим. То была замена одного институционально-правового уродца другим.

— Но это все же спор о прошлом. Почему он кажется вам важным? Вот и ваш оппонент не решился бы опровергать приоритет права...

— Более того, он и Кистяковского любит цитировать, и идею конституционной реформы поддерживает. Но речь же идет о сегодняшних оценках прошлого и, соответственно, о сегодняшней общественной атмосфере. И мы видим, как преодолевающее доправовую культурную традицию правовое сознание может сочетаться с присущим этой традиции сознанием персоналистским, индифферентным в отношении узаконенных государственных институтов и их соответствия либо несоответствия базовым принципам конституционализма. Ну и как это может сказаться в будущем?

А дело, между тем, много хуже, чем я говорю. В многочисленных бурных дискуссиях о событиях 93-го года участвовало множество людей, они не затихали около двух недель. Что-то, значит, наболело и прорвалось. Однако об институционально-правовой природе тех событий никто, за редкими исключениями, говорить не хотел. Говорить хотелось о том, был ли Ельцин могильщиком демократии или, наоборот, ее спасителем. Люди спорили так, как будто они по-прежнему пребывают в ситуации 20-летней давности. Ситуации, в которой борьба шла не за право, а за власть, за сохранение властной монополии и за овладение ею, и в которой конституционно-правовое измерение было полностью вытеснено измерением политическим вкупе с этическим. Понятно, что обе стороны воевали за народное счастье и все высокое.

— Нельзя все же сказать, что конституционно-правовое измерение отсутствовало тогда вообще. Была депутатская Конституционная комиссия, разработавшая проект

нового Основного Закона, было Конституционное совещание с широким представительством... Но почему-то все кончилось иначе, чем ожидали.

— Потому что конституционно-правовое было подчинено политическому. На этом пути лишний раз выявилась неразрешимость изначально заложенного в государственную систему институционального конфликта. Но то, о чем вы вспомнили, тоже чрезвычайно интересно для понимания тех представлений и настроений, которые доминируют сегодня в опозиционной среде — не только политической, но и интеллигентской.

На проект Конституционной комиссии, открывавший якобы выход из тупика, ссылались в ходе дискуссий Вадим Межуев и его сторонники, такой точки зрения продолжает придерживаться и Виктор Шейнис, непосредственно участвовавший в подготовке проекта, — я специально говорил с ним об этом. Но давайте посмотрим на то, что тогда предлагалось, и что Виктор Леонидович до сих пор считает «сбалансированным вариантом».

Как распределялись в этом проекте властные полномочия? Согласно ему, президент наделялся статусом главы государства и верховного главнокомандующего, а также правом формировать правительство и председательствовать на его заседаниях. Далее смотрим полномочия парламента (Верховного совета). В проекте записано, что шесть ключевых фигур правительства — его глава, вице-премьер, министры обороны, внутренних и иностранных дел, а также министр экономики могут быть назначены только с согласия депутатов. То есть хотят — согласятся, не хотят — не согласятся. Но при этом реальной ответственности за деятельность правительства и ее результаты они на себя не берут — не они же его формируют, а президент, предлагающий свои кандидатуры.

Но это еще не все. Верховный Совет наделялся правом ставить вопрос о несоответствии руководителей кабинета и министров занимаемой должности и их отставке. Предусматривалась, правда, и возможность их защиты Президентом...

— На заседании парламента? И в какой форме — лично или через представителя?

— Процедура защиты там, насколько помню, не прописывалась. Но защищать мог. А защитил или нет — опять же решат парламентарии. Думаю, что при такой конституции, аналогов которой в мире тоже нет, исполнительная власть была бы просто парализована. Политическое и здесь обнаружило предрасположенность к верховенству над конституционно-правовым в виде претензии одного из институтов на властную монополию.

— Обратили в свою веру, убедили Виктора Леонидовича?

— Нет, не убедил. А меня разговор с ним убедил в том, что его, разговор этот, полезно перенести в публичное поле, что я и делаю. Назрела, мне кажется, широкая дискуссия о нашем институционально-правовом сознании и мышлении — и относительно прошлого, и относительно настоящего и возможного будущего. Был бы рад, если эта наша беседа станет стимулом для включения в нее и Виктор Шейниса, и Вадима Межуева, и многих других, мной названных и не названных. Только в такой дискуссии и выяснится, справедлива ли (или насколько справедлива) оценка, выставленная когда-то Богданом Кистяковским старой русской интеллигенции применительно к интеллигенции нынешней.

Это тем более важно, что в недолгое время общественного подъема 2011–2012 годов идея конституционной реформы (тогда она была более популярной, чем сейчас) стала обрастать предложениями о способах ее осуществления. Среди них наибольшую известность получила «дорожная карта переходного периода», опубликованная публицистом Андреем Пионтковским. И в нашей беседе о правовом сознании российской интеллигенции ее очень даже уместно вспомнить.

Согласно этой «дорожной карте», массовое протестное движение, достигнув размаха, с которым власть уже не сможет не считаться, должно поставить перед президентом вопрос об его отставке. Перед отставкой от него требуется представить в Думу кандидатуру нового

председателя правительства, выдвинутую оппозицией, которому предстоит в переходный период исполнять обязанности президента. Дума же, дав согласие на утверждение кандидатуры премьера, объявляет о своем самороспуске. До этой точки все предлагаемое находится в конституционном поле, в границах действующей законности. А вот дальше вместо права начинается «революционная целесообразность».

Дальше рекомендуется сформировать временное правительство, но при отсутствующем парламенте это будет за пределами правового поля. Равно как и принятие новой конституции, будь то референдумом или Учредительным Собранием. Равно как и принятие новых законов о выборах президента и парламента, которые предусматриваются после принятия конституции. И что это будет означать? Это будет означать легитимацию государства не правом, а революцией. Или, говоря иначе, разрыв правовой преемственности будет воспроизведением большевистского способа легитимации власти. И вопрос в том, может ли государственность, изначально утверждающая себя таким способом, стать правовой.

— **«Закольцуем» все же тему 1993 года. Если не секрет, а ваша собственная позиция до и во время трагической развязки напоминала сегодняшнюю?**

— Разве что отчасти. Одно дело, когда пребываешь в незавершенном процессе, на одной из его стадий. И совсем другое — когда он уже в прошлом, и ты имеешь возможность обозреть его целиком, от истоков до финальной точки. Тогда, в 93-м, такая возможность отсутствовала, тогда позиция определялась политической злобой дня.

С одной стороны, я считал, что монополярная власть Съезда народных депутатов — это ненормально. А с другой — мне не импонировала установка на силовое разрешение конфликта, постепенно распространявшаяся по мере его обострения. Где-то в конце весны или в начале лета мне довелось участвовать в программе Леонида Радзиховского на втором телеканале. Там были Сергей Юшенков, Гавриил Попов и кто-то еще, сейчас не припомню. И в конце передачи (она шла под запись, и в эфир эту ее часть не пустили) речь как раз зашла о том, как можно выйти из конфликта. Я был за поиск решения в правовом поле, не отдавая себе полного отчета в том, что реально оно квазиправовое, и рисуя последствия силового варианта, Юшенков и Попов говорили, что это уже невозможно. Правы оказались они.

А 3 октября 93-го в интеллигентском клубе «Московская трибуна» мы вместе с Сатаровым были основными докладчиками о политической ситуации и путях выхода из нее. Оба мы усматривали его в одновременных досрочных выборах парламента и президента, но поддержки не получили. Доминировавшее настроение ярче всех выразила Мариэтта Омаровна Чудакова, а резолюция, зачитанная Юрием Александровичем Левадой и поддержанная подавляющим большинством собравшихся, призывала Ельцина к решительным действиям. Резолюция эта вписывалась в логику политических событий, а наши с Сатаровым предложения из нее вываливались. Тем более что тогда я не очень-то представлял себе, как в той ситуации изменить Конституцию, чтобы досрочные выборы проводить уже по ней, а не выбирать снова Съезд народных депутатов с монополярными полномочиями.

Сейчас я смотрю на те события и их институционально-правовые истоки (а они, повторяю, в 91-м, а не 93-м) исторически, а тогда смотрел на них изнутри остроконфликтной ситуации. При этом мне не хотелось, чтобы в случае победы одной из сторон победителями стали Хасбулатов и Руцкой. Именно потому, что Съезд народных депутатов уже продемонстрировал свою установку на политическую монополию. Однако и перспектива «полной и окончательной» победы другой стороны не импонировала мне тоже. Досрочные выборы казались единственной возможностью избежать того и другого, но то была иллюзия: вопрос перешел уже в плоскость «кто кого».

А потом, когда был опубликован проект ельцинской Конституции, передававшей монополию победителю, я стал ее критиком и остаюсь таковым до сих пор. Кстати, Ельцин тогда

пообещал, что после выборов в Государственную Думу пойдет на досрочные выборы и сам. А через некоторое время написал в «Известиях», что делать этого не будет, так как «от выборов устал». И до 1996 года у нас был президент, избранный в другой стране и наделенный новой Конституцией такими полномочиями, которыми избиратели его не наделяли.

Но все это если сегодня и интересно, то разве что для лучшего понимания неизбежных исторических материализаций доправового сознания и происходящих с ним под влиянием исторических событий метаморфоз.

— Пока в вашей критике этого сознания, из раза в раз воспроизводящего доправовые практики, не очень понятен акцент на интеллигенции. По поводу ее возможностей в годы перестройки Вы не однажды выражали массу сомнений — и сегодня, и раньше. Если «состояние общества», я цитирую, не обретает качество гражданского, то о каком верховенстве права может идти речь? Между тем, до конца 90-х годов даже понятие гражданского общества в политическом языке фактически отсутствовало.

— Да, это так.

— Был эквивалент этого понятия — «народ», воспринимавшийся, если говорить о ельцинской эпохе, не как политический субъект, а исключительно как группа поддержки Ельцина. Достаточно вспомнить апрельский референдум 1993 года и атмосферу, создаваемую в его преддверии. Схема: если лояльность «народа» на референдуме обозначена, то Ельцин неприкосновенен. За него нужно стоять, какими бы ни были его действия — пусть даже заведомо силовыми и недемократическими. Поддержка «народа» — якобы подтверждение президентской правоты во всем.

— Вы как раз и описываете интеллигентское сознание, в котором правовое измерение вытеснено политическим.

— Да, но сам феномен этот очень своеобразен. Люди, окрестившие себя демократами, призывали поддерживать Ельцина не как гаранта демократического и правового порядка, а как того, кто «ведет» страну к демократии. Причем «он и только он».

— Это просматривается и в упоминавшихся мной сегодняшних спорах о событиях 1993 года. Поэтому и говорю о том, что диагноз Кистяковского остается верным.

— Но любопытно и обоснование происходящего. Отчего Ельцин «ведет» нас к демократии? Потому что за ним — доверие народа, подтвержденное на референдуме. Но ведь на референдум не выносились вопросы ни о демократии в ее содержательном понимании, ни о праве, ни о соответствии им действующих институций. В конце концов, «народ» выражал лишь моральную поддержку президенту и правительству, больше ничего.

— Насколько понимаю, мы говорим об одном и том же. О том, что правовое подменяется политическим, понимаемым как борьба за властную монополию, и этическим с его приоритетом персоналистского принципа над институциональным. Только вы иллюстрируете это событиями и умонастроениями конкретного периода, а я говорю о культурном феномене, имевшем место задолго до них и сохраняющемся до сих пор. И одно из его проявлений вижу в индифферентном либо негативном отношении большинства оппонентов нынешнего режима к идее конституционной реформы. Потому что при действующей Конституции такое оппонирование воспроизводит все ту же борьбу за властную монополию ради замены одних ее персонификаторов другими.

Что касается «народа», выступавшего в политическом дискурсе 90-х заменителем гражданского общества, то и это ведь проявление все той же доправовой культуры. Но и этот дискурс существует давно — сакрализация «народа» еще в XIX веке возникла как интеллигентская альтернатива сакрализации власти. Да и в 90-е к «народу» апеллировали не только сторонники Ельцина, к нему апеллировали все политические силы. Учитывая при этом и то,

что иного языка, кроме языка борьбы за сохранение либо смену монопольной власти и морального обоснования такой борьбы, он не знал.

Поэтому я и сомневаюсь, что у интеллигенции, выйдя она к обществу в годы перестройки и после с правовым дискурсом, было много больше шансов на успех, чем сто лет назад. Но последние четверть века показали: если она не услышит, наконец, одинокий голос Кистяковского и не скорректирует свое публичное позиционирование, если будет воспроизводить в своей среде массовое морально-репрессивное сознание и установки использующих его в своих интересах политических сил, то правового государства в России не получится. Кто еще, кроме нее, может дать умственный импульс движению в этом направлении?

— **Про морально-репрессивное сознание чуть подробнее, если можно.**

— Сошлюсь на историю, которую я как-то услышал от философа Сергея Чижкова. В контексте вашего вопроса важна не столько она сама, сколько реакция журналистов, которым он рассказал эту историю на каком-то семинаре. Во времена Николая I некая дама вышла замуж за вдовца, у которого была дочка. Вскоре он умер, и дама эта решила всю его собственность прибрать к рукам, отправив дочку в монастырь. Каким-то образом история дошла до царя, и он поручил разобраться в ней Бенкендорфу. И тот разобрался: у коварной дамы все отобрали, в монастырь уехали уже ее, а все наследство передали обиженной ею дочке. Как, думаете, отреагировала интеллигентная журналистская аудитория на такой финал? Она отреагировала на него аплодисментами!

Это и есть доправовое морально-репрессивное сознание. Правовую коллизию оно склонно оценивать, руководствуясь чувством справедливости и жадной репрессивного возмездия за несправедливость. Представлению о праве тут нет места. Поэтому почти уверен, что в той аудитории, начини кто-то рассказывать об институционально-правовом измерении государственного устройства и его важности, о конституционализме и всем том, о чем мы с вами говорим, аплодисментов бы точно не дождался, да и внимания вряд ли. Это не интересно, потому что культурной традицией это отторгается. Не будем все же забывать, что феномен, отмеченный Кистяковским, был характерен в свое время для всех течений русской общественной мысли — для славянофилов и западников, Толстого и Достоевского, народников и марксистов.

— Может быть так, что идея конституционной реформы не воспринимается, поскольку выглядит заведомо утопической?

— Есть такое ощущение. Мне она тоже порой таковой кажется. Но потом я начинаю думать, что если под утопичностью понимать нереализуемость здесь и теперь, то утопично все. Утопичны требования честных выборов и честного правосудия, утопичны призывы бороться с коррупцией и противодействовать репрессивному законотворчеству. О диссидентском лозунге «соблюдения собственной Конституции» я уже не говорю. Равно как и о надеждах на то, что люди, услышав его, изменят свое нынешнее безразличие к этой Конституции на уважительное к ней отношение и тоже начнут требовать такого соблюдения. Но если так, если все вроде бы разумное государственной системой превращается в утопию, то, быть может, идея преобразования этой системы и узаконивающих ее юридических норм и есть единственное лекарство от утопизма?

Однако лекарством оно сегодня обществом, умственно и эмоционально прикованным к «здесь и теперь», не воспринимается. Общество, его образованная часть видит, что государственное здание покрывается трещинами, что владельцы и управленцы упреждать их появление не могут, а устранять не успевают. Оно видит, что социальная ткань распадается и расчеловечивается, и что судорожные попытки остановить этот распад проявляются во все более абсурдных решениях. Решениях, призванных заново заколдовать русский мир, в значительной степени уже расколдованный, вернуть его в культурное состояние даже не советской, а

допетровской Московии. Но, видя все это, передовая общественность пробует предохранить себя от распространяющейся заразы снисходительной либо высокомерной насмешкой, раздражением и обличением, гаданиями насчет того, когда уйдет или не уйдет Путин, или когда и как «все рухнет». Ну и еще предается глубокомысленным рассуждениям о вредности утопических проектов перемен, оторванных от жизненной реальности: сначала, мол, надо понять, «что есть», а потом уже говорить о том, как «должно быть».

К сожалению, история никогда не ждет, когда люди ее поймут и придут по поводу этого понимания к согласию, и начинает меняться сама. Состояние России сегодня таково, что глубокий системный кризис может обрушиться на нее в любой момент. И если выход из него в конституционализм, ограничивающий власть, будет, как и сегодня, восприниматься утопией, то реальностью может стать очередная «утопия у власти». Со своими сакральными целями и сакральным правителем, преодолевшим квазисакральность правителя нынешнего. И со своим похмельем, т. е. историческими результатами, которые будут погорше, чем распад СССР и его последствия. Запрос-то на это исподволь вызревает уже в самых разных слоях и кругах, его уже трудно не замечать, а вот запроса на альтернативу ему как-то не просматривается. В том числе и потому, что такая альтернатива не предлагается.

У меня нет полной уверенности в том, что прорыв к конституционализму в России, где его никогда не было, в обозримом будущем возможен. Тем более не уверен я в том, что такой прорыв был реален после распада СССР — ведь даже если бы Учредительное собрание было тогда созвано, не факт еще, что при тогдашнем состоянии общества и политического класса оно оказалось бы в состоянии выработать приемлемый для большинства конституционный документ. Плохо же то, что традиция институционально-правового мышления не была заложена в те времена и в интеллектуальной среде. А заложена не была потому, что советская интеллигенция была к этому по понятным причинам не подготовлена. Но почему она после всех полученных ею горьких уроков остается не восприимчивой к идее конституционализма интеллигенция постсоветская?

Причины, конечно, есть, и мы о них говорили. Конечно, и сегодня Конституционное собрание, созыв которого требуется для принятия новой конституции, может оказаться нежизнеспособным. Скорее всего, конфликт ценностей и интересов разных социальных групп за последние 20 с лишним лет не только не притупился, но углубился и обострился. Но это не основание для откладывания в долгий ящик самой мысли о конституционной реформе и широкого публичного обсуждения ее вариантов. Ведь можно ограничиться и внесением поправок в действующий Основной Закон, касающихся двух основных вопросов — распределения полномочий между ветвями федеральной власти и федеративного устройства, для чего созывать Конституционное собрание не нужно. И это тоже будет прорыв к конституционализму, так как именно в этих двух точках нынешняя Конституция с его принципами не совместима.

Ну и еще в публичном пространстве желательно обозначить ту развилку между конституционализмом и «утопией у власти», перед которой страна может оказаться в самом ближайшем будущем. Чтобы все могли соотнести свои ценности и интересы с этим возможным выбором.

— Но пока сложившаяся политическая система не выглядит такой уж уязвимой. И легитимность свою она худо-бедно обеспечивает, легко апеллируя к «большинству»...

— Легитимность эта, по-моему, неустойчивая. Она достигается, во-первых, за счет консервирования ситуации застревания страны в состоянии, когда главные проблемы, перед ней стоящие, не решаются, а лишь усугубляются. А во-вторых, обратите внимание вот на что. По всем опросам, большинство людей считают результаты выборов, проходящих в России, сфальсифицированными. Тем не менее, они соглашаются власть, избранную на таких выбо-

рах, считать властью, которой следует подчиняться. Почему, интересно? Что это такой за способ легитимации?

Очевидно, что веберовская классификация типов господства и легитимации (традиционная, харизматическая и рационально-легальная) здесь не работает. При желании тут можно обнаружить следы всех трех, но я сейчас на этом останавливаться не буду. Гипотетически же можно предположить, что в современной России легитимность власти определяется не способом ее получения, а самим фактом обладания ею независимо от того, как она получена — по наследству, захватом революционным харизматиком или на выборах, пусть и нечестных. Возможно, их нечестности не придается значения потому, что даже незаконное приобретение власти и обладание ею, как когда-то в Византии, воспринимаются как заслуга или, точнее, как вознаграждение за нее. Да, в отличие от Византии, речь идет не о заслуге военной, но все же с ней сходной. Если кто-то обладает силой и для того, чтобы фальсифицировать выборы, и для того, чтобы представить себя победителем в честной борьбе, то он и победитель.

Так вот, такой способ легитимации не представляется мне устойчивым и гарантированно воспроизводимым. Он уже дает сбои, что мы могли наблюдать в декабре 2011 года. Отсюда и лавирование власти в последнее время: от экспериментов с относительно чистыми выборами в отдельных регионах до попыток ценностной консолидации общества посредством апелляции к традиции как «духовной скрепе».

Но таких традиций, представления о которых сохраняются в сознании «подавляющего большинства», в России всего две: единоличная власть верховного правителя и военизация социума, в XX веке осуществлявшаяся через идеологическую «утопию у власти». И соблазн снова и на новый лад двинуться в этом старом направлении — в том числе, и посредством идеологизации Конституции — исключать нельзя. Тем более что симптомы уже налицо. Ну, а альтернативы ему, кроме утверждения конституционализма, я не вижу.

Да, сегодня она выглядит призрачной. Но если кто-то видит другую, то интересно бы узнать, какая же это альтернатива. Пока она не предьявлена.

О невыполнимом, которое невыполнимым не может быть признано (4 октября). Скорее всего, до украинских президентских выборов о минских соглашениях и всем, что так или иначе с ними связано, писать не придется. Сегодня Киев застраховал себя от возможных обвинений в их срыве, в очередной раз продлив до конца 2019 года действие закона об «особом статусе» местного самоуправления в отдельных районах Донецкой и Луганской областей. Ожидаемого сопротивления со стороны Верховной Рады не случилось — призывы голосовать против, дабы не подыгрывать Кремлю и не попустительствовать российской агрессии, большинство депутатов всерьез не восприняло. И потому, что такого попустительства не усмотрело, и потому, что продление действия закона настоятельно рекомендовали в западных столицах, и потому, что оно ни к чему Украину не обязывает. Ибо в законе этом записано, что в силу он может вступить только после установления полного контроля над ныне не контролируруемыми Киевом территориями.

Понятно, что Москву это не устроит, как не устраивало и раньше. Понятно также, что после сегодняшнего голосования в Верховной Раде Брюссель и Вашингтон по-прежнему будут на стороне Киева, а не Москвы. Тем более, что в Донецке и Луганске все же решили 11 ноября провести выборы глав и законодательных собраний ДНР и ЛНР. Зная, что не только в Киеве, но и в западных столицах квалифицируют это как нарушение минских соглашений, которыми само существование ДНР и ЛНР не предусматривается. Что сразу и произошло: именно так и оценили в Украине, Евросоюзе и США донецко-луганские решения, Рос-

сией санкционированные и поддержанные⁶. Таким своим шагом она давала понять, что никаких уступок от Украины и Запада в обозримое время не ждет, но и сама уступать не намерена, действуя без оглядок на договоренности и упреки другой стороны в пренебрежении ими.

Значит ли это, что после донбасских выборов, если они состоятся, Берлин и Париж минский и надстроенный над ним нормандский переговорные форматы официально похоронят? Вряд ли. Фактически они и так уже давно похоронены, идея международной миротворческой миссии, призванная их реанимировать, форматами этими не предусмотрена, но и по ней договоренности недостижимы. И, тем не менее, из невыполнимых соглашений односторонне никто, думаю, не выйдет. Ближе к 11 ноября протесты в мире против выборов станут, наверное, громче, как было перед аналогичными выборами в 2014-м, а потом, как и тогда, сменятся призывами выполнять минские соглашения по причине отсутствия им альтернативы.

Невыполнимое в силу несовместимости целей и интересов сторон сочтут целесообразным и впредь считать выполнимым, но не выполняющимся по вине той или другой стороны. Киев, Берлин и Париж будут считать виновной Москву, поддерживающей незаконные ДНР и ЛНР и своим военным присутствием на Донбассе попирающей суверенитет Украины, за что и наказываемой санкциями Евросоюза. А Москва не устанет повторять, что «нас там нет», и продолжит винить Киев за нежелание вступать с этими ДНР и ЛНР в прямые переговоры о политическом урегулировании ситуации. И ждать результатов президентских и парламентских выборов в Украине с надеждой, что власть там сменится, что сменщица окажется более сговорчивой, и с готовностью всеми доступными способами такой смене содействовать.

О патриотичном Петербурге (5 октября). Исполняющий обязанности петербургского губернатора намерен вывести город на «первое место по патриотическому воспитанию» [«Я тоже православный»...2018]. Наверное, регионам предстоит в патриотизме соревноваться. Наверное, известно уже, кто и по каким показателям будет определять победителя и призеров. Не с самим же собой предстоит конкурировать Петербургу под руководством и. о. губернатора и не самому же и. о. губернатора будет дозволено присваивать городу первенство.

Об анекдотичном (5 октября). Анекдотичного в жизни все больше, а анекдотов почти нет. Значит, анекдотичное не изжито.

Еще о кровавом уроке 1993-го (6 октября). Продолжаются дебаты о трагических событиях 1993-го. О том, кто в них виновен. Читать грустно, потому что в спорах этих вычитывается застревание в исторической трагедии и не вычитывается кровавое поучение. А оно в том, что монопольная власть соблазняет тех, кто ей противостоит, сменить ее монополией собственной. Монополию ЦК КПСС — монополией Съезда народных депутатов, монополию Съезда — монополией президентской. В событиях четвертьвековой давности, кого бы ни считать их виновником, нет ответа на вопрос о том, как избежать повторения трагедий. В них пока еще только вопрос. О том, как выбираться из политической монополии без ее воспроизведения в новых формах и лицах.

О завершении начала (12 октября). В 1991 году Украина отделилась от российской империи государственно. В 2014-м заявила об отделении цивилизационном. Вчера предопределилось отделение (оно же освобождение) церковное⁷. Украина завершает свое новое историческое начало. Чтобы начало продолжалось и завершилось новым историческим результа-

⁶ В назначенный день эти выборы состоялись, на них ожидаемо победили подобранные Москвой кандидаты (тех, кто мог им составить конкуренцию, до выборов не допустили). Так же ожидаемо выборы были признаны в мире незаконными и попирающими минские соглашения.

⁷ 12 октября 2018 г. Священный синод Вселенского патриархата Константинополя подтвердил, что Константинопольский патриархат приступил к процедуре предоставления автокефалии украинской церкви.

том, ей, как и раньше, потребуются национальная ценностная консолидация и воля. Чего украинцам желал и желаю.

О «тоталитаризме любви» и «праве на ненависть» (19 октября). Сказанное вчера президентом о достойных и недостойных попадания в рай [Выступая 18 октября...2018] — апелляция к определенной культуре. Несколько развязная, но это уж как водится. Но она не вопреки тому, что говорилось о культуре на Валдайском форуме людьми, имеющими к ней служебное либо профессиональное отношение.

Говорилось о том, что в культуре этой заложен «дух победительности», от которого производны «две национальные идеи — оборона и суверенитет». Плюс — со ссылкой на Достоевского — всемирная отзывчивость к культурно иному без пояснений, как она соотносится у Федора Михайловича с «духом победительности» и соотносится ли вообще. Плюс — опять же с отсылкой к Достоевскому — собственное понимание свободы и прав человека. Понимание более широкое и полное, т. е. более либеральное, чем в Европе, напуганной нацизмом и потому культурно сужающей понятие свободы, подменяя ее «тоталитаризмом любви», лишаящей человека священного права на ненависть. Чего в России, к счастью, сегодня не наблюдается [Тоталитаризм любви... 2018].

Разумеется, утверждается это не без оговорки насчет того, что чувство ненависти не должно сопровождаться насильственным действием. Но без соотнесения с тем, что тот же Достоевский говорил о превращениях, которые разные священные идеи и чувства претерпевают, попав на улицу. А соотнести не мешало бы. Иначе получается не просто достоевское, но достоевское, по умолчанию сочлененное с советским, вклад которого в массовое культивирование права на ненависть трудно переоценить.

У президента сочлененное по-своему, у деятелей культуры — по-своему.

Об объективациях и поучениях (24 октября). Невозможно слыть объективным. Не потому, что не хочется, а потому что любые объективации воспринимаются как обличение. Скажем, нынешний социально-экономический курс может быть описан, как законодательное предписание оплатить обещаемые и не гарантированные улучшения текущим и не фиксированным во времени ухудшением. Исключая тех, кто предписывает и обещает, а также их ближнего круга и групп поддержки. Объективно? Думаю, что объективно. А воспринимается, как обличение. Кем-то с одобрением, а кем-то — с неудовольствием. Так что да, прослыть объективным, соблазнам хулы и хвалы не подверженным, вряд ли может получиться. Даже если очень стараться. Реальность не позволит.

О господах из товарищей (25 октября). Что такое «новое дворянство»? Это сословие, чье господство не опосредовано заслугами, и чье рождение совпало по времени с его вырождением.

И снова о модернизации и модернизаторах (27 октября). Есть повод вернуться к тому, что в преддверии президентских выборов было названо стратегией «рывка». Потому что к этому вернулись рывок обещавшие. Теперь он переименован в «прорыв», а о том, чего от него ждать, и как он будет осуществляться, можно получить представление из стенограммы заседания Совета по стратегическому развитию и нацпроектам, состоявшемуся на днях под председательством президента [Заседание Совета... 2018].

Повторено — с некоторыми добавлениями — объявленное ранее, что к 2024 году Россия войдет в пятерку крупнейших экономик мира с темпом экономического роста выше среднемирового, в пятерку ведущих стран в области научных исследований и разработок и в десятку стран-лидеров в развитии цифровой экономики. Что инвестиции будут увеличиваться ежегодно на шесть процентов, а производительность труда возрастет за шестилетку на 20 процентов. Что технологическое перевооружение отраслей приведет к удвоению экспорта несырьевых товаров. Что доля малого и среднего бизнеса в экономике с нынешних 22 про-

центов возрастет до трети. И еще много чего намечено прорывного, о чем можно получить представление из упомянутой стенограммы.

Равно как и о том, что деньги на прорыв есть. Если летом в верхах спорили о том, где найти дополнительные восемь триллионов рублей в бюджет, то теперь это уже прошлое. Бюджетное (за счет основной массы населения) и внебюджетное (за счет бизнеса) финансирование прорыва составит 28 триллионов. От предписанной ему роли спонсора население пока не в восторге, и уже появились эксперты, сетующие на его неосознанность и неготовность поддержать реформаторские планы и программы, которые ради его же, населения, будущего блага. Эти массовые настроения и их возможная динамика участниками обсуждения не упоминались, но апелляции к обществу и надежды на его вовлеченность в преобразования, как водится, прозвучали. Почти ничего не говорилось и о том, что в самой государственной системе, которой отводится в осуществлении прорыва заглавная роль, заложен механизм блокирования перемен. О качестве управленческих институтов и судов, с прорывом плохо сочетаемых, вскользь упомянул Кудрин, о сохраняющейся, несмотря на обещанную либерализацию законодательства и некоторые другие меры, немотивированности предпринимателей на долгосрочные инвестиции сказал представляющий бизнес Шохин, но отклика их суждения не получили.

Однако некоторая озабоченность все же улавливается. И, прежде всего, у президента. Поэтому едва ли не ключевое слово в его выступлениях на совещании — контроль за исполнением намеченного. При опасении, что сотни контрольных показателей по каждому проекту могут обернуться невозможностью контроля. Но это озабоченность не архаичностью государственной машины, а приспособлением ее для решения задач, к которым она не приспособлена. Тем более, что ей предписывается осуществление радикального технологического обновления при ограниченных возможностях технологических заимствований, т. е. с опорой, прежде всего, на собственные силы.

Вдохновители и организаторы этого эксперимента не уверены, что все у них стопроцентно получится, а потому заранее заявляют о готовности запланированное по ходу выполнения корректировать. И еще бросается в глаза, что проекты власти мало кого интересуют, что, в свою очередь, может свидетельствовать об отчуждении от нее и несоотнесенности с ее планами и обещаниями представлений людей об их повседневной жизни.

О благоденствии честных тружеников (30 октября). Чтобы не забыть:

В. ПОЗНЕР (телеведущий):

— Кому на Руси жить хорошо?

А. СИЛУАНОВ (первый вице-премьер правительства РФ, министр финансов):

— Тем, кто честно работает [Познер, Силуанов 2018].

О вопросах и ответах (2 ноября). Прочитал: если жизнь не дает ответов на возбуждаемые ею вопросы, то незачем о ней и думать. Ну, почему же. Можно, во-первых, подумать о том, насколько вопросы адекватны жизни. Во-вторых, если тест на адекватность они выдержат, подумать о том, почему они безответные.

О технологическом дисциплинировании (5 ноября). Еще один мост обрушился — на сей раз в Ханты-Мансийском автономном округе. Двое погибших, семь пострадавших. Это становится повседневностью — что-то рушится, взрывается, тонет, горит. На земле, в воздухе и на воде. Похоже, ползучий обвал технологической дисциплины. Советское дисциплинирование с его отъемами партбилетов и билетами волчьими при монопольном работодателе свою инерцию исчерпало, вернуть его нельзя, а заменить нечем. По крайней мере, пока замены не нашлось. Найдется ли — вопрос. А если не найдется, то... что?

О политической системе и избирателях (7 ноября). Двухлетний американский спор между персоной и системой на сегодня завершился в пользу системы. Президентский прин-

цип доминирования, так импонирующий американскому и российскому президентам, отступил перед принципом парламентаризма. Потому что того пожелало большинство американских избирателей⁸. Есть страны, где история творится и периодически корректируется голосующими народами. Вопреки тому, что не везде и не всем это импонирует.

Об одном некогда знаменитом предупреждении (11 ноября). За несколько лет до начала события, столетие со дня окончания которого сегодня отмечается, один английский публицист написал книжку, которую сначала ни один издатель не хотел печатать. Европа жила уже в предощущении войны, а автор объяснял, что она никому не сулит выгоды, что не только побежденных, но и победителей ждут только убытки. И это воспринималось, как действие деморализации в условиях остро ощущаемой угрозы. А некоторое время спустя сокращенная версия этой книги, опубликованная автором за собственный счет небольшим тиражом и разосланная им в газеты, стала вдруг едва ли не самым читаемым политическим сочинением. Она издавалась огромными тиражами, была переведена на все европейские и не только европейские языки и широко обсуждалась в прессе и самых разных аудиториях.

Но война, тем не менее, случилась. Что свидетельствовало о том, что рациональные доводы бессильны там, где между странами и государствами нет доверия. Книга принесла автору всемирную известность, впоследствии, уже в 30-е годы он был удостоен Нобелевской премии мира, но цель, ради которой она была написана, оказалась недостижимой. И, в силу странной особенности человеческой психики, его сочинение, бывшее предупреждением против войны, как предприятия, для всех убыточного, стало восприниматься как ошибочный прогноз о **невозможности** войны.

Двадцатый век показал, что рациональные экономические доводы не в состоянии одолеть недоверие. Однако он же показал, что оно может отступить, не становясь доверием, когда война между ведущими военными державами грозит не просто экономическими убытками, а тотальным уничтожением жизни. Правомерно ли на этом основании утверждать, что разум победил войну — по крайней мере, глобальную — окончательно и бесповоротно? Пока можно только предполагать, гарантий нет.

А книжку, о которой речь, написал публицист Норман Энджелл. Она называется «Великое заблуждение. Очерк о мнимых выгодах военной мощи наций».

О поручении президента узнать, что в стране и со страной (13 ноября). Опять повод вспомнить советского правителя, который почти сразу после получения власти объявил о том, что правящие не знают страны, которой правят. С тех пор страна стала размерами и количеством людей меньше, но правителя — теперь российского — и почти через 20 лет правления может растревожить осознание ее незнания. После чего он публично обязывает подчиненных выяснить, почему трудящиеся повсеместно стали жаловаться на их действия, и что «не на бумажках», а «реально, в реальной жизни там происходит» [Путин поручил... 2018]. Может, выяснят и разберутся так, что жалобщикам станет лучше. А, может, и так, что впредь жаловаться расхотят.

О пире победителей (14 ноября). Посмотрел большой фрагмент документального фильма Виталия Манского «Свидетели Путина» — о выборах 2000 года. Точнее, о том, что происходило во время подсчета голосов и после объявления результатов голосования в выборном штабе Путина и в квартире Ельцина. Радость новоизбранного президента, не рискующего во избежание обмана что-то обещать, кроме обязательства «быть честным». Радость тех сподвижников Ельцина, кто Путину помогал, вел и привел к победе. Радость самого Ельцина и его семьи. Пир счастливых победителей, получивших свою власть, т. е. своего у власти. Верят, что авансированная честность в игре адресована им, а в создании правил игры

⁸ На выборах в Конгресс, состоявшихся 6 ноября 2018 г., большинство в Палате представителей получила Демократическая партия, что лишило президента Трампа контроля над палатой.

они будут соучастниками. И два долгих выразительных кадра. Напряженно-сосредоточенный взгляд Ельцина, когда он смотрит и слушает ТВ-комментарий поверженного им Горбачева по итогам выборов. И его же напряженно-растерянный взгляд после того, как он, поздравив Путина с желанием того поздравить, получил чье-то обещание, что Путин ему перезвонит, но — не перезвонил.

Что побеждало в ту ночь, никто из победителей еще не знал.

Об обвинениях других в необразцовости (17 ноября). С 2014 года наблюдаю феномен, который можно назвать изводом посткрымского российского либерализма. Он в том, что люди декларируют солидарность с европейским выбором Украины и желание ей успеха, но при этом избегают говорить о роли России в происходящем у соседей, об аннексии Крыма и войне на Донбассе. Как и о том, кому они в этой войне сочувствуют и желают победы.

Они говорят, что хотели бы видеть Украину примером экономического и политического реформирования для России, но при этом упрекают соседнюю страну в том, что она таким примером не стала, ибо плохо управляется, а ее руководители ведут себя так, что помогают укрепляться кремлевскому режиму [Травин 2018]. О том, в чем именно видят такое пособничество, и чем именно украинская политика мешает российским либералам, эти люди не рассказывают. О том, что сделано в Украине после Майдана, молчат тоже. Их, похоже, и не интересуют происходящие в ней перемены, не интересуют ее историческое движение, осуществляемое в сотрудничестве с Западом и при его требовательной поддержке, как не интересуют и сам прецедент реформирования системы постсоветского типа, существенно отличной от системы советской, со всеми его удачами и сбоями. То есть, вне внимания именно опыт преобразований и их в этом опыте проблематизация, а внимание только к тому, что в Украине плохие политики, а потому она для России не пример.

Возможно, российские критики, будь на месте тех политиков, давно бы уже европейскую Украину выстроили. Но что бы они делали на месте критикуемых в воюющей стране, почему-то не сообщают. А когда им дают понять, что их обличения созвучны кремлевской антиукраинской пропаганде, обижаются: она, мол, за Путина, а мы против. А я думаю, что говорить об Украине, России противостоящей, то же самое, что говорит Путин, т. е. неправду или правду частичную, значит, поддерживать Путина в его дезориентации российского населения.

Любопытно, кстати, что ряд стран Восточной Европы, по уровню жизни от России в свое время оторвавшихся, примером для нее не стали. Откуда же надежды, что примером в случае удачи может стать Украина?

О мере величия и духовности (21 ноября). Последние казусы с чиновниками и депутатами — симптомы трудностей, испытываемых ими в общении с народонаселением. Ему надо объяснять, почему ему живется не столь весело и вольготно, как его руководителям, а объяснений не придумывается. Давно ждал, кто первым вспомнит и напомним ему о войне. Первой стала сенатор Лахова — восхитилась сохранившейся повышенной разумностью и светлоготовостью войну переживших и предположила, что именно былые «стрессы и лишения тому причиной» [Сенатор, говоря о... 2018]. Война — предписанная мера величия всех и нестяжательной духовности каждого. Можно сказать, мера национальной идентичности. Похоже, однако, что применительно к мирной повседневности мера эта теми, кому предписывается, уже отторгается. И потому г-же Лаховой после не очень доброжелательной общественной реакции на ее суждение пришлось убеждать публику в том, что она не помышляла примирять соотечественников с низким уровнем жизни ссылками на лишения и невзгоды, вынесенные их отцами и дедами в войну [Сенатор Лахова... 2018]. Но с какой стати ей вспомнилась война в разговоре о прожиточном минимуме и продовольственной корзине, не сказала. Трудно сего-

дня выборным и назначенным начальникам, нет у них общего языка с теми, кого хотели бы удерживать в терпении и послушании. Поэтому будут, скорее всего, новые казусы.

Еще о либеральной неправде про Украину (23 ноября). Ширятся ряды российских либералов, оповещающих соотечественников о том, что в Украине за пять лет после Майдана ничего реформаторского не сделано [Поход Украины... 2018]. Совсем ничего. А когда им говорят, что что-то все же сделано, не реагируют. Совсем не реагируют. Даже на то, что экономический рост в соседней стране, которая без нефти, заметно выше, чем в их стране с нефтью. Или на международные финансовые кредиты, которые Украина получает, а при отсутствии реформ не получала бы. Если бы говорили, что в Украине многое пока не удалось, если бы говорили, что конечный успех все еще не гарантирован, это было бы похоже на правду. А ничего не сделано — это ложь. Когда она транслируется российским ТВ, причины можно понять. А когда она распространяется либеральными вроде бы оппозиционерами, понимание их мотиваций мне недоступно. Сами-то они осознают, зачем дезинформируют своих читателей и почитателей? Зачем незавершенный, но не свернутый и продолжающийся процесс хотят представить итоговым негативным результатом?

О персональном и системном патернализме (24 ноября). Президент в очередной раз напомнил о том, что властям «нужно добиться прорыва» [Расширенное заседание... 2018]. И повторил: «именно прорыва». Но незаметно, чтобы широкие народные массы этим рефреном возбуждались и вдохновлялись. Такое впечатление, что они его не слышат. Похоже, они заметили, что денег у них заимствовать стали больше, чем раньше, а к тому, что заимствуют на прорыв, т. е. для их же блага, обнаруживают глуховатость. Выглядит все так, что власть с ее планами и проектами сама по себе, а народонаселение — само по себе, т. е. в глубоком от власти отчуждении.

Президент видит проблему и намечает стратегию ее решения. Решение, насколько можно судить, видится в очеловечивании бюрократии, в смещении ее внимания с формальных количественных показателей казенной отчетности, ничего не говорящих о состоянии и настроениях конкретных людей, на заботу об этих конкретных людях. «Понимаете, — сказал президент на расширенном заседании президиума Госсовета, — нам нужно не формулировки красивые и гладкие формулировать и писать на бумажке, а нужно, чтобы всё это было в жизни, чтобы изменения дошли до каждого человека, чтобы люди это почувствовали ... и на уровне жизни, на уровне заработной платы, на пенсиях. Чтобы это тоже были не средние показатели, усреднённые, а чтобы это было, как мы с вами знаем и как это важно для людей, чтобы это были реальные деньги, а не какие-то проценты усреднённые» [Расширенное заседание... 2018].

Насколько опять же можно понять, спускается установка на преобразование персонального президентского патернализма, так выразительно проявляемого во время «прямых линий», когда глава государства фиксирует просьбы отдельных сограждан и лично обеспечивает их удовлетворение, в патернализм системный, т. е. на всех этажах властной вертикали. Если так, то интересно, как это будет выглядеть, и что из этого может получиться. Я имею в виду, удастся ли управляющим по призыву своего лидера породниться с управляемыми и помочь им поверить, что прорыв за их счет и прорыв в уровне и качестве их жизни — одно и то же.

О мечте Ходорковского (25 ноября). Михаил Ходорковский рассказал, какой видится ему «Россия нашей мечты» [Ходорковский 2018]. Из рассказа видно, как трудно российской несистемной оппозиции сочленять риторику, позволяющую претендовать на власть, с описанием желаемого устройства этой власти.

Претензия на власть требует отмежевания от либерализма и либералов, но желаемое устройство приходится описывать, используя весь набор терминов из либерального лексико-

на. Что Михаил Борисович и делает. Претензия на власть требует, далее, не злоупотреблять словом «демократия», в широких электоральных массах ассоциируемой с рыхлостью власти и сочувственного отклика не находящей. Но желаемое устройство, учитывая, в том числе, и ориентацию на поддержку Запада и сотрудничество с ним, приходится описывать, как альтернативное авторитаризму и демократическо-правовое.

Эти две установки совмещаются у Ходорковского в идее «сильного правительства», формируемого парламентским большинством. Что уже вызвало безответные вопросы. Типа того, каким образом в «России нашей мечты» будет гарантирована сила правительства, если природа парламентского правления его не гарантирует?

Можно предположить, что в усилении правительства предусматривается и какая-то роль президента, но об этом ничего не говорится, как не говорится и о том, предусматривает ли мечта воспроизведение президентства, как такового.

Можно предположить также, что тут расчет на какие-то влиятельные общественные силы, которые заинтересованы именно в сильном правительстве, постоянно свою силу воспроизводящем. В рассказе Михаила Борисовича названы две такие силы — крупный бизнес, переведенный из сращенного с властью олигархическо-коррупционного существования в существование конкурентное, и мегаполисы. Но это, в свою очередь, переводит вопрошания из области мечты в область реальности, а именно — так ли уж озабочен крупный бизнес освобождением от властной опеки, монополизма и коррупционных практик, а мегаполисы... а мегаполисы, кроме непомерно разбухшей Москвы, как признает сам Ходорковский, еще слабы, их еще развить надо, подтянуть до субъектности.

Однако тут ведь очередной вопрос выплывает о том, кому предстоит подтягивать. И в данном случае представление Михаила Борисовича о реальности таково, что, кроме центрального правительства, делать это некому, а потому демократия не должна быть абсолютной, т. е. должна стать привилегией центра, на регионы не распространяясь. Такой вот федерализм, к утверждению которого политик призывает, без демократии на местах.

Я сейчас не о том, хорошо это или плохо. Я о том, может ли обрести силу демократическое правительство без демократии на местах. Или, что то же самое, благодаря ее отсутствию. И еще о том, что происходит, когда несистемная оппозиция пытается сочетать притязания на власть с одновременным учетом своеобразия российской социальной и культурной среды, мирового контекста и прогнозированием своего поведения в случае обретения этой власти.

Об учете и контроле (30 ноября). Странно, но общественность не расположена вникать в занятия власти, которая завершает подготовку к предписанному президентом и распisanному по отраслям технологическому и социально-экономическому прорыву. Изыскав источники его финансирования (28 трлн рублей на шесть лет) посредством давления на бизнес и рядовых работников, правительство распределяет теперь деньги по регионам, каждому из которых предстоит пройти свой путь к общей цели, начертанной в президентском указе от 7 мая текущего года. Но президент отдает себе отчет и в том, что начальство всех рангов и уровней потребует не только мобилизовать, но и проверять, на то ли тратит оно полученные ресурсы, и добивается ли тех результатов, которые запланированы. Поэтому повторяет снова и снова:

«Здесь нужно понимать, что и как будет делаться в регионах на эти деньги, нужно не только направлять эти ресурсы, но и быть уверенными, что эти ресурсы будут эффективно потрачены, и наладить соответствующий строгий контроль за выполнением поставленных задач. Потому что, еще раз это повторю, наша задача — не освоить эти деньги, не отчитаться на бумаге, а повысить уровень жизни граждан Российской Федерации, придать новый импульс развитию экономики страны» [Совещание... 2018].

Президент понимает, что в созданной им системе его планы некому выполнять, кроме чиновников. Что иного управленческого способа осуществления прорывов, чем использованный во времена советской индустриализации, в системе такого типа не заложено. И, как и в те времена, способ этот не может сводиться к контролю одних чиновников над другими. Поэтому президент не только одобряет (на позавчерашнем совещании с членами правительства) создание специальной комиссии, которая в режиме еженедельного мониторинга будет отслеживать осуществление прорыва по всей стране, но и обращается на следующий день к Общероссийскому народному фронту с призывом стать еще одним контролером, без которого успех прорыва проблематичен:

«...Без общественного, широкого общественного контроля за тем, что делается, как делается и каковы результаты, добиться этих результатов будет практически невозможно. Это можно сделать только с вашим участием» [Съезд... 2018].

Что получится из этой мобилизации начальства сверху и снизу, учитывая, что и низкой «широкий контроль» тоже сверху, ибо подконтролен президентской администрации, сегодня вряд ли кто скажет. Конечно, какие-то результаты будут. Если система в состоянии построить крымский мост и олимпийские объекты, то она сможет хотя бы частично выполнить и новое предписание. В какой мере, увидим. Но насколько удастся внушить людям чувство, что прорыв для них и ради улучшения их повседневной жизни, пока вопрос. Пока шевеления во власти и ее обещания население не жалуется даже своим вниманием.

А насчет того, что прорыв этот «придаст новый импульс развитию экономики», — вопрос, на который можно предсказать и ответ. В системе, о которой речь, мыслимо административно насаждаемое движение к каким-то целям, но импульсов и мотиваций саморазвития в нем возникнуть не может, а потому и неоткуда им появиться и после достижения этих целей, что и можно было наблюдать после той же советской индустриализации.

Выступая 18 октября... 2018. Выступая 18 октября 2018 г. на Валдайском форуме, В.Путин сказал, что в случае ядерной войны «мы как мученики попадем в рай, а они просто сдохнут, потому что даже раскаяться не успеют». См.: Заседание дискуссионного клуба «Валдай». — *Президент России*. — 18 октября. — Доступно: <http://kremlin.ru/events/president/news/58848>. — Проверено: 5.12.2018.

Заседание Совета... 2018. Заседание Совета по стратегическому развитию и нацпроектам. — *Президент России*. — 24 октября. — Доступно: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58894>. — Проверено: 5.12.2018.

Познер В., Силуанов А. Познер. — *Первый канал*. — 29 октября. — Доступно: <https://www.youtube.com/watch?v=qaj3ANz8RXU>. — Проверено: 5.12.2018.

Поход Украины... 2018. Поход Украины за демократией Кирилл Рогов назвал пшиком, а саму Украину — реформы проводить не способной. — Рогов К. Стратегия выхода. — *Эхо Москвы*. — 23 ноября. — Доступно: https://echo.msk.ru/blog/rogov_k/2320416-echo/?fbclid=IwAR2kkPT_8bEZk5MuEPiYNYBDsJbJcWnNib8bjMhv7GS-NGyRrCH7ru_DCCg. — Проверено: 5.12.2018.

Путин поручил... 2018. Путин поручил Медведеву вникнуть в реальную жизнь россиян. — *Lenta.ru*. — 12 ноября. — Доступно: https://lenta.ru/news/2018/11/12/mnogo_nologov/?fbclid=IwAR2yz6ev9GgKlKA1eNdxfeWqbi06roK5C_uCccJaYV44d3KRumwca_id8aQ. — Проверено: 5.12.2018.

Расширенное заседание... 2018. Расширенное заседание президиума Государственного совета. — *Президент России*. — 23 ноября. — Доступно: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59186>. — Проверено: 5.12.2018.

Сенатор Лахова... 2018. Сенатор Лахова заявила, что журналисты вырвали из контекста ее слова о ветеранах войны. — *ТАСС*. — 20 ноября. — Доступно: <https://tass.ru/obschestvo/5814703>. — Проверено: 5.12.2018.

Сенатор, говоря о... 2018. Сенатор, говоря прожиточном минимуме, предположила, что голод в военные годы пошел людям на пользу. — *Росбалт*. — 20 ноября. — Доступно: <https://www.rosbalt.ru/russia/2018/11/20/1747577.html>. — Проверено: 5.12.2018.

Совещание... 2018. Совещание с членами Правительства. — *Президент России*. — 28 ноября. — Доступно: <http://kremlin.ru/events/president/news/59221>. — Проверено 5.12.2018

Съезд... 2018. Съезд Общероссийского народного фронта. — *Президент России*. — 29 ноября. — Доступно: <http://kremlin.ru/events/president/news/59260>. — Проверено: 5.12.2018.

Тоталитаризм любви... 2018. Тоталитаризм любви: как остаться собой в меняющемся мире. — *Валдай*. — 16 октября. — Доступно: <http://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/totalitarizm-lyubvi> Проверено: 5.12.2018.

Травин Д. 2018. — *Фейсбук*. — 16 ноября. — Доступно: <https://www.facebook.com/dtravin61>. — Проверено: 5.12.2018.

Улицкая Л. 2018. «Россия никогда так хорошо не жила, как сейчас». — *OstWest*. — 30 сентября. — Доступно: <https://www.facebook.com/OstWest.TV/videos/vb.1726481557624193/1933355273633959/?type=2&theater>. — Проверено: 5.12.2018.

Улицкая Л., Сокуров А. 2018. Эволюция человека. — *Открытая библиотека*. — 25 августа. — Доступно: <http://open-lib.ru/dialogues/ulitskayasokurov>. — Проверено: 5.12.2018.

Ходорковский М. 2018. Мое выступление на конференции «Россия вместо Путина» (провокационное). — *Эхо Москвы*. — 24 ноября. — Доступно: https://echo.msk.ru/blog/mbk313373/2321320-echo/?fbclid=IwAR1sMo5qxq-P4KDli73EouPJxv_O4t9mq-NrBiEuf5NzI9665sSm9R9Dg3I. — Проверено: 5.12.2018.

«Я тоже православный...» 2018. «Я тоже православный и тоже этим горжусь». Беглов позвал Полтавченко на чай и обещал вывести Петербург на первое место по патриотическому воспитанию. — *Фонтанка.ru*. — 5 октября. — Доступно: <https://www.fontanka.ru/2018/10/05/042/>. — Проверено: 5.12.2018.

Кафедра:
современные партийные системы

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ РОЛИ ПАРТИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Я.Ю. Шашкова
Алтайский государственный университет,
А.И. Девицкая
ЭкоПром (Санкт-Петербург)

Аннотация: В статье анализируются статус и функции партий в российской политической системе, выявляются причины их отличий от западного варианта, который заимствовался в ходе политических трансформаций 1990-х гг. На основе данных о составе партийных фракций законодательных органов власти регионов Западной Сибири и социологических опросов авторы доказывают рассогласованность формального и неформального институционального содержания российских партий. Обоснован тезис о тесной взаимосвязи превращения российских партий в каналы продвижения партикулярных или бизнес интересов, активного использования ими современных, маркетинговых, методов политической деятельности с устойчивой делегитимацией данного института в массовом сознании.

Ключевые слова: политические партии, политические институты, функции партий, политические трансформации, регионы Западной Сибири.

Роль и место партий в российской политической системе обсуждаются больше двух десятилетий. При этом чаще всего оценивается степень эффективности в России традиционной для демократических государств многопартийной конкурентной системы и соответствующей ей модели функционирования партий. Возникает парадокс: институт политических партий для нашей страны не нов, он четко вписан в современный политический процесс, а его востребованность по-прежнему низка. Причинами этого, на наш взгляд, являются последствия трансплантации института в «неконгруэнтную» среду и его постоянные трансформации.

Что касается первой причины, то, как справедливо отмечали М. Полтерович и П.В. Панов, по поводу значимости чужеродных институтов часто возникают радикальные сомнения. В отсутствие общественного консенсуса политические акторы не в состоянии использовать «пересаживаемый» институт для легитимизации политического порядка и внедрения ментального образа соответствующего политического сообщества. Ключевую роль начинает играть соответствие («конгруэнтность») смыслов импортированного института в стране-доно-

ре и стране-реципиенте. Высокая степень конгруэнтности приводит к постепенной конвергенции; низкая — к дивергенции, которая может повлечь за собой появление институциональных гибридов или превращение импортированных институтов в «оболочку», внутри которой функционируют традиционные для общества-реципиента неформальные практики [Полтерович 2001: 24–50; Панов 2007: 101].

Именно это и произошло в нашей стране с институтом партий. Его трансплантация в неконгруэнтную российскую среду привела к тому, что выполнение партиями части функций (например, электоральной) соответствовало мировым тенденциям, а часть наполнилась отечественной спецификой.

При этом были заимствованы новейшие формы политических партий, изменившие в условиях информационного общества свой функционал и широко использующие, в частности, маркетинговые методы. Однако на Западе партии уже укоренились в системе общественно-политических коммуникаций, имеют устойчивый круг сторонников и отлаженные технологии деятельности. В условиях слабости гражданского общества пересаживание постмодернистских партийных форм на отечественную почву превращало российские партии в «электоральные машины», взаимодействующие с обществом в основном посредством рекламных акций. Другими словами, российские партии изначально оказались не столько институтами представительства широких социальных групп, сколько «политическими предприятиями» на службе у элитных группировок.

К тому же использовавшаяся до 2002 г. в большинстве субъектов РФ мажоритарная система выборов в региональные легислатуры способствовала вытеснению политических партий на периферию электорального поля. Большинство мандатов в заксобраниях получали так называемые независимые кандидаты, чаще всего — чиновники исполнительной власти, директора предприятий и бизнес-структур [Динес, Николаев, Слиска 2004], стремившиеся «собственноручно» контролировать формирование законодательной базы и распределение финансовых ресурсов с целью максимального снижения транзакционных издержек в условиях нестабильной институциональной среды.

Так, из 41 депутата Заксобраний Алтайского края первого созыва (1994 г.) 14 являлись главами администраций районов, городов и их заместителями (34 %), 19 (36 %) — хозяйственными руководителями и только 4 — представителями бюджетной сферы (3 врача и 1 учитель, около 10 % депутатов) [Избирательные 2006: 378; Грани 2009: 494]. Больше половины избранного в том же году депутатского корпуса Кемеровской области также пришлось на чиновников городского и районного уровня (главы и работники администраций муниципальных образований и депутаты местных советов) — 9 человек (28 % от общего числа депутатов) — и руководящий, главным образом директорский, состав хозяйствующих субъектов — 10 человек (31 %) [Шараев 2007: 187–188]. Преобладали представители экономической сферы и в Томской областной думе первого созыва. Здесь руководители предприятий и коммерческих структур получили 38 % мандатов.

Этого не скрывали и сами депутаты. Например, генеральный директор ЗАО «Томас-профит» депутат 2-го созыва томской легислатуры Е.Н. Васильченко впоследствии (2003) признавал: «Главная причина, приведшая меня в думу, близка и понятна всем, кто непосредственно связан с производством. Законодательная база в те годы только формировалась, и важно было в этом процессе принять участие, суметь повлиять на установление правил игры. Это понимал не только я, неслучайно во второй думе так весомо был представлен «директорский» корпус. Мы не могли доверить судьбу своих предприятий дилетантам от политики, тем, кто не знаком с производством, с механизмами его работы. Вторая дума имела ярко выраженную экономическую направленность, приняла ряд важнейших законов, защищавших интересы предпринимателей всех уровней» [Гуляева б/г].

Кардинальных изменений в структуру профессионального наполнения регионального депутатского корпуса не внес и переход на смешанную избирательную систему.

Например, после выборов 2004 г. более половины из 62 депутатов ЗС Алтайского края представляли закрепившую свое доминирование группу директоров хозяйствующих субъектов — энергетических компаний, сельскохозяйственных, промышленных, строительных предприятий и пр. Чиновников представлял лишь один работник краевой администрации, что было связано с запретом совмещать депутатский мандат с должностью в органах местного самоуправления [Выборы 2004]. На протяжении последующих созывов конфигурация социально-профессионального состава депутатского корпуса стабилизировалась: доля «хозяйственников» и бизнесменов в созывах 2008 и 2011 гг. колебалась в диапазоне от 55 до 60 %, при этом значительную роль в закреплении такого положения сыграли партии, особенно «Единая Россия» [Выборы 2011; Выборы 2008]. В созыве 2016 г. этот показатель несколько снизился, но все равно равен 52 % [Постоянные].

В Томской области значительную долю депутатов — около 62 % в четвертом созыве ТОД, 55 % в пятом и 40 % в шестом — можно отнести к категории «хозяйствующих субъектов». Около половины депутатов новосибирского парламента также относятся к руководящему составу предприятий и бизнес-структур (в созыве 2015 г. — 55 % [Фракции]); около половины последних прошли по спискам политических партий, участвовавших в избирательной кампании.

Партии не стремились к массовости, узкий круг лидеров узурпировал ключевые партийные должности, блокировал участие рядовых членов в выработке партийной стратегии. Это вело к падению партийной активности граждан, в сложных социально-экономических условиях переключившихся на обеспечение минимального уровня жизни.

Но важнее другое: в условиях неконгруэнтной среды и отсутствия неформальных практик, способных обеспечить дальнейшее развитие новым институциональным формам, последние наполнялись привычным для их членского состава содержанием: административно-бюрократическим для «партии власти», «клубным» — для либералов. По образному выражению Г.Л. Кертман, произошло «одомашнивание» новых институтов и политических практик, вписывание импортированных институтов в традиционный ценностно-нормативный контекст — с выработкой спектра мотиваций политического поведения, органичного для «среднего россиянина» [Кертман 2007: 120].

Значительное влияние на этот процесс оказала власть, что вполне согласуется с тезисом Д. Норта о решающей роли государства в современных институциональных трансформациях [Норт 2010: 91]. Именно государственная элита, оказавшаяся в России сильнее общества, рассматривала введение демократических институтов — выборности, политического плюрализма, представительных органов, гражданских и политических свобод — как форму самосохранения, средство обеспечения безопасности и интеграции в мировое сообщество [Холодковский 2004: 252–253].

Организационным показателем отношения политических и экономических элит к партиям как к инструменту стал уникальный продукт — «партия власти», сконструированная «по образу и подобию самой Власти» или «мечтаний о ней русского общества». Она соединила в себе действующие в одной «архаичной, неполитической» ментальной плоскости «ожидания россиян от „своей“ Власти и расчет Власти в отношении „своих“ россиян» [Глебова 2004: 223].

Все это свидетельствует об истинности выведенной еще В.О. Ключевским и повторенной в наши дни Ю.С. Пивоваровым формулы — «В России нет борьбы партий, но есть борьба учреждений»: «Неразвитость гражданского общества в России одним из своих следствий имеет неразвитость партийной системы. Политические партии возникли у нас довольно поздно и не играли значительной роли». Вместе с тем в любом обществе, в том числе в российском, имеются различные интересы, «неодинаковое понимание того, каким путем должно идти, какие средства и как применять. Запад решает эти задачи во многом через партии, вы-

ражающие и представляющие волю и интересы того или иного сектора (сегмента) социума. У нас — тоже во многом — роль партий играют учреждения...» [Пивоваров 2004: 110].

Как попытку формальной институционализации партий и определения их роли в российской политической системе можно рассматривать принятие в 2001 г. закона «О политических партиях», который сформулировал признаки политической партии и предоставил партиям монополию на «самостоятельное выдвижение кандидатов (списков кандидатов) в депутаты, на иные выборные должности в органах государственной власти». Согласно этому закону, политическая партия должна была насчитывать не менее 10 тыс. членов, иметь региональные отделения как минимум в половине субъектов Федерации (не менее 100 человек в каждом) и регулярно принимать участие в выборах.

При этом закон вполне соответствовал линии на выстраивание «вертикали власти» и установление госконтроля над всей политической инфраструктурой. С этой точки зрения Россия сравнима с Египтом, Марокко, Алжиром и Иорданией, в которых действовал фактически разрешительный порядок создания общественных и общественно-политических организаций. Как пишет К. Викторович, «эти организации были вовлечены в паутину бюрократических практик и правовых кодов, которые позволяют власти отслеживать и регулировать коллективную активность. Эта паутина снижает возможность вызова государству со стороны гражданского общества за счет того, что делает большую часть коллективной активности видимой для административного аппарата. При таких обстоятельствах институты гражданского общества являются в большей степени инструментом государственного социального контроля, нежели механизмом наделения коллективной властью» [Поляков 2004: 30]. Подтверждается еще один тезис Д. Норта: «Институты ...создаются скорее для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил» [North 1990: 16].

Однако с принятием закона о партиях укрепления института партий, равно как и их общественной легитимизации, не произошло.

Для многих российских партий установленные законом требования были явно завышенными. Большинство из них, по формулировке Ю.Г. Коргунюка, имели «клубную природу», т. е. представляли собой «объединения единомышленников, воодушевленных некой идеей, проектом общественного устройства» [Коргунюк 2007: 44]. В связи с этим даже формальное наращивание численности не делало их реальными массовыми структурами. Рядовые члены партии воспринимались ее организаторами как «техническая» масса, необходимая для перерегистрации (так, на местном и региональном уровнях широкое распространение получил принудительный прием в партии работников целых предприятий и учреждений). То же касается и избирателей, которых российские партии никогда не рассматривали как значимый ресурс.

Намного более важными для партий были интересы поддерживающих их лоббистских группировок и позиция исполнительной власти. Более того, значимость этих факторов резко возросла из-за необходимости создавать массовые организационные структуры. Это приводило к превращению партий в «акционерные общества» и франчайзинговые структуры, а также к повышению стоимости депутатских мандатов, делая их фактически недостижимыми для общественных объединений. Итогом таких сделок становилось быстрое и относительно мало-затратное распространение партий по территории страны, а обратной стороной — превращение их в аналог бизнес-проектов. Именно по такому пути прошли во многих регионах «Справедливая Россия», ЛДПР и некоторые новые партии.

Как отмечалось выше, стремление крупного бизнеса получить представительство в региональных парламентах прямо связано со спецификой российской институциональной среды. Отношения между экономическими и политическими акторами, а также между этими акторами и государством в большинстве случаев регулируются неформально. С одной стороны, способы заключения соглашений и решения споров носят, как правило, неправовой ха-

рактер, с другой — закон не защищает граждан и организации от произвольного вмешательства государства в их деятельность [Бри 2000]. В связи с этим экономические акторы сами пытаются встроиться в структуры власти, чтобы обеспечить для себя стабильность, минимизировать вмешательство в свою деятельность, а в идеале — получить дополнительные ресурсы и предпочтения.

В итоге современные политические партии не предлагают на выборах реальных политических программ, поскольку их деятельность определяют спонсоры в формате непубличных договоренностей.

Кроме того, в 2000-е гг. органы представительной власти утратили и без того слабовыраженные политические позиции, фактически превратившись в механизм ратификации решений, принятых другими субъектами. Несмотря на переход к пропорциональной системе на выборах в Госдуму и к смешанной системе на выборах в региональные легислатуры, реальная роль партий в принятии государственных решений сократилась. Власть сосредоточилась в руках новой партийно-государственной номенклатуры, причем с акцентом не на партийность, а на государственный статус.

Большое значение, наконец, имело то, что к концу XX в. партии западных стран как бы завершили цикл своего развития: возникнув как «предприятия претендентов» на выборные посты, они вернулись к роли преимущественно «электоральных машин». Поэтому, по словам Ф. Шмиттера, «было бы анахронизмом думать, что партиям [посткоммунистических стран] предстоит повторить все стадии развития своих предшественниц, выполняя при этом все их функции» [Шмиттер 1996: 18–19]. В результате возник диссонанс между заимствованными на Западе современными институциональными моделями политической партии и требованиями, предъявляемыми им российским массовым сознанием. Как показывали опросы, в 1990–2000-е гг. рядовые избиратели обуславливали доверие партиям не четкостью предлагаемых стратегий развития общества и адекватностью этих стратегий существующей ситуации, а выполнением обещаний и эффективностью работы с населением. Зачастую же избиратели и во все сводили деятельность партий к оказанию помощи определенным социальным группам: «На партии в этой интерпретационной схеме ...возлагались, по существу, функции специфических, «периферийных» структур государственной власти» [Кертман 2007: 124].

Так, при ответе на вопрос фонда «Общественное мнение» (2007) о вреде, наносимом партиями, респонденты обвиняли их в бездействии и неэффективности («много разговоров, а дела — чуть»; «одна показуха»; «много словоблудия» — 11 %), в паразитизме и расточительстве («деньги едят бюджетные»; «дармоеды на нашей шее» — 7 %), безразличии к людям («не думают о простом народе, нищая пенсия»; «не слушают людей, не отражают интересы народа» — 6 %), корыстолюбии («всё гребут в свои карманы» — 6 %), лживости («обман народа»; «много врут» — 3 %) и т. п. Особо стоит отметить, что 8 % опрошенных поставили партиям в вину их сущностные признаки — стремление к власти, межпартийную борьбу как таковую («вечно спорят между собой»; «разногласия»; «много политической борьбы»; «каждая добивается власти») [Политические].

По данным Левада-центра, в 2000-х гг. полностью партиям доверяло от 4 до 6 % населения, частично — около 30 %. В то же время президенту полностью доверяли 54–58 % граждан, частично — 28–30 %; церкви — соответственно 38–44 % и 21–23 %, армии — 20–30 % и 33–35 %. Даже профсоюзы получили 9–12 % полной поддержки и 20–25 % частичной.

Репрезентативность этих рейтингов верифицируется и оценкой влияния общественно-политических институтов на ситуацию в стране. По данным того же Левада-центра, в 2005–06 гг. она составила для партий 2,5 балла, для президента — примерно 4, силовых структур и СМИ — 3,5, церкви — 3 [Дубин 2002: 15; Доверие 2004; Социально-политическая... 2006].

Аналогичная картина наблюдалась и в регионах. Согласно опросам Центра политического анализа и технологий Алтайского госуниверситета (ЦПАТ АлтГУ), в 2002 г. положительно оценивали деятельность российских партий 7,8 % жителей Барнаула, еще 12,6 % —

скорее положительно, чем отрицательно¹. Таким образом, только 20,4 % респондентов признавали, что партии играют позитивную роль. Отрицательно к деятельности партий относились 16,8 % опрошенных, 20,8 % оценивали их деятельность скорее отрицательно, чем положительно.

Спустя три года² оценки деятельности партий стали еще более критическими. Позитивно к ним относились 20,7 % респондентов, а доля негативных оценок выросла до 62 %.

Кроме того, в политических партиях не видели механизма формирования властных структур и контроля над ними. В основном граждане выражали уверенность, что эффективных способов повлиять на власть в России не существует вообще. Лишь 9,4 % соглашались с тем, что существующие общественные образования оказывают заметное влияние на политическую жизнь.

При этом избиратели все чаще связывали доверие партиям с выполнением теми своих обещаний, эффективностью работы с населением (т. е. помощи ему), преодолением зависимости от капитала и государственной власти. Те же опросы показали, что в 2002 г. только 5,6 % жителей Барнаула были уверены, что российские партии полностью выполняют свои функции и обещания, 22,4 % считали, что они делают это частично. Еще 18,4 % ответили, что эти функции и обещания партии выполняют лишь иногда. В то же время 26,4 % отмечали, что партии чаще не выполняют своих обещаний, а 16,8 % — что они не выполняют их никогда. К 2005 г. доля разделяющих последнюю точку зрения выросла в три раза — до 50,9 %. Среди проблем, мешающих эффективной деятельности партий, жители края неизменно называли безответственность, оторванность от избирателей, продвижение корыстных интересов, зависимость от капитала и государства, программное однообразие.

Одним из устойчивых представлений можно считать и убежденность граждан в том, что оптимальной для постсоветской России является система с доминирующей партией, позиционирующей себя в качестве прямого канала связи с президентом. Примечательно, что число сторонников «одной сильной правящей партии» советского типа стабильно удерживалось на уровне не менее 30 % — в 2001–2004 гг. оно составляло 34 % избирателей, в 2005 г. — 38 % и в 2006-м — 32 % [Россияне... 2006].

В этих условиях значительным достижением являлось то, что значительная часть граждан все же признавала партии неотъемлемым элементом политической системы. Согласно всероссийским опросам общественного мнения, отрицали их необходимость только 7% респондентов (2001 г. — 8 %, 2004 — 6 %, 2005 — 7 %, 2006 — 7 %). Большинство же граждан, особенно молодого и среднего возраста, не хотели возврата к однопартийной системе и связывали дальнейшее развитие страны с функционированием двух-трех крупных партий. По данным Левада-центра, в 2001 г. таковых насчитывалось 41 %, в 2004-м — 44 %, в 2006-м — 42 % [Россияне 2006].

Представления жителей Алтайского края по данному вопросу соответствовали общероссийской тенденции. В 2002 г. в необходимости партий были уверены 67,2 % барнаульцев. По мнению 42 % из них партийная система должна включать три и более партий, 29,5 % считали оптимальной двухпартийную систему (в основном рабочие, учащиеся и студенты). За возврат к однопартийной системе выступали 15,2 %, около половины из них — пенсионеры. Только 11,2 % респондентов ответили, что партии в России не нужны. Еще 21,6 % опрошенных не смогли определиться с ответом.

В 2005 г. соотношение мнений принципиально не изменилось. Большинство жителей края (79 %) по-прежнему были уверены в необходимости партий. При этом несколько сократилось число сторонников двухпартийной системы (21 %) и увеличилось доля приверженцев однопартийности (23,6 %). Число считавших, что партии в России не нужны, возросло до

¹ Опрос проводился в Барнауле 3–8 июня 2002 г. Опрошено 500 человек.

² Опрос проводился 20–25 октября 2005 г. в 2 городах и 2 районах Алтайского края, опрошено 584 человека.

17,3 % — такое мнение было более характерно для женщин, а также для людей с высшим образованием и низким уровнем дохода.

Вместе с тем социологические исследования показывают, что за 20 лет существования политической системы сформировался «эффект привыкания» к партиям. Согласно данным ФОМ (2013), число людей, признающих необходимость одной или двух партий, уменьшилось: в 2004 г. за существование одной партии выступали 21 % россиян, за двухпартийную систему — 18 %, в 2013 г. эти показатели составили 15 и 13 % соответственно. А вот приверженцев многопартийности стало больше: в 2004 г. их было 25 %, в 2013 г. — 29 %. Еще 16 % утверждают, что политические партии России не нужны [О системе... 2013].

Изменилось и обоснование необходимости партий: 18 % опрошенных считают, что они как механизм публичной политики обеспечивают политическую конкуренцию («в споре рождается истина», «нужны многопартийность, оппозиция, однопартийность несовместима с демократией»); 8 % — что они выражают различные социальные интересы («у людей должна быть политическая альтернатива, возможность выбирать между партиями», «партии должны выражать интересы разных слоев населения»); 5 % — что они нужны для управления страной, поддержания порядка; 4 % — для борьбы за права народа, улучшения жизни людей; 3 % — для принятия законов; 2 % — для контроля за работой руководства страны; по 1 % — для помощи руководству и для объединения граждан вокруг общих идей [О системе... 2013].

Повысился и общий уровень доверия партиям. По данным Левада-центра (2013), 12 % россиян убеждены, что партии вполне заслуживают доверия, 46% — не вполне заслуживают, 33 % — совсем не заслуживают. При этом налицо изменение оценки с резко негативной на умеренно негативную или даже положительную — в 2009 г. эти показатели составляли 7, 38 и 36 % соответственно [Доверие... 2013].

На этом фоне более заметными становятся региональные различия. В частности, в Алтайском крае, аграрно-индустриальном регионе, население которого придерживается в основном традиционалистских взглядов, политическим партиям в 2013 г. доверяло лишь 4,7 %³; при этом в Барнауле — 6 %, в малых городах края — 5,2 %, в сельской местности — только 3,5 %. Наибольшая дифференциация наблюдалась в возрастных группах: среди жителей края в возрасте 26–40 лет о своем доверии партиям заявили только 2,8 %, в возрасте 41–60 лет — 3,6 %, 18–25 лет — 4,4 %, 61 и старше — 7,6 %.

Как и прежде, в основе позиции респондентов лежит оценка эффективности политических институтов. Эффективной деятельностью партий оценили только 8% опрошенных. Более высокого мнения о партиях, чем другие категории населения, придерживались женщины (9 %); респонденты старше 60 лет (13 %) и в возрасте 26–40 лет (8 %); по роду занятий — пенсионеры (13 %), студенты (11 %), фермеры (10 %). Различия по месту жительства не так заметны — 10,5 % в малых городах, по 7 % в Барнауле и сельской местности.

Что касается предпочтительного типа партийной системы, то здесь инерционность установок опять же выше среднероссийской — 21 % жителей края оказались сторонниками однопартийности, 14 % — двухпартийности, 33 % — многопартийности; 12 % заявили, что партии не нужны совсем.

Таким образом, развитие российской партийной системы представляет собой эволюцию изначально неэффективного политического института, являющегося не более чем средством самосохранения элиты. Причем по мере расширения правового статуса партий их инструментальный характер лишь усиливался. Понимание этого обстоятельства массовым сознанием, равно как и воспоминания о советском прошлом, препятствовали их легитимизации в качестве неформального института. И хотя сегодня наблюдается своеобразное «привыкание» общества к партиям, превращение последних в реальный институт публичной поли-

³ Опрос проводился Центром политического анализа и технологий АлтГУ в июле 2013 г. в 5 городах и 8 районах Алтайского края, опрошено 1000 человек.

тики возможно только при условии их дальнейшей институциональной трансформации, вопрос о субъектах и траекториях которой пока открыт.

Бри М. 2000. Региональные политические режимы и системы управления. — *Россия регионов: трансформация политических режимов*. М.: Изд-во «Весь Мир», «Berliner Debatte Wissenschaftsverlag». — 376 с.

Выборы... 2004. — *Выборы депутатов Алтайского краевого Законодательного Собрания 14.03.2004*. — Доступно: <http://altai-terr.izbirkom.ru/arkhiv-vyborov-i-referendumov/federalnye-i-regionalnye-vybory/>. — Проверено: 28.08.2018.

Выборы... 2008. — *Выборы депутатов Алтайского краевого Законодательного Собрания 02.13.2008*. — Доступно: <http://altai-terr.izbirkom.ru/arkhiv-vyborov-i-referendumov/federalnye-i-regionalnye-vybory/>. — Проверено: 28.08.2018.

Выборы... 2011. — *Выборы депутатов Алтайского краевого Законодательного Собрания 04.12.2011*. — Доступно: <http://altai-terr.izbirkom.ru/arkhiv-vyborov-i-referendumov/federalnye-i-regionalnye-vybory/>. — Проверено: 28.08.2018.

Глебова И.И. 2004. Беспартийная Власть и ее партийная организация. — *Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции*. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). — С. 213–229.

Грани времени: от краевого Совета к Законодательному Собранию. 1939–2009 годы. Сборник документов. 2009. — Барнаул: Агентство рекламных технологий. — 815 с.

Гуляева А. *К десятилетию Государственной Думы Томской области*. — Доступно: <http://old.duma.tomsk.ru/page/2368/>. — Проверено: 28.08.2018.

Динес В.А., Николаев А.Н., Слипка Л.К. 2004. Опыт становления представительных органов власти на региональном уровне. — *Представительная власть в России: История и современность*. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). — С. 559–582.

Доверие... 2004. — *Доверие россиян институтам власти и общества: пресс-выпуск Левада-центра*. — № 31. — Доступно: <https://www.levada.ru/2004/03/22/press-vypusk-31-doverie-rossiyan-institutam-vlasti-i-obshhestva/>. — Проверено: 28.08.2018.

Доверие... 2013. — *Доверие институтам власти: пресс-выпуск Левада-центра*. — Доступно: <https://www.levada.ru/2013/10/07/doverie-institutam-vlasti-2/>. — Проверено: 28.08.2018.

Дубин Б. 2002. Модельные институты и символический порядок: элементарные формы социальности в современном российском обществе. — *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. — № 1. — С. 14–19.

Избирательные системы на Алтае (вторая половина XVIII – начало XXI вв.). 2006. — Барнаул: Управление архивного дела Алтайского края. — 538 с.

Кертман Г.Л. 2007. Статус партии в российской политической культуре. — *Полис. Политические исследования*. — № 1. — С. 120–131.

Коргунюк Ю.Г. 2007. *Становление партийной системы в современной России*. — М.: Фонд Индем, Московский городской педагогический университет. — 544 с.

Норт Д. 2010. *Понимание процесса экономических изменений*. — М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ. — 256 с.

О системе... 2013. — *О системе выборов в Госдуму*. — Доступно: <http://fom.ru/Politika/10884>. — Проверено: 28.08.2018.

Панов П.В. 2007. Политическое сообщество: конструирование и институционализация. — *Полис. Политические исследования*. — № 1. — С. 94–103.

Пивоваров Ю.С. 2004. О некоторых исторических особенностях русской политики. — *Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции*. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). — С. 99–124.

Политические партии в жизни России: Опрос населения. — Доступно: <http://bd.fom.ru/report/cat/polit/polyar/d071424>. — Проверено: 28.08.2018.

Полтерович В.М. 2001. Трансплантация институтов. — *Экономическая наука в современной России*. — № 3. — С. 24–50.

Поляков Л.В. 2004. *Основы политического консультирования: теория и практика*. — М.: КДУ: Изд-во МГУ. — 240 с.

Постоянные депутатские объединения АКЗС седьмого созыва. — Доступно: <http://www.akzs.ru/ksnd/unions7/>. — Проверено: 28.08.2018.

Россияне... 2006. — *Россияне о правящей партии и партийной принадлежности президента: пресс-выпуск Левада-центра*. — Доступно: <http://www.levada.ru/2006/07/24/rossiya-ne-o-pravyashhej-partii-i-partijnoj-prinadlezhnosti-prezidenta/>. — Проверено: 28.08.2018.

Социально-политическая ситуация в России в сентябре 2006 года. — Доступно: <http://www.levada.ru/2006/10/02/sotsialno-politicheskaya-situatsiya-v-rossii-v-sentyabre-2006-goda/>. — Проверено: 28.08.2018.

Фракции Законодательного Собрания Новосибирской области. — Доступно: <http://znsno.ru/640/>. — Проверено: 28.08.2018.

Холодковский К.Г. 2004. Политическая модернизация и будущее России. — *Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции*. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). — С. 251–265.

Шараев П.С. 2007. *Законодательные органы государственной власти в субъектах РФ в 90-е гг. XX в. (на материалах Кемеровской, Новосибирской и Томской областей)*. — Томск: ТМЛ-Пресс; Томский государственный университет. — 197 с.

Шмиттер Ф. 1996. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии. — *Полис. Политические исследования*. — № 5. — С. 16–27.

North D. 1990. *Institutions, Institutional Changes, and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press. — 152 p.

ПАРТИЙНАЯ РЕФОРМА И ДИНАМИКА МЕЖПАРТИЙНОЙ КОНКУРЕНЦИИ НА РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЫБОРАХ 2012–2018 гг.

А.Е. Любарев

*Движение в защиту прав избирателей «Голос»,
Комитета гражданских инициатив,*

С.А. Шпагин

Томский государственный университет

Аннотация: *Анализируется, как партийная реформа 2012 г., увеличившая на порядок число политических партий в стране, повлияла на результаты выборов и составы региональных парламентов 2012–2018 гг. Показано, что в 2012–2013 гг., когда партии свободно допускались на выборы, выросла межпартийная конкуренция, но это мало повлияло на партийное представительство в законодательных органах регионов. После того как в 2014 г. от большинства партий для допуска на выборы вновь стали требовать сбор подписей избирателей, межпартийная конкуренция стала снижаться, а доминирование «Единой России» усилилось. Эта тенденция изменилась лишь в 2018 г. вследствие изменения политической обстановки в стране.*

Ключевые слова: *региональные выборы, политические партии, эффективное число партий.*

К началу 2012 г. партийный состав законодательных собраний большинства регионов страны представлял собой почти полный аналог общероссийской модели. В региональных парламентах, как правило, присутствовали все федеральные парламентские партии, изредка разбавленные представителями Аграрной партии России, «Патриотов России», «Яблока» и «Правого дела». Из 27 региональных собраний, избранных в декабре 2011 г., лишь в пяти фракционный состав отличался от федерального: в Карелии, Псковской области и Санкт-Петербурге к общероссийским парламентским партиям добавилось «Яблоко», в Ингушетии место ЛДПР заняло «Правое дело», а в Государственном собрании Мордовии и вовсе были представлены только «Единая Россия» и КПРФ. При этом в большинстве регионов выборы генерировали «традиционную» конфигурацию: на первом месте — «Единая Россия», на втором — КПРФ, на третьем и четвертом — ЛДПР и «Справедливая Россия», далее — прочие партии (в случае их участия в выборах).

Крупнейшие фракции во всех региональных собраниях, как нетрудно догадаться, были у «Единой России». Везде, кроме Санкт-Петербурга, Карелии, Амурской и Кировской обла-

стей она имела абсолютное большинство мандатов (в Кировской области — половина), хотя в ряде регионов «Единая Россия» получала менее 50 % голосов [Наиболее подробное изложение результатов региональных выборов 2003–2009 гг. см.: Кынев 2009, а выборов 2009–2013 гг.: Кынев 2014].

В течение 2012–2018 гг. выборы в региональные legislatures проводились раз в год: в 2012 г. в октябре, в последующие годы в сентябре. Всего прошло 108 кампаний, из которых только в одной (выборы Московской городской думы в 2014 г.) использовалась полностью мажоритарная система, в остальных — смешанная или пропорциональная. Данные для анализа результатов этих выборов взяты прежде всего с сайтов ЦИК РФ¹ и региональных парламентов.

Существенное изменение правил участия партий в выборах за этот период произошло лишь однажды. В 2012–2013 гг. у всех партий был свободный доступ на выборы, но с 2014 г. для допуска большинства партий на выборы вновь стал требоваться сбор подписей избирателей. Это заметно отразилось на участии в выборах непарламентских партий. В связи с этим мы отдельно рассмотрим два временных отрезка — 2012–2013 и 2014–2018 гг.

Методика исследования

В данном исследовании использованы количественные методы, позволяющие более эффективно выявить тенденции структурирования и динамики партийно-политического пространства (в современных исследованиях межпартийной конкуренции на выборах всех уровней до сих пор преобладают качественные методы [Вишневецкий 2007, Гончаров 2008, Васильева 2012, Жедь 2013]).

Измерение уровня межпартийной конкуренции на выборах в региональные собрания производилось при помощи следующих показателей.

1. В электоральной плоскости:

- количество партийных списков в каждом регионе;
- доля голосов избирателей, полученных крупнейшей партией;
- сумма голосов, отданных за парламентскую оппозицию²;
- эффективное число электоральных партий (ЭЧП_э)³ для каждого региона, по всей группе регионов — диапазон и среднее значение.

2. В парламентской плоскости:

- количество партий, представленных в региональных законодательных собраниях (общее и по регионам);
- доля мест в законодательном органе, полученных крупнейшей партией;
- доля мест парламентской оппозиции в законодательном органе;
- эффективное число парламентских партий (ЭЧП_п) для каждого региона, по всей группе регионов — диапазон и среднее значение.

¹ См.: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom>.

² В данной работе под парламентской оппозицией понимаются партии, не являющиеся правящими, но представленные на период выборов в Государственной Думе (КПРФ, «Справедливая Россия», ЛДПР).

³ Рассчитано по формуле М. Лааксо и Р. Таагерперы: $N_2 = \frac{1}{\sum_{i=1}^n p_i^2} = (\sum_{i=1}^n p_i^2)^{-1}$, где p_i означает долю голосов от числа действительных голосов (ЭЧП_э) или мест в представительном органе (ЭЧП_п), полученных той или иной партией по итогам выборов. В последнем случае самовыдвиженцы были выделены в отдельную «партию» [Laakso, Taagerpera 1979].

Тенденция выборов 2012–2013 гг.

Наиболее предсказуемой тенденцией выборов 2012–2013 гг. было увеличение количества партийных игроков. В региональных выборах 2011 г. имели право участвовать только семь партий, а пользовались этим правом обычно четыре или пять. Уже в 2012 г. в каждом регионе насчитывалось от 11 до 17 зарегистрированных партийных списков (в среднем 13,2), а в 2013 г. их количество варьировалось от 8 в Хакасии до 23 в Калмыкии⁴ (в среднем 17,2). В целом по стране в основных региональных выборах по пропорциональной системе в 2013 г. участвовали 42 партии, а с учетом депутатов, баллотировавшихся по одномандатным округам, — 47 (из 54 имевших право участия в выборах).

Было естественно предположить, что значительное расширение «партийного меню» повлечет за собой обострение конкуренции. Однако ожидания оправдались лишь частично — это видно из сравнения значений ЭЧП_э на этих и предыдущих выборах (диагр. 1 и 2).

В трех регионах (Пензенская, Саратовская и Кемеровская области) реальная конкуренция (индицируемая ЭЧП_э) по сравнению с выборами 2007–2009 гг. даже снизилась [значения эффективного числа партий для выборов 2003–2009 гг. даны в публикациях: Голосов 2007, Голосов 2008, Голосов 2009, Голосов 2010]. В Краснодарском крае она осталась на прежнем, довольно низком, уровне. В пяти регионах (Удмуртия, Башкортостан, Якутия, Чечня, Ивановская область) ЭЧП_э выросло незначительно (менее чем на 0,5). И лишь в шести регионах (Бурятия, Забайкальский край, Архангельская, Владимирская, Смоленская и Ярославская области) наблюдался существенный рост конкурентности (разница в ЭЧП_э больше 1).

Впрочем, главную роль здесь сыграло не увеличение числа участвующих в выборах партий, а снижение рейтинга «Единой России». Это хорошо заметно при сравнении с выборами 2003–2005 гг., в которых участвовало от 5 до 11 партийных списков⁵. Лишь в Забайкальском крае имело место увеличение ЭЧП_э по сравнению с выборами в Читинскую облдуму 2004 г.; в остальных 10 регионах степень конкурентности не достигла уровня тех лет.

При этом в шести регионах (Краснодарский край, Пензенская и Саратовская области в 2012 г., Башкортостан, Чечня, Кемеровская область в 2013 г.) ЭЧП_э оказалось ниже 2, что является признаком явно неконкурентных выборов. Иными словами, оппозиционные партии не смогли составить конкуренцию «Единой России».

Следует отметить существенные различия между кампаниями 2012 и 2013 гг. Дело не только в том, что в 2013 г. состоялось больше региональных выборов. В 2012 г. электорально управляемыми была половина регионов (три из шести): Краснодарский край, Пензенская и Саратовская области (об этом свидетельствуют низкие значения ЭЧП_э не только этих, но и предыдущих выборов). В 2013 г. таких регионов была всего четверть — 4 из 16: Башкортостан, Чечня, Кемеровская и Ростовская области.

⁴ Еще больше списков (24) участвовало на выборах в Волгоградскую городскую Думу. Тем не менее рекорд Красноярского края 1997 г. (25 списков) перекрыт не был.

⁵ Во всех субъектах Федерации, где в 2012–2013 гг. состоялись региональные выборы, предыдущие аналогичные выборы проходили в 2007–2009 гг. В Башкирии, Бурятии, Северной Осетии, Удмуртии, Якутии, Краснодарском крае, Кемеровской, Пензенской, Ростовской, Саратовской и Смоленской областях более ранние созывы были избраны в 2002 г. или в первой половине 2003 г. по мажоритарной системе, поэтому для этих регионов дается сравнение только с выборами 2007–2009 гг.

Диаграмма 1.
Эффективное число электоральных партий на региональных выборах 2012 г.

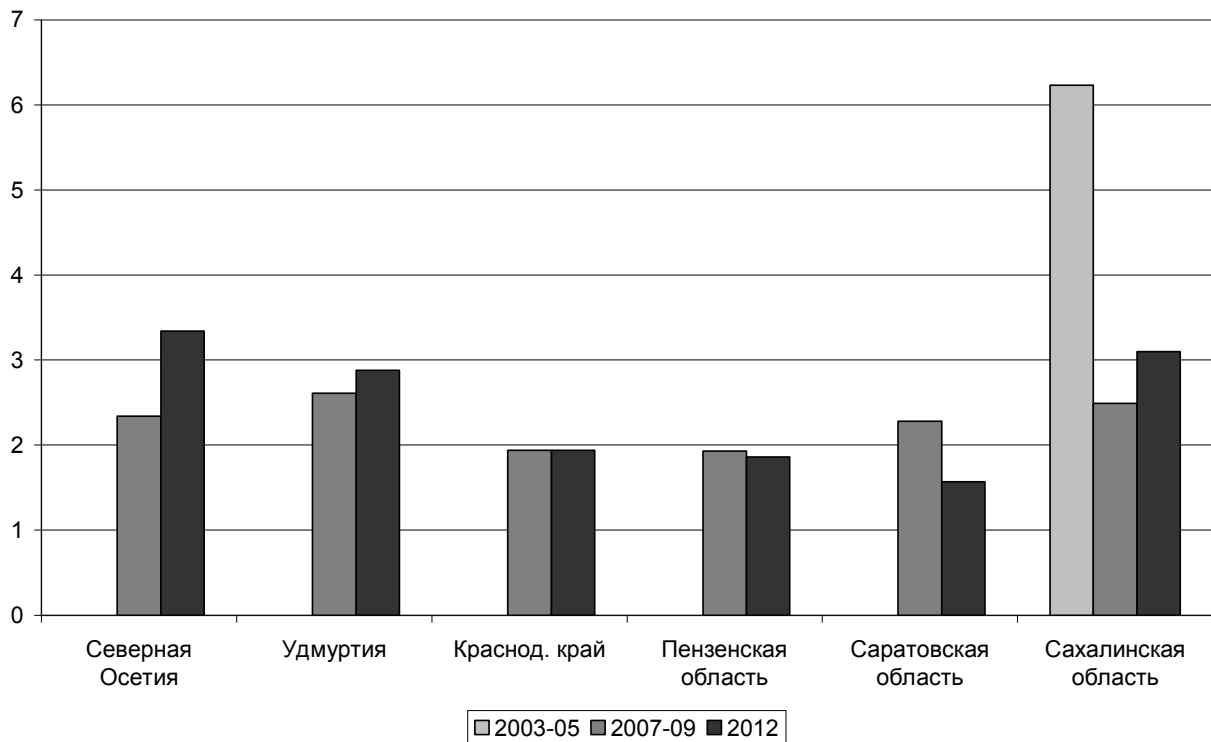
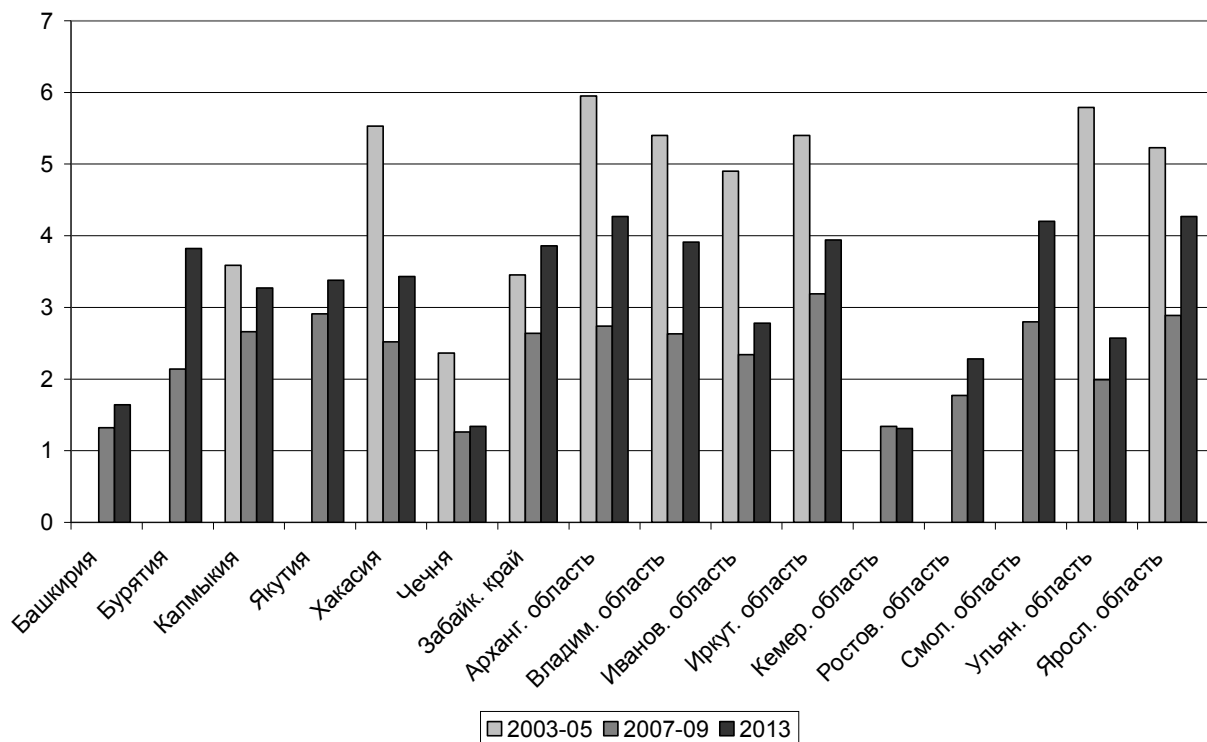

Диаграмма 2.
Эффективное число электоральных партий на региональных выборах 2013 г.

Другое отличие — в количестве и качестве участников выборов. Большинство партий, получивших право на участие в выборах 2012 г., были политтехнологическими проектами [Любарев 2018] и не могли составить реальную конкуренцию «старым» партиям. К выборам 2013 г. появилось несколько более сильных партий, в частности «Гражданская платформа», «Родина» и Российская партия пенсионеров за справедливость, что во многом и обусловило рост реальной конкуренции. Если в 2012 г. лишь в двух (из шести) регионах значение ЭЧП₃ немного превышало 3, то в 2013 г. таких регионов было 10 из 16. Более того, в семи субъектах Федерации этот показатель колебался в диапазоне от 3,8 до 4,3, что говорит об умеренной фрагментации партийной системы. Увеличился и средний уровень ЭЧП₃: если в 2012 г. он составлял только 2,45, то в 2013 г. — уже 3,14.

Что касается качества новых организаций, следует отметить, что большинство новых партий проявили очень слабую электоральную активность. И если в 2012 г. это еще можно было объяснить тем, что только что созданные партии не успели подготовиться к выборам, то в 2013 г. это скорее было свидетельством чисто формального отношения этих партий к требованию о создании необходимого числа отделений — в большинстве регионов у них просто не было ни активистов, ни ресурсов.

Только 18 из 54 новых партий выдвинули списки более чем в половине кампаний (из 28) в региональные парламенты и горсоветы административных центров субъектов РФ. При этом семь партий «богдановского пула», т. е. созданные при участии «Центра Андрея Богданова», выдвигали «пакетные» списки из одних и тех же кандидатов, в основном не имевших отношения к регионам и городам, в которых выдвигались. Эти партии также почти не выдвигали кандидатов в мажоритарных округах. Лишь 11 партий — четыре парламентские, две «старые» непарламентские («Яблоко» и «Патриоты России») и пять новых («Коммунисты России», «Гражданская платформа», «Родина», РЭП «Зеленые» и Российская партия пенсионеров за справедливость) — выдвинули более 100 кандидатов в мажоритарных округах (на 601 мандат).

Еще четыре партии (РПР-ПАРНАС, «Партия за справедливость!», Трудовая партия России и «Альянс зеленых — Народная партия») выдвинули от 8 до 12 списков и от 70 до 90 кандидатов в мажоритарных округах (включая кандидатов в мэры региональных центров и губернаторы). Двенадцать партий (в т. ч. «Правое дело») выдвинули от 2 до 11 списков и от 10 до 55 кандидатов-«мажоритарников». Остальные 20 партий выдвинули не более 6 списков и не более 14 кандидатов в мажоритарных округах.

Именно партии «богдановского пула» с их «пакетными» списками, а также применившая ту же технологию «Гражданская сила» обеспечили высокие показатели формальной конкуренции. В общей сложности на выборах в региональные собрания в 2013 г. было выдвинуто 83 «пакетных» списка (из 223), в административных центрах субъектов РФ — 60 (из 216). Не будь этого, ни в одной кампании не набралось бы больше 18 партий, а среднее число участников региональных выборов составило бы 12,4. По-видимому, в регионах не так уж много элитных групп, способных самостоятельно выйти на выборы, и это ограничивает число выдвигаемых партийных списков, несмотря на то, что формально партий зарегистрировано втрое больше [Кынев, Любарев, Максимов 2014].

Некоторые из участников выборов 2012–2013 гг. были по сути спойлерами КПРФ, «Справедливой России» и набиравшей силу «Гражданской платформы». Об этом говорит, в частности, то, что они использовали схожие названия и символику — «Коммунисты России», Коммунистическая партия социальной справедливости (КПСС), «Партия за справедливость!», «Гражданская позиция», «Гражданская сила»⁶.

⁶ Партия социальных сетей специально перед выборами 2013 г. сменила название на «Гражданскую позицию» в расчете на спойлерскую роль. «Гражданская сила» была создана раньше «Гражданской платформы», но

Средний уровень голосования за «партию власти» в 2013 г. снизился по сравнению с предыдущими выборами на 8 % – до 54,1 %. Тем не менее «Единая Россия» в основном сохранила, а в ряде регионов даже упрочила свои позиции. В 2012 г. данный показатель снизился всего на 0,1 %, причем в трех регионах из шести «Единая Россия» получила даже больше голосов, чем на предыдущих выборах. Наиболее заметные флуктуации были в Северной Осетии — на 16,5 % голосов меньше, чем 2007 г., и в Саратовской области — на 17,1 % больше (диагр. 3).

Снизилась и суммарная доля голосов, поданных за парламентскую оппозицию. Правда, если в 2012 г. принадлежащие к этой категории партии набрали в среднем на 9,55 % голосов меньше, чем на предыдущих региональных выборах, то 2013 г. их общие потери были почти не заметны — 1,4 %. Уровень голосования за «Справедливую Россию» в среднем по стране снизился на 2,2 %, за КПРФ — на 1,6 %, за ЛДПР — только на 0,3 %.

Диаграмма 3.

Динамика голосования за «Единую Россию» и парламентскую оппозицию на выборах 2012 г. в сравнении с предыдущими

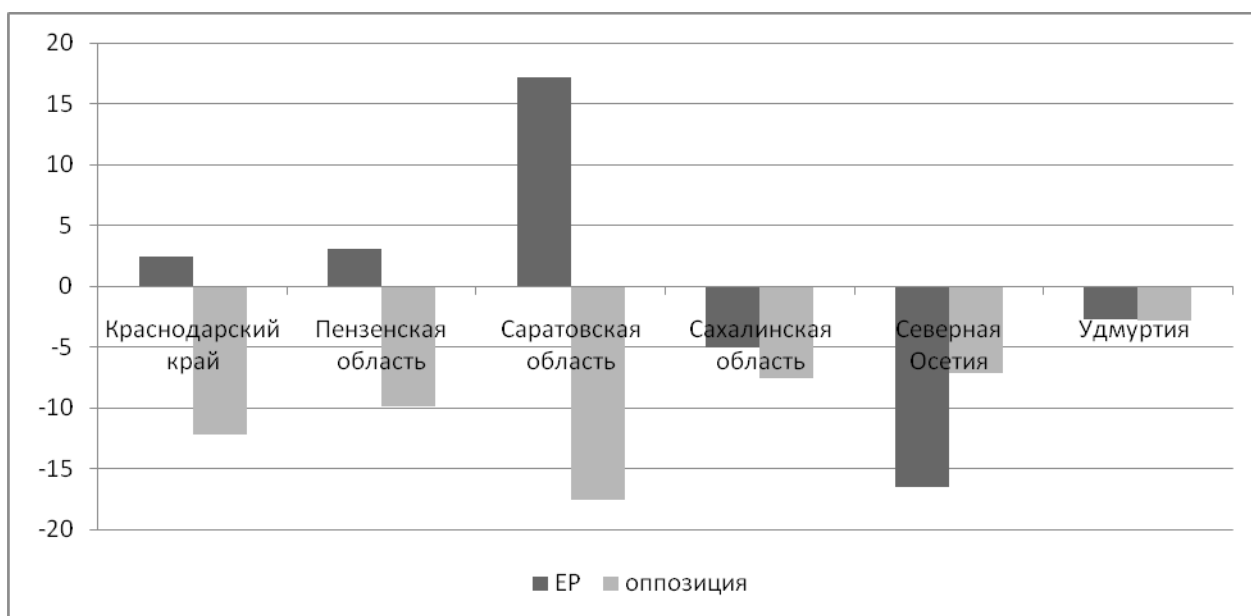
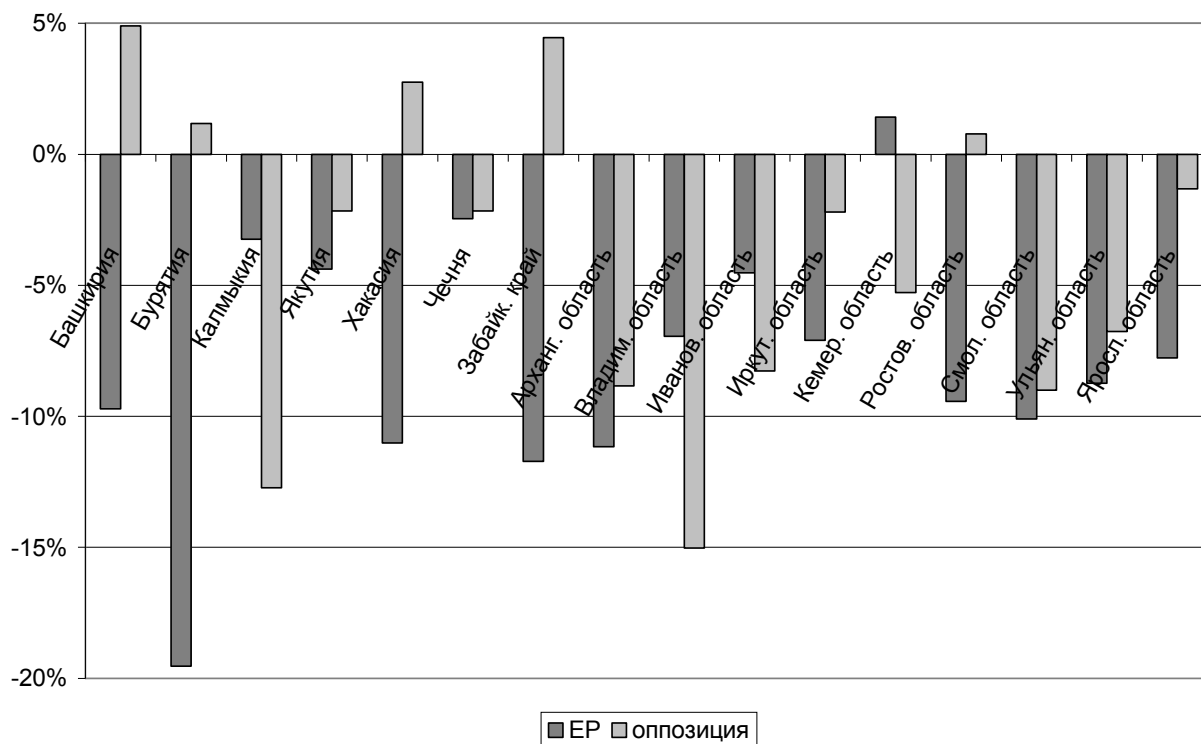

Диаграмма 4 дает наглядную картину электорального эффекта от партийной реформы. В прежних условиях повсеместное (если не считать Кемеровскую область) снижение уровня голосования за «Единую Россию» непременно привело бы к пропорциональному росту показателей парламентской оппозиции. Однако в 2013 г. потерянные «единороссами» голоса достались новым участникам выборов. В Башкортостане, Хакасии и Забайкальском крае суммарный выигрыш парламентской оппозиции оказался заметно меньше убытка «партии власти», а в Бурятии и Ростовской области — почти равным нулю. В этих регионах появление новых игроков раздробило голоса, поданные за оппозицию, и не позволило последней обернуть ситуацию к своей пользе. В остальных регионах новички отбирали голоса у всех парламентских партий.

по сути тоже оказалась ее спойлером.

Диаграмма 4.

Динамика голосования за «Единую Россию» и парламентскую оппозицию на выборах 2013 г. в сравнении с предыдущими

Особенно интересны итоги голосования в Ивановской и Иркутской областях и в Калмыкии. Здесь оппозиция потеряла существенно больше голосов, чем «Единая Россия», в результате чего «партия власти» сохранила доминирующее положение в законодательных собраниях. Усилия властей по «переформатированию» партийной системы в данных регионах оказались эффективными.

На региональных выборах 2012 г. ни одна из новых партий не имела успеха, а из старых непарламентских более-менее удачно выступили только «Патриоты России», занявшие второе место в Северной Осетии (их список возглавлял покинувший «Единую Россию» бывший депутат Государственной Думы олимпийский чемпион А.С. Фадзаев). В горсоветы региональных центров прошли также «Яблоко» (в Ярославле) и РПР-ПАРНАС (в Барнауле). На прочих муниципальных выборах небольшой успех по партийным спискам имели «Коммунисты России», Партия пенсионеров России, Народная партия «За женщин России» и РЭП «Зеленые».

По итогам выборов 2013 г. представительство в государственных и муниципальных органах получили 22 партии, в том числе 14 — в законодательных собраниях субъектов Федерации. Из них десять прошли по пропорциональной системе (четыре парламентские партии, «Патриоты России», «Коммунисты России», РПР-ПАРНАС, «Гражданская платформа», «Родина» и Российская партия пенсионеров за справедливость) и четыре — только по одномандатным округам (Народная партия «За женщин России», РЭП «Зеленые», «Альянс зеленых — Народная партия» и Партия социальной солидарности). Две партии, «Яблоко» и КПСС, добились успеха в региональных центрах. Еще шесть партий — «Правое дело», Партия пенсионеров России, Аграрная партия России, Союз труда, «Города России», Партия дела — провели кандидатов в представительные органы иных муниципальных образований.

Средние результаты партий, участвовавших в 2013 г. не менее чем в двух выборах по партийным спискам в региональные парламенты и горсоветы региональных центров, были следующими. Первые четыре места заняли парламентские партии (при этом результаты «Справедливой России» и ЛДПР оказались примерно равны — соответственно 8,0 и 7,9 %), за ними со значительным отставанием шла «Гражданская платформа» (4,5 %), за нею — Российская партия пенсионеров за справедливость (3,2 %). Еще восемь партий — «Патриоты России», Партия пенсионеров России, РПР-ПАРНАС, «Яблоко», «Родина», КПСС, Союз труда, «Коммунисты России» — получили от 2,1 до 2,7 %. Таким образом, ни одна новая партия не смогла конкурировать с парламентскими партиями, хотя ряд из них достиг уровня старых непарламентских [Кынев, Любарев, Максимов 2014].

Результаты большинства выборов имели «традиционную» конфигурацию. В 2012 г. таковая получилась в пяти регионах из шести, в 2013 г. — в 10 из 16. При этом лишь в трех субъектах РФ — Калмыкии, Хакасии и Иркутской области — «виновниками» нарушения конфигурации были новые партии — «Гражданская платформа» и «Коммунисты России».

Любопытны результаты корреляционного анализа результатов партий с похожими названиями. Оказалось, что сильная корреляция (около 0,61) связывала только «Гражданскую платформу» и «Гражданскую позицию». Вероятно, некоторая часть избирателей просто не смогла различить эти партии — сказались как новизна бренда «Гражданская платформа», так и то, что слова «платформа» и «позиция» близки по значению. Гораздо слабее корреляция между КПРФ и «Коммунистами России» (0,3), между КПРФ и КПСС (0,18). Можно предположить, что спойлерские способности КПСС и особенно «Коммунистов России» заключаются не столько в том, что их путают с КПРФ, сколько в том, что они привлекают тех избирателей, для которых важна лишь коммунистическая номинация, созвучная ностальгии по временам СССР, а также тех, кто, разочаровавшись в КПРФ, ищет «настоящих коммунистов». И совсем отсутствовала корреляция между результатами партий, использующих в названии производные от слова «справедливость». По-видимому, это понятие уже затерлось, и сегодня «Справедливая Россия» привлекает голоса отнюдь не с его помощью [Кынев, Любарев, Максимов 2014].

Что касается составов региональных парламентов, избранных в 2012–2013 гг., то здесь результаты реформы еще менее заметны. В 2012 г. в них прошли только старые партии: в каждом были представлены от двух до четырех партий. В 2013 г. — от трех до семи (с учетом одномандатников), при этом новые партии получили места в 10 из 16 парламентов. Однако на фрагментацию депутатского корпуса это повлияло скорее отрицательно. Несмотря на увеличение числа участников, степень плюрализма в органах законодательной власти даже снизилась. Это видно на диаграммах 5 и 6: по сравнению с предыдущим созывом значение ЭЧП_п заметно выросло только в двух региональных собраниях (Башкортостан и Северная Осетия) и совсем незначительно — еще в пяти (Хакасия, Чечня, Кемеровская, Ростовская и Сахалинская области). В остальных 15 регионах наблюдалось снижение. Да и в целом значение ЭЧП_п довольно низкое: лишь в пяти регионах оно немного превысило 2 (максимум в Северной Осетии — 2,24).

Средняя доля депутатов законодательных собраний от «Единой России» по итогам выборов 2012 г. составила 83 %, 2013-го — 78 %. В пяти вновь избранных региональных парламентах «партия власти» располагала более чем 90 % мандатов. И только в двух у нее было менее чем две трети депутатских мест (Северная Осетия и Иркутская область). Особенно много депутатов от «партии власти» избрано по одномандатным округам.

Диаграмма 7 показывает изменение суммарного числа депутатов от разных партий в 22 региональных парламентах. У «Единой России» депутатов стало больше, у КПРФ и ЛДПР их число почти не изменилось, у «Справедливой России» заметно снизилось. Эсеры впервые

провели своих представителей в законодательные собрания Ростовской и Ярославской областей, но потеряли часть мандатов в других регионах, а в шести вообще утратили представительство (еще в двух регионах у них и прежде не было депутатов). Такой результат вполне закономерен, поскольку ранее значительную часть своих голосов «Справедливая Россия» получала как наименее неприемлемая партия; с появлением новых партий она этого преимущества лишилась. Число депутатов от непарламентских партий выросло с 20 до 41, но при этом сильно уменьшилось количество избранных самовыдвиженцев (с 77 до 29).

Старые непарламентские партии показали разные результаты. «Патриоты России» активно участвовали почти во всех выборах и имели представительство в шести законодательных собраниях, причем в парламенте Северной Осетии фракция этой партии оказалась второй по численности после «Единой России». «Яблоко» выдвинуло списки в 13 регионах (в одном список был отозван), но успеха нигде не добилось. «Правое дело» участвовало в трех выборах 2012 г. и в трех выборах 2013 г., везде с весьма слабым результатом.

Среди восстановленных (или условно восстановленных) партий относительным успехом отличилась Российская партия пенсионеров за справедливость, которая провела по одному депутату в представительные органы Бурятии, Ивановской и Смоленской областей. Более скромные достижения у «Родины», РПР-ПАРНАСа и РЭП «Зеленые».

Из новосозданных партий лидировала «Гражданская платформа», представленная в парламентах четырех регионов, в двух из которых — Законодательном собрании Иркутской области и Народном хурале Калмыкии — она прошла по пропорциональной системе и смогла создать фракции. Появились региональные депутаты и у четырех других партий — «Коммунистов России», Альянса зеленых, Народной партии «За женщин России» и Партии социальной солидарности, что тоже стало проявлением эффекта партийной реформы.

Диаграмма 5.

Эффективное число парламентских партий на региональных выборах 2012 г.

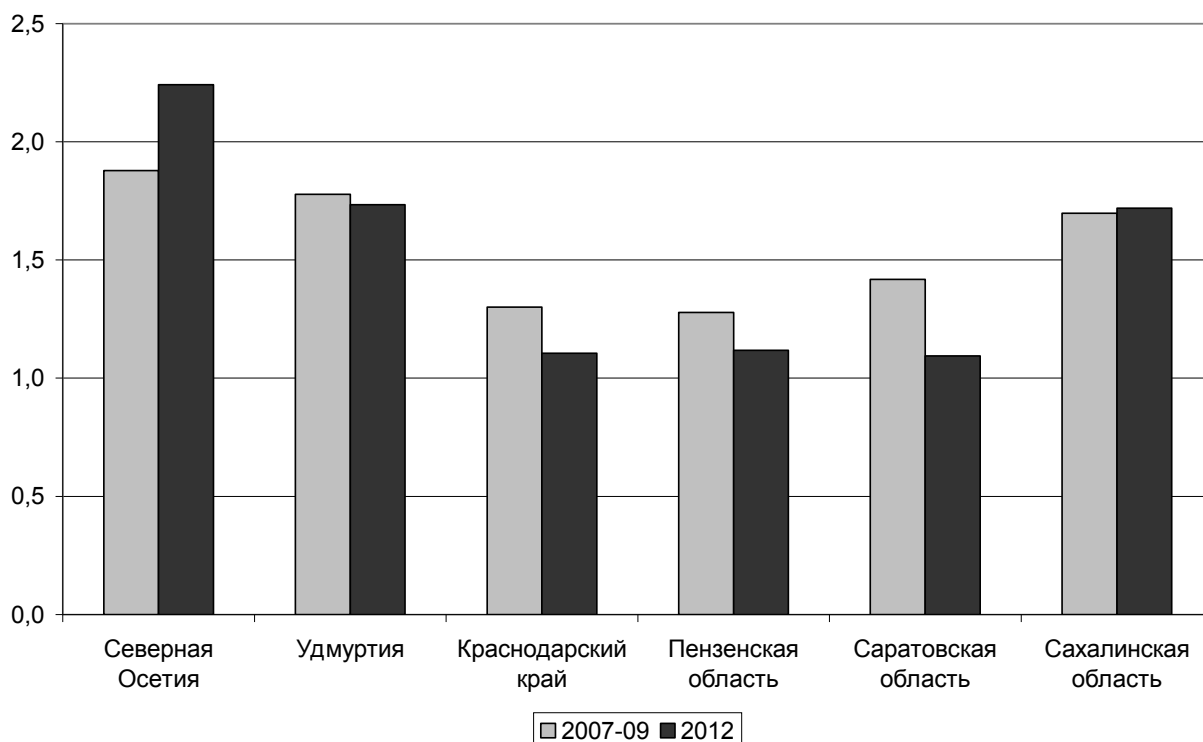

Диаграмма 6.

Эффективное число парламентских партий на региональных выборах 2013 г.

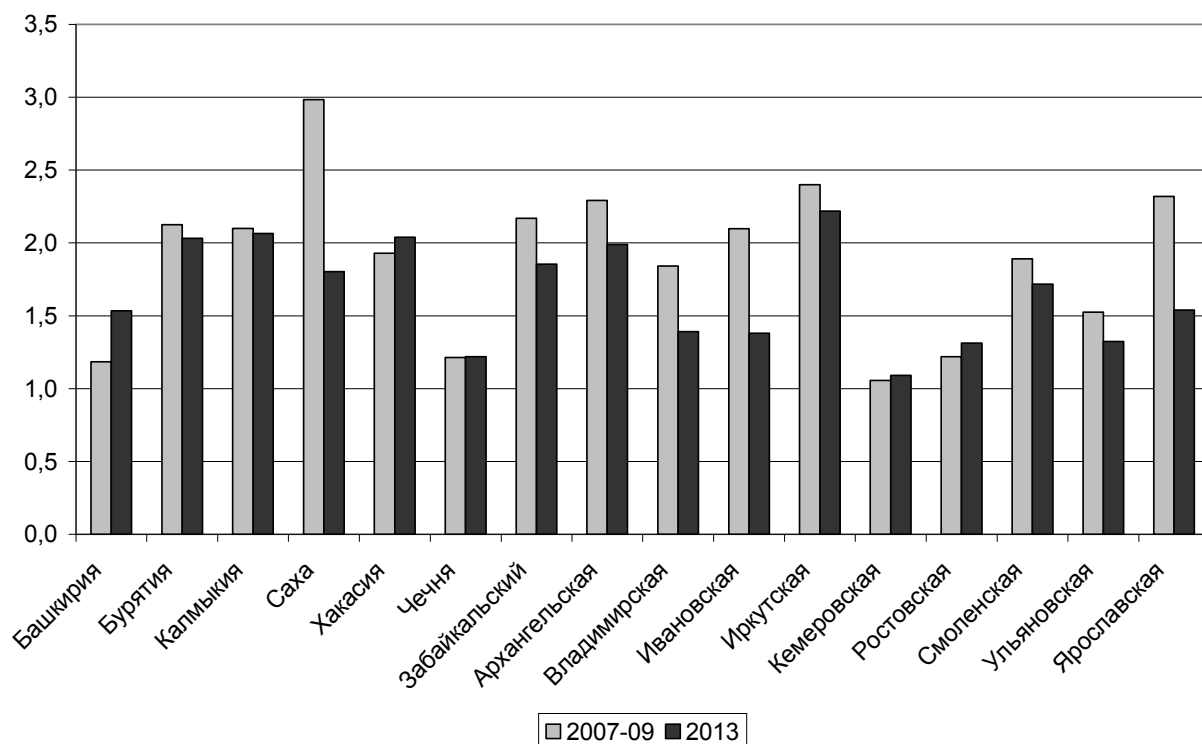
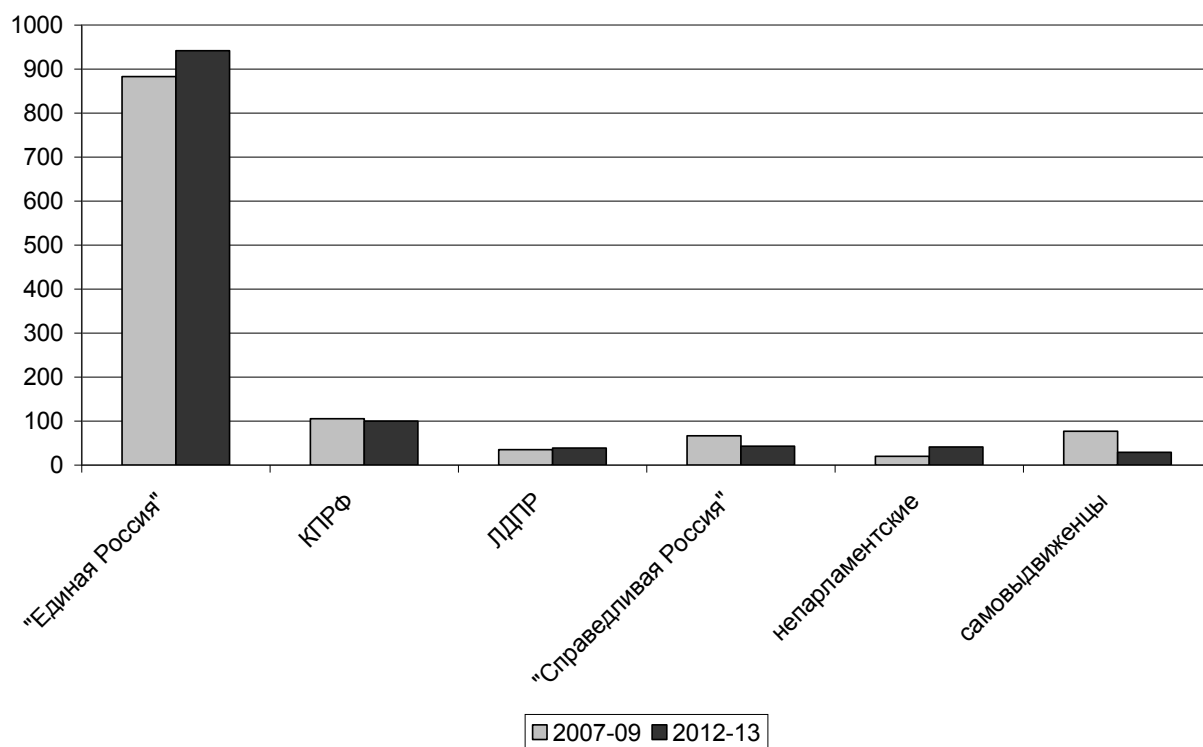

Диаграмма 7.

Число депутатов от различных партий в региональных парламентах, избранных в 2012–13 гг.

Таким образом, партийная реформа несколько увеличила конкурентность выборов и немного разнообразила партийный состав региональных парламентов. С другой стороны, она способствовала укреплению позиций «партии власти» — несмотря на заметное снижение в 2013 г. доли голосов, отданных за «Единую Россию», удельный вес ее депутатского корпуса даже немного вырос. Этот результат был достигнут за счет «бонуса» от «потерянных» голосов, в основном отданных за новых участников выборов, — в наибольшей степени он достается партии-фавориту. Так, в четырех регионах — Калмыкии, Владимирской, Ивановской и Ярославской областях — доля голосов за партии, не преодолевшие заградительный барьер, превысила 20 %. Свою роль сыграло то, что на региональных выборах все чаще используется метод делителей Импералии, дающий партии-лидеру преимущество при распределении мандатов [Любарев 2016].

В одном регионе в 2012 г. и в девяти регионах в 2013 г. «Единая Россия» получила менее 50 % голосов, но при этом везде более половины (а в основном более 70 %) мандатов. Этот эффект «сфабрикованного большинства» был достигнут как за счет вышеуказанных факторов, так и благодаря успехам «Единой России» в одномандатных округах [Любарев 2013].

Наблюдалась и постепенная диверсификация региональных партийных систем. Если по итогам выборов 2007–2009 гг. партийный состав законодательных собраний полностью совпадал с федеральным в 7 из 22 рассматриваемых регионов, то в 2012–2013 гг. — только в четырех (Владимирская и Сахалинская области, Забайкальский край, Удмуртия).

Тенденции выборов 2014–2018 гг.

Выборы 14 сентября 2014 г. были первыми, прошедшими после принятия закона, лишившего большинство партий права регистрировать кандидатов без сбора подписей, и после событий в Крыму и на Украине, повысивших авторитет российской власти. Оба этих фактора сказались на составе участников выборов и их результатах. Кроме того, среди 12 старых субъектов Федерации, в которых в 2014 г. состоялись выборы в заксобранья, оказалась треть электорально управляемых регионов (Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Татарстан, Тыва). Плюс в двух новых субъектах Федерации «партия власти» имела особую популярность.

Как видно из таблицы 1, среднее число участвовавших в выборах списков резко снизилось по сравнению с 2013 г. Среднее значение ЭЧП_э оказалось самым низким за период 2012–2018 гг., а среднее число прошедших списков и среднее значение ЭЧП_п превысили лишь соответствующие значения 2012 г.

Таблица 1.

Средние показатели региональных выборов 2012–2018 гг.

Год	Число кампаний	Среднее число участвовавших списков	Среднее число прошедших списков	Среднее ЭЧП _э	Среднее ЭЧП _п
2012	6	13,2	3,2	2,45	1,45
2013	16	17,2	3,7	3,14	1,60
2014	13	9,1	3,4	2,19	1,51
2015	11	7,8	4,0	2,46	1,53
2016	39	6,9	4,1	3,18	1,77
2017	6	7,5	3,7	2,35	1,65
2018	16	6,4	4,5	3,49	2,46

Как показал анализ, большинство партий (кроме парламентских, «Яблока» и «Родины») в 2014 г. снизило активность. В выборах в региональные собрания участвовало от 5 до 14 списков. В целом по стране списки выдвинули 36 партий из 69 имевших право, а с учетом одномандатников — 39. Однако из-за требований к сбору подписей часть партий в процессе регистрации отсеялась, и в региональных выборах приняли участие списки только 27 партий, а с учетом одномандатников — 28 партий.

При этом в 7 из 11 регионов реальная конкуренция, индицируемая ЭЧП_э, снизилась даже по сравнению с выборами 2009–2010 гг., а по сравнению с выборами 2003–2006 гг. — везде, кроме Кабардино-Балкарии, где она и раньше была крайне невысокой [Любарев, Шпагин 2015].

В таблице 2 представлены средние результаты на региональных выборах четырех парламентских партий и средний суммарный результат непарламентских партий. Мы видим, что у «Единой России» в силу перечисленных выше факторов результат оказался наилучшим за весь обсуждаемый период, а у КПРФ и «Справедливой России» — наихудшим. Результат ЛДПР выше лишь по сравнению с 2012 г.

Таблица 2.

Средние результаты политических партий на региональных выборах 2012–2018 гг.

Год	«Единая Россия»	КПРФ	ЛДПР	«Справедливая Россия»	Непарламентские партии
2012	60,9%	12,6%	5,3%	5,2%	13,5%
2013	54,1%	12,6%	7,7%	6,9%	15,6%
2014	66,5%	10,2%	7,1%	4,6%	9,4%
2015	59,1%	12,3%	9,9%	9,8%	5,6%
2016	48,8%	15,3%	17,1%	9,3%	7,0%
2017	62,3%	12,9%	8,4%	6,0%	8,2%
2018	41,5%	23,1%	15,0%	8,7%	8,1%

Везде, кроме Кабардино-Балкарии, результаты «Единой России» улучшились по сравнению с предыдущими выборами, а парламентской оппозиции в целом — ухудшились. Наиболее существенный ущерб потерпела «Справедливая Россия»: ее средний результат снизился на 5,4 %; в Хабаровском крае и Тульской области она потеряла более 10 %. Убытки ЛДПР оказались самыми небольшими: в среднем она потеряла 1,7 %, а в Карачаево-Черкесии, Марий Эл и Тульской области ее результат даже вырос.

Достижения непарламентских партий были заметно меньшими, чем в 2013 г. Более чем в одном регионе заградительный барьер преодолели только «Патриоты России», три другие партии («Родина», РЭП «Зеленые» и «Гражданская сила») — только в одном; при этом «Родина» провела по одному одномандатнику еще в трех регионах. Представительства в легислатурах региональных центров помимо «Патриотов России» и «Родины» получили также «Гражданская платформа», «Коммунисты России», Российская партия пенсионеров за справедливость и Партия пенсионеров России. В других муниципальных образованиях определенный успех имели также «Яблоко», Народная партия «За женщин России», «Города России», Партия дела, «Рожденные в СССР», Российская партия народного управления и Партия ветеранов России [Кынев, Любарев, Максимов 2015а].

«Традиционная» конфигурация на этот раз сложилась только в 4 региональных парламентах из 14, а совпадение партийного состава депутатского корпуса с федеральным — только в одном (Волгоградская область, если не считать прохождения кандидата от «Родины» в одномандатном округе). Однако своим обновлением партийный состав обязан не успехам

новых партий, а неудачам «Справедливой России» — в Кабардино-Балкарии ее обошла РЭП «Зеленые», в Марий Эл и Брянской области — «Коммунисты России», в Тульской области — Российская партия пенсионеров за справедливость.

Что касается партийной принадлежности избранных в 2014 г. депутатов, то в этом отношении картина мало отличалась от 2012–2013 гг., разве что в Москве доля депутатов от «Единой России» составила менее двух третей. Впрочем, этот показатель можно считать искусственно заниженным, поскольку здесь часть «единороссов» баллотировалась как самовыдвиженцы. В Тыве и Брянской области «Единая Россия» получила более 90% мандатов.

Только в Москве ЭЧП по сравнению с предыдущими выборами значительно повысилось (в том числе благодаря переквалификации части «единороссов» в самовыдвиженцы). Незначительное повышение имело место также в Кабардино-Балкарии и Татарстане. В остальных девяти регионах зафиксировано снижение, нередко довольно сильное. Ну а в двух новых регионах степень плюрализма оказалась совсем низкой — в обоих заградительный барьер преодолели всего две партии.

Также можно отметить повышение по сравнению с предыдущими выборами суммарного количества депутатов в «старых» регионах у «Единой России» и снижение этого показателя у КПРФ, «Справедливой России» и самовыдвиженцев. ЛДПР увеличила свое представительство на одного человека. Небольшой рост — с 4 до 11 депутатов — наблюдался у непарламентских партий — при том, что их число увеличилось значительно.

Региональные выборы 13 сентября 2015 г. ознаменовались еще большим снижением активности и результативности непарламентских партий. Хотя число партий, имевших право участвовать в выборах, выросло до 74, списки на региональных выборах выдвинули только 33 партии, а до дня голосования дошли только 19. Снизилось и среднее число участвовавших в выборах списков (см. табл. 1). При этом впервые с 2010 г. ни один список непарламентских партий не смог преодолеть заградительный барьер. С другой стороны, в этот раз четыре парламентские партии прошли во все региональные парламенты, то есть во всех 11 регионах партийный состав депутатского корпуса совпал с федеральным (если не считать прохождения одномандатников от «Яблока» в Костромской области и от «Гражданской платформы» в Новосибирской области). «Традиционная» конфигурация итогов голосования получилась почти в половине регионов (5 из 11).

Средний результат «Единой России» немного снизился по сравнению с 2014 г., а результаты трех партий парламентской оппозиции немного выросли, особенно заметно — у активизировавшейся «Справедливой России» (см. табл. 2). В ряде регионов (Костромская, Новосибирская, Челябинская области) результаты оказались достаточно близкими с предыдущими аналогичными выборами (2010 г.).

На муниципальных выборах 2015 г. у непарламентских партий некоторые успехи были. В горсоветы отдельных региональных центров прошли по спискам «Яблоко», «Патриоты России», «Коммунисты России», Российская партия пенсионеров за справедливость, в одномандатном округе — кандидат от «Гражданской платформы». В иных муниципальных образованиях успехи имели также «Правое дело», «Родина», РЭП «Зеленые», Партия возрождения села, Партия дела⁷, плюс в ряде муниципальных образований Дагестана — Партия свободных граждан, Объединенная аграрно-промышленная партия, Союз труда, Трудовая партия России и «РОТ-Фронт» [Кынев, Любарев, Максимов 2015б].

Главной особенностью региональных выборов 18 сентября 2016 г. было их совмещение с выборами в Государственную Думу. Кроме того, в этот раз число одновременно проходив-

⁷ Партия дела прошла в Думу Спасского района Приморского края, но затем результаты этих выборов были признаны недействительными.

ших выборов региональных парламентов (39) оказалось рекордным, и результаты региональных выборов можно считать наиболее репрезентативными.

Благодаря совмещению с выборами в Государственную Думу активность избирателей получилась выше, чем в другие годы. Это способствовало дальнейшему снижению среднего результата «Единой России» и повышению результатов КПРФ и ЛДПР. Но средний результат «Справедливой России» оказался ниже, чем в 2015 г. (см. таблицу 2).

Активность непарламентских партий из-за совмещения с федеральными выборами и большого числа региональных выборов немного выросла. Всего списки на региональных выборах выдвинули 37 партий, а до дня голосования дошли 29. В общей сложности по разным основаниям до выборов не дошёл 101 список, выдвинутый 24 партиями. Особенно не повезло «Коммунистам России», чьи списки не были зарегистрированы в 15 регионах, а затем были сняты еще в двух, и партии «Родина» (соответственно 14+1). Из-за большого отсева среднее число участвовавших в выборах списков продолжило снижаться (см. табл. 1).

Тем не менее, пять непарламентских партий сумели пройти в законодательные собрания. «Яблоко» повторило успех 2011 г., проведя свои списки в Карелии, Псковской области и Санкт-Петербурге; «Патриоты России» добились успеха в Красноярском крае и повторно — в Калининградской области; Партия Роста, преобразованная из «Правого дела», прошла в Санкт-Петербурге. Из новых партий успех имели только «Родина» в Тамбовской области и Российская партия пенсионеров за справедливость, которая провела одного депутата по списку в Приморском крае и одномандатника в Свердловской области.

Среднее число прошедших списков, а также значения ЭЧП_э и ЭЧП_п оказались выше, чем в предыдущие четыре года (см. табл. 1). Только в трех республиках прошли по три партии, в шести регионах — по пять, а в Санкт-Петербурге — шесть. В остальных 29 регионах партийный состав оказался таким же, как в Государственной Думе (если не считать одномандатников). «Традиционная» конфигурация итогов голосования получилась в 13 регионах.

На муниципальных выборах 2016 г. успех имели в отдельных региональных центрах «Патриоты России», «Яблоко» и РЭП «Зеленые», в других муниципальных образованиях также Партия Роста, «Родина», Российская партия пенсионеров за справедливость, «Коммунисты России», Партия Дела, «Российский общенародный союз», «Альянс Зеленых» и «Достоинство» [Кынев, Любарев, Максимов 2017].

Региональные выборы 10 сентября 2017 г., как и в 2012 г., проходили только в шести регионах (из которых три считаются электорально управляемыми), так что они мало показательны. Средний результат «Единой России» оказался довольно высоким, а средние результаты партий парламентской оппозиции — низкими. Впрочем, по сравнению с 2012 г. у все четырех парламентских партий электоральные результаты немного выше (см. табл. 2), поскольку участие непарламентских партий продолжало снижаться. ЛДПР вновь не преодолела заградительный барьер в Северной Осетии, а «Справедливая Россия» — в Краснодарском крае (но сумела там провести в заксобрание одномандатника). Однако, в отличие от 2012 г., ЛДПР прошла в Краснодарском крае, Пензенской и Саратовской областях, а «Справедливая Россия» получила представительство в Пензенской области, но утратила его в Сахалинской.

В этот раз списки на региональных выборах выдвинули только 24 партии, а до дня голосования дошли лишь 16. Из непарламентских партий успех, хоть и более скромный, чем в 2012 г., имели только «Патриоты России» в Северной Осетии, да Партия Роста провела депутата по одномандатному округу в Краснодарском крае [Шпагин 2017]. В трех региональных парламентах партийный состав оказался таким же, как в Государственной Думе (если не считать одномандатников). «Традиционная» конфигурация итогов голосования получилась в четырех регионах.

На муниципальных выборах 2017 г. успех имели в отдельных региональных центрах «Яблоко», «Родина», «Коммунисты России», «Гражданская платформа», Российская партия пенсионеров за социальную справедливость, в других муниципальных образованиях также «Патриоты России», Партия Роста, РЭП «Зеленые», КПСС, Партия пенсионеров России, Аграрная партия России [Кынев, Любарев, Максимов 2018].

Региональные выборы 9 сентября 2018 г. продолжили тенденцию по снижению партийной активности. Списки выдвинули 28 партий, но до дня голосования дошли только 14. Среднее число участвовавших списков оказалось самым низким со времени после партийной реформы (см. табл. 1).

Однако в ходе кампании проявились новые тенденции. Если на президентских выборах весной доминировало стратегическое голосование, то осенью у избирателей появилась возможность экспрессивным голосованием на региональных и местных выборах выразить свое отношение к политической системе. Объявленная уже после начала кампании пенсионная реформа стала триггером, переключившим накапливавшееся в течение длительного времени раздражение действиями власти в русло протестной активности. В результате снизилась популярность всех носителей власти — от президента и «Единой России» до местных начальников.

Впервые после 2007 г. «Единая Россия» уступила лидерство на выборах региональных парламентов, причем сразу в трех регионах (Хакасия, Иркутская и Ульяновская области, везде лидером стала КПРФ). Также впервые за последние 11 лет ее результат в ряде регионов опустился ниже 30%. Средний результат «Единой России» оказался практически таким же, как в 2006 г., и ниже, чем за любой год периода 2007–2017 гг. Одновременно усилились позиции большей части оппозиционных партий.

Усиление актуальности проблематики социальной несправедливости особенно сказалось на электоральной привлекательности коммунистов и других левых партий. На результатах «Справедливой России» это почти не отразилось: в ней все меньше видят выразительницу интересов социально незащищенных слоев и все больше — «партию левой руки» власти. Зато средний уровень голосования за КПРФ (23,1 %) оказался наивысшим не только за период 2012–2018 гг. (см. табл. 2), но за весь период регулярных выборов по пропорциональной и смешанной системе (2003–2018 гг.), а результат КПРФ в Ульяновской области (36,2 %) уступил только ее рекорду в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе в 1996 г. (39,8 %). В заксобраныя пяти регионов из 16 прошли «Коммунисты России», причем в Ульяновской области они вытеснили «Справедливую Россию». В этой же связи находятся и успешные выступления Российской партии пенсионеров за социальную справедливость в Смоленской области (ее результат по сравнению с 2013 г. вырос с 6,1 до 9,3 %), а также впервые — КПСС (во Владимирской области) и Партии пенсионеров России (в Забайкалье). ЛДПР тоже извлекла пользу из роста протестных настроений благодаря умелому улавливанию политической конъюнктуры.

Из других непарламентских партий по одной успешной региональной кампании в активе у «Патриотов России» и «Родины». В одномандатных округах прошли также кандидаты Партии Роста, «Гражданской платформы», РЭП «Зеленые» и Партии дела.

Только в Калмыкии прошли три списка, в семи регионах — четыре списка, еще в семи — пять, и в Ненецком автономном округе — шесть. В результате среднее число прошедших списков оказалось самым большим с 2012 г. Также самые большие значения получились у ЭЧП_э и ЭЧП_п (см. табл. 1). В шести региональных парламентах партийный состав оказался таким же, как в Государственной Думе (если не считать одномандатников). «Традиционная» конфигурация итогов голосования получилась в восьми регионах.

На муниципальных выборах 2018 г. успех имели в отдельных региональных центрах «Яблоко», «Коммунисты России», Российская партия пенсионеров за социальную справедливость, «Гражданская платформа» и РЭП «Зеленые», в других муниципальных образованиях также «Патриоты России», Партия Роста, «Родина», Партия пенсионеров России, Аграрная партия России, Народная партия «За женщин России», «Альянс Зеленых», Трудовая партия России и «Партия За Справедливость!».

Таким образом, контрреформа 2014 г. первоначально существенно снизила положительный эффект реформы 2012 г. (повышение уровня конкурентности выборов) и закрепила отрицательный (усиление доминирования «Единой России»). Но в настоящий момент ситуация меняется вследствие изменения политической обстановки в стране.

Новая стратификация российской партийной системы

После выборов 2013 г. сложилась новая стратификация российской партийной системы, которая с небольшими изменениями сохранилась до настоящего времени.

Ее высшую ступень занимает «Единая Россия», доминирующая в федеральном и почти во всех региональных законодательных органах (см. табл. 3). Однако её доля в составе депутатского корпуса, достигнув максимума в 2014 г., в дальнейшем стала снижаться. Это становится особенно заметно после выборов 2016 г., а в 2018 г. депутаты «партии власти» составили менее 60% от общей численности избранных. Причем если поражение списков «единороссов» в Хакасии и Ульяновской области удалось восполнить одномандатниками, то в Законодательном собрании Иркутской области «Единая Россия» впервые за долгие годы уступила первенство КПРФ. Отдельные избирательные кампании бывали для неё относительно неудачными и ранее: достаточно вспомнить результаты в Карелии в 2011 г. и 2016 г., Северной Осетии в 2012 г., Новосибирской области в 2015 г. и т. д. Но еще никогда с 2012 г. доля депутатов «партии власти» не опускалась ниже 50 %. В 2018 г. этот порог не был достигнут в четырех регионах, причем в Забайкалье фракция «Единой России» составляет всего 42 %, в Иркутской области — 37,8 %, в Верховном Совете Хакасии — лишь 34 %, в Законодательном собрании Ульяновской области — 47,2 %.

Таблица 3.

*Средние показатели представительства партий
в региональных органах законодательной власти, избранных 2012–2018 гг., %*

Год выборов	«Единая Россия»	КПРФ	ЛДПР	«Справедливая Россия»	Непарламентские партии
2012	81,69	7,61	1,97	2,25	4,23
2013	77,21	8,85	3,88	4,36	3,64
2014	81,94	6,42	3,73	2,39	1,64
2015	80,48	8,46	4,34	5,21	0,43
2016	74,64	8,96	8,68	5,62	0,85
2017	77,45	7,84	3,27	3,92	4,24
2018	59,84	20,33	9,21	6,39	2,94

Второй уровень образуют три партии парламентской оппозиции, представленные в Госдуме и большинстве региональных законодательных собраний. По действующему законодательству парламентские партии и их кандидаты освобождены от сбора подписей избирателей на всех выборах (но не освобождены от сбора подписей депутатов на губернаторских выборах). Однако их политический вес не одинаков. Позиции КПРФ, как правило, сильнее

остальных. В электорально-управляемых регионах вроде Кемеровской области, Мордовии или Чечни коммунисты набирали существенно меньше мест (или не набирали вовсе), но в регионах бывшего «красного пояса», а также ряде отдаленных субъектов Федерации их позиции заметно прочнее. Лишь в последние годы наметилась тенденция смещения КПРФ с позиции второй по величине фракции в региональных парламентах: партия не смогла провести своих депутатов в Тыве, Крыму и Севастополе. В 2016 г. она по количеству депутатов в 11 регионах уступила ЛДПР, а в Дагестане и Астраханской области — «Справедливой России». В 2017 г. в Северной Осетии коммунистов обошли не только «Патриоты России», но и «Справедливая Россия». Наконец, в 2018 г. в Архангельской области впереди КПРФ по количеству мест оказалась ЛДПР. Зато именно КПРФ получила наибольшую выгоду от неудачи «Единой России» в 2018 г.: в семи заксобраниях их доля депутатов превысила 20 %, в том числе, в Хакасии и Ульяновской области — более 30 %, а в Иркутской области достигла 40 %.

На третьем уровне находятся партии, которые сумели провести кандидатов по партийным спискам хотя бы в один региональный парламент. После выборов 2013 г. таковых стало восемь: «Патриоты России», «Яблоко», «Правое дело» (впоследствии Партия Роста), ПАРНАС, «Гражданская платформа», Российская партия пенсионеров за справедливость, «Родина» и «Коммунисты России». После выборов 2014 г. к ним добавились РЭП «Зеленые», и «Гражданская сила». Эти партии по действующему закону имели право не собирать подписи избирателей на выборах в Государственную Думу, а также на региональных и муниципальных выборах в тех субъектах Федерации, где они прошли в региональные парламенты. И в выборах в Государственную Думу 2016 г. смогли принять участие только 14 партий, относящихся к трем первым уровням.

После выборов 2018 г. состав партий третьего уровня несколько обновился. Его покинули ПАРНАС, «Гражданская платформа» и «Гражданская сила», но в него вошли Партия пенсионеров России и КПСС. Таким образом, сейчас здесь девять партий.

Четвертый уровень складывается из партий, которые смогли провести депутатов в региональные legislatures только по мажоритарным округам и/или в муниципальные собрания. Таких партий сейчас 15: «Гражданская платформа», Народная партия «За женщин России», «Альянс зеленых», «Партия За Справедливость!», Партия дела, Аграрная партия России, «Города России», Партия ветеранов России, Российская партия народного управления, Союз труда, Партия возрождения села, Партия свободных граждан, Трудовая партия России, «Российский общенародный союз» и «РОТ-Фронт».

На пятом, «нулевом», уровне — все остальные партии.

При этом количество партий начало сокращаться. С 2015 г. прекратили существование 15 партий, из них пять самоликвидировались, а 10 были ликвидированы решениями Верховного Суда РФ. В 2019–2020 гг. истекает семилетний период с момента создания большинства партий, но не все из них за прошедшие семь лет сумели набрать требуемый законом уровень участия в выборах (участие в выборах в Государственную Думу или президента России, или участие в выборах глав не менее чем 9 регионов, или участие в выборах заксобраний не менее чем 17 регионов, или участие в муниципальных выборах не менее чем в 43 регионах). В связи с этим, по-видимому, в 2019–2020 гг. число партий заметно сократится.

Таким образом, партийная реформа 2012 г. позволила создать несколько партий, которые смогли конкурировать со старыми непарламентскими партиями за голоса небольших групп избирателей, но не сумели составить серьезную конкуренцию парламентским партиям. В электоральной плоскости это привело к некоторому росту конкуренции, который после контрреформы 2014 г. стал затухать. На составах региональных парламентов реформа отразилась довольно слабо.

Васильева С.В. 2012. Политическая конкуренция в теории и действии: к вопросу о сложности ее правовых оценок. — *Сравнительное конституционное обозрение*. — № 1. — С. 16–24.

Вишневский Б.Л. 2007. Политическая конкуренция в России: хроника снижения. — *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. — № 2. — С. 287–295.

Голосов Г.В. 2007. Сводная российская электоральная статистика, декабрь 2003 — апрель 2007 г. — *Российское электоральное обозрение*. — № 1. — С. 66–133.

Голосов Г.В. 2008. Сводная российская электоральная статистика, декабрь 2007 – март 2008 г. — *Российское электоральное обозрение*. — № 1. — С. 68–75.

Голосов Г.В. 2009. Сводная российская электоральная статистика, 12 октября 2008 г. — *Российское электоральное обозрение*. — № 1. — С. 70–71.

Голосов Г.В. 2010. Сводная российская электоральная статистика, 2009 г. — *Российское электоральное обозрение*. — № 1. — С. 94–96.

Гончаров Л.А. 2008. *Современная межпартийная конкуренция в политической практике России и Германии*. — Воронеж: Изд-во им. Е. А. Болховитинова. — 137 с.

Жедь Б.А. 2013. Особенности политической конкуренции в условиях либерализации многопартийности в современной России. — *Известия Саратовского ун-та. Нов. серия. Сер. Социология. Политология*. — Т. 13. — Вып. 3. — С. 94–99.

Кынев А. 2009. *Выборы парламентов российских регионов 2003–2009: первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы*. — М.: Центр «Панорама». — 516 с.

Кынев А. 2014. *Выборы региональных парламентов в России 2009–2013: от партизации к персонализации*. — М.: Центр «Панорама». — 728 с.

Кынев А., Любарев А., Максимов А. 2014. *Региональные и местные выборы 8 сентября 2013 года: тенденции, проблемы и технологии*. — М.: Фонд «Либеральная миссия». — 312 с.

Кынев А., Любарев А., Максимов А. 2015а. *Региональные и местные выборы 2014 года в России в условиях новых ограничений конкуренции*. — М.: Фонд «Либеральная миссия». — 372 с.

Кынев А., Любарев А., Максимов А. 2015б. *На подступах к федеральным выборам — 2016: Региональные и местные выборы 13 сентября 2015 года*. — М.: Фонд «Либеральная миссия». — 565 с.

Кынев А., Любарев А., Максимов А. 2017. *Как выбирала Россия — 2016. Результаты мониторинга избирательного процесса*. — М.: Фонд «Либеральная миссия». — 1142 с.

Кынев А., Любарев А., Максимов А. 2018. *Российские выборы–2017: преемственность и изменение практик между двумя федеральными кампаниями*. — М.: Фонд «Либеральная миссия». — 514 с.

Любарев А.Е. 2013. Пропорциональная и смешанная избирательные системы на региональных и муниципальных выборах в Российской Федерации: проблемы «сфабрированного большинства». — *Юридические исследования*. — № 8. — С. 65–118.

Любарев А.Е. 2016. *Избирательные системы: российский и мировой опыт*. — М.: РОО «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение. — С. 276–312.

Любарев А.Е. 2018. Партийное строительство в 2012–2018 гг. — *Политическая концептология*. — № 3. — С. 226–233.

Любарев А.Е., Шпагин С.А. 2015. Партийная реформа и динамика межпартийной конкуренции на региональных выборах 2012–2014 гг. — *Партийная реформа и контрреформа*

2012–2014 годов: предпосылки, предварительные итоги, тенденции / Под ред. Н.А. Борисова, Ю.Г. Коргунюка, А.Е. Любарева, Г.М. Михалевой. — М.: КМК. — С. 90–106.

Шагин С.А. 2017. Выборы в законодательные собрания 2017 г. и динамика партийных систем в российских регионах. — *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. — № 4. — С. 77–87.

Laakso M., Taagepera R. 1979. The “Effective” Number of Parties: A Measure with Application to West Europe. — *Comparative Political Studies*. — V. 12. — P. 3–27.

ПАРТИЙНАЯ РЕФОРМА И ИЗМЕНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ РАЗМЕЖЕВАНИЙ

Ю.Г. Коргунок

*Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Фонд «Информатика для демократии»*

Аннотация: *Статья анализирует с точки зрения концепции размежеваний итоги выборов в региональные собрания по партийным спискам (2012–2014). Отмечается, что увеличение в результате партийной реформы числа участников избирательного процесса за счет мнимых партийных величин повлекло умножение измерений политического пространства и косвенно — рост количества электоральных размежеваний. С этой точки зрения региональные выборы 2012–2014 гг. расцениваются как опытное поле для обкатки новых подходов к обеспечению нужных для Кремля результатов. Известное повышение уровня политической конкуренции в ряде регионов интерпретируется как следствие не столько допуска к выборам новых участников, сколько ослабления нажима на зависимых от государства избирателей. Отмечается также, что обозначившаяся в 2014 г. тенденция ужесточения требований к участникам выборов сразу же привела к уменьшению числа как электоральных, так и (особенно) политических размежеваний.*

Ключевые слова: *концепция размежеваний, политические партии, электоральные размежевания, политические размежевания, выборы в региональные собрания.*

«Партийная реформа» 2012–13 гг. была своего рода реакцией властей на падение рейтинга «Единой России» и рост протестных настроений в российском обществе.

Ее целью было сохранение монополии «партии власти» в легислатурах всех уровней, но уже новыми методами. Прежде Кремль, если использовать экономическую терминологию, делал ставку на консолидацию пакета акций, но когда тот начал «размываться», сменил тактику и сконцентрировал усилия не на том, чтобы добиться для «Единой России» большинства голосов избирателей, а на том, чтобы не дать другим игрокам укрепить позиции. С этой целью политический рынок был насыщен массой новых участников, чьим назначением было отнимать голоса не столько у «партии власти», сколько у оппозиции. При такой тактике для успеха достаточно обеспечить фавориту весьма условное большинство. Недаром в фирмах с множеством акционеров контрольным считается пакет в 20, а то и 15 %.

Предпринятые меры очевидным образом отразились на расстановке партийно-политических сил по итогам региональных выборов 2012–14 гг., причем наряду с более-менее очевидными изменениями следует отметить также пласт явлений, не заметных невооруженному

глазу, но ничуть не менее важных для понимания взаимозависимости политики и состояния общества. В первую очередь это относится к структуре электоральных размежеваний.

Речь идет не о формуле Липсета–Роккана, использующейся для объяснения долгосрочных связей между определенными сегментами электората и политическими партиями, а о методике микроанализа, базирующейся на количественных методах. В основу этой методики положено понимание размежевания как некоего базового принципа политического действия. Размежевание появляется везде, где перед субъектами политики возникает выбор (а именно в этом и состоит суть электоральных процедур). Множество субъектов политики — избирателей, — совершая свой выбор, формируют тем самым сложную систему размежеваний, разобраться в которой позволяют математические методы — прежде всего корреляционный, факторный и регрессионный анализ.

В зарубежной и отечественной политической науке имеется немалый опыт использования концепции размежеваний для интерпретации итогов выборов [Ахременко 2007; Коргунюк 2010; Коргунюк 2013; Коргунюк 2014; Chugrov, 1997; Korgunyuk 2014; Slider, Gimpelson, Chugrov 1994; Zarycki 1999; Zarycki 2002; Zarycki, Nowak 2000], но предметом изучения выступали, как правило, общенациональные выборы, территориальные различия в результатах которых анализировались на уровне наиболее крупных единиц — субъектов Федерации в России или воеводств в Польше. Если же опуститься на уровень ниже, на котором в роли случаев (cases) будут выступать муниципальные образования (городские округа и муниципальные районы), то это потребует внесения в методику определенных изменений.

Исследовательская методика (универсальная)

Первые три шага исследовательской процедуры являются общими для выборов любого уровня. Четвертый шаг касается изучения результатов выборов — как федеральных, так и региональных — на уровне субъектов Федерации, пятый — выборов исключительно внутри-регионального уровня¹.

Первый шаг заключается в определении структуры электоральных размежеваний. Для этого результаты выборов по пропорциональной системе переводятся из абсолютных цифр в проценты и подвергаются факторному анализу. Выявленные таким образом латентные факторы трактуются как электоральные размежевания. Приведем для примера результаты факторного анализа итогов думских выборов 2011 г. (табл. 1).

Таблица 1.

	Недейств. бюллетени	Справ. Россия	ЛДПР	Патриоты России	КПРФ	Яблоко	Единая Россия	Правое дело	<i>Expl. var</i>	<i>Prp. total (%)</i>
Фактор 1	-0,75	-0,82	-0,82	-0,8	-0,67	-0,64	0,97	-0,64	4,75	59,35
Фактор 2	0,16	0,13	-0,31	-0,12	-0,57	0,45	0,16	0,58	1,04	13,03

Первый фактор здесь — размежевание между «Единой Россией», с одной стороны, и всеми остальными участниками выборов, с другой; второй — между «Правым делом» и «Яблоком», с одной стороны, и КПРФ (отчасти ЛДПР), с другой. Большинство экспертов сразу скажет, что первое размежевание следует трактовать как противостояние власти и «невласти» (или «общественности», т. е. слоя политически активных, образованных людей, отнесенных от принятия политических решений), а второе — как расхождения между сторонниками европейского и «самобытного» путей развития страны.

¹ Во всех случаях речь идет о выборах по пропорциональной системе, т. е. по партийным спискам.

Но чтобы доказать это, необходимо сопоставить электоральные размежевания с размежеваниями политическими. Выявление последних — содержание второго шага исследовательской процедуры. С этой целью проводится анализ агитационной продукции партий в период рассматриваемой избирательной кампании и выделяются те вопросы, которые не могут быть обойдены вниманием ни одним из более-менее крупных участников. Позиция каждого из них оценивается по шкале диапазоном от -5 до $+5$ (если кто-то проигнорировал проблему, ему выставляется либо «ноль», либо оценка, вытекающая из позиции по одному из смежных вопросов, но с понижающим коэффициентом), после чего полученные данные также подвергаются факторному анализу.

Результаты анализа применительно к думской кампании 2011 г. показывают, что политическое пространство России этого периода (и не только этого, но об этом позже) формировалось тремя основными размежеваниями (табл. 2).

Таблица 2.

	Справ. Россия	ЛДПР	Патриоты России	КПРФ	Яблоко	Единая Россия	Правое дело	<i>Expl.var</i>	<i>Prp.total</i> (%)
Фактор 1	-0,58	-0,48	-0,80	-0,90	0,26	0,22	0,64	2,56	36,52
Фактор 2	0,53	0,36	0,13	-0,06	0,85	0,19	0,63	1,67	23,80
Фактор 3	-0,17	-0,06	0,28	0,08	-0,17	0,93	0	1,01	14,48

По первому из них наибольшие факторные значения (factor scores) — с положительным либо отрицательным знаком — получили такие темы, как «введение прогрессивного подоходного налога и налога на роскошь», «бесплатность образования и медицинского обслуживания», «направление средств резервных фондов на бюджетные расходы», «повышение пенсионного возраста». Исходя из того, что главными участниками размежевания являлись КПРФ, «Патриоты России» и «Справедливая Россия», с одной стороны, и «Правое дело», с другой, можно сделать вывод, что мы имеем дело с размежеванием социально-экономического характера — между эгалитаристами-патерналистами и либералами-рыночниками.

Во втором размежевании четко обозначился только один полюс, представленный «Яблоком», «Правым делом» и «Справедливой Россией», факторные значения «Единой России», КПРФ и «Патриотов России» колеблются около нулевой отметки. Интерпретация этого измерения оказалась самой трудной. Судя по кругу тем с наибольшими факторными значениями — «ратификация ст. 20 Международной конвенции по борьбе с коррупцией», «отмена мигалок», «восстановление реальных выборов, расширение политической конкуренции», «степень оппозиционности (самооценка)», «отмена частной собственности на землю», «отношение к советскому прошлому», «возвращение смертной казни», — в данном случае имеет место некое системное размежевание, точнее, размежевание, формирующееся вокруг некоего системного противоречия. В первых четырех вопросах, отмеченных наивысшими отрицательными значениями, «Единая Россия» противостоит всем остальным участникам выборов, тогда как в последних трех, с наибольшими положительными значениями, в аналогичном положении оказались КПРФ и «Патриоты России». Главные антагонисты, таким образом, — «единороссы», с одной стороны, и «советские традиционалисты», с другой. Причем первые противостоят всем остальным в тактических вопросах, вторые — в стратегических, в целом же в этих противостояниях отражается суть системного противоречия как такового.

Наконец, третье размежевание, судя по уникально высокой факторной нагрузке «Единой России» и содержанию некоторых тем («отношение к Путину», «отмена мигалок», «освобождение Ходорковского», «отказ от призыва и переход к контрактной армии», «нарушение властью избирательного законодательства», «определение созданного в стране режима как авторитарного»), определяется отношением к сохранению монопольного положения

«партии власти» в политической системе страны. В более широком плане данное размежевание можно трактовать как противостояние по линии «авторитаризм–демократия», т. е. как разновидность консервативно-либерального размежевания. Вместе с тем его можно рассматривать и как противостояние сторонников и противников существующего режима, т. е. власти и оппозиции: ведь в системе, в которой доминирующее положение «партии власти» обеспечивается в основном административными методами, оппозиция всегда будет стремиться к расширению пространства политической конкуренции.

Полученные результаты нетрудно сопоставить с факторными нагрузками электоральных размежеваний. Для этого достаточно провести простой корреляционный анализ, который обнаруживает сильную связь первого электорального размежевания с третьим политическим, а второго электорального — с первым и вторым политическими (табл. 3).

Таблица 3.

	1-е политическое размежевание	2-е политическое размежевание	3-е политическое размежевание
<i>1-е электоральное размежевание</i>	0,469	0,393	0,886
<i>2-е электоральное размежевание</i>	0,853	-0,764	0,071

Таким образом, предположение, что первое электоральное размежевание отражает противостояние сторонников и противников существующего в России политического режима (власти и «общественности»), а второе — противостояние сторонников «самобытного» (эгалитаристски-патерналистского) и «европейского» (либерально-рыночного) путей развития страны, получает эмпирическое подтверждение. Причем выясняются некоторые дополнительные детали, а именно то, что второе электоральное размежевание связано сразу с двумя политическими: социально-экономическим (между эгалитаристами-патерналистами и либералами-рыночниками) и системным, касающимся в том числе выбора пути развития страны — «европейского» либо «самобытного».

В любом случае можно считать доказанным, что у выявленных думскими выборами 2011 г. электоральных размежеваний имеется вполне конкретное политическое содержание. Кроме того, у этих размежеваний есть еще один аспект: они связаны не только с политическим сознанием, но и с социальным бытием. Связи второго рода можно выявить сравнивая факторные значения (factor scores) каждого из регионов, выступающих в роли случаев (cases), с зафиксированными статистикой социально-экономическими и демографическими показателями соответствующих территорий. Корреляционный анализ позволяет выявить значимые связи между факторными переменными обоих электоральных размежеваний и какими-либо из этих показателей, а пошаговая линейная регрессия — определить иерархию предикторов по степени влияния на зависимую переменную².

Таблица 4.

	Стратифицирующий фактор ³	Доля объясненной дисперсии (%)
1	Уровень урбанизации	45,99
2	Демографический признак (национальность, возраст, трудоспособность и т. п.)	15,30
3	Степень развитости социальной сферы	9,34
4	Уровень доходов населения	4,65
5	Уровень потребления	4,04

² Опыт подобных исследований см.: Slider, Gimpelson and Chugrov 1994; Zarycki 1999; Zarycki 2002; Zarycki and Nowak 2000; Ахременко 2007; Коргунюк 2014; Korgunyuk 2014; Коргунюк 2014.

³ Разумеется, интерпретация всех этих факторов носит достаточно условный характер, причем чем меньшую долю вариации объясняет тот или иной фактор, тем выше степень условности. Для наименее значимых факторов она приближается к уровню простой догадки.

6	Уровень развития частного сектора	3,68
7	Уровень социального благополучия (преступность, возможность трудоустройства)	3,12

Однако еще полезнее будет подвергнуть факторному анализу всю совокупность социально-демографических и экономических показателей, получив на выходе картину социальной стратификации российского общества (табл. 4).

Вычисленные факторные переменные не особенно коррелируются с факторными переменными электоральных размежеваний, зато выстраиваются в регрессионные модели, практически исключающие возможность ошибки.

Модель, полученная для размежевания «власть–общественность», с небольшими расхождениями повторяет картину социального расслоения российского общества — из нее выпадает последний, седьмой, предиктор, а второй и третий — демографический и социальный — меняются местами (табл. 5).

Таблица 5.

	Standardised Beta	Sig.
Уровень урбанизации	-0,430	0,000
Степень развитости социальной сферы	0,389	0,000
Демографический признак (национальность, возраст, трудоспособность и т. п.)	0,380	0,000
Уровень доходов населения	-0,341	0,000
Уровень потребления	0,220	0,000
Уровень развития частного сектора	-0,123	0,020

По размежеванию между социал-самобытниками и либералами-западниками картина несколько меняется: первые два предиктора — экономический (урбанистический) и социальный — сохраняют ведущее положение, а демографический перемещается на шестую позицию, уступая место расслоению по уровню развития частного сектора (табл. 6).

Таблица 6.

	Standardised Beta	Sig.
Уровень урбанизации	0,398	0,000
Степень развитости социальной сферы	0,319	0,000
Уровень развития частного сектора	0,274	0,000
Уровень доходов населения	-0,259	0,000
Уровень потребления	-0,198	0,003
Демографический признак (национальность, возраст, трудоспособность и т. п.)	0,190	0,004

Другими словами, получается, что наиболее значимое влияние на формирование обоих размежеваний оказал уровень урбанизации и развития социальной сферы, отличие заключается только в факторах третьей очереди: на «властно-общественное» размежевание больше повлиял демографический фактор, на «западно-самобытное» — степень развитости частного сектора.

Таким образом, данная методика позволяет построить математизированную модель, выявляющую связи структуры электоральных размежеваний со структурой размежеваний политического пространства, а также с социальной стратификацией общества. Ее применение к анализу итогов всех думских выборов в период 1993–2011 гг., дает интересные результаты.

В частности, выясняется, что политическое пространство постсоветской России является трехмерным — число размежеваний в нем всегда равно трем. Содержание этих размежеваний расплывчато и неустойчиво, тем не менее некоторые закономерности проследить мож-

но. В частности, первое, наиболее влиятельное, размежевание явно соотносится с вопросами социально-экономического свойства. Но не только с ними. В 1990-х гг. оно было очень тесно связано также с выбором пути развития страны, выливаясь в противостояние «прогрессистов» («модернистов») и «красных традиционалистов».

Лишь в 1993 г. данное размежевание уступало лидирующее положение другому, характер которого поддается истолкованию с наибольшими трудностями. Исходя из того, что один из полюсов данного размежевания, как правило, сглажен (более или менее заметно он обозначался только в 1995 и 2003 гг., в первом случае его образовал блок «ДВР — Объединенные демократы», во втором — Концептуальная партия «Единение»), можно предположить, что оно строится вокруг отношения к основному системному противоречию: наиболее антагонистичные политические силы занимают места ближе к центру (точка наибольшего обострения противостояния), тогда как остальные располагаются на обочине. В 1990-х гг. стержнем системного противоречия было противостояние реформистов и антиреформистов, поэтому наиболее яростные реформисты («Выбор России», СПС) и антиреформисты (коммунисты) тяготели к центру, тогда как все приверженцы «золотой середины» и «уклонисты» от ответов на неудобные вопросы вытеснялись на периферию. Выталкивание ДВР-ОД на один из полюсов размежевания — свидетельство прогрессирующей маргинализации реформистов гайдаровского толка в середине 1990-х. В 2000-х конфигурация системы последовательно преобразовывалась в противостояние «партии власти» и ее противников, поэтому ближе к центру оказались «Единая Россия» со своими сателлитами и ее основные конкуренты, тогда как маргиналы помещались на периферии либо, как в случае с резко выламывающейся из всех стереотипов КП «Единение», на противоположном полюсе размежевания.

Рисунок 1.

Наконец, третье размежевание больше всего напоминает противостояние сторонников авторитарных и демократических методов управления страной. Очень часто оно походит также на размежевание по линии «власть—оппозиция», однако в любом случае основное про-

тивостояние формировалось вокруг вопросов, связанных с расширением либо сужением пространства политической конкуренции.

Следует отметить, что подобная трехмерность постсоветского политического пространства интуитивно ощущалась исследователями и раньше. Еще в середине 1990-х известный политик и политолог А. Денисов предложил дополнить традиционную классификацию общественно-политических объединений в условной «горизонтальной» системе координат «левые–правые» вторым, «вертикальным», измерением, характеризующим степень их политического радикализма. При этом в нижней части двумерной схемы на небольшом удалении от горизонтальной оси он разместил «центристов» («прагматиков»), которые готовы считаться «с неизбежным консерватизмом основной массы населения, связанным с психологической перестройкой и неспешной адаптацией к любого рода реформам», а в верхней — «нетерпеливых доктринеров, не склонных снисходить к несовершенству реформируемых масс и тяготеющих к принуждению» [Денисов 2006, С. 105]. Промежуточное, срединное положение между «центристами» и «радикалами» было отведено «умеренным» (рис. 1).

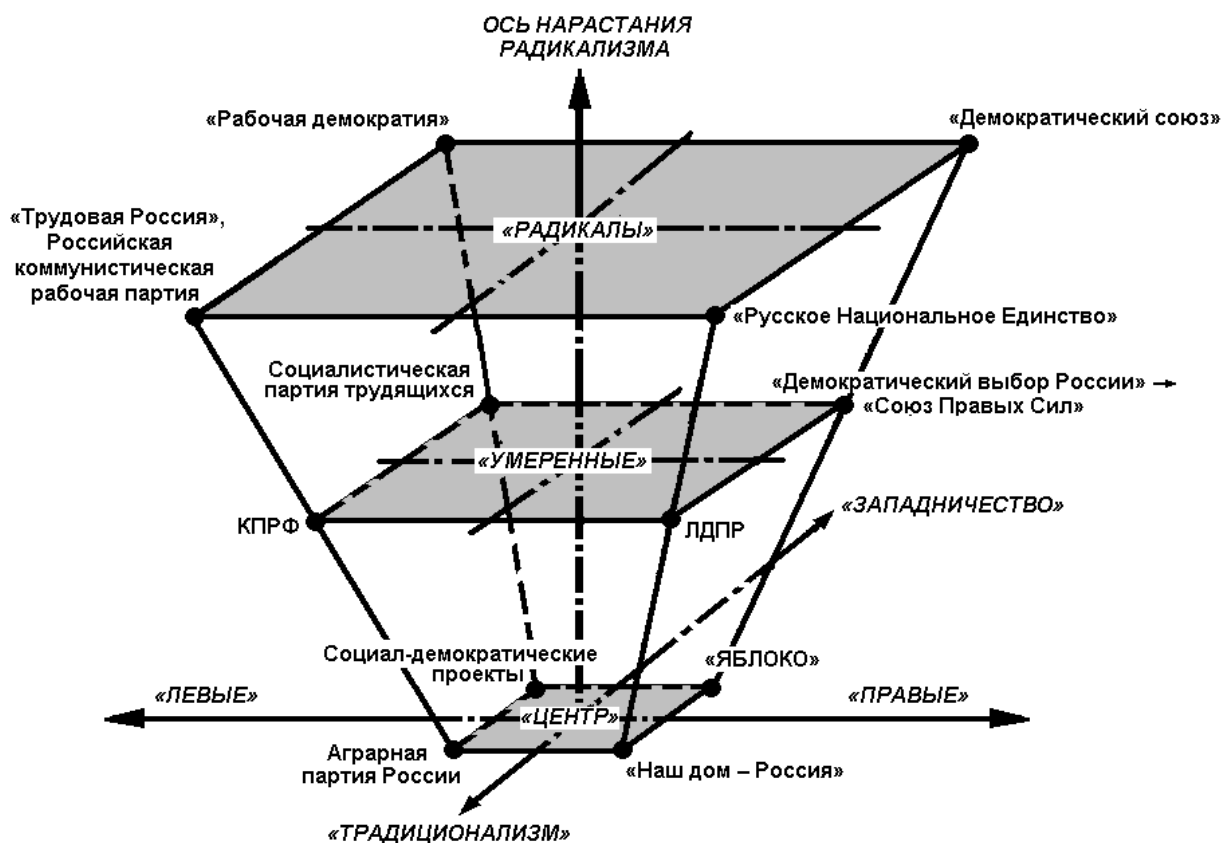
Примерно тогда же М. Грачев предложил дополнить данную схему третьим измерением, которое учитывало бы социокультурные особенности политических целей, обозначенных в программных документах партий и движений. В рамках этого измерения сторонники современного западничества (европейских, общечеловеческих ценностей) противопоставлялись приверженцам различных видов традиционализма («мягкий консерватизм», имперская идея, радикальный национализм и т. д.). В целом трехмерность российского политического пространства была отражена на схеме, предложенной М. Грачевым для анализа расстановки сил на думских выборах 1995 г. (рис. 2).

По мнению М. Грачева, в 1990-х гг. данное трехмерное пространство находилось в состоянии неустойчивого равновесия, причем основное противостояние складывалось между уравновешивающими друг друга «правыми западниками» и «левыми традиционалистами» — с определенными колебаниями в направлении «правого традиционализма».

Следует заметить, что трехмерность политического пространства является показателем его переходного состояния. В принципе для этого пространства более органична двумерность, обусловленная стремлением массового сознания максимально упростить политическую картину мира. Как правило, наиболее успешные политические игроки придерживаются сколько-нибудь жестких позиций только в тех вопросах, в которых они тесно связаны со своим базовым электоратом, в остальных же стараются колебаться в соответствии с доминирующими в обществе настроениями, избегая при этом неудобных для себя тем. Отсюда — сведение всего разнообразия политических измерений (обычно их выделяют от пяти до семи [Budge 1993; Lijphart 1999; Анохина, Мелешкина 2007; Анохина, Мелешкина 2008; Калинин 2009; Мелешкина, Толпыгина 2012; Толпыгина 2012]) к двум основным.

В большинстве европейских стран роль этих двух политических размежеваний исследователи отводят социально-экономическому и постматериалистическому, в Латинской Америке — тем же двум, что и в России, — авторитарно-демократическому и социально-экономическому [Moreno 1999; Stoll 2004: 44]. И лишь там, где режимы переживают некий переходный этап, появляется третье: в 1990-х гг. в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы оно, как и в России, было связано с отношением к политическим и экономическим реформам, а в Латинской Америке середины 1990-х — с выбором между светским и религиозным взглядом на мир (противостояние между «либералами» и «фундаменталистами») [Stoll 2004: 44]. И если в Центральной и Восточной Европе, а также Латинской Америке срок присутствия третьего, системного, измерения был достаточно ограниченным, не более десятилетия, то у нас оно задержалось надолго.

Рисунок 2.

В плане взаимосвязанности политических и электоральных размежеваний опыт думских выборов показал, что определенное политическое наполнение имели, как правило, не более двух из трех-четырёх имеющихся электоральных размежеваний. Остальные обуславливались некими посторонними факторами — либо дезориентацией избирателя, либо воздействием административного ресурса.

Наибольший искажающий эффект воздействие этих факторов оказало на выборы 1999 г., когда первое по значимости электоральное размежевание — между КПРФ и блоком «Отечество — Вся Россия», с одной стороны, и всеми остальными участниками выборов, с другой, было полностью лишено какой бы то ни было политической интерпретации, а оставшиеся два, хоть и отражали в определенной степени противостояние между социал-патерналистами и либералами-рыночниками, но были существенно «искорежены» конкуренцией между ОВР и «Единством» [Коргунюк 2013; Korgunyuk 2014].

Однако и на предыдущих выборах административный ресурс искажающим образом влиял на электоральные размежевания: в 1993 г. — на второе по значимости, в 1995-м — на третье [Ibid]. Подобные расхождения объясняются тем, что в 1990-х гг. только региональным и местным элитам удавалось успешно применять административный ресурс, и поскольку они поддерживали разные партии и блоки без оглядки на политическую ориентацию последних, то получался разнобой. Как только административный ресурс был централизован и направлен в русло безусловной поддержки В. Путина, исчезли и расхождения — с этих пор адмресурс работал исключительно на рост влияния авторитарно-демократического политического размежевания.

В итоге: если в 1990-х гг. самым сильным из электоральных размежеваний было противостояние рыночных модернистов и антирыночных «красных традиционалистов», то начи-

ная с 2003 г. противостояние по линии «авторитаризм–демократия» вытеснило противостояние по социально-экономическому признаку на второе место, заставив его к тому же слиться с системным размежеванием.

Что же касается социальной обусловленности электоральных размежеваний, то, независимо от их политического содержания, стратификационным фактором, оказывавшим наибольшее влияние на их структуру, был уровень урбанизации регионов (в 1990-х гг. он работал на реформистские партии и блоки, начиная с 2000-х — на противников «партии власти»). Исключением стали только выборы 2003 г., когда на первое место вышел демографический фактор: по всей видимости, это было связано с тем, что «триумфальное шествие» «Единой России» началось с национальных образований, существенно отличающихся по демографическим характеристикам от остальных регионов страны. Впрочем, в целом данный фактор имел большое значение и в других кампаниях, занимая, как правило, второе по влиятельности место. На противостояние между социал-патерналистами («самобытниками») и либералами-рыночниками («западниками») заметное влияние оказывал и фактор социальной благоустроенности (в большинстве случаев третий по значимости) [Ibid].

Исследовательская методика для регионального уровня

Преыдущие этапы методики — выявление структуры электоральных и политических размежеваний, их сопоставление, выявление структуры социальной стратификации и ее сопоставление со структурой электоральных размежеваний — являются обязательными для любого исследования в данной сфере. Однако переход с общенационального уровня на уровень регионов требует ряда дополнительных модификаций методики.

В частности, необходимо определить с помощью кластерного анализа основные группы регионов, близких как по политической «окраске» электоральных размежеваний, так и по степени социально-экономической и демографической обусловленности последних. В качестве данных для кластерного анализа лучше всего подходят следующие показатели: средняя явка избирателей; корреляция между явкой и голосованием за «Единую Россию»; количество электоральных размежеваний, а точнее, доля объясненной дисперсии каждого из них; модули коэффициентов корреляции между факторными значениями (factor loadings) партий для каждого из электоральных и каждого из политических размежеваний; модули стандартизованных бета-коэффициентов из регрессионных моделей, выявляющих связи между электоральными размежеваниями и основными факторами социальной стратификации.

Поскольку в разных субъектах Федерации стратификационные факторы различаются как по своему влиянию, так и по месту в иерархии (например, в Москве и Санкт-Петербурге бессмысленно говорить об уровне урбанизации — там и там он равен 100 %), необходимо прежде всего определить их стандартизированный набор. Вполне естественно, что в этот набор войдут, во-первых, наиболее часто встречающиеся, а во-вторых, отмеченные регрессионными моделями как в наибольшей степени влияющие на электоральные размежевания.

В число показателей⁴, использованных для выявления факторов социальной стратификации вошли: численность населения муниципального образования; площадь его террито-

---

⁴ Исходным материалом для этих показателей послужили данные, опубликованные на сайтах региональных подразделений Росстата (материалы всероссийской переписи 2010 г. и сплошного статистического наблюдения малого и среднего бизнеса 2010–11 гг.), а также База данных показателей муниципальных образований Росстата. К сожалению, пришлось отказаться от такого содержательного показателя, как уровень преступности (количество преступлений на 10 тыс. человек), — эти данные должно публиковать Министерство внутренних дел, однако большинство его региональных управлений, судя по всему, считают статистику муниципального уровня страшной ведомственной тайной.

рии; плотность населения; доля городского населения; доля русских; доля женщин; средний и медианный возраст; доля основных возрастных категорий (людей трудоспособного возраста, а также младше и старше оного); коэффициент демографической нагрузки; доля состоящих в браке (в том числе отдельно для мужчин и для женщин); доля имеющих высшее образование; доля работающих; доля ведущих подсобное хозяйство; доля получающих стипендию; доля пенсионеров; доля получающих пособие по безработице; доля экономически активного населения; доля занятых в экономике; доля работающих не по найму среди занятых в экономике; доля работодателей среди занятых в экономике; доля уроженцев соответствующего муниципального образования; доля домохозяйств, не имеющих горячего водоснабжения и канализации; доля домохозяйств, имеющих стационарную телефонную связь и интернет; количество субъектов малого бизнеса на 10 тыс. человек; доля налоговых и неналоговых поступлений в собственных доходах муниципального образования; среднемесячная зарплата работников крупных, средних предприятий и НКО; среднемесячная зарплата работников муниципальных учреждений; отношение зарплаты работников муниципальных учреждений к зарплате работников предприятий и НКО; средняя площадь жилых помещений на одного человека; объем инвестиций в основной капитал на одного человека.

К сожалению, не везде были доступны все эти показатели, что, по всей видимости, сказалось и на количестве выявленных факторов социальной стратификации — от региона к региону их число варьировалось от четырех до девяти. Тем не менее для определения наиболее значимых факторов этого достаточно.

Наиболее легко фиксируемый и значимый фактор — уровень урбанизации, первый по влиятельности для 75 из 82 регионов⁵. Исключение в этом отношении составили только Москва и Санкт-Петербург (по понятным причинам), Калмыкия, Ингушетия, Ленинградская, Московская и Мурманская области. Причем в Ленинградской и Мурманской областях, а также Калмыкии этот фактор занял второе по значимости место. Доля его объясненной дисперсии составила от 9 % в Московской области до 57 % в Омской.

Фактор урбанизации включает целый комплекс показателей, а отнюдь не только долю городского населения. Напротив, если в том или ином субъекте Федерации существует четкое разделение на городские и сельские образования, то и пропасть, разделяющая цифры 0 и 100, не способна отразить нюансы различий между ними. Поэтому нередко гораздо более красноречивыми оказываются другие показатели. В частности, в городах, как правило, ниже демографическая нагрузка на трудоспособное население, выше доля работающих и вообще занятых в экономике, доля имеющих высшее образование и занимающихся бизнесом, доля имеющих стационарный телефон и интернет, меньше доля состоящих в браке и ведущих подсобное хозяйство, выше зарплата и меньше площадь жилых помещений в расчете на одного человека. Самый же, пожалуй, верный признак, отделяющий город от деревни, — наличие (отсутствие) горячей воды и канализации. Факторные значения (factor loadings) этих показателей для уровня урбанизации обычно наиболее велики, приближаясь по модулю к единице.

Второй по значимости фактор — демографические характеристики, то есть этническая принадлежность, пол, возраст, демографическая нагрузка и др. В 61 регионе этот фактор занимает второе по значимости место, а в пяти — Санкт-Петербурге, Калмыкии, Ленинградской, Московской и Мурманской областях — даже первое. Его значимость варьируется в

---

⁵ Субъектов Федерации, конечно, 83, но для думских выборов 2011 г. данные по Архангельской области и Ненецкому автономному округу были совмещены, поскольку в состав НАО входит всего два муниципальных образования — городской округ Нарьян-Мар и Заполярный район, — а статистические данные по автономному округу по традиции приводятся совместно с данными по Архангельской области.

диапазоне от нуля в Камчатском крае и Ханты-Мансийском АО до 53 % в Ленинградской области.

Третий фактор — экономическая активность (занятость, самостоятельность) населения. Обычно он охватывает такие характеристики, как доля имеющих высшее образование, доля работающих, доля ведущих подсобное хозяйство, доля получающих стипендию, доля получающих пособие по безработице, доля экономически активного населения, доля занятых в экономике, доля работающих не по найму, доля работодателей, количество субъектов малого бизнеса на 10 тыс. человек, доля налоговых и неналоговых поступлений в собственных доходах муниципального образования. В 39 регионах этот фактор занимает третье по значимости место, в 14 — второе, а в Ингушетии, где его значимость достигает 49 %, — и вовсе первое.

Еще один достаточно часто встречающийся фактор — благополучие жителей и благоустроенность территории. Сюда входят такие характеристики, как наличие (отсутствие) горячего водоснабжения, канализации, стационарной телефонной связи и интернета, уровень зарплат, размер жилой площади. Этот фактор вышел на первое место по значимости в Москве, на второе — в Башкортостане и Камчатском крае, в 13 регионах он занимает третье место, в 15 — четвертое, в 21 — пятое. Его доля в объясненной дисперсии достигает 29 % в Санкт-Петербурге и 30 % в Москве. Кроме того, эта доля достаточно велика в Забайкальском (21 %), Краснодарском (20 %) и Камчатском краях (18 %), Сахалинской (20 %) и Рязанской областях (17 %), Башкортостане (16 %) и Бурятии (19 %), а также Ямало-Ненецком АО (16 %).

Разнообразие факторов социальной стратификации не исчерпывается перечисленными четырьмя, однако менее значимые труднее интерпретировать — слишком велика вероятность впасть при этом в чрезмерный субъективизм. В связи с этим было решено не столько интерпретировать эти факторы, сколько относить их к той или иной достаточно широкой категории. В результате к четырем предыдущим факторам добавились еще два.

Пятый фактор был обозначен как уровень бюджетной поддержки населения и территории. К нему отнесены вариации, включающие такие показатели, как доля получающих стипендию, доля пенсионеров, доля получающих пособие по безработице, доля налоговых и неналоговых поступлений в собственных доходах МО, зарплата работников муниципальных учреждений, отношение зарплат работников муниципальных учреждений к зарплате работников предприятий и НКО. Этот фактор — второй по значимости в Забайкальском крае, еще в 7 регионах он занимает третье место, в 9 — четвертое, в 10 — пятое. Его значимость достигает 20 % в Москве, 19 % — в Забайкальском крае, 17% — в Хабаровском, 11 % — в Амурской области, 12 % — в Тульской, 10 % — в Карачаево-Черкесии и Еврейской автономной области.

Наконец, к шестому фактору — социально-культурному уровню — были отнесены вариации показателей «доля имеющих высшее образование», «доля получающих стипендию», «доля домохозяйств, имеющих стационарную телефонную связь и интернет». Он занял второе место в Кабардино-Балкарии (21 %), четвертое — на Камчатке (10 %), пятое — в Оренбургской области (4 %).

Однако последние два фактора не вошли ни в одну из регрессионных моделей, в которых роль зависимой переменной играли факторные значения (factor scores) электоральных размежеваний. Поэтому в объем данных для кластерного анализа они включены не были, а в качестве основных факторов социальной стратификации использовались только первые четыре.

Кластерный анализ итогов думских выборов 2011 г. разбил субъекты Федерации на пять основных групп.

В самый проблемный кластер вошли республики Северного Кавказа: Дагестан, Ингушетия, Чечня, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и Северная Осетия. Здесь реальная электоральная жизнь практически полностью подменена бумажным «творчеством» избирательных комиссий, находящихся под плотным контролем правящей бюрократии. Отсюда — явка свыше 90 % и огромная поддержка «Единой России». При этом электоральные размежевания слабо связаны с факторами социальной стратификации: последние отчасти влияют только на второе или третье по важности электоральное размежевание, если влияют вообще.

Недалеко от этого состояния ушел и кластер, состоящий из Мордовии, Марий Эл, Татарстана и Тюменской области. Здесь административный ресурс также полностью подмял под себя голосование граждан, обеспечивая высокую явку и высокое голосование за «партию власти», и существует только одно электоральное размежевание — за «Единую Россию» или против, — связанное с уровнем урбанизации. В городах еще не до конца погашены «очаги сопротивления» — именно они и обеспечивают властно-общественному электоральному размежеванию достаточно солидную дисперсию.

К этому кластеру примыкает третий (назовем его «малоконкурентный»), включающий 19 регионов: Адыгея, Башкортостан, Калмыкия, республики Коми и Алтай, Тува, Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Белгородская, Брянская, Воронежская, Калужская, Кемеровская, Омская, Орловская, Пензенская, Саратовская, Тамбовская и Ульяновская области. Здесь влияние административного ресурса несколько слабее, в результате чего высвобождается пространство для второго электорального размежевания, нередко вполне внятно интерпретируемого политически и обусловленного социально.

Наиболее усредненный по характеристикам кластер составила самая большая группа регионов (31): Москва, Бурятия, Удмуртия, Хакасия, Чувашия, Якутия, Ставропольский и Хабаровский края, Амурская, Архангельская (с Ненецким АО), Астраханская, Волгоградская, Иркутская, Калининградская, Курская, Липецкая, Магаданская, Нижегородская, Новгородская, Новосибирская, Оренбургская, Ростовская, Рязанская, Самарская, Смоленская, Тверская, Томская, Тульская, Челябинская и Ярославская области, Ханты-Мансийский автономный округ, Еврейская автономная область. К кластеру, в сущности, примыкает и 32-й регион — Краснодарский край. Здесь голосование в большей степени, чем в предыдущем кластере, зависит от выбора избирателя и обусловлено социальными характеристиками последнего. Тем не менее административный ресурс если не заглушает свободное волеизъявление электората, то задвигает его на задний план.

Наконец, самый «свободный» кластер составили 20 регионов: Санкт-Петербург, Карелия, Алтайский, Забайкальский, Камчатский, Красноярский, Пермский и Приморский края, Владимирская, Вологодская, Ивановская, Кировская, Костромская, Курганская, Ленинградская, Московская, Мурманская, Псковская, Сахалинская и Свердловская области. Здесь административный ресурс в наименьшей (хотя все равно достаточно большой) степени влияет на избирателя, руководствующегося в своем выборе и иными, отличными от воли начальства, соображениями. Этот выбор не всегда четко интерпретируем политически, но почти всегда достаточно серьезно обусловлен социально⁶.

Анализ результатов выборов в региональные собрания требует внесения в исследовательскую методику еще некоторых дополнительных корректив.

В частности, на этапе выявления электоральных размежеваний необходимо отсеять лишних игроков (для думских выборов 2011 г. это было не нужно, поскольку в них участвовали всего семь партий). Обычно в таких случаях барьер отсечения устанавливается на уровне 3 % полученных голосов, однако в российской ситуации это слишком высокая планка —

⁶ Подробнее о результатах кластерного анализа итогов думских выборов 2011 г. на региональном уровне см. Коргунюк 2014.

ориентация на нее приводит к отсеву ряда игроков с ярко выраженным идеологическим лицом, что, в свою очередь, затрудняет политическую интерпретацию одного из главных электоральных размежеваний — между «самобытниками» и «западниками» (социал-патерналистами и либералами-рыночниками). Поэтому было решено снизить барьер отсечения до 1 %, а в отдельных случаях и до 0,5 %.

На этапе выявления политических размежеваний необходимо решить проблему, связанную с тем, что в каждом регионе складывается собственный состав участников. И главная трудность не в том, что участники разные, а в том, что подавляющее большинство вновь образованных партий не обозначают своих позиций по основным вопросам политической повестки дня.

Поскольку на региональном уровне различия в платформах участников минимальны, сосредоточивать внимание приходится именно на федеральной повестке, которая относительно скудна и ситуативна по сравнению с общенациональными избирательными кампаниями. Формируется она основными игроками — в первую очередь парламентскими партиями, а участие в обсуждении входящих в нее вопросов принимает лишь ограниченный круг игроков — из новосозданных это либо идеологические партии, либо партии с (псевдо)харизматическими лидерами, претендующими на всезнание и готовыми комментировать любое политическое событие. В итоге попытка определить позицию каждой из партий по каждому из вопросов в большинстве случаев приводит к проставлению в соответствующих графах цифры 0.

Это, в свою очередь, отражается и на результатах факторного анализа. По выборам 2012 г. были изучены агитационные материалы 15 политических партий, получивших более 1 % голосов (в отдельных случаях более 0,5 %), по выборам 2013 г. — 25, по выборам 2014 г. — 22. Факторный анализ позиций партий по основным вопросам повестки дня (для 2012 г. таковых отобрано 36, для 2013 г. — 33) выявил в первом случае пять факторов с собственным значением больше единицы, во втором — семь, в третьем — четыре.

Результат неожиданный, ведь на всех думских выборах с 1993 по 2011 г. количество политических размежеваний было неизменным — всегда три. Подобное постоянство не зависело от числа участников — по выборам 1995 г. анализу подверглись агитматериалы 17 партий, а результат не изменился: остались те же три измерения.

Дело, скорее всего, в том, что избирательные кампании федерального уровня заставляют партии мобилизовать максимум сил и реагировать на любые значимые действия и слова конкурентов, предлагая альтернативные решения проблем либо пытаясь перехватить инициативу. Другими словами, партии пытаются так или иначе вписаться в общую расстановку сил.

Совершенно иная ситуация складывается, когда большинство участников выборов лишь имитирует политическую деятельность. Такие игроки почти не реагируют даже на маневры своих региональных конкурентов, на федеральную же повестку дня и вовсе не обращают внимания. В итоге их позиции в общей таблице пестрят нулями, а факторный анализ увязает в различиях между маргиналами, каждый из которых как-то обозначился в одном сегменте вопросов и начисто проигнорировал остальные.

Слишком большое количество политических размежеваний означает, что смысл взаимосвязей в политическом пространстве сложно понять не только каждому избирателю по отдельности (по отдельности в нем трудно разобраться даже специалисту), но и обществу в целом. Так что если целью инициаторов партийной реформы было максимально заморочить электорату голову, то они ее успешно добились. Как уже отмечалось, в целом политической интерпретации поддается не более двух электоральных размежеваний, и наличие трех политических размежеваний, одно из которых фактически синтезировано из фрагментов двух

других, сосуществует с этим фактом более или менее гармонично. Появление же двух, трех и даже четырех дополнительных политических измерений способно ввести в глубокое замешательство не только избирателя, но и исследователя.

Однако если ограничить число участников выборов только теми партиями, которые активно отзываются на актуальные политические вопросы (для 2012 г. это «Единая Россия», ЛДПР, КПРФ, «Справедливая Россия», «Яблоко», «Патриоты России», «Правое дело», РПР-ПАРНАС, «Коммунисты России»; для 2013-го — те же, но без «Правого дела», зато с «Гражданской платформой», «Демократическим выбором», «Волей» и «Родиной»; в 2014 г. — те же, что в 2013-м, но без «Воли» и «Демвыбора»), то политическое пространство возвращается к трехмерности⁷.

Правда, иерархия размежеваний приобретает несколько другой вид: если на думских выборах первым всегда было социально-экономическое, за ним шло системное и лишь третьим авторитарно-демократическое, то на региональных выборах 2012–13 гг. на первое место выдвинулось авторитарно-демократическое («Единая Россия» против всех, но в первую очередь против наиболее оппозиционно настроенных партий), на второе отошло социально-экономическое (коммунисты и социал-патриоты против либералов-рыночников), а на третьем — системное (в 2012 г. это «государственники против либералов» — ЛДПР и «Патриоты России» против РПР-ПАРНАСа и «Яблока», в 2013-м — «лоялисты» из «Единой России» и «Патриотов России» против «социалистов» из КПРФ и «Справедливой России»).

Такое изменение иерархии вполне объяснимо. Если в ходе федеральных кампаний партии целенаправленно подчеркивают различия между собой, идеологизируя свои платформы и поднимая «вечные», мировоззренческие, вопросы, то во время выборов в региональные собрания они живут обыденной жизнью, откликаясь в основном на текущую политическую рутину. А таковая в 2012–13 гг. состояла в «закручивании гаек» и форсированном принятии репрессивного законодательства: отсюда появление таких вопросов, как отношение к криминализации статьи о клевете, к введению единого дня голосования и назначению его на второе воскресенье сентября, к введению ограничений в интернете, к возможности лишения депутата его мандата простым думским большинством, к партийной реформе, к закону об «иностранных агентах», к созданию для ставленников власти односторонних преимуществ на выборах, к «муниципальному фильтру», к ужесточению законодательства в целом и т. п.

В 2014 г. политическое пространство претерпело гораздо более радикальные изменения. События на Украине и информационные усилия центральных телеканалов вывели на первый план системное размежевание — между «империалистами» и «антиимпериалистами» (в последнем лагере собрались исключительно либеральные партии — «Яблоко», РПР-ПАРНАС, «Гражданская инициатива», к которым примкнули «Гражданская платформа» и «Гражданская сила», пытавшиеся обойти «украинский вопрос» стороной). Первые приветствовали присоединение Крыма, называли киевские власти «хунтой» и «бандеровцами», обвиняя их в геноциде «населения Юго-Востока», вторые, напротив, осуждали «аннексию» и настаивали на том, что Россия ведет необъявленную войну против Украины, а российское телевидение дезинформирует российское население о реальном положении дел. Другими словами, именно в этом размежевании наиболее четко обозначилось противостояние «самобытников» и «западников» по вопросу о путях дальнейшего развития страны. Системное размежевание объясняло почти половину всей дисперсии (49 %), тогда как авторитарно-демократическое

⁷ Для 2014 г., впрочем, эта проблема была уже не столь актуальна — достаточно было исключить из списка всего одну партию, избегающую четко обозначать позицию по «украинскому вопросу» (в нашем случае это была ДПР), и политическое пространство вновь становилось трехмерным. События на Украине в целом заметно упростили расстановку сил в стране, сделав ее более «черно-белой».

(18,66 %) и социально-экономическое (11,56 %) оказались оттеснены соответственно на второе и третье места.

Таким образом, основные политические измерения остались теми же, но их иерархия изменилась, особенно заметно — в 2014 г.

Еще одна проблема заключается в том, что различия в составах участников региональных выборов создают разные же конфигурации политического пространства, сказываясь, в частности, и на количестве политических размежеваний, и на их содержании, и отчасти на иерархии. В 2012 г. политических размежеваний в разных регионах было, как правило, четыре (в Пензенской области — три), в 2013-м — от двух в Кемеровской области и Хакасии до пяти в Ивановской, Иркутской и Ярославской областях. В 2014 г., когда власть от поощрения новых игроков вернулась к политике их «оптимизации» (т. е. лишения регистрации и снятия с выборов), число политических размежеваний резко сократилось: лишь в 4 из 13 (Республика Алтай, Крым, Брянская область, Ненецкий АО) оно дотянуло до привычных трех, в остальных не превысило двух.

В условиях отсутствия «эталонного» набора политических размежеваний, с которым можно было бы сравнивать картину электоральных размежеваний в разных регионах, было решено изменить методику и сопоставлять факторные нагрузки каждого из электоральных размежеваний с факторными нагрузками тех политических размежеваний, которые можно интерпретировать как авторитарно-демократическое (как правило, первое место в иерархии) и социально-экономическое (как правило, второе место, но не всегда: в ряде регионов оно отсутствовало вообще, а в некоторых опустилось на третье-четвертое место; в 2014 г. оно и во все проявило себя только в тех регионах, где число политических размежеваний было больше двух, т. е. Республике Алтай, Крыму, Брянской области и НАО). При анализе данных 2014 г. к этим двум размежеваниям было добавлено третье — системное («украинское»), везде без исключения оказавшееся на первом месте, причем во многих случаях в силу отсутствия представителей «антиимпериалистического» лагеря оно превращалось в «соревнование империалистов».

Решено было также дополнить набор данных, используемых для кластерного анализа, в частности ввести в него такой показатель, как количество электоральных и политических размежеваний в каждом из регионов.

Выборы 2012 г.

Из шести субъектов Федерации, в которых 14 октября 2012 г. состоялись выборы в региональные собрания, количество значимых электоральных размежеваний увеличилось в половине: в Саратовской и Сахалинской областях — с двух до трех, в Северной Осетии — с трех до пяти. Причем в пяти субъектах Федерации (кроме Пензенской области) количество политических размежеваний выросло с трех до четырех. Это могло произойти только вследствие расширения состава участников выборов за счет партий, не обозначивших позиций по большинству вопросов актуальной повестки дня. Именно это обстоятельство явилось одной из главных причин «энтропии» избирательских предпочтений, а следовательно, и увеличения числа электоральных размежеваний.

К числу таких причин следует отнести также некоторое снижение интенсивности административной мобилизации голосов для «партии власти». Об этом свидетельствует как падение явки (в среднем оно составило около 22 %; больше всего в Северной Осетии — на 38,4 %, менее всего в Пензенской области — на 13,57 %), так и уменьшение доли первого электорального размежевания в общей дисперсии, которое, правда, оказалось не повсемест-

ным: в Краснодарском крае и Пензенской области эта доля, наоборот, увеличилась, а в Удмуртии ее снижение было минимальным — немногим более 5 %.

Особенно заметно административный нажим на избирателя ослабел в Северной Осетии: здесь зафиксировано самое большое падение явки (с 83,23 до 44,83 %), доля первого электорального размежевания в общей дисперсии уменьшилась с 40,63 до 23,74 %, а само оно уже не могло однозначно трактоваться как властно-общественное противостояние — между «Единой Россией» и остальными участниками выборов, это была скорее конкуренция между «Единой Россией» и «Патриотами России». В наибольшей степени с авторитарно-демократическим политическим размежеванием коррелировалось четвертое электоральное размежевание — между КППРФ и «Ассоциацией зеленых — Народной партией», с одной стороны, и «Единой Россией» и Российской экологической партией «Зеленые», с другой ($|R|=0,615$). Но и это размежевание отражало скорее противостояние группировок региональных элит, нежели партийных брендов. То же касается и прочих электоральных размежеваний, оформившихся в необычные для России в целом партийные противостояния: второе размежевание — «Патриоты России» против остальной оппозиции (в первую очередь против «Справедливой России»), третье — «Справедливая Россия» против «Единой России». Ни одно из них не имело достаточно внятного политического смысла.

Вместе с тем в республике заметно возросла степень социальной обусловленности электоральных размежеваний. Если в 2011 г. первое, властно-общественное, размежевание не было связано ни с одним из факторов социальной стратификации, то в 2012-м противостояние между «единороссами» и «патриотами» отразило разницу в уровне урбанизации: «Патриоты России» получили наибольший процент голосов в сельских населенных пунктах, «Единая Россия» — в городах. Правда, у остальных электоральных размежеваний обусловленность факторами социальной стратификации отсутствовала, тогда как на выборах 2011 г. социально-экономическое противостояние между «Яблоком» и «Справедливой Россией» (третий по значимости фактор — 14,78 % дисперсии) коррелировалось с уровнем экономической самостоятельности населения ($|St.Beta|=0,662$). Но в целом усиление социальной обусловленности голосования в Северной Осетии было очевидным.

Все это вывело Северную Осетию из самого депрессивного по уровню политической конкуренции кластера, поставив чуть ли не на одну ступень с Сахалинской областью, принадлежавшей на выборах 2011 г. к наиболее «продвинутому». Правда, в какой-то степени это сближение объяснялось повышением роли административного ресурса на выборах в Сахалинской области, проявившемся как в увеличении процента проголосовавших за «Единую Россию» (с 41,91 до 50,18 %), так и в резком росте корреляции между явкой и голосованием за «партию власти» (с 0,177 до 0,763) — при общем падении явки (более чем на 20 %) и доли первого электорального размежевания в общей дисперсии (с 38,08 до 27,76 %). Это размежевание имело четкую властно-оппозиционную окраску (корреляция с авторитарно-демократическим политическим размежеванием — 0,923), однако в социальном плане было связано не с уровнем экономической активности (вторым по значимости фактором социальной стратификации), как в 2011 г., а с долей русского населения — седьмым по значимости, объяснявшим всего 4,85 % дисперсии. Это значит, что власть, сделав ставку на низкую явку, не стала включать на полную мощность административный ресурс, а сосредоточилась на работе с «глубинкой», где доля русского населения в целом выше (в этом особенность Сахалина — как, наверное, и многих других районов Дальнего Востока: нерусское население здесь составляют в основном не местные, а приезжие, то есть люди относительно активные и самостоятельные).

Правда, стало более политически осмысленным второе электоральное размежевание: если в 2011 г. модуль коэффициента корреляции между ним и социально-экономическим по-

литическим размежеванием был невелик (0,278) — «Правое дело», ЛДПР и «Патриоты России» противостояли «Справедливой России» и «Единой России», — то в 2012 г. модуль вырос до 0,485, что обеспечилось конфронтацией между «Яблоком» и «Правым делом», с одной стороны, и КПСС и ЛДПР, с другой. При этом из обуславливающих данное электоральное размежевание факторов социальной стратификации исчез уровень урбанизации — остались только уровень экономической самостоятельности ($|\text{St.Beta}|=0,470$) и уровень благоустроенности ($|\text{St.Beta}|=0,411$).

Зато именно уровень урбанизации стал предиктором для третьего электорального размежевания ($|\text{St.Beta}|=0,562$), имевшего слабо выраженную корреляцию все с тем же социально-экономическим политическим размежеванием ($|\text{R}|=0,393$) — между долей недействительных бюллетеней и «Правым делом», с одной стороны, и «Патриотами России» и ЛДПР, с другой.

Можно считать, что на Сахалине второе электоральное размежевание выборов-2011 разделилось в 2012 г. на два, каждое из которых приобрело более явное политическое наполнение.

Неоднозначными оказались изменения в структуре электоральных размежеваний в Саратовской области. С одной стороны, там на 18 % снизилась явка, несколько уменьшилась корреляция между явкой и голосованием за «Единую Россию» (с 0,867 до 0,622), с двух до трех увеличилось число электоральных размежеваний, доля объясненной дисперсии первого из которых, властно-общественного, составляла уже не 68,74, а «всего» 50,16 %. С другой стороны, если в 2011 г. первое электоральное размежевание зависело от уровня урбанизации ($|\text{St.Beta}|=0,509$), то в 2012 г. оно не было связано ни с одним из факторов социальной стратификации, а это означает, что доминирование «Единой России» обеспечивалось на этот раз самым грубым методом — «ковровыми» приписками, и в деревне, и в городе.

Что касается второго электорального размежевания, то в 2011 г. в Саратовской области оно выражалось в значительном разбросе долей недействительных бюллетеней, не имевшем отношения к социальной стратификации. В 2012 г. и второе, и третье электоральные размежевания отличались очевидностью социальной подоплеки (второе обуславливалось уровнем урбанизации и демографическими характеристиками, третье — уровнем урбанизации), чего нельзя сказать об их политическом аспекте: с идеологической точки зрения противостояние между КПРФ и РПР-ПАРНАС, с одной стороны, и «Справедливой Россией», с другой (второе размежевание), или КПРФ и «Справедливой Россией», с одной стороны, и РПР-ПАРНАС и «Единой Россией», с другой (третье), интерпретируются плохо.

А вот в Удмуртии, Краснодарском крае и Пензенской области изменения по сравнению с 2011 г. были минимальными. Структура электоральных размежеваний там осталось практически той же самой — как с количественной, так и с качественной точки зрения: во всех трех регионах первое размежевание имело властно-общественный характер, второе — преимущественно социально-экономический (между социал-патерналистами и либералами-рыночниками).

В Удмуртии явка снизилась на 19 %, доля объясненной дисперсии первого электорального размежевания — с 58,76 до 53 %, при этом корреляция между явкой и голосованием за «Единую Россию», напротив, увеличилась с 0,797 до 0,86. Кроме того, политизировалось второе электоральное размежевание: в 2011 г. оно сводилось к колебаниям доли недействительных бюллетеней, в 2012-м же представляло собой противостояние коммунистической и некоммунистической оппозиции — КПРФ и «Коммунистов России», с одной стороны, и «Патриотов России», «Справедливой России», «Яблока» и РЭП «Зеленые», с другой.

Что касается социальной обусловленности электоральных размежеваний, то по сравнению с 2011 г. она сильно оскудела. Тогда первое электоральное размежевание было связано

сразу с тремя стратификационными факторами (уровень урбанизации, уровень экономической занятости и доля русского населения), второе — с двумя (уровень благоустроенности и доля русского населения). В 2012 г. все стало проще: первое электоральное размежевание зависело только от уровня урбанизации, второе — от доли русского населения. Подобное упрощение можно считать следствием «точечного» ужесточения административного ресурса: давить было решено прежде всего на сельское, преимущественно удмуртское, население, которое, однако, выражало умеренный протест голосованием за партии с коммунистическими названиями.

Интересны детали изменений, произошедших со структурой электоральных размежеваний в Пензенской области. В этом регионе доля первого, властно-общественного, электорального размежевания в общей дисперсии не снизилась, а увеличилась — с 75,9 до 82,5 %, несколько поменяв социальную подоплеку: в 2011 г. оно зависело от уровня урбанизации и национального состава населения, в 2012-м — от уровня урбанизации и уровня благоустроенности.

При этом четкую политическую и социальную окраску приобрело второе электоральное размежевание. В 2011 г. оно проявлялось только в разбросе долей недействительных бюллетеней и не было связано ни с одним из факторов социальной стратификации. В 2012 г. его связь с социально-экономическим политическим размежеванием стала более выраженной ($|R|=0,571$) — решающая роль по-прежнему принадлежала разбросу долей недействительных бюллетеней, однако слабо просматривалось и противостояние между ЛДПР и «Коммунистами России», с одной стороны, и «Яблоком» и Партией пенсионеров России, с другой. Появились у этого размежевания и социальные предикторы — демографические характеристики и уровень благоустроенности. Это также могло явиться следствием «точечного» административного давления на наименее защищенную часть населения, способную, тем не менее, выразить протест порчей бюллетеней либо голосованием за маргинальные партии.

Меньше всего изменилась ситуация в Краснодарском крае. Здесь, правда, весьма существенно сократилась явка (на 25 %) и снизилась корреляция между явкой и голосованием за «Единую Россию» (с 0,693 до 0,399), однако суть происходящих процессов осталась прежней: первое электоральное размежевание все так же имело властно-общественный, а второе — западническо-самобытный характер. Причем первое электоральное размежевание, как и в 2011 г., не было связано ни с одним из факторов социальной стратификации, второе же «обеднело»: если в 2011 г. оно зависело и от уровня урбанизации, и от уровня благоустроенности, и от национального состава населения, то в 2012 г. — только от уровня урбанизации. Это свидетельствует о том, что административный нажим на избирателя в крае не только не ослабел, но, пожалуй, приобрел еще более грубые формы.

Выборы 2013 г.

Количество значимых электоральных размежеваний в 16 регионах, где 8 сентября 2013 г. прошли выборы в законодательные собрания, варьировалось от двух в Чечне, Башкортостане, Кемеровской и Ростовской областях до шести во Владимирской области, политических — от двух в Хакасии и Кемеровской области до пяти в Ивановской, Иркутской и Ярославской областях. Если уменьшение количества электоральных и политических размежеваний можно считать результатом жесткого административного контроля за голосованием, то увеличение — следствием дезориентации избирателя и случайности сделанного им выбора.

Вообще-то увеличить либо уменьшить количество политических и электоральных размежеваний можно искусственно, сугубо административными методами, однако с первыми и

то и другое сделать легче, чем со вторыми. Чтобы уменьшить количество электоральных размежеваний, необходимо взять под контроль не только избирательные комиссии, но и всю политическую жизнь региона, чтобы увеличить — отпустить вожжи со всеми вытекающими отсюда рисками для власти.

С политическими размежеваниями проще: например, чтобы сделать политическое пространство двумерным, достаточно снять с выборов либеральные партии и вообще сократить до минимума число участников выборов, а чтобы, наоборот, максимально увеличить число измерений, надо лишь заполнить избирательные бюллетени массой партий-«пустышек». Ни то ни другое не требует особых затрат и не влечет особых рисков.

Поскольку число субъектов Федерации, где состоялись выборы в региональные собрания, на этот раз довольно значительно, то полученные данные были подвергнуты не только факторному, корреляционному и регрессионному, но и кластерному анализу. Предварительно построенная дендрограмма показывает, что изученные случаи легко разбиваются на два, три и четыре кластера.

Разделение на два кластера сразу же отделяет от всех остальных регионов Чечню, Башкортостан и Кемеровскую область. Напомним, что по итогам выборов 2011 г. Чечня оказалась в наименее конкурентном кластере, а Башкортостан и Кемеровская область — в третьем с конца (там, где, несмотря на давление административного ресурса, все же оставалось место для второго электорального размежевания) [Коргунюк 2014]. В 2012 г. во всех трех регионах отмечена высокая явка (62,13 % — в Башкирии, 76,66 % — в Кемеровской области, 92,46 % — в Чечне), крупная доля первого, властно-общественного, электорального размежевания в общей дисперсии (Башкирия — 46,67 %, Чечня — 67,99 %, Кемеровская обл. — 74,55 %) и, наоборот, небольшая — второго (Кемеровская обл. — 9,37 %, Башкортостан — 12,39 %, Чечня — 14,68 %). Число электоральных размежеваний нигде не превышало двух, а количество политических варьировалось от двух в Кемеровской области до трех в Чечне и Башкортостане. Все это свидетельствует о жестком административном контроле за всеми этапами выборного процесса в данных регионах.

Однако между этими случаями есть и существенные отличия. Так, только в Башкортостане второе электоральное размежевание носило ярко выраженный социально-экономический характер и заключалось в противостоянии между КПРФ и «Гражданской платформой». В политическом пространстве Чечни и Кемеровской области размежевание между социал-патерналистами и либералами-рыночниками отсутствовало.

Что касается социальной обусловленности электоральных размежеваний, то в Башкортостане и Кемеровской области первое, властно-общественное, было связано с уровнем урбанизации (в Башкортостане еще и с уровнем благоустроенности), в Чечне — с уровнем экономической активности. Второе размежевание в Кемеровской области зависело от уровня урбанизации, в Башкортостане — от демографических характеристик и уровня экономической активности, в Чечне — от демографических характеристик и уровня благоустроенности.

Таким образом, в Башкортостане и Кемеровской области структура электоральных размежеваний не претерпела серьезных изменений (в Кемеровской области так и вовсе почти никаких), Чечня же шагнула из самой неконкурентной зоны в почти «среднячки». Прежде всего, с 99 с лишним до 92,5 % снизилась явка и с 99 до 86 % — голосование за «Единую Россию». Так что если в 2011 г. всем остальным партиям приходилось бороться лишь за десятые доли процента голосов, то в 2013-м — как минимум за 14 %. В итоге две «оппозиционные» партии — «Патриоты России» и «Справедливая Россия» — набрали соответственно 5,07 и 7,27 %. Более того, если в 2011 г. корреляция между явкой и голосованием за «Единую Россию» хотя была не слишком сильной, но все же имела положительный знак ($R=0,615$), то в 2013-м она стала отрицательной ($R=-0,642$).

Более близкой к третьему, малоконкурентному, кластеру образца 2011 г. оказалась и структура размежеваний. Хотя на выборах-2011 в Чечне было выявлено три электоральных размежевания, а в 2013-м — только два, однако «многофакторность» 2011 г. объяснялась исключительно мизерностью дисперсии (в пределах десятых долей процента), тогда как в 2013 г. конфигурация приняла если не «башкирские», то как минимум «кемеровские» очертания. Усилилась и связь электоральных размежеваний со структурой социальной стратификации: в 2011 г. оба первых электоральных размежевания были связаны с одним стратификационным фактором (первое — с уровнем экономической активности, второе — с демографическими характеристиками), в 2013-м — с двумя (первое — с уровнем экономической самостоятельности населения и уровнем предпринимательской активности; второе — с уровнем телефонизации и уровнем оседлости населения). Впрочем, уровень политической конкуренции в республике повысился с разрешения начальства — в качестве подачи Р.Кадырова тем или иным региональным партийным лидерам.

Второй кластер (13 регионов) делится на три подкластера.

В первый из них вошли Хакасия, Ивановская область и Забайкальский край. На выборах 2011 г. Хакасия входила в самый большой и самый усредненный по характеристикам кластер (второй по уровню политической конкуренции), Ивановская область и Забайкальский край — в наиболее конкурентный. На этот раз все три случая объединила относительно низкая явка (от 34,66 % в Забайкальском крае до 38,36 % в Хакасии), не очень большая доля первого электорального размежевания в общей дисперсии (от 34,2 % в Хакасии до 38,2 % в Ивановской области) и относительно крупная доля второго (от 18,25 % в Ивановской области до 25,35 % в Хакасии). Во всех трех регионах присутствовало также третье электоральное размежевание, а в Ивановской области — даже четвертое.

Что же касается политических размежеваний, то в Хакасии их было всего два (из-за недопуска к выборам либеральных партий), в Забайкальском крае — три, а в Ивановской области — целых пять (из-за большого числа участников: всего к выборам было допущено 20 партий, 12 из которых, включая партию «Против всех», вместе набрали немногим более 1 %).

Есть и другие различия. В Ивановской области и Забайкальском крае зафиксирована высокая корреляция между явкой и голосованием за «Единую Россию» — соответственно 0,807 и 0,748, тогда как в Хакасии она была несущественной — 0,227. Вообще первое электоральное размежевание в Хакасии мало напоминало классическое властно-общественное, выражающееся в противостоянии между «Единой Россией» (как вариант — в компании с кем-нибудь из сателлитов, чаще всего «Родиной») и остальными участниками выборов. Модуль корреляции между первым электоральным размежеванием и авторитарно-демократическим политическим составил всего 0,359, в целом же оно выражалось в противостоянии между «Единой Россией» и «Коммунистами России», с одной стороны, и «Патриотами России», РЭП «Зеленые», Партией пенсионеров России и «Справедливой Россией», с другой. Зато неожиданно сильной оказалась связь с авторитарно-демократическим размежеванием у третьего электорального ($|R|=0,662$), фактически сводящегося к противостоянию между «Единой Россией» и ЛДПР.

В Забайкальском крае второе электоральное размежевание имело четко выраженный социально-экономический характер ($|R|=0,842$), несмотря на то что фактически оно представляло собой противостояние между «Справедливой Россией», «Гражданской платформой» и РЭП «Зеленые», с одной стороны, и КПСС, с другой. А вот в Ивановской области более всего с противостоянием социал-патерналистов и либеральных рыночников коррелировалось четвертое электоральное размежевание ($|R|=0,581$): КПРФ и КПСС против «Яблока», «Спра-

ведливой России» и партии «Против всех» (позиционировавшей свою платформу как либерально-консервативную).

Во всех трех регионах как минимум два первых электоральных размежевания обуславливались факторами социальной стратификации. Первое электоральное размежевание везде было связано с уровнем урбанизации, в Хакасии и Ивановской области — также с уровнем инвестиций, в Забайкальском крае — с целым букетом факторов: состоянием дорожной сети, освоенностью территории и уровнем бюджетной поддержки. Второе электоральное размежевание в Ивановской области и Забайкальском крае зависело от уровня урбанизации и уровня благоустроенности (плюс к этому в Ивановской области от демографических характеристик и уровня экономической активности, в Забайкальском крае — от уровня бюджетной поддержки), в Хакасии — от демографических характеристик. Наконец, в Хакасии и Ивановской области социально обусловленным оказалось также третье электоральное размежевание (в Хакасии — демографическими характеристиками, в Ивановской области — ими же и уровнем урбанизации), а в Ивановской области — и четвертое (уровнем урбанизации и уровнем благоустроенности).

Достаточно конкурентным можно считать и второй подкластер, состоящий из шести областей — Архангельской, Владимирской, Иркутской, Смоленской, Ульяновской и Ярославской. На выборах 2011 г. только один из этих регионов — Владимирская область, — принадлежал к самому конкурентному кластеру, еще четыре — Архангельская, Иркутская, Смоленская и Ярославская области — к самому большому, усредненному (второму по уровню конкурентности), а Ульяновская область — и вовсе к малоконкурентному.

Во всех шести случаях была зафиксирована низкая явка (от 25,31 % в Архангельской области до 35,73 % в Ульяновской), большое количество электоральных размежеваний (в Ульяновской области — три, в Архангельской, Смоленской и Ярославской — четыре, в Иркутской — пять, во Владимирской — шесть) и почти такое же число политических (в Смоленской и Ульяновской областях — три, в Архангельской и Владимирской — четыре, в Иркутской и Ярославской областях — пять). Во всех шести регионах наблюдалась сильная корреляция между явкой и голосованием за «Единую Россию» — от 0,626 в Архангельской области до 0,946 в Ульяновской — при относительно небольшой доле первого электорального размежевания в общей дисперсии — за исключением Ульяновской области (54,75 %; во Владимирской области, напротив, всего 24,27 %).

С другой стороны, связь между первым электоральным размежеванием и авторитарно-демократическим политическим отношением не везде была ярко выражена. Только в Смоленской и Ульяновской областях ее модуль приближался к 0,7, в Ярославской области он составил всего 0,414 (в компании с «Единой Россией» оказались «Партия за справедливость!», КПСС, ЛДПР, «Коммунисты России» и даже недействительные бюллетени), в Архангельской и того меньше — 0,383 («Единая Россия», АПР и КПСС против «Яблока», РЭП «Зеленые» и КПРФ).

А вот с социально-экономическим политическим размежеванием были связаны (причем не везде особенно сильно) только второе электоральное в Иркутской и Ульяновской областях, третье — в Смоленской и четвертое — в Архангельской.

Первое электоральное размежевание везде обуславливалось уровнем урбанизации, в Архангельской и Смоленской областях — также демографическими характеристиками, во Владимирской и Ярославской — уровнем экономической активности, в Ульяновской и Иркутской — демографическими характеристиками и уровнем экономической активности.

Второе электоральное размежевание в трех регионах — Архангельской, Смоленской и Ульяновской областях — не было связано ни с одним из факторов. В Иркутской и Ярослав-

ской областях оно обуславливалось демографическими характеристиками и уровнем экономической активности, во Владимирской — только демографическими характеристиками.

Третье электоральное размежевание имело социальную подоплеку во Владимирской, Смоленской и Ульяновской областях (уровень экономической активности, во Владимирской области — он же и уровень урбанизации), четвертое — только в Архангельской (уровень экономической активности) и Иркутской областях (демографические характеристики).

Наконец, в последний подкластер вошли четыре региона: Бурятия, Калмыкия, Якутия и Ростовская область. На выборах 2011 г. Бурятия, Якутия и Ростовская область входили в самый крупный, усредненный, кластер, а Калмыкия — в малоконкурентный.

Этим регионам были присущи повышенный уровень явки (от 44,37 % в Ростовской области до 52,33 % в Калмыкии) и сильная корреляция между явкой и голосованием за «Единую Россию» (от 0,699 в Якутии до 0,845 в Калмыкии), а также «классическая» для России в целом структура электоральных размежеваний: первое электоральное размежевание — властно-общественное (модуль корреляции с авторитарно-демократическим политическим размежеванием — от 0,554 в Бурятии до 0,881 в Калмыкии), второе — либерально-патерналистское (лишь в Калмыкии модуль корреляции с социально-экономическим политическим размежеванием составил всего 0,275; в Якутии — 0,6, в Ростовской области — 0,735).

В целом же количество электоральных и политических размежеваний в третьем подкластере было «средним по больнице»: в Калмыкии и Якутии — три электоральных и столько же политических, в Бурятии — три электоральных и четыре политических, в Ростовской области — два электоральных и три политических.

Что касается социальной обусловленности, то в Ростовской области первое электоральное размежевание не зависело ни от одного из факторов социальной стратификации, в Калмыкии оно было связано с демографическими характеристиками, в Якутии — с уровнем благоустроенности, в Бурятии — с уровнем урбанизации и уровнем благоустроенности.

Второе размежевание в Ростовской области обуславливалось уровнем урбанизации, демографическими характеристиками и уровнем экономической активности. В этом плане данный регион оказался очень похож на Краснодарский край в 2012 г. — там властно-общественное размежевание тоже не было связано ни с одним из факторов социальной стратификации, что свидетельствует о «ковровых» приписках в пользу «Единой России»; зато второе размежевание имело отчетливый социально-экономический характер и зависело от уровня урбанизации. В Калмыкии второе размежевание в 2012 г. было связано с уровнем благоустроенности, в Бурятии и Якутии — с демографическими характеристиками и уровнем экономической активности.

Из тех регионов, где обнаружилось третье электоральное размежевание, только в Якутии оно проявило признаки социальной обусловленности — уровнем урбанизации и уровнем экономической активности.

В общем, именно этот подкластер можно считать наиболее усредненным, промежуточным между Чечней, Башкортостаном и Кемеровской областью и всеми остальными. Недаром при разделении совокупности на три кластера Башкирия оказалась в одной группе с Бурятией, Калмыкией, Якутией и Ростовской областью.

Выборы 2014 г.

14 сентября 2014 г. состоялись выборы в региональные собрания 14 субъектов Федерации: Республики Алтай, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Крыма, Марий Эл, Татарстана, Тувы, Хабаровского края, Брянской, Волгоградской и Тульской областей, Москвы, Севастополя и Ненецкого автономного округа. Из подлежащих анализу следует сразу исклю-

чить Москву, поскольку выборы здесь проводились только по одномандатным округам. Данные, полученные в этих округах, невозможно подвергнуть факторному анализу в рамках всего города — по чисто техническим причинам.

В остальных 13 регионах количество электоральных размежеваний варьировалось от одного (Татарстан) до пяти (Республика Алтай), политических, как упоминалось ранее, от двух до трех. Введение сбора подписей для партий, не представленных в региональных парламентах, и общее ужесточение требований сказались прежде всего на политических, а не электоральных размежеваниях — видимо, потому, что от участия в выборах отсекались в первую очередь либеральные партии, чье присутствие в бюллетенях для голосования увеличивало возможность появления в политическом пространстве социально-экономического измерения.

На этапе построения регрессионной модели, выявляющей связи между электоральными размежеваниями и социальной стратификацией, из анализа пришлось исключить Крым, Севастополь и Ненецкий автономный округ: для первых двух субъектов отсутствуют сопоставимые с прочими регионами демографические и социально-экономические данные, а со статистикой НАО невозможно работать из-за слишком малого числа муниципальных образований на его территории (таковых всего два — город Нарьян-Мар и Заполярный муниципальный район).

Таким образом, кластерному анализу подверглись лишь 10 регионов. В итоге выявлены три кластера и два отдельных случая (Татарстан и Марий Эл).

В первый кластер вошли Республика Алтай и Брянская область. Напомним, что в 2011 г. оба этих региона входили в третий, малоконкурентный, кластер. На этот же раз только в этих двух — из рассматриваемых регионов — имело место целых три политических размежевания. Что касается электоральных размежеваний, то в Республике Алтай их число было самым большим (пять), а в Брянской области — средним по России (три). Средней была и явка избирателей: 54,1 % в Республике Алтай и около 50 % в Брянской области. В остальном характеристики этих регионов существенно различались. Например, в Брянской области первое электоральное размежевание («Единая Россия» против всех) объясняло 47,92 % дисперсии и было тесно связано с авторитарно-демократическим политическим, а в Республике Алтай — всего 27,26 % и не имело внятной политической интерпретации, сведясь к противостоянию между «Справедливой Россией», «Партией за справедливость!», с одной стороны, и КПРФ, РПР-ПАРНАС, ЛДПР и РЭП «Зеленые», с другой. Кроме того, в Брянской области корреляция между явкой и голосованием за «Единую Россию» составляла 0,803, а в Республике Алтай она стремилась к нулю ($R=-0,002$).

Зато в отличие от Брянской области, где не прослеживалось никакой связи между первым электоральным размежеванием и факторами социальной стратификации (явный признак грубого приписывания голосов «Единой России»), в Республике Алтай это размежевание оказалось обусловлено сразу и фактором урбанизации, и демографическими характеристиками (за «справедливые» партии лучше голосовали в «национальной» сельской глубинке и хуже в городах). Демографическими характеристиками было обусловлено в республике и третье электоральное размежевание — между «Яблоком» и отчасти «Справедливой Россией», с одной стороны, и «Единой Россией», с другой; оно же в известной степени коррелировалось с системным ($R=0,49$) и авторитарно-демократическим ($R=0,53$) политическими размежеваниями. Так или иначе, Республика Алтай подтвердила репутацию региона, электоральная политика которого определяется клановыми противоречиями (каждый из «родовых» кланов связан с той или иной партией, отсюда и резкие перепады в голосовании за ту же «Справедливую Россию» и мимикрирующую под нее «Партию за справедливость!»), из-под

которых, однако, время от времени выглядывают общероссийские политические противостояния.

В свою очередь, в Брянской области социально обусловленным оказалось второе электоральное размежевание (уровнем урбанизации и уровнем экономической занятости) — между «Гражданской платформой», Российской партией пенсионеров за справедливость и КПРФ, с одной стороны, и «Справедливой Россией», «Коммунистами России» и ЛДПР, с другой. Это размежевание неплохо коррелировалось также с системным ($R=0,625$) и социально-экономическим ($R=0,544$) политическими измерениями. Правда, сильная корреляция с системным размежеванием объяснялась всего лишь невыраженной позицией ГП и РППЗС по «украинскому вопросу».

Второй кластер составили едва ли не самые проблемные в электоральном плане регионы страны — Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и Тува. В 2011 г. первые два субъекта принадлежали к самому неконкурентному кластеру, а Тува — к третьему, малоконкурентному. В 2014 г. явка везде была существенно выше средней — от 67,56 % в Карачаево-Черкесии до 80,53 % в Туве. Политических размежеваний везде по два, электоральных — два в Карачаево-Черкесии и по три в Кабардино-Балкарии и Туве. Корреляция между явкой и голосованием за «Единую Россию» была высокой только в Туве ($R=0,644$), в Карачаево-Черкесии она составила лишь 0,402, а в Кабардино-Балкарии и вовсе -0,015. Во всех трех регионах первое электоральное размежевание носило выраженный властно-общественный характер (корреляция с авторитарно-демократическим политическим размежеванием — от 0,716 в Кабардино-Балкарии до 0,84 в Карачаево-Черкесии; в Карачаево-Черкесии первое электоральное размежевание было также сильно связано с системным — $R=0,613$).

Однако сами по себе эти цифры мало о чем говорят. Например, в Карачаево-Черкесии ни одно из электоральных размежеваний не было обусловлено социально, а значит, все проявившиеся политические симпатии в лучшем случае отражали предпочтения руководства избирательных комиссий. Как и в 2011 г., Карачаево-Черкесия оказалась едва ли не самым «запущенным» в электоральном плане регионом.

В Кабардино-Балкарии социально обусловленным — уровнем инвестиций и уровнем урбанизации — было только второе электоральное размежевание, не имевшее, впрочем, выраженного политического характера: «Яблоко» и КПРФ противостояли ЛДПР.

В Туве же, напротив, все три электоральных размежевания были связаны с теми или иными факторами социальной стратификации: первое (властно-общественное) — с уровнем урбанизации и уровнем предпринимательской активности, второе (либерально-патриотическое — РПР-ПАРНАС против остальных; корреляция с системным политическим размежеванием — $R=0,817$) — с уровнем урбанизации и демографическими характеристиками, третье («Справедливая Россия» против «Единой России», «Коммунистов России» и «Патриотов России»); корреляция с авторитарно-демократическим политическим — $R=0,653$) — с уровнем предпринимательской активности и уровнем экономической самостоятельности. В 2011 г. в республике наблюдалось только два электоральных размежевания, причем социально обусловленным (демографическими характеристиками) было только первое из них — властно-общественное. Так что повышение уровня политической конкуренции по сравнению с думскими выборами здесь налицо.

В третий кластер вошли Хабаровский край, Волгоградская и Тульская области. Политических размежеваний везде было по два, электоральных — четыре в Хабаровском крае и по три в двух других регионах. Явка ниже средней: наименьшая в Хабаровском крае (25,45 %, но при высокой корреляции с голосованием за «Единую Россию» — $R=0,818$), чуть больше в Волгоградской области (36,59 %; корреляция с голосованием за ЕР — $R=0,542$) и наибольшая в Тульской области (40,52 %, при почти нулевой корреляции с голосованием за

ЕР — $R=0,09$). Во всех трех регионах первое электоральное размежевание отчетливо коррелировалось с авторитарно-демократическим политическим и было обусловлено социальными факторами (уровнем урбанизации в Хабаровском крае и Волгоградской области, кроме того, в Хабаровском крае — уровнем благоустроенности, а в Волгоградской области — демографическими характеристиками; в Тульской области — только уровнем экономической активности).

Социально обусловленными везде оказались также второе и третье размежевания: второе — уровнем урбанизации (Волгоградская и Тульская области) и уровнем благоустроенности (Хабаровский край), третье — уровнем урбанизации и демографическими характеристиками (Волгоградская область), уровнем благоустроенности (Тульская область), уровнем экономической активности и уровнем благоустроенности (Хабаровский край). С политическим наполнением этих размежеваний, однако, дело обстояло хуже: в Хабаровском крае ни то ни другое не имело четких связей с политическими противостояниями, в Волгоградской и Тульской областях формально наблюдалась средневывраженная корреляция с системным размежеванием, но это было связано скорее с присутствием на одном из полюсов «Яблока» — единственной либеральной партии, допущенной в этих регионах к выборам.

Напомним, что на думских выборах 2011 г. все три региона входили в усредненный кластер. В 2014-м они оказались самыми конкурентными.

Что касается двух особняком стоящих случаев, то Татарстан подтвердил репутацию электорально управляемого региона — очень высокая явка (80,36 %), тесная связь между явкой и голосованием за «партию власти» ($R=0,937$), одно электоральное размежевание отчетливо властно-общественного характера (корреляция с авторитарно-демократическим политическим измерением — $R=0,889$, с системным и того выше — $R=0,97$). Как и в 2011 г., это единственное электоральное размежевание было обусловлено сразу тремя факторами социальной стратификации: уровнем урбанизации, демографическими характеристиками и уровнем экономической занятости. В этом регионе все осталось по-прежнему.

А вот в Марий Эл, принадлежавшей в 2011 г. к тому же, что и Татарстан, второму снизу по уровню конкуренции кластеру, произошли некоторые подвижки. Во-первых, здесь резко упала явка — с 75,7 до 41,67 %, во-вторых, появилось второе электоральное размежевание, имеющее связь (пусть и довольно слабую — $R=0,429$) с социально-экономическим политическим измерением и социально обусловленное демографическими характеристиками. При этом первое электоральное размежевание, коррелирующееся не только с авторитарно-демократическим ($R=0,634$), но и, весьма тесно, с системным политическим размежеванием ($R=0,736$), на этот раз, в отличие от 2011 г., было обусловлено одновременно и уровнем урбанизации, и уровнем предпринимательской активности. В общем, стоило властям перестать усердствовать с обеспечением явки, и структура электоральных размежеваний в республике сразу приблизилась к общероссийской.

О положении дел в Крыму, Севастополе и Ненецком АО можно судить только по явке, корреляции между явкой и голосованием за «Единую Россию», количеству электоральных и политических размежеваний, а также корреляции между двумя этими видами размежеваний.

Явка в Крыму и Севастополе была средней по стране — соответственно 53,56 и 48,49 %, в Ненецком АО немного ниже — 41,47 %; корреляция между явкой и голосованием за «партию власти» — не сильно выраженной: $R=0,456$ в Крыму, $R=0,352$ в Севастополе, $R=0,515$ в Ненецком АО. Факторный анализ выявил по два электоральных размежевания в НАО и Севастополе и четыре в Крыму, а политических — два в Севастополе и по три в Крыму и Ненецком АО (что составляет половину всех случаев трехмерности политического пространства).

В Крыму и Ненецком АО первое электоральное размежевание было тесно связано с авторитарно-демократическим политическим (в Крыму также с системным, но это получилось из-за того, что в одной компании с «Единой Россией» оказалась ДПР, всячески избегавшая обозначения своей позиции по «украинскому вопросу»). Второе электоральное размежевание ни там ни там не имело сколько-нибудь внятной корреляции ни с одним из политических, третье и четвертое в Крыму также не поддавались политической интерпретации. В Севастополе же политической окраски не имело ни первое, ни второе электоральное размежевание.

Кластерный анализ всех 13 регионов без учета связей между электоральными размежеваниями и социальной стратификацией привел к тому, что Севастополь и НАО вошли в одну группу с Марий Эл, а Крым — с Республикой Алтай, Хабаровским краем, Брянской, Волгоградской и Тульской областями.

Таким образом, каким бы странным это ни показалось, в плане электоральных размежеваний Севастополь и Крым существенно отличаются друг от друга. Впрочем, странным это может казаться только на первый взгляд: по территориальной структуре Крым намного ближе к любому другому субъекту РФ, чем Севастополь, — здесь есть города и села, местности, населенные преимущественно крымскими татарами и населенные преимущественно русскими, и т. д. Севастополь же, будучи намного более однородным по демографическому составу своих жителей, напоминает скорее Москву и Санкт-Петербург, поэтому и сравнивать его логичнее с ними.

Заключение

Возвращаясь к вопросу о влиянии партийной реформы 2012–13 гг. на структуру электоральных размежеваний, можно лишь повторить, что если целью инициаторов реформы было окончательно сбить с толку всех подряд, то они своего добились. Разобраться, кто есть кто, трудно даже специалисту, вооруженному методами статистического анализа, — что уж говорить о неискушенном избирателе. Увеличение числа участников избирательного процесса за счет мнимых партийных величин повлекло умножение измерений политического пространства и косвенно — рост количества электоральных размежеваний (корреляция между количеством электоральных и политических размежеваний на выборах 2012–14 гг. хотя и не очень велика, но все-таки достаточно значима — $R=0,527$).

Если в некоторых регионах и наблюдалось повышение уровня политической конкуренции, то среди его причин следует числить не столько допуск к выборам новых участников, сколько ослабление нажима на зависимых от государства избирателей: власти уже не гнали на выборы всех поголовно, заставляя голосовать за «Единую Россию» (и не обязывали избирательные комиссии любой ценой обеспечить «партии власти» не менее 70 % голосов), а ограничивались «точечным» давлением — в отдельных местах и на отдельные категории бюджетников.

Региональные выборы 2012–14 гг. можно также считать опытным полем для обкатки новых (а точнее, подзабытых старых) подходов к обеспечению нужных для верхов результатов. Выборы показали, что этих результатов можно добиться не только закручиванием гаек, но и частичным их ослаблением. Можно со скандалом снимать с регистрации неудобные партии, а можно запустить нескольких спойлеров и получить на выходе то, что требовалось. Можно искусственно «натягивать» явку до 99 %, а можно, наоборот, сбить ее до 25 % и все равно обеспечить «Единой России» большинство в региональном парламенте.

Впрочем, не стоит преувеличивать креативность властей: во многих регионах они и не думали менять тактику — опыт Башкортостана, Татарстана, Удмуртии, Чечни, Краснодар-

ского края, Кемеровской, Пензенской, Саратовской, Ростовской областей показывает, что там, где начальство не видело смысла отказываться от проверенных способов, оно продолжало их использовать.

К тому же в 2014 г. обозначилась четкая тенденция ужесточения требований к участникам выборов, и это сразу же дало свои результаты: уменьшилось число как электоральных, так и (особенно) политических размежеваний. Однако общий тренд сохранился: регионы по-прежнему делились на те, где власти продолжали держать вожжи натянутыми, и те, где они их немножко отпустили. В первых не изменилось ничего, во вторых произошла не столько либерализация электоральной жизни, сколько выход на первый план межклановых противоречий, особенно очевидный в национальных республиках.

В любом случае, говоря о «партийной реформе» 2012–14 гг., следует заключать это словосочетание в кавычки и трактовать данное мероприятие как очередной маневр правящей бюрократии в долгосрочной стратегии под названием «непредсказуемое изменение процедуры с целью достижения предсказуемого результата».

Анохина Н.В., Мелешкина Е.Ю. 2007. Идеологическое структурирование российского партийного спектра в преддверии избирательного цикла 2007–2008 гг. — *Политэкс.* — № 1. — С. 48–64.

Анохина Н.В., Мелешкина Е.Ю. 2008. Эволюция структуры партийного спектра России накануне парламентских выборов 2007 г. — *Полис. Политические исследования.* — № 2. — С. 17–29.

Ахременко А.С. 2007. *Структура электорального пространства.* — М.: Социально-политическая мысль. — 320 с.

Грачев М.Н. 1995. Особенности современной российской многопартийности. — *Актуальные проблемы гуманитарных наук. Тезисы Всероссийской научной конференции, посвященной 35-летию РУДН (секция «Философия, политика, культура»).* — М.: РУДН. — С. 69–71.

Денисов А.А. 1994. *Глазами народного депутата СССР. Вып. 3.* — СПб.: СПбГПУ. — 114 с.

Калинин К.О. 2009. Эволюция идеологических размежеваний в российской партийной системе: 1995–2003. — *Электоральное пространство современной России. Политическая наука: Ежегодник 2008.* — М.: РОССПЭН. — С. 155–181.

Коргунюк Ю.Г. 2013. Концепция размежеваний и факторный анализ. — *Полития.* — М. — № 3. — С. 31–51.

Коргунюк Ю.Г. 2010. Модель размежеваний и российские выборы: постановка исследовательской задачи. — *Мировой кризис и политические изменения. Политическая наука: Ежегодник 2009 / Российская ассоциация политической науки: [гл. ред. А.И. Соловьёв].* — М.: РОССПЭН. — С. 334–372.

Коргунюк Ю.Г. 2014. Региональная карта электоральных размежеваний по итогам думских выборов 2011 года. — *Полития.* — М. — № 3 (74). — С. 75–91.

Мелешкина Е.Ю., Толпыгина О.А. 2012. Структура партийного спектра России. — *Партийная организация и партийная конкуренция в «недодемократических» режимах.* — М.: РАПН, РОССПЭН. — С. 112–132

Толпыгина О.А. 2012. Динамика проблемных измерений в партийной риторике предвыборных кампаний 2007, 2011 гг. — *Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра.* — М.: КМК. — С. 32–52.

- Budge J., Robertson D., Hearl D. 1987. *Ideology, strategy and party change: Spatial analyses of Post-war election programs in 19 democracies*. — Cambridge: Cambridge univ. press. — 494 p.
- Chugrov S. 1997. *Regional Electoral Behaviour and Russian Nationalism*. The Office of Information and Press, Democratic Institutions Fellowship Programme, NATO. Final Report, June. — 58 p. — Mode of access: <http://www.nato.int/acad/fellow/95-97/chugrov.pdf>. — Проверено: 27.10.2018.
- Korgunyuk Yu. 2014. Cleavage Theory and Elections in Post-Soviet Russia. — *Perspectives on European Politics and Society*. — Leiden. — Vol. 15. — No. 4. — P. 401–415.
- Lijphart A. 1999. *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*. — New Haven and L.: Yale University Press. — 352 p.
- Moreno A. 1999. *Political Cleavages: Issues, Parties, and the Consolidation of Democracy*. — Boulder, CO: Westview Press, 1999. — 205 p.
- Slider D., Gimpelson V.E., Chugrov S. 1994. Political Tendencies in Russia Regions — Evidence from the 1993 Parliamentary Elections. — *Slavic Review*. — Pittsburgh. — Vol. 53. — No. 3. — P. 711–732.
- Stoll H. 2004. *Social Cleavages, Political Institutions and Party Systems: Putting Preferences Back into the Fundamental Equation of Politics. A Dissertation Submitted to the Department of Political Science and the Committee on Graduate Studies in Partial Fulfilment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy*. — Santa Barbara: University of California. — Mode of access: <http://www.polsci.ucsb.edu/faculty/hstoll/research/thesis.pdf>. — Проверено: 29.10.2018.
- Zarycki T. 1999. The New Electoral Geography of Central Europe. — *Research Support Scheme Electronic Library, Open Society Institute, Budapest*. — Mode of access: <http://rss.archives.ceu.hu/archive/00001080/01/80.pdf>. — Проверено: 27.10.2018.
- Zarycki T., Nowak A. 2000. Hidden Dimensions: the Stability and Structure of Regional Political Cleavages in Poland. — *Communist and Post-Communist Studies*. — Oxford. — Vol. 33. — No. 2. — P. 331–354.
- Zarycki T. 2002. Four Dimensions of Center-Periphery Conflict in the Polish Electoral Geography. — *Social Change. Adaptation and Resistance*. — Warsaw: Warsaw University — Institute for Social Studies. — P. 19–38.

ПАРТИЙНАЯ РЕФОРМА И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ

Г.М. Михалева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Бременский университет*

Аннотация: Москва — столица с обилием ресурсов, концентрацией капиталов и элиты, повышенной активностью горожан, поэтому выборы здесь имеют тестовый характер для всей страны. Существенную роль играют глубокие социальные расколы и районная неоднородность. Кроме того, любые выборы в Москве связаны с федеральной повесткой. По жёсткости электорального авторитаризма Москва опережает многие регионы страны, для обеспечения нужного результата власти используют широкий спектр различных ресурсов. Несмотря на предшествующие выборам в Мосгордуму в 2014 году массовые протесты, власти удалось обеспечить необходимый результат, не прибегая к фальсификациям: ни один представитель непарламентской оппозиции мандата не получил.

Ключевые слова: Москва, выборы, неоднородность, административный ресурс, мэр, Московская городская дума, массовые протесты, политическая машина, избирательная кампания, явка, известный результат.

Российские регионы, несмотря на начавшуюся в 2000-х гг. унитаризацию, все еще неоднородны, в том числе и в том, что касается состояния их избирательных и партийных систем. Даже при схожем институциональном дизайне на составе участников, ходе и результатах выборов отражаются социально-экономические характеристики, этнический состав, особенности взаимодействия ведущих акторов, уровень политической конкуренции и активности общественных групп.

Данный раздел посвящен анализу избирательных кампаний и развития партийных систем в различных субъектах Федерации. Регионы не отбирались специально, но даже случайный их набор подтверждают справедливость концепций «четырёх России» [Зубаревич 2010] и «России регионов» [Гельман, Бри 2000].

Для каждого случая (региона) приводятся характеристики социально-экономической и политической ситуации, дается краткий обзор истории выборов и формирования партий. Основное внимание при этом уделено ходу и результатам последних федеральных и региональных кампаний; рассмотрены также итоги муниципальных выборов и выборов глав региона (если таковые имели место).

В результате получилась достаточно пестрая картина: регионы с высоким уровнем конкуренции и протестного голосования, но желательными для власти результатами (Москва, Астраханская область) соседствуют с субъектами Федерации, в которых оппозиционные силы добиваются значительных успехов (Иркутская и Свердловская области), равно как и с теми, где выборы проводятся практически на безальтернативной основе (Башкортостан, Алтайский край). Уже это небольшое число примеров выявляет несинхронность региональных политических процессов и показывает, что федеральному центру, вопреки всем усилиям, не удастся причесать всех под одну гребенку. Потенциал политического разнообразия в регионах остается достаточно высоким.

Выборы в Москве: между полной управляемостью и возвратом к конкурентности

Москва — специфический субъект Федерации. Обилие сконцентрированных здесь финансовых потоков, высокий уровень жизни, большая, чем в других регионах, доля «рассерженных горожан» создают особые условия — в том числе для партий, чьи руководящие органы квартируют именно в столице. Выборы же в Москве во многом рассматриваются властями как тестовые и имеют широкий общественный резонанс.

Вместе с тем в Москве углубляются размежевания и обостряются любые конфликты: самый большой приток внутренних и внешних мигрантов, максимальный разрыв между богатыми и бедными, острые проблемы городской жизни (пробки, парковки, дорожное строительство, вырубка зеленых насаждений, уплотнительная застройка, а в последнее время еще и проблемы Новой Москвы) обуславливают высокий уровень протестной активности и голосования за оппозицию.

Предметом данного исследования являются изменения в партийном спектре Москвы по итогам последних избирательных кампаний.

Особенности социально-экономических и политических процессов в Москве

Агломерационный характер и выполнение столичных функций дают Москве, по определению Н. Зубаревич, «ренту столичного статуса». Крупный бизнес старается быть ближе к Кремлю, Белому дому и мэрии, чтобы лоббировать свои интересы. «Весь постсоветский период Москва сохраняла первое место по показателю коэффициента Джини — соотношения доходов 10 % самых богатых и 10 % самых бедных жителей» [Зубаревич 2012: 6–8]. «Средний доход москвичей превышает среднероссийский в 2,2 раза, но при этом более трети жителей столицы (большой частью пенсионеры) получают поддержку из бюджета города» [Зубаревич 2013: 54].

Зависимые от бюджета граждане — врачи, учителя, коммунальные работники, чиновники, силовики — являются основой электоральной базы «московской политической машины» [Гельман, Бри 2000], «стабильной на протяжении многих лет» [Туровский 2006: 701].

При этом Москва (особенно сейчас, после присоединения новой территории) «весьма неоднородна и включает как высокоурбанизированные районы, так и сельскую местность» [Махрова, Нефедова, Трейвиш 2012: 19–32]. «Ячейки „городской сети“ отличаются по составу населения, стилю и образу жизни» [Рейвин, Терневецкая, Чубукова: 2014].

Территориальную неоднородность дополняет неоднородность социально-культурная, которая определяет политические пристрастия и электоральное поведение московского населения, состоящего из малодинамичного большинства с советскими стереотипами и мобиль-

ного меньшинства, ориентированного на западные стандарты. Кроме того, эти факторы влияют на локализацию протестного поведения.

Московский политический класс отличается непрозрачной многослойной структурой: Кремль, мэрия, руководство партий и несистемной оппозиции, влиятельные бизнес-игроки и т. д. Наличие единого, кремлевского, политического вектора не предохраняет от частых конфликтов, порождаемых несогласованностью действий разных управленческих этажей. Кроме того, Москва еще с лужковских времен привыкла получать карт-бланш при принятии конкретных решений, в том числе касающихся проведения выборов и определения «априори» их победителей.

Общегосударственную повестку дня определяют кроме всего прочего заявления и действия руководства различных партий, протестные акции (и суды над задержанными), имеющие широкий резонанс в СМИ.

Все это сочетается с сетью горизонтальных связей оппозиции и власти, формальными и неформальными контактами, наличием площадок для регулярных встреч представителей конкурирующих групп (редакции СМИ, посольства, конференции и пр.). В последнее время к числу коммуникационных площадок добавились также социальные сети, служащие важным источником информации (и дезинформации).

От «электорального авторитаризма» к фиктивным выборам

Российский режим, по словам В. Гельмана, представляет собой «„электоральный авторитаризм“, играющий по правилам, которые призваны обеспечить инкумбенту победу для: а) эффективного контроля над аппаратом всех уровней и б) внутри- и внешнеполитической легитимизации» [Гельман 2012: 2]. Главными инструментами этого служат «президентализм, субнациональный авторитаризм и доминирующая партия» [Гельман 2012: 4].

Следует отметить, что по степени жесткости электорального авторитаризма столица существенно опережает свою страну. «Уже в 1993 г. были определены институциональные рамки, ограничивающие численность Мосгордумы 35 депутатами; административный ресурс с каждым избирательным циклом применялся все интенсивней; в отсутствие действенного контроля со стороны общественности это привело к формированию парламента с доминирующим большинством» [Любарева 2010]. В 1997 г. на выборах в МГД победил «список Лужкова», в 2001-м — список блока «Отечество — Вся Россия». («Помимо „партии власти“ и коммунистов в этих составах Мосгордумы было представлено и „Яблоко“, а в 2005 г. по списку партии, включавшего также представителей СПС, удалось провести трех депутатов» [Бузин 2014].)

Для достижения таких результатов мэрия применяла целый ряд ресурсов:

- законодательный — ужесточение требований к сбору подписей и проведению агитации, а также повышение барьера для партийных списков (в 2005 г. — до беспрецедентных 10 %), произвольная нарезка округов; назначение выборов на время, неудобное для активной агитации, и т. п. — чтобы отсесть значительную часть потенциальных участников выборов;

- административный — возможности всей исполнительной вертикали (мэрии, префектур, управ, бюджетных учреждений, коммунальных служб, избирательных комиссий всех уровней, правоохранительных органов) — с целью воспрепятствовать оппозиции проводить агитацию и затруднить работу наблюдателей;

- медийно-информационный — использование теле- и радиоканалов как в ходе избирательных кампаний, так и в промежутках между ними (именуемое освещением постоянной деятельности представителей власти); использование для рекламы провластных кандидатов

районных газет и досок объявлений домов, предприятий социальной сферы и торговли пр.; регулярные адресные обращения этих кандидатов к избирателям;

- фальсификационный — широкий спектр нарушений и подтасовок: от «круизного» голосования и голосования на дому до переписывания протоколов в УИКах и ТИКах.

В бытность Ю. Лужкова мэром столицы выборы градоначальника очень напоминали выборы президента в постельщинский период. В 1996 г. действующий глава города получил 87,5 % голосов, в 1999 г. — 69,89 %, в 2003 г. — 74,81 %.

Использование всего спектра указанных ресурсов достигло максимума на излете «лужковской эпохи» — на выборах в Мосгордуму 2009 г. «При этом, конечно, сказались эффекты ужесточения партийного и избирательного законодательства (число потенциальных участников выборов ограничивалось семью партиями), переноса выборов на октябрь (в результате основное время для агитации пришлось на лето) и нарезки одномандатных округов огромных размеров (это благоприятствовало кандидатам с большими административными либо финансовыми ресурсами)» [Кынев 2014: 672–683]. Из семи зарегистрированных партий в выборах участвовало только шесть: «Правое дело», преемник СПС, оказалось не в состоянии сформировать список из-за слабости и внутренних конфликтов. Список «Патриотов России» возглавил председатель партии Г. Семигин, КПРФ и «Яблока» — депутаты МГД Н. Губенко и С. Митрохин, «Справедливой России» и ЛДПР — лидеры этих партий депутаты Госдумы Н. Левичев и В. Жириновский. Показательна первая тройка «Единой России»: мэр Ю. Лужков, его заместитель Л. Шевцова и председатель МГД В. Платонов — при таком составе логично было ждать ударного применения всех ресурсов.

Так и вышло. Оппозиционные кандидаты-одномандатники зарегистрированы не были — им не зачили собранные подписи. Власти провели целенаправленную работу по снижению явки. Всем участникам, кроме представляющих «Единую Россию», чинились всевозможные препятствия — недопуск в официальные СМИ, «утеря» агитационных материалов и билбордов и т. п., что вызывало многочисленные скандалы. Множеством нарушений и фальсификаций ознаменовался и сам день голосования.

В результате «Единая Россия» получила на 12 % больше, чем на думских выборах 2007 г. (66,25%), что противоречило как господствующим электоральным тенденциям, так и логике вообще. Кроме ЕР преодолеть заградительный барьер смогла только КПРФ (13,3 %). «Число кандидатов от власти, победивших в одномандатных округах, достигло абсолютного максимума: 17 из 17. Из 35 депутатов Мосгордумы оппозицию представляли только три представителя КПРФ» [Кынев 2014: 681]¹. Протесты думских фракций КПРФ, ЛДПР и СР, которые 14 октября предприняли демарш — покинули зал заседаний Госдумы, ситуацию не изменили, но, судя по всему, не остались незамеченными избирателями.

В течение последующих двух лет росла уличная активность — как гражданская, так и политическая. «Граждане все чаще протестовали против уплотнительной застройки, сноса памятников архитектуры, вырубки парков и садов» [Michaleva 2012]. «Возникали специализированные гражданские группы — по защите автомобилистов (Федерация автовладельцев России, „Общество синих ведерок“), сохранению памятников архитектуры („Архнадзор“) и др. Радикализировались и регулярно проводили уличные акции неформальные политические партии» [Михалева 2012: 74–95]. В этом отношении показательны несанкционированные протесты в защиту ст. 31 Конституции РФ, которые каждое 31 число организовывали сторонники Э. Лимонова («Другая Россия») и которые каждый раз заканчивались задержаниями участников. Между активистами гражданского и политического протеста постепенно налаживались связи, в том числе через интернет.

¹ Одним из казусов этих выборов был результат на участке, где вместе с семьей голосовал С. Митрохин: во вскрытой урне не было обнаружено ни одного голоса, отданного за «Яблоко».

После отставки в октябре 2010 г. Ю. Лужкова и назначения на его место «варяга» С. Собянина, политическая машина бывшего мэра начала расшатываться. Собянин, которому «пришлось заново отстраивать властную вертикаль» [Иванов, Бекбулатова 2014: 4], мог опираться на поддержку президента Д. Медведева и, что важнее, премьер-министра В. Путина, однако отлаживание собственной машины оказалось сложной задачей.

Выборы как катализатор массовых протестов

В период перед думскими выборами 2011 г. рейтинг президента и власти в целом падал, недовольство москвичей росло. «Оно дало о себе знать незадолго до выборов — 5-тысячным митингом в защиту Химкинского леса» [Gabovich 2013, Михалева 2014: 94–106]. Активисты низовых гражданских групп готовы были участвовать и в электоральном процессе. В предыдущих избирательных циклах наблюдением на выборах занимались только партии, оплачивавшие работу своих наблюдателей, и профильные НКО, в первую очередь «Голос». Накануне выборов 2011 г. число волонтеров, желающих работать наблюдателями, достигло нескольких десятков тысяч. Появились и новые организации — «Росвыборы», «Гражданин наблюдатель», «Сонар» и др. Некоторые из них объединили усилия с партиями-конкурентами ЕР, прежде всего с «Яблоком», КПРФ и «Справедливой Россией». Значительная часть наблюдателей прошла обучение и получила мандаты наблюдателей либо от партии, либо от какого-нибудь СМИ. Одно только «Яблоко» выдало удостоверения более чем 3 тысячам наблюдателей.

Толчком для взрыва общественного возмущения послужило публично высказанное решение В. Путина и Д. Медведева поменяться местами в «тандеме» (24 сентября 2011 г.), т. е. электорату еще до выборов дали понять: его мнение значения не имеет.

Итоги думской кампании в Москве не слишком отличались от общефедеральных, за исключением результата «Яблока» — 8,84 % голосов (по стране — 3,43 %). В ряде округов итоги голосования оказались совершенно неправдоподобными. Так, в Гагаринском округе «Яблоко» получило 20,73 % голосов, тогда как в центре города, на Арбате, в районе, настроенном к власти ничуть не менее критически, — всего 1,8 %. Аналогичные перепады были зафиксированы и на многих соседних, даже располагавшихся в помещении одной школы, участках. «На участках с КОИБаами и без них разница в результатах, полученных КПРФ и „Яблоком“, иногда составляла до 60 % и более» [Киреев 2014]. «Единой России» приписывали «как „ничейные“ голоса, так и отданные за другие партии» [Наш 2011]. Впервые большое количество людей собственными глазами увидели, как фальсифицируются результаты голосования с помощью «каруселей», вбросов, переписывания протоколов в ТИК и т. п.

Нарушения на выборах породили самое массовое с конца 1980-х гг. движение протеста. По данным социологических служб, состав его участников был весьма пестрым, но особенно выделялись благополучные, образованные молодые люди, позже названные «рассерженными горожанами». Большинство из них до того не принимали участия ни в протестных акциях, ни в работе партий и НКО.

У протестов не было единого политического вектора — участие в них «помимо „рассерженных горожан“ принимали самые разные силы: демократические („Яблоко“, ПАРНАС, „Солидарность“), леворадикальные (Левый фронт, Антифа), националисты» [Альперович, Верховский, Юдина 2012: 21–24], правозащитные и экологические НКО, ЛГБТ-сообщество и пр. Зарегистрированные партии, за исключением «Яблока», в этих акциях не участвовали. Присутствие в оргкомитетах последних ряда депутатов-«справороссов» (Г. и Д. Гудковы, И. Пономарев) ситуации не меняло.

В числе организаторов акций были в том числе те, кто ранее призывал к бойкоту выборов (например, А. Рыклин и С. Удальцов). Оргкомитет, транслировавший свои заседания в интернете, большей частью состоял из журналистов и писателей, профессиональных политиков там было немного. Характерно, что ведущая роль в ОК принадлежала тем, кто либо выступал с самых радикальных позиций (С. Удальцов), либо пользовался максимальной популярностью в интернете (В. Рыжков, Е. Чирикова).

Результаты президентских выборов 2012 г. в Москве уже сильно отличались от средних показателей по стране.

Таблица 1.

Результаты выборов Президента РФ (2012)

Кандидат	По России (%)	В Москве (%)
Путин В.В.	63,60	46,95
Зюганов Г.А.	17,18	19,18
Миронов С.М.	3,85	5,05
Прохоров М.Д.	7,98	20,45
Жириновский В.В.	6,22	6,3

На выборах не был зарегистрирован Г. Явлинский, вместе с «Яблоком» участвовавший в протестных акциях, однако удостоверение кандидата в президенты не без помощи ЦИК получил олигарх М. Прохоров, «реанимированный» после неудачного старта с «Правым делом». Именно ему отошли все протестные голоса. К тому же еще не угасшая активность наблюдателей способствовала снижению в Москве уровня фальсификаций.

Это позитивно отразилось и на проходивших одновременно с президентскими муниципальными выборами, в которых участвовала часть активистов, ранее бывших наблюдателями. До этого число муниципальных депутатов, не связанных с властью, не превышало 5–10 %. «В 2012 г. таких кандидатов было в два раза больше, чем в 2008-м» [Ивахник 2012], и от четверти до трети из них получили депутатские мандаты. Интересно, что в качестве независимых кандидатов баллотировались также представители «Единой России». В ряде муниципалитетов были сформированы оппозиционные фракции, пользовавшиеся поддержкой гражданских активистов. Это позволило решить ряд проблем, ранее казавшихся нерешаемыми².

Московская политика при Собянине: политическая машина нового типа

Столкнувшись с новыми вызовами, С. Собянин вынужден был поменять «начинку» московской политической машины, что отчетливо проявилось на выборах мэра столицы 2013 г. «Программой-максимум» этих выборов была победа Собянина в первом туре при сохранении видимости конкуренции — власть по-прежнему опасалась всплеска протестной активности. Выборы были досрочными, Собянин позиционировал себя как хозяйственник, а москвичи еще не разобрались, какую политику он намерен проводить. При этом мэрия была отчасти готова прислушаться к гражданам: проводила общественные слушания, создавала советы с участием гражданских активистов (в частности, в результате работы совета при Департаменте природопользования и охраны окружающей среды г. Москвы было приостановлено несколько строительных проектов, демонтированы незаконные постройки на особо охраняемых природных территориях и т. п.) [Экология 2014].

² Например, власти отказались от реконструкции Ленинского проспекта, строительства ряда объектов, вырубки зеленых насаждений во многих городских районах.

Тем временем характер протестного движения во многом изменился. Действия как властей, так и организаторов акций нередко можно было назвать провокационными. Со стороны организаторов (особенно С. Удальцова) все чаще стали звучать требования, например, «двинуться на Кремль», а власти начиная с марта 2012 г. все чаще задерживали участников акций. Конфликт достиг пика 6 мая: началось все с «сидячей забастовки» участников шествия, протестовавших против ограничения прохода на Болотную площадь, а закончилось столкновениями с полицией, избиениями и возбуждением уголовных дел.

В качестве реакции на репрессии возникли новые формы протеста: «гуляния» писателей и художников по бульварам, лагеря протеста («ОккупайАбай», «ОккупайБаррикадную», «ОккупайОкуджаву»), «опросы» (Екатеринбург, июль 2012 г.), чтение стихов у памятников и пр. Массовостью отличались «Социальный марш» 12 июня 2012 г. и осенний марш против «антисиротского» закона («закона Димы Яковлева»). Однако протест базировался исключительно на неприятии существующей власти. Ответы на вопросы, какой должна быть новая власть и что нужно делать, чтобы сменить старую, расходились коренным образом. Избранный осенью 2012 г. (в том числе с помощью социальных сетей) Координационный совет оппозиции уже к лету 2013 г. продемонстрировал полную недееспособность.

Парадокс этой избирательной кампании заключался в том, что власть была заинтересована в привлечении не связанных с нею кандидатов, которые своим участием легитимизировали бы выборы в глазах активных москвичей. Прежде всего, нужно было обеспечить таким кандидатам подписи 110 муниципальных депутатов (6 % от общего числа). Собственными силами это могли сделать только КПРФ и «Справедливая Россия» (у них было соответственно 204 и 125 депутатов). Всем остальным помогла близкая к мэрии Ассоциация муниципальных образований Москвы, обеспечившая недостающими подписями С. Митрохина («Яблоко»), М. Дегтярева (ЛДПР), Н. Левичева (СР) и выдвинувшегося от РПР-ПАРНАС А. Навального³. Сам Собянин предпочел пойти на выборы не от «Единой России», а в качестве самовыдвиженца, представив подписи избирателей.

Мэрия сделала все что могла, чтобы выборы воспринимались как честные: на каждом участке были установлены камеры наблюдения (изображение выводилось на мониторы), повсюду были наблюдатели, СМИ имели возможность транслировать в прямом эфире ход голосования и подсчет голосов. Координировал процесс наблюдения за выборами главный редактор «Эха Москвы» А. Венедиктов, задействовавший возможности своей радиостанции. При этом электоральная машина мэрии работала явно не на полную мощность.

Безусловной звездой выборов стал герой «рассерженных горожан» А. Навальный. В ходе кампании он использовал новые технологии (т.н. агитационные кубы, социальные сети, группы волонтеров), отказался от националистических лозунгов⁴ и прибегал в основном к оппозиционно-популистской риторике. Динамичная, современная кампания, имидж мученика и большой объем финансовых ресурсов, собранных в том числе с помощью «электронных кошельков», вывели А. Навального в лидеры оппозиционного голосования. Протестный электорат был отобилизован. При низкой явке (32 %) Собянин с большим трудом (в том числе за счет Новой Москвы) набрал 51,37 %. Результат Навального стал сенсацией — 27,24 %; по всей видимости, ему достались голоса тех, кто ранее не голосовал или традиционно голосовал за либеральные и демократические партии. И. Мельников, судя по всему, был поддержан традиционным электоратом КПРФ (10,69 %). С. Митрохин («Яблоко») полу-

³ А. Навальный был осужден 18 июля на пять лет по делу «Кировлеса» и взят под стражу в зале суда, но в тот же день отпущен до обжалования приговора и получил право участвовать в выборах. Позже срок был заменен ему на условный

⁴ А. Навальный был участником и организатором ряда «Русских маршей», а также основателем умеренно-националистического движения «Народ» (2007).

чил 3,5 %. Н. Левичев (СР) и М. Дегтярев (ЛДПР) набрали всего 2,79 и 2,86 % соответственно.

Эти результаты стали тревожным звонком для Собянина. Они свидетельствовали о реальной возможности получить на предстоящих в 2013 г. выборах оппозиционную Мосгордуму. На помощь мэру пришла Госдума, «подморозившая» партийную реформу и вновь «реформатировавшая» избирательное законодательство (см. разд. 1). Москве и Санкт-Петербургу было предоставлено право проводить выборы в региональные собрания исключительно по мажоритарной системе. Москва воспользовалась этим правом, полностью отказавшись от пропорциональной системы. При этом число депутатских мест в Мосгордуме было увеличено лишь до 45 (нижняя планка для регионов с населением более 2 млн человек). Право выдвигать кандидатов на выборах в МГД без сбора подписей получили парламентские партии и «Яблоко», набравшее на предыдущих выборах более 3% голосов. Минимальное количество подписей, которые должны были собрать самовыдвиженцы, было увеличено с 1 до 3 % от числа избирателей округа (4,5–5 тыс.). Эти изменения были дополнены перенарезкой округов, нарушавшей границы районов, что снижало шансы муниципальных депутатов, баллотирующихся в МГД.

Чтобы уменьшить стоимость мандата и привлечь лояльных власти людей (артистов, главврачей, директоров школ, руководителей крупных фирм), располагающих ресурсами, но не намеренных становиться профессиональными политиками), основную часть депутатов городского парламента было решено перевести на непрофессиональную основу (с возможностью участвовать в заседаниях МГД только раз в месяц).

Еще один трюк властей заключался в проведении т.н. праймериз, выборов «кандидатов в кандидаты», чьим организатором выступила коалиция «Моя Москва», созданная рядом известных представителей власти, общественных деятелей и журналистов (Л. Рошаль, Л. Швецова, К. Ремчуков и др.). Участники праймериз (1053 человека, в т. ч. 24 действующих депутата МГД и представители лояльных власти групп, нуждающихся в раскрутке), получили возможность досрочной агитации, а победителям был обещан статус «народного кандидата». Оппозиция, за некоторыми исключениями⁵, проигнорировала это абсурдное и вредное, с ее точки зрения, мероприятие. Эксперты квалифицировали праймериз как новую форму «списка мэра» [Кому 2014], хотя городминистрация свою причастность к этой затее всячески отрицала.

Несмотря на все призывы и административное принуждение, на «праймериз» зарегистрировалось около 320 тыс. избирателей, а пришло всего 258 тыс. (чуть больше 3 %). Победителями стали 17 из участвовавших в них депутатов МГД. «Среди заметных персонажей, шедших не от „Единой России“, были, в частности, И. Свиридов (СР), Л. Ярмольник („Гражданская платформа“), А. Закондырин (Альянс зеленых). Часть победителей (в т. ч. А. Закондырин) впоследствии не стали баллотироваться. В целом мероприятие, на которое было потрачено 50 млн руб.» [Собянинцам 2014], трудно признать успешным: его мобилизационный потенциал оказался низким, а часть послушного электората (пенсионеры) посчитала предварительное голосование настоящими выборами.

В ходе подготовки к выборам несистемная оппозиция создала коалицию «За Москву!», в которую вошли представители незарегистрированных партий и известные «протестанты» (М. Гайдар, О. Романова и др.). Первоначально предполагалось, что они объединятся на базе «программы Навального», однако тот не выказал заинтересованности в сотрудничестве. После переговоров с «Яблоком» часть членов коалиции вошла в списки партии, часть предпочла баллотироваться в качестве самовыдвиженцев и начала собирать подписи. Избиратель-

⁵ Дочь Е. Гайдара Мария участвовала в этих «предвыборах», чтобы, по ее собственным словам, «посмотреть на процедуру изнутри».

ные комиссии отсеяли всех «несистемщиков», за исключением бывшего члена Координационного совета оппозиции муниципального депутата МО Щукино М. Каца, который с 2013 г. взаимодействовал с властями в рамках городских проектов. Таким образом, идеологически мотивированные политики «вымывались из списков» [Доклад 2014].

Сбор подписей, на который было отведено всего 20 дней, оказался трудноосуществимым даже для поддержанных властью кандидатов. По оценке Г. Мельконьянца («Голос»), «из собиравших подписи кандидатов смогли зарегистрироваться лишь 58 %» [Интервью 2014].

Всего на выборах было зарегистрировано 273 кандидата, в том числе 49 самовыдвиженцев.

Избирательная кампания проходила на фоне «патриотического» подъема, вызванного присоединением Крыма: лозунг «Крымнаш#» был визитной карточкой всех думских партий и их кандидатов. Напротив, кандидаты от «Яблока» (в 44 округах), около четверти из которых представляли либеральную часть несистемной оппозиции⁶, перед выдвижением подписали меморандум, содержащий такие требования, как смена режима, отделение бизнеса от власти, европейский вектор развития страны, отказ от национализма, признание присоединения Крыма аннексией. Независимые кандидаты сосредоточили внимание в основном на городских проблемах (зеленые насаждения, благоустройство, транспорт и пр.)

В ходе кампании не связанные с властью кандидаты сталкивались с привычными препятствиями: их стикеры срывались, газеты вытаскивались из почтовых ящиков, площади для наружной агитации не предоставлялись, СМИ отказывались размещать их агитацию даже за деньги и т. п. Вместе с тем власти выделили всем кандидатам бесплатное время для дебатов на телевидении и радио.

В день голосования оппозиция, как и на выборах мэра, обеспечила наблюдение на избирательных участках, так что откровенных фальсификаций зафиксировано не было.

Явка оказалась рекордно низкой — 21,04 %. Значимых изменений в составе МГД не произошло: 28 мандатов досталось кандидатам от «Единой России», 10 — «независимым» самовыдвиженцам, 5 — представителям КПРФ, по одному — кандидатам от ЛДПР и «Родины». Либералы и участники протестного движения представительства не получили. При этом среднее число голосов, полученных кандидатами от «Яблока», составило 12,5 %, пять из них набрали более 20 % — достаточно высокий результат, если учитывать открытое несогласие с властью по «украинскому вопросу».

Нет сомнений, что новым московским властям придется труднее, чем их предшественникам: наличие множества гражданских активистов, имеющих опыт протестной деятельности, высокая концентрация оппозиционных лидеров и независимых СМИ (независимых в той степени, в какой это сегодня возможно), вынуждают мэра и его окружение к большей гибкости, чем во времена Лужкова.

Главная задача — обеспечение видимости честных выборов при заранее известных результатах — пока выполняется успешно. Вместе с тем властям приходится терпеть существование пусть и слабой, но решительной оппозиции — при сохранении риска повторения протестов на фоне экономического кризиса.

Альперович В., Верховский А., Юдина Н. 2012. *Между Манежной и Болотной: ксено-*

---

⁶ От «Яблока» были выдвинуты представители «Демвыбора», Партии 5 декабря, «Солидарности», а также гражданские активисты.

фобия и радикальный национализм и противодействие им в 2011 году в России. — М.Ж «Сова», февраль.

Бузин А. *Драматичная история московских выборов*. — Доступно: <http://abuzin.livejournal.com/135380.html>. — Проверено: 10.12.2018.

Гельман В., Бри М. 2000. *Россия регионов*. — М.: Весь мир.

Гельман В. 2012. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России. — *Полития*. — № 4. — С. 2.

Доклад КГИ... 2014. Доклад КГИ. — *Коммерсант*. — 04.08.

Зубаревич Н.В. 2010. *Регионы России: неравенство, кризис, модернизация*. — М.: Независимый институт социальной политики.

Зубаревич Н. 2012. Рента столичного статуса. — *Pro et Contra*. — № 6.

Зубаревич Н. 2013. Неравенство доходов населения: пространственная проекция. — *Pro et Contra*. — № 6.

Иванов М., Бекбулатова Т. 2014. Москва не сразу построилась. — *Коммерсант*. — 20.10.

Ивахник А. 2012. *Политика идет на низовой уровень*. — 21.03. — Доступно: <http://politcom.ru/13512.html>. — Проверено: 10.12.2018.

Интервью с Г. Мелькольянцем... 2014. Интервью с Г. Мелькольянцем. — *Коммерсант*. — 23.07.

Киреев А. *Карты результатов выборов в Москве*. — Доступно: <http://kireev.livejournal.com/710951.html>. — Проверено: 10.12.2018.

Кому нужны праймериз... 2014. Кому нужны праймериз перед выборами в Мосгордуму. — *Коммерсант*. — 19.05.

Кынев А. 2014. *Выборы региональных парламентов в России 2009–2013. От партизации к персонализации*. — М.: Панорама.

Любарев А.Е. *Выборы в Москве. Опыт 12 лет. 1989–2000*. — Доступно: <http://lyubarev.narod.ru/elect/book/ch17.html>. — Проверено: 10.12.2018.

Махрова А., Нефедова Т., Трейвиш А. 2012. Московская агломерация и «Новая Москва». — *Pro et Contra*. — № 6.

Михалева Г.М. 2012. Партии и гражданское общество. Алгоритмы взаимодействия. — *Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра*. — М.: КМК.

Михалева Г. 2014. Экстрасоциальные феномены российской политики: неформальные партии и гражданские инициативы. — *Вестник РГГУ*. — № 1.

Наш дурдом голосует «за»... 2011. Наш дурдом голосует «за». — *Ведомости*. — 6.12.

Ревин Г., Тарновецкая Р., Чубукова М. 2014. Из чего состоит Москва. — *Ведомости*. — 4.06.

Собянинцам сделали рекламу... 2014. Собянинцам сделали рекламу. — *Профиль*. — 8.06.

Туровский Р.Ф. 2006. *Политическая регионалистика*. — М.: ГУ–ВШЭ.

Экология, политика и гражданское общество... 2014. *Экология, политика и гражданское общество / Под ред. Г.М. Михалевой и др.* — М.

Gabowitsch M. 2013. *Putinkaputt?* — Berlin: Suhrkamp.

Michaleva G. 2011. Das politische Potential der Zivilgesellschaft in Russland während der Präsidentschaft von Wladimir Putin und Dmitri Medwedew. — *Центр исследований Восточной Европы*. — Nr. 116. — November.

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ: НЕТИПИЧНАЯ ТИПИЧНОСТЬ

К.В. Киселев

Екатеринбургская городская Дума

Аннотация: В статье анализируются политические процессы, происходившие в Свердловской области в электоральном цикле 2011–2016 гг. Детально исследуются применявшиеся на выборах технологии. Показывается, каким образом набирали силу процессы, которые в итоге вели к тому, что Свердловская область постепенно теряла свою политическую уникальность. В статье использованы данные инициативного постэлекторального исследования, проведенного после завершения выборов Главы Екатеринбурга-Председателя Екатеринбургской городской Думы, на которых победу одержал Е. Ройзман.

Ключевые слова: Свердловская область, политические партии, выборы, Е. Ройзман, политические технологии, политическая идентичность.

Характеристика Свердловской области в электоральном контексте

Численность избирателей, зафиксированная ЦИК РФ на выборах Президента РФ в марте 2012 г., — 3 527 808 человек. За год до этого в декабре 2011 г. на досрочных выборах депутатов Законодательного Собрания Свердловской области и выборах в Государственную Думу РФ численность включенных в списки избирателей была меньше — примерно 3,5 миллиона. По численности избирателей Свердловская область занимает пятое место после Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга и Краснодарского края.

С электоральной точки зрения структурирование Свердловской области можно провести по целому ряду оснований: уровень информированности, распространенность Интернета, наличие диверсифицированной экономики (как противоположность — зависимость населенного пункта от одного-двух предприятий), уровень образования, наличие электоральных практик, характерных для мегаполисов, влияние отдельных партий и т. д. Соответственно, разница в голосовании по одним бюллетеням в одно и то же время между различными территориями может быть весьма значительной. Например, на выборах в Государственную Думу РФ 4 декабря 2011 г. Центральная группа, куда входит Екатеринбург, показала результат в пользу «Справедливой России» относительно «Единой России» — 1,95 %, тогда как в Каменск-Уральской группе результат сложился в пользу «Единой России» со значительным отрывом в 14,03 %. Условно говоря, как и по большинству российских регионов,

электоральные водоразделы в Свердловской области проходят по следующим коррелирующим осям: уровень образования, величина поселения (города), насыщенность территории конкурентной информацией.

Избирательное законодательство до начала «десятих» годов существенно отличалось от общероссийского стандарта по двум признакам: наличие двухпалатной системы, двухгодичная ротация Областной Думы Законодательного Собрания Свердловской области, которую часто называли «нижней» палатой. 14 марта 2010 г. прошли последние «ротационные выборы», после которых избирательное законодательство претерпело революционные или контрреволюционные, в зависимости от точки зрения, изменения. Во-первых была ликвидирована двухпалатная система, во-вторых, отменен сам принцип ротации. В конце августа 2011 г. депутаты Законодательного Собрания Свердловской области приняли решение о самороспуске с 1 декабря 2011 г., а 4 декабря одновременно с выборами в Государственную Думу РФ состоялись выборы в «единое» Законодательное Собрание области.

Осенью 2010 г., была изменена также система выборов в Екатеринбурге, в котором сосредоточена примерно треть избирателей области. Отныне в мегаполисе устанавливалась «двухглавая» система, предполагающая прямые выборы главы Екатеринбурга-председателя Екатеринбургской городской Думы, а также назначаемого по конкурсу сити-менеджера.

Реформа избирательного законодательства не прошла гладко. И если сопротивления изменениям в системе выборов на уровне региона практически не было, то в Екатеринбурге ситуация развивалась не в пользу единого общероссийского тренда. Городские власти, осознавая свои электоральные возможности и понимая, что система с сити-менеджером делает их более уязвимыми перед областными властями, не спешили отменять прямые выборы «сильного мэра». Однако, аресты ряда чиновников мэрии, последующие действия сторон и исключительно мягкое решение суда по делу арестованных говорят о том, что между областными властями и губернатором А. Мишариным, с одной стороны, и городскими властями, с другой, была, скорее всего, заключена сделка о размене арестованных чиновников на отказ от прямых выборов «сильного мэра». В результате сопротивление мэрии было сломлено, и против отмены выборов сильного выступила только активная часть гражданского общества. С целью кристаллизации протеста против отмены выборов в Екатеринбурге был создан комитет «Право выбора», который фактически возглавил Л. Волков, депутат Екатеринбургской городской Думы. В комитет вошли депутат Законодательного Собрания Свердловской области А. Альшевских, предприниматель и гражданский активист Д. Головин, политолог Ф. Крашенинников, председатель регионального отделения Союза журналистов Д. Полянин, а также автор этого текста.

Комитет «Право выбора» провел целый ряд успешных акций, часто доминируя при установлении политической повестки в Екатеринбурге. В итоге на ключевых публичных слушаниях по внесению соответствующих изменений в Устав города 17 сентября 2010 г. собрались более двух тысяч человек. Незначительную часть участников представляли ориентированные на губернатора активисты. Большую часть «сторонников отмены выборов» собрали городские власти, приведя на слушания подконтрольных им бюджетников. Противоположную сторону составляли добровольцы из самых разных слоев населения Екатеринбурга. В итоге численный баланс оказался примерно равным. За отмену прямых выборов «сильного мэра» проголосовали 673 человека, против отмены и за сохранение прямых выборов — 649 человек, 72 участника публичных слушаний воздержались. То есть решение по отмене выборов не набрало большинства голосов и должно было быть отклонено. Однако, в итоге решение об одобрении изменений в Устав города удалось все же провести, но с явным нарушением процедуры. Поправки по отмене выборов были отклонены, и властям пришлось бук-

важно «протащить» «поправки на отклоненные поправки». Прямые трансляции в Твиттере с этих слушаний вошли в пятерку самых популярных тем в мире.

Фактически именно с принятием новых нормативно установленных правил проведения выборов и начался новый электоральный цикл.

**Выборы в Государственную Думу
Федерального Собрания Российской Федерации
4 декабря 2011 г.**

Численные итоги выборов в Государственную Думу РФ по Свердловской области по целому ряду показателей существенно отличаются от общероссийских.

Таблица 1.

Итоги выборов в Государственную Думу РФ по Свердловской области и РФ в целом

	Результаты по Свердловской области	Результаты по РФ в целом	Разница	Примечания
явка	51,15 %	60,1	-8,95	Вошла в число 15 субъектов с наименьшим результатом
«Единая Россия»	32,71 %	49,32	-16,61	Вошла в число пяти субъектов РФ, показавших наихудший результат
КПРФ	16,82 %;	19,19 %	-2,37	
ЛДПР	16,01 %;	11,67 %	+4,34	
«Патриоты России»	0,91 %;	0,97 %	-0,06	
«Правое дело»	2,07 %;	0,60 %	+1,47	Лучший результат по стране
«Справедливая Россия»	24,69 %;	13,24 %	+11,45	Третий результат в стране
«Яблоко»	4,27 %.	3,43 %	+0,84	Вошла в число 15 субъектов с наибольшим результатом

Ситуация с «малыми» партиями объяснима легко. Достаточно высокий результат «Яблока» объясним демократическими традициями региона, которые сохранились, но не были поддержаны более или менее внятной и интенсивной кампанией. «Правое дело» добивается лучшего результата в стране, во-первых, силу того, что «Гражданская сила», ставшая одной из частей новой партии, имеет екатеринбургские корни и региональную электоральную историю. В свое время в конце «нулевых» в Екатеринбурге «Гражданская сила» преодолела 7-процентный барьер. Во-вторых, известность «Правого дела» именно в Екатеринбурге с очевидностью была выше, чем по стране в связи со скандалом, связанным с первоначальным вхождением в партию, а затем выходом из нее, Е.Ройзмана. В-третьих, «Гражданская сила» на выборах в Законодательное Собрание региона, которые совпадали с выбо-

рами в Государственную Думу ФС РФ, действительно рассчитывала на преодоление заградительного барьера и избирательную кампанию вела. Правда, кампания велась в традициях сетевого бизнеса, что привело к лучшему результату в стране, но не позволило преодолеть барьер.

Достаточно высокий результат ЛДПР объясняется достаточно четко отстроенной кампанией, традиции организации которой были заложены еще в 2007–2008 гг. во многом благодаря деятельности известного политического консультанта и политолога Э. Абелинскаса. В 2007 г. ЛДПР на выборах в Государственную Думу именно благодаря кампании получила 11,04 % голосов, заняв по области второе место. На выборах в Областную Думу Законодательного Собрания Свердловской области в 2008 г. ЛДПР вновь заняла второе место с 16,07 % голосов. На аналогичных выборах в 2010 г. ЛДПР даже улучшила свой относительный результат — 16,88 % голосов избирателей.

«Справедливая Россия», показав по области третий результат в стране, откровенно отбирала голоса у «Единой России». Фактически налицо было перетекание электората, который безусловно нельзя назвать протестным, от одной партии власти к другой. Причины такой электоральной инверсии многообразны. Во-первых, совсем недавно закончилась кампания по отмене прямых выборов сильного главы Екатеринбурга, в которой «Единая Россия», поддерживающая отмену выборов, активно теряла голоса референтных групп. Особенно в Екатеринбурге и городах-спутниках. Во-вторых, на волне критики «Единой России» по поводу отмены выборов гражданскими активистами была развернута активная кампания под лозунгом ««Единая Россия» — партия жуликов и воров». В-третьих, сказались отсутствие у «Единой России» популярных лидеров. Низкий рейтинг и, соответственно, высокий антирейтинг тогдашнего Губернатора Свердловской области А. Мишарина откровенно сказывались на популярности «партии власти». А произошедшая буквально накануне выборов авария с участием А. Мишарина, в которой погиб человек, популярности ни А. Мишарину, ни «Единой России» не добавила. В-четвертых, «Справедливая Россия» чрезвычайно эффективно устанавливала электоральную повестку, связанную с проблемами ЖКХ. Кампания партии под единым брендом «Справедливое ЖКХ» может считаться наиболее яркой в Свердловской области. В-пятых, сказались на результатах напряженные отношения между городскими и областными элитами. В итоге «город», который мог бы переломить ситуацию в пользу «Единой России» административными методами, от применения жестких электоральных сценариев против «Справедливой России» и в пользу единороссов отказался. Более того, в экспертной среде активно муссировались слухи о поддержке городскими властями именно «Справедливой России».

Выборы в Законодательное Собрание Свердловской области 4 декабря 2011 г.

Одновременно с выборами в Госдуму на территории области проходили досрочные выборы депутатов уже однопалатного Законодательного Собрания Свердловской области. Выборы проходили по смешанной системе, при которой половина депутатов (25 человек) избирались по одномандатным округам, а вторая половина по пропорциональной системе с территориальными группами.

Строгости при «отборе» партий были еще выше, чем на федеральном уровне, а потому некоторые партии, участвующие в федеральных выборах на региональные допущены не были («Яблоко», «Патриоты России»). Результаты региональных выборов не сильно отличаются от федеральных. Единственное, на что стоит обратить внимание, это еще больший

успех «Справедливой России». На региональных выборах показатели партии примерно на три процента выше, чем на федеральных.

Каких-либо новых технологий на выборах не применялось. Единственным «ноу-хау» стало переманивание избирателей из одной территории в другую с целью улучшить показатели отдельных территориальных групп. Фактически разбивка по территориальным группам привела к внутривыборной конкуренции. При этом, существенного влияния на результаты «перевоз» избирателей из одной территории в другую не оказал в силу достаточно высокой явки.

Таблица 2.

*Результаты выборов в Законодательное Собрание Свердловской области
4 декабря 2011 г.*

Партия	Число голосов полученных на выборах (%)
«Единая Россия»	33,12
КПРФ	17,45
ЛДПР	15,87
«Правое дело»	3,54
«Справедливая Россия»	27,31

Показатель примерно в треть голосов избирателей можно было бы расценивать как сокрушительное поражение «партии власти», если бы не результаты выборов по одномандатным округам. Из 25 округов кандидаты от «Единой России» одержали победы в двадцати. При этом действительно конкурентные кампании проходили примерно в 10 округах из 25. Соответственно, «Единая Россия» проиграла ровно половину конкурентных кампаний.

Выборы Главы города Нижний Тагил

О выборах в Нижнем Тагиле, состоявшиеся 14 октября 2012 г., можно было бы и не писать, если бы этот город не вошел в российскую политическую повестку благодаря «тагильским мужикам», которыми пугали оппозицию, протестующую против фальсификации выборов и выступающую за демократические реформы в 2011–2012 гг. В Свердловской области «тагильская угроза» была предельно реальна и связана с перспективами появления тагильского танка на митинге в связи с выборами Президента РФ.

Рассматриваемый электоральный цикл для Нижнего Тагила был связан с изменением элитных «раскладов» в муниципалитете, в котором издревле конкурировали за влияние группы, ориентированные соответственно на ОАО «Научно-производственная корпорация „Уралвагонзавод“ имени Ф.Э. Дзержинского» (директор О. Сиенко), с одной стороны, и Нижнетагильский металлургический комбинат им. В. И. Ленина (управляющий директор А. Кушнарев). Если ранее политически доминировала «группа НТМК», то в указанном электоральном цикле и инициатива, и доминирование перешли к УВЗ. Соответственно, согласованный в «Центром» кандидат С. Носов был позиционирован именно как представитель интересов УВЗ. При этом дополнительными преимуществами С. Носова в качестве кандидата являлось то, что в 2002–2005 гг. он был управляющим директором НТМК. Причем эти годы для НТМК и Нижнего Тагила можно назвать «тучными». Особенно в сравнении с той ситуацией, которая сложилась в городе в начале «десятих».

Электоральная память, личная харизма, а также тотальная зачистка электорального пространства именно «под Носова», отсутствие иных сильных кандидатов привели к тому,

что победа была одержана с тотальным результатом в 92 с лишним процента. Однако в таком результате есть и существенные минусы. Во-первых, результат соответствует уровню ожиданий, которые явно завышены, во-вторых, в городе практически полностью подавлена конкурентная среда, что не способствует в том числе и экономическому развитию, в-третьих, принятие решений в городе отныне осуществляется практически полностью в режиме «ручного управления», институциональные механизмы практически полностью подавлены.

Таблица 3.

Выборы Главы города Нижний Тагил 14 октября 2012 года

<i>Приняли участие в выборах</i>	<i>44,65%</i>
Гаев Владимир Александрович	0,92%
Кубасов Алексей Михайлович	2,35%
Макаров Игорь Юрьевич	0,50%
Муринович Андрей Анатольевич	1,86%
Носов Сергей Константинович	92,35%
Семенченко Константин Павлович	0,79%

***Выборы Главы Екатеринбурга —
Председателя Екатеринбургской городской Думы
8 сентября 2013 г.***

Фактически после выборов 2011 г., запрограммированных выборов Президента РФ и имеющих исключительно местное значение выборов главы Нижнего Тагила в Свердловской области значимых электоральных кампаний не было. При этом шла активнейшая подготовка к выборам Главы Екатеринбурга — Председателя Екатеринбургской городской Думы. Своих кандидатов продвигали мэр и губернатор. Городская власть делала ставку на заместителя главы администрации А. Высокинского, губернатор продвигал главу своей администрации, бывшего спикера Екатеринбургской городской Думы Я. Силина. И тот, и другой выпускали предвыборные материалы, и тот, и другой соревновались в создании информационных поводов. В итоге решающее слово было сказано московскими «кураторами», и выбор был сделан в пользу Я. Силина.

Многие эксперты считают, что именно тогда была сделана самая принципиальная ошибка. Их гипотеза состоит в следующем: городские власти, лишившись своего кандидата, достаточно прохладно отнеслись к кампании кандидата губернаторского. С другой стороны, существует и противоположное мнение: проигрыш согласованного губернаторского кандидата очков городским властям в глазах «Центра» тоже не добавлял, а потому «город» вынужден был работать на Я. Силина со всем усердием. На наш взгляд, городские власти действительно работали «на Силина», но эта работа действительно была вынужденной, от безысходности, «из-под палки».

Кроме Я. Силина сильным кандидатом, особенно после успехов «Справедливой России» в 2011 г., считался лидер регионального отделения этой партии, депутат Государственной Думы А. Бурков. Для его нейтрализации было организовано выдвижение «двойника», отличающегося от «оригинала» только отчеством, — Буркова Александра Владимировича. Более того, чтобы окончательно запутать избирателей, «двойник» был зарегистрирован как руководитель организации, название которой дублировало основной месседж кампании и А. Буркова, и «Справедливой России», — «Справедливое ЖКХ». Это вынудило А. Буркова последние примерно две недели провести гигантскую работу по разъяснению различий меж-

ду «Александром Леонидовичем» и «Александром Владимировичем». В итоге технология двойников не сработала, что показывают весьма низкие проценты «Владимировича».

Наконец, третьим в большой тройке стал Е. Ройзман, выдвинутый «Гражданской платформой». До самого своего выдвижения сознательно сохранялась интрига: будет ли Е. Ройзман вообще выдвигаться? Сознательные информационные «вбросы» об участии/неучастии лидера фонда «Город без наркотиков» длительное время влияли на политическую повестку в Екатеринбурге. О принятом решении знали единицы. Выдвижение Е. Ройзмана состоялось буквально в самый последний момент и было замечено и федеральными, и региональными СМИ. Такое позднее выдвижение имело смысл также и потому, что давало определенные гарантии «неснятия» кандидата с помощью административных процедур влияния на избирательную комиссию.

В итоге были зарегистрированы 12 кандидатов, из которых самостоятельные кампании вели пятеро: А. Альшевских, А. Бакова, А.Л. Бурков, Е. Ройзман, Я. Силин. Остальные выступали либо в качестве «двойников», либо спойлеров более широкого профиля, либо просто представляли политические партии. При этом реально за победу боролись всего трое: А.Л. Бурков, Е. Ройзман и Я. Силин, что нашло отражение и в результатах.

Таблица 4.

*Выборы Главы Екатеринбурга —
Председателя Екатеринбургской городской Думы
8 сентября 2013 г.*

<i>Приняли участие в выборах</i>	<i>33,61%</i>
Альшевских Андрей Геннадьевич	4,56%
Артюх Евгений Петрович	3,40%
Бакова Анастасия Антоновна	1,22%
Бурков Александр Владимирович	1,92%
Бурков Александр Леонидович	20,25%
Бурков Антон Леонидович	0,78%
Карелин Герман Юрьевич	0,46%
Носков Денис Анатольевич	1,07%
Ройзман Евгений Вадимович	33,31%
Рузаков Игорь Олегович	0,50%
Рявкин Александр Юрьевич	0,29%
Силин Яков Петрович	29,71%

Кампания по выборам мэра была длительной и насыщенной различными эффектами. Отметим основные три.

А) Эффект несправедливости

Речь о негативной кампании. Первоначально вводные:

во-первых, негативная кампания велась в интересах основного оппонента Е. Ройзмана, ставленника власти Я. Силина. И никак иначе. Именно его штабисты считали, что нужно снижать явку. Именно они считали, что нужно «сажать» рейтинги оппонентов;

во-вторых, основным объектом кампании был Е. Ройзман. Факультативным — А. Бурков, кандидат от «Справедливой России», которая, как говорилось выше, имела значитель-

ные рейтинги и на выборах в Госдуму в 2011 году в Екатеринбурге даже обогнала «Единую Россию»;

в-третьих, наибольшей интенсивности негативная кампания достигла в последние две недели до дня голосования, т. е. тогда, когда Е. Ройзман уже нарастил известность до максимальной, стало понятно, что его не снимут, а его рейтинг уверенно пошел вверх вопреки всем прогнозам;

в-четвертых, по экспертным оценкам, негативная кампания по интенсивности заслонила кампанию самого Я. Силина, которого почти не было видно из-за «чернухи» на Е. Ройзмана, т. е. в повестке был Е. Ройзман;

в-пятых, негативная кампания вышла на федеральный уровень. Прежде всего за счет телевидения и, конкретно, передач А. Караулова, направленных против Е. Ройзмана;

в-шестых, количество объектов, которые «падали» на Екатеринбург в последнюю неделю, — минимум, три-четыре в день. Затраченные суммы (печать, логистика, распространение, прикрытие, производство контента и т. д.) — десятки миллионов рублей;

в-седьмых, использовались все основные каналы донесения негативной информации: наружная реклама (растяжки и т. д.), ТВ и радио, печатная продукция (расклейка, разноска, раздатка), слухи, расклейка на лобовые стекла машин от имени кандидата, печатные СМИ и далее по списку.

Что получилось? Вот данные исследования¹.

Таблица 5.

Вам приходилось получать агитационные материалы, которые содержали негативные сведения о каком-либо кандидате в мэры?

Варианты ответа	% от общего числа опрошенных
Да	43,9
Нет	52,5
Затрудняюсь ответить	3,6
Итого ответивших:	100,0
Нет данных	0,0
итого	100,0

Что видим? Доставка сработала на «удовлетворительно». Скорее всего, что «с минусом». Всего около 44 % увидели «негативные сведения». Можно предположить, что «хромал» и контент, то есть, скорее всего, люди видели объекты, но оценить их, как негативные, не смогли. Но это гипотеза.

Таблица 6.

Как вы считаете, можно ли доверять таким материалам?

Варианты ответа	% от общего числа опрошенных
Конечно можно	1,0
Скорее можно	3,5
Скорее нельзя	32,5
Точно нельзя	41,7

¹ Здесь и далее — данные проведенного нами опроса. В опросе участвовали 700 человек. Формализованное интервью в режиме «face-to-face». Выборка по полу и возрасту во всех 7 районах Екатеринбурга. С 80-процентным телефонным последующим контролем. Статистическая погрешность — не более 3,3. Опрос проводился 22.09.2013 г., через две недели после выборов мэра.

Затрудняюсь ответить	21,3
Итого ответивших:	100,0
Нет данных	0,0
Итого	100,0

Тут и комментарии не нужны. Более 74 % считает, что доверять нельзя. И лишь 4,5 % утверждают, что можно.

Таблица 7.

После прочтения таких материалов изменилось ли ваше отношение к данному кандидату?

Варианты ответа	% от общего числа опрошенных
Изменилось в худшую сторону	6,1
Нет, не изменилось	59,3
Изменилось в лучшую сторону	5,2
Затрудняюсь ответить	29,3
Итого ответивших:	100,0
Нет данных	0,0
Итого	100,0

Понятно, что это самый спорный вопрос. Отвечая на него, людям иногда сложно признаться, что они поверили «чернухе», повелись «на разводку», но и все же он значение имеет. Задавая этот вопрос, мы предусматривали достаточно высокий уровень интервьюеров, корреляции с предыдущими вопросами и т. п. Вот и получили, что по итогу имеем разницу между изменением в худшую сторону и изменением мнения о кандидате в лучшую сторону всего в 0,9 %. За десятки миллионов рублей!

Что это? Тенденция? Ошибки авторов негативной кампании? Проблемы с каналами доставки? Переборщили? Умный город? Скорее всего, сумма факторов. Негативная кампания против Е. Ройзмана не только не сработала, но и, скорее всего, сыграла на Е. Ройзмана, т. е. повлияла на результат исключительно позитивно. Если же обобщать причины несработки негативной кампании и ее обратного эффекта, то в двух словах вывод будет таким: эффект несправедливости. Не жалость, не оппозиционный настрой, но именно эффект несправедливости. И политической, и нравственной. Приходилось и приходится сталкиваться с высказываниями: «Я раньше не ходил на выборы, но получил тут эту грязь против Е. Ройзмана, возмутился и пошел голосовать за него». И это не единичные случаи, но частые. И, на наш взгляд, это уже из разряда того, что нельзя не учитывать, из разряда закономерностей.

Б) Эффект своего

В период выборов у авторов исследования была гипотеза о «попадании в идентичность»: в территориях с развитой идентичностью избиратели чаще голосуют за того, кого считают своим, близким, проверенным, знакомым и т. д. На основе предыдущих исследований и ряда неизбежных гипотетических допущений была составлена матрица территориальной идентичности. В ходе кампании было видно, как различные кандидаты либо попадают в эту матрицу, либо отклоняются от нее, а некоторые прямо ей оппонировать.

Таблица 8.

Кого из трех кандидатов, набравших наибольшее количество голосов на прошедших выборах (Бурков, Ройзман или Силин), можно назвать своим для города человеком, надежным, проверенным?

Варианты ответа	% от числа ответивших
А. Бурков	20,1
Е. Ройзман	39,9
Я. Силин	23,5
Затрудняюсь ответить	20,3
Итого ответивших	103,8*

* Сумма превышает 100 %, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно. Среднее число ответов на 1 опрошенного 1,0.

Во-первых, имея возможность ответить несколько раз, большинство респондентов предпочли один ответ. Справедливости ради стоит заметить, что интервьюеры сознательно и не стремились стимулировать множественность ответов. Полярность в данном случае представлялась более интересной.

Во-вторых, слоган «Надежный мэ́р» использовался именно Я. Силиным, а потому в вопросе и появилась указанная «лексема», как уточняющая характеристику «свой для города». т. е. по факту для Я. Силина была сделана исследовательская «поблажка». В кампании Е.Ройзмана использовалась лексема «наш»: «Наш мэ́р», «Наш мэ́р. Как ни крути» и т. п.

В-третьих, оппозиция «свой-чужой» не стала определяющей всю повестку в избирательной кампании, но фактически присутствовала все время и роль свою играла. Более того, оппонирующие Е. Ройзману СМИ эту идею подхватывали, невольно ее развивая и по «играя», таким образом, против своего «работодателя» Я. Силина.

По факту, как видим, Е. Ройзман оказался «своим» с отрывом почти в два раза.

Идем далее. А если перевернуть вопрос: а кто чужой?

Таблица 9.

Кого из этих трех кандидатов (Бурков, Ройзман или Силин), можно назвать чужим для города человеком, посторонним, временным?

Варианты ответа	% от числа ответивших
А. Бурков	13,3
Е. Ройзман	13,8
Я. Силин	23,6
Затрудняюсь ответить	51,9
Итого ответивших:	102,6*
Нет данных	

* Сумма превышает 100 %, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно. Среднее число ответов на 1 опрошенного 1,0.

Здесь Е. Ройзман и приземленный на проблемы ЖКХ А. Бурков чужими практически не считаются. По 13–14 процентов убежденных оппонентов — нормальная ситуация. А вот Я. Силин, несмотря на то, что его кампания шла более полугода, историю председательства в екатеринбургской гордуме, вице-губернаторство и программу «Столица», — «чужой» с перевесом почти в два раза. Почему?

Именно Я. Силин, по всем нашим наблюдениям, менее всего попадал в матрицу территориальной идентичности. И по языку, и по проблематике, и т. д., и т. п. Если Е. Ройзман и А. Бурков были «от территории», и именно так себя подавали, то Я. Силин пришел сверху, пришел именно, как чужой.

В) Эффект бескорыстия

Большая часть кампании Я. Силина строилась вокруг простого посыла — «я пришел дать вам денег», «если выбираете меня, то деньги из областного бюджета пойдут», «если выберете кого-то иного, то не будет ни ЭКСПО-2020 ни ЧМ-2018» и т. д. Деньгами соблазняли, отсутствием потенциальных финансовых вложений пугали.

А теперь смотрим, как это сработало.

Таблица 10.

Как Вы считаете, большинство людей голосовали на выборах мэра для того, чтобы:

Варианты ответа	% от числа ответивших
Обеспечить стабильность и сохранить существующее положение дел в городе	17,2
Получать больше денег из областного бюджета на решение городских проблем	1,7
Поменять действующую власть на новую	22,4
Кардинальное решить проблемы ЖКХ	23,5
Не допустить, что бы городом руководили представители криминала	12,7
Не допустить, что бы городом руководили чужаки	8,5
Добиться изменений в жизни города	33,4
Затрудняюсь ответить	6,9
Итого ответивших	126,2*

* Сумма превышает 100 %, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно. Среднее число ответов на 1 опрошенного 1,3.

Получение больших денег из бюджета посчитали мотивом для голосования всего 1,7 % от всех ответивших. И это при том, что можно было давать несколько вариантов ответа. Как видно из таблицы — деньги оказались самой слабой мотивацией. Есть гипотеза, что случилось так из-за «абстрактности» этих денег. Сколько их, куда пойдут, что за «Программа «Столица» и т. д.? Так никто толком и не узнал. Проще говоря, тема денег не была раскрыта. Но это только одна сторона вопроса.

Второй стороной стала символическая ошибка. Правда, это мы может утверждать лишь гипотетически. Проблема, на наш взгляд, в названии этой финансовой программы — «Столица». В середине нулевых столицы в России плодились и размножались: первая, вторая, пяток третьих столиц, столицы мегарегионов, столицы культурные и образовательные, спортивные и интеллектуальные... Путь третьеразрядной столичности уже тогда был очевидным символическим тупиком. И вот через семь-восемь лет, когда комплекс столичности был, казалось бы, навсегда преодолен, появляется программа «Столица». Даже если бы программа была названа просто «20 миллиардов», «Деньги людям» или «По 15 тысяч на брата», то символический эффект был бы больше. Кроме того, растратив комплекс столичности, сама лексема «столица» все одно отождествлялась с чем-то инородным, чужим, а не местным, своим,

близким. Кстати заметим, что символический подкуп не срабатывает не только в Екатеринбурге. Возможно, что тенденция.

Очевидно, что эффектов электоральной кампании в Екатеринбурге значительно больше. И проявившихся собственно во время кампании, и эффектов постэлекторального воздействия на политическое сознание, на символические политические комплексы в регионах России. Но самое главное очевидно — региональное политическое пространство получило значительный импульс для изменений. Другое дело, что это импульс закономерно окажется сознательно погашенным.

Каковы итоги электорального цикла, начавшегося в 2011 г. и завершившегося в 2016 г. вместе с новыми выборами в Законодательное Собрание и Государственную Думу? Два момента.

Во-первых, по итогам электорального цикла Свердловская область получила более дифференцированную, более конкурентную систему, нежели ожидала федеральная и областная власть, и нежели получили соседние регионы. Основной в сфере публичной политики конкурирующий с областной властью субъект: Е. Ройзман — Глава Екатеринбурга. Он самостоятелен, но его объективной опорой стала администрация Екатеринбурга. И это в то время было не просто некое административное образование. Администрация Екатеринбурга сконцентрировала по итогам выборов «остатки» региональной политической элиты. Не в том смысле, что она стала прибежищем для них, а в том, что только там сохранилась элитная группа, которая способна и к принятию экспертных решений, и к воспроизводству, и реально осознавала свои стратегические интересы. На уровне области таких групп не осталось. Поднятие рук при голосовании, самовыживание, «самоинтересы» — вот предел. Собственно воспроизводящихся элит не стало. Они уничтожены федеральными «контрреформами» и назначениями-ставленниками. В этом контексте, Свердловская область едва ли является исключением. В большинстве регионов региональные элиты не просто поставлены под контроль, но именно уничтожены.

Вторым значимым конкурирующим с «областью» субъектом оказались УВЗ и глава Нижнего Тагила С. Носов. По итогам электорального цикла не столько он, сколько те силы, что его лоббировали получили возможность решать большинство своих вопросов не с областной властью, но напрямую через «Кремль». И потому любые попытки «ущемить» Нижний Тагил вызывали у «тагильских» элит, скорее, удивление, чем понимание.

Во-вторых, несмотря на два количественно фиксируемых электоральных провала областной власти в построении пресловутой вертикали, общая ситуация в области стала более удушающей, более тоталитарной, ибо основными технологиями, которые все больше лишают область и конкурентности, и политических перспектив, и экономической конкуренции, и будущего, стали полицейское вмешательство, административный ресурс, прослушивание телефонных разговоров, давление на суды и т. д. Причем, зафиксируем парадокс, чем больше неудач, тем сильнее давление, тем больше гаек, тем сильнее закручивают.

Примитивизация — основной политический тренд, навязываемый властью. Свердловская область, которая в описываемом электоральном цикле стремилась к свободе, тем не менее, не смогла избежать авторитарно-тоталитарных объятий тюменских элит, приобретающих все большее влияние и в регионах России, и на федеральном уровне. И по итогам анализируемого электорального цикла вопрос стоял следующим образом: смогут ли выжить демократические политические традиции Свердловской области и Екатеринбурга, сможет ли сохраниться политическая идентичность региона? Или усилия по элиминации политической жизни и уничтожения политики в регионе окажутся успешными?

Дальнейшее развитие событий показало, что тренд на ликвидацию конкуренции состоялся в значительной степени. Прежде всего весной-летом 2018 г. была ликвидирована выбор-

ность Главы Екатеринбурга-Председателя Екатеринбургской городской Думы. И примерно в это же время на повышение был отправлен лидер Справедливой России А. Бурков, ставший главой Омской области. На губернаторское повышение, но в своеобразную магаданскую «ссылку» был отправлен С. Носов.

И последнее. Электоральный цикл 2011–2016 гг. и последующие события показывают, что все больше усилий тратится не на развитие, а на сохранение достигнутого. Все меньше вероятность на политический прогресс, все меньше уверенность в положительных сторонах политического будущего. И все больше размышлений о политическом дожитии всего региона. Свердловская область постепенно теряет свою политическую специфику.

ПАРТИИ И ВЫБОРЫ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ В 1990-х – НАЧАЛЕ 2010-х гг.

Я.Ю. Шашкова

Алтайский государственный университет

Аннотация: *В статье анализируются тенденции партийных и электоральных процессов в Алтайском крае, показано влияние на них социально-экономических и социокультурных особенностей региона, существовавшего в крае моноцентричного политического режима. На основе данных о деятельности партийных организаций и электоральной статистики автор характеризует партийное поле Алтайского края 1990 — 2010-х гг. как ограниченное, структурированное и устойчивое. Доказан тезис, что изменение электоральных рейтингов парламентских партий в регионе в 2010-е гг. связано не с появлением новых партий или изменением ценностных предпочтений избирателей, а с их разочарованием в способности действующей власти решить сохраняющиеся социально-экономические проблемы населения.*

Ключевые слова: *политические партии, выборы, Алтайский край.*

Алтайский край является агропромышленным регионом с патриархально-подданически ориентированным населением. Он занимает первое место в Сибирском федеральном округе по производству сельхозпродукции. Промышленный сектор края к началу 1990-х гг. был представлен предприятиями ВПК и сельхозмашиностроения, развернутыми на основе производств, эвакуированных во время Великой Отечественной войны, большинство из которых утратили рентабельность в условиях рыночной экономики. В 2005 г. производство промышленной продукции в регионе составляло только 39,6 % от уровня 1991 г., в то время как в целом по стране этот показатель превышал 80 % [Мищенко 2006: 50]. В 2012 г. Алтайский край занимал 40 место среди субъектов РФ по индексу промышленного производства и пятое — по сельскохозяйственному [Место Алтайского...]. Кроме того, край лишен сырьевых ресурсов и здесь нет рентоориентированных отраслей, которые могли бы хотя бы отчасти компенсировать последствия экономического спада 1990-х гг.

Моноцентричная модель власти

В условиях ограниченных возможностей экономического маневра в крае во второй половине 1990-х гг. сложилась моноцентричная модель власти [Лапина, Чирикова 2000; Лапина, Чирикова 2002; Лапина 2004: 268], призванная обеспечить максимальный контроль над

ресурсами и стабильность политического процесса. Она представляет собой жесткую вертикаль, все уровни которой всецело зависят от первого лица, принимающего окончательные решения и контролирующего их исполнение. Такая модель предполагает наличие сильного лидера и отсутствие претензий на лидерство со стороны подчиненных. Способность последних влиять на процесс принятия решений не нарушает основного принципа — все рычаги управления у первого лица и никто не имеет права предпринимать не согласованные с ним шаги [Лапина 2004: 268–269].

В условиях моноцентричного режима исполнительная власть заполняет практически все политическое пространство. В 1996–2004 гг. и 2007–2018 гг. (т. е. за исключением периода губернаторства М. Евдокимова и времени, потребовавшегося губернатору-«варягу» А. Карлину для приобретения контроля над рычагами властвования) краевое Законодательное собрание (Совет народных депутатов) почти полностью контролировалось губернатором. Зависимы от исполнительной власти были и СМИ, к которым в случае необходимости применялись санкции — от «выдавливания» негодных редакторов и журналистов до отключения электричества в помещении редакций. В начале 2010-х гг. получила распространение практика покупки лояльным властью бизнесом франшиз федеральных СМИ — это позволило администрации края монополизировать информационное пространство региона. Подобная конструкция власти делает почти невозможным появление в регионе самостоятельных политических субъектов.

Важнейшим фактором формирования данной модели власти являлись социокультурные особенности региона, сложившиеся под влиянием специфики его экономики. Население Алтайского края проживает главным образом в сельской местности или малых городах¹, основным источником дохода большей его части выступает заработная плата. Поэтому для него характерны отрицание (боязнь) новаторства, ориентация на традиционные институты и ценности, устойчивость политических предпочтений и высокая явка на выборы. Кроме того, оно склонно наделять руководителя ролью опекуна, «властью отца и хозяина» [Лапина 2004: 269]. В связи с этим наиболее популярным типом политического лидера является «тип «хозяина-защитника», сочетающего в своем образе деловые и патерналистские характеристики, способного наладить нормальную жизнь в регионе» [Трифонов 2000: 229].

В условиях сокращения производства, высокого уровня безработицы и низкого — заработной платы население было вынуждено искать дополнительные источники доходов. Многие выживают за счет натурального хозяйства: большинство сельских жителей имеет подсобное хозяйство, большинство городских — дачные участки. Работа на них требует времени и сил, которых уже не остается на общественную или политическую активность.

Эволюция партийной системы

Становление партийной системы в Алтайском крае началось чуть позднее, чем на федеральном уровне, — в начале 1990-х гг. Ориентиром выступали общероссийские партии, а стимулом — визиты их лидеров (в частности, в Новосибирск). Организационные структуры крупных «старых» партий — КПРФ, АПР, ЛДПР, «Трудовой России» и др. — оформились в крае в 1992–1994 гг. и активно проявили себя на выборах 1995 г. К концу первого электро-цикла (1996) в регионе было зарегистрировано 31 общественно-политическое объединение, в том числе 12 отделений политических партий и 19 общественно-политических движений и союзов.

¹ В Алтайском крае в городах проживает 53,2% населения, в сельской местности — 46,8%.

С середины 1990-х гг. немаловажную, если не решающую роль в региональном партотгенезе стала играть позиция власти, особенно исполнительной. Прокоммунистичность Алтайского края того времени была следствием не только напряженной социально-экономической ситуации, но и использования главой администрации А. Суриковым структур Народно-патриотического союза России (КПРФ, АПР и другие «левопатриотические» организации) для мобилизации избирателей и легитимизации своего режима.

Следствием моноцентричности власти явилось почти десятилетнее существование неизменной партийно-политической конфигурации — противостояние «народно-патриотического движения» и «демократических» партий, объединенных в два региональных общественно-политических движения: «Согласие» (образовано в 1995 г.) и «За подлинное народовластие, гражданский мир и интересы человека труда» (1993). В отличие от страны в целом Алтайский край не проходил через этап атомизированной партийной системы, когда количество партий столь велико, что не имеет значения, а сами партии почти не оказывают влияния на политический процесс. Партийную систему края нельзя считать и моделью крайнего плюрализма², вид которой имела общероссийская партийная система во второй половине 1990-х гг., — ни одна краевая партийная организация никогда не выступала за изменение регионального режима (при этом по отношению к федеральному центру доминировавшие в регионе левые придерживались довольно жесткой линии).

Показательны в этом плане результаты федеральных и региональных выборов. Если на думских выборах 1993 г. наибольшее число голосов в крае получила ЛДПР (27,75 %), то уже с 1995 г. лидировала КПРФ с 25,98 % (1993 г. — 9,86 %, 1999 г. — 36,82 %).

Кроме того, многие левые избиратели отдавали голоса Аграрной партии России: 23,4 % в 1993 г., 12,38 % в 1995-м, что существенно превышало общероссийский результат АПР и было одним из лучших показателей партии в регионах. В своей программе АПР апеллировала прежде всего к жителям аграрных регионов, а именно к таковым Алтайский край и относится. Проправительственные блоки «Выбор России» и «Наш дом — Россия» занимали в Алтайском крае только третье место. Ни одной демократической партии в 1993 и 1995 гг. не удалось преодолеть здесь 5 %-ный барьер [Результаты... 1993; Сводная таблица... 1995].

В 1999 г. в партийных предпочтениях регионального электората наметились определенные перемены. Впервые заградительный барьер удалось преодолеть либеральным организациям: «Яблоко» получило 5,72 % голосов, СПС — 6,79 %. Второе место заняло «Единство» с 23,24 % — практически столько же, сколько на общероссийском уровне (23,3 %). При этом блок «Отечество — Вся Россия», получивший по России 13,3 %, в крае набрал всего 4,45 %. Не помогло и вступление в ОВР Аграрной партии, так как алтайская организация АПР выступила против данного решения и фактически поддержала коммунистов. Отказ в регистрации списка ЛДПР и поспешное формирование «Блока Жириновского» привели к дезориентации избирателей и падению поддержки этой партии с 15,59 до 7,14 % [Выборы... 1999: 143, 151, 156].

В 1990-х гг. левые доминировали и на региональных выборах, где конкуренцию им составляли почти равные по силе «промышленники», консолидировавшиеся в 2000-х под брендом «Единой России». В целом влияние политических партий на формирование и функционирование регионального парламента в тот период было более значительным, чем в соседних регионах. Это позволило А. Глубоцкому и А. Кыневу отнести край к группе регионов «с относительно низкой заявленной и относительно высокой реальной партийностью» органов власти [Глубоцкий, Кынев 2003: 84].

² Согласно теории Дж. Сартори, эта модель характеризуется присутствием на политическом пространстве 5–6 заметных партий и высоким уровнем идеологического противостояния, обусловленным наличием среди участников антисистемной оппозиции [Sartory 1976: 131–132].

Данное состояние региональной партийной системы стабилизировалось в 2000-е гг., а затем трансформировалось в соответствии с общефедеральными трендами. Наиболее заметными партийными организациями края в первой половине 2000-х гг. были КПРФ, АПР, «Яблоко», СПС, «Единая Россия», ЛДПР. В условиях моноцентричного режима каждая из них выполняла в региональном политическом процессе свои функции, и все они прямо или косвенно контролировались главой администрации А. Суриковым, который в обмен на полную и безоговорочную поддержку обеспечивал доминирование сначала КПРФ и АПР, а затем «Единой России».

Разрушение моноцентричного режима, последовавшее за проигрышем А. Сурикова на губернаторских выборах М. Евдокимову (2004), создало условия для перехода части партийных организаций под контроль бизнес-групп. Так, ФПГ «Сибма» контролировало краевые организации ЛДПР, СПС, «Родины» и частично «Единой России». В дальнейшем то же самое произошло с региональным отделением «Справедливой России».

Последний этап «переформатирования» партийно-электорального пространства региона пришелся на избирательный цикл 2007–2008 гг. Он окончательно закрепил ведущую роль четырех партийных организаций — КПРФ, ЛДПР, «Справедливой России» и «Единой России» (при доминировании последней), а также ознаменовался восстановлением в крае моноцентричного режима — теперь с центром в лице А. Карлина.

Электоральный цикл 2011–2012 гг.

В ходе электорального цикла 2011–2012 гг. агитация на выборах в Госдуму и Законодательное собрание почти отмерла за ненадобностью, уступив место кадровым согласованиям. Соискатели мандатов определяли желательный для себя уровень легислатуры, добивались административных гарантий, компромиссов с прочими выдвиженцами. Между группами интересов, спонсорами и партфункционерами шла невидимая, но очень жесткая борьба, обусловленная как сокращением каналов доступа к процессу принятия решений, так и увеличением срока полномочий депутатов. Агитационные же кампании были вялыми и тусклыми.

При этом партии достаточно активно формировали избирательные списки. На выборах в Госдуму наиболее обширным, естественно, оказался список «Единой России» (11 кандидатов), чуть уступал ему список «Справедливой России» (8). Списки остальных партий (КПРФ, ЛДПР, «Патриотов России» и «Правого дела») включали по четыре кандидата. Только «Яблоку» не удалось сформировать отдельные региональные группы: Алтайский край был объединен с Республикой Алтай и Хакасией [Сведения о кандидатах в депутаты Государственной Думы... 2011].

Списки «Единой России» и «Справедливой России» на выборах в ЗС были «востребованы» представителями региональной и местной политической элиты, поэтому места в них становились объектами внутрипартийной борьбы, тогда как КПРФ и ЛДПР формировали свои списки явно по «остаточному» принципу. Центральные части списков КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России» полностью или в основном повторяли их списки кандидатов в Госдуму, состоявшие из известных депутатов АКЗС, которые не претендовали на федеральные мандаты.

Кроме того, начиная с 2011 г. партийные списки на выборах в ЗС обязательно должны были быть разбиты на региональные группы. В основу системы была положена модель горизонтальных списков, привязанных к одномандатным округам. В этих условиях КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» предпочли регистрировать своих кандидатов-одномандатников заодно и как лидеров списков.

«Единая Россия» же, стремясь увеличить рейтинг списка, поставила во главе региональных групп депутатов, уже зарекомендовавших себя в одномандатных округах, а по мажоритарной системе выдвинула в основном бизнесменов, финансировавших избирательную кампанию партии.

Всего на выборах в ЗС «Единая Россия» выдвинула 34 территориальные группы и 34 одномандатников, «Справедливая Россия» и ЛДПР — по 34 группы и 31 одномандатнику, КПРФ — 34 группы и 32 одномандатника. «Яблоко» сформировало 24 территориальные группы, но не выдвинуло ни одного одномандатника, а «Правое дело», наоборот, выдвинуло 10 одномандатников и ни одной территориальной группы [Сведения о кандидатах в депутаты Алтайского... 2011].

В итоге на думских выборах «Единая Россия» набрала в крае 37,2 % голосов, ухудшив свои показатели по сравнению с 2007 г. на 17,5 % [здесь и далее расчеты проведены на основании данных: Сводная таблица... 2007]. Поддержка остальных парламентских партий, напротив, увеличилась — КПРФ набрала 24,7 % (+7,8 %), ЛДПР — 16,6 % (+6,8 %), «Справедливая Россия» — 16,1 % (+7,4 %). Даже «Яблоко» заручилось поддержкой 2,4 % избирателей, хотя четырьмя годами ранее его электорат едва превышал 1 %. Фактически не проводившие избирательных кампаний «Патриоты России» и «Правое дело» получили менее чем по 1 % голосов [Выборы... 2011].

Результаты выборов в Законодательное собрание были почти такими же (к участию к ним, как и в 2008 г., допустили только четыре парламентские партии): 39,8 % у «Единой России» (-13,6% [Алтай... 2008: 142]), 25,4 % у КПРФ (+5,8 %), 16,6 % у ЛДПР (+0,1 %) и 16 % у «Справедливой России» (+8,3 % [Итоги... 2011]). При этом мандаты смогли сохранить только 45% инкубентов, не последней причиной чего послужил низкий уровень доверия к партиям³.

Данные итоги следует расценивать не столько как показатель эффективности региональных партийных отделений, сколько как отражение протестных настроений, принявших в Алтайском крае («второй» и «третьей») России по классификации Н. Зубаревич [Зубаревич 2011]) форму голосования за левые партии. Жители сельской местности и малых городов с их консервативными ценностями (сильное государство и «порядок») и высокой степенью интереса к социальным проблемам вернулись к прежнему электоральному выбору. В 1990-е гг. они поддерживали коммунистов, в начале 2000-х гг. увидели в «Единой России» залог стабильности и улучшения социально-экономической ситуации. Отсутствие же этого улучшения породило в них недоверие к «партии власти».

Партийное строительство и итоги выборов 2012–2013 гг.

Традиционалистские установки жителей и специфика политического режима региона обеспечили сохранение конфигурации партийного пространства и в условиях интенсивного партстроительства 2012–2013 гг.

К сентябрю 2012 г. в Алтайском крае было зарегистрировано 25 отделений политических партий (АПР, «Города России», ДПР, Народная партия, Партия пенсионеров России, СДПР и др.). Их создание во многом стимулировалось стремлением принять участие в муниципальных выборах 14 октября 2012 г., в том числе в Барнаульское, Рубцовское и Каменское городские собрания. Большую часть новых партоганизаций возглавили никому не известные персоны, что не могло не сказаться на результатах выборов

³ По данным опроса избирателей Алтайского края, проведенного Центром политического анализа и технологий АлтГУ в апреле 2012 г. (выборка составила 763 чел.), партиям доверяло 3,8 % респондентов.

Представительство получили в основном парламентские партии. «Единая Россия» набрала 50,17 % голосов на выборах в Барнаульскую гордуму, 44,92 % — на выборах в Каменскую, 45,09 % — в Рубцовский горсовет; ее представители победили почти во всех одномандатных округах. КПРФ поддержали соответственно 16,57, 18,37 и 28,42 % избирателей, «Справедливую Россию» — 11,09, 24,32 и 12,54 %. За ЛДПР проголосовали 7,84 % избирателей в Барнауле, 7,43 % — в Камне-на-Оби, 8,38 % — в Рубцовске. Из остальных партий только РПР-ПАРНАС набрала в Барнауле 5,44 % и провела в БГД одного депутата. Не смогли преодолеть заградительный барьер «Яблоко» (2,55 % в Барнауле и 2,07 % в Рубцовске), РЭП «Зеленые» (1,85 % в Барнауле) и «Патриоты России» (1,48 % в Барнауле) [Асеев 2013: 5].

Аналогичная картина наблюдалась и на выборах в Змеиногорское горсобрание (по мажоритарной системе) 8 сентября 2013 г. «Единая Россия» получила 9 мест из 16, «Справедливая Россия» — 3 и КПРФ — 1. Выборы же депутатов районных советов сельских районов (по мажоритарной системе) принесли «единороссам» в среднем по 75 % мест. Некоторую конкуренцию им смогли составить только «справедливороссы» — 16 %. Новые партии в этих выборах вообще не участвовали.

Таким образом, муниципальные выборы 2012–2013 гг. не внесли существенных корректив в расстановку политических сил в Алтайском крае даже в условиях растущего общественного запроса на либерализацию управления. Это было связано с несколькими обстоятельствами.

Во-первых, у многих новых партий в крае отсутствовали отделения. Например, в 2014 г. из-за истечения сроков регистрации или непредставления отчетности были ликвидированы РО 11 партий (на 1 января 2015 г. в регионе официально действовали 52 партии) [«Союз горожан»].

Во-вторых, электоральные предпочтения традиционалистски ориентированного электората остались прежними.

И наконец, граждане почти ничего не знали и не знают о новых партиях — ведь степень присутствия партий в информационном пространстве обусловлена главным образом их ролью в политическом процессе и объемом контролируемых ресурсов, а у новичков и то и другое крайне невелико.

Все это объясняет низкую электоральную эффективность новых образований, тем более что формально сложившаяся в 2000-е гг. модель массовых партий ставила их в заведомо неравные условия со «старыми» игроками. В такой ситуации большинство из них изначально не имели шансов на развитие или могли быть только орудием в руках региональных элит.

Алтай в электоральном цикле 2007–2008 гг... 2008. *Алтай в электоральном цикле 2007–2008 гг.* — Барнаул: Изд-во «Азбука». — 157 с.

Асеев С.Ю. 2013. Особенности и результаты применения пропорциональной избирательной системы на муниципальных выборах в Алтайском крае. — *Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика.* — Барнаул: Изд-во «Си-пресс». — С. 3–6.

Выборы... 1999. — *Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 1999. Электоральная статистика.* 2000. — М.: Изд-во «Весь мир». — 296 с.

Выборы... 2011. — *Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва 4.12.2011: Краткая сводная таблица итогов голосования.*

ния. — Доступно: <http://www.altai Terr.izbirkom.ru/arkhiv-vyborov-i-referendumov/federalnye-i-regionalnye-vybory/04-12-2011-vybory-deputatov-gosudarstvennoy-dumy-federalnogo-sobraniya-rossiyskoj-federatsii-shestog/>. — Проверено: 28.11.2018.

Глубоцкий А.Ю., Кынев А.В. 2003. Партийная составляющая законодательных собраний российских регионов. — *Полис. Политические исследования*. — № 6. — С. 71–87.

Итоги... 2011. — *Итоги голосования по выборам депутатов Алтайского краевого Законодательного собрания шестого созыва*. — Доступно: <http://www.altai Terr.izbirkom.ru/arkhiv-vyborov-i-referendumov/federalnye-i-regionalnye-vybory/14-09-2014-dopolnitelnye-vybory-deputatov-altajskogo-kraevogo-zakonodatelnogo-sobraniya-po-odnomanda/04-12-2011-vybory-deputatov-altajskogo-kraevogo-zakonodatelnogo-sobraniya/>. — Проверено: 28.11.2018.

Зубаревич Н. 2011. Четыре России. — *Ведомости*. — № 248. — Доступно: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/12/30/chetyre_rossii. — Проверено: 28.11.2018.

Лапина Н.Ю. 2004. Региональное измерение российской политической трансформации. — *Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции*. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). — С. 266–277.

Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. 2002. *Регионы-лидеры: экономика и политическая динамика*. — М.: Изд-во Института социологии РАН. — 326 с.

Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. 2000. *Стратегии региональных элит: экономика, модели власти, политический выбор*. — М.: Изд-во ИНИОН РАН. — 200 с.

Место Алтайского края в Сибирском федеральном округе... б/г. *Место Алтайского края в Сибирском федеральном округе*. — Доступно: <http://www.econom22.ru/press-centre/news/detail.php?ID=8522>. — Проверено: 28.11.2018.

Мищенко В.В. 2006. *Депрессивный Алтай: анализ социально-экономической ситуации в крае и направления выхода из кризиса*. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. — 423 с.

Результаты... 1993. — *Результаты выборов депутатов Государственной Думы по общефедеральному округу 12 декабря 1993 г.* — Доступно: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/1993/1993_itogi_FS_obshefed_okrug.php. — Проверено: 28.11.2018.

Сведения о кандидатах в депутаты Государственной Думы... 2011. — *Сведения о кандидатах в депутаты Государственной Думы Российской Федерации шестого созыва по Алтайскому краю*. — Доступно: http://www.altai Terr.vybory.izbirkom.ru/region/region/altai Terr?action=show&root=1000032&tvd=100100028713336&vrn=100100028713299&region=22&global=1&sub_region=22&prver=0&pronetvd=null&vibid=100100028713299&type=220. — Проверено: 28.11.2018.

Сведения о кандидатах в депутаты Алтайского... 2011. — *Сведения о кандидатах в депутаты Алтайского краевого Законодательного собрания шестого созыва*. — Доступно: <http://www.altai Terr.vybory.izbirkom.ru/region/altai Terr?action=show&vrn=2222000424378&region=22&prver=1&pronetvd=1>. — Проверено: 28.11.2018.

Сводная таблица... 1995. — *Сводная таблица Центральной избирательной комиссии Российской Федерации о результатах выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации второго созыва*. — Доступно: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/1995/. — Проверено: 28.11.2018.

Сводная таблица... 2007. — *Сводная таблица ЦИК России о результатах выборов депутатов Государственной Думы 2007 г.* — Доступно: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=100100021960186&vrn=100100021960181&region=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vibid=100100021960186&type=233. — Проверено: 28.11.2018.

«Союз горожан»... б/г. «Союз горожан», «Родная страна», «Гражданская сила»: за полгода в Алтайском крае закрылось 11 партийных регионов. — Доступно: <http://www.bankfax.ru/news/93475>. — Проверено: 28.11.2018.

Трифонов А.Г. 2000. Власть и политический режим в современной России. — *Общество, политика, наука: новые перспективы*. — М.: Московский общественный научный фонд. — С. 218–247.

Sartory G. 1976. *Parties and party systems: A framework for analysis*. — Vol. 1. — L., N.Y.: Cambridge University Press. — 370 p.

ВЫБОРЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ 2013 г.¹

Ю.С. Перфильев

Российский государственный гуманитарный университет

Аннотация: *Предложен анализ результатов и применяемых политических технологий в рамках избирательной кампании в Законодательное собрание Иркутской области в 2013 г. Проведен контент-анализ содержания предвыборных платформ политических партий, принимающих участие в выборах, выявлены сильные и слабые стороны избирательных кампаний каждого участника выборов.*

Ключевые слова: *политические партии, выборы, избирательный процесс, политические технологии.*

Введение

8 сентября 2013 г. в Иркутской области прошли важные для региона выборы депутатов в Законодательное собрание. Региональная легислатура имеет большое значение, т. к. является основной площадкой для формальной и неформальной коммуникации крупнейших экономических и политических акторов региона. Иркутская область — это регион с развитой промышленностью, несколькими крупными городами и сильными традициями гражданского общества. Наиболее развитые отрасли хозяйства области: энергетика, металлургия, лесное хозяйство, строительство, машиностроение, нефтехимия и др. Площадь региона 774 846 км². Население области на 2014 г. составляет 2 418 348 человек, 79,63 % которого проживает в городах [Население Иркутской области... б/г]. 88 % населения составляют русские, 3,2 % — буряты, остальное — представители еще 35 национальностей. Центр региона — Иркутск, крупный и развитый город в 650 тыс. жителей, историческая столица Восточной Сибири.

В регионе активно действует сразу несколько крупных бизнес-корпораций. Из федеральных это: ОАО «РЖД», ОАО «Газпром добыча Иркутск», En+ Group, РУСАЛ, «Мечел», авиационная корпорация «Иркут», ОАО «Группа «Илим», «Ростех». Из региональных: Иркутскэнерго, Иркутская нефтяная компания, Саянскхимпласт, ряд строительных компаний Иркутска и агропромышленных предприятий региона. Все эти компании активно участвуют в региональной политике, а выборы в регионе по большому счету представляют собой борьбу этих сил между собой при стремлении продвинуть своих представителей в органы власти

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 17-33-01034 (а2) «Факторы карьерной мобильности в политической деятельности в современной России».

области. Баланс сил между компаниями постоянно колеблется, зачастую они переходят пути друг другу, что подстегивает политическую конкуренцию в регионе.

Иркутская область всегда была непростою для партии власти регионом. Во всех федеральных избирательных кампаниях «Единая Россия» и В. Путин набирали в регионе меньше среднего по стране [Петров 2013]. Кандидаты от «Единой России» очень часто проигрывали на выборах в органы региональной и муниципальной власти региона. Самый показательный пример последних лет — это выборы мэра Иркутска в 2010 г. Кандидат от Единой России экс-мэр Братска Сергей Серебрянников, имея полную поддержку губернатора, административный ресурс и неограниченные финансовые возможности, с треском проиграл выборы кандидату от КПРФ Виктору Кондрашову, представлявшему строительные компании города, набрав всего 27 % против 62 % у соперника. Чуть позднее на выборах мэра Братска, назначенных после ухода в Иркутск действующего мэра Сергея Серебрянникова, кандидат от партии власти вновь проиграл выборы оппозиционному кандидату от партии КПРФ Александру Серову.

Регион является совершенно нетипичным для России, где мы привыкли видеть легкие и ожидаемые победы кандидатов от партии власти на выборах всех уровней. Основные вопросы ведущие акторы региона решают внутри «Единой России», но иногда конфликты между ними приводят к поддержке той или иной корпорации представителей других партий. Отчасти это произошло на выборах 2013 г., уровень соревновательности и стоимости избирательной кампании которых был беспрецедентно высок. Ход кампании был нервным и непредсказуемым, в том числе и для доминирующей партии «Единая Россия». В связи с тем, что до сих пор отсутствуют сколько-нибудь качественное исследование избирательной кампании в Заксобрание Иркутской области в 2013 г., автор ставит себе задачу восполнить этот пробел и отразить ход и последствия этой очень интересной и важной кампании.

В нашем исследовании мы будем действовать в рамках методологии социологического неоинституционализма, т. е. будем стремиться учитывать как формальные законы и правила избирательной кампании, так и неформальные традиции, установки и обычаи, свойственные политическому процессу в Иркутской области. Объектом исследования послужит избирательная кампания в Законодательное собрание Иркутской области 2013 г. Предметом исследования будут служить формальные и неформальные институты, регулирующие избирательный процесс в регионе. Целью исследования будет определение влияния избирательных институтов и правил на избирательную кампанию в Заксобрание Иркутской области в 2013 г.

При анализе избирательной кампании автор пользовался статистикой, представленной на сайте Избирательной комиссии Иркутской области, данными регионального мониторинга Фонда Карнеги и собственными знаниями, полученными во время работы технологом одной из политических партий во время описываемой кампании.

Избирательная система Иркутской области

Выборы в законодательный орган власти региона проводятся по смешанной мажоритарно-пропорциональной несвязанной системе: из 45 депутатов Собрания 23 избираются по пропорциональным спискам, 22 по мажоритарным избирательным округам. Размер одного мажоритарного избирательного округа колеблется от 75 до 95 тыс. избирателей.

Мажоритарная часть мандатов определяется путем голосования в одномандатных избирательных округах. Побеждает кандидат, набравший относительное большинство голосов. Специфика региона такова, что мажоритарные округа значительно отличаются друг от друга в стоимости проведения кампаний и конкурентности. Несколько округов, расположенных на севере области на территориях с низкой плотностью населения, являются очень сложными и

дорогостоящими для проведения кампаний, поэтому конкуренция в них слабая, ведь немногие кандидаты способны провести полноценную кампанию на территории размером с Венгрию, но со слаборазвитой инфраструктурой. Как правило, предсказуемость выборов в мажоритарных округах на севере и востоке области высока, на них неизменно побеждают одни и те же люди, связанные с партией власти. Однако выборы в крупных городах области: Иркутске, Ангарске, Усолье-Сибирском и Братске, имеют конкурентный и непредсказуемый характер. В крупных городах велика доля образованного населения и есть широкая прослойка среднего класса, что обеспечивает более высокую демократичность избирательного процесса, по сравнению с сельскими районами и малыми городами. Агитацию можно вести классическими методами, плотность населения высока и позволяет легко охватить значимое количество избирателей в течение кампании при относительно невысоких затратах.

В пропорциональной части избирательных списков региона установлен барьер в 5 %. В распределении мандатов участвуют партии, перешагнувшие через него. Партии, набравшие от 5 до 7 % голосов, получают по одному мандату. Остальные мандаты определяются с помощью делителя Империаля. Число голосов избирателей, полученных каждым областным списком кандидатов, допущенным к распределению депутатских мандатов, делится последовательно на числа из ряда возрастающих делителей от двух до 23 (число, соответствующее установленному числу депутатских мандатов, распределяемых по областному избирательному округу). Система Империаля способствует получению большего количества мандатов крупными партиями, т. е. в нашем случае играет в пользу Единой России [Любарев 2009].

Регистрация политических партий была серьезно упрощена 04 апреля 2012 г. после вступления в действие Федерального закона «О внесении изменений в федеральный закон «О политических партиях». Необходимая численность партий была снижена до 500 человек, вместо 40 тыс., были сокращены требования к представительству в регионах, упрощена финансовая отчетность и др. Это привело к массовому приросту количества партий на федеральном уровне. Естественно, это отразилось и на количестве партий-участниц выборов в регионах.

В 2013 г. на выборы в Законодательное собрание Иркутской области свои списки зарегистрировали 17 партий, двум партиям было отказано из-за многочисленных нарушений в поданных ими документах [Результаты выборов депутатов... 2013]. Число партий-участниц выборов в 2013 г. заметно отличалось от их количества в 2008 г., когда регистрация партий была намного сложнее, в выборах в Заксобрание тогда участвовало лишь 6 партий. Однако многие из зарегистрированных партий оказались чисто политтехнологическими партиями-спойлерами для увода голосов от основных соперников «Единой России» на выборах в Заксобрание: КПРФ, «Справедливой России» и «Гражданской платформы». Одним из главных творцов этих партий-спойлеров является московский политтехнолог Андрей Богданов. Во разных регионах России в партийных списках пула его партий зарегистрированы фактически одинаковые списки людей. Против КПРФ им была поставлена спойлерская КПСС, против «Справедливой России» выдвинули «Партию за справедливость!», а против «Гражданской платформы» «Гражданскую позицию» и «Гражданскую силу». О том, какой эффект произвели партии-спойлеры, мы еще напишем ниже.

Помимо спойлеров, были зарегистрированы несколько небольших, но самостоятельных партий, которые ранее из-за чрезмерно высоких требований к регистрации партий принять участие в выборах не могли. К таким партиям в Иркутской области можно отнести: «Демократический выбор», «Альянс зеленых — Народная партия», «Коммунисты России». Эти партии провели недорогие, но по-своему оригинальные избирательные кампании, о содержании которых также будет сказано ниже.

Новым для выборов 2013 г. было проведение их в единый день голосования, т. е. во второе воскресенье сентября. У многих политиков и общественных деятелей региона такая дата голосования вызывала вопросы, ведь легко было предвидеть низкую явку на выборы из-за отъезда многих горожан из городов на дачи для копки картошки, однако единый день голосования был введен в Москве, и регионам это оспорить невозможно.

Выборы в Иркутске всегда считались относительно честными. За всю электоральную историю современной России не было отмечено случаев массовых и откровенных фальсификаций, хотя отдельные нарушения, конечно, происходили. Обстановка в области несколько хуже, чем в региональном центре, но и там ситуация относительно благоприятна для демократических выборов, если сравнивать с другими российскими регионами. Так в рейтинге демократичности регионов Московского Центра Карнеги Иркутская область занимает 2-е место в России [Петров 2014].

Предвыборный расклад сил

В 2006 году Иркутская область была объединена с Усть-Ордынским Бурятским автономным округом, электоральная картина в котором была совершенно иной, чем в Иркутской области в целом. Дело в том, что бурятское население Усть-Орды голосует совершенно иначе, чем преимущественно русское население других частей Иркутской области. Выделяется, в первую очередь, высочайшая явка на выборы в бывшем Усть-Ордынском Бурятском автономном округе, превосходящая явку в Иркутске и других городах области в 2,5–3 раза [Результаты выборов депутатов... 2008; Результаты выборов депутатов... 2013]. Во-вторых, население Усть-Орды практически всегда дружно голосует за кандидатов от власти, т. е. своих действующих депутатов и «Единую Россию». Это можно объяснить существующими в традиционных бурятских семьях и деревнях родовыми методами мобилизации электората. Кандидат от власти может договориться со старейшинами о своей поддержке на выборах в обмен на какие-либо услуги депутата. Население Усть-Орды, хотя формально и являлось населением другого региона, принимало участие в голосовании на выборах в Иркутской области и до 2006 года. Участие усть-ордынцев в выборах губернатора области 2001 было решающим: благодаря голосам избирателей округа действующий губернатор Борис Говорин сумел удержаться у власти и с отрывом в 2 % победил коммуниста Сергея Левченко. «Фактор Усть-Орды» всегда был значимым в политическом процессе Иркутской области и работал в пользу действующей власти.

Электоральная история выборов в Законодательное собрание Иркутской области говорит о превалировании инкубентов на выборах в мажоритарных округах и прочном доминировании партии власти, набирающей около 50 %. Различия по результатам «Единой России» довольно заметны, если сравнить ее результат на выборах в Заксобрание 2008 г. в крупных городах и периферийных территориях. Общероссийская конъюнктура была очень благоприятной для «Единой России» и выбора в Заксобрание Иркутской области оказались триумфальными, как впрочем, и во всех других регионах страны в этом году. При общем результате в 49,45 % в 2008 г. «Единая Россия» в Иркутске и Ангарске получила около 38 %, но смогла отыграть на сельских территориях и малых городах региона. КПРФ в 2008 г. заняла третье место с 13,25 %, уступив второе место ЛДПР, набравшей 15,07 %. Пройти семипроцентный барьер в 2008 г. смогла еще только одна партия — «Справедливая Россия», набравшая 8,11 %. Все мандаты на мажоритарных округах сумели забрать кандидаты от «Единой России» [Результаты выборов депутатов... 2008].

К 2013 г. условия заметно изменились. Популярность «Единой России» снизилась, возросли оппозиционные настроения, а региональной политической элите произошли значи-

тельные изменения. Во главе региона встал популярный губернатор, сменивший московских и питерских «варягов» выходец из Черемхово Сергей Ерощенко. Сменилось политическое руководство «Единой России», ЛДПР и «Справедливой России».

Региональное отделение «Единой России» возглавил представитель строительного бизнеса Сергей Брилка. Неформально же главной фигурой в региональной Единой России являлась спикер Заксобрания Людмила Берлина. Значимую роль в Президиуме регионального Совета «Единой России» играют представители федеральных корпораций Борис Алексеев (Коршуновский ГОК, корпорация «Мечел»), Игорь Гринберг (Иркутский алюминиевый завод, корпорация РУСАЛ) и Александр Вепрев (авиастроительная корпорация «Иркут»). Из-за противостояния с губернаторами «варягами» и неудачными для «Единой России» выборами мэра Иркутска в 2010 г. высшее руководство партии менялось несколько раз. Под плотной опекой Людмилы Берлиной малоискушенный в политике Сергей Брилка возглавил «Единую Россию» на выборах в Заксобрание области. Региональное отделение ослабло по сравнению с 2008 г. и оказалось хуже готово к выборам.

Самые большие изменения произошли в партии ЛДПР. Из-за личного конфликта руководителя и спонсора регионального отделения партии Нины Чекотовой (генеральный директор группы компаний «Фортуна», владелица больших торговых площадей) и лидера ЛДПР Владимира Жириновского в отделении полностью сменилось руководство. Из него вышли Чекотова и ее люди, а вошла команда из Братска: депутаты братской гордумы бизнесмены Сергей Магдалинов и Олег Тюменев. В целом, финансовый и организационный потенциал ЛДПР в значительной мере ослаб, по сравнению с предыдущим избирательным циклом.

Ресурсный и кадровый потенциал партии КПРФ за пять лет мало изменился. Партия выиграла от роста оппозиционных настроений и по предвыборной социологии близко подбиралась к «Единой России». Их соседи по идеологическому спектру справедливороссы потеряли около трети своего актива, перешедших вслед за лидером отделения Владимиром Матиенко в новую и перспективную партию «Гражданская платформа». Партия продолжила сотрудничество с одиозным королем братских ЖКХ Александром Гаськовым (который, чувствуя неладное, не стал класть все яйца в одну корзину и серьезно спонсировал кампанию ЛДПР) и нашла идеального спонсора — неопытного в политике, но богатого и желающего стать депутатом бизнесмена-энергетика Михаила Коллекера. В итоге у регионального отделения «Справедливой России» оказалось много денег, но мало людей, знающих, как их грамотно использовать во время избирательной кампании.

Дебютантом политического сезона, безусловно, стала партия «Гражданская платформа». Технологам Михаила Прохорова удалось построить позитивный и свежий образ новой партии. Сам Прохоров, имеющий хорошие связи с регионом и его губернатором Сергеем Ерощенко, сумел привлечь в региональное отделение партии двух политиков-тяжеловесов: медийного магната и лидера «Справедливой России» Владимира Матиенко и президента крупнейшей в области строительной компании «Новый город», бывшего вице-губернатора и экс-секретаря регионального отделения «Единой России» Александра Битарова. Партия сумела сосредоточить в своих руках большие медийные, финансовые и организационные ресурсы, обладала свежим имиджем, в отличие от поднадоевших старых партий, и сразу же сделала серьезную заявку на прохождение в Заксобрание с хорошим результатом.

Другие партии, участвующие в кампании, не имели таких значительных ресурсов, как пять вышеперечисленных. Большинство их лидеров были либо новичками, либо не имели потенциала для серьезных результатов, либо попросту представляли партии-спойлеры, не участвующие в агитации. Отметим можно лишь относительную готовность и обеспеченность шелеховского отделения «Яблока», иркутских отделений «Демвыбора» и «Коммунистов России».

Крупная фигура в иркутской региональной политике Нина Чекотова договорилась с «Единой Россией» и выдвинулась по мажоритарному округу действующего депутата главного врача онкологической больницы единойроссии Виктории Дворниченко. Другие политики-тяжеловесы из «Единой России» тоже предпочли идти по мажоритарным округам, т. к. зачастую это оказывалось дешевле, чем покупать себе проходное место в партийном списке партии. Самостоятельное прохождение по мажоритарному округу также дает депутату большую самостоятельность в действиях, по сравнению с теми, кто прошел в Собрание по списку.

Содержание кампании

Раньше всех избирательную кампанию в Законодательное собрание Иркутской области начала «Единая Россия». Примерно за 6–7 месяцев до дня голосования по всей области стали появляться крупные плакаты со стихами и высказываниями популярной в регионе областнической тематикой. Это были стихи и высказывания иркутских поэтов и писателей, подчеркивавшие сибирскую идентичность и особенность. Областническая тема активно сопровождалась СМИ, организовывались посвященные сибирским писателям и деятелям культуры курсы, конференции и т. д. Так как в это время агитация партий еще была запрещена, то плакаты не были подписаны «Единой Россией», они лишь выдерживались в определенной светло-голубой тональности. Технологи «Единой России» планировали обозначить тему, как свою, на втором этапе ближе к июлю, когда будет разрешена агитация. Ход был довольно интересным и оригинальным, все было продумано от начала и до конца, однако в итоге все это обернулось полным провалом для штаба «Единой России».

Областническая тема была успешно перехвачена «Гражданской платформой», которая сделала свои партийные плакаты и символику в соответствии с тем самым светло-голубым тоном и присвоили себе авторство областнической тематики. Единороссы попытались восстановить справедливость и вернуть себе оказавшуюся удачной тему, но неудачно, и электоратом областническая тема прочно ассоциировалась с «Гражданской платформой».

8 июня 2013 г. «Единая Россия» провела партийные праймериз, которым предшествовали молодежные праймериз. Затея этого мероприятия была ясна: попытаться выявить наиболее успешных и проходимых кандидатов из «Единой России» для формирования списка кандидатов, мобилизовать избирателей для их поддержки и улучшить имидж партии, как самой демократичной и открытой. Молодежные праймериз проводились с целью привлечения активной молодежи в кампанию на стороне «Единой России». Победителям молодежных праймериз давалось третье место в списке по округу. И взрослые, и молодежные праймериз были проведены, но оказались малоэффективны и не привлекли большого внимания из-за плохой организации. Установленные путем праймериз списки кандидатов от «Единой России» практически сразу были нарушены и в дальнейшей кампании не соблюдались. Молодежные праймериз вместо ожидаемых тысяч активных молодых людей привлекли лишь несколько десятков, и то большей частью из актива «Молодой гвардии».

Третьим и наиболее успешным столпом кампании Единой России была идентификация партии с популярным губернатором Сергеем Ерощенко. Была создана некая «команда губернатора», о вхождении в которую заявляли все кандидаты от Единой России (и не только — «Гражданская платформа» тоже зацепилась за популярного губернатора и вошла в его «команду»). Лозунг «Под мою ответственность, под личный контроль!» стал ключевым в этой идентификации партии с губернатором-бизнесменом и бывшим силовиком. Губернатор стал паровозом и возглавил общеобластной список партии. За ним в список встали спикер Людмила Берлина и Нина Чекотова. В Иркутской области из-за отсутствия популярных губернаторов только в 2013 г. получилось использовать этот простой и очень популярный в других

регионах метод продвижения партии. В Иркутской области он, судя по электоральной социологии, сработал хорошо и принес результат.

Учитывая падение популярности «Единой России», многие одномандатники, позднее вошедшие во фракцию ЕР, дистанцировались от партии и предпочитали во время кампании связывать себя с ОНФ или губернатором. ЕР в целом провела слабосодержательную кампанию и в крупных городах вполне заслуженно провалилась.

В стратегии КПрФ доминировала традиционная для нее критика партии власти с левых позиций, но появилось и два новых элемента. Первый показался достаточно неожиданным для такой партии и заключался в лозунге «Делай, как мы!». Дело в том, что в списке КПрФ оказалось немало крупных бизнесменов и предпринимателей, в том числе владелец лучшего в регионе Усольского свиного комплекса Илья Сумароков, в очередях за продукцией которого по утрам стоят сотни людей во всех точках продаж. КПрФ продвигало идею того, что самые лучшие и ответственные бизнесмены состоят в их партии, и только они смогут поднять промышленность и бизнес региона. Второй элемент стратегии партии был вынужденным: партия получила 14 место в бюллетени и оказалась в окружении КПСС и Коммунистов России, поэтому КПрФ пришлось проводить разъяснительную работу с избирателями по позиции и названию Коммунистической партии РФ. Стратегию КПрФ можно считать относительно успешной. В пользу партии сильно сыграл рост оппозиционных настроений и недовольства Единой Россией и, при таком раскладе, КПрФ привлекла к себе больше всего оппозиционных голосов.

Стратегия ЛДПР не представляла ничего нового и состояла из стандартной идентификации партии с ее лидером Владимиром Жириновским, который во время кампании посетил Иркутск, а также активной агитационной работы на улице. Основной фронт был развернут в Братске и Братском районе, где партия набрала значимую долю голосов. В Братске ЛДПР не увлекалась своей популистской риторикой, а предлагала реальные решения реальным проблемам города и района. От партии выдвигались известные в городе депутаты городского Совета, поэтому братчане в итоге хорошо за них проголосовали.

«Гражданская платформа» в своей агитационной кампании сумела очень ловко увести тематику областничества от «Единой России» и умело использовала эту тему до конца. Партия основной упор делала на агитационной работе в Иркутске, т. к. именно там выдвигались на мажоритарных округах оба лидера партии, а также, потому что новая партия попросту не успела создать сильную эффективную региональную партийную сеть. Партия проводила многочисленные благотворительные акции, раздавая жителям Иркутска продуктовые наборы и ценные подарки. Активисты ГП летом проводили широкую кампанию по сбору подписей для возвращения ИВАТУ — иркутского авиационного университета, перенесенного в Воронеж по непонятным для горожан причинам. Естественно, что никаких последствий сбор подписей не имел на возвращение университета, но для партии это был отличный PR-ход. Дружественные отношения Прохорова и Ерощенко позволили получить партии поддержку губернатора и войти в его «команду». Эффект от присоединения «Гражданской платформы» к имиджу губернатору не имел такого большого влияния, как в случае Единой России, но все-таки сыграл позитивную роль в раскрутке партии.

Тактика «Справедливой России» была крайне слаба и не проработана и состояла в проведении массовых митингов с участием своих депутатов Госдумы и других стандартных методах агитационной работы. Однако «Справедливая Россия» сумела выделиться одним «блестящим» стратегическим ходом. День голосования был назначен на воскресенье 8 сентября, но так как в это время жители области обычно уезжают на свои дачи, чтобы копать картошку, то в штабе СР решили, что на выборах следует сделать ставку на дачников. Логика была такова: если «Справедливая Россия» сможет чем-то помочь иркутским дачникам, то они в

благодарность за это не поедут на свои дачи в воскресенье 8 сентября, а отправятся на избирательные участки поддержать партию. Исходя из этой логики, основным содержанием кампании штаб сделал «дачную тему», а именно отмену налога на землю для участков до 6 соток включительно. С этой темой «Справедливая Россия» провела все лето, законопроект об отмене налога на землю выдвигал в Заксобрания депутат Госдумы от СР Андрей Крутов, партия устраивала форумы и конференции садоводов и т. д. О результатах кампании будет сказано ниже.

Малые партии из-за нехватки ресурсов не смогли полноценных избирательных кампаний. Так, «Коммунисты России» очень активно начали избирательную кампанию, буквально заваливая всю область своими листовками и плакатами, однако к концу июля у них кончились деньги и всяческая агитация прекратилась. «Демократический выбор», не имея серьезной команды и ресурсов на кампанию, сосредоточился на агитации в социальных сетях. Лидеры партии бизнесмен Сергей Беспалов и политолог Алексей Петров размещали свои программы и агитационные материалы в сети Facebook, рассчитывая на сетевые связи своих многочисленных подписчиков. Партия «Яблоко» с небольшим, но организованным активом полностью сосредоточилась на шелеховском избирательном округе в попытке провести хотя бы одного кандидата в Собрание. Партии-спойлеры, естественно, никакой активности не проявляли.

По ходу кампании никаких серьезных информационных поводов не возникало. Наиболее острая борьба среди кандидатов-мажоритарщиков проходила в Иркутске, где на нескольких округах столкнулись крупные и обеспеченные политики. Самым грязным и скандальным оказалось противостояние Александра Битарова с действующим депутатом от «Единой России», членом Президиума регионального Совета партии Гайдаром Гайдаровым. Последний, в надежде как-то склонить чашу весов в свою сторону, начал массовую скупку голосов на территории подведомственной ему больницы. Операция политтехнологов штаба Гайдарова была обнаружена и раскрыта вовремя. С помощью своих медиа Гражданская платформа сумела раскрутить этот скандал и распространить видео скупки голосов избирателей в больнице Гайдарова по всему городу. Авторитет опытного политика был подорван, и от него отвернулось немало избирателей. В остальном кампания была довольно чистой и не породила больших скандалов.

Результаты и заключение

Явка в единый день голосования 8 сентября 2013 года оказалась очень низкой и составила 25 %. Самая большая явка была, как обычно, в бывшем Усть-Ордынском Бурятском автономном округе. Там к избирательным урнам пришли 55 % избирателей, 60 % которых поддержали «Единую Россию». «Фактор Усть-Орды» вновь проявил себя в полную силу и сработал в пользу партии власти. Самая низкая явка была в Усть-Илимске и Ангарске, где проголосовало лишь 14–16 % избирателей [Результаты выборов депутатов... 2013].

По результатам голосования только 4 партии прошли 5 % рубеж:

Таблица 1.

№	Партия	% голосов	Мандаты в округах
1.	Единая Россия	42,36 (-7,09)	17 (0)
2.	КПРФ	18,87 (+5,62)	1 (-3)
3.	ЛДПР	11,28 (-3,79)	1 (-3)
4.	Гражданская платформа	8,51 (+8,51)	2 (+2)

«Единая Россия» набрала на 7 % меньше, по сравнению с последними выборами в Заксобрание региона в 2008 г. Значительно прибавила КПРФ, «открытием сезона» стала «Гражданская платформа». Потеряв мощные финансовые ресурсы Нины Чекотовой, ЛДПР недосчиталась почти 4 %.

Главным неудачником выборов стала партия «Справедливая Россия». Обладая хорошей региональной партийной сетью, финансовыми средствами и активной помощью двух депутатов Госдумы, партия набрала лишь 4,07 %. Ставка на садоводов и дачников оказалась ошибочной. Партия не нашла сильных кандидатов для мажоритарных округов, понадеялась на пропорциональную часть голосования. В декабре 2011 г. «Справедливая Россия» получила на выборах в Госдуму в Иркутской области 13,36 %. Спонсоры и функционеры партии ожидали примерно такого же результата или же ненамного меньшего. Однако конечный результат в 4 % оказался плачевным, и ни одного депутата СР провести в Заксобрание не смогла.

Издавательством кажется результат партии КПСС, абсолютно не ведшей агитационной кампании и получившей в итоге 3,27 % — практически столько же, сколько и парламентская партия «Справедливая Россия», потратившая более 50 млн. рублей на кампанию. Остальные партии не смогли перешагнуть даже двухпроцентный рубеж.

В Иркутске на выборах в одномандатных округах 3 кандидата из 5 от Единой России потерпели поражение. Лидеры «Гражданской платформы» Александр Битаров и Владимир Матиенко сумели одолеть своих визави на своих округах, а самовыдвиженец, спикер иркутской городской думы Андрей Лабыгин победил действующего депутата Заксобрания и члена Президиума регионального Совета Единой России Татьяну Семейкину. В Усолье-Сибирском со своим соперником-единороссом расправился владелец Усольского свинокомплекса Илья Сумароков, а в Братске при поддержке Гаськова лидер ЛДПР Александр Любенков выиграл у действующего депутата и главного братского единоросса Сергея Гришина. Во всех остальных мажоритарных округах победу одержали либо кандидаты, сотрудничающие с партией власти [Население Иркутской области... б/г].

Как же изменение избирательных правил в 2009–2012 гг. повлияло на выборы в Законодательное собрание Иркутской области в 2013 г.? Рассмотреть следует два главных изменения: введение единого дня голосования и упрощение регистрации политических партий.

Чем оправдано введение единого дня голосования? Возможное объяснение можно найти в желании власти снизить содержание и накал избирательных кампаний, т. к. время основной агитации попадает таким образом на лето — время отпусков и выездов. В таких условиях новым и оппозиционным партиям трудно повышать свою известность и приобретать сторонников, т. к. население летом находится на даче или на курортах, а не в городе. Также единый день голосования понижает уровень политических технологий, которые могут использовать политики, т. к. профессиональные специалисты не имеют возможностей путешествовать от одной избирательной кампании к другой по регионам круглый год. Теперь они вынуждены выбирать 1–2 клиентов и работать с ними, тогда как большинство кандидатов испытывает недостаток в политических технологиях. И, наконец, выборы во второе воскресенье сентября гарантированно будут иметь низкую явку, т. к. для значительной части населения в это время наступает пора копки картошки. Снижение явки может играть на пользу власти, т. к. она оправданно рассчитывает административными методами привести на избирательные участки определенное количество избирателей и выиграть за их счет.

В случае Иркутской области все эти общие закономерности работают в полной мере. Явка действительно оказалась рекордно низкой для выборов Законодательного собрания. Есть основания полагать, что в Иркутской области Единая Россия и ее кандидаты, способные

административными методами мобилизовать часть избирателей для своей поддержки, выиграли от установления единого дня голосования во второе воскресенье сентября.

Упрощение регистрации политических партий имело двоякое влияние на избирательный процесс в Иркутской области. С одной стороны, на выборах смогли принять участие новые политические силы, выдвинуться и стать кандидатом стало намного проще, появились новые политики, новые идеи. Теперь люди, жалеющие войти в политику, получили большее пространство для маневра. Они могли, как договариваться со старыми российскими политическими партиями, так и войти в состав новых партий и принять участие в партийном строительстве в регионе с нуля. Однако упрощение выдвижения нового человека кандидатом в Собрание не сделало выигрыш выборов проще и возможнее. Из всех новых сил и по-настоящему независимых кандидатов («Гражданская платформа» — новая сила по партийной вывеске, а не по составу ее участников) ни один не смог хотя бы приблизиться к прохождению в Законодательное собрание. Наиболее близко к этому подошла, как ни странно, спойлерская партия КПСС, набравшая 3,26 %. В то же время по системе делителя Империаале голоса не прошедших барьер партий, в сумме набравших 19 % голосов, были поделены между прошедшими в Собрание партиями в пользу «Единой России».

Партии-спойлеры показали себя не слишком эффективными. Удачным оказалось только использование партии КПСС для увода голосов у КПрФ. Так, можно предполагать, что КПрФ могла набрать более 20 % и получить еще один мандат, если бы не спойлер КПСС, набравший 3,26 % голосов предположительно старых людей, проголосовавших за коммунистическую партию со старым советским названием. Можно ожидать, что большая часть из них проголосовала бы за КПрФ. Остальные спойлеры, направленные против Справедливой России и «Гражданской платформы», набрали очень мало и едва ли достигли поставленных целей забрать голоса у серьезных партий.

Выборы в Законодательное собрание Иркутской области 2013 г. сохранили за Единой Россией большинство в парламенте. На этой кампании впервые в регионе были применены технологии «паровоза» популярным губернатором, проведены предварительные праймериз и такой сильной оказалась конкуренция. Стоимость победной кампании в одномандатном избирательном округе в среднем оценивалась в 20–25 млн. рублей, т. е. эта кампания была одной из самых дорогостоящих и практически сравнялась по расходам с кампаниями в Госдуму. Новые избирательные правила значительно повлияли на результаты выборов в пользу партии власти и ее кандидатов, однако Иркутская область подтвердила свой статус демократического региона России, показав пример относительно чистой и конкурентной избирательной кампании.

Любарев А. 2009. Использование методов делителей на российских выборах. — *Российское электоральное обозрение*. — № 2. — С. 34–42

Петров Н. 2013. *Рейтинг демократичности регионов Московского центра Карнеги: 10 лет в строю* / Н. Петров, А. Титков; Московский Центр Карнеги. — М.: Московский центр Карнеги, 2013.

Петров А. 2014. Иркутская область в 2013 году. Региональный мониторинг для центра Карнеги. — *Сайт Московского Центра Карнеги: сайт*. — Доступно: <http://monitoring.carnegie.ru/2014/01/analytics/petrov-2013/>. — Проверено: 20.11.2018.

Население Иркутской области... б/г. Население Иркутской области. — *Федеральная служба государственной статистики: сайт*. — Доступно: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst25/DBInet.cgi?pl=8112027>. — Проверено: 20.11.2018.

Результаты выборов депутатов... 2008. Результаты выборов депутатов Законодательного собрания Иркутской области 2008 г. — *Официальный сайт Избирательной комиссии Иркутской области*: сайт. — Доступно: <http://www.irkutsk.vybory.izbirkom.ru/region/irkutsk?action=show&vtn=2382000278403&region=38&prver=0&pronetvd=0>. — Проверено: 20.11.2018.

Результаты выборов депутатов... 2013. Результаты выборов депутатов Законодательного собрания Иркутской области 2013 г. — *Официальный сайт Избирательной комиссии Иркутской области*: сайт. — Доступно: <http://www.irkutsk.izbirkom.ru/WAY/7711745D-CC9F-4DCA-B44D-0B803B8AFCBE.html>. — Проверено: 20.11.2018.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ ПОСЛЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЫБОРОВ 2013 г. В БАШКОРТОСТАНЕ

Н.А. Евдокимов

Башкирская академия государственной службы и управления

Аннотация: Республика Башкортостан — регион с высоким уровнем управляемости электоральными процессами и существенным административным ресурсом. Отделения политических партий в республике лишены политической самостоятельности. Попытки партий заявить собственную позицию фактически ведут к тому, что они лишаются реальных политических перспектив и возможностей в регионе. Существенное влияние на развитие региональной партийной системы также оказывают процессы, происходящие внутри политической элиты республики, а также специфика развития межнациональных отношений.

Ключевые слова: Республика Башкортостан, политический процесс, выборы, региональная партийная система, избирательная кампания, электоральная история, административный ресурс.

Изменения 2012–2014 гг. в партийном и избирательном законодательстве стимулировали бурный рост партийного строительства как на федеральном, так и региональном уровне. Говорить о месте новых партийных структур в российском политическом пространстве отчасти позволяют выборы, которые состоялись в регионах в этот период времени.

Характеристика политического процесса в Башкортостане

При М. Рахимове, который руководил Башкирией с 1993 (а фактически с 1990-го) по 2010 гг., регион считался классическим образцом этнократического авторитаризма. Политическая система полностью контролировалась лояльной Рахимову элитой, становление институтов гражданского общества было де-факто заморожено, но при этом в регионе сохранялся относительно высокий по сравнению с большинством других субъектов РФ уровень жизни.

В 2010 г. М. Рахимова на посту тогда ещё Президента Башкортостана (с 2014 года руководитель республики стал именоваться «Главой») сменил руководитель Федерального агентства водных ресурсов Р. Хамитов, не связанный ни с одной из властных группировок республики. Предполагалось, что это позволит новому президенту произвести «перезагрузку» всей общественной жизни Башкортостана.

Смена главы РБ повлекла серьезные кадровые перестановки в органах власти. Они начались с администрации и правительства, а к концу первого года президентства Р. Хамитов

почти полностью обновил руководство муниципальных районов и городских округов. Несколько позже, в начале 2012 г., сменился и глава администрации Уфы. Во власть пришли новые люди. Это породило определенные ожидания и обеспечило новому президенту известный кредит доверия, который, впрочем, со временем был исчерпан.

Р. Хамитов провозгласил курс на политическую и социально-экономическую модернизацию. В политической сфере предполагалось оживить институты гражданского общества, в том числе через повышение открытости самой власти. Кардинально изменился имидж первого лица региона. Новый руководитель активно работал со средствами массовой информации, некоторое время вел страничку в «живом журнале». Требование «повысить открытость» было предъявлено всем государственным органам.

Серьезное внимание было уделено республиканскому парламенту. Уже в ходе осенней сессии 2010 г. Р. Хамитов, обозначив основные приоритеты развития республики, «попросил» депутатов Госсобрания внести соответствующие изменения в законодательство. Менее чем за полгода было принято 54 закона, касающихся различных сфер общественной жизни, в том числе направленных на совершенствование местного самоуправления и законодательства о выборах, урегулирование деятельности общественных объединений и т. п. [О деятельности... 2014].

Изменилась и сама модель региональной власти. Летом 2012 г. Р. Хамитов вернулся к оперативному управлению правительством, как в первый год своего руководства республикой, когда он совмещал должности президента и главы правительства (ранее для Башкортостана подобное было нехарактерно). Премьер-министр А. Илимбетов практически лишился полномочий, а еще через два месяца, в октябре 2012 г., правительство было отправлено в отставку и утверждена его новая структура: должность премьер-министра была ликвидирована, а руководителем республиканского правительства стал президент.

Эти новации следует расценивать не столько как отставку правительства (его персональный состав не слишком изменился), сколько как попытку «переформатировать» его деятельность, эффективность которой не устраивала главу региона.

Электоральная история и изменения в партийном спектре

Развитие институтов гражданского общества в республике идет сложно. Митинги за честные выборы и в поддержку В. Путина, прошедшие в Уфе в декабре 2011 г. – марте 2012 г., были частью общефедерального тренда и повторяли сценарий столичных мероприятий. Во многом это объяснялось тем, что в постсоветский период все общественные организации РБ находились под контролем власти, а нередко и управлялись ею.

Несмотря на то что закон о политических партиях был принят в Башкортостане на семь лет раньше, чем аналогичный федеральный, — 21 июня 1994 г. [Аюпов 2003: 323], роль и вес партий в политической жизни республики были крайне незначительны. Если в начале 1990-х годов в Башкортостане было зарегистрировано 236 общественных движений и организаций, то к 1997 г. их число сократилось до семи [Никифоров 1997: 84].

В конце 1990-х гг. в региональном электорате сформировался либеральный сегмент, появились новые политические силы, активизировалось участие партий в избирательном процессе, был либерализован порядок выборов в республиканский парламент. Однако исполнительная власть осталась практически единственным субъектом на электоральном поле. Влияние центра в этот период выражалось лишь в некотором изменении нормативной базы общефедеральных выборов [Чувилина 2006: 194].

В начале 2000-х гг. в республиканском избирательном процессе наметились те же тенденции, что и в стране в целом, а именно — резкое снижение результатов оппозиции при

значительном росте поддержки «партии власти» в лице «Единой России». На думских выборах 2003 г. Башкортостан практически продублировал общефедеральные результаты: «Единая Россия» набрала 38,9 % голосов, КПРФ — 13 %, ЛДПР — 11 %, «Родина» — 6,5 %.

На думских выборах 2007 г. региональная «Единая Россия» заметно обогнала федеральную, получив 83,2% голосов. КПРФ поддержали 7,4 % избирателей, «Справедливую Россию» — 4,16 % [Центральная 2014].

Не особенно изменилась ситуация и на выборах 2011 г. «Единая Россия» набрала 70,5 % голосов (на 12 % меньше, чем в 2007 г., но в целом примерно столько же, сколько на выборах в муниципальные органы в марте 2011 г.). Зато КПРФ получила на этих выборах вдвое больше — 15,65 % голосов [Центральная 2014].

Более заметные изменения произошли в 2013 г. — в связи с новациями в партийном законодательстве. Новые правила игры способствовали увеличению числа партий, и это частично отразилось на ходе и результатах выборов в Госсобрание.

Региональные выборы 2013 г.

Выборы состоялись 8 сентября 2013 г. Число их участников существенно возросло, что привело к обострению политической борьбы и появлению в политическом контингенте новых лиц. При этом актуализировался вопрос об эффективности новых партий, их способности составить конкуренцию «старым», прежде всего «Единой России».

В выборах приняло участие 12 политических партий, хотя в Башкортостане на тот момент было зарегистрировано около четырех десятков. Большинство партий либо опоздали с регистрацией, либо не имели достаточных ресурсов для проведения кампании. Впрочем, и многие участники выборов руководствовались олимпийским лозунгом — «главное не победа, а участие». Семипроцентный барьер сумели преодолеть лишь две партии — «Единая Россия» и КПРФ. Если бы не возврат к голосованию по одномандатным округам, где оппозиции удалось провести нескольких кандидатов, то полностью бы воспроизвелась картина, сложившаяся по итогам предыдущих выборов. Однако присутствие в депутатском корпусе представителей ЛДПР, РЭП «Зеленые», «Патриотов России» и ныне уже не существующей «Партии социальной солидарности» не изменило расстановки сил. «Единая Россия» по-прежнему обладала абсолютным большинством, а оппозицию в региональном парламенте представляют лишь 16 депутатов (из 110).

Партийно-политический спектр

Электоральному пространству Башкортостана свойственны те же черты, что и России в целом: высокая управляемость партийно-политическими процессами со стороны федеральной власти, превращение «Единой России» в инструмент мобилизации электората и борьбы с политическими соперниками, жесткий контроль власти над информационными потоками, использование государственных СМИ для наращивания поддержки «партии власти» и т. д.

«Единая Россия» появилась в республике в 2002 г., сразу как лидер партийного спектра, и в дальнейшем только укрепляла свои позиции. Располагая мощным административным ресурсом, она создала в регионе разветвленную сеть местных отделений, подконтрольных районным и городским властям. ЕР занимает первое место в республике по партийной численности — более 80 тыс. человек [Региональные 2014] — и безусловно доминирует в представительных органах всех уровней.

Оппозиционные партии влияния на республиканскую политику практически не оказывают. Все они, как правило, организационно неразвиты и чрезвычайно слабы в кадровом пла-

не, не пользуются поддержкой населения, а потому не способны составить сколько-нибудь заметную конкуренцию провластным структурам.

Наиболее хорошо в избирательной кампании 2013 г. был представлен левый фланг политического спектра, к которому мы отнесли восемь партий: КПРФ, «Справедливая Россия», Российская экологическая партия «Зеленые», Партия социальной солидарности, Патриоты России, «Альянс зеленых — Социал-демократы», Российская партия пенсионеров за справедливость, «Рожденные в СССР». Это объясняется двумя основными факторами. Во-первых, в массовом сознании и частично в сознании политически активной общественности бытует убеждение, что российские избиратели в большинстве своем тяготеют к левому флангу. На наш взгляд, это ложный стереотип, который весьма далеко ушел от реальности. Во-вторых, левая оппозиция представляет для правящей группы бóльшую опасность, чем правая, где не заметно партий, способных уже сегодня бросить вызов «Единой России». Соответственно, власть заинтересована во внедрении в левую часть спектра партий-спойлеров — таковыми и являлись целый ряд участников выборов в республиканское Госсобрание в 2013 г.

На выборах 2013 г. левые партии получили в сумме 17,58 %, что следует оценить как крайне низкий результат — даже с учетом использования против них административного ресурса и прочих способов дискриминации.

Башкирское региональное отделение КПРФ было создано еще в 1993 г. На сегодняшний день оно насчитывает более 3 тыс. человек. Это четвертое по численности региональное отделение после «Единой России», «Справедливой России» и ЛДПР. В думской фракции КПРФ Башкирия представлена пресс-секретарем Г. Зюганова А. Ющенко, который прямого отношения к республике не имеет. В республиканском парламенте, избранном в 2013 г. КПРФ была представлена восемью депутатами, сформировавшими собственную фракцию. Руководителем рескома КПРФ является член ЦК КПРФ Ю. Кутлугужин.

Однако в целом рейтинг КПРФ в республике ниже, чем в среднем по стране, что обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, несколько лет назад региональное отделение Компартии пережило тяжелый внутренний кризис, закончившийся расколом и уходом части руководителей к конкурентам (в частности, в «Справедливую Россию»). Во-вторых, из-за отсутствия внутреннего единства отделение не имеет четко выраженной позиции по многим актуальным вопросам общественно-политической жизни региона. В сущности, в Башкортостане коммунисты не являются оппозицией в привычном понимании. В-третьих, БРО КПРФ более активно в период общероссийских выборов, нежели республиканских, что связано в том числе с тем, что федеральные кампании финансируются значительно лучше, чем региональные.

Вполне объяснимы и не слишком высокие результаты ЛДПР. Последовательная критика В. Жириновским и его сторонниками идей федерализма и их призывы ликвидировать национальные республики, включая Башкортостан, существенно сказались на позициях партии в регионе. Республиканская организация ЛДПР получила регистрацию в Министерстве юстиции РБ в 1996 г. (годом раньше администрация Уфы зарегистрировала общественное объединение «Соколы Жириновского»). Сегодня в БРО ЛДПР состоит более 3 тыс. человек, в том числе депутат Госдумы и бывший координатор республиканского отделения партии И. Сухарев. В Государственном собрании избранном в 2013 г. ЛДПР представляли три депутата, избранные по одномандатным округам. Партии также удалось провести двух человек в Уфимский городской совет. Позиции либерал-демократов в Уфе несколько прочнее, чем в целом по республике, что и позволило им добиться этого результата.

Но как и в случае КПРФ, ЛДПР в республике существенно слабее, чем в среднем по стране. Объясняется это не столько внутривнутрипартийными причинами, сколько отсутствием у националистически ориентированной партии серьезной электоральной поддержки в полиэт-

ническом и поликонфессиональном регионе. Особенно это касается сельской местности, где доля нерусского населения больше, а поддержка региональной власти наиболее высока.

Становление «Справедливой России» в республике проходило очень трудно. Региональное отделение СР было создано в начале 2007 г. на базе БРО «Родины», Российской партии жизни и Партии пенсионеров. Объединение совершенно разных по идеологическим и электоральным характеристикам структур привело к конфликту бюрократических аппаратов и партийной элиты, что, в свою очередь, на несколько лет сделало региональное отделение СР практически недееспособным. За несколько лет в БРО СР сменилось четыре руководителя, и естественно, это не способствовало организации работы на местах. Кроме того, «Справедливая Россия» так и не смогла наладить работу с широкими слоями населения и до сих пор воспринимается многими как искусственное образование. На сегодняшний день численность регионального отделения СР превышает 7 тыс. человек — второе место после «партии власти».

Ничего удивительного нет и в том, что на выборах-2013 отсутствовали кандидаты от правых партий («Правое дело», «Яблоко»). У них просто нет местных отделений за пределами Уфы и ряда крупных городов, а потому их активного участия в выборах никто и не ожидал.

Республиканское отделение партии «Яблоко» действует в регионе с начала 1990-х гг. и в настоящее время насчитывает более 1,5 тыс. человек. Однако в целом электоральная поддержка «Яблока» незначительна, поэтому в органах власти оно не представлено.

Республиканское отделение партии «Патриоты России» является правопреемником Евразийской партии России. Оно насчитывает более 1,1 тыс. человек. При создании РО ПР массовый прием в его ряды был проведен на общереспубликанском собрании татарской общности Башкортостана (декабрь 2005 г.), поэтому большинство башкирских «патриотов» принадлежит к означенной татарской общности, весьма радикально настроенной. Это отчасти относится и к руководителю ПР в Башкортостане З. Хакимову, который начинал свою политическую деятельность в качестве лидера молодежного татарского движения. Популярность партии в Башкортостане невысока, однако З. Хакимов в 2013 г. смог пройти в Курултай по одномандатному округу.

Все сказанное позволяет сделать вывод о невысоком уровне поддержки оппозиции в республике. Данная ситуация характерна, впрочем, не только для Башкортостана, и вызвана следующими обстоятельствами: а) оппозиция, даже будучи представлена в парламенте, не имеет реальной возможности влиять на принятие политических решений; б) оппозиционные партии ориентированы исключительно на электоральную функцию; в период между выборами работа не ведется; как результат — низкая узнаваемость лидеров оппозиции.

Выводы

Итак, характер избирательной системы играет на региональных выборах второстепенную роль. Для оппозиции непринципиально, по пропорциональной или смешанной системе проводятся выборы. Ее политический статус зависит не столько от результатов выборов, сколько от адекватного определения социальной базы и наличия внятной идеологии. В настоящее время большинство программ оппозиционных партий в Башкортостане лишены каких-либо признаков политической самоидентификации, что свидетельствует о низком уровне их развития на региональном уровне.

Учитывая общие эволюционные тенденции в партийной системе региона, можно предположить, что и в ближайшем будущем в республике не произойдет кардинальных изменений. Парламентские партии, прежде всего «Единая Россия» и КПРФ, с высокой долей веро-

ятности сохраняют свое положение. Иные партии (в том числе новые), связанные с нелояльными местной власти оппозиционными группами, вероятнее всего, не добьются успеха.

Аюпов М.А. 2003. *Региональные политические трансформации в современной России*. — Уфа: Гилем.

Никифоров Ю.Н. 1997. Конституирование многопартийности. — *Политические партии и движения в Башкортостане: история и современность*. — Уфа.

О деятельности Государственного Собрания... 2010. *О деятельности Государственного Собрания-Курултая в период осенней сессии 2010 года*. — Доступно: http://gsrb.ru/ru/press_center/news/6155/?sphrase_id=8549. — Проверено: 10.12.2018.

Региональные отделения... б/г. *Региональные отделения всероссийских политических партий*. — Доступно: <http://www.cikrb.ru/PP/ListPP/index.php>. — Проверено: 10.12.2018.

Центральная избирательная комиссия... б/г. *Центральная избирательная комиссия Республики Башкортостан*. — Доступно: <http://www.bashkortostan.vybery.izbirkom.ru/region/bashkortostan>. — Проверено: 10.12.2018.

Чувилина Н.Б. 2006. Электоральные процессы в Республике Башкортостан в постсоветский период: роль институтов гражданского общества. — *Глобализация и социальные изменения в современной России: тезисы докладов III Всерос. социол. конгресса*. — М.: Альфа М.

Памяти В.В. Бибихина

О ПРИЕМАХ МЫСЛЯЩЕЙ РЕЧИ В.В. БИБИХИНА

С.С. Неретина
Институт философии РАН

Аннотация: *Философия выдающегося российского философа, получившего международное признание Владимира Вениаминовича Бибихина (1938–2004), идеям которого посвящены многочисленные конференции, «круглые столы», семинары, философские школы, статьи его коллег, учеников и слушателей, представлена через описание приемов его мыслящей речи: возврат, догадничество, интимность, вопросительность, схватывание, эффект задержки. Бибихин интересовал мир, как он есть, его полнота. «Язык философии», «Лес», «Мир», «Собственность», «Другое начало», «Внутренняя форма слова», «Узнай себя», «Смена аспекта» — это книги, представляющие собой записи лекционных курсов, прочитанных на философском факультете МГУ. Однако темы, развернутые им, были гораздо шире: это «онтологические основания правды», «государство и право в „Политике“ Аристотеля и у других авторов», «гонка за бытием. Ахиллес и черепаха», «поиск своего в „Алкивиаде“ Платона» и многое другое. Показана теснейшая связь мыслителя с античной традицией, прежде всего — аристотелизмом. Приведены примеры критического анализа его философии.*

Ключевые слова: *Бибихин, философия, прием, реверсивность, аспект, энергия, право, догадничество, интимность, вопросительность, речь.*

В этом году исполнилось 80 лет со дня рождения Владимира Вениаминовича Бибихина. Это был, конечно, филолог, конечно, переводчик, но, прежде всего, — философ. В книге «Философские одиночества» я дала о нем краткую справку: «Владимир Вениаминович Бибихин (29.08.1938 – 12.12.2004) — российский религиозный философ, после окончания школы был рядовым Советской армии, поскольку его не приняли на философский факультет МГУ. Затем учился на переводческом отделении Московского государственного педагогического института им. М. Горького, преподавал в МГИМО, институте им. М. Горького, на историческом факультете МГУ. С 1972-го по 2004 г. работал в Институте философии, с 1990 г. — в Центре методологии и этики науки. В 1977 г. он защитил кандидатскую диссертацию по филологии „Семантические потенции языкового знака“ и никак не хотел защищать докторскую в Институте, считая, что должен защитить ее там, куда его не приняли. Он не успел. Но звание филолога за ним тянется и до сих пор» [Неретина 2008: 225].

О нем нет надобности говорить с помощью определений «выдающийся», «известный», «знаменитый», хотя к концу своей жизни он таковым был и о том знал. Философия — это его дело. И, слава богу, сейчас интенсивно возникает заслуженный интерес к его мысли, к раздолью его мысли, к ее богатству, к рожденным ею интересам. Появились рецензии и статьи А. Магуна [Магун 2015], М.А. Богатова [Богатов 2015: 90–111; 2017: 216–228; 2017: 366–373; 2018], А.В. Михайловского [Михайловский 2011], Д. Павловой [Павлова 2017; 2017а; 2015], С.С. Хоружего [Хоружий 2016], И.В. Борщ, А.А. Тесли, В.Ю. Файбышенко, С.А. Шульца. Ссылки на эти, вышедшие, материалы собраны на сайте, специально посвященном В.В. Бибихину (Bibikhin.ru). О Бибихине написано и в нашей с А.П. Огурцовым книге «Пути к универсалиям» (СПб.: РХГА, 2006) и в моей книге «Философские одиночества» (М.: ИФ РАН, 2008).

Почти каждый год после кончины Владимира Вениаминовича проводились памятные семинары сначала в Центре методологии и этики науки, которым руководил А.П. Огурцов. На них присутствовали коллеги Бибихина по Институту философии РАН, его ученики или участники его семинаров из других научных или образовательных учреждений. После 2014 г. такие же семинары или «круглые столы» собирались в секторе философских проблем социального и гуманитарного знания Института философии РАН: так стал именоваться Центр методологии и этики науки. Один из них, состоявшийся 11 декабря 2014 г., был опубликован в электронном философском журнале «Vox» (2014, вып.17). Филологический факультет Самарского госуниверситета в Студеном овраге (Самара) в 2015 г. и 2016 г. в рамках летней филологической школы по инициативе Натальи Павловской проводил «бибихинские штудии» по курсам Бибихина «Лес» и «Мир». 75-летнему юбилею Бибихина и его философскому наследию была посвящена Международная конференция, состоявшаяся в Европейском университете Санкт-Петербурга в 2013 г. В 2018 г. в Институте философии РАН, в рамках проекта «Философская мастерская» (мастер-класс № 1), состоялся круглый стол, посвященный 80-летию Бибихина, на котором обсуждались «темы, подсказанные Бибихиным», и где участвовали М.А. Богатов, А.Г. Гаджикурбанов, В.Г. Лысенко, Д.А. Лунгина, Я.Э. Мановас, А.А. Михайловский, С.С. Неретина, И.И. Павлов, С.С. Хоружий и др.

Так что вряд ли можно согласиться с опубликованной в интернет-журнале «Гэфтер» в 2018-м г. статьей Богатова «„Почему Бибихин — не Хайдеггер?“ *О контрапунктах и синкопах русской философской полифонии*», где говорится, что, несмотря на то, что «на данный момент издано более двадцати отдельных книг Владимира Вениаминовича, некоторые выходили (и продолжают выходить) вторыми и третьими изданиями, то есть несколько десятков тысяч книг были распространены, что значит: кем-то куплены, возможно, прочитаны — и... при этом — совершенное молчание» [Богатов 2018а]. Не вполне справедливо и объяснение такого молчания, связанное, по мнению Богатова, «с определенным настроем академической профессуры, которая чаще всего не решается всерьез заниматься своими ровесниками или теми, кого они могли застать при жизни» [там же]. Другая причина молчания (если его признать, хотя надо признать и то, что философская жизнь Владимира Вениаминовича началась во время разрушения философских и прочих коммуникаций — в 90-е годы! Книги не доходили до возможных читателей) тоже, на мой взгляд, не соответствует состоянию дела, а именно: «Бибихин уже сложился, самостоятелен, целостен; писать о нем — это все равно, что этой целостности и полноты не видеть, расписываясь в собственной ущербности. Поэтому из любви и понимания к нему устанавливается молчание — и любой, кто его нарушит, будет занесен в „черный список“». Его заведомо, даже не вчитываясь, можно обвинить в неадекватности, указать на ограниченность автора. Но если мы вчитаемся, то, тем более, всегда — при желании — уличим пишущего в том, что он не все охватил». Читатель, однако, тем более *философствующий* читатель не боялив, достаточно посмотреть на темы выступавших на упомянутой выше Международной конференции в Санкт-Петербурге в 2013 г., чтобы обна-

ружить, что нет ни стеснения в выборе частных тем, ни страха перед неполнотой объяснения.

Вот, например, некоторые темы, поднятые на конференции, обсуждавшей фундаментальные понятия в мысли В.В.: событие, собственность, энергия. С.С. Хоружий поднял тему «Бибихин, Хайдеггер, Палама в проблеме энергии», К.С. Пигров — тему «Концепт дневника в творчестве Владимира Бибихина», А.А. Погребняк — «„София“ мира и человеческий интерес», В.Г. Косыхин — «Полюс события: Бибихин и феноменология», Л. Леонкевич — «В. Бибихин как антипаламит», М. Мардер — «Близость леса», О.В. Хархордин — «Понятие собственности в философии В.В. Бибихина и современная Россия» и пр. Говорят и о частном, и о полноте, вовсе «не полагая, что говорить о полном и радостном, целом, нельзя». Более того, появились критические работы, вовсе не затрагивающие проблему, почему Бибихин — не Хайдеггер.

Достаточно сослаться на прекрасную работу Хоружего «Бибихин, Хайдеггер, Палама в проблеме энергии», в которой Сергей Сергеевич, по его словам, выполняет «странную» миссию. «За своей стандартной стилистикой, вопреки ей, этот доклад (статья — текст доклада, прочитанного на конференции 2013 г. — С.Н.) — не академический текст, скорее род „духовного упражнения“, совмещения несовместимых заданий. Я — друг его, которому выпало прожить сколько-то после него, и мне всегда ощущалось, что мы должны жить за наших ушедших, их представлять на земле, дабы через нас, в нас продолжилось бы их присутствие. „Теперь он сам уж не может, должен я за него“, — за него *быть здесь*. Но я еще и философ, всегда бывший не только его собеседником, но и оппонентом, и в этом тексте именно философом я обязан быть. Странно все это. Не знаю, что получилось» [Хоружий 2016].

Получился энергичнейший текст под статью теме статьи. Отдавая должное «уникальному опыту философии радикального экологизма», как определяет смысл философии Бибихина Хоружий, он характеризует его позицию как «ультра-аристотелизм» за его утверждение «несоизмеримого превосходства энергии покоя», за «предельное умаление роли „второй энергии“... актуализирующей возможность вплоть до игнорирования и даже прямого отрицания ее», хотя сам Аристотель в ответ на вопрос о последовательности начал (предшествует ли энергия возможности или возможность энергии?) давал основания «и для той, и для другой последовательности; т. е. за счет многозначности, многосмысленности энергии она и предшествует возможности, и за ней следует» [там же]. Переходя к анализу энергии Григория Паламы и отношению к этой трактовке Бибихина, считающего неоправданным новшеством введение паламитского различия божественной сущности и божественной энергии, Хоружий обнаруживает невозможность для Бибихина придерживаться ультра-аристотелевской позиции, хотя тот не только настаивает на ней, но не видит логической неадекватности своей позиции учению Паламы. Столь же утрированно, по мнению Хоружего, Бибихин относился и к Хайдеггеру, преподнося ультра-Хайдеггера, когда «настаивал, что в философии имеет свое место, свои права не только рассуждение, но и чувство; и в случае полноты вместо ее дефиниции, ее логических критериев он отсылал именно к чувству» [там же]. Хоружий видит в таком признании чувства бытия «пафос философствования Владимира Вениаминовича», «не столько философский тезис», сколько именно «философское чувство», которое «вкладывал и в свой перевод *Dasein*... Бибихинское чувство бытия — это чувство: *Бытие — вот! Вот оно!*» [там же]. И мы вынуждены согласиться с утверждением Сергея Сергеевича, что «для христианского сознания полнота обожения имеет сугубо эсхатологическую природу. В нашем „здесь“ она недоступна», хотя вряд ли без специальных оговорок можно согласиться с тем, что такая бытийная чувственность принадлежит античному, а не христианскому миру: сводящий ум в сердце Августин с этим бы не согласился, а он все еще жил не в расколоте на западное и восточное, католическое и православное христианстве.

Понятна увлеченность Владимира Вениаминовича Аристотелем. После долговременных акцентов, звучащих у многих философов, на различия мысли в разные эпохи, странно и

неожиданно твердо зазвучали несправедливые слова Бибихина, что одна и та же истина возникает не однажды, а бесконечное число раз. Это значит, что «стихия безумного экстаза, пейзаж апокалиптики окружают философскую мысль; она оглядывается на него с робким смущением, с неподдельным уважением, но держится своей трезвости». Это значит, что, как говорил в «Метафизике» Аристотель (VII 1 1028 b 2–4), «снова и снова, издревле и ныне, и вечно ищут, и вечно встают в тупик, спрашивая, что есть сущее, т. е. что есть бытие» [Бибихин 2001: 9]. С Аристотеля начиная, философия покончила с еще звучащими у Сократа мыслями о том, что она призвана к безмолвию или к прорицательскому жару и, как пишет Бибихин, решилась «сказать невозможное: сказать, что такое то, из-за чего все что есть есть то что оно есть» [Там же; см. также: Неретина 2008: 161].

Мое нынешнее высказывание касается, однако, двух вещей: ввести читателя в философский мир Бибихина, что, возможно, послужило бы более тщательному и заинтересованному чтению некоторых разделов его «Введения в философию права», которые публикуются ниже, и показать некоторые мыслительные приемы, применяемые Бибихиным, помощь которых позволяла ему высказываться предельно просто и емко.

Владимир Вениаминович мыслил, как дышал, это была его жизнь, которой он отказывал в чисто биологическом статусе. Он из этой жизни не желал выбрасывать ничего, даже того, что когда-то, после школы, его не взяли на философский факультет, и он хотел, повторюсь, защищать докторскую диссертацию именно там, куда его не допустили. Это было бы мало-мальское дело, к которому его, как правило, подталкивали сослуживцы. Гораздо важнее было его неустанное внимание к размышлениям других людей, предшественников и современников, — С.С. Аверинцеву, А.В. Ахутину, О.А. Седаковой, С.С. Хоружему и др., кого он считал со-участниками и со-причастниками делу философии. При понимании, при желании охватить мир всего, однако, возникал своеобразный, я бы сказала, эффект задержки, который есть свидетельство переходности себя в себя, в себя другого, часто принимаемый за силу простого повтора, традиции, за которую (соломинка!) хватается уходящее «культурное» поколение, естественно и справедливо не признающее «элементарной логики» ухода, желающее увидеть рождение нового.

Бибихин же желал понять именно логику возвращения. Этому, насколько помню, посвящено немало страниц в книге «Лес». Когда он писал о птицах, которые летят, угадывая, где именно у солнца выпрямляются лучи, когда они попадают в нужный «перепад температуры» [Бибихин 2011: 355], то это угадывание-изобретение совершается на молекулярном уровне, к которому птицы «приписаны, — он пишет, — как крепостные крестьяне к своим селам» [Там же: 355]. Этот переход от птиц к земле и крестьянам в высказывании обнаруживает гораздо большую всеобщую жизненную связь, чем если бы мы дотошно — диалектически (у Платона есть объяснение, возникшее из недоумения, о связи человека с птицей) — научно прослеживали эту связь. Хотя при этом невольно напрашивается вывод, что прежнее российское состояние прямо следовало природе — впадение в нее есть то, что Бибихин назвал попаданием. Его акцент, конечно, на сам прием, который работает безотказно. Правильное нахождение приема воздействует на понимание чего-то, что больше содержания, сущности, хотя все это он знал безукоризненно: поражаешься величине и качеству его знания. Но само нахождение приема, своеобразное изобретение — это и есть практика восстановления — важный для него термин. Это и есть возврат, позволяющий уцелеть, способствующий выживанию.

А потом, в другом месте, находишь тому, т. е. бибихинской мысли, подтверждение от авторитета — ссылку, что и эта мысль реверсивна, не одна. Ссылку, например, на С.С. Аверинцева, говорившего, что «русские не то что сообразительны, но догадливы» [Там же: 69].

О догадничестве говорили многие: Библер, М.К. Петров, но Бибихин раскрывал процедуру догадничества, ибо без догадки нельзя искать. Догадничество — свойство философствования, возникающее там, где все кончается и не на что опереться: надо догадаться, как

начать. Догадничество — толкач философствования. На этого толкача должен работать — Биbihин подчеркивает — искусственный (! — С.Н.) подготовленный взгляд (с. 21). Этот взгляд соответственно рождает ответственность за плод подготовки. Я помню диалог, возникший между Биbihиным и Огурцовым.

Александр Павлович: Владимир Вениаминович, Ваш комментарий к такому-то фрагменту «Логико-философского трактата» Витгенштейна позволяет думать...

Биbihин: Александр Павлович, если Вы считаете, что написанное о трактате — комментарий, я обижусь. Это сам Витгенштейн.

Тогда я: Владимир Вениаминович, если то, что Вы говорите, это слова Витгенштейна, почему Вы подписываете книгу «Биbihин».

Он подумал: Сказал Витгенштейн, но ответственность я беру на себя.

Стойкая черта этого подготовленного опыта — интимность, связанная с тем, что мы как бы, стараясь нечто выговорить, «боимся самих себя», может быть, даже не столько боимся, сколько теряемся от новизны пришедшей мысли, ибо тут же, сейчас же становимся другими. Его стиль — это интимность.

Владимир Вениаминович — не системный мыслитель. Он — я уже говорила — просто мыслит. Неожиданно. Будто про себя. Неординарно. Но мыслит так, что пунктир его мысли возникает во внутренней работе каждого, кто его читал: что бы он подумал по этому поводу? Это значит: его мысль захватывает потому, что эта мысль не навязчива, не уверена, вопрошительна. «Любое толкование будет отставать, сбиваться и именно поэтому толкования обязательно потребуются и будут *разные*. И так неуверенно я и должен говорить; *как будто бы* указательные знаки повернуты в одну сторону» [Там же: 22]. Но хотя указательные знаки повернуты в одну сторону, «лучше остаться при этой неуверенности» [Там же], правда, у него — строго выверенной. Непривычное видение — искусственно (хотя — он рядом вставляет — оно вовсе не искусственно, ибо предполагается другой смысл слова «искусственно», производный от искусства мыслить живое, сущее). Такова, например, книга. Он напоминал, что человек — книга [Там же: 421], написанная вообще за миллиарды лет, а потом человеком, поднявшимся на ноги 5 миллионов лет назад (150 поколений), *все* помнили о своих поступках и преступлениях, а последняя сотня разрешила себе их отложить — в библиотеки, т. е. забывать. И, полагая, что все могло сорваться, напоминает об устойчивости Геи, которая оказалась способной «менять своих кукол» [Там же]. Это важно продумать всем нам, отложившим память в гаджеты, став беспамятными.

Еще одна вещь, связанная с Биbihиным: он работает с проблемой «схватывания». «Схватывание» по латыни — концепт. Оно происходит вот здесь и вот сейчас. То, как сущее является, и то, как оно воспринимается, — одно и то же. Концепт-схватывание — не понятие, это дело, цепляющее нас способом ли высказывания, способом ли показа, конструкции, самого дела. Владимир Вениаминович задевает нас всепоглощающим накалом мысли, ее связью с мыслью мира. Хотелось бы сказать: она, мысль, вела с ним диалог, если бы он не подверг саму эту идею диалога — через истолкование философии культуры М.М. Бахтина — углубленному анализу. Я писала об этом в «Философских одиночествах», но сейчас, поскольку пишу о приемах речи, хотелось бы это повторить. Биbihин «обратил внимание на то, что „его не покидает ощущение“, будто М.М. Бахтин, разбирая литературное произведение, например Ф.М. Достоевского, «работает в искусственном отстранении от того, о чем говорит. „О, природа! — кричит... Достоевский. — Люди на земле одни — вот беда!.. Все мертво, и всюду мертвецы. Одни только люди, а кругом их молчание — вот земля!“ Бахтин выслушивает это гоголевское по размаху, с заглядыванием в новые бездны, место Достоевского и говорит не об ужасе перед Ничто, не о трагическом ясновидении поэта, а о — *мениппе*. Метания Достоевского, с кричащим надрывом, с горячечной невнятицей за порогом выразимого... Бахтин предлагает именовать техническим термином *диалог* или жаргонным философским *противоположность*... То же, что о *диалоге*, приходится сказать о *полифонии* —

двух терминах, характеризующих философию М.М. Бахтина. Бибихин считает саму диалогичность приемом среди приемов, полагая, что у М.М. Бахтина это своего рода ширма: многих в его время „условия заставляли перегрузить слово иносказаниями до немoty“. На деле же он продолжает указывать на „совсем другой простор и совсем другой восторг“, заключающийся в „простоте начала“. В любом случае перед нами вопрос — не возвели ли мы нечто случайное в разряд философии, без которого она уже не может обойтись?» [Неретина 2008: 49]. Бибихин — точно — мог обойтись.

Бибихин В.В. 2011. *Лес (hyle). (Проблема материи, история понятия, живая материя в античной и современной биологии)*. — СПб.: «Наука». — 425 с.

Бибихин В.В. 2001. *Слово и событие*. — М.: УРСС. — 280 с.

Богатов М.А. 2015. — *Способы говорить о Бибихине (проблема рубрикации творческого наследия в академической среде)*. — М.: Скимен. — С. 90–111.

Богатов М.А. 2017. Различие в понимании «Другого начала»: Хайдеггер и Бибихин. — *1917–2017: уроки столетия*. — Саратов: Издательство Саратовской митрополии. — С. 366–373.

Богатов М.А. 2017. Введение в лекционный курс Владимира Бибихина «Мир». — *Черные дыры букв. Альманах творческой лаборатории «Территория диалога»*. — Вып. 7. Ред. и состав. Е.Д. Богатырева. — Самара: ООО «КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО». — С. 216–228.

Богатов М.А. 2018. Аристотель в мышлении Владимира Бибихина. — *Вестник развития науки и образования*. — 2018. — № 1.

Богатов М.А. 2018а. «„Почему Бибихин — не Хайдеггер?“ О контрапунктах и синкопах русской философской полифонии». — *Гедфтер*. — 18.05. — Доступно: <http://Gefter.ru>. — Проверено: 15.11.2018.

Магун А.В. 2015. Понятие события в философии Владимира Бибихина. — *Стасис*. — Vol. 3. — № 1.

Михайловский А.В. 2011. Владимир Бибихин как философ права. — *Сократ*. — № 3.

Неретина С.С. 2008. *Философские одиночества*. — М.: ИФРАН. — 269 с.

Павлова Д. 2017. «Техника» М. Хайдеггера и «Энергия» В.В. Бибихина как гештальт эпохи. — *Наука и общество: проблемы современных гуманитарных исследований» (сборник трудов II Всероссийской очно-заочной научно-практической конференции студентов-стипендиатов ОРФ)*. — Саратов: СГУ.

Павлова Д. 2017а. Риск в философии: В.В. Бибихин и М. Хайдеггер. — *Общество. Человек. Риски*. — Саратов: ИЦ «Наука».

Павлова Д. 2015. «Топика» и «метрика» в мысли Владимира Бибихина. — *Революции: цивилизационный разлом или переворот?* — Саратов: ИЦ «Наука».

Хоружий С.С. 2016. *Бибихин, Хайдеггер, Палама в проблеме энергии*. — Доступно: <https://omiliya.org/article/bibihin-haydegger-palama-v-probleme-energii-sergey-horuzhiy>. — Проверено: 15.11.2018.

**Отрывок из первого раздела книги:
ВВЕДЕНИЕ В ФИЛОСОФИЮ ПРАВА. —
М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2013.**

В.В. Бибихин

Аннотация: Журнал «Политическая концептология» публикует фрагмент книги В.В. Бибихина «Введение в философию права».

Ключевые слова: Бибихин, философия, право.

4. Ревизор

Уже была названа главная тема нашей попытки философского разбора ближайших реалий государства, а именно идеальный императив как единственный возможный принцип права по Канту и по нашему убеждению. Введем теперь главное действующее лицо книги. Оно у нас уже появлялось и при разборе других тем в наших лекционных курсах. Мы называли его по-разному: наблюдатель, взгляд, вид, зритель, глаза. В сложном узле, о котором мы говорили, вспоминая между прочим о психосоциологии американских негритянских низов, и о котором Кюстин говорит, что «народ лукав, словно раб, что утешается, посмеиваясь про себя над своим ярмом», надо спросить: тот, кто смотрит таким насмешливым образом со стороны на свое рабство — он тоже раб? Так можно было бы подумать. Ничто не мешает однако говорить, что если раб смеется над своими цепями, то он свободен, как пленный Пьер Безухов, который рассмеялся, когда французский часовой не разрешил ему отдалиться от балагана с остальными военнопленными.

— Не пустил меня солдат. Поймали меня, заперли меня. В плену держат меня. Кого меня? Меня? Меня — мою бессмертную душу [...] смеялся он [...] [Голстой 1972: 522].

Смеясь, он оставался пленным, но в каком-то смысле, мы чувствуем, тот, кто смотрит на себя, другой, чем тот, на кого он смотрит.

В имперском театре середины XIX века (с ним нужно сравнить, здесь тема для серьезной работы, современное телевизионное освещение политики) все играют свои роли перед царем, но и царь играет свою роль первой скрипки и дирижера перед всеми. Прояснить вопросы права поможет введение лица наблюдателя в том исходном смысле, когда нет существенной разницы, наблюдает ли кто нас извне или мы наблюдаем себя сами.

В отдаленном сравнении острота, какую в наше время вносит скрытая камера, до появления технических средств фиксации была прерогативой ревизора. За три с половиной года до кюстиновского лета в России Гоголь написал с увлечением, за два месяца, комедию с таким названием. Приезжего принимают за ревизора — это был расхожий анекдот того времени. Подобное случалось с Пушкиным и с самим Гоголем. Появляется человек, который на

самом деле не простой, а скрытый наблюдатель, — эта ситуация грозила конечно тем, что обнаружится, что тот, кого наблюдают, должен был вести себя иначе, не имел права вести себя так, как вел, позволил себе недозволенное. В каком смысле мы боимся ревизора?

Для того чтобы представить себе силу ревизора, нам теперь нужно сделать усилие, потому что мы не видим инстанции, которая имела бы моральное право нас проверять. Власти в общем представлении не живут лучше, чем мы, и не посмеют обратить внимание на наши пороки, потому что мы тогда сами пожалуй заметим за ними то, что им не нравится. При те-перешнем способе правления есть реальная возможность в отношении каждого высокого человека доказать, что он нарушает закон. Вместо опасения реального ревизора сейчас однако существует общее размытое ожидание, что кто-то — неопределенный, может быть даже не человеческий, природная катастрофа, инопланетяне — придет, совершит суд или наведет порядок, у нас и во всём мире.

Ревизией русского человечества была вышеупомянутая пьеса Гоголя. Ее эпитафией была поставлена народная поговорка «На зеркало неча пенять, коли рожа крива»; зеркало как бы подносилось к каждому, чтобы он стал своим собственным ревизором. Пьеса заставляла

[...] Взглянуть вдруг на самого себя во все глаза и испугаться самого себя [Гоголь 1985: 353].

«Взглянуть вдруг на себя во все глаза», т. е. увидев себя всего, через союз *и* связано с *испугаться*. Одно стало быть равносильно другому. Что я живу не той жизнью, какую должен, само собой разумеется. Какие в таком случае у меня права, каким законом мне позволено жить, если, едва обратив внимание на себя, я потону в чувстве собственной вины? Никакие, никаким. По большому счету мои права на жизнь условные, игрушечные, они даны мне в шутку и комедийны; они принадлежат мне не больше чем Хлестакову, веселят меня на время и рано или поздно будут отняты первым встречным. Я набросился с жадностью на шуточные, условные права жить от страха за свою неправильность, как утопающий хватается за соломинку.

От своего чувства неуверенности сегодня я могу излечиться у аналога Хлестакова, например в современном тренинге уверенного поведения, где «учат обрести самоуважение и уверенность в себе; преодолеть робость и чувство беспомощности; выражать твердость и уверенность жестами, взглядом, тоном, темпом речи, осанкой, выражением лица». Легко себе представить оценку такого тренинга Гоголем, который увидел бы круговой обман или карточную игру во всей современной политической финансово-экономической системе. Гоголь говорит в грозной проповеди:

Этот настоящий ревизор, о котором одно возвещенье в конце комедии наводит такой ужас, есть та настоящая наша совесть, которая встречает нас у дверей гроба [...] этот ветреник Хлестаков, плут, или как хотите назвать, есть та поддельная ветренная светская наша совесть, которая, воспользовавшись страхом нашим, принимает вдруг личину настоящей и дает себя подкупить страстям нашим, как Хлестаков чиновникам, — и потом пропадает, так же, как он, неизвестно куда [...] жизнь, которую привыкаем понемногу считать комедией, может иметь такое же печально-трагическое окончание [там же: 352].

Символом настоящего, неподдельного ревизора повсеместно считался царь. Исходя из презумпции тотальной виновности, царь не заботился о том, чтобы у всех были политические права, так или иначе условные, и не особенно ревизовал их соблюдение. Царь считался или хотел быть сразу блюстителем того высшего назначения человека, когда человек, собравший всю свою энергию, ужаснувшись перед собственной неправдой, поднимается через слой (уровень) гражданских прав непосредственно к небесному гражданствованию. Государь

земной таким образом отождествляется с лицом верховного Господа. Условные порядки, титулы, чины осыпаются, единственно важным остается служение безусловно Высшему, и комический актер и писатель, например, да кто угодно, если он Высшему служит, заслуживает, по крайней мере в собственных глазах, высшего чина. Система права в служении Высшему сливается с моралью, мораль с религией. Всё становится серьезно, и только так появляется по крайней мере перспектива не соскользнуть в трагедию.

Не пустой я какой-нибудь скоморох, созданный для потехи пустых людей, но честный чиновник великого Божьего государства [...] Дружно докажем всему свету, что в русской земле всё, что ни есть, от мала до велика, стремится служить тому же, кому всё должно служить что ни есть на всей земле, несется туда же (*взглянувши наверх* [авторская ремарка к произносящему эти слова «Первому комическому актеру», Михаилу Семеновичу Щепкину, Городничему в «Ревизоре»]), кверху, к верховной вечной красоте! [Там же].

Верховный правитель, который держится божественным авторитетом, стоит таким образом выше права и на правовых основаниях не может быть смещен; в гораздо большей мере он сам санкционирован изменить право, закон, конституцию. Это делает его положение шатким в случае, если вера в него будет подорвана. Он тогда может быть смещен не то что революцией, но кем угодно, например в дворцовом перевороте. Но как в неправовом государстве непрочно положение единоличного правителя, или правителей, так же и каждый гражданин по-честному не может верить в надежность своего положения иначе как через санкцию верховного авторитета. В поисках нешаткой опоры он должен идти вплоть до верховной правды, которая страшно требовательна, потому что она выше чем человеческая.

Механизм ревизора тот, что достаточно пристально всмотреться в человеческое устроение на земле, чтобы обнаружилась его эфемерность, неправильность, вызывающая более или менее скрытую неуверенность человека в самом себе. Всякое *видеть* предполагает быть другим чем увиденное. Мы имеем виды на то, что увидели, т. е. не оставляем его таким, какое оно есть. Мы не можем не критиковать то, что видим, достаточно слишком пристально вглядеться самим или позволить вдумчивому художнику изобразить существующее. Способность глядеть и видеть райским зрением прекратилась в детстве.

Гоголь обращает внимание на обычное поведение под наблюдающим взглядом: оно такое же, как у всех в «Ревизоре» перед ревизором Хлестаковым, т. е. сводится к усилию показать себя в лучшем виде и задобрить глядящего всеми мерами, чтобы он в свою очередь одобрил нас. Тогда появляется иллюзия нашей оправданности, например на том основании, что мы не хуже других. Нетерпимое зло, возможно, существует, но уже не в нас. Снова говорит Гоголь-проповедник:

Лицемерны наши страсти, и не только страсти, но даже малейшая пошлая привычка умеет так искусно подъехать к нам и ловко перед нами изворотиться, как не изворотились перед Хлестаковым проныры чиновники, так что готов даже принять их за добродетели, готов даже похвастаться порядком душевного своего города, не принимая и в мысль того, что можешь остаться обманутым, как городничий [там же: 353].

Гоголь напоминает о существовании кроме поддельной хлестаковской совести настоящего ревизора, гораздо более строгого и бесконечно надежного. В письме Александре Осиповне Смирновой-Россет 6.12.1849:

Помните, что всё на свете обман, всё кажется нам не тем, чем оно есть на самом деле. Чтобы не обмануться в людях, нужно видеть их так, как велит нам видеть их Христос. В чём да поможет

вам Бог! Трудно, трудно жить нам, забывающим всякую минуту, что будет наши действия ре-визовать не сенатор, а тот, кого ничем не подкупишь и у которого совершенно другой взгляд на всё [Переписка 1988: 197].

С каждой минутой простого ожидания строгого ревизора он становится страшнее, в конце концов безмерно грозен, как в конце гоголевского «Ревизора».

Это появление жандарма, который, точно какой-то палач, является в дверях, это окаменение, которое наводят на всех его слова, возвешение о приезде настоящего ревизора, который должен всех их истребить, стереть с лица земли, уничтожить вконец — всё это как-то необъяснимо страшно! [Гоголь: 348].

Получилась таким образом не комедия, а всё-таки тяжелая трагедия. Комедий не бывает с уничтожением всех в конце, с отправкой всех в тюрьму, с неминуемым беспросветным будущим для всех. Разве что так: люди оказываются смешными куклами и умирают, замирая в неподвижности; *человек* восстает, не на сцене, а в зрительном зале, как глядящий, т. е. смеющийся глядеть, т. е. не нуждающийся в ревизоре, сам свой зритель.

Один и тот же человек может то договариваться с Хлестаковым, то всерьез разговаривать с настоящим ревизором. С этим разнообразием человека связана проблема субъекта права. Из-за неопределенности субъекта вообще право должно стоять как система само по себе и само на себе. Субъект права не дан раньше правопорядка; субъект, наоборот, определяется уже из существующей системы права и может быть привязан, гибко привязан или вообще не привязан к телесному человеку, к так называемому индивиду.

Люди, казалось бы устойчивые личностные образования, оказываются шаткими. Они могут перестроиться и внутри себя, и как социальная структура. Постоянным лицом оказывается наблюдатель, ревизор, судья. Сказанное о комедии относится ко всему обществу:

[...] В голове всех сидит ревизор. Все заняты ревизором. Около ревизора кружатся страхи и надежды всех действующих лиц [там же: 338].

Вездесущие ревизора связано с его невидимостью. Даже когда он не инкогнито, он должен быть загадочен. Его мнения должны быть непрозрачны, они молчаливо накапливаются для будущего решения. Даже когда он смотрит в нас самих, он инкогнито; мы никогда не знаем и не узнаем, кто он. Всякая попытка взглянуть на глядящего вызвана уже им и для него. Усилие Гоголя направлено на то, чтобы расплывчатого ревизора сделать определенным, узаконить как главное лицо навсегда.

Лучше ж сделать ревизовку всему, что ни есть в нас, в начале жизни, а не в конце ее. На место пустых разглагольствований о себе и похвальбы собой [...] в начале жизни взять ревизора и с ним об руку переглядеть всё, что ни есть в нас, — настоящего ревизора, не подложного, не Хлестакова! [Там же: 351]

Когда Гоголь советует это, он надеется на особое свойство русских даже в рабском и подчиненном состоянии сохранять взгляд на себя со стороны и готовность к перемене.

[...] Смех у нас есть у всех; свойство какого-то беспощадного сарказма разнеслось у нас даже у простого народа. Есть также у нас и отвага оторваться от самого себя и не пощадить даже самого себя [там же: 357].

Другое, высокое гражданство, к которому зовет Гоголь, в «великом Божьем государстве» [там же], где искусство может быть более важным служением чем полиция и промышленность, предполагает полные права каждого в той мере, в какой каждый давно и безоговорочно признал над собой настоящего ревизора, совесть, и она ему слышнее и важнее всех других голосов, в том числе серьезнее чем указания власти и официальной церкви. Человек, принявший настоящего ревизора, не примет порядка, устроенного не по совести.

Мы говорили о двух типах государственного устройства, одно — вокруг единого правителя как главы семьи, другое — договор равноправных, братьев. К какому типу отнести гоголевское гражданское устройство по совести? К любому из этих двух. Когда общество устроено не по совести, то всё равно, какую именно форму оно приняло. Гоголь предлагает таким образом карамзинское, пушкинское решение давнего спора, условно говоря, между европейским Западом и Востоком, «западниками» и «русофилами». Восточная идеология семейного устройства представлена, например, в недавней книге *А.М. Величко* «Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур». Величко спорит со старым немецким правоведом Рудольфом фон Иерингом (Ihering). По Величко, если право есть, как настаивает Иеринг, юридически защищенный практический интерес (так называемая юриспруденция интересов, или юридический прагматизм), — то борьба за право, которую Иеринг считает обязательной, оказывается ничем иным как вежливой гражданской войной, где каждый урывает себе что может (*homo homini lupus est*), хотя и в цивилизованно упорядоченной драке. Величко противопоставляет этому государственный идеал России, особенно как он оформился в XVI–XVII веках при Иване Грозном и первых Романовых, т. е. до Петра I. Впоследствии, по Величко, начала православного российского государства были подорваны западным влиянием. Зато в ту определяющую эпоху

борьба за право или права [...] никак не проявляется в деятельности Московского государства. Всё построено на идее ответственности, обязанности лица отдавать все силы для пользы государства и нести соответствующие повинности и обязанности [Величко 1999: 156].

Отступление от принципа безусловной, вознаградимой обязанности жителя перед государством было приближением к Западу и нравственным падением. Люди стали корыстно бороться за свои права во вред общественной гармонии.

Полной противоположностью этому началу рисуется позиция Иеринга:

В праве человек обладает и защищает условие своего нравственного существования; без права он нисходит до степени животного. Поэтому утверждение права есть долг нравственного самосохранения, полный же отказ от него — ныне, правда, немислимый, но некогда вполне возможный, — будет нравственным самоубийством. Точно так же и в процессах, где истец защищает от низкого нарушения своих прав, дело идет не о ничтожном объекте, а об идеальной цели: об утверждении самой личности и ее чувстве права. Интерес процесса обращается для него в вопрос характера: на карту поставлены утверждение или гибель личности [там же: 156].

Эти две позиции перестают казаться такими противоположными, если посмотреть на них с гоголевской точки зрения совести как ревизора. Как в восточном начале ответственность, обязанность предполагают отчет перед совестью, так у Иеринга человек защищает свои права не чтобы ему было удобнее, а наоборот, даже если это ему неудобно и судебный процесс обойдется ему дороже; защита прав есть обязанность перед своей совестью на защите общей справедливости. В позиции Иеринга не так важно, борется человек за права или нет: если он их себе требует ради корыстного интереса, то хоть бы и не требовал, всё равно; единственно важно, что он их требует ради идеи. И точно так же в позиции Величко не так

важно, служит человек государству или не служит; если само государство служит не идеалу по совести, то хоть бы никто ему и не служил, всё равно.

Если мы теперь вернемся к придворному балету, как его описывает Кюстин, то в свете Гоголя всё становится яснее. Император хочет играть роль настоящего ревизора, аристократа, по совести действующего из высших принципов. Его подданные хотят видеть в нём такое лицо. Император согласился на постановку «Ревизора». Если он — что скорее всего и было — видел, что в комедии показана вся Россия включая его самого, не исключено что в персонаже Хлестакова, то, разрешив постановку, император разрешил продолжать выяснение истины и принял связанный с этим риск.

Придворный балет разыгрывается конечно прежде всего перед императором. Вместе с тем играет, причем пожалуй старательнее всех, и сам император, концертмейстер, первая скрипка. Перед кем он играет? Конечно, перед подданными; он показывает им пример. Признаёт ли он их ревизорами и судьями над собой? Возможно, хотя только отчасти. Первое действующее лицо явно отчитывается еще перед кем-то решающим. Наверное, перед самим собой? У нас это легко проговаривается: он первый исполнитель роли, он же и свой собственный критик. Разница между этими двумя лицами велика? Здесь та же ситуация, что в случае лукавого народа, который посмеивается над собственным ярмом. Разница между рабом и насмешником может быть очень велика.

Наша тема не техника юриспруденции, а введение в философию права. Мы обязаны поэтому не обходить сложности — наоборот, надо идти им навстречу, — в понятии субъекта права. Всё равно без помощи философии правоведение в нём не разберется. Субъект права определяется обычно тавтологически как законно имеющий права, или как обладающий правосубъектностью. Можно подумать, что сначала дан субъект, которому затем закон дает права. На самом деле, как мы видели, всё обстоит наоборот; субъект сам по себе плывет, и только принятая система права имеет внутри себя уже готовые ячейки для субъектов права. Это особенно ясно видно в случае юридического лица, которое в принципе не может оформиться иначе как в допускаемом или предписываемом законом порядке. Но и физическое лицо определяется через закон, а не через свое биологическое наличие. Сравнительно недавно, еще менее ста лет назад, не всякое физическое лицо становилось полноценным субъектом права, например избирательного, а только такое, которое имело определенный размер собственности (имущественный ценз); после революции, наоборот, — только такое, которое не имело частной собственности; существовали и другие ограничения. Современная теория права считает, что в так называемом рабовладельческом обществе право, причем опять же не одинаковое в зависимости от имущества и происхождения, имели только свободные тела, тогда как несвободные в принципе не имели прав. В феодальном христианском обществе субъектами права были уже все тела без исключения, но разница в правах на противоположных полюсах, например между обельным (круглым) холопом и князем, была огромная.

Недавно, меньше ста лет назад, в европейском человечестве была введена новость: полное равенство в правах всех «граждан». Ясно, что реально равенства в правах нет и не может быть по разным причинам, например по такой простейшей: я не изучал законы, не знаю своих прав и по этой причине потерял при переоформлении участок земли, тогда как мой сосед по даче знает законы и не потерял. В хорошем случае власти ведут себя безупречно и не пользуются моим незнанием прав; чаще бывает наоборот и власти вовсе не спешат научить всех правам.

Поскольку безупречности ни с какой стороны ожидать не приходится, проиллюстрировать равенство прав оказывается удобнее именно через сравнение теперешнего положения дел с отмененным и якобы преодоленным прошлым. Применяется контрастная схема: вычерчивают эффектное, кричащее неравенство прав в прежнем обществе. Впечатляет каждого со-

общение о том, что рабовладелец в принципе ни перед кем не отвечал за отнятие жизни у тел рабов. По контрасту, всякое отнятие жизни у кого бы то ни было в наше время требует заведения дела. Реально за убийство раба в древности были свои санкции по обычному, неписаному праву, и иногда эти санкции были строже, чем например теперь наказание за убийство человека, которому не разрешено ношение оружия, человеком, которому разрешено ношение оружия.

Удобно, для номинальной системы права, чтобы она выглядела более обозримой и компактной. Упрямое нежелание вступить в пространство права поощряется со стороны самой системы права, которой удобно не входить в ближайшие реалии, ограничить глубину своего внедрения в жизнь. Индивид может быть, кроме того что физическим лицом права, еще и юридическим лицом. Он остается телесно тем же, но его права шире. Третий случай: индивид может хотя и не быть юридическим лицом, но он уполномочен лично выступать от имени коллективного юридического лица, например государственного органа. Тело, у которого есть только физическое лицо, тело, у которого есть также юридическое лицо, и тело, представляющее от государственного органа, явно не равны. Говорить, что они равны перед законом, теоретически возможно, но что у них *равные права* — только условно. Кто-нибудь скажет: но каждый может стать и юридическим лицом, и президентом, если умеет. Умеют явно не все. Мы возвращаемся к невозможности равноправия граждан.

В добавление к сложности субъекта права (1. Он исходно имеет права или формируется системой права? 2. Гражданин субъект права, государственные органы субъекты права, общественные организации субъекты права, причем граждане как субъекты права равны, но простой гражданин равен в правах гражданину, который в государственной должности? надо различать гражданина и государственную должность? надо ли считать должность субъектом права? и так далее) усложним реальность введением нового и, как уже говорилось, главного действующего лица, зрителя-ревизора, который совпадает или не совпадает с тем, кого он рассматривает.

Со временем будет проясняться, как полезно ввести это действующее лицо. Оно не совпадает ни с каким субъектом права, но оно не фикция. Наблюдатель, ревизор располагается в неразведанном пространстве или живет в нас самих, наблюдая, что и как мы делаем. Наблюдателя (зрителя) мало замечают по причине постоянного привычного ощущения его присутствия; все почти всегда позируют перед ним, свыкаясь с этим. Сидя здесь и разговаривая о праве, мы видим себя, и видящий смотрит, как мы говорим о праве. Видящий не заявляет о своих юридических правах, но он их имеет, причем немалые. Громадная тема доноса как одной из опор государства не будет рассматриваться нами именно потому, что она полностью входит в тему ревизора.

Хотя наблюдатель не заявляет формально о своих правах, ему может, например, стать скучно. Тогда всё, что перестало его интересовать, по сути дела перестанет для него и в конечном счете для нас тоже существовать, т. е. сравнится с ничто. Наблюдателю может быть, далее, сначала не скучно, но потом он обнаружит, что его заинтересованность была искусственно создана, его заманили. Он отомстит тогда забыванием того, чем, казалось бы, был так занят. Забытое опять же проваливается в ничто и выходит из бытия. В принципе имеет шанс сохраниться в бытии только то, что выдержало взгляд наблюдателя. История в этом отношении похожа на театр; если публике становится неинтересно, она уходит и представление сразу или со временем прекращается. Всё зависит от того, как понравится или не понравится зрителю. В этом смысле он имеет собственно все права, или одно главное право. Между тем он не юридическое лицо и ни в каком законе не зафиксирован. Социалистическая или коммунистическая цивилизация была почти построена, советский человек сформирован, но

стал скучен самому себе как собственному зрителю и перестал прилагать усилия на свое подержание.

Подыскивая другие имена наблюдателю, ревизору, вспомним о такой фигуре как шпион. *Шпион* кажется новым словом, в действительности оно очень старое. Вульгарное слово *шпик* неожиданным образом — такое с разговорной речью часто бывает — возвращает к лат. *speculum зеркало*, греч. σκέπτομαι с метатезой *осматриваться, обращать внимание*. Кто так делает, т. е. присматривается, становится *скептиком* у греков, в древненижнегерманском *srāhi умником*. Кто пристально вглядывается, может слишком много увидеть. Слово поэтому рано приобретает значение *шпион*. Первым это значение в европейских языках зафиксировано у итальянцев. Считается, что от них заимствовано в 1380-м первое зафиксированное применение во французском, *espion, шпионка espionne*.

Спустимся на ступеньку глубже. Глядящий как умный, наблюдательный, даже скептик, т. е. заглядывающий дальше внешней видимости, есть пока еще и ожидаемое расширение глядения. Обертон *шпиона* вводит ту мысль, что глядение простой вдумчивостью не ограничивается, оно опасным образом не наше. Шпиономания в Советском Союзе тысяча девятьсот тридцатых годов, отчасти похожая на ревизороманию тысяча восемьсот тридцатых годов, была сплошным взаимным прочесыванием умов и паническим желанием того, чтобы, если уж мне не дано выискивать шпионов, непременно остаться при невидном, наивном, не вглядывающемся взгляде. Правил всеобщий испуг перед взглядом, который отпущен на свободу и глядит бесконтрольно, а такой взгляд уже не подчиняется плану.

Откуда идет взгляд и кто в нас глядит на нас, проверяя нас, проследить трудно, если не невозможно. Мы обыкновенно бываем целеустремлены, и взгляд со стороны, чужой или наш собственный, сбивает нас с толку, мешает, как нам кажется, жить, даже отравляет существование. Скепсис, холодное вглядывание, подрывает наши сложившиеся представления, мешает смотреть на вещи так, как нам казалось привычно. Смотрящий оказывается так не просто шпион, собиратель сведений, а предатель. Глядящий грозит разрушить нашу жизнь (как ревизор). Французское *espier* в смысле *предать* появляется раньше чем в смысле *шпион* уже в бумагах 1080 года.

Присутствие в нашей действительности таких вещей как ревизор, скептический наблюдатель, шпион, подглядывающий, который может сглазить, мы обычно не соединяем в одно явление. Речь идет как будто бы о разрозненных вещах. В древнем сборнике священной поэзии Ригведе есть образ, который вмещает в себя всю стихию подглядывания, выслеживания, проверки. Второй по важности, иногда самый важный бог ведийского пантеона — Варуна, в основном бог высокого (звездного) неба или, что близко по смыслу, бог мирового океана, в котором мы все плаваем; он же бог правды. Из вещей, известных о Варуне, основная та, что повсюду сидят бесчисленные шпионы этого правителя мира и учредителя законов. Древние поэты, трезвые реалисты, не скрывали, в чём мощь всякого правителя: в хорошей секретной службе. Варуна бог насквозь просвеченного мирового океана, среды нашего обитания, и повсюду расселись его соглядатаи, переводит Елизаренкова, но точнее было бы перевести этимологически тем же словом, а именно шпионы,

Pari spaço ni shedire¹

paṅi, *при* нём расселись — сказано словом с тем же корнем что *резиденты* — его шпионы, тайные агенты, во множ. числе spaṅ. Энергичное слово, существительное, оно же основа глагола *заметить, вглядеться*. Spaṅ хорошо переводить на немецкий: Späher, шпион.

¹ RV I, 25, 13.

Варуна, предположительно высокое небо, всё покрывающий и обнимающий мировой океан, большеглазый, широкоглазый, тысячеглазый; повсюду расставив своих шпионов, он следит за всем и во всяком случае человеческие нарушения знает. Он не только всеобщий ревизор; он изначально, в исходной данности всё сковал жестким законом. Он везде, подобно водам мирового океана; от него не спрячешься. Остается только, приняв закон необходимости, впрямь не нарушая его и служа ему, просить о милости бога правды,

7. Кому известны птиц пути,
Летающих по поднебесью,
Владыке моря — кораблей.

Тогда через понимание божественного абсолютного закона откроется свобода близости к богам, к началам вещей. Варуна всё обволакивает еще и в том смысле, что не оставляет секретных и тайных мест, проникает в них, т. е. заполняет всё то пространство, которое есть кроме видимого, известного сейчас, и откроется позже.

10. Воссел владыка праведный
В своем жилище Варуна,
Чтоб, крепкий, самовластвовать.
11. Оттуда, всё сокрытое
Заметив, он следит за тем,
Что было и что сбудется.

Из-за своей невидимости он имеет безграничный объем, ему принадлежат все поля любого знания, а поскольку он окружил всё видимое своими наблюдателями, ему принадлежит господство над всеми тайными движениями человеческой души.

13. Плащ золотой (небо) взял Варуна,
Одежды белоснежные,
Расставил соглядатаев.
14. Лжец не возьмется лгать ему,
Ни ненавистник среди людей,
Ни — богу — лицемерные.
15. Себе создал он у людей
Почтенье беспредельное
И в наших недрах поместил [«в утробах наших», <пер.> Елизаренковой].

У Шекспира такими божественными шпионами сходят на дно жизни старый король Лир и Корделия.

[...] Come, let's away to prison:
We two alone will sing like birds i'the cage [...]
And take upon's the mystery of things
As if we were God's spies².

Вводя новое действующее лицо в пространстве права, возвратим древнему слову *шпион* значения, жившие веками и тысячелетиями в этом корне: спекуляция, т. е. созерцание, не обязательно с высматриванием выгоды; скепсис, пристальное внимание, подсматривание, вглядывание; подрыв всего нашего жизненного уклада внимательным взглядом со стороны;

² King Lear, Act V, Scene III.

предательство. Показать на шпиона невозможно, потому что он всегда успеет скрыться за кем-то из вездесущих божественных смотрителей. По предположению некоторых этимологов, к тому же корню, что *шпион*, принадлежат *настух*, *насти* и *спасти*. В древнеиндийском этот корень без *s* в начале, т. е. просто *раç*, значит тоже *смотреть*, *глядеть*, как и *сраç*.

Нередкое на процессах тридцатых годов подозрение невиновных, обвинявшихся в шпионаже и предательстве, что сам следователь шпион и предатель, было по существу правильно и вместе с тем недоказуемо и безрезультатно; подозрение делало подозреваемого вдвойне шпионом. Дело осложнялось тем, что дореволюционные ограничения на подозрение в шпионаже — не подозревается тот, кто со мной стоит на литургии, кто власть или судья, кто солидный, состоятельный и денежный, тем более если он почетный гражданин; вне подозрений аристократ во многих поколениях, ребенок, жена, — все эти традиционные алиби были революционно сняты.

В годы шпиономании шпион, который раньше был экзотикой далеко на горизонте, подступил вплотную. Всех стал душить неизвестно чего хотящий наблюдатель, глядящий из всех глаз, в том числе из моих собственных тоже. Никто ничего не боялся больше, чем шпиона в самом себе, и честный, преданный, наивный, ничего не замечающий, нескептический взгляд культивировался прежде всего как спасение от шпиона в себе.

Одевание всех одинаково серо в простой обыденный облик, отшатывание от шпиона как раз шпиона и провоцировало. Он стал заглядывать уже как-то совсем страшно и пристально повсюду, именно когда при всеобщей необеспеченности и одинаковости стало нечего наблюдать и высматривать. Как избавиться от тотальной слежки? Уничтожение всех шпионов — болезненный и самоубийственный способ. Уничтожающий начинает подозревать себя, а шпион оказывается неистребим. Что отовсюду смотрят тысячи глаз, после изгнания всех шпионов ощущается едва ли не острее чем раньше. Отовсюду смотрит Варуна, причем не просто смотрит; нередко встречается ощущение, причем не только у болезненных людей, что где-то делается сплошная магнитофонная запись или идет непрерывная киносъемка.

Статистически наиболее частый способ избавиться от шпиона — замкнуться в четырех стенах, в своей комнате, за высоким забором. Или еще глуше запереться, в обмане и отказе. Рано или поздно однако всё тайное станет явным, причем скрытному будет приписано и то, чего он не творил. *Quidquid latet apparebit, nil occultum remanebit*.

Единственный здравый, оправдывающий и спасающий способ уйти из-под надзора заключается в том, что живое показывает себя как может со своей лучшей и наиболее сильной стороны, этим отчитываясь перед глядящим. Церемониал придворного балета, одежда, подготовка тела, особенно царственного и женского, было таким показом перед зрителем императором, который в свою очередь показывал всё это устройство и себя Европе. Высший ревизор должен был умиловаться тем, что ему показывали всё самое лучшее.

В наше время показу той эпохи, когда одежда и церемониал больше всего притягивали взгляды, с некоторой натяжкой соответствует телевидение. Оно показывает всё, конечно, зрителю, но при этом есть и оглядка еще на кого-то, с большей частью неосознанным отчетом перед ним: смотри, что мы показываем зрителю. При разборе того, кому именно это говорят, остановиться трудно. В конечном счете мы остановимся перед загадкой: неясно, кому показывают. Во всяком случае дело обстоит не так, что одна часть человечества показывает что-то другой, и даже не так, что люди показывают себя сильным, властным, от которых всё зависит. Кому человечество показывает всё то, что оно показывает, в конечном счете остается в темноте.

Прежде чем перейти к другому разделу темы ревизора, кратко подытожим сказанное.

1) Что-то мы делаем только когда на нас не смотрят. Под взглядом мы ведем себя иначе, подразделяя степень ответственности; например, перед своими позволяем себе почти всё,

на другом полюсе, в храме, представляя себя перед всевидящим Богом, боимся шевельнуться. В комедии Гоголя «Ревизор» главным событием становится то, как ведут себя люди, стараясь сделать так, чтобы строгий, почти божественный, потому что идущий от самой императорской власти, взгляд смягчился, стал своим и позволил многое, но когда появляется настоящий ревизор, все застывают не шевелясь, словно отвыкнув от движений, не позволяя себе уже ни одного жеста.

2) Преступление совершается, как принято считать, обычно ночью, когда не видно. На самом деле преступления совершаются, конечно, и днем. Но это не значит, что преступнику всё равно, смотрят на него или нет. У психологов есть понятие суженного поля зрения, когда воспринимается не всё то, что человек видит. Чуть не главная цель исправительной системы — научить преступника видеть шире. Выражение Гоголя «взглянуть вдруг на самого себя во все глаза», описывающее наше состояние при воссоединении с настоящим ревизором, предполагает, что мы бесстрашно допускаем до себя все глядящие на нас глаза.

3) Всеми глазами глядит на нас большеглазый, тысячеглазый Варуна, бог правды (справедливости). Он обволакивает всё как космический океан; от него ничего не скроется. Спрятать от него малейший проступок невозможно. Допустить его взгляд до самого себя — значит, как говорит в той же фразе Гоголь, тем самым одновременно и испугаться самого себя. В каком-то смысле это хуже чем испугаться другого: при внезапном нападении есть страх, допустим, за жизнь, но нет страха за сделанное, накопленное, например, за положенные в банке деньги, которые достанутся наследникам, за воспитанных детей. Страх перед самим собой тотальный, когда деньги перестают быть утешением, в правильности воспитания детей возникают сомнения. Религия своим обрядом, обычаем, церковным пением, утешительной практикой молитвы защищает от всемогущего всевидящего Бога как слой атмосферы от жесткой радиации. В 1930–1940 годы, когда страна лишилась защиты Церкви, страшный проникающий взгляд жестокого судьи коснулся собственно всех; почти каждый чувствовал себя под глазами секретной службы и под подозрением в шпионаже, как враг народа. То, что в местах лишения свободы к уголовникам отношение было в целом лучше, проще и человечнее, чем к политическим, объяснялось не тем, что уголовники были социально близки власти, а тем, что у уголовников не оказалось противостояния против шпиономании и они в нее включились, тогда как политические (сюда входили и верующие, счет которых среди репрессированных шел на миллионы) подозревали в шпионаже как раз шпиономанов.

4) Дети в правовом отношении особые субъекты потому, что до определенного возраста они не знают, что их видят не всегда, не полностью и не все. До школьного возраста, иногда даже до среднего школьного возраста дети не хотят побыть одни, потому что им всё равно: они всегда чувствуют себя под взглядом, но поскольку наедине с собой они не знают, под чьим, им становится страшно незнакомого взгляда и они бегут к знакомому. В детской психологии известен факт, что дошкольник и младший школьник при встрече с полицейским, наблюдающей фигурой, уверен, что полицейский знает о нём всё. На вездеприсутствии и всевидении хранителя порядка построена поэма Дмитрия Пригова о милиционере.

5) Человек, вернувшийся из мнимой невидимости в детское состояние просвеченности, к чему призывает Гоголь (рано постановить и привыкнуть жить под постоянным взглядом настоящего ревизора, совести), оказывается вне проблемы выбора между системой единовластия (семейного права в смысле всеислия отца) и системой общественного договора; единственно важным остается, насколько удастся действительно глядеть на себя во все глаза, что то же самое, что давать всем глазам себя видеть.

Всё это надо усвоить ввиду важности и трудности следующего шага. Как уже отмечено, различие между тем, кто глядит, другие на нас или мы сами на себя, не очень существенно по сравнению с главным различием между *во все глаза* и суженным зрением, дающим ил-

люзию скрытости. Глядящий, будь то другой или мы сами, имеет, как мы уже начинали об этом говорить, большие права. Ему может стать не интересно, и тогда он отменит представление, как надоел и был отменен театр империи Романовых, как наскучила и была оставлена социалистическая цивилизация. О глядящем можно поэтому говорить как об имеющем основное право, а именно право определять, быть или не быть театру истории. Глядящий имеет право на захватывающее зрелище, хочет исключительной и предельной остроты.

Мы чисто формально говорили, что право будет уводить далеко, в невидимое. Согласимся с тем, что так называемый субъект права у нас рассыпался как умственная постройка; остался в реальности носитель всего права, зритель и он же, возможно, одновременно актер; тот, кто смотрит, и тот, на кого смотрят. Глядящий требователен. Он хочет смотреть много раз, например, как проваливается, сминаясь под собственной тяжестью, высотное здание. И он хочет смотреть, подобно тому как дети жадно бегут смотреть <на> валяющегося голубя, тушу мертвой свиньи, на извлекаемые из-под упавшего здания тела. Закон запрещает теперь смотреть и показывать по телевизору эти извлекаемые тела. В другие эпохи, наоборот, почти обязывали смотреть на казни. Это предписывалось как воспитательное зрелище. Запреты на просмотр подчеркивают, насколько глядящему хотелось бы видеть. Телевизор, киноаппарат, компьютер удовлетворяют жажду смотреть; она остается ненасытной и только разгорается. «Пока под контроль не будет поставлено всё, не кончатся мистические разговоры о том, кто нам враг, кто друг», говорит способный государственный деятель. Конца сплошному просматриванию не видно.

Законно поэтому знать, чем успокоится зрение. Право зрителя, кто бы он ни был, заключается в том, чтобы видеть всё, полностью, до конца и рассчитывать на остроту пьесы, на предельность параметров. Можно сменить пьесу, но с другим содержанием пьеса должна быть снова остросюжетной. Настоящее различие между пьесами не в их содержании, не в том, как складываются отношения между играющими в ней, действующими лицами, а в мере захвата зрителя. К нему в конечном счете подбираются, его хотят задеть действующие. Они хотят увлечь, убедить глядящего, сделать так, чтобы он был доволен. Это видно на примере театральных новшеств и реформ. Используются приемы: разместить зрителей в центре, а действие по периметру, т. е. со всех сторон; повернуть прожектора в зрительный зал; актеру сойти со сцены в зал; вовлечь зрителей в действие; на музыкальном представлении добиться того, чтобы все танцевали или ритмически двигались.

Когда не удается достать и контролировать зрителя, он обнаруживает лицо радикального скептика, шпиона, предателя. К догадке о его настоящем существовании ведет такая вещь как катарсис, по Аристотелю цель трагедии. В катарсисе высветляется глядящий, обнаруживается его перспектива.

Пусть сплошное присутствие глядящего не уходит из нашего поля зрения. Когда мы говорим, что законы, и всего меньше в демократиях, где их создание проходит по сложным процедурам, никогда не создаются *под себя*, то имеем в виду это: что просто благополучие действующих лиц никогда не может быть целью их уклада, их устава. У них в руках никогда не все права, и даже не главные. Если зритель требует всегда предельного эффекта, он всё-таки должен заботиться о сохранении труппы, иначе ему нечего будет смотреть? И вот похоже что всё-таки нет. Актер показывает всё что может зрителю, чтобы захватить его. Зритель, наоборот, от своего требования хорошей сильной игры никогда не откажется и не пожалует актера. Право зрителя идет против самосохранения актера. Для видящего самое захватывающее зрелище всё-таки он сам. К этой теме относятся явления мира и ринга, когда в середине, в высветленном круге размах действия захватывает гораздо больше чем самосохранение (на миру и смерть красна), в том числе включая и сохранение самого даже ринга, или историче-

ской сцены, на которой разворачивается действие. Ничего, кроме захватывающей, увлекающей силы действия, зрителю не нужно. Он забывается, забывая в том числе о самом себе.

В этом качестве и праве зрителей русские не ущербны. Они, если хотите, здесь еще более зрители, более равнодушны к действующим лицам. Зритель бессмертен, вернее, смерть для него зрелище. Лицо явно, но взглянуть во взгляд? Много изменится, если это удастся, и первое — представление о личности. Введение зрителя, шпиона, пастуха, пока только формально очерченного, поможет нам меньше шататься, говоря о России. Кюстин чувствует себя уверенно в своих шатаниях, потому что не он первый; Чаадаев, которого он явно читал, тоже раскачивается на больших качелях в суде о своей стране.

Не нужно уличать меня в противоречиях, я заметил их прежде вас, но не хочу их избегать, ибо они заложены в самих вещах; говорю это раз и навсегда. Как дать вам реальное представление обо всём, что я описываю, если не противореча самому себе на каждом слове? [Кюстин 1996а: 234]

Размах качелей показывает величие беспредельного явления, будь то беспредел низости или, наоборот, добротности.

Вся Россия, от края до края своих равнин, от одного морского побережья до другого, внимает всемогущему Божьему гласу [...] Более всего занимает жителя земли то, что рассказывает ему о чём-то ином, нежели земля [там же: 235].

Одно из удобств от введения лица зрителя касается главного, что задевает Кюстина в России, отсутствия системы права.

В России ничего нельзя отменять безнаказанно: народы, которым недостает узаконенных прав, ищут опоры только в привычках. Упорная приверженность обычаю, хранимому с помощью бунта и яда [Петр III был сначала отравлен, только потом задушен], — один из столпов здешней конституции, и периодическая смерть государей служит для русских доказательством тому, что эта конституция умеет заставить себя уважать [там же: 242].

Это так, соглашаемся мы. Подчеркнем однако, что в качестве и праве зрителей русские нисколько не ущербны. Здесь не обнаруживается различия между Западной и Восточной Европой. Как бы даже не наоборот, зритель требует здесь себе, пожалуй, больше прав, шире дает разыграться на воле историческому спектаклю, более равнодушен к действующим лицам. Кюстин много раз верно замечает небрежность к сохранению тела, например видя, как без страховки работают петербургские маляры.

Во Франции маляров всегда было немного, и они далеко не так отважны, как русские. Человек везде ценит свою жизнь во столько, сколько она стоит [там же: 238].

Она стоит меньше чем захватывающий риск сидеть «рискуя жизнью, на дощечке, небрежно привязанной к длинной, свисающей вниз веревке» [там же]³. Таковы права зрителя. Он бессмертен, смерть для него зрелище из захватывающих. И когда Кюстин заморожен сценой избияния простых людей чиновниками и жандармами на улице, то, хотя он возмущен равнодушием прохожих, которые не мешают происходящему, не вмешивается и он сам. Вопрос, почему никто не вступился, он должен был сначала задать себе. «Но я не здешний». Но

³ В те же годы Гоголь зачитывал сцены из «Женитьбы», в том числе (явление XIV): «Подколесин. [...] Какой это смелый русский народ! Агафья Тихоновна. Как? Подколесин. А работники. Стоит на самой верхушке... Я проходил мимо дома, так шекатурщик шукатурит и не боится ничего».

то же русский: он не здешний, как правило. Он или смещен со своей родины, недавно поселен в Петербурге, или он уже здешний и коренной, но наплыв администрации, населения, новых образов жизни, законов создают условия оккупационного режима.

Ипостась зрителя — ревизор. То, что у Гоголя он ключевая фигура, самая интересная и для мужчин и для женщин, говорит не только о том, что все заслужили наказания, но пожалуй еще больше о власти, заранее отданной ревизору. Выставление напоказ, потемкинские деревни из одних фасадов не столько обманывают ревизора — все знают, что на самом деле никого не обманывают, — сколько повышают его статус, льстят ему, разыгрывают уважение к его роли. Кюстин ошибается, будто только Запад заставляет русских выставиться и весь спектакль разыгрывается для европейского наблюдателя.

[...] Понять тот дух тщеславия, какой мучает русских и извращает в самом источнике установленную над ними власть.

Это злосчастное мнение Европы — призрак, преследующий русских в тайниках их мыслей; из-за него цивилизация сводится для них к какому-то более или менее ловко исполненному фокусу [там же: 245].

Скорее всего, Европа только ипостась ревизора, той внимательной инстанции, перед которой отчитываются русские. Или, идя на компромисс с Кюстином, можно согласиться с тем, что, показывая себя, страна прежде всего хочет продемонстрировать, что она не уступит Европе. Соревнование при этом идет вовсе не за то, чтобы стать Европой или перенять в подлинности европейскую цивилизацию, демократию, гуманистические традиции и т. д. Критики, которые упрекают нас, что мы переняли технику, но не ее дух, или даже только продукты техники, но не ее саму, не переняли суть передовой цивилизации, должны понять, что наша цель не в подражании им, а в том чтобы не промахнуться, не упустить разыграть перед глядящим пьесу не меньшего размаха, пусть совсем другую. Если окажется, что размаха не получится без вещей, показанных Западом, то взять их.

Достижение Кюстина — открытие долгой традиционности России, исправление часто встречающегося ошибочного взгляда, будто эта страна движется от уклада к укладу. За неимением узаконенных прав она полагается на привычку. Ее постоянный уклад — перманентная революция, она обеспечивает остроту исторического спектакля (узаконить перманентную революцию по Троцкому значило бы отменить ее). Изменение правопорядка в такой ситуации принципиально невозможно. Опора обретается всегда в том неписаном законе, который был и остается единственной конституцией, т. е. в обычае. Тирания и бунт против нее здесь не противоположные вещи, а взаимно необходимые оборотные стороны друг друга. Тирания и есть бунт. Бунт, когда он состоится, развернет тот же методический, холодный, размеренный порядок, что тирания, т. е. подтвердит их тождество, особенно в аспекте их крайности, беспредела.

[...] И у самых цивилизованных наций зверство в людях не исчезло, а всего лишь задремало; и всё же методичная, бесстрастная и неизменная жестокость мужиков отличается от недолговечного бешенства французов. Для последних их война против Бога и человечества не была естественным состоянием [...] Здесь убийство рассчитано и осуществляется размеренно; люди умерщвляют других людей по-военному скрупулезно, без гнева, без волнения, без слов, и их спокойствие ужаснее любых безумств ненависти. Они толкают друг друга, швыряют наземь, избивают, топчут ногами, словно механизмы, что равномерно вращаются вокруг своей оси. Физическая бесстрастность при совершении самых буйных поступков, чудовищная дерзость замысла, холодность его исполнения, молчаливая ярость, немой фанатизм [...] в этой удивительной стране самые бурные вспышки подчинены какому-то противоестественному порядку; тира-

ния и бунт идут здесь в ногу, сверяя друг по другу шаг [...] невзирая на необъятные просторы, в России от края до края всё исполняется с дивной четкостью и согласованностью. Если кому-нибудь когда-нибудь удастся подвинуть русский народ на настоящую революцию, то это будет смертоубийство упорядоченное, словно эволюции полка [...] В результате подобного единообразия естественные наклонности народа приходят в такое согласие с его общественными обычаями, что последствия этого могут быть и хорошими, и дурными, но равно невероятными по силе.

Будущее мира смутно; но одно не вызывает сомнений: человечество еще увидит весьма странные картины, которые разыграет перед другими эта Богом избранная нация [там же: 305].

Бунтующие, как говорится, идут против всего святого. Тирания тоже всегда уже замахнулась на божественное право.

Эта непрерывная царственность, которой все непрерывно поклоняются, была бы настоящей комедией, когда бы от этого всечасного представления не зависело существование шестидесяти миллионов человек, живущих потому только, что данный человек, на которого вы глядите и который держится как император, позволяет им дышать и диктует, как должны они воспользоваться его дозволением; это не что иное, как божественное право в применении к механизму общественной жизни; такова серьезная сторона представления, и из нее проистекают вещи настолько важные, что страх перед ними заглушает желание смеяться [там же: 244].

Бунт и тирания тождественны по давней традиции. Россия в этом отношении оказывается не молодой страной.

Под всякой оболочкой приоткрывается мне лицемерное насилие, худшее, чем тирания Батя, от которой современная Россия ушла совсем не так далеко, как нам хотят представить [там же: 246].

Быть действующим лицом во всемирном представлении захватывает больше чем благополучие собственного тела. Послушание и бунт составляют две фазы этой захваченности. Бунт начинается никогда не против размаха государственного представления, скорее наоборот. Кюстин угадывает:

Деспотизм делает несчастными народы, которые подавляет; но нельзя не признать, что изобрели его для удовольствия путешественников, каковых он всечасно повергает в удивление [там же: 232].

Жители собственной страны — тоже нездешние или не совсем здешние путешественники, жертвы и зрители одновременно. Их собственное несчастье входит полноценно в игру, придавая остроту представлению. Распределение прав между жертвами и зрителями можно оценить так: чем меньше их у действующего (страдающего) лица, актера, тем больше зато у зрителя. У Плотина весь мир театр, и те же игроки, которые берут разные роли и разыгрывают их до смерти, меняя жизни как маски, оказываются зрителями представления. Жизнь и благополучие актера, как уже отмечалось, не входят в замысел зрителя; прежде всего нужен лишь размах пьесы, чтобы не перестало быть захватывающе интересно.

По зрительским правам страна, описываемая Кюстином, не уступает поэтому никакой другой, что видно по диапазону разрешенных или принятых хвалений и осуждений. Каждый компетентен и привык судить общественные дела, по-разному, конечно, в фазе дисциплины и в фазе бунта. Повертывается ли суд в сторону одобрения или приговора, несущественно; поворот туда или сюда лишь функция чередующихся полярных состояний, которые принад-

лежат друг другу как две стороны листа. В 1839 году главенствует явно фаза дисциплины, но легко просматривается и сторона бунта:

[...] в глубине души они судят свою страну еще более сурово, чем я, ибо лучше меня ее знают. Вслух они станут браниться, а про себя отпустят мне грехи [...] [там же: 252].

Податливый иностранец, беззащитный без противоядий в непривычной среде, сразу и широко начинает упиваться всеми предоставляемыми ею немислимо широкими правами зрителя, ревизора, судьи. Он полон восторгов, проклятий, идей переделки страны, подстеги-вая своей книгой, как может, ее действующих лиц и подбивая их на еще более крупную игру. Не называйте это провокацией; тут просто естественное расширение человеческого существа при выходе на свободу с получением не по документам, а из воздуха страны, из ее нрава и обычая, разрешения судить о ней в целом.

Тяжелое чувство, владеющее мною с тех пор, как я живу среди русских, усиливается еще и оттого, что во всём открывается мне истинное достоинство этого угнетенного народа. Когда я думаю о том, что мог бы он совершить, будь он свободен, и когда вижу, что совершает он ныне, я весь киплю от гнева [там же: 259].

Поражает мгновенное пропитывание свободой страны, громадными правами, которые даны здесь зрителю требовать от действующих лиц крупного. Он свистит и топает ногами в ожидании эффектов. От воли у него идет кругом голова, он хочет и ждет всё перетрясти и перестроить заново.

Я не устаю повторять: чтобы вывести здешний народ из ничтожества, требуется всё уничтожить и пересоздать заново [там же: 283].

Чем неустанно русские и занимаются. Незащищенный, неподготовленный маркиз в этом отношении стал вдруг благодаря своей впечатлительности и природному мимесису больше русским чем русские. Он показал лишний пример удивительной легкости вращивания — нам еще придется об этом говорить — иностранцев в нашу систему, императоров как Николай I, у которого только одна прабабушка была русская, массы чиновников, ученых, как языковеда Востокова Александра Христофоровича, русского филолога и поэта, академика, который так перевел свою немецкую фамилию Остенек, — длинный ряд, к которому прибавьте еще множество перебирающихся сюда, наоборот, с Востока на Запад из Азии. Русские с самого начала не название этноса. Подсчитывать, сколько и кого в русских вошло и входит, тяжелая и, главное, неясная по своим целям задача, совсем неинтересная рядом с другой: с явлением загадочной податливости, одновременно втягивающей и формирующей, нашего пространства. Что втягивает и ассимилирует, что это за воронка? Что образуется по неписаным законам? Интеллектуального понимания здесь, пожалуй, недостаточно. В «Войне и мире» Льва Толстого замечено, что в начале октября 1812 года из Москвы выходила уже другая армия, не та стройная французская, которая входила туда 1 сентября, или это была вообще уже не армия. Неоднократно высказывалось мнение, что силой, ассимилировавшей варягов в России, был язык. Но вот Петр I ввел массу иностранных слов и приближенный к западному алфавит; Николай I, наоборот, заставлял во дворцах говорить по-русски, так что дамы специально выучивали несколько русских фраз, чтобы сказать при его приближении. Язык может легко измениться. Меньше меняется то, что Кюстин называет

нравы народа — продукт постепенного воздействия законов на обычаи и обычаев на законы [там же: 290].

Любой язык, на котором мы заговорим, окажется в каком-то более глубоком смысле тем же самым. При дворе Кюстин наблюдает

приверженность французскому тону при отсутствии духа французской беседы. Я прекрасно видел за этим тоном русский ум, колкий, саркастичный, насмешливый [...] ум свой русские также скрывают от иностранцев [там же: 344].

Мы говорим о том единственном праве и обычае, какими дышим как нашей единственной средой. Ни малейшей возможности, из-за незнания другой, сопоставить своё с чужим или с чем-то его сравнить, у нас нет. Мы понятным образом знаем только то, что нас окружает. Мирмеколог, естественно, наблюдает свой муравейник. Французская, американская правовые системы втягивают в себя по-своему людей, которые дают себя втянуть, когда не продолжают принадлежать старой. Если я говорю, что Кюстин слился с нашим настроением, которое Пушкин выразил словами «*всё* надо делать с этим народом и с этой страной», то не имею в виду, что в других странах дело обстоит иначе. Во Франции тоже хотели всё переменить. Вглядываясь в своё, мы всегда начинаем замечать много редкостных вещей, и при первом приближении кажется, что они уникально наши. Наблюдая себя, сам себе предстаешь ни на что не похожим. И только когда докапываешься до своей интимной уникальности и осмеливаешься извлечь ее на свет, как Гераклит говорил, что он докопался до самого себя, мир начинает слышать в твоих откровениях своё. Только одиночка, ни на кого не похожий, может всерьез рассчитывать на то, что с ним отождествит себя всякий (Эжен Ионеско). Так же надо относиться к уникальности России у Кюстина.

Он видел Петербург, о котором император ему сказал, что это еще не русский город, теперь спешит в Москву.

Пускай название «Москва» звучит весьма современно и вызывает в памяти достовернейшие события нашего столетия, — удаленность бывшей столицы и величие этих событий придают ей поэтичность, как никакому другому городу. В этих эпических сценах есть нечто величественное и странным образом контрастирующее с духом нашего века, века геометров и торговцев ценными бумагами. Так что я с огромным нетерпением жду когда окажусь в Москве [...] хочу представить сколько возможно полную картину сей обширной и ни на что не похожей империи [там же: 334].

Он удивляется и почти в каждой фразе, как видим, настаивает на уникальности этого образования, России. Удивляемся и мы тоже, и будем удивляться, хотя воздержимся от сравнений «Россия — Запад». Такие сравнения и противопоставления лишь продолжают, допустим, с обратным знаком, европейское этнографическое отношение к нам.

Как обстоит дело с миссией России, захватом мира? Все государственные образования складывались в перспективе мира. Ни одно не ограничило себя заранее оговоркой, что его устройство непригодно для других. Любая система правопорядка по своему замыслу универсальна. Инерция каждого государства толкает его к расширению. Почти всякое государство есть тяжелая машина, вне предельной цели кажущаяся нецелесообразной. Кюстин замечает, что без мировой задачи всё окажется неинтересно, величие страны станет бессмысленным.

Из подобного общественного устройства [введенного Петром деления всех на 14 классов свободных военных и гражданских, прикасание к телу которых карается по суду, и остальную мас-

су крепостных и солдат, чье тело не неприкосновенно] проистекает столь мощная лихорадка зависти, столь неодолимый зуд честолюбия, что русский народ должен утратить способность ко всему, кроме завоевания мира [...] тот избыток жертв, на какие обрекает здесь общество человека, не может объясняться ничем иным, кроме подобной цели [там же: 340].

Даже если люди сами того не знают, тем более не высказывают вслух, победа над целым миром, мысль о его завладении составляет тайную жизнь России. И снова сам Кюстин заражается этой тайной жизнью, легко втягивается в настроение готовности к любой жертве ради предельной цели, в мировую миссию, присоединяется к ней тем, что формулирует ее на свой лад, отталкиваясь от родного, близкого. Он планирует для России:

Я вижу этого колосса вблизи, и мне трудно себе представить, чтобы сие творение божественного Промысла [...] его предназначение — покарать дурную европейскую цивилизацию посредством нового нашествия; нам непрестанно угрожает извечная восточная тирания и мы станем ее жертвами, коли навлечем на себя эту кару [там же: 341].

5. Фасад и изнанка

Обратим внимание на интенсивный показ. Что мы обычно старательно показываем? Уже говорилось о самом распространенном способе скрыть что-то важное от наблюдателя (шпиона): подчеркнутым образом продемонстрировать перед ним то, что должно привлечь, приковать, как говорится, к себе его взгляд. В меру нарочитой выраженности этого показа всегда происходит такое же интенсивное сокрытие. Сокрытие при этом бывает и от самих же себя. Так пьяница говорит, что ему надо, чтобы помочь жене в хозяйстве, обязательно сходить в магазин за спичками; он уверен что именно так дело и обстоит.

Когда смотришь на что-то, твой взгляд может быть указателем для другого, поэтому на скрываемое в принципе не смотрят. Противоправные вещи делаются характерным образом с отводом глаз своих и чужих, в каком-то смысле не глядя. Преступник не лжет, когда говорит сгоряча в начале следствия, что ничего плохого не делал: он в меру возможности действительно старался не смотреть на то, что делает, и следствие должно только спокойно напомнить ему о нём самом. Делая недолжное, мы обязательно делаем при этом что-то должное, например, карманник говорит с обворовываемым любезным вежливым тоном, или наоборот сердитым скандальным, но делая вид, что он обязан быть сердитым. Делая недолжное, мы одновременно делаем что-то другое, отвлекающее, и наше внимание распределено между двумя вещами, из которых одну мы неизбежно замечаем меньше чем другую.

Интенсивный показ Кюстин видит везде в России, при дворе, на большой Макарьевской ярмарке и в простой деревне тоже.

Я был удивлен внешним обликом некоторых деревень: их отличает неподдельное богатство и даже своего рода сельская изысканность, приятная для взора; все дома здесь деревянные; они стоят в ряд вдоль единственной улицы и выглядят вполне ухоженными. По фасаду они покрашены, а украшения на коньке их крыш, можно сказать, претенциозны — ибо, сравнивая всю эту внешнюю роскошь с почти полным отсутствием удобных вещей и с той нечистоплотностью, какая бросается вам в глаза внутри этих игрушечных жилищ, вы сожалеете о народе, еще не ведающем необходимых вещей, но уже познавшем вкус к излишествам [...] Со всей своей невероятной отделкой из досок, высверленных насквозь и сверкающих тысячью красок, они напоминают увитые цветочными гирляндами клетки [...] Повсюду тот же вкус ко всему, что бьет в глаза! С крестьянином господин его обращается так же, как и с самим собой; и те и другие полагают, что украсить дорогу естественнее и приятнее, чем убрать свой дом изнутри [...] [там же: 363].

Придворный театр продолжается везде, *mutatis mutandis*, вплоть до деревенской избы и до дома богача, который виден и так, богатый, но кроме того выставляет себя. Демонстративность становится сплошной во всей стране.

В России изобилие — предмет непомерного тщеславия; я же люблю великолепие, только когда оно существует не для видимости, и мысленно проклиная всё, что здесь пытаются сделать предметом моего восхищения. Нации украшателей и обойщиков не удастся внушить мне ничего, кроме опасения быть обманутым; ступая на эти подмости, в это царство декораций, я испытываю одно-единственное желание — попасть за кулисы, мной владеет искушение приподнять уголок холщового задника. Я приезжаю, чтобы увидеть страну, — а попадаю в театр [там же: 363].

У России были периоды интенсивного показа, как раз те, когда важно было многое скрыть. Когда Россия выставляется иностранцу, она сама во все глаза смотрит.

Петр I выстроил для своих бояр ложу с видом на Европу; заперев в бальной зале своих скованных по рукам и ногам вельмож, он позволил им издали и с завистью взирать в лорнет на цивилизацию, усвоить которую им было запрещено: ведь заставляя копировать — значит мешать сравняться с оригиналом! [там же: 349].

Играют, не забудем, все, причем некоторые с тем высшим искусством, когда почти не видно, что они играют. Французский дипломат о Николае I летом 1835 года: он

превратил свою империю в декорацию, украшающую театр, на котором император призван играть главную роль: всё его внимание обращено на зрителей, хотя ни единым словом, ни единым жестом он не выдает, что участвует в игре [там же: 519].

Всё выставленное для смотрения естественно наводит на мысль о том, что не выставлено. За всё показное естественно хочется заглянуть. Это значит, что показыванием обращают внимание на скрываемое, именно тем, что его скрывают? Да, именно так. Показанному противостоит вовсе не скрытое — оно скрыванием тоже подчеркивается. Когда Фрейда пригласили к закомплексованному подростку, жившему в семье, то в первые же минуты разговора этот молодой человек, хотя его о том не просили, показал пятно на своей одежде и сказал, что оно от нечаянно пролитой еды. Фрейд мысленно поблагодарил его за то, что он этим общающим сокрытием избавил его от лишних расспросов.

Показыванию-скрыванию, скрыванию-показыванию (демонстрируемое и спрятаваемое в одинаковой мере подчеркиваются) противоположна незаметность, невзрачность (неприметность). В меру показа показного на скрываемое обращается больше чужое внимание, чем свое; самому мне кажется что я что-то действительно скрыл, хотя обычно мне удается отвести глаза от скрываемого только в той мере, в какой начинают подозревать, что я скрываю что-то большее и худшее. Внимание, отдаваемое показу и скрыванию, т. е. показу особого рода, оттягивается от невзрачного, неприметного. Оно не показывается и не скрывается, т. е. стало быть вообще никак не улавливается. В одежде Жака Деррида поражала гармония между цветом глаз и большим галстуком, явное портновское мастерство пиджака, заведомо не купленного в магазине. «Попугай», говорили о нём недруги. По контрасту: одежда со вкусом одетой парижанки никак не заметна на ней. Только случайно пораженные этим, мы начнем обращать внимание на детали ее костюма.

Солдат-«дед» показным, шутовским образом отдает требуемую по уставу честь офицеру и этой демонстрацией скрывает-показывает весь ряд неуставных отношений. Отдание че-

сти показано офицеру, демонстративность показана себе, кому угодно и в том числе офицеру, который по долгу службы обязан держаться уставных отношений, причем, конечно, знает и о неуставных и делает вид, что их не замечает. Здесь и показываемое, и скрываемое, так сказать, в равной мере на виду. А невзрачное, неприметное? Это, например, плохие зубы отдавшего честь «деда». Неписанный закон, обычное право неуставных отношений при дедовщине не включает такое обслуживание «дедов» «дúхами», как чистка зубов, а у «деда» внимание от заботы о витаминах и хорошей зубной щетке уже оттянуто на соблюдение порядка дедовщины.

Аналогичным образом как в патриотическом наборе превосходных оценок своей страны, так и в диссидентском стандартном наборе⁴ обличений родных порядков одинаково ускользает невзрачное, неприметное. Напоказ выставляют чтобы скрыть, скрывая обращают внимание на скрытое. Среди этого показа-сокрытия важное остается никем не замечено. Скрипач показывает свои сильные стороны, заслоняя ими известные ему недостатки. Слушателя задевает однако не показанное, а то невыразимое, что достигается неприметно неуловимыми оттенками. Предписать, расписать такие вещи невозможно.

Право останется неправом, если формализует всё, не оставив места для неуловимых вещей. Всё вывести из тени на свет невозможно. Обычно закон оставляет почти нетронутой область собственности, в том числе так называемой интеллектуальной. Неразличение между скрываемым и невидимым приводит к путанице, о которой придется еще говорить. Сложность жизненного уклада, когда все жители, демонстрируя одно показом, другое утаиванием, отвлекаются вниманием от невыразимого и неприметного, прибавляет стране энергию кипящего котла.

Зрелище этого общества, все пружины которого оттянуты, как у готового к бою орудия, так страшно, что у меня голова идет кругом [Кюстин 1996б: 31].

[...] Революция в России будет тем ужаснее, что она свершится во имя религии [...] опасность час от часу приближается, зло не отступает, кризис запаздывает; быть может, даже наши внуки не увидят взрыва, но мы уже сегодня можем предсказать, что он неизбежен [...] [там же: 15].

С введением нового разграничения задача необходимым образом осложняется. В области неприметного — не скрываемого, а невидимого — располагаются самые действенные вещи. Кюстин ограничивается в основном только нетрудным заглядыванием за фасад потемкинской деревни и разоблачением скрываемого, т. е. тоже показываемого, оставляя без внимания невидное и неприметное, столь дорогое, например, для Тютчева. Кюстин входит, не смотря на кислый спертый воздух, в крестьянскую избу, такую красивую снаружи, где надо разбудить очередного ямщика, и видит, как мужчины и женщины в одежде вповалку спят на полу и на скамьях.

В этой стране нечистоплотно всё и вся; однако в домах и одежде грязь бросается в глаза сильнее, чем на людях: себя русские содержат довольно хорошо [...] [Кюстин 1996а: 366].

Скрываемое здесь подчеркнуто демонстрируется.

Так мафия картинно прячется, скрывая себя, чтобы подчеркнуть свое присутствие. В том, чтобы ей было приписано больше эффектных тайных дел, она заинтересована. Одно из средств подчеркнуть скрываемое — жестоко наказывать заглянувшего за занавес. Противоречие тут будет констатировать только очень поверхностная психология. Любой ребенок, чтобы привлечь внимание к секретной коробочке, строго запретит ее брать и будет готов к

⁴ Впервые мы встречаем этот набор в подробном виде в «Записках о московитских делах» (1517–1549) Зигмунда Герберштейна.

крайним санкциям за нарушение, несоразмерным с ценностью спрятанного там. В меру заглядывания за выставленный напоказ фасад впечатлительный Кюстин поддается очарованию ситуации вдвойне. Он подозревает жуть в подземных казематах Шлиссельбургской крепости («за такой скрытностью непременно прячется глубочайшая бесчеловечность; добро так тщательно не маскируют») и, конечно, тем более чувствует страшную угрозу наказания себя как шпиона. Ему кажется, что сейчас к нему протянется служебная рука в перчатке и прямо с пути отправит в Сибирь. Герцен:

Горько улыбаешься, читая, как на француза действовала беспредельная власть и ничтожность личности перед нею; как он прятал свои бумаги, боялся фельдъегеря и т. д. Он, проезжий, чужой, чуть не ускакал от удущья — у нас грудь крепче организована. Мы привыкаем жить, как поселяне возле огнедышащего кратера [Герцен 1959: 125].

Вдруг схватят, как Коцебу, как Сперанского, как многих поляков, как француза Перне в Москве.

Хозяин дома обещал, что на завтра в четыре утра у дверей гостиницы меня будет ожидать унтер-офицер.

Я не уснул ни на минуту; я был поражен одной идеей [...] А что если этот человек не отвезет меня в Шлиссельбург, за восемнадцать лье от Петербурга, а вместо этого по выезде из города предьявит приказ препроводить меня в Сибирь, дабы я искупал там свое неподобающее любопытство, — что я тогда буду делать, что скажу? для начала надо будет повиноваться; а потом, когда доберусь до Тобольска, если доберусь, я стану протестовать... [Кюстин 1996а: 360].

Все эти страхи множатся вокруг сокрытия и разоблачения. Сокрытие охраняется, причем вовсе не обязательно так, что охрана ставится при скрываемом: скорее наоборот, сначала охрана, т. е. запрет видеть, а потом под этот запрет подведено, что именно надо скрывать. Общий запрет смотреть во все глаза вызван страхом шпиона.

Кюстин, полностью вживаясь в ситуацию, делает и следующий стандартный шаг: выставляет напоказ, как все, видимость благополучия, надевает на себя общепринятое успокоительное лицо.

Несмотря на всю мою независимость в суждениях, которой я так горжусь, мне часто приходится в целях личной безопасности льстить самолюбию этой обидчивой нации, ибо всякий полуварварский народ недоверчив и жесток [Кюстин 1996б: 11].

Я соберу все письма, которые написал для вас со времени приезда в Россию и которые не отправлял из осторожности; я прибавлю к ним это письмо и надежно запечатаю всю пачку, после чего отдам ее в верные руки, что не так-то легко сделать в Петербурге. Потом я напишу вам другое, официальное письмо и отправлю его с завтрашней почтой; все люди, все установления, которые я здесь вижу, будут превознесены в нём сверх всякой меры. Вы прочтете в этом письме, как безгранично я восхищен всем, что есть в этой стране и что в ней происходит... [там же: 25].

Это понятно, знакомо и типично, всем известно. Но Кюстин делает еще один шаг в разборе, он замечает вещь, которую в общем тоже все знают, но о которой не задумываются.

Забавнее всего то, что я уверен: и русская полиция, и вы сами поверите моим притворным восторгам и безоглядным и неумеренным похвалам [там же].

Приемы конспирации совершенствуются. Кюстин уже засовывает написанное под подкладку шляпы.

Посмотрели бы вы, как старательно прячу я свои писания, ибо любого моего письма, даже того, которое показалось бы вам самым невинным, довольно, чтобы меня сослали в Сибирь. Сядясь писать, я запираю дверь, и когда мой фельдъегерь или кто-нибудь из почтовых служащих стучится ко мне, то прежде чем открыть, я убираю бумаги и делаю вид, что читаю [там же: 61].

С ростом предосторожностей растет конечно ощущение себя шпионом и делается постоянным страх.

Каждое свое послание я складываю без адреса и прячу как можно надежнее. Но все мои предосторожности окажутся тщетными, если меня арестуют и обыщут мою коляску [там же: 39].

Деятельность демонстративного показа и казалось бы противоположная деятельность скрывания совпадают в их одинаковой цели: ограничении зрения. Разоблачение скрытого во все не обязательно служит смотрению во все глаза; разоблачая скрываемое, закрывают глаза на показываемое. Поскольку показное дополнено скрытым, правда прячется не только в показном, но и в скрываемом. Между тем от показного обычно никто и не ждет правды; неправда показного скорее просто успокаивает наблюдателя, поощряя его тенденцию, и без того всегда сильную, искать скрытого.

В ситуации ограничения зрения уставное, писаное, узаконенное право часто выполняет задачу фасада, который должен спрятать то, что демонстративно скрывается.

Для чего служат установления в стране, где правительство не подчиняется никаким законам, где народ бесправен и правосудие ему показывают лишь издали, как достопримечательность, которая существует при условии, что никто ее не трогает [...] [там же: 22].

Выставленное напоказ, уставное право может быть собственно каким угодно, мечтательным или заоблачным. Содержательно оно мало кого интересует. На верховном уровне конституционного права и в отношении главных принципов оно как раз в жесткие эпохи бывало очень мягким, подобно отмене смертной казни в XVIII веке в опережение Европы или самой демократичной в мире конституции, принятой VIII Чрезвычайным съездом Советов СССР 5 декабря 1936 года.

Статья 124. [...] гарантируется законом:

- а) свобода слова,
- б) свобода печати,
- в) свобода собраний и митингов,
- г) свобода уличных шествий и демонстраций.

Эти права граждан обеспечиваются предоставлением трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходимых для их осуществления.

Статья 127, неприкосновенность личности; статья 128, неприкосновенность жилища и тайна переписки.

Кюстин:

Россия осуществляла прогресс в области политики и законности только на словах; судя по тому, как соблюдаются в этой стране законы, их можно безбоязненно смягчить [...] Надо бы

сказать русским: для начала издайте указ, позволяющий жить, а потом уже будете мудрить с уголовным правом [там же: 22].

Отмена смертной казни хуже, чем ее сохранение, если есть телесное наказание, иногда смертельное, и если условия содержания под стражей невыносимо дурны. Отмена смертной казни сверху не имеет смысла, если общее мнение расположено расстреливать негодяев без суда.

Когда слушалось дело Алибо [двадцатишестилетний, хотел 25 июня 1836 года убить короля Луи-Филиппа], один русский, отнюдь не крестьянин, а племянник одного из самых мудрых и влиятельных людей в России, возмущался французским правительством: «Что за страна! — восклицал он. — Судить такое чудовище!.. Почему его не казнили на следующий же день после покушения!» [там же].

С ситуацией номинального права нам придется часто встречаться. Пока заметим, что в ней возникает характерная неразбериха, функция которой — заставить отчаяться в возможности найти недвусмысленное законное решение и таким путем возвратиться к неписаному праву или вообще к неправу. Не то что законы путаны, а сама законность и есть «путаница[a] в религиозных, политических и правовых вопросах». Именно эта путаница называется в России «общественным порядком» [там же: 23]. Характерно, что русское слово *порядок* в ряду своих значений начиная с *состояния благоустройства и налаженности* доходит до *обычая, обыкновения*, причем в дурном смысле (*старый порядок*). На российско-германском симпозиуме в Петербурге (1997) возникло недоразумение, потому что русская сторона в определенной фазе обсуждения многократно употребляла выражение *российские порядки* в смысле *беспорядка*. В немецком языке значения *обычай, обыкновение* у слова *Ordnung* нет.

Кюстин всё больше утверждает в ощущении, которое у него было с самого начала: сверху и снизу, в правительстве и крестьянстве Россия в отношениях господства и подчинения одинакова.

Едва выбившись из грязи, человек тотчас получает право, более того, ему вменяется в обязанность помыкать другими людьми и передавать им тумачи, которые сыплются на него сверху; он причиняет зло, дабы вознаградить себя за притеснения, которые терпит сам. Таким образом дух беззакония спускается вниз по общественной лестнице со ступеньки на ступеньку и до самых основ пронизывает это несчастное общество, которое зиждется единственно на принуждении, причем на принуждении, заставляющем раба лгать самому себе и благодарить тирана; и из такого произвола, составляющего жизнь каждого человека, рождается то, что здесь называют общественным порядком, то есть мрачный застой, пугающий покой, близкий к покою могильному; русские гордятся, что в их стране тишь да гладь [там же: 29].

Как бы даже не оказалось, что верхи одни способны напомнить о справедливости. *Но они наоборот подлаживаются к низам.*

Можно было бы избежать многих бед, если бы человек, находящийся у кормила власти, подал пример смягчения нравов. Но чего ждать от народа льстецов, которому льстит его государь? Вместо того, чтобы поднять народ до себя, он сам опускается до его уровня [там же].

Ситуация в России оказывается, как и на современном Кюстину Западе, кризисом власти. Власть перестала быть началом, ведущим принципом и занята самосохранением за счет приспособления к обществу. Вместо того, чтобы сопротивляться толпе — у Цицерона такое сопротивление есть главное достоинство государственного деятеля, — власть опускается до

уровня толпы. Здесь еще одна причина, почему законы могут быть сколь угодно мечтательными и идеальными. Внедрить такие законы сверху некому; сверху спешат приспособиться к нравам всех. Все могут надеяться, что их привычки и обычаи будут поняты.

Когда император или члены императорской фамилии едут из столицы в Москву по «лучшей в мире дороге», во всяком случае ухоженной, ломовые извозчики, скот и путешественники направляются по параллельной, некрасивой и ухабистой. В глаза бросается неравенство: ради одного человека теснятся тысячи. По сути никакой новый организующий принцип этим распорядком не вводится; поведение верховного лица дублирует и поощряет манеру езды каждого, у кого средство передвижения богаче, мощнее и быстрее, — манеру езды, которая делает движение «войной» и «держит в напряжении ум и чувства» [там же: 44]. Вводимый сверху порядок стал бы началом и принципом, если бы показал пример равенства на дорогах. Но такой пример потребовал бы огромного риска от правящего лица, его выступления наперекор всем — как раз того сопротивления, которое делает власть настоящей властью. Кюстин, монархист и реставратор, помнит такое в недавней истории Франции.

Король, который говорил «Франция — это я», останавливался, чтобы пропустить стадо овец, и во времена его правления любой путник, пеший или конный, любой крестьянин, шедший по дороге, повторял принцам крови, которых встречал по пути, нашу старую поговорку: «Дорога принадлежит всем» [...] [там же: 38].

Чтобы законы начали действовать, т. е. начали собственно существовать, — недействующий закон создает *путаницу* и хуже чем если бы закона вообще не было, — власть должна уметь показать *другое и работающее* их применение, чем простое приспособление их к обычаю и обычая к ним.

[...] Важны не столько сами законы, сколько способы их применения.

Во Франции нравы и обычаи всегда смягчали политические установления; в России они, наоборот, ужесточают их, и это приводит к тому, что следствия становятся еще хуже, чем самые принципы [там же: 39].

В самой по себе монархии, единовластию, как принципе пока ничего совсем плохого нет.

И еще. Разница между писаным законом и законом обычая (нрава) похожа на ту, которую Кюстин заметил между тихим и «настоящим» раскачиванием на качелях.

Несколько девушек, обычно от четырех до восьми, тихонько раскачивались на досках, подвешенных на веревках, а в нескольких шагах от них, повернувшись к ним лицом, раскачивалось только же юношей; их немая игра продолжается долго [...] тихое покачивание — своего рода передышка, отдых между настоящим, сильным раскачиванием на качелях. Это очень мощное, даже пугающее зрелище [...] когда на качелях раскачиваются всерьез, на них, сколь я мог заметить, не бывает больше двух человек разом; эти два человека — мужчина и женщина, двое мужчин либо две женщины — всегда стоят на ногах один на одном краю доски, другой — на другом и изо всех сил держатся за веревки, на которых она подвешена, чтобы не потерять равновесие. В этой позе они взлетают на страшную высоту, и при каждом взлете наступает момент, когда качели, кажется, вот-вот перевернутся, и тогда люди сорвутся и упадут на землю с высоты тридцати или сорока футов; ибо я видел столбы, которые были, я думаю, вышиной добрых двадцать футов. Русские, обладающие стройным станом и гибкой талией, на удивление легко сохраняют равновесие: это упражнение требует недюжинной смелости, а также грации и ловкости [там же: 47].

Подобный размах, когда он всерьез и по-настоящему, похож на риск маляра на одной доске и веревке. Непохоже что этому размаху есть безопасный предел или вообще какая-либо гарантия безопасности в обществе, где острота бытия ценится дороже жизни. Предельное усилие имеет практическую необходимость и повседневное применение в образе жизни русского крестьянина-робинзона (выражение Льва Толстого). Заселение восточноевропейской равнины, выживание в тощие годы, освоение Сибири, сохранение социальной базы при частых выселениях и переселениях и во время войн целиком зависело от умения крестьянина освоиться в одиночку. Конечно, всё это достигалось прежде всего благодаря лесу, но так или иначе не без предельного усилия. Робинзона сумел разглядеть в мужике и маркиз.

Русский крестьянин предприимчив, он умеет найти выход из любого положения; он никогда не выходит из дому без топора — это небольшое железное орудие в умелых руках жителя страны, где еще есть леса, может творить чудеса. Если вы заблудились в лесу и при вас есть русский слуга, он в несколько часов построит хижину, где можно переночевать, причем с большим удобством и уж наверняка в большей чистоте, чем в старой деревне [там же: 49].

Быстрота, с какой русская цивилизация перебрасывалась из Новгорода в Киев, потом во Владимир, потом в Москву, потом в Петербург, объяснялась отчасти тем, что на старом месте становилось в разных отношениях грязно, и люди быстро и с удовольствием перебирались в свежесрубленные новенькие дома, которые легко строили на любом новом месте. И места, везде знакомого равнинного, было, казалось, неограниченно много.

Однородность России связана с ее равнинностью. О Николае Первом говорили, что в планировке страны (широкие улицы и площади, одноэтажная застройка, прямые дороги) он достигал гладкости биллиардного стола, по которому шары катились бы без помех из конца в конец. Унификация на наших просторах вещь известная. Но вот другая рядом с ней, неудобная для обсуждения; она всеми ощущается, не поддаваясь определению. Условно можно говорить о заразительности пространства. Кюстин, как всегда, податливо уступает себя этому заражению и удивленно смотрит на то, что с ним происходит.

Вчера вечером нас вез мальчик, которого мой фельдъегерь не раз грозился побить за медлительность, и я разделял нетерпение и ярость этого человека; вдруг из-за ограды выскочил жеребенок, которому было всего несколько дней от роду и который хорошо знал мальчика: он принял одну из кобыл в нашей упряжке за свою мать и с ржаньем побежал за моей коляской. Маленький ямщик, которого и без того ругали за нерасторопность, хочет, тем не менее, остановиться вновь и помочь жеребенку, ибо видит, что коляска может задавить его. Мой курьер властно запрещает ему прыгивать на землю; мальчик как истинно русский человек подчиняется и застывает на козлах, словно окаменев, не произнося ни единого слова жалобы, а кони попрежнему мчат нас галопом [там же: 56].

То, что Кюстину не пришло в голову в Петербурге, где он молча наблюдал избиение полицейскими подсобного рабочего, теперь вдруг его поражает: почему он сам не только смотрит на происходящее безучастно, но и, больше того, одобряет своего курьера:

Надо поддерживать власть, даже когда она неправа, — убеждаю я себя, — таков дух русского правления [...] Надо ехать быстро, чтобы не ронять своего достоинства; не торопиться — значит лишиться уважения; в этой стране для пущей важности надо делать вид, будто спешишь [там же].

Что случилось. Он, Кюстин, сделался другим *физически*, потому что и когда загнанный жеребенок на его глазах надорвался, и когда мальчика грозили жестоко наказать за недогляд,

пока Кюстин был внутри всей этой среды, он «не чувствовал угрызений совести». Они пришли только с физической сменой обстановки, когда он уселся за стол к бумагам и принялся за письмо, вернувшее его во Францию. Только тогда пришло раскаяние: как я, парижанин, мог не вмешаться! Как это объяснить? Воздух, говорит он.

Покидая загнанного жеребенка и несчастного мальчика, я не чувствовал угрызений совести. Они пришли позже, когда я стал обдумывать свое поведение и особенно когда сел писать это письмо: стыд пробудил раскаяние. Как видите, человек прямо на глазах становится хуже, дыша отравленным воздухом деспотизма... Да что я говорю! В России деспотизм на троне, но тирания — везде.

Если принять в рассуждение воспитание и обстоятельства, нельзя не признать, что даже русский барин, привыкший к беззаконию и произволу, не может проявить в своем поместье более предосудительной бесчеловечности, чем я, молчаливо попустительствовавший злу.

Я, француз, считающий себя человеком добрым, гордящийся своей принадлежностью к древней культуре, оказавшись среди народа, чьи нравы я внимательно и скрупулезно изучаю, при первой же возможности проявить ненужную свирепость поддаюсь искушению; парижанин ведет себя как варвар! поистине здесь сам воздух тлетворен...

Во Франции, где с уважением относятся к жизни, даже к жизни животных, если бы мой ямщик не позаботился о том, чтобы спасти жеребенка, я велел бы остановить коляску и сам позвал бы крестьян, там я не тронулся бы в путь, пока не убедился бы, что опасность миновала: здесь я безжалостно молчал [...] Русский барин, который в приступе ярости не забил насмерть своего крепостного, заслуживает похвал, он поступил гуманно, меж тем как француз, который не вступился за жеребенка, проявил жестокость.

Я всю ночь не спал [...] [там же: 58].

Почему гений места (*genius loci*), понятный в древности, забыт и человек перед ним так беззащитен? Здесь дает о себе знать привычка современной личности воображать себя абсолютной единицей, независимым индивидом. Личность не расположена догадываться, что в непривычной среде она изменится физически, станет другой или, что то же, станет как другие. Не учитывают, что дышат воздухом. Кто-то пообещал индивиду, что он нерушимый атом. Никто не предупреждает, не напоминает, что есть неопределимая сила обстоятельств (среды), которая меняет всё.

Подведем итог.

1) Ревизор, наблюдатель хотел бы видеть всё. Всё ему никогда не покажут, а если и покажут, он не увидит из-за узости зрения. То, чего наблюдатель не видит, он дополняет догадкой или *подозрением*. Показывают обычно то, что считают правильным и правым. Подозрение может доходить до убеждения в предельной или вернее *беспредельной* неправоте тех действий, которые невидимы, потому что скрываются. *Презумпция невиновности* вступает в резкий конфликт с подозрением. Ее искажение происходит, когда формально соблюдаются правовые процедуры, при том что проверяющий и наводящий порядок про себя уже признал осуждаемого виновным. Противоположное искажение происходит, когда побеждает часто встречающееся размытое мнение, что «нет в мире виноватых» и, если присмотришься, все одинаковы, нет плохих и в трудной ситуации все поведут себя якобы одинаково.

2) Наблюдатель, ревизор, следователь, дознаватель *имеет право* там, где ему не всё показано, ожидать *чего угодно* в том, что ему не показано.

3) Из-за того, что скрывающий неправые действия *невольно скрывает их и от самого себя*, как если бы их совершал не он, а кто-то другой, совершивший неправое действие *естественно и не вполне лживо отрицает это*. Психологически с человеком, бросившим себя в стрессовую ситуацию действия, в правоте которого он не уверен, происходит аналогичное

тем явлениям, когда, например, падающий со стула, ножка которого вдруг подломилась, не думает, что падение произошло с ним, а в военной ситуации раненый, особенно тяжело или смертельно, часто бывает уверен, что дурное случилось с кем-то другим. Мы вообще говорим себе «это не я, это происходит не со мной, это меня не касается» *на каждом шагу и гораздо чаще, чем сами замечаем*. Задача следствия в отношении преступника и цель исправительной системы — терпеливо довести до сведения нарушителя, что преступил право именно он. С этим связана проблема *вменяемости*.

Юридически все граждане исходно предполагаются вменяемыми. Фактически невменяемость в той или иной форме — например в форме невнятной речи, подавленного ровного тихого тона, неестественной скованности движений или в уже упомянутой более явной форме убежденного отрицания фактов, для следствия совершенно очевидных, — наблюдается *почти во всех случаях* судебного разбирательства. Судебно-медицинская экспертиза признает однако невменяемость только в случае явной патологии и раздвоения личности.

4) Демонстративный показ призван обратить внимание на одну сторону дела и тем самым скрыть другую. В действительности, конечно, в какой мере скрываемое скрывают, в такой же и обращают на него внимание. Строго запрещая посещение заключенных, например, в Шлиссельбургской крепости, полицейские власти заставили маркиза де Кюстина предполагать там что-то худшее чем на самом деле. Показ и скрывание оттягивают как мое, так и чужое внимание от неприметного, которое может оказаться или, вернее, всегда оказывается самым важным для следствия.

5) *Демонстрация благополучия права*, как например конституция СССР 1936 года, самая идеальная по тем временам в мире, или отмена смертной казни в единственной стране Европы, в России при Екатерине II, т. е. выставление заведомо очень высокого, трудноисполнимого потолка, работает как *отмена права*. Статья 128 Конституции 1936 года, постулировавшая неприкосновенность личности, жилища и тайну переписки, была из тех статей, которые уводили право в мечтательную идеальность, исключавшую самую мысль о ее внедрении. Отмена смертной казни Екатериной II *вводила* незаконную смертную казнь, потому что при запрете смертной казни уже нелогично было вводить в законодательство санкции за смерть от телесного наказания, плетьюми; таких санкций и не было, т. е. убить человека телесным наказанием было фактически разрешено. Правосудие в таком случае, по выражению Кюстина, показывают как музейный экспонат издали без разрешения прикасаться к нему. Недействующий гуманный закон поэтому хуже, чем если бы закона вообще не было.

Необходимое добавление. Бесправие, произвол возмущают и требуют немедленно исправить положение. Но так обычно бывает при взгляде со стороны. Внутри ситуации мы ведем себя иначе чем извне ее. Маркиз де Кюстин, когда сам оказывается внутри того, что его возмущает, — сопровождающий его полицейский чин жестоко ведет себя с ямщиком, — спокойно соглашается с ситуацией и только потом, когда снова смотрит на всё со стороны, видит безобразие фельдъегеря и свое собственное.

Правовая оценка на правильно-неправильно со стороны, на отдалении всегда легче чем изнутри, для участника ситуации. Этим в очень большой мере объясняется общее нежелание брать на себя правовые обязательства и, в частности, выступать в роли свидетеля перед представителями власти. Дознаватель, следователь, судья, прокурор, даже защитник по определению находятся в большей мере вне ситуации чем свидетель, и поэтому легче судят о правоте-неправоте чем свидетель, требуя и от него тоже оценки по этому, естественному для них, критерию. Свидетель однако видел всё вблизи, а там отчетливая оценка на прав-неправ несравненно труднее. Задача свидетеля поэтому не столько в том <чтобы> послужить в судебных органах инструментом принятия решения об осуждении или оправдании, сколько в том, чтобы постараться по мере возможности ввести органы следствия и суда в конкретную

ситуацию. Тут свидетель будет встречать сопротивление, потому что органы правопорядка не заинтересованы в том, чтобы потерять способность отчетливо судить о правоте-неправоте, а это с ними обязательно произойдет, когда они войдут в подробные обстоятельства дела, и они отчасти утратят поэтому способность делать то, что обязаны, а именно судить. Свидетель обязан различать, с какой целью его расспрашивают, задавая вопросы: чтобы честно разобраться в деле, и тогда он способен помочь как никто, или, наоборот, чтобы, не вдаваясь в жизненную ситуацию, подогнать его свидетельства под свою отвлеченную версию, и тогда свидетель обязан всеми мерами сопротивляться, причем на него может быть оказано давление со ссылкой на преследуемую по закону дачу ложных наказаний.

Величко А.М. 1999. *Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур*. — СПб.: Издательство Юридического института.

Герцен А.И. 1959. *Собрание сочинений в 9 тт. Т. 9*. — М.: Художественная литература.

Гоголь Р.В. 1985. *Собрание сочинений в семи томах. Т. IV*. — М.: Художественная литература.

Кюстин А. де. 1996. *Россия в 1839 году: В 2 т. Пер. с фр. под ред. В. Мильчиной; коммент. В. Мильчиной и А. Осповата. Т. 1*. — М.: Изд-во им. Сабашниковых.

Кюстин А. де. 1996. *Россия в 1839 году: В 2 т. Пер. с фр. под ред. В. Мильчиной; коммент. В. Мильчиной и А. Осповата. Т. 2*. — М.: Изд-во им. Сабашниковых.

Переписка Н.В. Гоголя... 1988. *Переписка Н.В. Гоголя в двух томах. Т. 2*. — М.

Толстой Л.Н. 1972. *Война и мир. Т. 2 (III–IV)*. — М.: Правда.

Книжная полка

ВВЕДЕНИЕ В ЧТЕНИЕ БАТЛЕР

(Рецензия на книгу: Ирина Жеребкина, Сергей Жеребкин.
Война и мир Джудит Батлер. — Спб.: Алетейя, 2018. — 157 с.)

К.В. Чебану

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

Аннотация: Задача рецензируемой книги — представить современного американского философа Джудит Батлер не только как теоретика феминизма и квир-теоретика, а как современного политического философа, интерпретирующего современные политики и практики сопротивления в терминах новой онтологии социального — онтологии прекарности, концептуальный аппарат которой позволяет продуктивно исследовать теоретические и практические проблемы, с которыми мы сталкиваемся в нашем постсоветском политическом, экономическом и культурном контексте.

Ключевые слова: политическая онтология, перформативность, прекарность, психика власти, радикальная демократии.

В постсоветской философии 2018 год вполне можно назвать годом Джудит Батлер: если за предыдущие десятилетия Батлер была представлена в основном статьями в различных феминистских онтологиях и хрестоматиях, то в этом году было опубликовано сразу несколько её важных книг — в одном из ведущих российских издательств философской литературы *Ad Marginem*, традиционно дистанцирующемся от публикации авторов, имеющих отношение к феминистской и гендерной теории, вышла последняя на сегодняшний день книга Батлер *Notes Toward a Performative Theory of Assembly* (2015) [Butler 2015] (в русском переводе — *Заметки к перформативной теории собрания* [Батлер 2010а]), в Украине издали *Frames of War: When Is Life Grievable?* (2010) [Butler 2010] (в украинском переводе — *Фрейми війни: Чиї життя оплакують?* [Батлер 2018в]) — одну из ключевых работ для её политической философии, а в издательстве Алетейя переиздали книгу *Психика власти: теории субъекции* (1997) [Батлер 2019б]. Наконец, также в Алетейе вышла первая в постсоветских странах монография, специально посвященная философии Батлер — книга *Война и мир Джудит Батлер* Ирины и Сергея Жеребкиных [Жеребкина, Жеребкин 2018].

В то же время, трудно сказать, что в результате этих публикаций в нашем научном обществе уже состоялось продуктивное публичное обсуждение и анализ философии Батлер. Характерный пример — презентация книги *Заметки к перформативной теории собрания* в феврале 2018 года в Москве, в ходе которой не были обозначены ни основные проблематиза-

ции книги, ни ее контекст, ни методология, ни связь с предыдущими работами Батлер, однако, тем не менее ведущие презентации отметили, что ожидали от обсуждаемой книги чего-то «более нового и радикального», и что Батлер, у которой «нет собственной политической философии», несколько разочаровала их своими попытками «примирить различные теории» (см. выступление ведущей Марины Симаковой)¹. А переводчик книги философ Дмитрий Кралечкин отметил, что концепция публичного пространства Батлер не применима к современному городскому публичному пространству, например, к пространству московского метро².

Напрашивается вопрос: зачем тогда переводили и издавали книгу? И действительно ли нам сегодня так необходима философия Батлер, или нам комфортнее обойтись без её «не достаточно применимых» к нашей ситуации философских понятий, «слишком запутанного» языка и «не достаточно радикального» феминизма?

В этой ситуации книга Ирины и Сергея Жеребкиных может быть полезной, с одной стороны, как попытка в доступной широкой читательской аудитории форме прояснить основные идеи и понятия философии Батлер, а также рассмотреть её теоретические истоки и предпосылки. Задача книги, как сформулировано в предисловии «Джудит Батлер как зеркало нашего капитализма» — представить Батлер не только как квир-теоретика и феминистского теоретика, а как современного «политического философа, ищущего политические решения в условиях новой, по её мнению, онтологии социального — онтологии войн» [Жеребкина, Жеребкин 2018: 7]. С другой стороны, книгу отличает фокус на иронию и провокативность всех теоретических понятий Батлер, часто ускользающую от внимания исследователей её философии, что обрекает на неудачу попытку буквального прочтения её текстов³ или их редукцию к идее квир-перформативности. Авторы специально подчеркивают, что понятие пародии Батлер вполне созвучно тыняновскому, когда «пародия функционирует не просто как прием комизации, но как способ жизни старых дискурсивных форм в условиях нового политического бессознательного» [Жеребкина, Жеребкин 2018: 9].

Стремясь подчеркнуть момент пародийной деконструкции Батлер классических философских понятий, авторы строят структуру книги, исходя из традиционных философских тематизаций, восходящих к тематизациям докантовской западной метафизики нового времени, которые Батлер деконструирует в своей особой манере — *смещающего* перформативного повторения. В результате, как отмечают авторы, «традиционные понятия философии в ее логике утрачивают односторонний характер стабильности характеристик «истинности», «научности», «знания» и начинают передавать характеристики «нестабильности», «ненадежности», «необладания»», что подчеркивается стилем философского письма Батлер, «виртуозно соединяющем пафос и иронию» [Жеребкина, Жеребкин 2018: 10].

В этом контексте, в отличие от многих известных работ о Батлер (например, Сары Салих [Salih: 2002; Salih, Butler: 2003]) книга Ирины и Сергея Жеребкиных начинается не с анализа её концепции субъекта, а с анализа онтологии. В первой главе «Онтология, или как «идея мира» может замещаться «идеей войны» в современной философии» показано, что Батлер предлагает проект новой социальной онтологии — «онтологии прекарности», отвергающей логику деления субъектов на более признаваемых и менее признаваемых, более уязвимых/хрупких и менее уязвимых/хрупких, которую Батлер характеризует как онтологию двойственного — например, двойственного измерения перформативности, когда «мы неиз-

¹ См. презентацию книги Джудит Батлер *Заметки к перформативной теории собрания* (Москва, Библиотека им. Н.А. Некрасова, 13.02.2018). — Доступно: https://www.youtube.com/watch?v=Xs1Szk_vmWQ 57:00 и далее.

² См. там же, 1:17:00 и далее.

³ Известным примером такого прочтения является также недавно переведенная на русский язык статья Марты Нуссбаум «Профессор пародии» 1999 г. [Нуссбаум 2018], написанная в жанре позитивистской атаки, представляющей, по словам Миглены Николчиной «перформативную демонстрацию того, что критика может осуществляться как отказ от усилия понимания». [Николчина 2003: 35–36].

бежно являемся подвергающимися воздействию и действующими» [Жеребкина, Жеребкин 2018: 13]. С данным типом социальной онтологии, который Батлер также называет отношенческим или реляционным, соотносится неметафизическая, или хиазматическая космология, организованная как космология хиазма, сплетения и которая дистанцируется не только от телеологической космологии (Платон), но и от традиционной феминистской точки зрения на тело, где тело противопоставляется духу [Жеребкина, Жеребкин 2018: 24–25]. В этом контексте позиция Батлер ближе феминистской трактовке тела и письма Люс Иригарей, отвергающей традиционную для феминистской теории редукцию женского к телесному. Но главное качество этой реляционной онтологии двойственного — это то, что она оспаривает основные ценности онтологии индивидуализма — ценности самосохранения и самозащиты, являющиеся инструментами так называемой секьюритарной мобилизации, использующей ловушку «бытия под угрозой», которую современные неолиберальные режимы используют в целях легитимации государственного насилия. В примере Батлер — это случай массовой паники в США после 11 сентября 2001 г., когда все население страны, включая феминизм как дискурс и активизм, оказались мобилизованы призывом секьюритарной мобилизации, чтобы стать «строевыми солдатами» армии Буша в объявленной им тотальной войне с терроризмом ради самозащиты и сохранения американской нации [Жеребкина, Жеребкин 2018: 31–32].

Основные вопросы, рассматривающиеся в этой главе: как современная социальная онтология функционирует как онтология двойственного? На какой социальной онтологии базируются новый, «освободительный» фашизм и как с ним связаны практики секьюритарной мобилизации? С чем связана возможность альтернативной мобилизации («коллективного политического действия» и солидарности («транснациональные формы протеста, противостоящие ксенофобному национализму»)? Какое влияние на концепцию онтологии двойственного Батлер оказало её чтение Гегеля, Кьеркегора, Спинозы? Как связаны онтология двойственного Батлер и космология хиазма? Каковы онтологические основания феминистских стратегий пародии и мимесиса философских текстов? Как традиционное феминистское понятие фемининного монополизирует сферу исключенных и может выступать ресурсом секьюритарной мобилизации? и др.

В поисках ответа на вопрос, имеется ли у Батлер политическая философия, и что она собой представляет, читатель может обратиться ко второй главе книги Ирины и Сергея Жеребкиных «Политика, или является ли «народ» тем, кто выражает «народную волю»». В этой главе авторы выдвигают тезис, что политическая философия Батлер также формулируется в терминах онтологии двойственного: отношения власти понимаются как неразрывность отношений тела, материальности и одновременно сигнификации [Жеребкина, Жеребкин 2018: 33] или дискурса и аффекта, в терминах Лаклау и Муффа, с которыми Батлер разделяет подход к сфере политического как «аффективного измерения». Основным текстом, анализируемым в этой главе является книга *Заметки к перформативной теории собрания*, в которой Батлер исследует парадоксальность и двойственность народного суверенитета на материале массовых народных собраний, которые она интерпретирует как феномен телесной перформативности, не ограничивающей, в отличие от лингвистической перформативности, сферу политического репрезентацией в языке [Жеребкина, Жеребкин 2018: 35]. Парадоксальный тезис Батлер в этой книге: особенность телесной преформативности в том, что она может реализовывать измерение политического даже при отсутствии вербальных политических высказываний и требований. Поэтому тела на улицах («тела политики» в терминах Батлер), даже если они лишены правовой и политической защиты не могут быть редуцированы к агамбеновской «голой жизни». Диагноз Батлер современной политической жизни как всегда амбивалентный: да, народные собрания как предположительная форма народного суверенитета являются преходящими, формируются и распадаются неожиданно, но одновременно и правительства, которые возникают и исчезают благодаря совместным действиям народа, также обнаруживают себя в качестве преходящих, так как когда они лишаются народной поддержки, они

сами нуждаются в легитимации народным суверенитетом [Жеребкина, Жеребкин 2018: 40–41]; да, современные политические неолиберальные режимы мобилизуют прекарное население (в том числе прогрессивные, например, феминистские политики) для легитимации государственного насилия и ведения войн, редуцируя народ к состоянию ксенофобной толпы, но в то же время возможны и альтернативные мобилизация и солидарность — не только реакционная, фашистская, направленная против этнических меньшинств, но как форма солидарности против власти и государственного насилия. Однако для того, чтобы реализовать эту возможность и для того, чтобы претендовать на статус народного суверенитета, телам недостаточно просто находиться на улице, прогуливаясь, не подвергая себя сознательно угрозе полицейского и военного насилия: они должны жить и дышать в ситуации риска, чтобы их жизнь становилась формой политического сопротивления [Жеребкина, Жеребкин 2018: 51].

Основные вопросы этой главы: в чем отличие народного от государственного суверенитета? Можно ли объявить себя народом без того, чтобы не поставить принципы демократического правления под вопрос? Почему политическая форма демократии и народный суверенитет — не одно и то же? Могут ли публичные собрания воплощать измерение политического и форму народной воли? В чём состоит основная ловушка современных стратегий государственного насилия? Могут ли стратегии анархизма противостоять государственному насилию? Как связаны прекарность человеческого существования и прекарность политических институций? и др.

Глава третья «Этика, или можно ли жить нравственно, проживая безнравственную жизнь» посвящена проекту реляционной этики («этики сожительства» в терминах Арндт) или «этики под напряжением», который также формулируется Батлер в терминах онтологии двойственного: под этикой под напряжением Батлер понимает совокупность подходов к этике, «которые уважают желание без того, чтобы прийти к эгоманиакальной защите своего собственного желания» [Жеребкина, Жеребкин 2018: 68]. Соответственно проблеме этики Батлер формулирует «как дилемму Сократа», в терминах которой этический выбор — это выбор между 1) желанием жить и 2) желанием жить хорошо или проживать хорошую жизнь (под понятием «хорошо» она понимает «жить нравственно», как это понимал и Сократ) [Жеребкина, Жеребкин 2018: 52]. Совместимы ли эти два человеческих желания, или этическая позиция предполагает, что субъект должен совершить нравственный выбор в пользу последней, ограничив тем самым свое естественное желание жить и выживать — ключевой вопрос этики в формулировке Батлер, зависимости от ответа на который философы делятся на два противоположных лагеря — «этических оптимистов» и «этических пессимистов».

Решающее значение для понимания этического выбора Батлер имеет то, что он осуществляется субъектом не в топологиях отдельности насилия и ненасиления, а в ситуации их симбиотической связи — как одновременно 1) аффект желания осуществить насилие по отношению к другому и 2) действие оборачивания субъекта против своего собственного насилия. Ненасилие в этом контексте понимается как «вязкая борьба» субъекта с самим собой, а насилие — как возможность этой борьбы и условие, без которого этическое вообще не может состояться [Жеребкина, Жеребкин 2018: 60–61]. Перед субъектом, стремящимся совершить этический выбор, неизбежно встает, как считает Батлер, ряд мучительных вопросов: возможно ли желание жить как этическое? Является ли неизбежным следствием желания жить агрессия? Может ли суицидальное действие быть средством достижения этического? Как возникает симбиотическая связь насилия и ненасиления? Как практиковать ненасилие как «вязкую борьбу» субъекта с самим собой? Возможен ли этический национализм? Как возникает эффект монструозности этического выбора? Почему нельзя отделять этическое от политического и какой должна быть этическая позиция критического интеллектуала? Как избежать ловушки «морального садизма»? и т. д. и т. п.

В четвертой главе «Эстетика, или о возможности чувствительной демократии» авторы уточняют, что задача Батлер — не создание теории эстетики, а концептуализация художе-

ственных практик как практик отнюдь не либеральной демократии (предлагающей только по первый взгляд альтернативные эстетические матрицы), а практик радикальной демократии, в качестве которых Батлер рассматривает творчество представителей «малой литературы» (Кафка как выразитель «негативного мессионизма» и «поэтики неприбытия») и непрофессиональное искусство (поэзия заключенных в Гуантанамо, пение участников массовых народных собраний и др.). Поэтому, как считают авторы, мы можем проследить у Батлер эстетический аспект перформативности, близкий теории риторических оснований общества Лаклау и Муффа, в которой эстетическое понимается не по критерию незаинтересованного суждения вкуса, как в традиционной эстетике, а по критерию возможности мобилизации аффективного измерения для артикуляции и одновременно дезартикуляции существующей политической гегемонии, т. е. для осуществления художественных практик как практик трансформизма и ресурса радикальной демократии [Жеребкина, Жеребкин 2018: 91–92]. Основные вопросы этой главы: как художественные практики могут выступать ресурсом стратегий радикальной демократии? Почему перформативность не может быть редуцирована к идее свободного творческого перформанса? Как избежать художественного консьюмеризма? Чем поэзия опасна для тирании и почему стихи заключенных из Гуантанамо представляют угрозу для Пентагона? Почему американское правительство запрещает пение американского гимна на испанском языке? В чем эстетическое значение движений Оссиру и Тахрир? Что такое радикальное равенство в философии и как современное искусство может противостоять дифференцированному отношению к хрупкости человеческих жизней? и т. д. и т. п.

Глава пятая «Психология, или о хрупкости психики власти» показывает, что Батлер размышляет о психике в терминах одновременно теории регуляции психического в психоанализе и в теории субъективации Мишеля Фуко, в которой подчинение выступает центральным моментом в становлении субъектом. В то же время, определяя психику не через понятие бессознательного, а через понятие *психэ*, Батлер стремится дистанцироваться, с одной стороны, от фрейдовского психоанализа, разделяющего, по её мнению, механизмы психической и социальной регуляции, а, с другой стороны, от концепции власти Фуко, которая, по её мнению, не учитывает интимные механизмы подчинения и фактически редуцирует *психэ* к социальному. С этой целью в книге *Психика власти: теории субъекции* (1997) она разрабатывает специальную теорию психики власти, в которой субъективация понимается как парадоксальный эффект режима власти, когда сами условия существования субъекта и возможность продолжения его социально признаваемого бытия требуют формирования и поддержания субъекта в подчинении. В то же время основной вопрос теории психики власти Батлер — это вопрос о возможностях эмансипаторных действий субъекта в ситуации психики власти как теории подчинения [Жеребкина, Жеребкин 2018: 133–134]. В этой главе исследуются вопросы: как функционирует «психика власти» и как формируется «страстная привязанность» субъекта к подчинению? Как психика власти функционирует в стратегиях постколониальности и могут ли они быть эмансипаторными? Как обнаружить уязвимость и хрупкость психики власти и чем может быть полезен для этого опыт софокловской Антигоны? В чем заключается этический жест Антигоны в чем состоял её сговор с Исменой? Что такое «меланхолический гендер»? Какая адрессация является неинтерпеллирующей? и др.

В шестой, заключительной главе «Теология, или о ловушках националистической коммерциализации», авторы формулируют тезис о том, что обращение к теологии возникает у Батлер в контексте вопросов об этике и политике одновременно, а также в контексте её увлеченности еврейской философской традицией, послужившей когда-то для неё толчком для пробуждения любви к философии (её юношеское увлечение витализмом и учением о страстях Спинозы и интерпретацией иудейской традиции Кьеркегором). В то же время философская позиция в отношении религии Батлер предполагает постановку вопроса о возможности такой версии теологии, которая содействовала бы практикам жизни в мире социальной плюральности и взаимодействия на основе различных национальных, религиозных и культурных

традиций [Жеребкина, Жеребкин 2018: 133–134]. Основные анализируемые в этой главе вопросы: может ли теологическая традиция вывести по ту сторону теории и практики национализма? Как теология помогает мыслить ситуацию сожительства? Можно ли использовать заповедь как стратегию неоднозначности интерпелляции? Почему дискурс теологии должен пребывать в перманентном кризисе? В чем специфика еврейства как субъект-формации «необладания» и что означает, по версии Батлер, «быть евреем»? Возможно ли противостоять геноцидным политикам с помощью стратегий «негативного мессианизма»? Как мыслить историю угнетенных в терминах «поэтики неприбытия» Кафки, и как Кафка превратился в новый «золотой стандарт» капиталистического рынка? Как становится возможной коммерциализация мессианского теологического измерения в условиях современного капитализма? и др.

Актуальны ли эти вопросы для нашего постсоветского социо-политического контекста сегодня? По мнению авторов книги, мы можем дать утвердительный ответ на этот вопрос, поскольку, по их мнению, не смотря на то, что «Батлер критикует свое правительство, свой национализм, свою религию, [...] в политических стратегиях, которые она анализирует, легко узнаваемы наши постсоветские, с которыми мы сталкиваемся в своем собственном политическом, экономическом и культурном контексте» [Жеребкина, Жеребкин 2018: 9]. Ведь, по словам авторов, в современной постсоветской диспозиции власти — так же как и в западной, эффективно осуществляется мобилизация различных «прогрессивных» субъективностей (в том числе феминистский, ЛГБТК, антиклерикальных), солидаризирующихся против так называемых «непрогрессивных» (гастарбайтеров, «ватников», «совков», проституток или беженцев из Донбасса, воспринимаемых как уже рожденных террористами) во имя ложной концепции свободы (например, свободы от ИГИЛ или от культуры так называемых «ватников» как недолюдей), легитимируя и рационализируя политики глобальной гражданской войны. В результате, как показывает Батлер, возникает новый тип капиталистической эксплуатации — жизни, которые являются «не совсем жизнями» и поэтому воспринимаются как «нехрупкие» и «негорестные», предназначение которых — сохранить и защитить «хрупкие» жизни «прогрессивных субъективностей» [Жеребкина, Жеребкин 2018: 9–10].

И, тем не менее, философский диагноз, который ставит Батлер современности, не может быть воспринят как однозначно пессимистический. Причина, возможно, в особом стиле Батлер, сочетающем, как было отмечено, пафос и иронию одновременно. В процессе чтения книги Ирины и Сергея Жеребкиных становится понятно, чего нет в философии Батлер и чего не следует от неё ждать: проповеди, морализаторства, компромисса, назидательности, отсутствия провокативности всех её теоретических разработок и понятий. Ирония Батлер вдохновляет и становится перформативной демонстрацией того, что в философии как критической теории присутствует возможность опережать и дезориентировать политики власти, какими бы гибкими и эффективными они не были. Поэтому главный урок Батлер, по словам авторов книги, заключается в том, что «сколь бы паралаксной ни была практика современной власти, оперирующей на уровне онтологии войн, критическая мысль может работать на таком уровне невозможного, который недоступен даже паралаксным ловушкам современного капиталистического насилия» [Жеребкина, Жеребкин 2018: 10].

По своему стилю книга *Война и мир Джудит Батлер* также исполнена в форме перформативного повторения, в каком-то смысле пародизирующего тексты Батлер и подчёркивающего, что это прочтение является экспериментальным введением в чтение Батлер, предлагающим начало дальнейшего непредсказуемого обсуждения. Ведь можно прочесть её и по-другому — Батлер дает и такую возможность.

- Батлер Дж. 2018б. *Психика власти: теории субъекции* — СПб.: АЛЕТЕЙЯ.
- Батлер Дж. 2018в. *Фрейми війни: Чиї життя оплакують?* — Київ: Медуза.
- Жеребкіна І, Жеребкін С. 2018. *Война и мир Джудит Батлер*. — СПб.: АЛЕТЕЙЯ.
- Николчина М. 2003. *Значение и материубийство. Традиция матерей в свете Юлии Кристевой*. — М.: Идея-Пресс.
- Нуссбаум М. 2018. Профессор пародии. — *Syg.ma*. — 28.03. — Доступно: <https://syg.ma/@dmitry-sereda/marta-nussbaum-professor-parodii>. — Проверено: 10.12.2018.
- Butler J. 2010. *Frames of War: When Is Life Grievable?* — London, New York: Verso.
- Butler J. 2015. *Notes Toward a Performative Theory of Assembly*. — Cambridge, London: Harvard University Press.
- Salih S. 2002. *Judith Butler (Routledge Critical Thinkers)*. — New York: Routledge.
- Salih S., Butler J. 2003. *The Judith Butler Reader*. — Wiley-Blackwell.

НАШИ АВТОРЫ

Волкова Анастасия Сергеевна — старший лаборант-исследователь Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (ihst@ihst.nw.ru)

Давыдов Алексей Платонович — доктор культурологии, главный научный сотрудник Центра социологии, управления и социальных технологий Института социологии Российской академии наук (apdavydov@gmail.com)

Девятирова Анастасия Игоревна — кандидат политических наук, бизнес-аналитик, ЭкоПром (г. Санкт-Петербург) (igorevnanastya@mail.ru)

Дерлугьян Георгий Матвеевич — PhD (социология), профессор, профессор Нью-Йоркского университета в Абу-Даби (Объединенные Арабские Эмираты) (gd44@nyu.edu)

Евдокимов Николай Анатольевич — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, социологии и философии, Башкирской академии государственной службы и управления (bagsu_opi@mail.ru)

Киселев Константин Викторович — кандидат философских наук, доцент, депутат Екатеринбургской Городской Думы 6 и 7 созывов, политконсультант (kiselevkv@yandex.ru)

Клямкин Игорь Моисеевич — доктор философских наук, профессор, вице-президент Фонда «Либеральная миссия» (iklyamkin@hse.ru)

Коргунюк Юрий Григорьевич — доктор политических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом политологии Фонда «Информатика для демократии (ИНДЕМ)», главный редактор Базы данных «ПартАрхив», главный редактор бюллетеня «Партинформ» (partinform@mail.ru)

Котельников Сергей Иванович — кандидат технических наук, старший научный сотрудник, независимый исследователь (Россия) (kketl@list.ru)

Кузнецов Анатолий Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (kuznetsov.2012@mail.ru)

Летняков Денис Эдуардович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник сектора истории политической философии Института философии Российской академии наук (letnyakov@mail.ru)

Любарев Аркадий Ефимович — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института биохимии им. А.Н. Баха Российской академии наук, эксперт Движения в защиту прав избирателей «Голос», эксперт «Комитета гражданских инициатив» (lyubarev@mtu-net.ru)

Михалева Галина Михайловна — доктор политических наук, кандидат философских наук, Dr. phil. Бременского университета, профессор кафедры культуры мира и демократии факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета, член Экспертной группы «Европейский диалог» (gmmichaleva@gmail.com)

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора философских проблем социальных и гуманитарных наук Института философии Российской академии наук (abaelardus@mail.ru)

Перфильев Юрий Сергеевич — аспирант Российского государственного гуманитарного университета (perforator.2007@mail.ru)

Рац Марк Владимирович — доктор геолого-минералогических наук, профессор, независимый исследователь (Иерусалим, Израиль) (ratz.mark@gmail.com)

Рижинашвили Александра Львовна — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (ihst@ihst.nw.ru)

Рубцов Александр Вадимович — кандидат философских наук, руководитель сектора философских исследований идеологических процессов Института философии Российской академии наук (h.puck@mail.ru)

Слепцов Борис Георгиевич — Diplom-Mathematiker / Doctor rerum naturalium [Математик / Доктор естествознания (нем.)], независимый исследователь, г. Леверкузен (Германия) (sleptsov@ish.de)

Синельникова Елена Федоровна — кандидат исторических наук, ученый секретарь Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (sinelnikova-elena@yandex.ru)

Шашкова Ярослава Юрьевна — доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии Алтайского государственного университета (yashashkova@mail.ru)

Шпагин Сергей Александрович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политологии факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (shpagin@sibmail.com)

Чебану Ксения В. — Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина (kschebanu@gmail.com)

Summaries and keywords

Rubtsov A.V. Civilization Choice in the Post-Soviet Context: Real and False Goals

Summary: The paper presents the analysis of the problem concerning civilization choice as the need to change the vector of development — overcome fatal depending on commodity export and import of goods and technologies. The author examines the institutional and political reasons for the hidden escape from the problem and the replacement of it by a kind of conservative idealism with explicit traditionalist slant. The ideology of an ambitious raw material appendage is regarded in the light of the development of external traits of post-colonial consciousness with signs of narcissistic disorder. Revealed simulations of identity in this kind of ideology demonstrate increasing exhaustion in conditions of search of exit from postmodernity.

Keywords: civilizational choice, commodity dependence, changing vector of development, course change of official ideology, postcolonialism, narcissistic disorder on the subject level, exit from postmodernity.

Kuznetsov A.M. Some General Issues of Theory and Epistemology in the Analysis of Dynamics and Autopoiesis of Social and Political Systems Reproduction

Summary: It is noted in the article questions of stability and development of social and political systems haven't received adequate attention in literature yet. One of the reasons of this situation was postmodern challenge under the influence of which concepts of political, socio-political systems, actually, have been discredited. However in the sphere of natural sciences system paradigm continued to develop successfully. Bad experience of using natural-science developments for the solution of social and humanitarian problems and attempts of creation socio-political systems theories on the basis of the ideas of sociology and political sciences can be overcome due to use of concepts general scientific character. Their further implementation into social and political sphere must be made by taking into account her anthropological measurement, acceptance of a role the environment and returning to correct understanding of structure systems. With this consideration in mind concepts of complexity, an autopoiesis, operational isolation and observation can be used for the decision at the new level of problem of stability and reproduction of social political systems.

Keywords: social and political system, system paradigm, autopoiesis, observation.

Letnyakov D.E. Anti-Communist Revolution of 1991: Towards a Demarginalization of the Term

Summary: The article argues that it is possible to use the concept of “revolution” relative to the events of Perestroika and the collapse of the Soviet Union. The author critically analyzes the

terminological alternatives proposed in academia (coup, counter-revolution, revolution from above, etc.), as well as the arguments that the collapse of the USSR didn't look like a classical revolution. In addition, the paper attempts to determine the character and time frame of the anti-communist revolution.

Keywords: revolution, Perestroika, anti-Communism, collapse of the USSR, nationalism, post-Soviet states.

Ratz M.V., Kotelnikov S.I., Sleptsov B.G. Power or Governance? Chapter 6. A Kind of Conclusion. What Do We Want from the Authorities and What Should We Do Ourselves to Implement Our Wishes?

Summary: The article completes the series of publications of the authors in the years 2014 — 2017. Some questions of the methodology of social transformations are considered, primarily in connection with the problem of Russia's exit from the “rut” of successive reforms and counter-reforms. The specifics of working with social ideals, in contrast to directly implemented social projects, are discussed. The notion of the ideal of Development is introduced and its most important aspects are considered. Development and Right are proposed as the constitutional regulation framework for ideology and politics.

Keywords: methodology, social transformations, Russia, ideals, Development, Right, ideology, policy/politics.

Davydov A.P. Russia: Socio-Cultural Foundations of the Moscow-Horde Politarian Complex of Managing Power (XII century – 1917)

Summary: This article — about the syncretic mechanism of “power-property-management”, which originated in the Vladimir-Suzdal principality in the XII century. This system was finally formed in the Moscow-Horde imperial-tribal way of managing the country in the XIII–XIV–XV centuries. It was a political support of the Moscow kingdom / Russian empire over the next centuries and remained in Soviet and then in post-Soviet Russia almost unchanged. This pre-state control mechanism has a permanent structure — “autocracy”, “serfdom”, “corrupt official”. In this article, it is referred to as “politarian” (the term of the historian Yu.I. Semenov). The growing split between the politarian system and democratic shifts in the course of the anti-serf reform on February 19, 1861, the Stolypin reform (1906–1911), the liberalization of the government in accordance with the manifesto of October 17, 1905, the events of 1917 is analyzed. 1861–1917 they did not win — the stratum of the historically formed ordinary consciousness was too large. The Bolshevik revolution was the victory of the most soil of all the revolutionary parties that fought for power in 1905–1917 and, therefore, most interested in preserving the Russian politarian system. It is assumed to continue the study of the Russian politarian system in the Soviet and post-Soviet modifications with the formation of the methodology for its reform.

Keywords: Russia, power, property, management, monopolies, pre-state elements, reform of 1861, Stolypin reform, manifesto October 17, 1905, revolution of 1917, oligarchs.

Derluguian G.M. The Highland Princes, Party Protégés and Tomato Dealers: Two Hundred Years of Social Evolution of the Adyghe Elite

Summary: In the article, on the basis of a wide range of historical materials and the results of sociological observations, the power and managerial design of Adygheya is analyzed. The author

believes that for the time being in Adygheya and in the nearby centers (Krasnodar, the resorts of the Black Sea Coast) a new anti-elite is being formed — the Adyghe gangsters and racketeers acting on the already divided illegal space patriarchally united and very cruel.

Keywords: Adygheya, shadow economy, tribalism, world system, nepotism, anti-elite, provincialism.

Sinelnikova E.F. Legislative and Regulatory Framework of Relations between Authorities and Scientific Societies in the First Post-revolutionary Years

Summary: The article is devoted to the study of legislative and regulatory framework for the relationship between government and scientific societies in the initial period of the history of the Soviet state and law, when there was a revolutionary renewal of statehood during social, political and economic transformations. The study is based on archival sources from the funds of scientific societies and scientific and administrative power bodies stored in the State Archives of the Russian Federation and the Central State Archives of St. Petersburg. In addition, the article focuses on the first legislative acts of the Soviet government, which defined the conditions and regulated the functioning of scientific societies. The study of legislative and regulatory acts adopted in the period from October 1917 to August 1922, allows identifying features of the relationship of scientific societies and the Soviet government at the initial stage of the formation of the state organization of science.

Keywords: Scientific societies, legislative and regulatory regulation, power and society, administrative practice, history of national science, the first post-revolutionary years, Soviet power, Provisional Government.

Rizhinashvili A.L., Volkova A.S. “Protective Painting” in Hydrobiology: the Scientist's Compromise between the Ideology of Conquest and Environmental Attitudes in the 1930s – 1940s in the USSR

Summary: It is well known that Russian mass consciousness identifies ecology science and environmental practice. The roots of this identification have a basis in the special nature of the activities of environmentalists in the USSR during The great terror (1930–1940-ies). In order to defend their right to independent research, they tried to promote and implementation environmental principles. In the conditions of the ideology of conquest of nature imposed by the authorities, scientists used a model of behavior called “protective coloring”. On the example of program of works hydrobiologist V.I. Zhadin is shown evident protection of environmental facilities business ecologist, applied sincerely share the official views. From the very beginning Zhadin appeared in his works in such a way that later under ideological pressure he did not have to make significant concessions and repent of his own beliefs. All this not only allowed him to work calmly in turbulent times, but also to carry out valuable environmental proposals. It is assumed that sincere service to the ideology of the restructuring of nature saved the scientist and his research team from repression.

Keywords: totalitarian regime, “cultural revolution”, history of ecology, history of Hydrobiology, V.I. Zhadin.

Klyamkin I.M. Monitoring Political Developments: Facts and Comments

Summary: We continue to publish the Facebook diary texts by Professor I.M. Klyamkin. This issue includes entries from September to November 2018, the author continues to consider the

intention of the Russian authorities to implement the technological and social-economic breakthrough and the preparation for its implementation, evaluates the prospects of this policy, financial security which is largely entrusted to the people. In foreign policy, I.M. Klyamkin still pays a lot of attention to the Ukrainian direction — the published texts analyze the events that demonstrate the finally obvious inconsistency of positions in the Minsk-Normandy negotiation format and the exhibition of the peacekeeping potential of this format. The Ukrainian theme is also touched upon in critical notes about the mentality in the Russian liberal environment, where the incomplete of Ukrainian reforms is beginning to be interpreted as their failure. The author is also interested in the dynamics of public sentiment in a number of other texts — in particular, concerning Russian history and perception of its various aspects. I.M. Klyamkin was actively engaged in the network discussions during the the 25th anniversary of the tragic events of the autumn of 1993 involving his texts of previous years to justify the protected position. Another selection of I.M. Klyamkin's notes deserves, in our opinion, consideration of those who are interested in what is happening in the country and its conceptualization.

Keywords: Russia, Ukraine, technological breakthrough, Minsk agreements, Donbass election, Russian liberals.

Shashkova Ya.Yu., Devyatiyarova A.I. Parties and Elections in the Altai Territory in the 1990s – early 2010s

Summary: The article analyzes the status and functions of parties in the Russian political system as well as reveals the reasons for their differences from the Western version which was borrowed during the political transformations of the 1990s. Based on data on the composition of party factions in the region parliaments of Western Siberia and sociological surveys, the authors prove the discrepancy between the formal and informal institutional content of Russian parties. The thesis of the close relationship between the transformation of Russian parties into channels for promoting particular or business interests, their active use of modern marketing methods of political activity, and the steady de-legitimization of this institution in the mass consciousness is substantiated.

Keywords: political parties, political institutions, party functions, political transformations, regions of Western Siberia.

Lyubarev A.E., Shpagin S.A. Party Reform and Dynamics of Inter-party Competition in Regional Elections 2012–2018

Summary: The article analyzes how the party reform of 2012, which increased the number of political parties in the country, influenced the results of elections and the composition of regional parliaments in 2012–2018. It is shown that in 2012–2013, when parties were freely admitted to the elections, inter-party competition increased, but this had little impact on party representation in the legislative bodies of the regions. After the majority of parties were again required to collect voters' signatures for admission to the elections in 2014, inter-party competition began to decline, and the dominance of United Russia increased. This trend changed only in 2018 due to changes in the political situation in the country.

Keywords: regional elections, political parties, the effective number of parties.

Korgunyuk Yu.G. Party Reform and Changes in the Structure of Electoral Dissociations

Summary: The article analyzes from the perspective of the cleavage theory the results of elections to regional assemblies by party lists (2012–2014). It is stated that increasing number of electoral participants led to multiplication of political dimensions and, indirectly, of electoral cleavages. From this point of view, the 2012–2014 regional elections are regarded as an experimental field for running new ways of providing electoral results the Kremlin needed. Increased political competition in some regions is interpreted as an effect not so much of new participants' appearance as of easing the pressure on voters dependent on the state. It is also noted that the tendency to tightening the requirements for election participants since 2014 immediately led to a decrease in the number of electoral and especially political cleavages.

Keywords: cleavage theory, political parties, electoral cleavages, political cleavages, elections to regional assemblies.

Mikhaleva G.M. Party Reform and Regional Party Systems

Summary: Moscow is a capital with an abundance of resources, concentration of capital and elite, increased activity of citizens, so the elections here have a test character for the whole country. Deep social divisions and regional heterogeneity play a significant role. In addition, any elections in Moscow are related to the Federal agenda. By the rigidity of electoral authoritarianism, Moscow is ahead of many regions of the country, to ensure the desired result; the authorities use a wide range of different resources here. Despite the mass protests that preceded the elections to the Moscow city Duma in 2014, the authorities managed to ensure the necessary result without using falsifications: no representative of the non-parliamentary opposition received a mandate.

Keywords: Moscow, elections, heterogeneity, administrative resource, mayor, Moscow city Duma, mass protests, political machine, election campaign, turnout, known result.

Kiselev K.V. Sverdlovsk Region: Atypical Typicality

Summary: The article analyzes the political processes that took place in the Sverdlovsk region in the electoral cycle of 2011–2016. The technologies used in the elections are investigated in detail. It shows how the processes were gaining momentum, which ultimately led to the fact that the Sverdlovsk region gradually lost its political uniqueness. The article uses the data of the initiative post-electoral research conducted after the completion of the election of the Head of Yekaterinburg-Chairman of the Yekaterinburg City Duma, in which E. Roizman won.

Keywords: Sverdlovsk region, political parties, elections, E. Roizman, political technologies, political identity.

Shashkova Ya.Yu. Parties and Elections in the Altai Territory in the 1990s – early 2010s

Summary: The article analyzes the trends of party and electoral processes in the Altai Region, shows the impact on them of the socio-economic and socio-cultural characteristics of the region, monocentric political regime. Based on data on the activities of party organizations and electoral statistics, the author characterizes the party field of the Altai Region of the 1990s–2010s as limited, structured and stable. The thesis was proved the change of electoral ratings of parliamentary parties in the region in the 2010s was connected neither the emergence of new parties nor a change in the

value preferences of voters. It was associated with the disappointment of the population in the ability of the current government to solve the remaining socio-economic problems.

Keywords: political parties, elections, Altai Region.

Perfil'yev Yu.S. Elections to the Legislative Assembly of the Irkutsk Region in 2013

Summary: The analysis of the results and the applied political technologies in the framework of the election campaign to the Legislative Assembly of the Irkutsk Region in 2013 is proposed. A content analysis of the content of the election platforms of political parties participating in the elections was conducted; the strengths and weaknesses of the election campaigns of each election participant were identified.

Keywords: political parties, elections, electoral process, political technology.

Yevdokimov N.A. Political Parties after the 2013 Elections in Bashkortostan

Summary: The Republic of Bashkortostan is a region with a high level of control over electoral processes and a significant administrative resource. The branches of political parties in the republic are deprived of political independence. Attempts by parties to declare their own position actually lead to the fact that they are deprived of real political prospects and opportunities in the region. The processes taking place within the political elite of the Republic, as well as the specifics of the development of interethnic relations also have a significant impact on the development of the regional party system.

Keywords: Republic of Bashkortostan, political process, elections, regional party system, election campaign, electoral history, administrative resource.

Neretina S.S. About the Techniques of Thinking Speech by V.V. Bibikhin

Summary: The article is devoted to the philosophy of the outstanding and internationally recognized Russian philosopher Vladimir Veniaminovich Bibikhin (1938–2004), whose ideas are the subject of numerous conferences, “round tables”, seminars, philosophy schools, articles by his colleagues, listeners and students. In this paper, the Bibikhin's philosophy is presented through the description of the techniques of his thinking speech: return, shrewdness, intimacy, interrogativeness, grasping, and delay effect. Bibikhin interested in the world as it is, the fullness of him. “Language of Philosophy”, “Forest”, “World”, “Property”, “Another beginning”, “The Internal Form of Word”, “Know Yourself”, “Changing Aspect” — all these books representing a record of thinker's lectures delivered at the philosophical faculty of Moscow State University. However, the topics deployed by Bibikhin's philosophy were much broader: “The ontological foundations of truth”, “State and law in the "Politics" of Aristotle and other authors”, “Race for the Being. Achilles and the tortoise”, “Search for one's own in "Alcibiades" by Plato” and more. The close relationship of the thinker with the ancient tradition, above all the Aristotelian is showed. Examples of critical analysis of his philosophy are given.

Keywords: Bibikhin, philosophy, technique, reversibility, aspect, energy, law, shrewdness, intimacy, interrogativeness, speech.

Bibikhin V.V. Excerpt from the First Section of the Book: An Introduction to the Philosophy of Law. — Moscow: Dmitry Pozharsky University, 2013

Summary: The journal “Political Conceptology” publishes a fragment of the book by V.V. Bibikhin “Introduction to the Philosophy of Law”.

Keywords: Bibikhin, philosophy, law.

Chebany K.V. Introduction to the Reading of Butler (Book Review on Irina Zherebkina, Sergey Zherebkin. War and Peace by Judith Butler. — Saint-Petersburg: Aleteia, 2018. — 157 P.

Summary: The aim of the reviewed book is to introduce to the Russian speaking audience the contemporary American philosopher Judith Butler not only as a feminist and a queer theorist, but as a contemporary political philosopher who interprets contemporary politics and practices of resistance in terms of the new ontology of the social, the ontology of precarity, whose conceptual apparatus allows to productively research theoretical and practical issues which we are relevant in our post-Soviet political, economic and cultural context.

Keywords: political ontology, performativity, precarity, psychic life of power, radical democracy.

CONTENTS

GENERAL PROBLEMS OF POLITICAL CONCEPTOLOGY

Rubtsov A.V.

Civilization Choice in the Post-Soviet Context: Real and False Goals..... 6

Kuznetsov A.M.

Some General Issues of Theory and Epistemology in the Analysis of Dynamics and Autopoiesis of Social and Political Systems Reproduction..... 22

Letnyakov D.E.

Anti-Communist Revolution of 1991: Towards a Demarginalization of the Term..... 32

Ratz M.V., Kotelnikov S.I., Sleptsov B.G.

Power or Governance? Chapter 6. A Kind of Conclusion. What Do We Want from the Authorities and What Should We Do Ourselves to Implement Our Wishes?..... 48

THE LIVING PAST

Davydov A.P.

Russia: Socio-Cultural Foundations of the Moscow-Horde Politarian Complex of Managing Power (XII century – 1917)..... 80

Derluguian G.M.

The Highland Princes, Party Protégés and Tomato Dealers: Two Hundred Years of Social Evolution of the Adyghe Elite..... 99

SCIENCE AND POWER

Sinelnikova E.F.

Legislative and Regulatory Framework of Relations between Authorities and Scientific Societies in the First Post-revolutionary Years..... 133

Rizhinashvili A.L., Volkova A.S.

“Protective Painting” in Hydrobiology: the Scientist's Compromise between the Ideology of Conquest and Environmental Attitudes in the 1930s – 1940s in the USSR..... 143

POLITICAL SCIENCE REPORTAGE

Klyamkin I.M.

Monitoring Political Developments: Facts and Comments..... 154

CHAIR: MODERN PARTY SYSTEMS

Shashkova Ya.Yu., Devyatyarova A.I.

Parties and Elections in the Altai Territory in the 1990s – early 2010s..... 180

<i>Lyubarev A.E., Shpagin S.A.</i> Party Reform and Dynamics of Inter-party Competition in Regional Elections 2012–2018...	189
<i>Korgunyuk Yu.G.</i> Party Reform and Changes in the Structure of Electoral Dissociations.....	208
<i>Mikhaleva G.M.</i> Party Reform and Regional Party Systems.....	236
<i>Kiselev K.V.</i> Sverdlovsk Region: Atypical Typicality.....	246
<i>Shashkova Ya.Yu.</i> Parties and Elections in the Altai Territory in the 1990s – early 2010s.....	259
<i>Perfil'yev Yu.S.</i> Elections to the Legislative Assembly of the Irkutsk Region in 2013.....	267
<i>Yevdokimov N.A.</i> Political Parties after the 2013 Elections in Bashkortostan.....	278

IN MEMORY OF V.V. BIBIKHIN

<i>Neretina S.S.</i> About the Techniques of Thinking Speech by V.V. Bibikhin.....	284
<i>Bibikhin V.V.</i> Excerpt from the First Section of the Book: An Introduction to the Philosophy of Law. — Moscow: Dmitry Pozharsky University, 2013.....	290

BOOK SHELF

<i>Chebany K.V.</i> Introduction to the Reading of Butler (Book Review on Irina Zherebkina, Sergey Zherebkin. War and Peace by Judith Butler. — Saint-Petersburg: Aleteia, 2018. — 157 P...)	318
Authors	325
Summaries and keywords	327
Contents	334
Notes for contributors	336

К сведению авторов

Предварительно автор должен подготовить рукопись статьи в соответствии с требованиями к оформлению статей. Далее рукопись необходимо отправить на электронную почту редакции konstantinov@sfedu.ru, konstms@gmail.com (просьба дублировать на оба адреса) с пометкой «Статья для электронного журнала „Политическая концептология“». Статьи, оформленные не надлежащим образом, не принимаются к рассмотрению. После поступления в редакцию рукопись проходит обязательное рецензирование, по результатам которого принимается решение о публикации статьи или отказе. Редакция не знакомит авторов с текстом внутренних рецензий, а только уведомляет по электронной почте о решении относительно публикации и ее условий (срока и формы публикации, необходимости доработки). В случае, если статья нуждается в авторской доработке, автору высылается отзыв рецензента. Редакция оставляет за собой право правки текстов, не наносящей вред искомым идеям автора статьи. Рукописи не возвращаются. Все статьи публикуются бесплатно вне зависимости от статуса автора.

Требования к оформлению статей

1. Статья должна быть объёмом не более 1,5 а. л. — 60 тыс. знаков, набрана в формате *.doc* (*Microsoft Word* или *OpenOffice.org*).

2. В начале статьи приводится аннотация (не более 1000 символов) на русском и английском языках, а также сведения об авторе: Ф.И.О. полностью, учёные степени и звания, должность, место работы, телефоны (рабочий и домашний с кодом города), электронный адрес (обязательно).

3. Параметры текста: шрифт *Times New Roman*, 12 кегль, интервал 1, поля: сверху и снизу — 2 см, справа и слева — 2 см. Выравнивание текста: по ширине. Абзацный отступ (красная строка): 1 см. Нумерация страниц: не ведётся. Рисунки – чёрно-белые и внедрены в текст.

4. Допускается использование шрифтов *Arial* и *Courier New* для обособленных фрагментов текста. Допускается использование шрифта меньшего размера для участков текста, имеющих вспомогательное (второстепенное) значение. Размер шрифта табличного текста обычно на 2 пункта меньше размера шрифта основного текста. Рисунки можно присылать цветные, но следует иметь в виду, что журнал публикуется чёрно-белым.

5. Сноски даются в тексте, в квадратных скобках: [Фамилия год: страница].

6. Библиографический список оформляется следующим образом:

Фамилия И.О. Год. *Название работы*. – Город: Издательство. – Количество страниц.

Фамилия И.О. Год. *Название статьи*. – *Название журнала*. – Номер. – С. ... .

Фамилия И.О. Год. *Название источника*. – Доступно: <http://URListochnika/> . – Проверено: Дата.